

Григорий Веков

ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕНИ

Москва
2010

Автор приносит извинения
за отсутствие корректуры текста

Веков Г.

Философия времени / Григорий Веков — М. : Книга по Требованию, 2010. — 786 с.

ISBN 978-5-4241-0010-9

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

РАЗДЕЛ I РАЗУМ И ВРЕМЯ

А. Современная философия.....	11
-------------------------------	----

Часть 1. ТОПОЛОГИЯ РАЗУМА

Глава 1. Топология метафизической мысли.....	23
--	----

Глава 2. Метафизика реальности	99
--------------------------------------	----

Часть 2. ОНТОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ

Глава 3. Граница бытия и небытия	225
--	-----

Глава 4. Основание рационального мышления.....	342
---	-----

Часть 3. АРХИТЕКТОНИКА БЫТИЯ

Глава 5. Рациональное мышление	408
--------------------------------------	-----

Глава 6. Тензоры онтологической симметрии	455
--	-----

РАЗДЕЛ II ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

В. Общие размышления	555
----------------------------	-----

Часть 4. РЕАЛЬНОСТЬ

Глава 7. Рациональная ревизия	563
-------------------------------------	-----

Глава 8. Рациональная оценка.....	618
-----------------------------------	-----

Часть 5. СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ

Глава 9. Разумная реальность.....	674
-----------------------------------	-----

Глава 10. Фракталы объективности.....	719
---------------------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕНИ

«для всех и ни для кого»

Когда современные «мыслители» говорят о «конце философии», то, прежде всего, они говорят НАМ о самих себе, — о собственной беспомощности, в которую желают погрузить всё и всех. Но МЫ не можем долго и всерьез разбираться с наступившим для них «безвременьем», — время никого не ждет, разрывая сон вечности своим сокрушительным потоком, осмыслить который и одновременно слиться с которым заново дерзает «философия времени».

Это предисловие написано для того, чтобы дать почувствовать то мощное и стремительное течение времени, которое чувствуем МЫ, и без чего постигнуть эту книгу будет решительно невозможно, без чего она просто утомит или оттолкнет. И еще: это предисловие позволит воспринять образное понятие «МЫ», часто встречающееся в этой книге, как особую разумную реальность, говорящую с вами здесь и сейчас о самых важных вещах.

Под рыхлым покровом общества массового потребления происходит незримая тектоническая работа глубинных слоев человеческой психики. Дионисическая основа бытия после долгого безвременья и распада вновь собирается с силами, чтобы однажды, внезапно и играючи, сбросить с себя всё наносное, одряхлевшее, отжившее свой век. Так было уже не раз. И не только в истории человечества. Это неизбежно происходит и в каждой отдельной человеческой судьбе. Только поверхностное бытие протекает гармонично и линейно. Но архитектоника человеческой психики в самой своей глубине является топологичной, дискретной,двигающейся от одного рубежа к другому странными, долго подготавливаемыми, непости-

жимыми, «сакральными» рывками. Новое состояние, новая расстановка внутренних сил, новое понимание приходит «вдруг» как долгожданное решение для затянувшейся драмы или трагедии гибнущей, прежней, старой души. Как смерть и как возрождение. Эта сила, это «время», это «повелительное нечто» крайне сурово и безжалостно, оно с неумолимостью надличностного нравственного закона переутверждает все основы человеческого бытия. Мир словно заново рождается и распахивается, обдавая душу утренней свежестью, бодростью, цельностью, будущностью, ощущением того, что МЫ движемся вместе с ним в мощном и полнокровном единстве. Это единство и это движение пытается выразить и осмыслить «философия времени».

Философия не закончилась, она разворачивается с еще большей силой вместе с нарастающим потоком времени, как волей к власти homo sapiens. В «Философии времени» рождаются и продумываются такие идеи и темы как:

бессознательное воздействие инстинкта смерти на развитие человеческого разума, понимание которого заново переосмысляется и резко противопоставляется человеческому рассудку (массовому интеллекту),

не-биологическая онтология природы человеческого разума и расы homo sapiens, основанная на новой онтологии времени,

эстетические и этические тензоры сознания (ценности) как формы высшей (разумной) психической деятельности,

топологический (в отличие от линейного) и иерархический характер существа человеческой психики и человеческой истории,

высшая (патриархальная, разумная) культура и её принципиальные отличия от низшей (матриархальной, массовой) культуры,

расовая катастрофа, применительно к западноевропейской и российской цивилизации,

мифологизация современной науки (включая психологию), превращающейся в мертвые стереотипы обыденных представлений и главный тормоз развития высших (разумных) начал человека,

историческое прошлое и всемирно-историческое будущее России.

В «философии времени» на новом уровне раскрывается природа высшей психической деятельности человека (разума) на основании действия бессознательного инстинкта смерти, заново переосмысливается понятие высшего человека как *homo sapiens*, перманентно причастного к полю сознания смерти и постоянному действию «разумного мирового духа» в душе.

Авторитетными предтечами этой философии заявляются Платон, Гегель, Ницше, Шпенглер, идеи и понятия которых используются здесь для новых целей, критически и исторически переосмысливаются и развиваются.

Все идеи этого объемного «текста» многократно повторяются, прокручиваются, переплетаются со вполне очевидной целью: пробудить и увлечь «философией времени» разумные основания читателя, заставить содрогнуться всё здание его обыденных представлений о себе и той исторической реальности, которая его окружает.

Эта философия обращена прежде всего к тем русским людям, в сердцах которых одновременно протекают, свершаются два основных современных всемирно-исторических проекта: Закат Европы Шпенглера и Утренняя заря Ницше. Поэтому закончить это предисловие я хочу словами именно этого последнего философа Европы (и первого философа будущего):

«Есть тысячи троп, по которым ещё никогда не ходили, тысячи здоровий и скрытых островов жизни. Всё ещё не исчерпаны и не открыты человек и земля человека.

Бодрствуйте и прислушивайтесь, вы, одинокие! Нелюбимыми взмахами крыл веют из будущего ветры; и до тонких ушей доходит благая весть.

Вы, сегодня ещё одинокие, вы, живущие вдали, вы будете некогда народом: от вас, избравших самих себя, должен произойти народ избранный и от него — сверхчеловек.

Поистине, местом выздоровления должна ещё стать земля! И уже веет вокруг неё новым благоуханием, приносящим исцеление, — и новой надеждой!»

Дмитрий Фьюче

I
РАЗДЕЛ

РАЗУМ И ВРЕМЯ

А. Современная философия

Объектом нашего метафизического исследования является время как онтологическая сущность, поскольку философия, по существу, есть область мышления, в которой реальность выводится не из непосредственного чувственного восприятия, а из неуничтожимого начала бытия. Если это начало не определено, то философии не существует как предмета мышления, ибо тогда все явления, которые отображаются в сознании человека, представляют собой только область физического мира.

То, что первоначально характеризует онтологию времени — нелинейность сознания исторического времени в потоке мировых событий, впервые указал Ницше в мозаике эстетических контуров мировой истории, а Шпенглер, как известно, довел эти контуры до определенной топологии смены различных мировых цивилизаций, внутренне взаимосвязанных фракталами достижений той или иной высшей культуры. Исторические фракталы, будучи различны, как, например, др.греческая скульптура и др.египетские пирамиды, взаимосвязаны внутренне последовательностью смены процессов, начиная от Темных Веков и заканчивая гибелью цивилизации в неразумном образе жизни мирового мегаполиса. Таким образом, диалектика философии истории Гегеля вполне описывает эту «спираль» каждого из «витков» мировой истории, однако не дает объяснений сущности подобной топологии разума. Разум гегелевской диалектики оказывается «одномерной» структурой, которая, в силу одномерности времени как линейного процесса, становится подвластной человеческому разуму. Очевидно, что рассуждения о «конце мировой истории», присутствующие в философии Ге-

геля, вполне закономерны с точки зрения линейной природы времени.

Рассуждая о начале бытия во времени, мы полагаем, что его топологический характер смены различных мировых цивилизаций отображает действие мировой воли как силы, которая выходит за пределы понимания возможностей человеческого разума. Это, выходящее за пределы человеческого понимания существо мировой воли, как известно, открыл Шопенгауэр, поэтому мы полагаем нашими предшественниками в понимании начал бытия во времени философию Шопенгауэра и Ницше. То, что эта шопенгауэровско-ницшеанская философия не имеет своей отчетливой рациональной основы, говорит лишь об ее интуитивистском принципе, но ни как об отсутствии рациональных контуров, заложенных здесь эстетическими предпосылками сознания, поскольку если эстетическое основание сознания отсутствует, то отсутствует и разум как средство познания окружающего мира.

Как известно, эстетическим основанием рациональной психологии в линейной концепции времени является учение о субъективном априорном восприятии у Канта. Однако это именно то, от чего мы отказываемся в пределах онтологической природы времени, в которой время воспринимается как определенного рода сакральное существо. Можно, конечно, в пределах интуитивистских начал шопенгауэровско-ницшеанской философии рассуждать о «злом» существе мировой воли, о жизни «по ту сторону добра и зла», но разум, в отличие от интуиции, требует разобраться в самом объекте исследования по существу. И здесь, в первую очередь, возникает задача глобального переосмысления природы человеческой психики, которая вплоть до 20 века понималась как некая простая механическая модель, почти отождествлявшаяся с психикой животного, когда, вероятно, именно за счет этого максимального упрощения процессов человеческой психики западноевропейские школы смогли создать законченные научные философские системы.

...

Первое, что характеризует онтологическую природу времени в нашем представлении — это то, что в самом простом своем упрощении оно воспринимается как топологическое поле множества подобных исторических событий, а не как прямая линия. Мы полагаем, что топологическое поле онтологии времени схватывается эстетическими тензорами сознания в объектах высшей культуры, где выявляется сакральная сущность мирового духа исторических событий. В концепции Шпенглера образы высшей культуры возникают на протяжении очень короткого промежутка времени, полтора-два столетия, разрывая эпоху Средневековья и заканчиваясь эпохой исчезновения взаимосвязи с наивысшим расцветом культуры в появлении отчетливости научного знания как определенного «заката» максимального проявления разумной воли человека. Таким образом, разум не является какой-то устойчивой системой, обязательно существующей в человеческой душе от рождения, а активизируется психическими процессами весьма далекими от его повседневных социальных забот. Более того, мы полагаем, что поскольку человек в наибольшей степени является биологическим животным, развитие разума в его душе отображает очень сложный процесс, который требует особых, высших, ресурсов психики, то есть для подавляющего числа людей он является недоступной роскошью.

В нашем понимании, существом мировой истории являются эпицентры высших ценностей, существовавших в различных мировых цивилизациях, но далеко не всех. Главный критерий существования высшей ценности, а значит, и объективной природы исторического разума — это отчетливое благородство человеческой души, для которого должна существовать определенная среда. Мы рассматриваем современные исторические события именно с позиции высших ценностей: такими, какими они дошли до нашего сознания, отражаясь в нашей

душе, и такими, собственно, какими они должны быть в будущем. С другой стороны, определение Шпенглером современного развития российской цивилизации на уровне между Темными Веками и Средневековьем, требует глобального переосмысления, ибо его концептуальные взгляды, во-первых, были во многом интуитивными, а во-вторых, описывались не изнутри исторических процессов, протекающих в России, а извне.

...

В формировании нашей философии времени наибольшее влияние оказали философии Ницше и Гегеля. Первая, помимо центральной метафизической интуиции онтологической природы времени, во власти которой оказывается сознание, полностью освободившееся от влияния как монотеистических, так и позитивистских предрассудков мысли, дает нам понимание топологической сущности развития объективных процессов разума в мировой истории. Вторая, учит нас наивысшей технической возможности рационального мышления, которая, с одной стороны, существует на гребне фрактальной волны исторического события, а с другой, указывает на начало расовой катастрофы, то есть сворачивания среды коммуникаций культуры, где активен человеческий разум и начинают активно действовать низшие инстинкты, подавляя власть разума над человеческой душой.

Кроме того, значительное влияние на нас оказали исследования Фрейда. В первую очередь, нас, конечно, интересовала идея, что в основе бессознательных движений человеческой души лежит активность сексуального инстинкта. Длительный процесс психоаналитических исследований над собственной душой привел нас к выводу, что в основе нашего бессознательного движения психики лежит не сексуальный инстинкт, а инстинкт смерти. Возможно, что речь в данном случае идет не о душе домохозяйки, рабочего, служащего, бизнесмена или политика, чей разум практически не развит, а о душе философа

фа. Однако мы полагаем, что массовая психология, из которой исходил Фрейд, является продуктом низшей человеческой психики, поэтому мы будем утверждать, что разумные мысли по существу не зависят ни от сексуального, ни, в целом, физиологического существа человека. Впрочем, эта мысль слишком очевидна. По крайней мере, воздействие мировой воли на глубины нашего бессознательного мы нашли именно в инстинкте смерти, то есть в том, что направлено на разрушение биологического существа человека. Вероятно, именно здесь коренятся трансцендентные начала духовной организации человеческой души. Другими словами, мы исходим не из количественной, а из качественной оценки человеческой природы.

...

Время для нас не просто метафизический объект, — это сакральное живое существо, обладающее определенной трансцендентной природой, мало изучавшейся как онтологический феномен в силу сильнейших позитивистских позиций, обусловленных пониманием времени у Канта, а также двухтысячелетним влиянием религиозной традиции линейных представлений о времени. Не случайно, Ницше учился у греков, чья философия истории прямо указывает на современный прототип расовых катастроф в философии Гераклита, где мир рождается и гибнет в огне, то есть время в античности осознавалось как цикличность процессов мировой истории.

...

Как известно, история философии как определенная нравственная сила, пронизывающая повседневность человеческой жизни высшими ценностями, после Ницше закончила свое существование. Исчезло то, что характеризовало ее как область благородства человеческой души, что выражало нечто сакральное для человека в самой возможности глубокомысленного мышления. Ведь в философии, как и в науке, мысль разворачивается исторически, последовательно раскрывая те проблемы и вопро-

сы, которые возникают в силу необходимости своего внутреннего развития в исторической культуре. В этом смысле, любой философ неизбежно должен выяснить свое отношение к последнему рубежу философской мысли, если он претендует сказать что-то новое в своей области. Начиная с Ницше, философская мысль освобождается от необходимого авторитета традиционной науки, требуя такого познавательного принципа, который выводит свои основания из эмоционально-эстетической основы сознания.

Поскольку наши идеи есть часть современных вопросов философии истории, мы полагаем движение исторической мысли в качестве критического отношения к философскому наследию, возникшему еще в то время, когда высшая система ценностей оказывала значительное влияние на души людей. Но в нашу эпоху, характеризующейся почти тотальным забвением разума, основная часть философских идей, возникших до начала процесса расовой катастрофы, является неэффективной. Так, философия является, собственно, философией только тогда, когда она указывает на метафизическую сущность реальности, то есть на осмысление соприкосновения человеческой души с сакральным началом мира. В противном случае, все остальное относится к спекуляции, пытающейся выдать разного рода интеллектуальные фантазии за философию.

...

Вследствие длительного процесса разрушения рациональной культуры, продолжавшейся последнее столетие, философия оказалась областью, где приток в ее сферу людей, обладающих высоким интеллектом, практически иссяк. Это вызвано забвением веры людей в высшие ценности, тогда как низшие ценности стали практически единственной областью обсуждения вопросов и проблем поверхностного рассудка. Именно эта причина стала одной из основных в распространении повсеместного массового идиотизма, сопровождающегося сомнительным юмо-

ром по поводу своего положения в массовом социуме. Ясно, что это не клинический идиотизм, а идиотизм сознания по отношению к элементарной способности рационального мышления, когда за ним стоит массовая утрата человеком психического здоровья, обусловленного исчезновением активности высших процессов психики.

Если математика требует для своих логических операций, по крайней мере, знания таблицы умножения, умение пользоваться теоремами и аксиомами, то философия последних десятилетий стала походить на рыночный базар, где роль философа начала ассоциироваться с торговкой за прилавком, торгующей своей пустой болтовней. Постепенно философия стала пристанищем кухни, какой-то матриархальной психологии человека, в которой этот человек кухни ощущает себя причастным некой скрытой тайне бытия, не замечая, что эта тайна воспринимается на уровне инфантильного сознания. Именно здесь мы должны беспристрастно применять методы психоанализа, то есть в том случае, когда мысль лишена ясности разумная основания, ибо, в противном случае, не разумные воля, а пассивные влечения будут отождествляться с тем, что в великие исторические эпохи отождествлялось с представлением о сущности философии.

Познавательные способности человека с момента формирования философии как самостоятельной сферы человеческой культуры, определялись: чувством, рассудком и разумом. Собственно, эта классическая иерархия средств познания и стала основанием возникновения онтологической мысли. Но философская мысль, в отличие от других областей сферы человеческого мышления, например, науки и политики, всегда противостояла системе сложившихся представлений. В нашем понимании, это определялось необходимостью осознавать помимо текучих явлений реальности, их неуничтожимую сущность, которая выражала причастность человеческой жизни метафизическому началу мира или хотя бы его элементам.

...

Онтологическая сущность времени, выбранная нами основным объектом размышлений, очевидно, выбрана не случайно. И дело здесь, очевидно, не в том, что попытка понять природу времени во всем многообразии ее сущности, пронизывает весь XX век. Проблема состоит в том, что помимо очевидности сознания неминуемости человеческой смерти, должно существовать нечто такое, что выражает какой-то разумный смысл человеческого существования, как в прошлом, так и в настоящем. Должно существовать нечто, что превышает человеческое бытие своим могуществом и величием силы, а также пониманием, что все в этой жизни было не зря. Именно такие чувства и рождает онтологическая интуиция времени.

Известно, что опыт представлений о едином боге имеет многотысячелетнюю историю. А вот опыт представлений о сакральной природе времени практически не имеет традиции, если, конечно, не считать последних трехсот лет становления рациональной культуры в истории человечества, где массовое представление о времени получило самое примитивное и, можно сказать, вневременное ощущение времени в его механическом течении. Ясно, что такого рода представление о течении временной длительности является самым примитивным, но, одновременно, и всеобщим связующим коммуникационным пространством существования человечества, придающего его жизни определенный ритм. Можно сказать, что в этом самом примитивном течении времени человечество объединено в представлениях о течении событий множества материальных феноменов реальности. Однако нас интересует не это время, которое характеризует ритм и развитие массовых мегаполисов мира. Нас интересуют онтологические свойства времени, его взаимосвязь с историей мирового духа, его таинственным могуществом и силой, которая порождает и стирает цивилизации. Здесь дело не в физике законов природы, а в чем-то другом, что

пронизывает своей трансцендентной реальностью природу мировых событий, связывая отдельный человеческий дух с историей мирового духа. Мы все-таки должны переосмыслить последнюю великую мысль классической европейской философии Гегеля, что человек есть разумный дух, который осознает свою причастность ко времени, поскольку он обладает индивидуальной волей быть частью истории мирового духа.

...

Безусловно, философская культура — это особая культура, принципиально отличающаяся и от религиозной культуры и от научной. При этом, неклассическая философия может обслуживать любые области человеческой жизни, вплоть до банальности примитивных житейских вопросов, в основном и являющихся основой для обыденных представлений о философии. Поэтому философская мысль всегда была предметом многочисленных спекуляций и легкомысленной иронии, поскольку рассудок, лишенный разумного основания, не способен постигнуть предмета размышлений философского знания. А разумное основание возникает путем не только тренировки мышления, например, достаточного для научного знания, но и интенсивной работы высшей психики, которая и отображает, собственно, принципиальное неравенство людей от природы. Таким образом, философская культура мысли требует и свойств психики, которые исторически вырабатывала религиозная культура и свойств мышления, которые традиционно вырабатывала научная мысль. Поэтому особое влияние философской культуры в истории мировой цивилизации состоит в границе, которую она поддерживает и с религией и с наукой.

Любой предмет философского знания никогда не бывает случаен. Он возникает не потому, что человеку «вдруг» стало интересно понять, что такое время, а потому что вся полнота его жизни, все множество его самых незначительных целей теряет смысл, ибо теряет смысл тра-

диционная рациональная культура, которой он был воспитан с детства. Но главное, конечно, состоит в том, что подлинная рациональная культура, так или иначе, имеет дело с сакральной природой бытия в ее неизвестном опыте. Можно сказать, что ранее разум не проникал в эту область в силу исторических законов развития мировой цивилизации, поскольку мужество человеческого духа было незрелым для этого шага.

Мужество человеческого духа — это определенная зрелость патриархальной культуры, которая постоянно ведет внутреннюю борьбу с инфантилизмом человеческой души, который формируется определенным влиянием матриархальной психологии человека. Что такое матриархальная психология человека разобрался Фрейд, препарировав массовое бессознательное, но область нашего исследования другая — расовое бессознательное, которое характеризует психологическое пространство патриархальной культуры. Феномен расы понимается ложно в современной биологической науке, которая, собственно, не имея в себе разумного основания, отождествляет человека и животное. Именно это отождествление и есть главная причина неразумности современной биологической науки, поскольку для разума очевидно, что психическая жизнь человека и животного кардинально различаются, по крайней мере, процессами высшей психики. Ведь по существу, действие объективного разума в человеческой душе и есть то, что отличает его от животного.

...

Мы исходим из онтологического потока времени таким, как он является в современной российской цивилизации на начальном уровне ее формирования, то есть в состоянии Темных Веков. Здесь необходимо понять, что история прарасы, каковой являлась русская история до нашествия большевистской орды, уже никак не может помочь нам осознать современное историческое время России, поскольку расовая катастрофа ликвидировала те па-

триархальные нормы жизни, которые существовали в ней до 17-го года. Все эти дикие физиономии, отображающие на себе отсутствие зачаточных признаков полноценной человеческой души, которые нас окружают, — это результат почти столетнего ига неразумного образа жизни, распространившегося вследствие ликвидации элиты национального слоя. Но было бы ошибочно встать на точку зрения исключительно национальной трагедии, которая, может быть, в русской судьбе является наиболее полной, чем в судьбе других народов. Гибель всякой прарасы неизбежна, поскольку предопределяет начало становления новой расы *homo sapiens*, ибо феномен этой расы есть феномен психологический, а не биологический. Прараса, вероятно, гибнет, поскольку во многом ее существование поддерживалось внешним рациональным проектом, в случае русской культуры, западноевропейским.

После гибели прарасы, обусловленной сворачиванием влияния внешнего рационального проекта, территории, еще ранее процветавшие, впадают в запустение из-за отсутствия людей, способных каким-то образом разумно влиять на ситуацию. Так, государство впадает в состояние варварства, становясь варварским государством. То, что на его территории бурлит и шумит энергия варваров, уже не относится к событиям мировой истории, поскольку в истории присутствует только человеческая психология, а человеческую психологию отличает от животной психологии наличие в ней разума. Ведь социальные массовые институты способны в наше время вырастать везде, в том числе и в полудиких племенах, перемалывая в себе последние проблески человеческого разума, забалтывая и засоряя даже ничтожную возможность адекватно оценивать историческую ситуацию.

С другой стороны, эта почти абсолютная власть массовой культуры над сознанием современного человека лежит глубоко в его подсознании как необходимая потребность в матриархальной культуре. В этой

матриархально-массовой культуре есть свое «право», своя «мораль», своя «социальная норма», то есть мощный слой поведенческих мотиваций, которые побуждают человеческую психику к активности. Однако здесь нет воли, а значит, и нет разума, поскольку разум формируется патриархальными нормами жизни, в которых человек каждое мгновение жизни должен что-то противопоставлять своему бессознательному инстинкту смерти, где это противопоставление должно измеряться всей полнотой предшествовавшего опыта мировой истории. А там, где нет патриархальной психологии, так или иначе, сквозит варварство, в большей или меньшей степени, поскольку патриархальная психология формирует сознание нравственного долга, который не способна воспитать социальная мораль. Ведь современный массовый социум — это огромный детский сад, структурированный таким образом, чтобы всеми своими мощными социальными механизмами следить, чтобы в человеческой душе не шевельнулись разумные движения. Таким образом, нас окружает образ жизни не *homo sapiens*, а *quasi homo*.

ЧАСТЬ I

ТОПОЛОГИЯ РАЗУМА

Глава 1

Топология метафизической мысли

Как известно, эволюционная теория происхождения человека является базовой в системе ценностей массовой цивилизации. Именно в этой теории эмпирическое сознание является культовым сознанием, формируя догму о происхождении человека с точки зрения единственности в реальности материальных сил природы. Однако мы рассматриваем происхождение человека с точки зрения непосредственности действия инстинкта смерти в глубинах его подсознания, который нельзя зафиксировать эмпирически. Кроме того, с точки зрения науки непонятна и цель этого инстинкта в его взаимосвязи с биологическими функциями организма, поскольку задача биологического выживания человека теряет всякий смысл. Когда вместо бескорыстного принципа познания, сознанием начинает овладевать чистый прагматизм, то функции разума практически исчезают, поскольку позиция рассудка не в состоянии осмыслить противоречивость жизни. Одним из главных противоречий нашего исторического времени, в этом смысле, является невозможность рассудка постигнуть природу разумного духа. Требования эмпирического рассудка все обосновывать научным авторитетом, по-

степенно стала непререкаемой догмой во всем, навязав и религии и искусству необходимость строить для себя «научные» теории и доказывать свои утверждения «экспериментально». Фактически, вера, сам принцип доверия внутреннему миру разумного субъекта, был ликвидирован в европейской культуре уже во второй половине XX века.

Очевидно, первоначально эволюционная теория Дарвина не предполагала столь догматичного утверждения о происхождении человека от обезьяны, поскольку сам Дарвин, как представитель классической научной школы, был одновременно и представителем авангардных позиций объективного разума, который в эту историческую эпоху отождествлялся с научными достижениями. Формирование эволюционной теории в официальную догму представлений о происхождении человека произошло позднее, когда постепенно объективный разум начал исчезать в науке, которая все больше и больше становилась приложением к техническому сознанию. Мы полагаем, что эволюционная теория в полной мере основана на принципе английского эмпиризма, где метафизика разума, как таковая, отсутствует.

...

В мышлении Декарта принцип метафизической мысли определен как абстракция мысли, которая становится метафизической в силу действия в ней внутренней рефлексии. Эта внутренняя рефлексия не является чистой абстракцией, поскольку у Декарта метод определен как орудие разума, действующее независимо от чувственного восприятия, одновременно владея им. Другими словами, у Декарта сохранено сознание потенции сложности человеческой психики, хотя ей и противопоставлено отчетливое сознание материи. Но в английском эмпиризме сознание процесса явления как отображения мысли лишено метафизической сущности как возможности существования трансцендентного начала бытия. В метафизике человек не может утверждать о реальности предмета на

основании только того, что этот предмет существует в его восприятии. Он должен указать на идею этого предмета, то есть определить его сущность в независимости от своих субъективных чувств. Особенно глубоко это понял Кант, когда идея чистого разума была выведена в критическом отношении рассудка к позициям английского эмпиризма. Таким образом, в самом своем основании, английский эмпиризм был замкнут для разумной сферы метафизики, поскольку исключал существование высших центров психики. Основной заслугой этой поверхностной философии было то, что она отождествила мышление с самой действительностью жизни, не различая при этом онтологического принципа познания в его иерархии: чувства, рассудка и разума. Однако именно эта поверхностная мысль, поражающая своей живостью за счет своего легкомыслия, и стала основой идеологии современной массовой культуры. Понятно, что эта живость мысли есть прямое отображение психических реакций, которые лишены взаимосвязи с высшими центрами психики, поскольку глубокомыслие есть результат, в первую очередь, внутренней работы души, связанной с ее духовной основой.

Формирование и развитие новой цивилизации всегда обусловлено определенной духовной энергией мирового разума, которую она определяет как существование мирового духа здесь и теперь. Полагать, что это знание пришло откуда то «свыше», неприемлемо в позиции объективного разума. Сознание «чуда» может существовать только в религии, но не в философии, в которой ясность разумной позиции отрицает такую реальность. Причем, это сознание «чуда» может принимать разные проявления, когда, например, индустриальная эпоха предлагает верить в чудо научно-технического прогресса, хотя и исключает это понятие из своей идеологии. Ведь основная функция того, что подразумевается под «чудом», — это ликвидация разумного понимания явления. Юм прямо утверж-

дает, что его чувства, на которых строится его мысль, направлены на то, чтобы получить удовольствие. Но подлинная мысль не ставит своей целью получение удовольствия человеком, а, наоборот, подвергает непосредственные чувства насилию со стороны высшей психической энергии, поскольку только в этом случае возможно постижение метафизической сущности явлений. И действительно, в английском эмпиризме речь идет о мышлении, которое не затрагивает высших слоев психики, а значит, скользит по поверхности явлений.

Очевидно, что современная массовая культура является производной от сознания английского эмпиризма, который и есть та основа низших ценностей, где стремление к чувственному удовольствию стало определяющим в постиндустриальную эпоху. Ведь только в сознании национального анклава могло возникнуть представление, что национальная аристократия определяет собой малопродуктивную, с точки зрения средств материального производства, классовую систему. Действительно, в аристократической кастовой системе власти основная задача состояла в том, чтобы контролировать максимальную активность производства высшей психической энергии человека, тем самым, гарантируя духовное единство нации. Но в период распада цивилизации, расовая катастрофа характеризуется, в первую очередь, исчезновением духовного единства людей и предельной активизацией национальных анклавов. Таким образом, вера в единственность существования материальных сил определяет психологию всех национальных анклавов, в среде которых и возник тезис об объединении пролетариев всех наций.

Формирование коммунистического учения на основании эволюционной теории происхождения человека выражает позицию сознания в отсутствии онтологического принципа бытия. Так, иерархия бытия, в том числе и иерархия человеческих отношений, не может быть

социально-массовой, поскольку в массовом социуме она строится на игровом моменте, где суровая сила действия разумного духа в человеческой душе отсутствует. Здесь в полной мере можно утверждать, что и делает Фрейд, что массовое бессознательное определяется сексуальными влечениями, а соответствующее им сознание механизмом вытеснения, поскольку низшая, социальная, психика действует исключительно в непосредственности чувственных ассоциаций восприятия. При этом, безусловно, автономия индивидуального сознания в массовом сознании имеет полную свободу, однако эта свобода ограничена тотальной ориентацией на биологическое выживание. Можно сказать, что в действии либидо в массовой культуре выражено наиболее энергичное проявление низшей психики человека, которая становится пластичной, то есть целиком и полностью замыкает на себе реальность сознания в качестве жизни как отображения прямой проекции эмпирического восприятия.

Мистический момент морального запрета, связанный с племенным ограничительным действием табу, действительно, социален. Но настолько актуальна мера разума в рассудочном суждении, насколько оно минимально социально, поскольку назначение социума состоит в том, чтобы удерживать стереотипы представлений. И хотя Фрейд утверждает, что стереотип представления есть комплекс, который необходимо преодолеть, он прямо указывает на социальную ситуацию, которая сформировала этот комплекс, как то: чувство страха, детские воспоминания и другие причины, которые отображают сознание человека исключительно в пределах бытовых проблем жизни. Бытовое сознание, таким образом, становится научным предметом психоанализа, исключая всякую возможность мыслить экстремальные переживания, связанные с инстинктом смерти, которые протекают в полноценной человеческой психике. Даже выдающиеся исторические личности, такие как Моисей или Шекспир, у Фрейда рассма-

триваются как проявление Эдипова комплекса. Другими словами, Фрейд прямо указывает на происхождение массового сознания человека в архаичных матриархальных инстинктах, связанных с единственным родом моральной реальности, реальности сознания одной семьи, к которой принадлежит индивид. Понятно, что в этом случае, биологизм сексуальных влечений становится определяющим в психической жизни, поскольку человек, как биологический вид, должен осознавать себя, первоначально, исключительно по отношению к целям своего рода, а уже затем, по отношению к самому себе. По-видимому, в своем сознании стереотипов представлений, полученных в коллективной культуре, он не способен выделять себя как субъективный разум.

...

В исторические эпохи доминирования разума в человеческой душе в государственной жизни активна полноценная психика. Подобная доминанта характеризует всю историю мировой цивилизации, поскольку, в нашем понимании, именно доминирование полноценных начал человеческой психики выражает ее нравственную сущность, а не религиозные или социальные представления, всегда ограниченные стереотипами сознания. Нравственное сознание, таким образом, есть мера полноценности человеческой души, которая всегда противостоит психической аномалии. По существу, именно катастрофический рост психических аномалий, приобретающий массовый характер и начинающий влиять на политическую ситуацию, выражает сущность расовой катастрофы. Ведь массовая душа действует в системе племенных инстинктов подсознания, восстанавливающих свое влияние, когда действие разума в человеческой душе ослабевает. Именно эта причина является определяющей в гибели цивилизаций, а не экономические и природные катаклизмы, чье влияние, конечно, существенно на развитие ее внутренних процессов, но не является определяющим. Так, го-

сударства способны переживать сильнейшие потрясения, голод, сопровождающийся каннибализмом, захват политической власти другими народами, но они способны сохранять свою целостность, если в них достаточно ресурсов полноценной человеческой психики. Но когда полноценные начала человеческой психики ослабевают, гибель государства неизбежна. При этом перед катастрофой массовая неполноценность психики проникает в социальную инфраструктуру, разъедая изнутри государственный и политический аппарат.

Таким образом, под «нравственным» в современном массовом сознании понимается получение чувственного удовольствия, этой производной от субъективного стремления человека к счастью. В действительности же, удовольствие не может соседствовать рядом с разумными началами души, поскольку их активность проявляет себя в качестве постоянного процесса разрушения высшими слоями психической энергии непосредственного чувственного восприятия. Психоаналитическое исследование «по ту сторону от принципа» удовольствия у Фрейда, было направлено на то, чтобы показать, что основы подсознания человека в действительности выходят за пределы чувственного опыта, испытывая влияние со стороны тех энергетических импульсов, которые не могут полагаться безусловно причастными к биологическому существу. Именно здесь было необходимо принять реальность существования инстинкта смерти, которая дала возможность самому психоанализу приобрести содержание учения о человеческой психике, где научный компонент постепенно переходит в область относительных выводов. Эта относительность, в первую очередь, состоит в отрицании механического понимания психики, на котором строилась классическая западноевропейская философия, и в положении зачаточных топологических ее подходов понимания. Ведь не трудно заметить, что психоанализ выражает определенную топологию понимания на-

чал человеческой души, в которой объективный процесс психики мыслится нелинейно, то есть предполагает бес- сознательное влечение в качестве нелинейной взаимосвя- зи между субъектом и объектом мысли.

...

Метафизика топологии разума утверждает, что все, что существует, имеет иерархию бытия, что собственно, и является основой сущего. Таким образом, понимание сущности бытия возникает из сознания меры целостности составляющих его элементов. Эти элементы суть субъективные оценки разума объективно рассматрива- емого явления как пространственно-временной реаль- ности, где время, помимо сознания механической дли- тельности, имеет и длительность топологическую, кото- рая указывает на «кривизну», т.е. нелинейность высших процессов психики и, следовательно, исторических собы- тий мировой истории. Другими словами, если чувствен- ное восприятие, в своей объективной оценке, исходит из ассоциативно-эмпирического сознания реальности, в ко- торых чувство является основой доказательства истин- ности самой оценки, то философская мысль строится под воздействием движений высшей психики, имеющих трансцендентную природу, которые создают противоре- чивость живой мысли. Это не противоречие отсутствия логики суждения, как это имеет место в отношении опре- деленного слабоумия мысли, а противоречие внутренне- го единства бытия и его сущности, которое отрицает не- посредственность чувственного сознания в силу его от- носительности в трансцендентной природе реальности. Ценности, как определенные топологические элементы пластики разумного бытия, выражают многообразие то- чек зрения на вещь и явление.

В вопросе о том, почему животное сознание человека способно оперировать достаточно сложными абстракци- ями, развивая при этом достижения научно-технического прогресса, мы должны понять, что абстракция, в ее неза-

висимом движении от разума, является сложной функцией обыденного представления. Ведь принципиальное различие между рассудком и разумом состоит в более высокой познавательной способности рационального мышления, тогда когда рассудок всегда обусловлена непосредственным восприятием. Непосредственное же восприятие, проистекающее из чувственного удовлетворения живостью эмоций, где отсутствует наличие активности влияния высших психических центров, в основном, озабочено технологическими проблемами цивилизации, в которых движение по «кругу» известных стереотипов сознания построено на жесткой последовательности ассоциативного мышления. Более того, эта поверхностная, но достаточная цепкая мысль постепенно ликвидировала то, с чего, собственно, начиналась европейская наука, духовное сомнение разума, оставив лишь сомнение легкомысленного скепсиса. Именно на анализе подсознательных ассоциаций психики построено учение психоанализа. Понятно, что эстетический феномен, как существующий за пределами привычных для восприятия ассоциаций, был исключен в сфере психоаналитического исследования, поскольку он не вписывался в семейно-социальную психологию человека. Вообще, эстетический феномен, связывающий мировые культуры как единую топологию развития мирового разума, бессмысленно определять как социальный продукт культуры.

...

Если человеку с утра до вечера внушать, что он является социальным животным, то он, несомненно, таковым станет. Вообще возможности гипнотического воздействия на человеческую психику прямо пропорциональны мере ее животной непосредственности сознания. Только духовные центры психики, связанные с ее высшими слоями, способны сопротивляться гипнозу воздействия массовой культуры. Как заметил писатель Шаламов, на Колыме лишь церковные люди были способны противостоять

ять скотскому состоянию, в которое человек приходил на зоне. Ведь духовное сознание, в отличие от механического сознания, требует наличия у человека внутреннего мира, являющегося следствием активности высших психических центров. Но эмпирическое мышление, наоборот, есть производная от чувства удовольствия, получаемого от соприкосновения с непосредственными эмоциями, которые вносят в душу некоторую экзальтацию, подобную яркости восприятий мира ребенка. Однако не следует забывать, что подобная яркость эмоций, ослепляя своей «свежестью» обостренного чувственного восприятия, имеет негативное воздействие на формирование рациональной психологии, поскольку блокирует работу высшей психики. Ведь высшая психика человека является производной от активности в ее глубинных слоях инстинкта смерти. Именно поэтому варвары, неразвитые народы, а также народы, находящиеся в состоянии разложения, инфантильны, как дети, поскольку культура разложения, как и любая примитивная культура, исключает наличие в душе нравственной ответственности человека за его индивидуальные поступки. Культура такого рода строится на непрерывной игре, где инфантильное сознание демонстрирует в себе отсутствие разума. Впрочем, все атрибуты взрослой жизни присутствуют в государстве в социальной жизни, но так, что игровая форма их существования вытесняет всякое присутствие разумного духа. Правда, в цивилизованных государствах еще остается достаточно высокая бытовая культура, однако она существует только в качестве остаточного принципа ее распадающейся основы традиционных представлений о разуме.

Трансформация сознания эмпиризма в психологию массовой души происходила в течение всего XX века, но особенно стремительно в ее второй половине, когда поражение фашизма во второй мировой войне явилось, собственно, поражением всей системы высших ценно-

стей западноевропейской культуры. Здесь, вместе с невозможностью доминирования в сознании высших ценностей, исчезает возможность функционирования полноценных начал человеческой психики. В этом случае, восторженность инфантильного сознания, культивируемая в современной массовой культуре западноевропейской цивилизации, имеет своей целью исключение разумного человека из своей политической жизни, оставляя место домохозяйкам и политическим клоунам. В этом случае, социум становится отображением единой семейно-племенной организации общества, где развитие научно-технического прогресса не влияет на процесс постепенного исчезновения в человеческой душе всяких проблесков разума. Вообще, возвращение к матриархальной психологии, проявляющееся в мировой цивилизации эпохи распада, демонстрирует, что у человека существуют глубокие архаичные потребности веры в матриархальные символы, которые реализуются в современной цивилизации в вере в научно-технический прогресс как производную от веры в единственность существования материальных сил. Понятно, что наибольшее сочувствие эта вера находит в среде народов, которые мало знакомы с опытом развития исторического разума. Поэтому практически все коммунистические режимы появились за пределами не только западноевропейской цивилизации, но и Востока, где существовал опыт древних великих цивилизаций, в которых до начала активности европейской расы протекали исторические пути развития мирового разума. Ни в Египте, ни в Иране или Ираке коммунистические режимы не утвердились, поскольку опыт древнейшего формирования патриархальных начал человеческой души исключил доминирующую активность матриархальной культуры. Коммунистическая идеология, следовательно, распространилась в тех странах и тех народах, которые еще не изжили в себе активные рудименты матриархальной психологии.

Во многом только оппозиция к агрессивности стран коммунистического блока до недавнего времени сохраняла в западноевропейской цивилизации инерцию сопротивления внутреннему распаду. После разрушения коммунистического блока, либеральные ценности стали перерастать в ценности откровенной политической охлократии, которая уже полностью игнорирует критический подход к осознанию исторической реальности. В этом смысле, формула о «конце истории» стала очень удобной для идеологических ценностей современной массовой цивилизации, где либеральное сознание практически растворилось в грубых нравах новой племенной психологии человека. Эта подмена свободы человеческой воли — спонтанностью иррациональных движений низшей человеческой психики и стало началом тотального доминирования социального сознания массовой души. Действительно, кардинальный вопрос о свободе человеческой воли, который в начальной исторической основе имел чисто духовный аспект, практически исчез в наше время. Катастрофическое ослабление высших центров психики было обусловлено почти полным исчезновением влияния традиционной точки зрения о божественном происхождении мира и человека. Фактически, постепенное признание теологической точки зрения примитивным мифом, привело к тому, что человеческая свобода потеряла всякий духовный аспект своего основания, став «свободой» в известных пределах стереотипов представлений той социальной среды, к которой принадлежал человек. Лишенное духовного основания, свободная воля ограничилась исключительно социальной свободой, когда отрицание известных социальных ценностей стало полагаться «агрессивным», «нецивилизованным» и другими известными стереотипами-клише. Понятно, что в этом случае свобода человеческой воли, с позиции ее высших психических импульсов, могла себя заявить только как воля к власти.

Известная метафизическая позиция Ницше как воли к власти, была направлена на то, чтобы определить свободу человеческой воли в качестве безусловного основания бытия, настолько радикально, в частности, в ее иррациональных импульсах, что свобода этой воли становится непосредственным метафизическим сознанием мировой истории. Здесь, несомненно, выявляется центральная проблема ницшеанской метафизики, а именно, попытка построить онтологическую основу реальности, чьи сакральные элементы побудительных мотивов свободной воли человека существовали бы вне теологического объяснения. Собственно, разрушение всех известных стереотипов представлений о совести, морали, нравственном договоре, праве и других фундаментальных основах культуры, основанных на вере в божественное откровение, было обусловлено откровением веры в человеческое естество, которое выходило за пределы понимания естественного права поверхностного эмпиризма. Однако, в отличие от поверхностных английских эмпириков, Ницше «докопался» до сути естества человека, показав, что естественным для человека является не то, что вызывает у него непосредственное чувство удовольствия, а то, что присутствует в его эстетическом восприятии, насыщенном разрушительными глубинными движениями психики. Понятно, что трагическое переживание сакрального существа мира, которое наиболее полно в эстетическом восприятии, никак нельзя полагать общедоступным чувством удовольствия. Это разрушительное трагическое переживание связывает три великих религии в истории человечества: религию Осириса — у древних египтян, религию Диониса — у древних греков и христианскую религию — у европейских народов. Собственно, и само учение Ницше о сверхчеловеке вполне может отождествиться с любой из этих религий, несмотря на глубокие идеологические разногласия самого Ницше с христианством. То, что, конечно, принципиально отличает трагическое

сознание Ницше от мировых религий, — это отрицание божественного происхождения мира. Но тогда, помимо эволюционной теории происхождения человека, остается лишь гипотеза о его космическом происхождении, и, собственно, сверхчеловек Ницше выражает дух познания, концентрирующий в своей интуиции действие воли, в которой присутствует участие космических сил, что, очевидно, нельзя представить в социальных процессах.

Отметим главное, что характеризует особенность всей традиции мышления немецкой философии, — ее развитие протекает в русле интуиции космического происхождения человека, то есть такой основы человеческой психики, которая не может быть сведена ни к непосредственному чувственному восприятию, ни к божественному откровению. Именно за счет этой глубины интуиции немецкая научная мысль достигла столь выдающихся результатов во всех областях знания. В ней отсутствует как поверхностный эмпиризм, который характеризует английскую школу мысли, так и поверхностный психологизм, который определяет французскую философскую школу.

Действительно, особенность немецкой школы мысли выражена в лейбницеvской монаде как топологическом подходе в понимании основ бытия, где целостность сущего определена в качестве его безусловного многообразия представлений сложной метафизической природы. Этой сложной метафизической интуиции мы более не находим нигде в европейской мысли, поскольку прямолинейность суждений английской и французской мысли, в том или ином случае, сводится к известной системе традиционных подходов в понимании происхождения человека: эволюционно-биологического или теологического.

...

Очевидно, что глубокая метафизическая мысль обладает возможностью создавать дистанцию с обыденными представлениями, или стереотипами. Идеи, собственно, в нашем понимании, являются «конструктивным» мате-

риалом топологии метафизической мысли, составляя непредставляемую сущность действия сакрального начала мира. И если в религии этой основой сознания является божественное начало, то в современном рациональном мышлении онтологическое сознание конструируется из топологических метафизических элементов. Отметим основное, что составляет психозенергетическую метафизическую основу разумного духа, — инстинкт смерти в человеческой душе. Именно здесь определено подсознательное пространство метафизической мысли, поскольку чувственные ассоциации сознания никогда не выходят за пределы физической реальности.

Становление бытия необходимо предполагает наличие в его основании сущности, которая образована сакральным впечатлением человеческой души, поскольку непосредственные ассоциации восприятия материального мира характеризуют отсутствие вдохновения человеческого духа. С другой стороны, поскольку это вдохновение требует максимальных затрат высшей психики, то, несомненно, что в момент ослабления высших психических центров в человеческой душе предельно активизируется многообразие непосредственных чувственных ассоциаций. Именно на этой непосредственной радости впечатлений от восприятия чувственного многообразия и строится эмпирическое сознание, характеризующее инфантилизм сознания как таковой. Даже религиозное сознание, в своем откровении, учит, что детское состояние человеческой души должно пережить грехопадение, чтобы понять добро и зло. В этом смысле, эмпиризм, являясь, в нашем понимании, зачатками формирования новой расовой психологии человека в сфере низшей психики, не постигает сущности бытия, оставаясь в пределах его непосредственного знания.

...

Ошибкой поверхностной мысли является положение, что такие учения как, например, атеизм не облада-

ют предметом веры. По существу, это чистая вера архаичных инстинктов матриархата, в котором отсутствует работа высшей психики или, точнее, она практически доведена до минимума. Более того, эта вера может быть исключительно сильной, спланивая неразумную волю людей в слепую силу, которая, используя достижения науки и техники, способна радикально менять инфраструктуру цивилизации и государства. Однако следует понимать, что все эти орды, даже стоящие на достаточно высоком уровне военных технологий своего времени, полностью лишены в своей среде присутствия объективного разума, поскольку лишены начал устойчивого патриархального основания культуры. Здесь пересекаются пути познания современной философии с научной психологией, а именно, в области вопроса о потусторонней основе к добру и злу происхождения моральных принципов. Элементы зороастризма, которые пытался реанимировать Ницше, все-таки существенно отличаются от атеистической сущности психоанализа своей особенностью эстетического сознания, где эстетика стремится связать воздействие сознания высших центров психики с бессознательными влечениями, действующими в человеческой воле. Другими словами, в нашем понимании, европейский нигилизм ставил своей задачей максимально отобразить реакцию сопротивления высших центров психики против возрождающихся инстинктов матриархата, которые выступали в вере в прогресс и науку, однако сам во многом оказался в их власти.

Если инстинкт жизни направлен на понятные для обыденных представлений людей цели, то с инстинктом смерти дело обстоит значительно сложнее. Собственно, основная особенность этого инстинкта состоит в том, что он не выражает стремление человека к какой-то конечности цели, а скорее направлен на то, чтобы действовать в соответствии с духовным импульсом души, в основном, разрушая и отрицая сложившуюся систему стереотипов

представлений поведения. Сама природа сознания современного исторического духа, если она активна в человеческой душе, действует как разрушение стереотипов представлений низших ценностей, поскольку духовная свобода предполагает, в первую очередь, противоречие, в которое вступает разум, когда определяет идею жизни, соответствующую своей исторической эпохе. С другой стороны, мы должны отчетливо понимать, что и инстинкты матриархата, с его древнейшей верой в великую мать, никогда полностью не исчезали в человеческой душе, активизируясь в эпоху расовых катастроф, когда сила аффектов и страстей становится первичной силой в определении жизненной установки сознания. Именно в этом качестве выступает современная вера в научно-технический прогресс, проявляющаяся повсеместным вытеснением из политической жизни полноценной мужской психологии.

Если сравнить современное поведение политической элиты европейского, а во многом, и всего остального мира с ее психологией хотя бы пол века назад, то можно заметить ее радикальное изменение. Это постоянное приплясывание, многократные улыбки и ужимки, обращенные к массовому обществу, больше напоминающие поведение животного, чем человека, показывают нам, что сознание представления человека о его происхождении прямо влияет на его поведение. После постоянного внушения средствами массовой культуры, ссылающейся на авторитет современной науки, что человек произошел от примата, поведение человека в массовом социуме начинает все больше напоминать поведение самого примата, то есть существа с исключительно животными инстинктами души. В этом смысле, нам должна быть очень интересна историческая концепция Шпенглера, являющаяся завершающей системой понимания исторического процесса в русле интуиции сознания происхождения человека в немецкой метафизике. Отметим то главное, что отличает ее от английской и французской школы, — немецкая ме-

тафизика пыталась выводить объективную сущность разума из воздействия космических сил на природу человека, используя для этого объективные познавательные возможности разума.

Стремление вывести сознание реальности из топологических элементов объективного разума мы находим уже у Лейбница в его неудовлетворенности применением методов алгебры к геометрическим задачам. В этом смысле, лейбницевская монада есть мера максимальной целостности элементов многообразия мира при условии их предельного внутреннего единства. Другими словами, онтологическая иерархия бытия строится здесь в качестве напряжения, созданного противоположными силами, в том числе и силой противоречия мысли, утверждающей онтологическую сложность бытия в основе существования мира. Это то кардинальное отличие, которое отличает немецкую метафизику, например, от требования Декарта все приводить к простейшим элементам. Отличие состоит в том, что каждый простейший элемент, монада, сохраняет у Лейбница всю меру сложности бытия, когда простота определяется не мерой упрощения понимания объекта познания, а мерой достигнутой целостности понимания фрагмента его целого. Так, мера целостности понимания задает меру топологического многообразия, которая возвращает европейскую мысль от алгебраических методов к чисто геометрической интерпретации у греков, а значит, к космической интуиции происхождения человека.

...

Когда рассматривают позиции пантеизма в античности в его идеологической борьбе против монотеизма, то традиционно указывают на веру античного человека в природные стихии, что справедливо лишь отчасти. В действительности, вера в природные стихии характеризует лишь наивный пантеизм, который лишен высокой эстетической мысли греческой философии, поскольку клас-

сическая философия греков, и в первую очередь, Пифагор и Платон, выводят сами природные стихии из онтологии космической жизни. Так возникает отрицание их непосредственно чувственного наличия, которое «смазывается» топологическим мышлением в определенную изысканность идеи вещи из ее непосредственного многообразия воспринимаемых элементов. Понятно, что важнейшей функцией подобного мышления является эстетическое сознание, которое схватывает сущность бытия не из непосредственного чувственного восприятия, а из «отзвука», которая вещь вызывает в космологической интуиции ее существования.

Наибольшей вред в истории философии сыграла сила традиции понимать Платона в духе христианской философии, которая взяла на вооружение из него, направив против самого язычества, высший иерархический принцип духа. Однако, в действительности Платон не мог, в силу традиции внутреннего развития греческой культуры, полагать приоритет духа над материей в его безусловности, как это было свойственно христианству. Дух у Платона имеет исключительно космологическую интуицию присутствия в реальности, в которой он следует за Пифагором. Пифагор же, являясь метафизиком космологического сознания по существу, все свои геометрические конструкции: окружности и сферы определяет в качестве основы материальных стихий, топологически «натягивая» их на вечную природу космоса, который, однако, не мыслится исключительно материально. В нашем понимании, это предрассудок западноевропейской традиции метафизики, вплоть до Ницше и Хайдеггера, понимать Платона как христианского мыслителя. Он таковым не был. В противном случае он не получил бы в своей исторической эпохе имя «божественный», поскольку греческая классика мысли вообще была бесконечно далека от христианской проблематики. Сверхчувственным в самом космосе, в пифагорейско-платоновской традиции

мысли является ее топологическая основа, то есть сознание происхождения мира и человека не из материи, а из самой наивысшей целостности единства всего многообразия элементов, которые суть простейшие топологические сущности космической жизни. Таким образом, идея в греческой классической мысли есть принцип иерархии бытия, который исключает возможность сохранять стереотип представления. Ведь любой стереотип представления, фактически, имеет линейную направленность мысли, отталкиваясь от того, что можно представить. В математическом мышлении античности идея же суть бесконечное как две основные топологические пространственные фигуры: круг и сфера.

Возможно, что наиболее близким к состоянию отображения взаимосвязи сознания, проистекающего из опыта информации, заложенной в подсознании человека как элемента космологической системы, является ощущение физической невесомости, в котором отсутствует горизонтальное и вертикальное направление линейности пространства. В этом смысле, декартовская система координат становится малоэффективной, поскольку ощущение невесомости разрывает сознание человека с полем тяжести Земли. Линейная ориентация сознания теряется с возвратом к космологической интуиции, которая определяет разрыв с базовой системой привычных ассоциативных ощущений человека, на котором строится эмпирическая система ценностей.

В нашем понимании, патриархальная культура человечества формировалась из воздействия космических ритмов в подсознании. Эти ритмы кардинально отличаются от ритмов природных процессов многообразия жизни на Земле. Утверждение о доминировании космической ритмологии в высших слоях психики мы делаем от противного, поскольку ни эволюционная теория, ни теологическая теория происхождения человека не обладает возможностью построения онтологической картины созна-

ния в современном историческом понимании разума. Немецкий идеализм, начиная с Лейбница, сместил европейский разум к постижению этой целостности человеческой души в пределах взаимодействия с высшими слоями психики, а Ницше, насколько нам понятно, определил это взаимодействие как принцип воли к власти ее разумной сущности.

В исследовании творчества Ницше мало кто обращает внимание на определяющий момент его философии, которая выводит свои положения из трагического переживания. Следует осознать, что трагедия для древних греков и была той основой жизни, где снимается непосредственное восприятие природных стихий. В результате, просвещенный грек верил не столько в эти природные стихии, сколько в космические ритмы, которыми они пронизаны. Так и просвещенный европеец эпохи Возрождения наслаждался не чувственной непосредственностью жизни, а свободой духа, переживаемой человеком как ощущение вечной природы космоса. Особенно экстенсивно это состояние души проявляется в классической европейской музыке, где ритмы высших ценностей европейского духа достигают своего апогея. На этот факт, в частности, обращает внимание и Ницше, для которого ритмология высших центров психики становится определяющим предметом внимания его философии.

...

В русле гипотезы космического происхождения человека и жизни, мы должны переосмыслить гегелевские понятия «мирового духа» и «мирового разума», которые, безусловно, являются вершиной развития немецкого идеализма. Это в современной массовой культуре понятие «мирового разума» как-то постепенно перешло в область лексики мистиков и фантазеров, — но в гегелевской диалектике она занимает центральное место, а именно, выражая границу между достигнутым знанием и его новым откровением в познании. Для нас важнейшим моментом

этого понятия является то, что откровение нового знания объективного разума возникает из процесса опосредствования чувственного восприятия. Чтобы разобраться с процессом этого опосредствования, мы должны обратить внимание на жесткую критику Гегеля тех, кто пытается мыслить абстрактно. Эта критика имеет своей целью показать, что мышление не может быть только механическим процессом, который, подобно машине, осуществляет логические операции. Мышление должно быть самой сутью жизни в действии законов взаимосвязи, в частности, и подсознательных процессов души, чья глубина должна «высвечиваться» в идее жизни исключением возможности сопротивления неразумного начала действию разума. В этом качестве рефлексия для себя, в нашем понимании, контролирует эти возможные атаки неразумных процессов души, способных оттеснить высшие познавательные способности разума.

Для нас очевидно, что невозможность деления на высшие и низшие свойства психики, обусловлены в немецком идеализме стремлением сохранить любой ценой целостность или равновесие психических процессов, которые были заложены высшими ценностями искусства европейского Возрождения. В эту историческую эпоху отсутствуют разрушительные процессы расовой катастрофы, когда возникает напряжение конфликта высших и низших влечений, которое определяет психологию цивилизации эпохи распада. Мы, собственно, полагаем, что этот конфликт возникает в подсознании человека между биологическими влечениями, имеющими свое происхождение в инстинктах матриархата, и космическими ритмами, имеющих начало в нравах патриархальной культуры. Вообще, любое влечение в подсознании человека характеризуется определенным ритмом сознания времени, выражающего проекцию сознания окружающего его пространства. Ранее мы уже указывали на состояние физической невесомости как прообраза психического состояния,

отображающего космическую интуицию происхождения человека, то есть на ритм откровения разума, который взаимосвязан с мировым разумом. Таким образом, психическое напряжение, обусловленное в подсознании человека ритмами космоса, должно кардинально отличаться от ритмов природы на Земле. В первую очередь, это отличие заключается в сознании длительности времени, которое, как мы полагаем, также имеет топологическую природу, то есть не является линейным.

...

Необходимость понимания изначальной онтологической интуиции немецкой философии имеет для нас исключительное значение, поскольку существование русской культуры, начиная с петровских реформ, развивается полностью под влиянием западноевропейской цивилизации. Эта ситуация не нова для процессов мировой истории. Общеизвестно, как египтяне влияли на развитие греков и евреев, греки — на развитие римлян, а римляне — на развитие германцев. Ведь феномен возникновения и действия высших ценностей в сознании человека отображает судьбу не одного народа, а всего человечества, поэтому особенности формирования российской цивилизации, начиная с реформаторской деятельности Петра, лишь воспроизводят топологические «круги» развития мировой истории. Для нас важно установить предпосылки формирования новой исторической цивилизации на территории России, поскольку очевидно, что Темные Века не могут здесь длиться до бесконечности. Очередная Смута, которую переживает современная Россия, вызвана очередным рецидивом возврата к доминированию матриархальной психологии в сознании, что, безусловно, негативно влияет на процесс становления здесь самостоятельных зачатков цивилизации. С другой стороны, мы привносим нечто принципиально новое, что характеризует понимание законов мировой истории, а именно, сознание исторического процесса как отображение ритмов мирового разума, ко-

торые высшие расы реализуют в проекте развития мировой цивилизации. Действие это является крайне разрушительным для человеческой души, поскольку взаимосвязано с высшими центрами психики, где инстинкт смерти и определяет ритмы космологического сознания реальности. Таким образом, животное начало человеческой души «сжигается» психической энергией инстинкта смерти как «топливо», которое необходимо для взаимосвязи с наличием в душе активности разума, «натягиваясь» этой энергией на действие мирового духа. Наше понимание процессов высшей психики является единственной возможностью выяснить ее действие в качестве определенной системы в-себе, поскольку сознание неспособно проникнуть механической логикой в природу трансцендентного мира, который отображает взаимосвязь души с духовной реальностью.

...

Жесткая система стереотипов, сложившихся в массовой идеологии по поводу происходящих политических событий в мире, определена, в нашем понимании, тотальной властью низшей психики над сознанием, не оставляющей места для объективных суждений разума. При этом, если теологическая система представлений не только не отрицает наличия высшей психики, но и выводит происхождение мира и человека из божественного начала, то эволюционная теория полностью отрицает наличие трансцендентного мира, который выходит за пределы эмпирического сознания. Таким образом, оставляя в стороне теологическую гипотезу происхождения мира и человека, мы полагаем ложной именно биологически-эволюционную теорию, в которой категорически исключается трансцендентное начало высшей психики. В нашем понимании, именно трансцендентные основы высшей психики являются предпосылкой рациональной психологии человека, когда отрицание стереотипов представлений, действующих в определенную историческую

эпоху, разрушаются путем их постепенного топологического размывания.

Так, начала происхождения человека следует искать не в теологических и эволюционных представлениях, а в сложном воздействии космической системы на подсознание человека. Для разумного человека очевидно, что в событиях мировой истории всегда участвует некая сакральная сила, которая, в полной мере выражает нечто священное как для современников, так и для последующих поколений людей. В традиционном представлении утвердился стереотип сознания, который полагает «производителей» высших ценностей, художников и философов, «гениями», хотя это понятие никак не задевает вопроса о происхождении этих ценностей изнутри. Слишком просто, ограничив великие произведения творческого духа человека от остальной культуры своего времени понятием «гения», полагать, что другая, массовая культура прошлого, развивается по своим собственным законам, где доминируют, например, экономические цели людей. В нашем понимании, подлинное начало происхождения человека следует искать как раз в феноменах высшей культуры и в их воздействии на душу человека, тогда как массовые ценности являются определенного рода признаком слабоумия культуры своей исторической эпохи.

Фрейд в своем анализе творчества великих поэтов и художников попытался объяснить происхождение высших творений человеческого духа определенными психическими комплексами. Здесь мы замечаем странную тенденцию в современной интеллектуальной культуре, доминирующей в массовом сознании, — все психически здоровое выдавать за «болезнь», и, наоборот, все психически неполноценное за «норму». Так, за «норму» выдается стремление ограниченного человека постоянно думать о работе, о накоплении денег, то есть такое сознание, которое бы в исторические эпохи, где доминировал разум, полагалось если уж не слабоумным, то, по крайней

мере крайне примитивным. Но дело в том, что эта потребность социальной системы в увеличении интенсивности механического труда как-то незаметно стала именоваться «философией политэкономии» в том смысле, что мера напряжения нового типа производства стала рассматриваться как мера человеческой «свободы». В результате, в единстве этого механического усилия интеллекта и воли в массовой системе ценностей постепенно не осталось места для сознания художественной реальности, вне которой не существуют начала высшей культуры. Можно сказать, что масштабы и объемы производимых человеком материальных ценностей стали определенным гипнотизером его сознания, постепенно подавляя в душе высшие функции разума. Рассудок же человека никогда не сдаст позиции сознания перед высшей познавательной функцией разума, если последняя не совершит насилия над ним, которое возможно только через энергию высшей психики. Ведь высшая психика, действующая под влиянием энергии инстинкта смерти, существует в трансцендентном мире феноменов, которые не могут быть эмпирически доказаны.

Причиной нашего интереса к психическим процессам, происходящим в глубинах психики человека, является стремление обратить внимание на ее трансцендентную природу феноменов. Имеет место явление, которое, выходя за пределы известного опыта восприятия, определяет сознание, причем в достаточно близком психологическом состоянии души, находящейся под воздействием инстинкта смерти: ощущении тревоги, беспокойства и психического напряжения, фактически, вырывающего сознание человека из привычных психологических реакций на окружающий мир и текущие проблемы его жизни. Так, возникновение всех мировых религий, произведений искусства, открытий в области науки и само философское мышление есть прямой результат активности в глубинах человеческой психики ее высших центров, связан-

ных с инстинктом смерти, который постоянно разрывает сферу влияния на сознание потока знакомых ассоциаций восприятия. Только импульс воли, направленный против естественного состояния непосредственных ощущений сознания, дает возможность трансцендентному сознанию совершать свободный акт познания, тогда как механическое усилие воли никогда не выходит за пределы активности знакомых ассоциаций восприятия. Ведь психическое усилие, обусловленное разрушением взаимосвязи сознания со знакомыми психическими ассоциациями, направлено на то, чтобы, фактически, разорвать зависимость субъективного духа от соматических движений психики. Но эмпиризм, наоборот, требует максимальной зависимости сознания от знакомых ассоциаций, чье постоянное и непрерывное повторение и состоит в максимальной прочности стереотипов сознания массовых ценностей.

Психическая энергия инстинкта смерти также определена энергетическими импульсами, чье действие, несмотря на отсутствие его эмпирического содержания, выражает действие духа в человеческой душе и его воздействие на волю. Воздействие высшей психики физиологично в том смысле, что эта энергия определяет соматические психические реакции сознания, когда речь идет об исторических событиях: великих сражениях, процессе создания произведений выдающегося искусства и подлинного существа философского мышления. Однако подобная физиология, очевидно, определяется не массовым инстинктом, который характеризует нравы человеческой толпы, а инстинктом расы, то есть бессознательным потенциалом действия в человеческой душе духовного единства с себе подобным. Таким образом, энергия, которая формирует психологию человека высшего типа, кардинально отличается от массовой психологии человека. Например, Микеланджело большую часть своего времени проводил под сводами расписываемого им храма с запрокинутой кверху головой, от чего у него постоянно

болели шея и глаза, в которые стекала краска. Понятно, что подобное следствие воздействия духа на тело нельзя сравнить с механическим усилием раба, чей труд на поле в античном государстве или в средневековом хозяйстве также калечит тело. Но Маркс именно в этом механическом усилии раба увидел движущую силу мировой истории, которая порождает определенный «дух» существования производственной системы. Мы полагаем, что уже в самом психическом усилии непосредственного производства ценностей: духовных и материальных, существует кардинальное различие бессознательных импульсов. Духовные импульсы производятся в душе трансцендентной энергией, подчиняя себе животную психику человека, а механические импульсы, наоборот, производятся системой знакомых и постоянно повторяющихся ассоциаций животного начала души. Другими словами, уже на бессознательном уровне человеческой психики существует напряжение, предполагающее возможность различного направления развития ценностей его сознания.

...

Теперь нам будет не трудно ответить на вопрос о том, почему в наше время исчезло влияние высших ценностей в сознании человека, равно как исчезли и их производители, такие, например, как Микеланджело, Цезарь или Платон. С точки зрения приоритетов веры, в цивилизации постепенно стали восстанавливаться массовые функции сознания матриархата, когда человек начинает верить только в материальные силы и в то, что их производит. Производство воспринимается здесь очень широко: сексуальный мотив как необходимость биологического самовоспроизводства, совершенствование новых технологий как необходимость производства бытового комфорта жизни, необходимость производства нового вида знания как увеличение информационного пространства и так далее. В этом, подавляющем разум, напряженном ритме механического производства, как мы видим, отсутствует транс-

цендентная реальность, поскольку ее необходимость существования в матриархальной системе ценностей отпадает.

Мы должны понимать, что биологическая эволюционная теория происхождения человека ничего не объясняет в вопросе о происхождении разума, когда массовое общество демонстрирует нам, что подавляющее число окружающих нас людей лишены его элементарной активности в душе. Подавляющее большинство людей в массовом обществе существует под гипнотическим воздействием системы материального производства, однако материальные ценности суть продукт неразумного существования человека, которое, после ликвидации базовых инстинктов патриархата, стали именоваться «разумными», например, в марксизме. Трансцендентная реальность стала именоваться в марксизме «опиумом для народа» и «нищетой философии», что указывает на полную подмену разума, который является исключительно прерогативой патриархальной психологии или определенной мерой ее влияния. Как только это влияние прерывается, цивилизация начинает стремительно распадаться пропорционально рассеиванию в ней патриархального духа, поддерживающего расовые основы культуры. Для нас важно здесь то, что в исторические эпохи господства разума, начала происхождения человека полагаются духовными. Именно из этих духовных начал психики и проистекают все моральные принципы мировых религий, вплоть до табу первобытной культуры, поскольку низшие инстинкты в патриархальном воздействии на глубины человеческой психики почти полностью контролируются высшей психикой уже на бессознательном уровне.

Понимание современной исторической сущности разума требует переоценки роли матриархальной культуры в мировой истории, когда топологический характер развития цивилизации демонстрируют рецидивы глубокой массовой дегенерации человека в моменты распада цивили-

лизации, сопровождающиеся перестройкой высшей психики. Коллапс единого духовного пространства выражается в ослаблении высших центров психики, то есть «замыканием» действия психической системы на знакомых ассоциациях восприятия в круге непрерывного повторения стереотипов представлений о реальности. Массовые ценности дают нам бесконечное многообразие примеров этих кругов, например, размышления человека о своей работе, семье, о погоде, о продуктах питания и других примитивнейших мыслях, чье банальное течение и характеризует тот уровень жизни, который, собственно, не относится к подлинной природе разума. Подлинная природа разума требует разрушения стереотипов сознания, которые в каждую историческую эпоху ограничены: местом, временем, менталитетом народа и уровнем развития цивилизации в данном месте. Подлинные основы разума имеют бескорыстные мотивы познания, которые коренятся в высших слоях психики, тогда как стереотипы представлений всегда выражены определенной нуждой, определенной зависимостью от борьбы за выживание. Вообще, мотив выживания, в нашем понимании, определяет существо матриархальной психологии. Именно поэтому сословное общество, существовавшее до возникновения общества массового, строилось по принципу дифференцирования влияния системы стереотипов сознания. Так, крестьянское сознание, полностью обусловленное заботой о выживании, было определено в пределах небольшого количества простейших схем рассудка, направленного почти исключительно на заботу о хлебе насущном. Чем выше было сословие, тем меньше человеческая мысль зависела от той постоянной нужды за выживание, которое вели низшие классы. Но массовое общество все перевернуло вверх ногами, когда максимальная забота о выживании, как железным обручем, скрутила все виды социальной активности человека в необходимости объяснять свою деятельность исключительно ма-

териальной потребностью. Ведь это общество выстраивалось даже не из крестьянского сознания, которое, будучи определено началами патриархальной культуры, мотивировалось все-таки духовной основой жизни, — а из его наиболее неполноценных национальных анклавов. Эти люмпенские элементы как раз и выражали те архаичные импульсы матриархата, которые марксизм рассматривал в качестве движущей силы мировой истории.

...

Существует принципиальное различие между субъективным разумом и объективным разумом, понимание которого было выработано уже у Канта и Гегеля. Субъективный разум есть рассудок по существу, который действует в пределах представления, то есть направлен на максимальное внимание к ассоциациям непосредственного восприятия сознания. Объективный же разум, наоборот, существует только тогда, когда свободен от ассоциативного сознания. Эта свобода достигается путем разрушения зависимости мышления от влияния знакомых ассоциаций. Наибольший интерес здесь состоит в понимании объективного разума у Гегеля, поскольку Гегель отрицает объективность трансцендентального мышления на основании его ограниченной абстрактности. И действительно, подлинный разум не абстрактен, как рассудок, а существует в качестве непрерывного отрицания конечности субъективной мысли, то есть доведения ее до растворения в объекте как сущей открытости его идеи.

В вопросе об открытости идеи, как существовании основания разума для всех вещей и явлений реальности, мы должны обратиться к намеченному нами пониманию трансцендентного характера высшей психики, взаимосвязанной с инстинктом смерти. Здесь особенно важно проанализировать попытку Шопенгауэра разработать беспредпосылочный принцип бытия Платона, который он пытался определить как одну из особенностей чистого разума, понимаемого в духе Канта. Однако сам под-

ход к этой важнейшей проблеме, пониманию основ чистого разума, был ошибочным, поскольку чистый разум нельзя представить, то есть нельзя свести к сфере известных ассоциаций сознания. Любая попытка модернизации известных ассоциаций, которые не меняются в историческом сознании человека, всегда существуют в пределах конечности рассудка, который приходит в противоречие, когда начинает соприкасаться со сложными феноменами реальности. Последние всегда новы, поскольку их происхождение проектируется из глубин психики. Таким образом, именно внутренняя иерархия психического процесса, уходящая в глубины подсознания, составляет движущий мотив разумной воли человека, а не ее механическое усилие, почти полностью контролируемое рассудком. Топологический принцип онтологической сущности бытия состоит в том, что трансцендентное начало психики выражает трансцендентальную природу разума, которая действует как становление субъект-объектного момента познания. Вообще, мы полагаем, что именно линейное представление рассудка существует наиболее близко к формированию обыденных представлений, поскольку топологическая линия реальности всегда определена отрицанием границы обыденного сознания. Граница метафизики топологического существа разума выражена в качестве действия потока разрывов ассоциаций.

...

Любая новая цивилизация возникает из расового основания души. Здесь мы постулируем изначальную взаимосвязь основ расовой души с уровнем развития объективного разума в соответствующей культуре. Этот постулат определяется непосредственной идеей нелинейного развития мировой истории, как, собственно, и нелинейностью метафизического сознания, когда единство мировой культуры складывается из конечного множества различных культур. Начала возникновения философского знания в новой цивилизации, по-видимому, определя-

ют момент перелома от Темных Веков к эпохе Средневековья. Так, трудно себе представить, чтобы интеллектуальная среда, еще недавно полностью построенная на мистической вере в производственные силы и производственные отношения марксизма, завтра каким-то образом цивилизуется. Но главное для философской мысли осознать, что в известной истории российской интеллектуальной культуры отсутствует основа понимания объективного разума, — это дает возможность разрушить множество ложных стереотипов представлений, на которых строится российская, а еще недавно, строилась советская интеллектуальная культура. Важно сконцентрировать внимание на наиболее актуальном для нашего времени опыте философского наследия исторического понимания разума в философии Ницше и Гегеля. При этом, например, вопрос о сущности сверхчеловека в философии Ницше приобретает иной смысл в российской истории. В России речь должна идти о том, что такое разумный человек вообще, поскольку подавляющее количество людей здесь развиваются и умирают за пределами элементарных норм рациональной культуры. Ведь эти люди, которые представляют лицо современной российской культуры, а еще недавно представлявшие лицо советской цивилизации, очевидно, мало причастны к природе объективного исторического разума. Важнейшей задачей здесь является — переломить варварство человеческой души в сторону ее разумного самосознания.

...

В отличие от массового сознания, где все сводится к представлению, разумное историческое мышление не может быть представлено. Субъективная сущность разума, как рассудок, очевидно, представляема как конкретная вещь, предмет сознания, который в наших восприятиях и ощущениях отображает материальную границу мира, его плотность, интенсивность и полноту. Вопрос о духовной границе мира существует только в области проекции

сознания, отображающей высшие центры психики, где и выявляется объективная сущность разума как действие активности мирового исторического духа. В обыденном же сознании, разум всегда тождественен рассудочному суждению, которое не выходит за пределы его либо чисто эмпирической, либо чисто абстрактной сущности, то есть сохраняет дуализм противоположности восприятия сознания реальности и его представления о нем. Восприятие объекта в субъективном сознании рассудка всегда действует прямолинейно, поскольку ассоциативная связь между чувственным ощущением и сознанием в области абстракции имеет дело с горизонтом представления, которое движется по границе воспринимаемого. Таким образом, рассудок всегда действует по границе противоречия дуалистического сознания, которое выражает противоположность абстрактного и чувственного начала реальности.

Повторим еще раз, наше понимание человеческой психики предполагает, что в ней существуют высшие центры, связанные с инстинктом смерти. Предметом высшей культуры является художественное творчество и философское понимание существа мира. Здесь характер производства психической энергии иной, чем в низшей психике, а сознание действует не в линейности последовательных актов ассоциативного восприятия, а движется определенными «рывками» в области их разрывов, где отображается своего рода «шаровидность» направленности волевого акта, то есть его топологическая основа действия. Из этой «шаровидности», собственно, и возникает нелинейное представление мирового события. Таким образом, в нашем понимании, рациональное мышление никак не может быть следствием какой-то человеческой нужды, а выражает, наоборот, наивысшую полноту и предельную мощь психического здоровья человека. Во всякой нужде низших ценностей всегда есть что-то неполноценное с точки зрения открытости сознания миру. В

этом смысле, эволюционная теория наиболее «линейна» в историческом сознании и, мы видим, собственно, ужи-лась с линейным представлением религиозного монотеи-стического сознания. В ней все направлено «вперед», то есть по касательной к сущности бытия, ибо рассудок дол-жен все представлять в линейном направлении воли, то есть механически владеть всеми психическими импуль-сами.

Современная философия оказалась перед необходи-мостью решить вопрос, который ранее был, в основном, прерогативой либо религиозных представлений, либо фи-лософии, действующей в пределах теологических основ сознания: что такое дух? И здесь мы сталкиваемся с той проблемой, которая выходит за пределы представлений о духе, складывавшихся в монотеистических религиях мира, поскольку в них дух воспринимается глубоко лич-но в душе, как часть отображения представлений о еди-ном боге. Мы полагаем, что подобные представления из-жили себя в понимании современной динамики мирового духа истории, хотя и могут быть прибежищем тех людей, разум которых слаб.

Вообще, в переосмыслении существа разума и духов-ных основ реальности в эпоху распада цивилизации, фи-лософское мышление неизбежно возвращается к древ-нейшему расовому. В этом смысле, Плотин возвраща-ет греческую философию к таинству египетской магии, а Ницше — к духу греческой трагедии. Возможно, что в контексте реальности сознания появления высшей расы, речь должна идти о непосредственной природе разумно-го духа в человеческой культуре, которая отображает мо-мент его «вклинивания» в животные начала души.

Если горизонт исторической эпохи топологически скручивается в эпицентр единства духа народа, нации, расы, то расовая катастрофа, наоборот, предполагает ис-чезновение сознания духовного единства, то есть распад традиционной культуры, в которой остается лишь прямо-

линейность обыденных представлений. Можно сказать, что в этом случае воля теряет свою избыточную разумную мощь, которая проистекает от психического здоровья, и тогда само здоровье становится не просто исключением в культуре, а ее крайним дефицитом. Этот дефицит ощущается во всем, становясь причиной вырождения и, фактически, постепенной дегенерации человека, в котором перестают функционировать высшие центры психики. Параллельно, искусство, наука и политика начинают обслуживать и выражать эти дегенеративные импульсы человеческой души, в которых разум уже не контролирует бессознательные влечения низшей психики. Сама психическая норма, как следствие осознанных разумных действий человека, исчезает. Из глубин человеческой психики выплывает бессознательная потребность в культуре великой матери.

...

В современной душе дух человека соотносится с некой роковой силой, которая не сводится к пониманию в пределах известных теологических и метафизических представлений. Особенность этой силы состоит в том, что она имеет топологический, а не дуалистический, характер. Ее действие, протекая по топологическим линиям подсознания души, касается материальных сил в области бесконечно малых психических возмущений. Разум, в нашем понимании, проистекает из областей разрыва ассоциативного восприятия, то есть является прямой проекцией топологических линий духовной динамики человеческой души. Основой высшей психической жизни субъекта является ее топологический характер, который нельзя уловить в области линейного сознания реальности процессов психики. В этом смысле, дух нельзя представить, однако его присутствие можно отобразить в эстетическом созерцании. Так, именно система эстетических образов становится откровением разумного духа в непосредственном образе жизни человека, закладывая дух

традиции, где действуют патриархальные начала культуры. Вообще, основой эстетического образа сознания является задача «склеить» мертвый мир пространства в живую картину динамики мирового духа. Именно здесь существует подлинный критерий красоты, когда настоящее произведение искусства отображает через себя сознание вечности бытия. Но вне исторического сознания, времени, как духовной категории разумного образа жизни человека, не существует. Физическое время есть пустая абстракция монотонного повторения одного и того же, что, в принципе, есть безвремяе, с точки зрения реальности мирового духа. Однако, с позиции материального сознания, в котором существует абсолютная вера в производящую силу природы, это есть единственно возможный тип времени, который отображает механику физиологии человеческой души в проекции на его мускульную систему и систему механических операций рассудка. Этот тип времени, механический, связывает систему ассоциаций в единую базу, в которой формируются все элементы восприятия технократической культуры массового общества.

В понимании разумного духа как топологического элемента, определяющего, в частности, и авангардные рубежи современной научной мысли, мы должны указать на математические исследования в области топологических моделей, где принцип самоподобия топологических моделей фракталов отображает связи природы в их немеханической основе. Здесь линейный момент минимален, поскольку топологический рисунок природы всегда ускользает в бесконечную воспроизводимость своих связей. Можно сказать, что это бесконечное нанизывание кривизны на воспроизведение определенного рисунка и создает определенную плотность материи в окружающем нас мире. Природа духа родственна этой топологической картине рисунка, за тем исключением, что она движется в проекции на трансцендентное сознание реальности. Политическую, моральную, психологическую

и философскую сущность этой реальности мы и описываем. Наш подход в понимании реальности метафизический, поэтому главным в нашем описании-исследовании высших слоев психики является осознать ее центры, которые взаимосвязаны с разумной волей человека. Только в этом случае можно рассуждать о разумных мотивах поведения человека, равно как и разумных процессах, протекающих внутри цивилизации.

...

Самым простым топологическим метафизическим фракталом разума в человеческой душе является психическая активность инстинкта смерти, которая стремится освободить разум от его соматической зависимости. Именно здесь проистекает наивысшая активность человеческой воли, поскольку она насыщена духовной силой. Однако мы должны различать духовные процессы матриархальной психологии человека, которая определена духом природы, и духовные процессы патриархальной психологии человека, где доминирует разумный дух в его непосредственном откровении бытия. Именно последнее и составляет сквозную силу мирового духа цивилизации, где гибель локальных форм цивилизации есть лишь переход к ее базовым началам новых высших ценностей. Можно сказать, что в самой близкой к способности восприятия духа, но не являясь восприятием по существу, и проявляется в человеческой душе сознание инстинкта смерти. При этом матриархальная психология этого инстинкта порождает разрушительные орды, подобные орде татаро-монголов, германских варваров или большевистской орде, которые инстинктивно враждебны государственной психологии, построенной на патриархальном быте. Понятно, что эти орды интернациональны, когда какое-нибудь небольшое ядро, подобное племени Чингиз-хана или известной банде большевиков, становятся впоследствии силой, объединяющей огромные полудикие массы людей, жаждущих разрушения всех госу-

дарственных институтов. Бессмысленно полагать, что в этих ордах нет веры, — очевидно, что она есть, однако ее существо питается исключительно матриархальными инстинктами, то есть верой в порождающую силу природы. Именно поэтому большевики с невиданной жестокостью уничтожают церкви и храмы, в независимости от их конфессиональной принадлежности, а татаро-монголы стирают с лица земли города, — ими движет стремление уничтожить альтернативную веру в самых глубинных основах человеческой души. Дух в матриархальном сознании ассоциируется исключительно с задачей производства: людей, средств производства, товаров, нехитрых радостей непосредственной жизни, когда топология духа определяется не сущностью в себе, то есть пониманием его независимости от материи, а наоборот, мыслится в качестве духовного восторга от обилия и полноты непосредственного единения с природой.

Несомненно, мы должны понимать, что большевизм не является случайным событием в истории России, в первую очередь, доказывая отсутствие в ней основ рациональной культуры, которая строится на самостоятельной расовой организации. Начиная с реформ Петра, здесь закладывался антирасовый принцип культуры, который формировался на основе непрерывного глумления над основами собственного патриархального быта. Такая реформаторская деятельность могла дать положительный результат только в одном, в строительстве современной армии и флота.

В понимании исторических событий в России и в мире очень важно проанализировать и понять политические успехи марксизма в XX веке. Было бы легкомысленно не осознавать, что вера в мировую победу пролетариата, будучи интернациональной силой, является верой масс людей, объединенных очень сильным стремлением к ликвидации всех признаков патриархата в основах бытовой культуры. По-видимому, в наибольшей степени

здесь преуспели красные кхмеры. Страшные факты говорят сами за себя. От трехмиллионной столицы после захвата ее кхмерами в городе осталось несколько десятков тысяч людей. От 11000 тысяч студентов, после правления кхмеров осталось только 400, и так далее и тому подобное. Мы полагаем, что геноцид по отношению к элите нации происходил после захвата большевиками России и хунвейбинами — Китая, просто факты эти пока умалчиваются в силу доминирования на территории этих государств генетических последователей этих орд. Таким образом, основная сила марксистского учения состоит не в его «теории», которая бессмысленна с позиции объективного разума, а в агрессивности, с которой механический интеллект выступает против патриархальных основ быта, на основе которого существует расовое государство.

...

Таким образом, топологический характер мировой истории определяется периодическими процессами возникновения в истории человечества расовой катастрофы, когда варвары и рабы уничтожают государственные институты, расовую элиту народов и погружают в забвение разум. Философия и искусство, как область, в которой формируются основы высшей культуры, в эти эпохи исчезают. Они полностью фальсифицируются, как, например, в наше время, когда в массовой культуре под «разумом» утверждается активность механического интеллекта, а под «искусством» — сексуальные фантазии и образы примитивного технологического мусора технократической цивилизации.

Мы должны переосмыслить проблему «бездуховности» массового общества, которая обсуждалась весь XX век. В действительности, в массовом обществе дух существует, но его активность определена матриархальной верой в производящую силу природы. Можно сказать, что дух возвратился к своей минимальной активности, когда рассудок не владеет ничем иным, кроме как

ассоциативно-чувственным типом сознания реальности. Здесь трансцендентный мир исключен в качестве существующего в наличии, а вместе с ним исключено разумное существование человека.

Было бы бессмысленно сводить симметрию матриархальной и патриархальной веры, которая периодически доминирует в процессах развития цивилизации, к какой-то биологической особенности организации человека. В том то и дело, что с позиции матриархальной веры человека, современная психология технократического общества является вершиной достижения мировой цивилизации, а с позиции патриархальной веры, — состоянием безумия и почти полным забвением разума. Так, на уже простейшем уровне бессознательных влечений человека требуется рассматривать становление и утверждение веры в качестве сложной динамики человеческой психики в ее кардинальном различии мотиваций жизни. Понятно, что в механическом представлении о человеческой психике, доминирующем, начиная с Декарта, вопрос о различном типе бессознательных влечений не ставился, поскольку, в противном случае, человека нельзя было бы представить в качестве психофизиологической машины, где механический рассудок руководит через ассоциации полностью понятными мотивами влечений. Однако, как мы видим, бессознательный психический акт значительно влияет на сознание человека уже в формировании его непосредственной веры, когда «доверие своим чувствам», этот основополагающий принцип гуманизма, является относительным в патриархальной культуре, где разум выражается интеллигибельной сущностью бытия. Ведь если человек доверяет своему инстинкту смерти, то тогда весь этот многообразный мир чувственных впечатлений и эмоций становится иллюзией, которая уходит на второй план в видимости бессмертного начала мира, которое выражает сознание его духовного начала. Другое дело, что в непрерывном изменении понимания разумной действительно-

сти в историческом сознании, основы объективного разума постоянно меняются, разрушая стереотипы представлений о бессмертном начале бытия.

В современном метафизическом мышлении, безусловно, один из основных вопросов состоит в том, как понимать разумный дух по существу. Чем является духовное в его многообразии веры в древних цивилизациях, и чем оно является в настоящем, в качестве монотеистической веры, написано много. Метафизика долго осмысляла сущность единого бога. Однако в процессе расовой катастрофы, когда антропологический архетип, сформированный этой верой, постепенно оказался в меньшинстве в массовом обществе, влияние ценностей этой метафизики ослабевало, пока полностью не слилось с ценностью научного знания, с его различными течениями в сознании позитивизма. Для нас очевидно, что массовое общество, как система ценностей, сформированная подсознательными инстинктами матриархата, является машиной уничтожения расовой сущности человека и всех патриархальных норм жизни.

В странах, где развитие современных технологий невысокое, например, в Азии, процесс расовой катастрофы протекает медленнее, однако его действие здесь также очевидно. В результате, вера в исключительную ценность производственных мощностей, в экономическую целесообразность самого существования общества, стала основной движущей силой функций социума как системы, в которой доминирует сознание матриархата. С точки зрения разума, это есть массовое помешательство людей, поскольку сознание конечности человеческой жизни, проистекающей из инстинкта смерти, здесь практически полностью отсутствует. Современные кладбища в Америке и Европе в большей степени напоминают (насколько мы можем предположить) прогулочные парки, где домашние животные (жители мегаполиса) выгуливаются в состоянии забытия разума, когда поход к могилам пред-

ков становится такой же бездумной привычкой, как и поход в церковь. Вообще вся современная социальная инфраструктура западноевропейской цивилизации напоминает нам функционирование египетской цивилизации периода ее упадка, когда привычка, выработанная в течение многих веков, становится бездумным повторением одних и тех же действий людей, направленных только на одно, на биологическое выживание. Привычка имеет глубокие расовые корни, в отличие от представлений, которые идеология распространяет в массовом сознании. Эта ассоциативная система восприятия сквозит в жестах, мимике лица, в бессознательных и осознанных мотивах людей, существующих под влиянием процессов внутри цивилизации. И наоборот, она является полностью фальшивой и искусственной, когда отображается либо в психических реакциях варваров (как это имеет место, например, в современной России) или в странах, утративших свою национальную самостоятельность сознания (например, в Японии). Этот психологический стереотип поведения характеризует то бессмысленное кривляние психического склада души, которая, будучи неспособна развить свои разумные начала, пытается выразиться через деятельность механического рассудка, в котором разум отсутствует.

Здесь следует заметить, что через ассоциации легко передаются истины низших ценностей, поскольку массовые инстинкты, являясь инстинктами биологических основ человеческой души, мало меняются по существу с момента возникновения цивилизации. Поколения сменяют поколения, люди рождаются и умирают, в основном, не выходя за пределы стереотипов представлений своей эпохи, которые формирует инстинкт биологического выживания. А он, в свою очередь, строится как на экономии материальных ресурсов, так и на их максимальной добыче и производстве. В этом смысле, примитивный человек, возможно, действительно является биологическим род-

ственником примата, однако высшие ценности, которые производил человек высшего типа, никак не могли быть следствием борьбы за биологическое существование, поскольку дух есть продукт психического центра психики, разрушающего животное состояние души изнутри. При этом, если эмпирическое сознание находит достаточное количество фактов, подтверждающих гипотезу эволюционного происхождения человека, то рациональное мышление не может предоставить подобных доказательств существования трансцендентных основ человеческой души и, собственно, чистого разума, поскольку действие рассудка всегда обусловлено какой-то ассоциацией обыденного представления своей эпохи. В результате, топология разума должна непрерывно менять функции высшей психики, раскрывая их то в религии, то в искусстве, то в науке, то в философии. Однако напряжение двух полюсов бессознательных влечений души: инстинкта жизни и инстинкта смерти остается. Именно в этом напряжении конфликта двух различных полюсов активности подсознательной психики человека мы видим подтверждение мысли Платона о существовании двух миров, вечном, который соответствует духовной части человеческой души, и текучем и непрерывно становящемся, который соответствует многообразию чувственных ассоциаций восприятия. При этом, многочисленные психозы имеют происхождение именно в матриархальной психологии человека, где болтливость, истерия и неврастения становятся повседневностью жизни человека.

Онтология разума есть сознание иерархии строения мира, которая, в частности, определяется в качестве понимания познавательных средств мышления: научных, художественных и даже религиозных. Таково классическое понимание философии и мы его придерживаемся. Уже рассудок, оперируя абстракцией, использует лишь самые сложные ассоциативные реакции мышления, где логическая последовательность мыслей взаимосвязана в качестве их до-

пустимого разрыва. Само допущение этого разрыва и полагает действие рассудка логичным, поскольку рассудочное суждение строится в качестве видимости следующего момента мысли, подобно точки на прямой. Но, как известно, в математике иррациональное число не может находиться на прямой. Аналогичным образом и в сознании рассудка допущение иррационального разрыва связи ассоциаций предполагает наличие трансцендентной реальности, которую Кант относил к области существования разума. И, аналогично математике, где мощность иррациональных чисел превышает мощность чисел рациональных, в метафизике топологии разума, мышление является сечением, в котором мировой дух открывается как смысл существования определенной исторической эпохи. Понятно, что дух по самой своей сути должен в большей своей части быть иррациональным существом реальности.

Одной из основных характеристик разума и духа является их топологический характер, то есть особенность полагать субъект-объектную взаимосвязь мышления в их относительной противоположности в непрерывном становлении бытия. При этом нельзя все-таки путать субъект с объектом, когда субъект как непосредственная субъективная мысль, владеет объективным содержанием предмета, в первую очередь. Другое дело, что объект может быть субъективен как граница познания. Эту элементарную адекватность понимания основ субъект-объектного мышления следует осознавать, когда мы, исторически, существуем в эпоху Темных Веков, в которой, собственно, разумный внутренний мир человека, как общечеловеческая ценность, не является основанием реальности. Он не отделился как свободная субъективность разумного духа, в котором «Я» определено как высшая ценность самого познания, а не его прикладных задач: в области науки, политики, военного производства и других сферах технократической цивилизации. Ведь сознание субъективного «я», как разум, есть, в первую очередь, предмет объективной

полноты метафизической реальности, где выражена вся история мирового духа. Именно ее мы и не находим ни в теории биологически-эволюционного происхождения человека, ни в физической теории большого взрыва Вселенной. В обоих случаях линейное сознание истории исключает выход в другую плоскость основ существования реальности, например, в историю существования мирового духа, которая должна включать в себя понятие «вечности». Мы же выводим историю существования мирового духа именно из топологии метафизической основы высшей культуры, которая психологически формируется из точек разрыва ассоциативного восприятия, поэтому чувство глубокой радости, которую дух испытывает при соприкосновении с выдающимся произведением искусства, никогда не связано с чувством удовлетворения. Скорее наоборот, постоянная неудовлетворенность человеческого духа, при условии переживания глубочайшей внутренней радости, выражает основу созерцания высокого произведения искусства, что, безусловно, резко контрастирует с тем, что переживает человек при восприятии так называемого «современного искусства». Он переживает чувство отвращения, которое испытывает при восприятии разного рода элементов технократической культуры, из которых конструируется некий псевдо художественный объект. И действительно, в эпоху распада цивилизации задачей массовой идеологии является ликвидировать сферу, в которой существуют высшие ценности. В этом случае искусство начинает выполнять задачу, которая прямо противоположна своей сущности, а именно, не возвышать душу, а наоборот, наполнять ее низменными бессознательными импульсами, которые необходимы для того, чтобы полностью усыпить разум, подчинив его простейшим схемам механического рассудка. В результате, искусство распада цивилизации выражает психологию маленького человека, для которого сознание мелких бытовых радостей жизни становится определяющим.

...

Продолжительность существования различных агрессивных орд очень кратковременна, ибо они возникают в результате резкого возмущения подсознательных инстинктов матриархата, выплескивая в мировую политику примитивного агрессивного самца, подобного Чингиз-хану или Атиле, стирающего с лица земли слабые государства. Аналогичным образом, и орда большевиков в России действовала очень недолго. Разрушив основы патриархального быта, она стала стремительно распадаться, пока не перешла в основу того варварского государства, которое существует вплоть до нашего времени. Культ свободной любви, «обобществление» женщин, существовавший в ценностях большевизма, является в действительности ни чем иным, как попыткой полностью исторгнуть из глубин человеческой души сознание духа-отца. И наоборот, дух в реакциях матриархального подсознания выражает систему прямых проекций сознания животной части души. Именно поэтому Гегель выступал против тех, кто мыслит абстрактно, поскольку этот тип мышления лишен разумного содержания в качестве активности высших слоев психики. Однако механическая мысль здесь находит свою полную свободу, апеллируя к эмпирической науке и социальным ценностям, где движется в абсолютной вере в основу взаимосвязей непосредственного чувственного восприятия.

...

Во всех исторических цивилизациях, начиная с шумеров, мы находим зачатки экономических отношений в государстве, проблемы семейной жизни, борьбу государства за сферу политического влияния — все это суть земное, которое формируется в сознании массовой культуры в силу чистобиологической сущности человека. Мы, собственно, не посягаем на вопрос о происхождении биологической конституции человека, которая определена в пределах функционирования низшей психики,

практически не меняющейся в истории развития мировой цивилизации. По-видимому, если бы сознание человека определялось только низшими психическими импульсами, то тогда не возникали и не гибли целые цивилизации, а существовало только монотонно текущее, построенное на непрерывном воспроизведении одних и тех же целей, существование социума, которое мы наблюдаем в эпоху распада любой мировой цивилизации. Это та или иная механика мысли, которая строится на привычках, выработанных столетиями и даже тысячелетиями, если рассматривать историю Древнего Египта, определяет стереотипы поведения человека в области низших ценностей. Разрушить их практически невозможно. Сомнение в существовании одного бога постепенно формирует веру в другого бога; гибель одного государства компенсируется формированием другого. Все эти истины, безусловно, являются истинными только в контексте своего времени, утверждая свою «вечность» в соответствии с конечными положениями рассудка в его доверии духу традиции. То, что сама традиция возникает в истории фактически из ничего, для рассудочных суждений не принципиально, поскольку его положения находят аргументы в пользу «извечности» самой традиции. История Рима возводится античной мифологией к греческим героям Трои, случайно заброшенных в среду диких италийских племен. История христианства вырастает из истории Ветхого Завета, который описывает сотворение мира. Но все эти рассудочные установки веры действительны только в пределах некоторых опорных точек истории, возникающих из освященного мифом ограниченного отрезка исторического времени. Ведь современный разум не может принять, как это полагается в библейской традиции, что мир и человек возникли шесть тысяч лет назад. Артефакты первобытной культуры показывают, что человек существовал задолго до этого времени.

Рассматривая сущность истины, в первую очередь, мы находим ее дифференцированный смысл, который протекает из определенной точки зрения: политики, науки, религии, искусства и других областей культуры. Так, если религия утверждает, что бог существует, а эмпирическая наука утверждает, что нет, то это противоречие снимается в относительности обоих точек зрения в топологии метафизической сущности истины. Топологическая сущность разумной истины утверждает, что вопрос веры в бога или неверия в него выходит за пределы современных вопросов разума, которые определяются другими метафизическими прерогативами сознания. Эти вопросы, будучи вопросами субъективного восприятия мира, не касаются более общих вопросов, которые состоят в том, что в любом случае, в бытии существует нечто сакральное, а любое утверждение рассудка необходимо обосновывать или доказывать. Так, как известно, в египетской мифологии отсутствует иероглиф, соответствующий понятию бога, однако трудно спорить с тем, что именно египетская культура из всех других культур мировых народов была наиболее религиозной, почитая сакральное в его бесконечном многообразии. Вообще, противоречивость живой мысли отрицает конечные суждения рассудка. Поэтому начало бытия, в течение времени реализации определенного рационального проекта в мировой истории, постоянно меняется: вода — у Фалеса, атомы — у Демокрита, монада — у Лейбница, — все это суть операции конечными величинами как бесконечными и наоборот.

В отношении двух видов исторической веры: патриархальной и матриархальной, мы должны дать им метафизическое определение, с позиции которой мы понимаем природу разума. Патриархальная вера, в нашем понимании, строится на подсознательных космических ритмах души, тогда как матриархальная — на ритмах земного человеческого существа. В этом смысле, человек имеет двойственное происхождение, когда его биология и

его дух возникают из кардинально разных источников. Примитивную аналогию мы можем найти в физике, в корпускулярно-волновой природе света, когда свет является, одновременно, и порцией энергии, квантом, и волной. В метафизическом понимании психики человека, мы находим его низшие психические функции, обусловленные земными ритмами бессознательных влечений, и высшие психические функции, выраженные космическими потоками психической энергии, связанной с его индивидуальным инстинктом смерти. Однако в отличие от схоластической философии средневековой Европы и классической западноевропейской философии Нового Времени, этот дуализм является условным, поскольку различие на материю и дух отчетливо только в рассудочном сознании, тогда как в бессознательных влечениях существует практически неразличимое пересечение множеств высших и низших психических актов. Они являются целым, которое, собственно, есть поток действия топологии сознания бытия во всем ее многообразии проявлений.

Когда мы рассматриваем природу материи и духа в области топологии метафизики разума, то должны полагать определенную меру напряжения топологической структуры пространства культуры реальности, в котором движется адекватное историческое сознание времени. В данном случае, мера, как иерархия онтология бытия, характеризует различные психические возмущения в их проекциях: на известные ассоциации, связанные с непосредственным восприятием и ощущением реальности, и на точки их разрывов, в которых выражается трансцендентная основа мира. Повторим еще раз, трансцендентная основа мира взаимосвязана с эстетическим созерцанием, которое не может быть ассоциативно-чувственным в непосредственном восприятии, поскольку, в противном случае, душа бы не испытывала подъема, соприкасаясь с бессмертной природой разумного духа. Именно для этого Гегель ввел понятие «опосредствование» не-

посредственных восприятий, то есть требование взаимодействия души не только с ассоциативным восприятием чувственного сознания, но и с полнотой иррациональных глубин, которые упорядочиваются вследствие активности в ней разумного духа.

...

Ценность есть точка зрения, которая ассоциативна, если она обусловлена чувственным восприятием, однако она не имеет ассоциативной базы, когда субъект созерцает свой внутренний мир, обусловленный высшими психическими импульсами. Поскольку высший психический акт лишен опоры в чувственном восприятии, выражая реальность трансцендентного мира, то мера высшей ценности не имеет прямой проекции на земную шкалу человеческого сознания. Это сверхчеловеческое, которое дает вдохновение всему великому в мировой истории. Его в полной мере можно определить и как иррациональное состояние души с позиции конечного рассудка, который в восприятии не способен разрешить противоречие жизни, то есть действие воли во всей ее полноте.

Легко заметить, изучая мировую историю, что примитивные истины мало меняются от одной цивилизации к другой. Экономическая целесообразность и проблемы биологического выживания, совершенствование технологий производства — все эти примитивные цели человека всегда действуют в определенной системе стереотипов представлений своей эпохи, будучи бесконечно далеки от сознания высших ценностей. Эти конечные представления рассудка ограничены стереотипами представлений своего времени, которые, в свою очередь, обусловлены определенной прямолинейностью взаимосвязи реакций низшей психики и сознания. К таким представлениям можно отнести особенности древнеегипетского мышления, связанные с сезонным разливом Нила, крестьянские представления почти всех народов мира, связанные со сбором урожая, забота о биологическом потомстве и тому подобные

обыденные представления. Здесь конечность человеческого рассудка господствует в полной мере, исключая позиции разума, которые отрицают эту конечность. Однако не следует полагать, что варварскими племенами и народами, разрушающими дряхлеющие цивилизации, движет разум, — ими движут чисто природные импульсы животной души, поэтому здесь события расовой катастрофы показывают нам разрыв с топологической природой разумного духа. Именно здесь мы приходим в противоречие с линейной концепцией мировой истории Гегеля, полагающего, что и варварские нашествия, например, германцев на Рим, есть историческая необходимость. В действительности, они бы не являлись необходимостью, если бы эти нашествия не заканчивались впоследствии формированием патриархальной культуры, на которой, как на трансцендентной базе психики, формировалась рациональная основа существования цивилизации. Так, например, нашествия монголов и гуннов не привели к формированию самостоятельной цивилизации из их этнической системы, поскольку эти полудикие души могли существовать только в антагонизме с функциями цивилизации. Поэтому нелинейность развития исторического процесса характеризуется возникновением его вектора из непредсказуемого, можно сказать, стихийного процесса расообразования. Этот трансцендентный мир стихийного процесса расообразования скрыт в потоке перемешивания различных коллективных бессознательных инстинктов смерти народов и рас, в области которых рождаются и умирают различные культы и религии. Возмущения этого стихийного процесса можно наблюдать только в его конечной фазе, когда устанавливается какая то одна вера. Но сам бессознательный хаос души создают космические ритмы, протекающие в высших слоях человеческой психики. Здесь рождается основа патриархального быта, который отображается в моральных принципах жизни, постепенно формируя основу духовного опыта души.

Таким образом, множество человеческих ценностей, действующих в определенной исторической культуре, в первую очередь, необходимо разделить на низшие и высшие. Первые, образуя земную сферу мышления человека, конечны, и, собственно, складываются из стереотипов представлений своей эпохи. Они, как правило, определяются задачей биологического выживания человека, то есть касаются наиболее примитивной человеческой психологии, которая доминирует в эпоху глубокого разложения цивилизации, а также в Темные Века новой зарождающейся цивилизации. Здесь начала высшей культуры практически равны нулю, когда понимание вечного начала бытия просто исчезает, и человеческое сознание постепенно перетекает в непосредственность животного образа жизни, который обусловлен постоянной заботой о выживании и совершенствовании технологических средств этого выживания. Именно это время характеризуется доминированием низшего типа человека, который, собственно, лишен действия разумных начал души, хотя его рассудок очень активен.

...

Было бы слишком просто понимать низший тип человека в какой-то известной системе представлений, например, в качестве стереотипа противопоставления: аристократии и плебса, ибо граница эта проходит не в сфере социальных отношений, а в области меры присутствия разумного духа в человеческой душе. В этом смысле массовая культура выражает самые примитивные ценности. Содержание разума в них стремится к нулю, пока вообще не исчезает, когда исчезают все признаки присутствия высшей активности человеческой психики, и, как следствие, полноценное искусство и подлинная философская мысль. Ведь последние, как мы утверждаем, и есть наиболее концентрированная область присутствия разумности существования человека в цивилизации. Религия и наука, в нашем понимании, выражают в большей степени границу между разумным и неразумным, когда первая — стягивает

топологические элементы разума к его полубессознательной духовной энергии, а вторая — к способностям суждения абстрактного рассудка. Другими словами, разумная мотивация человеческой воли не может определяться конечными положениями рассудка, а должна содержать в себе присутствие высших психических актов, которые, в свою очередь, исключают эту конечность в процессе реализации самой цели. Именно поэтому мы полагаем неразумным марксистское учение, в котором именно конечные установки сознания определяют цели человеческой воли: развитие новых средств производства и борьбу классов, как будто человек, в первую очередь, есть животное, а не разумный дух. Однако для сознания варвара, к которому обращается марксизм (ибо пролетарий является варваром по отношению к патриархальной культуре), оказывается мистическим откровением, что конечные истины человеческой жизни также определяют ход ее истории.

Несложный анализ психического здоровья человека в массовом обществе показывает, что его социальные механизмы работают не на основы полноценной психики, а на формирование в человеческой душе различных психических отклонений. Понятно, что упрекать здесь какие-то конкретные политические силы не имеет смысла, поскольку в процессе распада цивилизации разум практически перестает контролировать политическую жизнь, в которой постепенно начинают действовать какие-то случайные политические силы. Жизнь цивилизации в период своего упадка возвращается к психологии матриархата, в котором дух, как самодовлеющая сила, исключен, получая право выступать только в качестве неразрывной взаимосвязи с материей. Материя, в данном случае, имея внутри себя избыток порождающей мощи природных энергий, полагает в человеческой душе дух как меру наслаждения, которую человек испытывает от различного рода женских «родов», поскольку он видит результаты активности этой природной энергии: рождение ребенка, произ-

водство товаров в промышленности, строительство дома и других видов материальных сил. Именно на этом, чисто женском инстинкте, построена магия веры марксизма, чье наслаждение от различных видов производства побуждает варварскую волю к действию. При этом, легкомысленно не осознавать, что матриархальная культура лишена агрессии. Наоборот, ее агрессивность явно выражена в психопатии и неврастении, которые и создают, собственно, психологическую атмосферу массового общества.

...

В нашем понимании, начала разума, в первую очередь, взаимосвязаны с онтологической природой времени. В этом смысле, речь идет о разумном понимании процесса воздействия трансцендентного мира на сферу эмпирическую. Можно в него верить или не верить, но он действительно существует. Можно наделять его божественным происхождением или это отрицать, — все равно он существует. Вообще, следует проститься с попыткой понимать разум научно, хотя, конечно, отдельные его составляющие, например, такие как логика, постепенно приобретают научное основание. Разумный дух является непредставляемой сущностью, хотя способности нашего рассудка и обладают возможностью в представлении находить его границы. Эти границы постепенно способны приобретать религиозное или научное содержание, но оно всегда является ограниченным различными стереотипами представлений. Ограниченность стереотипов представлений и создает множество предрассудков своей эпохи.

...

В массовом масштабе современный человек испытывает психические аномалии, связанные с катастрофически низкой активностью в его душе высшей психики. Другие причины, которые медицина пытается найти в научном объяснении массовых психических отклонений человека, несоизмеримы с главной причиной, с тем, что

человек перестал размышлять над разумной целью своего существования. Если человек отождествляет себя с животным, то его сознание целиком и полностью захвачено материальными процессами реальности, в которых присутствие духа состоит только в том, чтобы абсолютно верить в них. Допустить, что существует сакральное поле трансцендентного мира, которому подчинен мир материальный, в пределах массового сознания, невозможно, ибо тогда вся его социальная инфраструктура окажется бессмысленной. Ведь в социальной инфраструктуре массового общества практически полностью доминирует подсознательная психология матриархата, то есть вера исключительно в земные силы природы.

С другой стороны, нельзя не понимать, что борьба земного и не земного в человеческой душе ведется постоянно. Даже после разрушения дряхлеющих цивилизаций, сами варвары постепенно: либо создают зачатки патриархальной культуры, либо исчезают из истории, возвращаясь к состоянию животной непосредственности души. Следует заметить, что процесс совершенствования новых технологий является следствием расовой психологии исключительно западноевропейских народов, который происходит из самого духа западноевропейской метафизики. Во всех других странах технологическая инфраструктура является мерой влияния на их культуру чужой цивилизации, поэтому не может полагаться какой-то внутренней необходимостью исторического развития. Сюда, очевидно, не относятся военные технологии, которые, собственно, всегда характеризуют зачаточные элементы становления новой цивилизации, поскольку разум, по существу, как активность высшей человеческой психики, является агрессивным проявлением человеческой воли.

Понятно, что механический труд на заводе или в офисе требует наибольшей активности непосредственности чувственного восприятия, которые формируют веру в существование единственности материальных сил. Живот-

ные начала души и их результирующая в интеллекте, чистая абстракция, создают то пространство сознания, в которой функции разумного духа исключены. Следовательно, сознание человека мегаполиса постоянно движется в многообразии низших ценностей, то есть тех впечатлений, которые, ассоциативно запрограммированы на воспроизведение знакомых образов и знакомых переживаний. Другими словами, сознание человека мегаполиса существует под постоянным «колпаком» непрерывного воспроизведения знакомых ассоциаций, которые образованы системой гипнотического воздействия на его подсознание низших рефлексов психики. Можно сказать, что человек мегаполиса замкнут в своей психике для возможности понимания разума, поскольку подлинный разум всегда являет собой духовного сферу существования человеческой души в современной исторической необходимости. Это понимание невозможно в мегаполисе в силу отсутствия активности в душе человека высших слоев психики, требующих отрешенности от взаимосвязи со знакомыми ассоциациями. Именно поэтому, собственно, и исчезло из обихода современного живого интеллектуального языка понятие «душа», которое неизбежно требует указание на существование разумного духа. Но в матриархальной психологии местонахождение духа, психоаналитически, указано вполне отчетливо, это сексуальный инстинкт, который в человеческой душе выполняет функцию веры в производящую силу природы. Великая мать, производящая сила природы, действует в сексуальном инстинкте своей таинственностью духовного начала, сопряженного с мистерией биологического возникновения жизни.

...

Чтобы осознать историческую ситуацию, в которой оказался человеческий разум в массовой цивилизации, необходимо понять, что, в первую очередь, в ней полностью исключено полноценное эстетическое чувство реальности.

Красота является недопустимой роскошью в мегаполисе, где все подчинено экономической необходимости. При этом, красоту нельзя путать с эстетикой технического дизайна, который является частью купли-продажи материальных ценностей. В аспекте кардинального отличия эстетики разумных и неразумных ценностей мы должны возвратиться к философии Платона. Если учесть, что античный разум является эстетическим мышлением по существу, то тогда онтология в античности является отображением меры возвышающего духа красотой. Дух, в античном мышлении Платона, отображает трансцендентное начало мира в качестве сгущения топологических элементов разума, которые мыслятся как эйдосы, то есть как мера напряжения воздействия разумного начала души на непосредственную чувственность и весь материальный мир в целом. Фактически, эйдос, в качестве психоаналитической конструкции, является мерой бытия, где разрывы ассоциаций чувств, из которых возникают трансцендентные элементы сознания, не сводятся к конечному восприятию, а скорее «подтягивают» его к себе, создавая напряжение эстетического пространства. Поэтому идеальный мир Платона мыслится в качестве топологии сознания реальности, в которой множество онтологических элементов суть умозрительные откровения разума, к которым чувственный мир «подтягивается» в качестве относительной данности. В результате, возникает максимальный подъем души, который активизирует высшие ресурсы психики, тем самым, собственно, создавая определенные ценности морального сознания.

Этот экскурс к философии Платона необходим нам, чтобы понять, почему в эпоху распада цивилизации исчезает влияние духовного начала души на сознание: оно обусловлено исчезновением критерия красоты, на котором, как на трансцендентном сознании реальности, формируется объективная позиция разума. Ведь красота, являясь неприметной сущностью по отношению к земному сознанию, будоражит, в первую очередь, те ритмы

души, которые взаимосвязаны с ее высшими психическими актами. Понятно, что эти ритмы, как определенного рода кванты психической энергии, должны на что-то проецироваться, когда фокусом этих проекций становится действительность, где присутствует разум. Топологически «стянутая» к границам трансцендентного мира, человеческая жизнь приобретает контуры сверхчеловеческого, которое реализуется в сознании высших ценностей.

...

Особенностью современной интеллектуальной культуры, которая начала складываться после второй мировой войны, является процесс нарастания психических аномалий человеческой души, обусловленный постепенным угасанием высшей психики человека. Практически, это выразилось в доминировании в этой культуре двух крайностей примитивного мышления: эмпирического факта и чистой абстракции. В обоих случаях, речь идет не о топологическом мышлении, которое мыслит диалектически, а о построении логических схем, отображающих различные связи ассоциативного мышления. Другими словами, речь идет об исключительно материальных феноменах реальности. Они подгоняются под схематизм различных представлений обыденного сознания, в котором механический принцип восприятия мира с устаревшими, по существу, метафизическими предпосылками, может доминировать в сознании только тогда, когда душевная жизнь подчинена монотонному течению животных влечений психики. Эта трактовка, ставшего обыденным представления реальности выражена антропологической схемой сознания, которая утверждает, что нет ничего, что было бы недоступно для понимания человеческого рассудка.

...

Заметим, понятие «варварство» актуально только тогда, когда существует понимание разума, активно воздействующего на человеческую жизнь. В противном случае,

это понятие исчезает из живого языка. Как только оно исчезает, происходит фальсификация сущности разума, поскольку непосредственным существом его действия является экстенсивное расширение пространства высших ценностей. Низшие ценности, или суждения обыденного рассудка, существуют за пределами разумного мышления. Для простейшей предпосылки патриархального сознания ценность непосредственности жизни выводится из сознания смерти, которое преодолевается в позиции разумного духа. Другими словами, в разумной позиции, первоначально существует дух, который затем выявляет в себе природное начало, но в конечном положении рассудка он вновь является духом. Иначе он мыслится в материализме, где первоначально мыслится материя, затем она, как чистая абстракция, выражается в духовной силе, а потом опять возвращается к природной полноте, но уже как бесконечной силе. Таким образом, неполноценная человеческая душа также имеет духовное основание, которое, в силу его минимальной активности в психической жизни, крайне сложно «зацепить». При этом, именно эта бесконечно малая величина духовной активности души мешает разобраться в современных процессах мировой цивилизации, где за мнимым «безверием», в социальной активности массового общества скрывается вера, проистекающая из низших слоев человеческой психики. «Зацепкой» за эту бесконечно малую величину духовной жизни матриархата души варвара и деграданта современной массовой цивилизации, безусловно, является учение психоанализа.

Основная проблема, следовательно, состоит в том, что неполноценная психическая энергия является основой активности массовой цивилизации. Ее носитель — тип человека, который не относится к национальной культуре мировых народов, поскольку сформировался из национального анклава. Процесс подмены разумного существования человека ничтожными целями в массовом об-

ществе культивирует «скромность» и «трудолюбие» дегранта массового общества. Он состоит в том, что профессионализм человека выражается в исключительной ограниченности его познавательных способностей, которые «широки» ровно настолько, насколько необходимо, чтобы выполнять в социуме свои примитивные функции механической деятельности рассудка. Подобный принцип профессионализма охватывает все сферы массового общества. Вся эта тупая масса людей, лишённая зачатков разумной мысли, трудится для того, чтобы это бессмысленное биологическое массовое целое выживало, снабжая себя необходимыми ресурсами питания, сырьевыми ресурсами и новыми технологиями производства. Здесь «разум» понимается как экономическая целесообразность существования этой биологической массы людей, то есть, собственно, неразумно.

Понятно, что человеческое варварство никогда не было преодолено в мировой цивилизации. Ведь преодоление варварства состоит в наличии в душе рационального мышления и, в соответствии с ним, разумного образа жизни человека и государства. Так, все варвары, начиная от древнего мира и кончая новейшей историей, наоборот, в первую очередь стремились вобрать в свой образ жизни технические достижения цивилизации, игнорируя ее высшие ценности, то есть опыт философии и искусства. Например, большевизм, в первую очередь, стремился овладеть технологическими достижениями цивилизации, тогда как философия при советском режиме, как и искусство, исчезли почти полностью. Невозможность функционирования полноценной человеческой души в среде варваров исключает разумные движения души по существу. Именно такова была власть большевиков, которая, ссылаясь на марксистское учение, ликвидировало русское государство, построив на его обломках варварское государство, подобное государству остготов на развалинах Римской империи. Собственно, этот дегенеративный тип че-

ловека и сейчас доминирует в современной России, поскольку старый расовый архетип человека практически исчез, а новый заражен этой психической неполноценностью, оставшейся после длительного периода советской власти.

Как мы полагаем, варварство человеческой души всегда коренится в архаичных инстинктах матриархата, который суть бессознательное желание человека оставаться ребенком при постоянной заботе матери. Эта детская непосредственность связана с отсутствием сурового морального требования в глубинах души. Именно эта особенность рыхлого морального пространства существования человека дала возможность развиваться в русской интеллектуальной культуре примитивной психологии нигилизма, которая выражает варварские позиции сознания по отношению к высшим достижениям мировой цивилизации. Анархизм и большевизм — это суть аморализм сознания неполноценной человеческой души, которая не знакома с пониманием объективных законов разума, поскольку в ней состояние детской наивности перемешано с мрачной агрессивностью состояния ее дикости. Проявление мягких моральных требований к человеку, при условии сохранения дикости глубин его души, влечет за собой не утверждение ценностей человеческой свободы, а, наоборот, беззаконие охлократической власти. Свобода начинает пониматься как способность обходить моральные требования, поскольку их мягкость воспринимается как нечто несущественное в повседневной жизни. Это и есть психология единой семьи, в которой государственный принцип очень слаб. В этом смысле в истории государства Российского мы находим единственное развитие разумного принципа в послереформаторской России Петра, это современную армию, которая всегда сохраняет в себе огонь подлинного исторического духа, когда он гаснет в душах людей в их повседневной жизни. Ведь подлинное государство — это очень высокая зрелость челове-

ческой культуры, ответственность каждого индивида за происходящие в стране события.

...

Главная причина, как мы полагаем, массового распространения неполноценной человеческой психики в мегаполисах мира состоит в минимизации активности высших психических импульсов души, которые взаимосвязаны с трансцендентным сознанием реальности. Сознание единственности существования материального мира, которое определяет рефлексы массовой души в технократической культуре, формирует психический склад человека в качестве биологической единицы социума, которая лишена разума. Ведь разумный дух требует отчетливого критерия неуничтожимого начала бытия, который выражает позицию субъективного разума здесь и теперь. Но такое разумное начало отсутствует в жесткой позиции прагматичных установок сознания, чья логика конструируется из задач и интересов единого социума. В том и состоит особенность действия разумного духа в человеческой душе, что он не существует в каноническом установлении каких-то обыденных представлений, а постоянно меняет свою топологическую траекторию, то есть синтез высших психических импульсов. В результате этого постоянного изменения траектории, которая имеет стихийный характер, направление развития мировой истории определяется мерой наивысшего напряжения высших центров человеческой психики.

Наша оценка высшей психики человека проистекает из сознания нравственного здоровья человеческой души, которое, собственно, состоит из меры причастности ее подсознательных импульсов динамике процессов трансцендентного мира. А эти процессы, в свою очередь, выражаются в способности высших психических актов схватывать сознание времени в его проекции на действие объективного исторического разума. Подобная цепочка взаимосвязи исключает прямую ассоциативную зависимость

сознания от представления, чья пространственная основа строится из линейных проекций чувственного восприятия. Так, положение, что данный объект есть определенно представляемое субъективное чувство его восприятия, в основном, полностью применим только к механическим процессам. Сознание красоты, в данном случае, не может полагаться полностью объективным на основе субъективного восприятия, которое имеет бесконечное многообразие точек зрения субъективного вкуса. Если этот субъективный вкус, правда, попытаться полностью нивелировать до какой-то примитивной механической схемы, то есть, например, до декоративного дизайна, то тогда это объективное многообразие пропадает. Вместо него возникает не сознание красоты, а чувство целостности отдельных объектов в их субъективной целесообразности местоположения. В результате, в сознании теряется момент полноты, который проникает в него из трансцендентных точек объективной реальности. Мы должны предположить, что эти трансцендентные точки есть те кванты высшей психической энергии подсознания, которые не могут быть ассоциативно восприняты, поскольку в них не происходит приведение переживания к какой-то конечной точке представления. Не случайно древние греки мыслили эти трансцендентные элементы как круги и шары, то есть не в качестве самого объекта, а в качестве границы, к которой сводится пространство, лишенное прямоты реакций чувственного восприятия. Ведь круг и шар, в качестве пространственных элементов, всегда имеют бесконечное множество точек касания и, следовательно, предполагают наличие бесконечности как условно конечной величины. В силу этого, физика, как учение о законах материи, которые даны нам в наших чувствах, не могла развиваться в др. греческой науке, сводящей онтологический принцип к эстетическому восприятию во всей его полноте. Другими словами, в др. греческом сознании не было вообще деления на трансцендентное и эмпириче-

ское, поскольку материя здесь мыслилась как определенная топология сознания, то есть, фактически, как математическая модель.

...

Было бы легкомысленно не осознавать основы современной политической системы либерализма как одну из форм политической охлократии, то есть социальной организации, которая враждебна разуму. Ведь, по существу, экономическая система либерализма является определенным набором самых примитивных целей человека, которые исключают действие в его душе разума. Современная политическая система либерализма построена на стремлении души к чувственному удовлетворению, когда постоянно растущая интенсивность потребления и производства материальных ценностей практически ликвидировала все проблески человеческого разума. Таковой исключен в динамике инстинктов матриархата, поскольку не предполагает, что существует область сознания, не связанная с чувственными ассоциациями. Подобная ограниченность понимания существа разума стала в нашу историческую эпоху причиной его фактического забвения в процессах развития западноевропейской цивилизации. Ведь реальная сущность сознания объективного разума в человеческой душе взаимосвязана с основами глубинной памяти, которая не развивается механически, различного рода интеллектуальными упражнениями, а живет и выражает расовый дух нации или народа. Разумный дух, в отличие от матриархальной веры в природные процессы и явления, существует как отображение трансцендентных начал души. Как мы полагаем, материальная часть действительности является бесконечно малой частью объективной реальности, в которой существует духовная реальность. Последняя, в силу ложного ее отождествления в науке с чисто иррациональными процессами психики, не исследуется, поскольку в технократическом обществе господствует тоталитарная вера в единственность природ-

ных материальных явлений. Наоборот, в науке дух рассматривается как «особое» свойство материи.

...

Понятно, что влияние разума никогда не исчезало в цивилизации даже в самые мрачные времена истории. Это влияние лишь временно ускользало в подсознание, чтобы в нем найти новые основания своего существования. При этом главной причиной забвения разума становится утрата расовой памяти человеческой души в традиции патриархата. Переход одной системы разумных ценностей в другую систему происходит в области трансцендентного мира, поскольку чувственная непосредственность сознания всегда ограничена потребностью рассудка, — сохранять систему обыденных представлений. Кроме того, в самой способности суждения рассудка заложено умение искусственно подражать схемам мышления, в которых ранее протекала историческая судьба разума. Особенно умело здесь действует варварский ум. В данном случае мы имеем ввиду культовое отношение к научному знанию в России, например. Ведь полудикая душа всегда стремится утвердиться в том, в чем разум уже заложил свое метафизическое основание, то есть в известных истинах рассудка. Именно в этой области варварский ум добивается наибольших результатов, поскольку, при условии неразумности души, он имеет достаточно внутренней агрессии, чтобы осваивать области науки, сопряженные со сферой военных технологий. Однако агрессия нового познания духа ему недоступна. Здесь варвары во все времена мировой истории ведут себя одинаково, разрушая, в первую очередь, иерархию культуры до того уровня, в котором человеческое ничтожество может становиться культовой политической фигурой. Таковы были действия большевиков в начале XX века и во многом действия современной политической элиты в России. Все эти неполноценные человеческие типы: Троцкие, Ленины, Бухарины и другой человеческий сброд мог выделиться только

в такой политической среде, где зачатки разума исключены. Подобные политические фигуры, фактически, способны действовать только в пределах активности примитивных ценностей человеческих масс. Однако проблема русской истории состоит в том, что в расовом смысле, все эти неполноценные человеческие типы заложили в стране определенную психологию политической власти, в которой способен полноценно себя чувствовать лишь неполноценный человек.

Основная ошибка оценки современными историками политической ситуации в России состоит в том, что они пытаются найти аналоги подобных исторических процессов в прошлом. Но это принципиально невозможно. Как бы критически мы не относились к прошлому России до 17-го года, оно обладает внутренней преемственностью своей истории и культуры, в которой, по крайней мере, существует позиция субъективного разума. Эта позиция вполне отчетливо выражена в государственных ценностях самодержавия и православия. Однако после 17-го года и вплоть до нашего времени всякое наличие адекватной разумной оценки политической и исторической ситуации здесь исчезает. Ведь не может же разум наделять неполноценного человека ценностью, которая определяет разумную стратегию развития государства. Первоначально необходимо оценить неполноценного человека как реальность, враждебную разуму. Но для такой оценки необходимо понимание самой основы высших ценностей, то есть необходимо полагать первичным ту полноту и жизненную мощь полноценной человеческой души, которая глубоко враждебна той психологии, которая уже около столетия доминирует в России.

Вообще, для того, чтобы что-то радикально политически изменить в судьбе России, разумные силы должны себя осознавать здесь как реальность, враждебную практически всему столетнему опыту советской власти,

где массовая социальная психология сложилась из архетипов большевистской орды. Ведь события после 91-го года характеризуются тем, что все эти варварские политические силы переместились из своих коммунистических станов в станы капиталистические, реально являясь внутренней борьбой мелких и крупных банд, ведущих борьбу за сферу влияния. Как при советской власти, разумный человек, проходя мимо какого-нибудь райкома вздрагивал от ощущения соприкосновения с неразумной политической структурой, так и в наше время, проходя мимо какого-нибудь банка в Москве, вздрагивает от внутреннего напряжения, которое он испытывает от наблюдения физиономий, больше напоминающих разбойников и бомжей, чем предпринимателей и бизнесменов. В большей степени моральная атмосфера в этих зданиях напоминает нам психологическую атмосферу кочевых станов в городской черте, каким-то непонятным образом оказавшихся в системе мегаполиса. Впрочем, почувствовать это может только разумный человек, а он еще не имеет своей культуры в России, то есть среды правового существования. При этом, эти кочевники очень энергичны, очень агрессивны и ведут себя как хозяева в захваченных городах. Мы не находим здесь главного, что характеризует причастность этих политических сил внутренним процессам мировой цивилизации, — наличия какой-то элементарной патриархальной психологии, состояния оседлости этих варварских политических сил.

Как это всегда бывает в среде варваров, в сознании которых высшие ценности полностью отсутствует, низшие ценности раздуваются до тотально доминирующей мифологии. Экономика становится культовой системой представлений, в которую верят как в мессианское откровение. Ведь поделить, как в банде, огромные материальные ценности государства, что произошло после распада СССР, выдав все это за «движение к рынку», можно только в стране, где подавляющая масса людей совершенно

незнакома с действием разума в человеческой душе. Такое могло произойти, вероятно, только в Африке, где разборки племенных банд является повседневностью политической жизни.

...

Существует ложное представление, что высшие слои общества всегда проникнуты процессом разложения, вызванного большими финансовыми и политическими возможностями для получения человеком, находящегося в их среде, удовольствия. Во-первых, следует заметить, что деградация, например, аристократии в Западной Европе, происходит параллельно возникновению выдающихся произведений художественного искусства, то есть компенсируется активным влиянием высших ценностей на сознание. И, в целом, доминирование позиции разумного духа в отдельных очагах политической жизни общества всегда оправдывает этот локальный процесс нравственного разложения политической власти. Но наше время не дает какого-то морального оправдания глубокого нравственного разложения политической власти, поскольку факт выживания масс людей, выдвигаемый в качестве аргумента, не является разумным доводом в доказательстве даже косвенных признаков наличия в массовой идеологии высших ценностей. Вообще, этот метафизический разрыв с известной традицией объективных событий исторического разума происходит после второй мировой войны, когда следы исторического разума теряются. Можно сказать, что разум впадает в состояние забвения.

Процесс забвения разума в человеческой культуре есть следствие смещения центра подсознательной активности человеческой души с позиции влияния в ней начал патриархальной психологии к доминированию инстинктов матриархата, то есть к восприятию всего происходящего в сознании как чистого отображения природных внешних процессов реальности. Именно на

этой предпосылке построено и учение марксизма и ценности либерализма, чьи разногласия существуют только в области прав на частную собственность и взгляда на экономические процессы. Принципиального разногласия по отношению к высшим ценностям в этих учениях не существует, поскольку они построены в соответствии с признанием существования только низшего существа человека.

...

Активность в сознании человека обыденных стереотипов представлений, по-видимому, взаимосвязана с его животным инстинктом выживания, поэтому всегда противостояла разуму. Так, например, всего несколько десятилетий в мировой истории понадобилось для того, чтобы человеческие массы восприняли «извечность» существования социальной организации массового общества и политическую систему либерализма как «высшее» благо для человека. А ведь до появления массового общества, сословное общество существовало тысячелетия, где иерархия государства была построена на сословиях. Государства, во все времена мировой истории, начиная от древних цивилизаций и кончая началом 19-го века, определяли свою внутреннюю политическую организацию как иерархию сословий. И только технократическая культура нанесла по этой многотысячелетней традиции разрушительный удар. Одним из главных механизмов разрушения патриархальной психологии здесь стала социальная инфраструктура мегаполиса, построенная таким образом, чтобы возмущения высшей психики были минимальны. Одним из главных противоречий конфликта разума с социальной структурой мегаполиса массовой цивилизации являются, по крайней мере, два его социальных постулата: о равенстве людей и о прерогативе экономических процессов для существования государства. Здесь мы видим те базовые принципы низших ценностей, которые исключили все зачатки развития разума в человеческой душе.

В методах разрушения тоталитарной системы массовых ценностей, на которых строится современное государство, следует определить альтернативу существования массового общества, по существу. Ведь если социальная организация враждебна развитию человеческого разума, то она рано или поздно должна быть разрушена, поскольку высшей ценностью в истории цивилизации является действие разума в человеческой душе. Однако было бы наивно полагать, что массовое общество является слабой политической системой. Наоборот, это очень жесткая социальная структура. Понятно, что технические достижения массовой цивилизации являются основным аргументом в «прогрессивности» этой социальной структуры по отношению к достижениям культуры прошлого, однако для мыслящего разума главным критерием является мера развития духовной свободы человека. Но именно об этой свободе речь не идет в массовом обществе, где дух, как мера объективного развития разумных начал человеческой души, собственно, и не существует, поскольку здесь мера духовного развития человека не превышает развития ребенка, которого мать оберегает от сознания смерти. Можно сказать, что все это сообщество инфантильных человеческих типов, которое существует только для того, чтобы биологически выживать, когда разум пребывает в забвении.

Только один психический импульс не определяется массовой культурой, это импульс влечения к смерти, который выражает взаимосвязь сознания с трансцендентным началом мира. Понятно, что здесь человек не может находиться в состоянии детской инфантильной восторженности, к которому приучает его массовая культура, поскольку счастье и удовольствие почерпнуть из инстинкта смерти невозможно. Это, собственно, и не человеческий импульс психики, поскольку человек не способен ни полностью контролировать его, ни проникнуть в его природу. В соприкосновении с началами трансцендентного мира, ко-

торый определяет природу разумного духа, высший психический импульс проникает по ту сторону от чувственного восприятия, посылая обратные импульсы в качестве возвышенного чувства, которое и является условием активности разума в человеческой душе.

...

Воровская физиономия — это основное лицо современной финансово-политической элиты российской реальности. При этом мы не стремимся здесь кого-то оскорбить, а лишь адекватно оцениваем ситуацию Темных Веков, в которой активность разума в сознании людей стремится к нулю. Ведь варвар, как неразумное существо, способен понимать только исключительно низшие ценности, поэтому, максимально, что способна воспринять и развить интеллектуальная среда постсоветского общества, — это ценность научного знания, то есть область, которая граничит со сферой высших ценностей, не проникая в них. Высший тип человека живет по своим, принципиально отличным от обычного человека, законам, которые не могут по самой своей сути описываться стереотипами представлений своей эпохи. Ибо в социальной схеме представления рассудок необходимо владеет материалом своего соотношения с комплексом ассоциаций, через которые происходит прямая взаимосвязь с образами чувственных восприятий. Эта прямая взаимосвязь чувственной ассоциации в сознании, то есть прямолинейность бытия, отсутствует во взаимосвязи трансцендентного мира и сознания, которое реализуется как топологическая линия онтологического измерения, то есть линия, где горизонт события скрыт в достаточно малой близости от его действия. Подобная сокрытость топологической сущности разума есть единственная возможность его побеждать в среде власти прямолинейных стереотипов, в которых человек, как биологическое существо, постоянно замкнут своими психическими импульсами на свой инстинкт выживания и самосохранения.

Неконтролируемость высших психических центров и есть наличие активности духа в человеческой душе, поскольку психофизиологическая часть души, будучи механической системой, контролируется рассудком в области знакомых ассоциаций. Собственно, сама возможность этого контроля и создает основу существования массового общества, в котором человек рассматривается как элемент внутренней системы планируемых социальных процессов. Это обусловлено тем, что в неразумной системе ценностей, которая начала складываться еще в буржуазной морали, именно умение обойти известные моральные нормы стало определенным достоинством, а по существу, тем восстанием рабов в морали, которое и определило все развитие западноевропейской цивилизации около столетия назад. Мы определяем этот международный тип вора-дегенерата, доминирующего в политической и финансовой жизни современной массовой цивилизации, как тип *quasi homo*, то есть как низший антропологический тип. Лукавство, хитрость, стяжательство, которые определяют характерные черты типа *quasi homo*, являются следствием процесса расовой катастрофы, в первую очередь формирующего сознание неполноценного человека. Но заметить это невозможно в моральной среде, где культ наживы ликвидировал все признаки разума.

Разум реализуется только тогда, когда познание имеет бескорыстный мотив, поскольку бескорыстный мотив познания строится на восприятии полноты бытия, а механический принцип познания формируется на основе взаимосвязи знакомых психических ассоциаций. Механический принцип познания требует максимального дробления на простейшие первоэлементы, которые, как полагается, должны обратно собраться воедино в представлении. Но дух невозможно себе представить. С точки зрения известных связанных ассоциаций, получаемых в чувственном восприятии, скорее было бы полагать, что его вообще не существует, поскольку его происхождение

определено в большей степени интуицией, которая касается трансцендентного мира, но неспособна в него проникнуть каким-то доступным для механического сознания методом. И если традиция метафизической мысли ранее ссылалась на божественный авторитет, то в наше время, время научного критицизма, следует максимально освободить мышление от известных стереотипов, которые дают возможность описывать сакральное известными понятиями. Здесь первый был Ницше, поскольку он, сохраняя взаимосвязь с сакральной природой бытия, тем не менее, не использовал понятие «бога» для его понимания. Его выводы были довольно радикальны: не существует трансцендентного, не существует морали, не существует бога, то есть не существует метафизической мысли, по существу, поскольку сакральное, как оно переживается в новом расовом сознании, нельзя свести к какой-то абсолютизации, к какому-то центральному понятию. В этой новой интуиции сакрального переживания души, сознание скользит по топологическим линиям пространства, практически не зацепляя знакомых человеческих ассоциаций, в которых можно найти опорные точки для сознания спасения души.

Было бы наивно не осознавать, что во все исторические времена существовали и воры, и дегенераты в человеческой среде. Однако, параллельно всегда присутствовала среда людей, которая была в полной мере психически полноценна, образуя вокруг себя позиции разумного существования человека. Но как только среда людей, отстаивающих разум, исчезает, необходимо возникает стремительная психическая деградация человека, обусловленная распадом его высших центров психики. И если в историческом прошлом, было традицией полагать, что, возможно, существует новая сфера божественного откровения, которая формирует новую культуру, то наше время характеризуется тем, что идея божественного откровения стала сомнительной. Умерла сама идея бога, хотя очевид-

но, что сфера сакрального переживания души осталась. Мы полагаем, что главной причиной смерти идеи божественного начала мира стало ее почти полное включение в систему стереотипов представлений, которую произвела западноевропейская метафизика. А когда идея становится стереотипом представления, она умирает, переходя в область обыденного сознания, которая связана с механическим представлением о реальности.

...

Человеческая масса, по существу, является объединением людей с ущербной психикой. По-видимому, это основная характеристика массовой души как в Темные Века, так и в массовом обществе цивилизации эпохи распада, когда происходит утрата человеческим сознанием зачатков разума. Человеческая масса может быть и достаточно цивилизованной в том смысле, что способна методически трудиться, создавая иллюзию какой-то целесообразности существования. Здесь культ профессионализма определяет ценность человека в массовом социуме. Эти иллюзии многообразия целей массового человека в мегаполисе, конечно, поддерживаются современной идеологией доминирующей политической системы либерализма как доказательство какого-то смысла его существования в массовом социуме, однако по отношению к разуму это является безусловным проявлением безумия. Ведь механический труд в системе высших ценностей является доказательством не наличия разума в человеческой душе, а лишь доказательством наличия в ней определенного абстрактного рассудка, то есть способности оперировать известными ассоциативными схемами восприятия в пределах известных представлений. Понятно, что с физической точки зрения, механический рассудок рассматривается как «разум», поскольку современная физическая наука не имеет метафизического основания, которое имела классическая наука. Поэтому физиологически стала рассматриваться человеческая психика, то есть как

работа головного мозга, поскольку духовная составляющая не интересует эмпирическую науку. Мы имеем ввиду здесь природу как всю полноту и сложность ее целого. Вместо самого исследования природы во всей сложности ее процессов, мы находим разнообразие абстрактных схем, которые ее описывают, а не проникают в ее сущность. Известный тезис маркеизма, что «труд сделал из обезьяны человека», мы понимаем в том смысле, что низший тип человека, хотя и изменился анатомически и психически, с точки зрения развития разумных основ души так и остался на уровне примата, поскольку, в нашем понимании, механический интеллект не определяет принципиального отличия разумного человека от животного. С точки зрения расовой организации человека разумного, которая в нашем понимании сложилась всего два-три столетия назад, массовый человек является значительно более примитивным антропологическим существом, чем человек традиционной культуры, поскольку последняя имеет патриархальную основу ценностей.

По-видимому, в период расовых катастроф, когда происходит глобальная перестройка высших психических центров человека, момент возвращения его к животному состоянию души неизбежен. В первую очередь, он сопряжен с тем, что из сознания человека исчезает присутствие духа как необходимости неких сакральных сил, которые определяют ход развития мировой истории. Представление о духе остается, конечно, но оно трансформируется в область момента сил материальных, как, например, это имеет место в марксизме, где духовное вдохновение вызвано ощущением освобожденного труда пролетария. В марксистском учении существует представление, что совершенствование в цивилизации средств материального производства создает этот духовный элемент. Однако главной ценностью здесь является сознание, что вдохновение души пролетария или раба возникает из чувства удовлетворения, которое он получает в результате

воздействия своего труда на природу. Но для нас, очевидно, что подобный род механического усилия воли является следствием крайнего упадка патриархального духа, поскольку патриархальный дух создается не вдохновением от усилий внешнего изменения мира, а от сознания его внутреннего, трансцендентного изменения. Эти изменения мало заметны с механической точки зрения психофизиологических процессов, ибо доверие чувственному сознанию, из которого строится технократическое сознание, ограничено связностью непосредственных ассоциаций восприятия. Но любая непосредственная ассоциация должна, языком диалектики Гегеля, быть опосредствована, или подвергнута деструкции инстинкта смерти, то есть разум должен выявить свою сущность как действительный закон, а не пребывать в замкнутости непосредственного чувственного восприятия.

Глава 2

Метафизика реальности

В системе ценностей массового общества, право человека на жизнь, заявленное в идеологии либерализма, в действительности, исключает разумные основы человеческой души. Так, для того чтобы человеческая жизнь имела ценность, с разумной точки зрения, она должна иметь подлинное основание, то есть основание, которое выводится из неуничтожимого начала бытия. Высшая психика, в отличие от низшей психики, отображает энергию материальных сил в русле их вторичного влияния в жизни человека после его духовной активности души. В отличие от марксизма и психоанализа, где человек рассматривается как, в первую очередь, социальное существо, в системе высших ценностей он рассматривается как существо ра-

совое. Он является расовым существом в том смысле, что его психическая организация есть производная от единого основания духовного пространства, которое порождает определенный антропологический тип человека. Ведь разумный человек выражает основы объективного действия разума, в частности, выражающиеся на его лице, а не только существуя в абстрактном представлении. Но современная политическая культура российской реальности, существующая на уровне нравов Темных Веков, выражает именно психологию вора, который, будучи не знаком с разумным образом мыслей, достаточно ловко умеет маневрировать в варварской социальной среде, которая построена по типу воровской малины. Здесь главное, как мы видим, быть нравственно раздавленным, чтобы быть признанным «своим» в этой среде, которая имеет свои подсознательные истоки в нравах большевистской орды. В том то и дело, что эта неполноценная среда людей берет свою подсознательную основу не из русской культуры. Таким образом, основная ошибка, в нашем понимании, в исторической оценке современных политических событий в России состоит в том, что ангажированное идеологическое представление пытается максимально уменьшить масштабы национальной трагедии, произошедшей в 17-ом году. Ведь по существу, речь должна идти о массовом безумии русской интеллигенции в этих событиях, а не о борьбе политических партий с царизмом.

Когда шаманы-политологи современной политической системы в России пытаются проецировать свои социальные фантазии на социальные процессы в западноевропейской цивилизации, то они не учитывают главного: в России отсутствует то, что, собственно, на элементарном уровне определяет ценность политической либеральной системы общества, а именно, наличие среднего класса. Средний класс должен выражать какую-то мораль, какую-то ценность честной и достойной человеческой жизни, когда соблюдение правовых и каких-то эле-

ментарных нравственных норм признается общепризнанным благом общества. Но мы обнаруживаем в современной России только какие-то отдельные банды: политические и финансовые, которые обрастают разного рода челядью, то есть лакеями, проститутками, наемными убийцами и откровенными идиотами, готовыми выполнять за определенную плату любую работу. Быть элементарно честным человеком в современной России, — это значит, быть каким-то мифологическим героем в среде первородных сил зла, выплескивающихся в диких нравах варваров. Ведь практически ничего не сделано в России после 17-го года, что можно отнести к какой-то самой простой основе объективного сознания разума, то есть действия права и нравственного закона.

Таким образом, с позиции объективного разума, мы оценивает современную политическую ситуацию в России как доминирование неполноценного человека, чей антропологический тип начал формироваться здесь после 17-го года, когда русское государство пало под ударами большевистских орд. Дальнейшая судьба русской нации теряется, поскольку неполноценный тип человека, quasi homo, не имеет определенной национальности, а выражает лишь стремление к наживе и агрессивной потребности защищать награбленное. То, что этот дегенеративный тип человека, первоначально, прикрывался прогрессивной идеологией марксизма, а в наше время, идеологией либерализма, не меняет главного, что характеризует его с метафизической точки зрения как низшее антропологическое существо. Впрочем, пустая болтовня многочисленных правоведов и идеологов современного политического режима пытается доказать, что социальная система современной России выражает принципы правового государства.

Механизмы всякой цивилизации начинают формироваться с отчетливой разумности целей людей, которые определяют собой наличие, собственно, правовой среды

как сферы субъективной реализации разума. Но именно этой сферы мы не находим в России с 17-го года. Здесь действует инстинкт стадного человека, который способен мыслить лозунгами, но не разумно. Собственно, мы имеем варварское государство, подобное государству остготов, возникшее на развалинах Римской империи, которое контролируется варварскими политическими силами. Трудность в осознании этого факта состоит в том, что осколки русской нации смешались с варварской политической средой, которая начала формироваться здесь с 17-го года как антирусская политическая система. Но эти осколки, заложив элементарные навыки профессионализма во всех областях жизни государства, практически никак не повлияли на нравы социума, которые остались на уровне воровской малины.

Таким образом, политическая ситуация в современной России такова, что возрождение государства невозможно из состояния массовой психической дегенерации, которая является следствием разрушения русского государства после 17-го года и появления на его развалинах варварского государства. Это государство существует только в сознании варвара и для потребностей варвара, поскольку объективная разумная цель существования этого государства отсутствует. В силу этого, только человек, лишенный разума, способен участвовать здесь в политической жизни, создавая иллюзию социальной активности массового общества. И если в западноевропейских политических структурах цивилизации исчезновение современных объективных позиций разума есть следствие реализации его исторического проекта в полной мере, то в России мы имеем обратный процесс, а именно, исчезновение даже субъективной разумной позиции, существующей в ее государственных образованиях до 17-го года. Эта субъективная разумная позиция существовала в русском государстве как ценность самодержавия и православия, поскольку была адекватна сознанию всей тысячелет-

ней истории развития государства. Этот топологический разрыв с субъективной позицией разумной мысли, произошедший после трагических событий 17-го года и определивший мифологическое существо «разума» как технические достижения советского режима, характеризуется глубокой массовой психической деградацией человека.

Если разумный человек лишен возможности какого-то политического влияния на ситуацию, где социальные структуры построены на принципах воровской психологии, то он должен создать свои структуры. Такой структурой может быть только кастовый механизм власти. Понятно, что когда мы рассуждаем о кастовой системе власти, то имеем ввиду не социальный институт, который выражает регулятивный аппарат конечных целей людей, обусловленных необходимостью выживания любознательного социального животного, но основы доверия между людьми, определяющие собой действие нравственного закона. Здесь мы должны отбросить стереотипы представлений, утверждающих, что нравственный закон существует только в религиозном сознании. Этот стереотип, правда, наиболее реакционно действовал в сознании именно российской интеллектуальной среды, что и дало возможность большевизму создать свой миф о «революционной морали». Так, отсутствие метафизической мысли, то есть философского мышления по существу, стало причиной того, что вся традиция русской мысли, которую пытаются выдавать за «философию» до 17-го года, постоянно решала вопросы морали в пользу необходимости ее обоснования в православном вероучении. Поэтому появление идиотской идеологии «революционной морали» стало основой аморализма большевизма, выдаваемого за «новую» мораль. Именно здесь следует искать те предпосылки возникновения «морали» воровской мафии, доминирующей и в наше время в стране, когда эта «мораль» то выдается за ценности демократии, то за ценности рынка. Основная ее черта, — эта наглость действий

воровской психологии человека, попирающего самые элементарные человеческие нормы жизни. Одним из таких вопиющих примеров действия воровской натуры мы полагаем тотальное разграбление собственности Советского Союза, когда небольшая горстка воров присвоила себе практически все материальные ресурсы государства, которые создавались в течение почти столетия. Кто эти воры? — ответ очевиден: внуки вождей большевистской орды и вся их многочисленная челядь, то есть наиболее неполноценный тип человека, в силу нравов Темных Веков доминирующий в политических структурах государства в последнее столетие. Именно этот *quasi homo* и разграбил собственность Советского Союза, и он же образовал ту демократию, которая строится на нравах воровской малины.

Восстановление российской государственности не может происходить в пределах изменения социальных структур, возникших и развивающихся в психологии племенных инстинктов, которые утвердились в России вместо основ патриархального быта после 17-го года. Практически все социальные институты в современной России проникнуты психологической атмосферой люмпентства, распространяющей вокруг себя процесс массового вырождения и деградации человека. Эта психическая неполноценность, как чума XX века, заполняет собой все сферы политической и финансовой жизни в государстве, не оставляя шансы разумному человеку что-то радикально изменить здесь в сторону правовой системы существования. Таким образом, чтобы кардинально изменить политическую ситуацию в стране, в ней необходимо объединение политических сил, никак не связанных с социальной системой, построенной на культивировании неразумных начал человеческой души. Собственно, не принципиально, какой тип дегенератизма культивируется в большевистской психологии: люмпенской культуры или псевдолиберализма, — главное, что этот неполноценный

тип человека объявляется единственной активной политической силой в стране. Мы же полагаем, что это далеко не так. В действительности, наличие новой государственности следует искать в интернациональном объединении тех политических сил, которые сложились в качестве поиска политической альтернативы существования варварского государства. В любом случае, варварское государство не имеет будущего, поскольку оно аморально, то есть неразумно. Какие бы достижения технического прогресса оно не достигало, оно будет государством-изгоем в истории мировой цивилизации, не дающей моральных прав на существование вору и дегенерату.

...

К какой же культуре принадлежим мы, то есть среда людей, которая обладает разумом и ясным пониманием политической и моральной ситуации в России и мире? Очевидно, что никак не к той социально-массовой среде, которая сложилась в России с 17-го года. При этом, как не пытаются современные интеллектуальные теории приуменьшить масштабы национальной трагедии 17-го года, для нас очевидно, что тысячелетний период российской истории закончился в этот момент нашествием большевистской орды, с последующим разрушением основ и принципов русского государства. В дальнейшем, присутствие в политической жизни неразумных русских элементов никак не повлияло на антирусский характер социальных структур нового типа государственности. Впрочем, точнее было бы сказать, что характер этой социальной системы был враждебен любой национальной психологии, то есть психологии, имеющей свое происхождение в расовых началах человеческой души.

Мы полагаем, что мы относимся к новой расовой культуре, первые элементы которой были заложены европейским искусством Возрождения. Подчеркнем главное, — наше понимание связи с этой традицией является именно расовым, то есть выявляющим подсознательную вза-

имосвязь, которая движется не в известной последовательности линейного сознания, а имеет топологический принцип, то есть некоторую систему исторических дискретных переходов рациональной системы ценностей. В нашем понимании, расовое сознание, в отличие от массового сознания, характеризуется сознанием нелинейности последовательности исторического события, первый опыт понимания которого появляется в философии Ницше и исторической концепции Шпенглера. Основная черта этой топологии разума мировой истории состоит во внутреннем единстве различных культур высших исторических рас в судьбе мировой цивилизации, где высшая раса есть организация, в первую очередь, определенно-го психического склада человека. В высшей психике все непосредственные психические реакции человека, в этом случае, «заморожены», то есть животная чувственность, как таковая, становится вторичной после психических импульсов, проистекающих из трансцендентных начал души. Фактически, сознание трансцендентного мира становится не только соучастником происходящих исторических событий, но и его судьей, который раскрывает отдельную человеческую судьбу как топологическую меру действия в ней разума.

Таким образом, наша оценка современного российского государства как варварского, проистекает из понимания современного объективного исторического разума, но никак не современной постиндустриальной эпохи, где властвует безумие и произвол низших ценностей. Но если в истории западноевропейской цивилизации мы находим последний проект понимания разумного духа как его реализации в научном знании, то в российской истории метафизических основ для существования объективного разума мы не обнаруживаем. Так или иначе, психология большевизма пронизывает все ее существование, начиная с петровских реформ, когда политическая власть формируется из человеческого материала с явно ущербной чело-

веческой психикой. Основным аргументом, в этом смысле, для нас является тот факт, что государство строится не на основе разумного основания, который определен расовыми началами человеческой души, а из массовой психологии человека, то есть сферы низших ценностей сознания. В результате, процесс деградации человека в политической власти усиливается из столетия в столетие, пока окончательно не ликвидирует все признаки субъективного разума. Начинается расовая катастрофа, которая заканчивается нашествием большевистской орды. В дальнейшем мы видим, что следы национальной культуры практически полностью исчезают, поскольку для нас ее наличие определяется как присутствие разума в политической системе.

...

Мы полагаем, что понятие «варвар» возникло в др.греческой культуре не столько в понимании явления не греческого языка и не греческих ценностей, сколько в осознании неполноценности человеческой психики, ее ущербности, то есть психического нездоровья. Поэтому понятие «варвар» исчезает, когда сама высшая раса растрачивает свой полноценный психический потенциал коллективной психической энергии, постепенно сливаясь с неполноценными движениями психики. Такова была судьба греков, а в наше время судьба европейских наций. Вообще, именно психическое здоровье определяет эпицентр существования и активность высшей расы. Ведь очевидно, что все великие народы и нации в определенный период своей истории возникали из кочующих орд и племен, находящихся под внешним влиянием какой-то развитой цивилизации. Понятно, что в этих народах психическое здоровье было минимально для зачаточных начал формирования разумного духа. Этим народам потребовалось, по крайней мере, тысячелетие, чтобы преодолеть состояние варварства и зависимости (период предистории цивилизации, по Шпенглеру). С другой стороны,

нельзя полагать, что исторический процесс развития протекает линейно, — он постоянно прерывается периодами мелких и глобальных (связанных с исчезновением развитых цивилизаций) расовых катастроф. Например, история развития российской цивилизации имеет, по крайней мере, два периода расовой катастрофы: первый, локальный, связанный с татаро-монгольским нашествием, и второй, глобальный, связанный с нашествием большевистской орды.

Таким образом, вопрос о существовании новых политических сил мировой цивилизации есть вопрос о наличии активности разумного духа в определенной группе людей. Эта активность, в нашем понимании, есть условие формирования высшей расы, которая, собственно, является аккумулятором развития процессов мировой истории, опираясь на высшие ценности. Однако наше время характеризуется глубоким разобщением разумных людей. Ведь основа разума — это бескорыстный принцип познания, никак не вкладывается в систему современных экономических отношений окупаемости товара, его спроса и предложений. Дух и разум не могут быть «товаром», поскольку они, в отличие от рассудка, существуют за пределами чувственного восприятия и представления. Эти сущности вообще трансцендентны, то есть выходят за пределы непосредственного чувственного опыта и возможности их представления. Поэтому свести их к системе экономических отношений нельзя и, более того, именно они и разрушают уже сложившуюся систему экономических отношений, когда новая вера разрушает то, что было незыблемо в стереотипах представлений в течение многих веков. В нашем понимании, основа экономических отношений, возникающая в период распада цивилизации, является ослаблением патриархальных начал культуры, сопровождающейся исчезновением позиции в ней разума. При этом, можно заметить, что высшая ценность жизни всегда пронизана суровостью нравственно-

го закона, даже тогда, когда взывает к максимальной чувственной полноте эстетических образов. В данном случае мы имеем ввиду, например, художественные ценности живописи европейского Возрождения, которые часто используют образы античной мифологии для изображения этого чувственного избытка полноты жизни.

Каким же образом возможно возникновение единства новых разумных политических сил, если современная массовая психология людей в цивилизации враждебна самой природе разума? Мы полагаем, что, в силу периодичности изменения приоритетов веры в мировой культуре, современная вера в материальные силы в массовой цивилизации должна поменяться на веру в духовные силы, что проистекает из внутренней симметрии влечений человеческой души. Эта симметрия предполагает, что мышление есть топологическое свойство течения психической энергии в сознании. Если наше время характеризуется безусловной верой в материальные силы, то это есть следствие полного истощения высшей психической энергии в определенном психическом потенциале человечества. Однако после некоторого времени, этот потенциал неизбежно восстанавливается, что характеризуется феноменом появления новой высшей расы. Раса, таким образом, есть историческая сила, которая полярнопротивоположна человеческой массе по своей бессознательной ментальности. Другими словами, именно высшая раса людей, которая верит в трансцендентное начало мира, всегда радикально изменяет политическую систему в мировой истории.

Конечно, здесь мы должны сказать пару слов о немецком фашизме, который использовал понятие «высшая раса» в своей идеологии. Несомненно, что идеологические корни фашизма лежат в вере в трансцендентное начало мира, хотя это начало и определено бессознательной волей, лишенной разумного основания. Однако наше понимание высшей расы кардинально иное в историческом

смысле, ибо мы полагаем, что новая высшая раса, которая есть раса разумных людей, еще исключительно молода. Эта вера характеризуется не биологической особенностью строения человека, а, в первую очередь, особенностью его психического склада. Так, именно психический склад человека определяет его расовую ментальность, поскольку понятие «чистая раса», в нашем понимании, может быть применимо только к животному, но не к человеку. При этом расовая ментальность и является основанием: политического строя, особенностей народного искусства и, собственно, судьбы человека и государства в мировой истории, поскольку она отображает уровень развития его высшей психической жизни. Социально-массовая психология человека никак не выражает его индивидуальность в мировой истории, поскольку это, фактически, психология его животного рассудка, обусловленного рядом примитивных привычек, построенных на стереотипах представлений. Вообще, поскольку социальное мышление построено на принципе стадности, то есть системе низших рефлексов психики, мы не можем отнести его к области рациональной психологии человека. По-видимому, вера в общество, которая возникла в ценностях гуманизма, является в наше время одним из глубочайших предрассудков классической западноевропейской философии, ибо исключает возможность действия исторического разума в качестве присутствия трансцендентной духовной силы в человеческой душе. Это обусловлено тем, что трансцендентное, насколько нам известно, имеет два стереотипа представления: как религиозный духовный мир и как кантовская вещь в-себе. Но религиозное сознание с его представлением о мире духов и ангелов, очевидно, совершенно не удовлетворяет позиции современного рационального мышления, а трансцендентный мир по Канту, фактически, не вмешивается в действие рассудочной мысли настолько, насколько это необходимо для понимания активности разума в непо-

средственной жизни человека. Единственное позитивное определение трансцендентного мира, по Канту, состоит в наличии возможности существования психической жизни человека, которая не может быть чувственно постигнута рассудком.

Трансцендентное начало психики в душе человека сосредоточено в области его подсознательного инстинкта смерти, в котором выражается его расовый инстинкт. Это, собственно, и есть то основание его духовной энергии души, которое в различной степени развито в качестве разумного мышления. Так, понятно, что система диалектических понятий у Гегеля раскрывает разумный дух мировой истории в соответствии с истиной бытия, которая выражает объективную и субъективную сущность разума. Однако ни у Хайдеггера, ни у Гуссерля мы уже не находим какой-то отчетливой разумной позиции мышления, поскольку здесь отсутствует историческое основание разумной мысли. Так, подлинная объективность разума в его метафизической сущности должна отрицать свою субъективность в качестве истинности высказываемого суждения. Для нас этим методом отрицания является ускользание основ разумного духа в подсознательный инстинкт смерти, который выявляет наличие или отсутствие, собственно, высшего исторического суда над самим основанием мысли. Ведь метафизическая мысль должна быть оценена, в первую очередь, не человеком, а высшим судом мировой истории. С другой стороны, не стоит строить иллюзий по поводу радикальных политических изменений, например, связанных с марксистским учением, поскольку победа варваров и пролетариев в мировой истории выражает лишь временную веру в материальные силы. Ведь древние германские варвары первоначально верили в христианского бога только потому, что он воспринимался ими как языческий воин-герой, сокрушающий врагов, то есть как особенная воинская доблесть.

...

Поскольку мы исходим из исторического сознания, которое полагает современную политическую ситуацию в России как социальную активность варварского государства, мы должны предложить какой-то разумный выход из сложившейся ситуации. Основная проблема состоит в том, что в массовой культуре практически полностью исчезло понимание объективной сущности разума, когда единственное, на что он способен претендовать здесь — это на какое-то участие в научно-техническом прогрессе. Но современная наука не способна обосновать метафизическую сущность разума, поскольку ее начала возникали из полного доверия непосредственному восприятию, за исключением инстинкта смерти, на который было наложено самое суровое табу в силу его основы в традиции религиозного мирозерцания. Однако классическая западноевропейская музыка, в нашем восприятии, строится на подсознательных импульсах души, которые связывают субъективное сознание с ритмами становления новой расовой психологии человека. Здесь, наоборот, необходимо доверять своему подсознательному инстинкту смерти, который показывает относительность земных связей, отображая неуничтожимую природу мирового духа.

Понятно, что осознать современную политическую ситуацию в России мешают стереотипы представлений, которые плавно переходят из одной социальной системы официальной идеологии в другую, не касаясь, собственно, основы исторической сущности объективного разума. Так, социализм и капитализм, по существу, являются системой низших ценностей, которые не дают возможности понять отношения государства и отдельного человека к активности разума в его душе. В этих учениях механический рассудок поверхностного английского эмпиризма оперирует исключительно знакомыми ассоциативными восприятиями, где экономическая и социальная реальность исключают внутренний мир субъекта, определяемый объективными законами развития историческо-

го разума. Именно поэтому в английской системе ценностей сложилось представление, что либерализм является наиболее позитивной системой политической власти, что сама английская философия не исторична. Эта система, в первую очередь, затрагивает индивидуальное сознание, которое индивидуально исключительно в том, что не является предметом критического рассмотрения, а именно, непосредственные ассоциации восприятия. Так, именно механический бог, в представлении Ньютона, связывает воедино все многообразие физических процессов Вселенной в качестве непрерывного повторения вечных законов, поскольку эти законы отображаются в сознании человека в полном доверии его чувственному восприятию реальности. Возможно, если бы подсознательные процессы психики не изменяли ее расовое основание, то бог Ньютона существовал бы вечно в сознании людей. Однако именно подсознательные процессы высшей психики, изменяя расовую структуру психики человека, определяют его различное понимание метафизических законов мирового разума.

В отличие от поверхностной английской философии, немецкая метафизика наиболее близко подошла к расовому основанию разума в человеческой душе, поскольку она открыла существование трансцендентного мира как области, которая связана с чистым разумом. Невинность чистого разума и есть то расовое основание человека, которое зародилось в европейском возрождении как новый расовый архетип сознания. Вера в разумный дух предполагает другой род невинности, чем тот, который имел место в известных религиях монотеизма. Поскольку поиск оснований трансцендентной сущности чистого разума начался в немецкой метафизике, в ней же начался параллельный поиск основ нравственного сознания новой расовой психологии человека. Одной из наивысших заслуг философии Ницше было отрицание социума как основ государства и права, поскольку социум начал формиро-

ваться в истории западноевропейской цивилизации из нравов бывших рабов и пролетариев. Мораль рабов, в нашем понимании, несомненно, следует искать не в христианской религии, а в вере в социум, то есть в механическое единство людей, где духовный принцип является вторичным. С другой стороны, в столкновении фашистской Германии со всем миром, то есть с политической системой либерализма и коммунистической Россией, несомненно, следует искать полностью бескомпромиссный поиск новой морали расовой природы человека, которая находится в стадии формирования.

Таким образом, необходимо осознать, что поиск новой расовой морали происходил в немецкой философии в иррациональных началах воли. Именно здесь мы должны по другому взглянуть на содержание философии Ницше — с точки зрения метафизических процессов, происходящих в расовом архетипе. В нашем понимании, именно подсознательные импульсы высшей психики определяют собой действие разума в человеческой душе, который не может быть постигнут в непосредственности чувств, сводящихся к знакомым ассоциациям сознания. С другой стороны, исключительная разрушительность действия трагического духа (дионисизм) выражает лишь невозможность постигнуть метафизическую сущность бытия в абсолютизации какого-либо представления о его положении в онтологической природе вещей.

...

Используя в определенном смысле, психоаналитическое понимание чистого разума у Канта, мы можем найти и понимание строения психического склада человека новой расы, то есть человека разумного. Оно состоит в том, что вся современная массовая культура несет в себе этот инфантилизм ранней стадии развития новой цивилизации, когда новый расовый склад психики человека формируется из ее глубинных подсознательных импульсов, выражающих состояние невинности этой новой

души. Особенно много над этим размышлял композитор Р. Вагнер, однако, единственное, что удалось ему сделать в этом направлении, это изобразить в музыкальных образах подсознательные движения высших психических импульсов сознания, которые указывают на связи разума с новой расовой природой человека. Другими словами, можно полагать, что когда мы рассуждаем о новом расовом строении человеческой психики, мы должны рассуждать о вере в разумный дух как отображении формирования первичных импульсов воли из самого сурового отрицания животных начал души. При этом биологическая система импульсов, возникающая в результате этого нового психического состояния души, очевидно, никак не может быть социально-массовой. Ее присутствие в мире есть мера откровения разумного духа в качестве особой топологии сознания: вещей, событий истории и взаимодействия тела и души, души и духа. Эта топология исторического сознания разума нелинейна, как, впрочем, нелинейна она была и в сознании др. греческой мысли, где вечное возвращение первородного ужаса трагедии жизни всегда разрушало все попытки создать какие-то законченные стереотипы отношений с реальностью. Как в состоянии сознания невесомости тела, где все органы восприятия ослаблены, присутствие материи в действии разумного духа является лишь материалом его топологических структур. В этом состоянии сознания зрение становится определяющим фактором в познании действительности.

Сознание человека мегаполиса понимает разум исключительно как меру способности рассудка создавать различные научные методы для изучения реальности. Однако действие разумного духа, как мы его понимаем, необходимо взаимосвязано с тем глубоким чувством трагического сознания реальности, где не столько метод определяет меру понимания предмета явления, сколько нахождение элементарных топологических связей для их трансформации в сознании, с учетом имеющейся не-

линейности. Примером базовой нелинейности психических процессов является движение разумного импульса воли не из сферы знакомых, контролируемых рассудком ассоциаций, а из каждый раз новой эмоциональности восприятия, которая определяется глубинным инстинктом смерти. В этом движении психического акта всегда есть определенная мера разрушительного воздействия инстинкта смерти на действие любого стереотипа представления. Собственно, линейная взаимосвязь физиологии и психологии человека здесь не существует в прямой проекции, поэтому мы полагаем ложной психофизиологическую концепцию антропологических представлений, где определено взаимнооднозначное соответствие между физиологическими и чисто психическими импульсами. В этом и состоит проблема высшей психики, что ее импульсы ускользают в область трансцендентного мира.

...

Победа в политической реальности современной массовой цивилизации неразумного человека стала очевидным фактом. Это явление есть следствие расовой катастрофы, то есть забвения сознанием разумных духовных начал психической жизни человека. Конечно, все виды архаичной веры, то есть, в первую очередь, монотеистической веры, в ней присутствуют как воспоминание об историческом развитии духовного прошлого человечества, однако новая вера, которая, собственно, заложила начало расового архетипа человека разумного, временно иссякла. Ведь вера должна иметь патриархальные, а не матриархальные принципы, то есть определять метафизические, а не только физические, принципы бытия. Механический бог английского эмпиризма, практически перевернувший весь быт современного человека, умер как реальная метафизическая сила, поскольку обнаружилось, что механические связи являются лишь абстракцией более сложных физических связей, где действуют топологические поля, а не линейные физические силы. Так и в

политической жизни цивилизации, социум, как чисто механическая система, не выражает позиций разума, когда только раса, как психоэнергетическое поле формирования разумного духа, определяет ее будущую судьбу.

Восстановление господствующих позиций разума в мировой политике может начаться только тогда, когда в ней будут восстановлены господствующие позиции расового склада человека над его массовой душой. Однако это возможно только тогда, когда государство будет опираться не на массовый социум, эту машину по уничтожению разумных начал человеческой души, а на кастовую систему власти, определяемую высшими психическими импульсами. Другими словами, бессмысленно рассуждать о будущих политических изменениях в мире с точки зрения совершенствования новых научных технологий, поскольку этими вопросами занимается не разум, а рассудок. Не случайно, в варварской государственной системе современной России наиболее значительные успехи существуют именно в области военно-технической. В этой области активность разума стремится к нулю, но все-таки существует отличие от нравов и правовых отношений массового общества, где доминирует психология воровской «малины». В этой воровской «малине» разум исключен почти полностью, ибо в основе этого социального образования действуют не традиции русской государственности, а нравы большевистской орды, разрушившей русское государство в 17-ом году. Здесь практически все стремятся обмануть друг друга, а если договор и возникает, то его область ограничена каким-то кланом или бандой, которую сближают общие интересы. Поэтому возрождение российской государственности может начаться только из организации, которая в минимальной степени взаимосвязана с социальной системой массового общества, этого рассадника психической неполноценности человека. Таким образом, оттеснение варваров от власти не может происходить в системе, которая построена по варварским законам, — мы имеем в

виду организацию массового общества. Процесс формирования новой цивилизации может происходить только из системы, которая подавляет низшие инстинкты человека, а именно, кастовой организации. Присутствие в кастовой системе человека должно быть определено его полноценной психикой, а не способностью варварского ума к воровству и изворотливой лжи.

...

Мы полагаем, что многообразие социальных представлений массовой цивилизации необходимо рассматривать как наивные мифологические представления с позиции разума. Мифологизм этих представлений состоит в вере в единственность существования материальной реальности, тогда как активному реальному влиянию духовных сил на исторические процессы мировой цивилизации в массовых представлениях отказано. Здесь допускается мифология религиозных представлений, но никак не вера в разумный человеческий дух, который утверждает полноценные начала человеческой души. Как раз, наоборот, в массовой цивилизации культивируется дегенератизм человеческой души, ее психическая неполноценность, чтобы нельзя было адекватно оценить историческую ситуацию. Здесь сознание каждый день «промывается» мифологией массовых представлений о ценностях, где человеческое ничтожество культивируется мощной индустрией СМИ. Инфантильное массовое сознание состоит в примитивном наборе потребностей: биологического размножения, потребления определенного количества продуктов и покупки вещей, которые составляют «события» в бессмысленном образе жизни общества потребления. То, что этот быт технологически существует на неизмеримо более высоком уровне, чем в предшествующие эпохи развития мировой цивилизации, говорит лишь о том, что сознание человека научилось исключительно широко применять возможности абстрактного мышления для изменения бытового качества своей жизни, но никак не пости-

гать мир метафизически, то есть разумно. Вообще, бытовое мышление, в первую очередь, обусловлено чувственной непосредственностью бытия, то есть доверяет тому, что можно воспринимать органами чувств. Трансцендентный мир для бытового сознания недоступен в пределах веры в единственность материальных сил и явлений. И если монотеистические религии мира учили, что состояние невинности человек преодолевает, когда познает сущность добра и зла, то современная основа нравственных принципов массового общества, культивирует состояние невинности как отсутствие разума в человеческой душе. Так, мы не находим непосредственного действия разума в самом существе человеческой души в массовой цивилизации, поскольку представление о чистом разуме сложилось на основе научного положения рассудочных конструкций. По существу же, развитие западноевропейской метафизики происходило в своем нравственном развитии не от расовой основы веры в разумный человеческий дух, а от противного, то есть рассудочной полемики с религиозными нормами морали. В результате, все рассуждения о человеческом разуме здесь отличаются исключительной силой абстракции, с одной стороны, но и минимальным пониманием сознания сложных, топологических, рациональных структур высшей психики человека, которые не могут быть описаны механически, с другой стороны. Другими словами, метафизическая рациональная мысль здесь строится не от расовых начал человеческой души, а от исторической задачи: построить абстрактное мышление, которое не касалась бы подсознательных глубин человеческой психики.

Традиция того, что принято называть «философией» в истории интеллектуальной русской мысли, не случайно постоянно занималась морально-нравственными вопросами. На всем протяжении развития российского государства, мы находим здесь попытку развиваться на основании не самостоятельного рационального проекта, а пы-

таясь доказать себе и всему миру, что Россия есть часть исторического развития западноевропейской цивилизации. Если в России, где отсутствует рациональная культура, подобные утверждения все это время доказать было не сложно, то для интеллектуальной культуры Западной Европы это утверждение всегда было очень сомнительным. Поскольку отсутствие самостоятельного рационального проекта развития Российского государства было очевидным для европейцев, войска Наполеона и Гитлера вторгались в Россию как в страну, глубоко чуждую нравам и ценностям западноевропейской цивилизации. Это, собственно, было заявлено как в идеологии ценностей наполеоновской Франции, так и в идеологии фашистской Германии, где можно еще найти присутствие европейского духа. Но современные либеральные ценности западноевропейской цивилизации полностью неразумны. Для них признание «демократии» в Африке и России суть не принципиальная оценка реальных правовых основ государства, а лишь вопрос торговли, ибо в основе современной либеральной системы ценностей мы обнаруживаем ту неполноценную психологию человека, которая глубоко враждебна основам человеческого разума. Социальное сознание всегда существует в состоянии конфликта с позицией разумного человека во все времена развития мировой цивилизации. Вопрос лишь состоит в радикальности этого конфликта и его языка, выражающего саму суть конфликта. Можно сказать, что социальное мышление направлено на то, чтобы максимально сохранить состояние инфантильности человеческой души, поскольку в этом случае человек проявляет наибольшую механическую работоспособность. Социальное мышление является мышлением инфантильного сознания, которое всегда пребывает в состоянии конфликта с разумными началами души, поскольку разум разрушает это естественное состояние психики. Избавление от невинности души и есть предназначение разумного духа.

Таким образом, массовое социальное сознание является мифологическим по существу. При этом мифологизм массового сознания состоит в исключительной вере в материальные силы, когда духовные силы признаются не существующими. В этом, собственно, и состоит матриархальная психология, когда человек во всем многообразии бытия видит «матерью» всех вещей материю, а не «отца», то есть нечто нематериальное. Вопрос о естественном доминировании в бессознательных влечениях человека инстинкта смерти, фактически, переворачивает вверх ногами представления о психике позитивизма, поскольку тогда необходимо полагать нормальным и естественным для человека не веру в материальные силы, а веру в силы духовные, понимаемые разумно, то есть как определенные мировые исторические законы. При этом нет необходимости верить в наивную мифологию монотеистических образов: в ангелов, бесов и другие религиозные представления, поскольку теологические размышления, в онтологическом смысле, существуют, безусловно, уже в прошлом метафизического сознания. Для разумного человека существует необходимость верить в волю к власти высших ценностей, которые определяются как современные позиции духовных начал бытия. А таковые, как мы полагаем, не существуют ни в религии, ни в гуманизме. Вопросом определения области их существования мы и занимаемся.

Прежде чем определить нашу область онтологического сознания реальности бытия, мы должны указать на мифологические представления современных социальных ценностей, которые, в нашем понимании, построены на самой примитивной вере в непосредственное восприятие, поскольку современное социальное мышление ликвидировало неравенство онтологических моделей сознания: чувства, рассудка и разума. Так, для нас принципиально, что в разумном понимании вещей в сознании необходимо участвует высшая энергия психики человека на

уровне подсознания, тогда как в чувственном и рассудочном сознании вполне достаточно массовых стереотипов представлений, проистекающих из низшей психики. Диалектическое рациональное мышление действительности, следовательно, существует за счет участия в процессе мышления высших центров психики, которые устанавливают иерархию (онтологический принцип) познания бытия, уже начиная с подсознательного состояния души. Таким образом, уже на подсознательном уровне устанавливается психоэнергетическая доминанта высшей человеческой психики, которая определяет ориентацию сознания на прерогативу духовной ценности жизни. И, в отличие от низшей психики, высшая психика, которая вводит сознание в трансцендентный мир образом духовного явления реальности, устанавливает неравенство людей в отношении понимания существа разумного духа.

То, что для нас очевидно, с точки зрения понимания природы разумного духа, — это его происхождение из подсознательного импульса инстинкта смерти, когда мы пытаемся найти его бессознательные основы происхождения. В отличие от психофизиологической теории существования человеческой души, в которой дуализм строения психики определяет взаимнообратные импульсы: чувственных восприятий и духовных импульсов, в топологическом понимании строения психики существует многообразие трансцендентных слоев, которые нельзя отнести ни к простоте чувственных ассоциаций, ни к сознанию какого-то абсолютного, божественного начала. Нелинейность появления трансцендентных импульсов психики обусловлена отсутствием этой взаимнообратной связи между чувственной ассоциацией и сознанием, когда разумная конструкция мысли формируется в качестве непредсказуемого момента сознания истины, характеризующую великие открытия в области познания. Собственно, множество примитивных социальных целей сознания, обусловленных инстинктом выживания челове-

ка, никогда не меняется по существу, а лишь приобретает определенную специфику исторического момента, в котором существует человек. Например, семейные ценности, которые остаются «вечными», в действительности относятся все-таки не к системе высших ценностей, хотя и выражают, безусловно, условие полноценности человека. Также, к низшим ценностям относится и психическое удовлетворение от ежедневного профессионального труда. Поэтому марксизм и психоанализ так значительно повлияли на массовое сознание, что, можно сказать, выражают его подсознательную матриархальную основу, стремящуюся реализоваться в двух крайностях познания: чувственном восприятии и чисто абстрактной мысли. Массовая душа стремится всеми средствами избавиться от разумных движений души, поскольку она не выносит внутреннего соприкосновения со своим бессознательным расовым началом, отображающем ее реальное нравственное развитие. В нашей понимании, только мера активности разума в человеческой душе определяет уровень ее нравственного развития. В противном случае, имеет место инфантилизм психики, то есть ее явное нравственное недоразвитие.

В вопросе нравственного развития человека мы определяем эту область как меру полноценной активности человеческой души, то есть сводим сущность нравственного развития к интенсивности в ней действия разумного духа. При этом, топология действия разумного духа определяется как нелинейное сознание в сфере трансцендентной реальности бытия. В этой реальности, как мы полагаем, психоэнергетическое поле человека сводится к ассоциативному восприятию только в самых примитивных его реакциях. Высшие психические реакции, которые нелинейны, проецируются в область нашего инстинкта смерти, который, собственно, «замечает» чувственные ассоциации. Однако в массовой душе, которая практически полностью сформирована системой механических ассо-

циаций технократической культуры, эта область психической жизни отсутствует.

...

Нам необходимо разрушить миф о том, что любое государственное устройство базируется на социальной системе отношений людей. В примитивном государстве, варварском, или в государстве периода его упадка, это действительно так. Но в сильном государстве, где действуют законы объективного разума, его устройство является производной от патриархальной психологии людей, которая не социальна. Матриархальные начала человеческой души, действительно, обнаруживают глубокую потребность в социальном общении, поскольку эти начала определяются примитивным инстинктом коллективизма. Если человек не обладает достаточно отчетливой идеей наличия духовной организации собственной души, то единственным спасением для него является постоянное присутствие в среде людей, что создает определенное родство душ, лишенных единства внутренней жизни, но ассоциативно переживающих одни и те же интересы в пределах массовой системы ценностей. Вообще массовая культура, будучи построена на абсолютной вере в смысл материального производства: товаров и вещей, исключает реальность производства духовных феноменов трансцендентного мира. Последние как бы отнесены в область «наивного» прошлого человечества, хотя именно современный взгляд социального сознания на природу духа является в высшей степени наивным.

Влияние патриархального быта на души людей сосредотачивается в сознании конечности земной жизни, что, в свою очередь, определяет специфику целей человеческого существования. Сознание конечности жизни базируется на необходимости определенных нравственных обязательств перед высшим существом, которое владеет человеческой душой в качестве присутствия трансцендентного мира. Понятно, что, начиная с опыта первобытной

культуры и кончая представлениями монотеистических религий, это существо ассоциировалось с представлением о божественном начале, поскольку сакральное начало бытия есть прерогатива, в первую очередь, не рассудка, а живых человеческих чувств, отображающих реальность трансцендентного мира как соучастие этих сил в непосредственной жизни человека. При этом чистое начало природы, то есть материальные силы, также дают некоторую сакральную интуицию жизни, однако характер веры в природу ограничен взаимосвязью со знакомыми ассоциациями восприятия. Так, матриархальный принцип сакрального чувства природы проистекает из того, что человек верит в «вечное» продолжение жизни в процессе непрерывного производства природой самоподобных элементов жизни. Здесь мы также обнаруживает топологию разума, однако на самом низком познавательном уровне, на уровне, например, таких математических моделей природы как фракталов, где научная мысль конструирует феномены природы в качестве определенной структуры самоподобия первичных элементов. Аналогичным образом и в социуме процесс биологического самовоспроизводства человека фактически подменил вопрос о разумной цели человеческого существования. Впрочем, должно быть очевидным, что ни варварский ум, ни дегенеративный ум, которые доминируют в современной массовой культуре, неспособны ставить разумного вопроса о смысле человеческого существования. Технические же идеи не относятся к подлинной сущности разума, а отображают лишь его исторически устаревшую модель существования.

...

Обозревая вокруг себя многообразие неполноценных человеческих типов, которое формирует варварское государство, мы должны ответить на вопрос: каковы же должны быть позиции разумного человека, чтобы изменить это неразумное многообразие неполноценной жизни в

сторону зачатков действия разума в человеческой душе? В первую очередь, конечно, нас поражает жадная потребность этой воровской души — жить. Инстинкт выживания реализуется здесь с тем бессмысленным безрассудством, которое характеризует принципиальное отличие между человеческой душой, которой коснулась рациональная культура, и душой, в которой грубый инстинкт варвара действует слепо и, можно сказать, свирепо. Свирепость есть состояние души варвара, который еще не познал начал патриархальной жизни, находясь в постоянном состоянии войны, когда агрессивные инстинкты определяют зачаточный процесс рождения мира новой цивилизации. Здесь мы категорически отрицаем взаимосвязь современной российской массовой культуры с культурой русской именно на основании существования во второй отчетливых признаков патриархального быта и полного отсутствия таковых в первой. Разрушение русской деревни, этого оплота русского государства, велось планомерно и методически, начиная с 17-го года, различными политическими бандами. Так оно продолжается и в наше время. На месте патриархального быта возникало варварское племя людей, с ярко выраженной матриархальной психологией, что есть с отсутствием даже элементарного намека на признаки действия объективного разума в душе. То, что это варварское государство еще не ликвидировано соседними государствами, вызвано такими же процессами в этих государствах. Попытки возвратиться к прошлому русской культуры мы полагаем бессмысленными, поскольку большевистской ордой был разрушен патриархальный быт русской деревни. На смену ему пришло государство с грубо скопированной идеологией массовых западно-европейских ценностей. Понятно, что в душе варвара разум не действует, вследствие чего государство Темных Веков является полностью бесправным. В войнах варварская душа преображается, поскольку здесь она срывает покрывало бессознательного сна со

своего инфантильного состояния, обнажая дух будущей цивилизации. Вероятно, так постепенно формируется существо высшей расовой энергии мировой истории, когда ее трансцендентный характер образуется из суровых движений человеческой души, разрушая пассивную непосредственность матриархальной культуры. Заметим, если патриархальная культура выражает отчетливо духовно-родовой принцип, то матриархальная культура стремится к максимальному материальному производству.

...

Подчеркнем еще раз. Наше понимание современного массового мегаполиса как неразумной социальной структуры, отрицающей понятие чести и долга, и есть восстание рабов в морали, о котором впервые заговорил Ницше. Обвинять в этом христианскую религию, в нашем понимании, в наше время бессмысленно, поскольку монотеистическая религия является неотъемлемой частью развития истории разумного духа, которую нельзя искусственно исключить из общего хода развития мировой истории. Она, собственно, и сформировала основы расовой психологии средневековой культуры, в которой были сломлены дикие нравы древних германских варваров. Попытки фашизма вновь к ним возвратиться, как мы полагаем, выражает в большей степени истерию матриархальной психологии, чем реальную волю высшей исторической расы. В противном случае фашистская Германия сокрушила бы Советский Союз, это варварское государство, в котором русские фактически существовали под властью большевистского ига.

...

Возвращаясь к современному пониманию слова «варвар», мы, в первую очередь, должны осознавать, что речь в этом понятии идет о психике человека, которая лишена внутреннего сознания субъективности, выражающей разумную цель существования человека в определенную историческую эпоху. Так, очевидно, что исторически пер-

сидская держава, как наследница древнейших цивилизаций Востока, не могла выражать варварство в том примитивном явлении, что характеризует племена и народы, которых еще не коснулось знание технологий мировой цивилизации. Наоборот, в войне с македонцами персы являлись исключительно цивилизованным народом, правда, выражающим нравы и ценности цивилизации эпохи глубокого разложения. Понятие «варварство» у др. греков возникло как оценка отсутствия целостности психической жизни народа или отдельного человека. Поэтому понятие «варварства» в исторической концепции Шпенглера должно восприниматься рационально, когда он оценивает современное положение русской государственности как Темные Века или, в лучшем случае, как начало эпохи Средневековья. Развивая топологию исторических событий у Шпенглера, мы понимаем, почему в русской государственности, а затем советской и современной российской государственности ее политическая система постоянно стремится подражать западноевропейским политическим институтам. Все дело в отсутствии подлинного патриархального начала культуры, когда расовое, а не массовое, сознание является доминирующим в правовых и нравственных нормах жизни. Это оттеснение патриархального, то есть расового сознания, начало происходит в период русского раскола, за которым не сложно увидеть попытку расширения государственности и ее ценностей в качестве простоты определенных массовых представлений. Таким образом, строительство российской государственности происходило не на расовых, или патриархальных началах быта, а на массовых, или матриархальных нравах массового сознания. В этом направлении развивалось и сознание русской интеллигенции.

...

Чтобы понять механизм политической системы государства, которое образовалось в России начиная с 17-го года и кончая современной политической реальностью,

мы должны поставить ему в соответствие, например, варварские государства германских племен, появившихся после гибели Римской империи в Европе. Основой нашего сравнения здесь является уровень нравственного развития человека, то есть его способность к самостоятельным разумным действиям в жизни. Собственно, активный большевик, этот антропологический тип *quasi homo*, является полным хозяином политической реальности современной России, где правит инфантилизм сознания. Здесь характерная черта поведения человека, — игра-подражание, которое почти в каждом психическом усилии указывает на отказ от собственной самости, то есть отказ от своей расовой организации, в которой только и может существовать разум. В результате, неразумный тип человека демонстрирует здесь многообразие мифологических фантазий по поводу происходящих исторических событий. Ведь, по существу, варварское сознание есть, в первую очередь, инфантильное сознание, поскольку в нем отсутствует взаимодействие между индивидами на уровне разумных движений психики. В определенной степени мы можем также сравнить эту политическую систему с какой-нибудь современной политической системой африканской страны, где также почти в полной мере доминируют в первую очередь племенные инстинкты человека.

Чтобы не обманываться по поводу реальных типов людей в современные Темные Века российской истории, мы не ошибемся, если установим некоторые параллели. «Менеджеры среднего звена» соответствуют здесь обычным лакеям и челяди; «олигархи» — крупным вора́м и бандитам; современная «эстрада» составлена из разного рода проституток и дегенератов, которые культивируют идиотизм сознания как норму жизни; «финансисты» и «экономисты» соответствуют слабоумным фантазерам, которые, находясь за пределами понимания сущности денег, ибо их сущность не постигает варвар-

ский ум, тем не менее, вполне довольствуются теми материальными благами, которые дает им подсчет денег. Мы могли бы продолжить эти параллели и дальше, но в этом нет необходимости.

Право, по существу, не может выражаться как абстрактная мысль о праве. Можно бесконечно много абстрактно рассуждать о праве, но если в душе человека действуют инфантильные мотивы психики, в реальности всегда будет побеждать только несправедливость. Однако в варварской политической реальности именно абстракция представлений о праве, а не сама политическая действительность права, определяет поведение людей. Вся гуманитарная «наука» современной российской реальности выражает фантазию о социальных и политических процессах в стране, поскольку здесь сам «ученый» демонстрирует полное отсутствие разумного понимания действительности. Однако этот «ученый» в достаточной мере владеет всем многообразием абстрактных гуманитарных знаний, которые, как мы видим, не развивают в его душе зачатки разумного понимания происходящих исторических событий. Ведь подлинный разум требует, в первую очередь, полноценной человеческой души в восприятии исторического разума, а с этим в России существуют катастрофические проблемы, когда длительная селекция в советское время в сторону неполноценного человека вывела, наконец, новый антропологический тип, гуманитарного идиота, или, пользуясь метафизическим понятием, *quasi homo*.

Невозможность существования разумного человека в политической системе, где действует, с одной стороны, племенной инстинкт варварской души, а с другой, вполне справедливые, но лишь чисто абстрактные гуманитарные принципы права, приводит к чистомифологической социально-политической реальности. В этой мифологической реальности действуют только варварские мотивы воли, когда определенные племенные кланы определяют собой нравы и, собственно, активность социально-

политической системы в стране. В этих кланах существует своя иерархия, однако в них отсутствует наличие какой-то элементарной взаимосвязи с расовой организацией человека, а значит, и с началами полноценной человеческой психики. Можно сказать, что единственным предназначением этих кланов является сохранение полноценной породы человека, которая размножается в соответствии с неразумностью массовых ценностей.

В политической ситуации, когда полноценные национальные силы почти полностью лишены возможности влияния на социально-государственный механизм, для них существует необходимость преодоления тех мифологических представлений, которые складывались в российской истории и культуре, начиная еще с петровской эпохи. Эта необходимость состоит в понимании, что варварские кланы могут быть ликвидированы только в такой политической ситуации, где к власти приходит разумный человек, который определяет развитие исторической ситуации в качестве активности здоровых начал психики в повседневной реальности. Но национальные силы не могут действовать в социальной реальности, где доминируют нравы матриархата, с его мифологией культа материального производства. Необходима замкнутая система, каста, в которой национальные силы смогли бы хотя бы элементарно развиваться, объединившись на основе каких-то разумных целей.

Таким образом, наша оценка современного российского государства как варварского, в первую очередь обоснована неполноценностью психической жизни человека в той социальной модели, которая сложилась в стране после 17-го года. Политические события после 91-го года мало что изменили здесь, поскольку полностью мифологическое историческое представление о происходящих в стране событиях лишь поменяло противоположное направление внутри системы низших ценностей, практически никак не повлияв на мас-

совое доминирующее положение неполноценной человеческой души. Если ранее неполноценный человеческий тип стремился к победе коммунизма, то теперь, этот же тип, стремится к богатству, что, собственно, ничего не меняет в существе его оценки как низшего антропологического существа, то есть, фактически, варвара. Ведь в основе варварской ценности жизни лежит безусловный животный инстинкт выживания, то есть исключительно биологическое сознание, которое признает только два вида реальности: вытекающее из эмпирического опыта, которое основано на чувственном восприятии, и абстрактную мысль, которая оперирует определенными схемами-представлениями. Эти схемы-представления формируют собой более крупные блоки конструкций рассудка, постепенно образуя стереотипы представлений. Проблема состоит в том, что медицина и наука не имеют моральных полномочий ставить диагноз политической и социальной реальности общества, — на это имеет право только философия. Но современная западноевропейская философская мысль, насколько нам известно, практически закончила свое существование, тогда как американская цивилизация не выражает каких-то признаков разума, поэтому разумных оценок оттуда ждать невозможно.

...

Легко заметить, что принцип варварского государства состоит в том, что оно отбирает в свою политическую систему людей по принципу минимума активности в душе разума. Это обусловлено тем, что политическая власть, адекватная интересам своих граждан, строится из содержания разума, который характеризует определенный уровень развития национальной культуры. Поэтому, в целом, государственно-политический механизм формируется как активность людей со здоровой человеческой психикой. Но в варварской стране, где уровень развития разумных начал человеческой души очень низкий, в систему

политической власти выдвигается человек с признаками психической ущербности.

Мы видим, что охлократический принцип ценностей современной либеральной политической системы западноевропейской цивилизации не учитывает наличие разума в человеческой душе, поскольку основой метафизической мысли, исторически, здесь был авторитет науки. Но в наше время, когда этот метафизический проект полностью реализован, он не может мыслиться в сознании западного европейца, поскольку только через науку здесь были заложены простейшие начала веры в разумный дух мировой истории. В результате, возникает та иллюзия мифологической реальности, когда политическая модель либерализма, с одной стороны, кажется «вершиной» развития цивилизации, а с другой стороны, выражает откровенно неполноценные начала человеческой души, поскольку исключает активность действия в ней разумного духа. Для современного исторического разума стало очевидным, что история метафизики резко изменила свое русло развития за последнее столетие, повернув от научного авторитета мысли в сторону еще мало изученных, подсознательных процессов человеческой души, в анализе которых научные методы являются крайне относительными. Понятно, что этот поворот не исключает ценность научного знания, а лишь демонстрирует устаревший принцип представлений о человеческой душе, которые сложились в метафизической мысли под влиянием механицизма.

В основе нового понимания процессов человеческой психики, очевидно, следует видеть особые, трансцендентные, энергетические импульсы человеческой души, где отсутствует линейность взаимосвязи психических реакций в их проекции на сознание. Разумные процессы психики не являются процессами животной части души, поскольку ее трансцендентное начало находится под влиянием бессознательного инстинкта смерти. Понятно, что

в этом случае необходимо переосмыслить практически все стереотипы представлений о происхождении человека, поскольку начала трансцендентного типа психических реакций в человеческой душе не могли возникнуть в силу нужды, в силу биологического выживания, ибо в них отсутствует корыстный мотив жизни. Вообще, попытка рассматривать человека с точки зрения его биологического выживания, несомненно, имеет происхождение в подсознательных слоях низшей психики. Так, собственно, мораль рабов распространила свои представления о ценностях практически на всю сферу человеческой жизни, в результате чего было ликвидировано присутствие разумного мотива познания, который характеризует живую философскую мысль.

...

Сложность формирования основ философского мышления в российской интеллектуальной мысли состоит в том, что здесь существуют две сферы традиции понимания истории, которые в равной мере не относятся к современной метафизической мысли, — мы имеем ввиду известное религиозное богоискательство русской философской мысли до 17-го года и марксизм. В обоих случаях здесь отсутствует метафизический принцип познания, указывающий на разумное начало истории мира. Кроме того, само богоискательство бессмысленно по отношению к объективной сущности исторического разума, поскольку не отвечает ни на один из метафизических вопросов современной философской мысли. Марксизм же, это учение морали рабов, является неразумным учением, ибо массовое сознание неразумно, когда сам механический труд, труд освобожденного раба, становится чем-то культовым, исключая высшие ценности по существу. Вследствие отсутствия философской школы мысли, российская культура всегда была второстепенной в интеллектуальной жизни общеевропейских ценностей. Собственно, в этом бы не было ничего особенного, как, например,

нет ничего особенного в отсутствии полноценной философии в испанской интеллектуальной культуре, если бы история мирового духа не смещалась на территорию России в последние века. Здесь мы лишь констатируем факты мировых войн, где Россия являлась главным участником событий, когда ее победа в последней войне является победой, в первую очередь, духа. Куда же исчезла активность этого духа в наше время в России?

Чтобы понять позорное поражение советского режима в столкновении с либеральной системой ценностей западноевропейской цивилизации, следует обратить внимание на враждебность советской политической модели основам политической власти в России до 17-го года. В этой советской модели власти все русское, за исключением военно-промышленного комплекса, было ликвидировано. Так была смыта та пленка подражательной петровской государственности, а вместе с ней и русский быт, поскольку коллективизм психологии матриархата, установившийся после нашествия большевистской орды, был чужд всем расовым началам национальной культуры. Современная театральная бутафория возвращения к началам русской государственности, как мы полагаем, движется все в том же советском направлении развития, когда политические банды, наследники советского антропологического типа человека, имитируют здесь «преemptивность» российской государственности. Опять, как мы видим, началась тотальная политическая ложь, формирующая гуманитарного идиота, которая, вероятно, как это всегда бывало в истории России, должна закончиться очередной государственной катастрофой, поскольку исключает наличие разума в человеческих отношениях.

Нашей задачей в политической реальности, где исключены зачатки человеческого разума, является осознать определенную политическую модель его формирования в среде, где его присутствие в прошлом практически было исключено. Это, можно сказать, нравствен-

ный долг, требующий разум реализоваться, то есть установить свои позиции воли к власти в неполноценной среде людей. И здесь самое главное, как мы полагаем, состоит в адекватной оценке исторической ситуации, когда национальные силы оказались полностью разобщенными в силу отсутствия для них самой идеи присутствия в массовом обществе. Ведь очевидно, что в варварском государстве не может существовать среднего класса, этого продукта технологически развитой цивилизации. А многочисленные человеческие своры, рабская челядь, а также различные банды, аналогичные бандам Темных Веков, например, Западной Европы, никак не могут обладать государственным мышлением, которое есть результат хотя бы элементарного действия разума в человеческой душе. Чтобы сформировать элементарные зачатки разумной политической системы, необходимо политическое пространство, в которое не проникают неполноценные психические импульсы массового общества, которое строится в русле доминанты матриархального сознания. Таким пространством может быть только кастовое пространство, в котором активна разумная воля человека. При этом, подчеркнем еще раз, основой матриархального сознания является безусловная вера в материальные силы и слабое доверие разумному духу в его трансцендентной природе. Этому способствует массовая идеология, которая строится на основе тотального доминирования животного состояния души, где активность разума практически равна нулю. Можно сказать, что массовая культура постоянно погружает сознание человека в бессознательное состояние души, которое, будучи насыщено определенным набором наивных стереотипов, создает иллюзию какого-то исторического развития. Это полубессознательное состояние массовой души характеризуется тем, что человеку «комфортно» в пространстве массовой культуры, поскольку его инфантильное сознание лишено чувства ответственности за собственную судьбу.

...

Мы полагаем: все известные нам исторические концепции мировой истории в интеллектуальной российской мысли, являются неразумными, поэтому началом в ее понимании для нас являются достижения философии в школе немецкой мысли. В немецкой метафизической школе мысли, в наиболее полной форме, основы расового духа европейского менталитета проявились в историческом мышлении. Здесь, в отличие от французской и английской философии, не было ни примитивного механицизма в понимании психологии человека, ни забвения объективного разума в истории. Правда, и во французской мысли, например, у Лебона мы находим близкое нашему пониманию необходимости взаимосвязи расовой организации человеческой психики с разумом. Однако это понимание не выходит за пределы обыденного сознания, которое не выделяет расовую организацию человека как особую трансцендентную реальность.

Понятно, что гегелевская историческая концепция имеет линейный характер. Однако принцип этой линейности является относительным в качестве относительности определенной позиции рассудка в определенную историческую эпоху, которая опосредствуется разумом как момент отрицания. Необходимость отрицания известных представлений во всех областях знания культуры в гегелевской диалектике состоит в необходимости разрушения стереотипов представлений своей эпохи, неизбежно формирующихся как инерция человека по отношению к непосредственному действию исторического разума. Отметим здесь главное, речь идет именно о разумном духе, а не о духе вообще, поскольку многообразие представлений о духе в мировой культуре, так или иначе сводится к примитивной мифологии, тогда как разумный дух является самой действительностью полноты бытия. Эта особенность разумного духа, состоящая в невозможности его сведения к чисто научной области мысли, впро-

чем, не мешает его определяющей позиции в формировании логики философского мышления, которое выражает свое историческое время. Любая цивилизация, в нашем понимании, есть топологическая модель исторического развития человечества, которая определяется присутствием в каждом новом состоянии культуры ее прошлого в качестве достаточно активной и влиятельной силы. Эта сила сосредоточена в подсознательном инстинкте смерти человека, владеющего его высшей психоэнергетической основой души. Процесс опосредствования состоит не в том, чтобы развивать известные исторические представления, в основе которых лежит вера в науку, а в том чтобы действовать на свой страх и риск за их пределами.

Понятие «варвар» и «варварство» приобретает вполне отчетливый современный рациональный смысл, объясняемый с точки зрения психической неполноценности человека, в котором доминируют не патриархальные, а матриархальные подсознательные импульсы души. При этом должно быть очевидно, что принципы матриархата не обязательно обусловлены реальным доминированием в социуме женщины, хотя и этот момент здесь присутствует, а определен исключительной верой в единственность существования материального мира. Формальные принципы разновидностей этой веры в данном случае мало влияют на процесс психической деградации человека. Проходят столетия, прежде чем складывается патриархальный быт на основе новой веры, причем, первоначально он складывается как разрушительная сила по отношению к многовековому укладу старой расовой психологии. Это относится, например, к утверждению христианства и рационализма в истории европейской и мировой цивилизации, причем только рационализм мы можем в полной мере определять как веру всемирную. Вообще, всякая новая вера возникает первоначально в качестве разрушения патриархальных основ многовекового расового уклада жизни, поскольку вклинивается в жизнь

мировой цивилизации политической активностью полудиких племен, не имеющих устойчивого расового основания жизни, то есть фактически активизирует подсознательные инстинкты матриархата. Основная характерная черта матриархата, как мы полагаем, состоит в вере в вечное существование материальных сил, которые полагают духовные импульсы человеческой души их производной. Но природа, как «великая мать», неспособна дать разумную основу жизни человечества, которое, как «заблудший сын», легко использует ее ресурсы для своего инфантильного существования. Именно инфантилизм определяет образ жизни, нравы и быт примитивных племен и народов, а также нравы выродившихся рас, которые погружаются в нравственное варварство в силу отсутствия воли для поддержания моральной ответственности за свое существование. Именно отсутствие этой моральной ответственности за свое существование характеризует нравы и ценности современной политической либеральной системы Западной Европы, где дух матриархата все больше и больше становится определяющим в повседневной жизни людей. С другой стороны, современный кризис науки в ее фундаментальной основе обусловлен отсутствием разумного подхода в изучении природы, когда необходимы метафизические принципы ее основы, а не только исследование ее материальных процессов.

Наше понимание причины психической неполноценности современного массового человека определено, в первую очередь, отсутствием в его сознании неизбежности смерти, поскольку только сознание конечности жизни формирует у человека самые элементарные моральные принципы. В нашем понимании, аморализм бывает разных видов, как основанный на доминанте высших ценностей, так и определенный доминантой низших ценностей. Если современный принцип экономической целесообразности развития массовой цивилизации, несомненно, работает на аморализм доминирующих низших ценностей,

то аморализм по отношению к традиционному религиозному сознанию образов классической европейской живописи формировал сознание высших ценностей. Таким образом, эти два различных вектора развития морального сознания: один, который ведет к подмене подлинного разума, второй — к установлению его подлинной сущности, нельзя полагать родственными типами культуры. Их нельзя полагать родственными хотя бы потому, что экономическая активность строится в социальной среде на функциях неполноценной психики человека, тогда как элементы высших ценностей строятся только на основах полноценной человеческой души, причем их эпицентром является философия и искусство.

...

Достаточное влияние в подсознательных процессах психики инстинкта смерти, приводит к ощущению «невесомости» человеческой сущности в пространстве и времени, когда душа скользит, в достаточной степени, вне чувственных ассоциаций, обусловленных восприятием материи мира. Здесь теряется сознание линейности процессов реальности, поскольку инстинкт смерти демонстрирует траекторию духа такой, какой она присутствует в качестве отображения по ту сторонней к чувственным ассоциациям действия сакральной силы. Это по ту стороннее есть, собственно, непосредственная функция онтологической категории «ничто», которое противопоставляется чувственной полноте бытия в первый момент познания его метафизической сущности. Так, переход ничто в нечто, как небытия в бытие, осуществляется в качестве сознания присутствия того сокровенного начала мира, которое, собственно, и создает ощущение сакрального. Природа, в ее непосредственном восприятии механических процессов, не может дать этого ощущения, ибо, в этом случае она воспринимается как мертвое, как лишенное присутствия вечного, повторение одних и тех же представляемых абстрактных законов природы. В чи-

сто абстрактном мышлении отсутствует момент отрицания, который дает возможность объединять объективный и субъективный момент познания в качестве понимания разумной сущности бытия. Именно это отсутствие разумного в отдельных действиях людей и всей политической системы массового общества и демонстрирует современная массовая цивилизация. Другими словами, отсутствие разума здесь определено исключением сознания конечности жизни, поскольку инфантильное сознание массового человека «вечное» воспринимает исключительно в представлении природных явлений.

...

То, что не трудно заметить в истории мировой цивилизации, — это постоянное появление в ней новых политических сил, которые, собственно, отображают уровень зрелости человеческой души в определенную историческую эпоху. Подлинное государство не может строиться на исключительности одной целесообразности функционирования различных торговых и промышленных корпораций, поскольку их, деятельность с точки зрения высших ценностей, неразумна, насаждая культ низших ценностей, в которых человек рассматривается как потребитель материальных благ, а не разумный дух. Этот аморализм матриархальной психологии регулируется финансово-денежной системой отношений человека и социума, поддерживая человеческую душу в восторженном сознании массового идиотизма, который исключает разум.

...

Принципиальное отличие военизированной орды, каковой, например, являлась Советская Армия, от военной касты, к которой мы относим, например, рыцарские ордена, в которых дикость германской души Темных Веков была сломлена, выражается в формировании в последней аристократических принципов чести, долга и веры в духовную силу человека. В Советской Армии, как мы полагаем, духовное начало происходило не из бессмыслен-

ной, с позиции высших ценностей, идеологии большевизма, а из психической энергии осколков русской нации. Мы уже говорили ранее, что национальный дух русских проявлялся только в войне, поскольку они еще не выражали в истории мировой рациональной культуры собственной национальной позиции. Только в момент крайней национальной опасности они объединялись для сохранения государственности и национального самосознания. Однако большевистской орде, этому конгломерату крайне неполноценных человеческих типов, удалось все-таки на некоторое время лишить русских всех признаков национального государства. Анализируя ощущение от политических и социальных структур современного массового общества в России, первое, что возникает в сознании, — это то, что оно, безусловно, является следствием советских социальных структур, а именно, с точки зрения нравственного развития человека, под которым мы понимаем его способности объективного рационального мышления. Здесь мы следуем за исторической концепцией Шпенглера где уровень развития российской цивилизации оценивается как состояния между Темными Веками и Средневековьем.

...

По-видимому, в современном смысле, уровень развития рациональной культуры уже не может определяться только уровнем развития рационального мышления, ибо мышление есть лишь частный компонент топологии разума, выражающей сложную динамическую структуру исторического пространства — времени, в котором должно присутствовать выражение полноценной жизненной силы человеческой души. Эта полноценность никак не может быть сведена к какой-то формальной логической схеме мышления, ибо инстинкт смерти нельзя абстрагировать как любую чувственную ассоциацию, связанную с материальной природой мира. Инстинкт смерти, как основной производитель духовного сознания дей-

ствительности в человеческой душе, выражает трансцендентную реальность исторического события, где мышление определено противоречием его нелинейного развития. Например, такой нелинейностью можно полагать, с одной стороны, прогрессивность действий варваров большевистской орды, создающих в пролетарской культуре новые направления науки, а с другой, их агрессивносвирепое отношение к религии и традиционным государственным сословиям царской России. Безусловно, косвенно, эта ситуация напоминает нам события 90-ых годов в России, где новая волна варваров разрушило государство, чтобы овладеть его собственностью. Однако политическое безумие, как мы полагаем, является необходимым фактором эпохи Темных Веков, в которых действует не разум, а племенной инстинкт человека. Эта активность безумного племенного инстинкта была присуща России и до 17-го года. Но после нашествия большевистской орды, сопровождавшегося захватом власти откровенно антирусскими силами, этот безумный племенной инстинкт стал основой формирования массового общества и, как следствие, государства, оставаясь таковым вплоть до нашего времени. Все изменения социальной организации массового общества никак не влияют на дикость племенного инстинкта, на котором оно строится, поскольку все формальные правовые и моральные законы оказываются недействительными в состоянии нравственной дикости самой человеческой души. Все политические и финансовые элиты заражены этим вирусом дикого племенного инстинкта, хотя механически варварское государство и функционирует. По-видимому, его природа, как специфическая массовая «зараза» психической неполноценности, состоит в варварстве как отсутствии самостоятельной разумной активности души, и, как следствие, разумной политики, которая может восприниматься адекватно как внутри страны, так и на мировой политической арене. Ведь это только в виде мифологическо-

го массового сознания существуют все эти банки, промышленные корпорации и кредитно-денежные системы, поскольку их деятельность топологически «натянута» на родоплеменные отношения варварских нравов людей.

Таким образом, мы полагаем, что современное массовое общество в России является производной от распада большевистской орды, этой агрессивной родоплеменной активности человеческих масс, стоящих на крайне низком уровне нравственного развития. Именно поэтому наихудший человеческий материал нашел полную свободу в посткоммунистической России, тогда как даже крайне малочисленный национальный слой, с большим трудом объединившийся после большевистского нашествия перед распадом СССР, был здесь почти полностью рассеян новыми бандами, из которых сформировалась новая политическая и финансовая элита 90-ых годов. Понятно, что эти новые банды постепенно приобрели некоторый «цивилизованный» вид, как это произошло с режимом Сталина по отношению к ленинскому периоду власти, однако суть их такая же, как и советского режима, то есть варварская по отношению к разуму. Это значит, что русские, вплоть до нашего времени, существуют под властью той варварской политической силы, которая антинациональна по существу, хотя, конечно, и имитирует некоторые национальные интересы. При этом, очевидно, что и люди, вообще то, ориентированные на национальные ценности, вынуждены внутри политической системы массового общества становиться идиотами, рассуждающими неадекватно, когда речь идет об исторической реальности.

Единственной возможностью ликвидации этой варварской политической системы, которая характеризует нравы и принципы жизни человека в Темные Века, в нашем понимании, является создание кастового механизма власти, который выражает перелом от глубокого варварства к зачаткам самостоятельной цивилизации. Это обу-

словлено тем, что в этом зверинце, каковым является современное российское массовое общество, необходимо пространство, в котором человеческий дух должен определить свою разумную позицию. Полагать же, что эти звери, а именно так оценивается нравственное развитие человека в Темные Века, могут быть адекватными: политиками, бизнесменами и подлинными учеными, бессмысленно. Адекватно эти звери могут быть только воинами, поскольку дух войны является единственной силой, будоражащей их животную душу. Если исходить из этой элементарной исторической оценки политической ситуации, то необходимо осознавать, что и каста, на которую должно опираться государство, имеющее собственные принципы существования цивилизации, должна быть кастой воинов. Некоторые попытки создать такую касту мы находим в немецком фашизме, попытавшемся противостоять распространяющемуся массовому безумию в европейской цивилизации, однако в нем отсутствовала разумная позиция человека, а значит, эта политическая сила и не могла создать какой-то новый проект развития мировой цивилизации. Последние века мировой истории происходили под знаменем веры в разумный человеческий дух, поэтому только в этой области может формироваться новая основа мировой цивилизации.

Каста, очевидно, является древнейшим видом взаимоотношений людей, который нельзя полагать социальным. Действительно, главное в касте не общность людей, а их различие, через которое, собственно, и возникают те человеческие взаимоотношения, на которых строится государство. Другими словами, основой касты всегда является сознание трансцендентной реальности. Если в массовом обществе статус человека определяется его профессией, наличием капитала и другими социальными функциями, то в касте он всегда определялся вкладом в духовную общность людей. Попытки полагать, что институт сословий строился на принципе эксплуатации одного

класса другим, как это имеет место в марксизме, не учитывает, что в этой эксплуатации существовала естественная потребность более слабого духом человека отдавать сознание первенства человеку более сильному духом. Именно поэтому в истории культуры все сословия постепенно реализовывали себя: от аристократии — в Средние Века, до крестьянства — в период буржуазных революций. Этот процесс реализации всех сословий: от момента утверждения в цивилизации разума до момента его исчезновения в цивилизации эпохи распада, и является периодом доминанты в подсознании человека расового существа души. Как только эта доминанта исчезает, человек вновь возвращается к естественному состоянию своего племенного инстинкта, характеризующегося активностью в его подсознании матриархальных ценностей. Таким образом, подсознательный инстинкт смерти человека, трансформируясь в его духовный опыт, формировал институт касты. Понятно также, этот процесс формирования предполагал насилие над инстинктами матриархата, которые периодически выплескивались наружу в виде набегов и нашествий полудиких орд и агрессивного проникновения в цивилизацию примитивных народов.

...

Сложность существования разумного человека в варварском государстве состоит в том, что он вынужден постоянно участвовать в социальном безумии, которое культивирует массовая система ценностей. А это участие, очевидно, полагает его самого варваром, хотя в государстве существует немало людей, которые осознают и трагичность происходящих событий по отношению к национальной истории, и безумие происходящего по отношению к человеческому разуму. В какой-то степени мы можем осознавать себя подобно римлянам на развалинах Римской империи, где новоявленные варвары играют в процесс ее восстановления, однако следует все-таки различать душу человека, которая воспитана доминирую-

щей культурой цивилизации, и человеческую душу, которая еще не знала опыта господства в своей истории разумных ценностей. По крайней мере, отсутствие господствующих позиций объективного существа разумного духа определяло и определяет всю известную судьбу российской истории.

...

Современная психология XX века требует сводить любые политические идеи к ценности человеческой жизни. Это, собственно, стало уже определенным культом для идеологии массового общества, которое формируют жизненные принципы человека. Полагать, что жизнь является чем-то вторичным перед: долгом, чувством чести, верой и другими базовыми ценностями разумной культуры, не предполагается в современной системе низших ценностей. Именно поэтому современная система массовых ценностей — неразумна, что не предполагает наличие у человека сознания конечности жизни, а предполагает только способность к схематичному ассоциативному мышлению, скользящему по поверхностности явлений. Разумный центр в душе у подавляющего числа людей в массовом обществе утрачен, ибо в этом обществе утрачено сознание нравственной ответственности за свою судьбу. Действие религиозного сознания в нем отсутствует, а машинная культура лишена в себе разумного духа, поэтому человек бесконечно в ней одинок. Мы полагаем, что он более одинок, чем в непроходимом и глухом лесу, поскольку в лесу все-таки существует некое примитивное единение с первобытными силами природы, то есть выражена самая простая и зачаточная энергия мирового духа.

...

Одной из главных задач нашей онтология времени является найти подходы современного понимания исторической сущности разума, когда его проект, связанный с научным знанием, оказался исчерпанным. Современный исторический разум не может как опираться на науку, так

и противостоять ей. Его сущность оказалась скрытой в подсознательных процессах высшей психики, поскольку его природа, вообще говоря, в действительности является нелинейной. Эта нелинейность состоит в том, что наши ассоциации только частично дают нашему сознанию информацию о реальности, когда ее большая часть, трансцендентная, ускользает от ассоциативного восприятия. Этот трансцендентный импульс высшей психики человека и делает мировую историю непредсказуемой. Вообще поиск нового содержания философской мысли предполагает, что сознание о том, что человек мыслит, является недостаточным для того, чтобы выражать наличие у него разума, поскольку абстрактное мышление, вообще говоря, способно порождать самые банальные стереотипы представлений, препятствующие активности разума в душе. И, в целом, ход движения разума в человеческой душе является топологической, а не линейной, структурой мысли, то есть не движется, как это полагается в научном мышлении, от чувственной ассоциации, через абстрактную мысль, к доказательству. Поскольку сознание человека, втянутое в инъекцию инстинкта смерти, перестает воспринимать знакомые чувственные ассоциации.

Движение высшей психики в душе выражает в ней начала расового подсознания, которое принимает решение в экстремальных условиях человеческой жизни. Социальная же активность человека, выражая монотонно-ассоциативную активность психических реакций, никогда не преодолевает известных стереотипов представлений, реализуя позицию абстрактного рассудка, но не разума. Поэтому массовая система ценностей в технократической цивилизации существует стабильно только за счет исключительной тупости своей современной гуманитарной науки, опирающейся на смысл экономической активности государства и либеральную политическую систему. Понятно, что в такой «целесообразности» существования человека, места для действия его разума не суще-

ствуется, поскольку вся известная здесь «рациональность», в действительности, является лишь определенным набором воровских приемов в борьбе за накопление капитала и рынки сбыта сырья своего производства. Социальная система, в данном случае, только обслуживает эту сферу, с ее «политкорректностью», а фактически, категорическим исключением проявления в человеке его разума. Человек здесь выступает как неразумное существо, которое неспособно производить усилия своего разума, находящегося под постоянным «присмотром» массовой системы ценностей. Разум здесь благополучно «спит», поскольку душа пребывает в бессознательном воспроизводстве стереотипов представлений.

Периодическое забвение человеческого разума в определенные исторические эпохи связано с исчерпанием полноценных психических ресурсов высших человеческих рас, которые являлись высшими в силу доминанты в их душе разумного духа. Другие расы, безусловно, в значительно меньшей степени культивировали состояние полноценности человеческой души, в силу чего находились под влиянием рас высших. Однако влияние это было трансцендентно. Таким образом, высшая раса, в нашем понимании, является феноменом трансцендентной реальности, который, тем не менее, вполне материально воздействует на систему цивилизации через подсознательные процессы инстинкта смерти, передающего высшие психические потенциалы в любой ее точке. «Артефакты» существования высшей расы могут проявляться только в великих произведениях искусства, по которым можно судить о характере души этой расы. Например, греческие и готические храмы, а также египетские пирамиды свидетельствуют о ее характере. Вообще архитектура, и, в целом, искусство, то есть эстетическое творчество человека, характеризует психологические принципы действия разума в определенную историческую эпоху, поскольку именно эстетическое чувство является единственным ви-

дом мышления, которое движется и даже развивается изнутри максимального рационального духовного импульса человеческой души. Однако в области непосредственного чувственного восприятия сфера эстетического сознания не осознается как эмпирическая реальность, которая может полностью контролироваться механическим рассудком, поскольку она, в отличие от животного начала человеческой души, проистекает из разумного существования бытия. Поэтому область разумных идей и ее производная, идеология ценностей определенной исторической эпохи, формируются в сфере трансцендентного сознания, которое, в свою очередь, порождает пространство разумного духа. Этот дух действует как сверхчувственное, воздействующее на чувственное в качестве топологии разума, которая характеризуется жизненной силой полноценной человеческой души. Эти два полюса различных слоев человеческой психики, по-видимому, и создают активные импульсы воли. Их принципиальное различие состоит в том, что психофизиологическая активность человеческих рефлексов вполне может полагаться линейной системой, в которой бессознательная чувственная ассоциация передается прямо в сознание, что, собственно, и формирует эмпирическое мышление. Но трансцендентное сознание не является ассоциативным, когда человек не воспринимает трансцендентный мир чувственно, однако испытывает в глубине души его максимальное воздействие сакральных сил, например, солдат в кульминационном моменте военного сражения или художник в наивысшем состоянии творческого акта.

Хотя мы и отвергаем понятие «бога» в понимании процессов высшей психики человека, мы не можем отвергнуть саму реальность сакрального мира. Динамика трансцендентных сакральных сил ускользает в подсознании человека к его инстинкту смерти. Понятно, что подсознательно этот инстинкт воздействует на сознание человека таким образом, что постоянно напоминает ему о

конечности его жизни, поэтому психические импульсы, обусловленные этим инстинктом, имеют нелинейную природу воздействия на сознание, когда сознание не владеет полностью первичным чувственным источником, то есть чувственной, субъективной или объективной, ассоциацией. Это воздействие является топологическим, то есть «сминает» чувственные ассоциации, или, можно сказать, «заметает» их в отсутствие ассоциативного источника как такового. Фактически речь идет о постоянном напоминании человеку о существовании духовной реальности, но без какой-то попытки абсолютизации источника этого сознания. И одновременно это та основа немеханической памяти, в которой действует расовое существо человека.

...

Одним из наиболее враждебных разуму представлений культа низших ценностей явилось сознание, что люди равны от природы. Именно на основе этой ложной точки зрения происходил слом традиционной морали и нравственности, хотя взамен предлагались весьма сомнительные моральные принципы. Эта сомнительность проявилась уже у Канта в его утверждении, что каждый человек, непременно, от природы должен стремиться к счастью. В нашем понимании, переживание счастья есть один из основополагающих принципов системы низших ценностей, где, собственно, разумные начала души пассивны, поскольку в состоянии непосредственной земной радости человеческой души моральное чувство воспринимается как механическая мысль рассудка. Собственно, именно это инфантильное сознание и дает возможность механической мысли рассудка оперировать субъективными категориями суждений в качестве контроля сознания над эмпирическими процессами цивилизации. Такого рода практический разум мы полагаем не разумом, по существу, а механической силой рассудка, которая только косвенно указывает на наличие реальной природы раз-

умного духа, поскольку действительный разум, являясь сферой трансцендентного мира, не может выражать прагматизм человеческой жизни. Наоборот, разумное действие воли в наименьшей степени прагматично, ибо, фактически, разрывает линейную взаимосвязь чувственных ассоциаций и рассудка.

...

То, что первоначально утверждается в качестве самостоятельных начал цивилизации, — это неравенство людей по отношению к разуму, поскольку, в первую очередь, необходимо утвердить полноценные начала души в среде варваров. Ведь варварская среда неадекватна в понимании исторической ситуации, поэтому требуется насилие разума, который бы установил иерархию разумного духа тогда, когда необходимы достаточные психические усилия, чтобы действовать в соответствии с человеческими, а не животными импульсами в душе. Очевидно также, что наука, как разумный принцип воздействия, не обладает подобными методами, ибо XX век показал, что опора разума на научный авторитет, по крайней мере, в качестве эмпирического мышления, исчерпала себя.

Если современный разумный человек в России осознает себя в среде варваров, которые, закончив свои политические игры в «коммунизм», начали новую игру в «капитализм», то он, безусловно, не может участвовать в этой тотальной мистификации сознания, ибо, в противном случае, он бы не обладал разумом. Нравственный долг разумного человека, то есть человека с полноценной психикой, требует создания политического пространства, где моральные нормы являлись бы определяющими для мотиваций поступков. В этом деле традиционные институты религии малоэффективны, поскольку они сложились до нашествия большевистской орды, то есть не учитывают новые разрушительные процессы бессознательной психики и новые формы безумия человека, которые возникли здесь после 17-го года. Именно в силу отсутствия

каких-то внятных подходов к пониманию новой природы зла, современная религия не может достаточно эффективно влиять на историческую ситуацию, хотя, конечно, ее действие в мировой истории протекает в русле истории развития мирового духа, то есть отображает позиции становления моральных принципов.

Мы наблюдаем в политической системе массового общества, что сомнительная нравственная концепция Канта, утверждающая, что каждый человек естественным образом стремится к счастью, активизирует политическую активность в первую очередь психически неполноценного человека, то есть человека, в душе которого разум не действует. Это те многочисленные *quasi homo*: политики, бизнесмены, социологи, то есть вся сомнительная свора варваров и деградантов, которая стремится всеми средствами наслаждаться благами цивилизации потребления, не неся при этом никаких моральных обязанностей перед великим прошлым человечества, поскольку их племенная душа сформировалась исключительно в животном состоянии, за пределами разумного духа. В силу этой тотальной психической неполноценности по отношению к возможности развития и действия внутри души разума, стремление к «счастью» становится, в действительности, тупостью бессмысленного потребления материальных благ цивилизации, в убеждении, что все люди стремятся к этому потреблению как основной ценности жизни. Поэтому мы видим вокруг себя в России тот дикий грабеж и разбой варварских группировок, их борьбу за сырьевые ресурсы страны и сферу политического влияния, которые дают возможность животной душе максимально удовлетворять ее животные потребности.

...

Современное действие разума не может проистекать в представлениях о линейном строении психофизиологической природы человека. Психофизиологическое представление, выражая сознание механического мышления, ис-

ключает влияние трансцендентного мира на психические процессы, хотя именно их интенсивность и определяет высшие импульсы души. Инстинкт смерти, если и учитывается наукой, то скорее как психическая аномалия в общих процессах психики, которые составляют ее биологический резервуар. Однако именно этот инстинкт определяет высший центр психики человека, передавая через трансцендентные импульсы сознание реальности субъективного духовного мира. Можно сказать, что соматическая организация человеческой души топологически «натягивается» на этот инстинкт, обозначаясь линейностью своих движений только в конечной области эмпирического рассудка. Здесь, в «стянутости» топологии самого простого, в системе знакомых ассоциаций чувственного восприятия человека, проявляется животная активность человеческой души, но никак не ее духовная сфера сознания. Духовная сфера сознания, наоборот, в максимальной степени нелинейна, вследствие чего так трудно установить ее присутствие в самой душе, тогда как явление ее животной природы выражается бесконечно многообразно в эмпирическом сознании. Топологический принцип нелинейности разумного духа состоит в том, что расовая энергия человеческой психики постоянно, можно сказать, ежемгновенно меняет вектор представления, находясь в «хаотическом» движении точки сознания «я». Это связано с тем, что трансцендентная область духа сверхчувственна, но при этом обладает значительно более интенсивной энергетикой подсознания, чем чувственные ассоциации, которые монотонны в своем повторении, причем экстремумы процессов подсознания чувственных ассоциаций заранее известны. Сюда относятся, например, семейные ценности и религиозные, опыт ведения хозяйства и навыки в профессиональной деятельности. Но трансцендентная область событий мировой истории: опыт великих сражений и созданий великих произведений искусства никак нельзя отнести к области низших ценностей,

то есть обыденных представлений сознания. Здесь нет ни фанатизма религиозной веры, ни легкомысленных суждений абстрактного рассудка, проистекающего из неполноценных движений человеческой психики.

Таким образом, неравенство ценностей обусловлено сложной природой человека и бытия, когда вопрос о понимании их иерархического принципа, постигается в качестве разумной сущности действительности. Принцип познания выступает в качестве познания симметрии бытия, двух его начал: материального и духовного, что, собственно, было известно всегда. Но история разумного духа не была бы историей, если бы понимание ее процессов также не менялось во времени. Ведь именно наука возникла из философской мысли, а не наоборот. Причем исчезновение научной мысли прямо зависит от исчезновения философии науки, поскольку разума в науке существует ровно столько, сколько в ней присутствует онтологического понимания бытия. Именно поэтому современная научная мысль практически исчезла как область какой-то разумной перспективы развития в пределах известных представлений научного фундамента науки. Это следует относить к проблеме окончания того проекта разума, который опирался на научный авторитет в последние века доминирования разума в западноевропейской цивилизации. Современная политическая и социальная жизнь этой цивилизации демонстрирует уже не разум, а бесконечно-поверхностный абстрактный рассудок. Именно в силу полного погружения мышления в сферу абстрактного рассудка, западноевропейская цивилизация в наше время потеряла какую либо подсознательную взаимосвязь со своей расовой основой.

...

Когда мы осмысливаем современные исторические события, происходящие на территории бывшего соц. лагеря, то наше сравнение их с аналогичными событиями в другие Темные Века мировой истории аргументировано, в

первую очередь, тотальным доминированием в человеке неполноценной психики. Понятно, что признаки психической неполноценности характеризуют все народы в современной массовой цивилизации, однако и восточные народы и западноевропейские прошли путь развития мирового разума, что определено их произведениями искусства, литературы и философии. Но разрушение русского государства в 17-ом году показало, что самостоятельной цивилизации здесь никогда не существовало, а события 91-го года 20 века лишь подтвердили это. Агрессивная орда, получившая название в истории «большевизм», разрушила огромное государство как картонный домик.

Для того, чтобы разрушить мифологическое представление о недавних и современных событиях, происходивших и происходящих в российской истории, а главное, конечно, понять систему ценностей, в которой существует современная социально-политическая модель России, мы должны продолжить разрабатывать расплывчатые контуры исторической концепции Шпенглера, в которой не трудно найти сильное влияние философии Ницше. Собственно, именно у Ницше впервые обозначается топологическое понимание исторического разума, когда разум определяется не в качестве линейной взаимосвязи исторических событий, а как сакральная сила, непрерывно возвращающаяся из состояния забвения в процессе становления новой исторической цивилизации. Вообще же, природа разума определена у Ницше как критерий полноценности психической жизни человека. Именно от этой оценки происхождения разума отталкиваемся и мы, когда полагаем, что разум не только периодически впадает в состояние забвения в человеческой душе, но и что этот процесс неизбежный.

Поскольку мы понимаем мировую историю нелинейно, мы должны осознавать, что любая цивилизация возникает из нескольких пластов культур, сохраняющих внутри себя весь опыт развития мировой цивилизации. Эти пла-

сты культуры, можно сказать, топологически «склеены» в области трансцендентного мира. Таким образом, система психофизиологических реакций человека, на которой строятся современные антропологические представления, выражает бесконечное малое понимание психоэнергетики человека, в которой тело и душа сосуществуют в местах топологической «склейки». В этом смысле изучение физиологии человека, через которую наука попытается проникнуть в понимание процессов человеческой психики, ограничено принципом линейности психических реакций. Создается определенная машинная модель человеческой психики, тогда как человеческая психика в действительности не может уподобляться механизму, поскольку ее топологическая структура соматических реакций натянута на трансцендентный мир. В этом смысле разум присутствует в человеческом теле как энергия, не имеющая каких-то линейных контуров. Присутствие этой высшей психической энергии в душе можно сравнить с постоянно меняющимися геометрическими контурами физической плазмы. Это «плазматическое» присутствие разума в теле и осуществляет трансцендентные интервенции в область знакомых ассоциаций чувственного восприятия, где властвуют известные стереотипы представлений. Мировая история развивается нелинейно в силу дискретных интервенций разума в человеческую душу. Наоборот, монотонные процессы политической жизни цивилизации и отдельного человека демонстрируют минимальное присутствие разумных движений души, поскольку отображают действие в сознании известных стереотипов представлений. Поэтому если низшие ценности концентрируются в системе стереотипов представлений своей исторической эпохи, то высшие ценности, наоборот, их разрушают.

...

Одной из наиболее ложных теорий по отношению к подлинной природе происхождения разума в человеческой душе, стала современная научная эволюционная те-

ория, отождествившая разум с эмпирическими особенностями строения человеческого мозга и экспериментальным изучением его функционирования. Так, как известно, увеличение размеров мозга человекообразной обезьяны послужило одним из основных экспериментальных доказательств происхождения человека от примата. Мы, полагая, что разум имеет трансцендентное происхождение в человеческой душе в интервенциях инстинкта смерти против монотонного течения в бессознательных влечениях знакомых ассоциаций восприятия, утверждаем, что его топология не может быть обнаружена экспериментально. Речь в данном случае, конечно, идет о разумном духе, который, в нашем понимании, стал родоначальником веры новой человеческой расы. Ведь именно вера формирует основу феноменов сознания, которые образуют трансцендентную основу психических импульсов души. Вера обрастает мифологией, которая «окутывает» трансцендентную сферу, поскольку конструктивные элементы мифа топологичны. В отличие от механической мысли, которая определяет эмпиризм с его безусловной ассоциативно-чувственной базой сознания реакций восприятия, трансцендентная сфера реакций психики не ассоциативна. Эта непредсказуемость духовного импульса сознания, выражающего противоречивость мышления как непосредственную сущность бытия, является основанием сакрального чувства в глубине человеческой души, определяя ее высшие психические центры. Но массовая психология человека как раз стремится избегать противоречивости суждений.

Первое, что характеризует активность разума в человеческой душе, — это его агрессивное отношение к стереотипам человеческих представлений. При этом поверхностное понимание природы разума ложно ассоциируется с логикой абстрактных представлений о разуме, множество примеров которого можно наблюдать в массовых ценностях. Вообще, следует заметить, что именно ассо-

циации порождают способность представления, тогда как интервенции разума практически всегда носят не ассоциативный характер. Так, ни идея у Платона, ни понятие у Гегеля, нельзя представить в качестве знакомой ассоциативной основы. В этом проявляется природа объективного исторического разума, — использовать материал мышления, который выводит чувственный опыт из сверхчувственного начала бытия.

...

В трансцендентной природе действия человеческого разума в политической системе власти мы должны возвратиться к центральному пониманию его сущности у Платона, который связывал ее с кастовым сознанием. Действительно, разум не может быть достоянием массовых представлений людей, поскольку его подлинная сущность разрушительна для человека. Эта разрушительность разума есть активность в глубинах человеческой психики подсознательного действия инстинкта смерти. Критика же Ницше утверждения Платона о существовании единого бога, не учитывает, что бог мыслился у Платона в качестве высшего единства многообразия сакральных сил, то есть как топологическая единица, очень близкая к монаде Лейбница. Их отличие состоит лишь в том, что Платон понимал эту единицу как сосредоточение сакрального начала мира, тогда как Лейбниц полагал монаду простейшей неделимостью многообразия, не вкладывая в нее какой-то сакральный смысл. Другими словами, платоновский бог не имеет никакого отношения к христианской религиозной мысли, то есть к линейному представлению о процессах, протекающих в истории, но выражает основную топологическую интуицию античной философии: везде и во всем видеть кривизну, а значит, нелинейность явлений онтологии разумной сущности бытия. Именно этот принцип метафизической интуиции является основополагающим в философии Ницше, который он частично взял его у Шопенгауэра, но в большей степе-

ни привнес собственной интуиции, связав вопрос о свободе воли с политической проблемой господства высшего типа человека.

Главным критерием наличия активности разума в человеческой душе, в нашем понимании, является ее полноценность, то есть целостность, проистекающая из непрерывного соприкосновения с сакральными духовными силами. В отличие от взаимодействия с материальными процессами, воздействующими на ассоциативное восприятие человека, духовное существо мира не воспринимается человеком через ассоциации. Наиболее удачным понятием в оценке действия разума мы полагаем понятие «интервенция», поскольку это плазматическое, не ассоциативное действие разума в душе возникает при условии полноценного эстетического созерцания реальности. Ведь захват животного существа человеческой души разумным движением психики осуществляется в качестве проникновения по ту сторонней к физическому миру энергии трансцендентных сил реальности, которые отображаются в сознании нелинейностью своего метафизического действия. В этот момент проникновения разума, человек забывает свое животное существо, которое он постоянно помнит и с которым постоянно соприкасается через знакомые чувственные ассоциации.

...

Наша цель состоит в том, чтобы понять подлинную сущность объективного разума, фактически утерянную в истории XX века. Практически весь XX век демонстрировал нарастающее безумие массовой культуры, которое ликвидировало критические способности человеческого мышления, подменив его верой в научно-технический прогресс. Но и эта вера исчезла на наших глазах, когда угасли последние проблески разума в науке, то есть исчезла философия науки. В подобной исторической ситуации разум в человеческой душе перестал иметь реальное самовыражение, вследствие чего и возникла мировая по-

литическая система, где наличие активности разума стало невозможным. Для распространения максимально неразумной активности человеческой души наиболее удобной, как можно было убедиться в истории XX века, оказалась политическая система либерализма. Принцип свободы либерализма предполагает эмпиризм основой всех известных представлений о существующей реальности. Возможность трансцендентного сознания реальности здесь исключена. Но исключение сознания трансцендентного бытия автоматически исключает и реальность существования высшей психики, поскольку ее духовные центры нельзя эмпирически обосновать и доказать. И дело здесь, очевидно, не в традиционных религиозных представлениях, поскольку и до возникновения монотеистических религий сакральное начало бытия определяло судьбу мировой цивилизации. В результате тоталитарного господства эмпиризма в интеллектуальной культуре, высшие слои психики оказались незадействованными, и, как следствие, оказался невостребованным человеческий разум. Эмпиризм во всех сферах современной интеллектуальной культуры установил такие критерии оценок, которые предполагают наличие любого явления доказанным только через бессознательный контакт с чувственной ассоциацией. Но ни духовная сфера человеческой души не может быть доказана экспериментально, ни действие объективного разума.

...

Поскольку мы полагаем действие разума отображением нелинейной системы феноменов реальности, мы должны критически оценить основы психофизиологической теории понимания человеческой души. Мы полагаем ее истинной только в концепции низшей человеческой психики. При этом подсознательное действие инстинкта смерти в человеческой душе является нелинейным, то есть нельзя смоделировать абстрактно действие свободной человеческой воли, если учитывать наличие в чело-

веческой душе разума. И наоборот, поведение массовой психологии легко моделируется в статистической математической модели, поскольку низшая психика производится ассоциативной системой чувственного восприятия.

Если утверждение психофизиологической теории о том, что человек произошел от обезьяны, базируется на представлении о механизме тела, которое также механически одушевляется психическими импульсами, то нашей базой понимания высшей психики являются не механические свойства вещества, а топологические свойства материи и, в первую очередь, времени. Действие разумного духа объективно нельзя представить механически, когда наиболее близким к «механическому» представлению его действия является сравнение с физической плазмой. Мы полагаем, что мощность трансцендентных психических импульсов в человеческой душе значительно превосходит в ней мощность низших психических импульсов, и вопрос лишь состоит в их доминировании в различные исторические эпохи развития мировой цивилизации. Для нас человек есть дух, причем обладающий разумной волей.

Регресс человеческой психики начинается тогда, когда система знакомых психических ассоциаций переходит в догмы рассудка. Эти догмы рассудка формируют соответствующие обыденные представления, то есть убеждение, что «иначе не может быть». Эти догмы существуют во всех областях человеческой культуры: в религии, науке и искусстве, поскольку в этих догмах подсознательно действует инстинкт животного самосохранения человека. Здесь мысли постоянно заняты самым ничтожным вздором известных представлений, которыми средства массовой информации с утра до вечера забивают мозги обывателю.

...

Психофизиологическая научная теория строится на постулате линейной взаимосвязи чувственных ассоциа-

ций и действию мышления как функции головного мозга. Эта материалистическая точка зрения, в которой предполагается, что импульсы чувственных ассоциаций передаются через нервную систему в головной мозг, очевидно, не учитывает существование высшей психической деятельности, которая строится на трансцендентных импульсах души. В случае линейной системы взаимосвязи: ассоциация — импульс нервной системы, возникновение мысли является следствием потока чувственного многообразия ассоциаций.

В понимании основ эстетического созерцания, которое отображает трансцендентные феномены реальности, в первую очередь, мы должны учитывать их принцип нелинейности, то есть понимать, что эти феномены возникают не из наших непосредственных чувственных ассоциаций. Необходимо осознавать, что существует особая психическая энергия, в которой, чтобы импульс из трансцендентного мира дошел до нашего сознания, необходим, как это полагал Гегель, момент опосредствования чувственной ассоциации. Момент опосредствования, очевидно, определен интервенцией высших психических импульсов в поток известных ассоциативных восприятий. Ассоциативные чувственные восприятия сминаются или, рассуждая топологически, заматаются потоком сверхчувственных феноменов, которые отображают духовные границы мира. Духовный подъем возникает не из знакомых чувственных ассоциаций, связанных с монотонной повседневностью жизни человека, а из контакта с трансцендентной природой времени. Тогда как в монотонности непосредственных чувственных ассоциаций человек выступает как «дитя природы», то есть является продуктом психологии матриархата, ибо верит только в собственные чувственные восприятия, а они указывают на вечный процесс родов и смерти органических существ.

Если исключить активное воздействие космических ритмов на подсознание человека, то вся историческая

культура становится исключительно продуктом биологической эволюции, которая разворачивается линейно. Причем, с одной ее стороны, бесконечно отдаленной, существует процесс рождения Вселенной, а в бесконечно отдаленной перспективе, момент гибели человечества, как органического существа. Какого-то разумного смысла в этой физико-биологической картине реальности появления и исчезновения человека мы не видим. Бесмысленность подобного материалистического детерминизма здесь очевидна. Человеку остается лишь математически высчитывать свое наличие в природных процессах, бесконечно мало влияя на них, используя для выживания природные ресурсы Земли и запуская свои спутники в пределах солнечной системы. Подобный уровень развития технологией, если сравнить его с размерами Вселенной, ее масштабами и процессами, происходящими в ее бесконечно удаленных точках, никак «властью над природой» не назовешь. Скорее это оценивается как попытки лилипута бросить вызов силе, бесконечно превосходящей его, однако упорно доказывающего, что его успехи в области научно-технических достижений демонстрируют что-то очень значительное. Понятно, что эта значимость существует по отношению к крайне упрощенной схеме понимания процессов природы. Вообще, легко заметить, что кризис современной европейской науки вызван ограниченностью философии науки, лежащей в механических представлениях о строении человека и Вселенной, возникших около XVII — XVIII вв.

Таким образом, чтобы установить элементарное понимание действия процессов высшей психики человека и, как следствие, элементарное начало действия разума в человеческой душе, мы должны отказаться от психофизиологических представлений. Разумные начала человеческой психики, зарождающиеся в инстинкте смерти, указывают на происхождение первичного психического импульса из трансцендентных началах души.

Эта мощь психических импульсов, как мы полагаем, значительно интенсивней мощи психофизиологических рефлексов, возникающих на основе чувственных ассоциаций. Другое дело, что их влияние на мотивации человеческой воли различны в различных типах людей. Вообще, в активности низшей психики в полной мере проявляется животное стремление к присвоению окружающего пространства существования. Именно поэтому здесь отсутствует момент откровения жизни, который присущ историческим эпохам, где действие разума достаточно активно. Ведь активность разумной мысли обусловлена не нуждой человека в его повседневных заботах, а, наоборот, возможностью взглянуть на свою жизнь как на явление метафизического масштаба. Как известно, эта проблема микро- и макрокосмоса была одной из центральных в философии Возрождения. Однако современного деграданта европейской цивилизации больше интересуют вопросы микро- и макроэкономики, то есть вопросы, связанные с его биологическим выживанием. Этой позиции сознания подражают и другие народы под идеологическим давлением массовых ценностей мировой цивилизации.

...

В нашем понимании, проблема полноценности человека, поставленная Ницше в его философии, имеет вполне разумное основание, а точнее сказать, является главным условием активности разума в человеческой душе. Неполюценная душа просто не способна произвести разумную мысль, хотя рассудок может при этом функционировать в полную меру. Человеческий рассудок может функционировать в сознании профессионала своего дела, однако при этом полностью неадекватного по отношению к разуму. Именно такого профессионала стремится создать система массового общества, в котором бы отсутствовали все проблески разума, но зато была максимально активна механическая способность мышления. В этой

системе, задача ума состоит в том, чтобы строго следовать взаимосвязи линейных психических реакций, которые отображают в сознании человека мир исключительно эмпирических связей. У начал такого понимания разума, безусловно, следует видеть французскую и английскую философию науки, работы Декарта, Юма и других философов. Речь здесь идет именно об уме, а не о разуме в его особенной взаимосвязи с импульсами воли, которые, как это справедливо замечал Шопенгауэр, являются «злыми», то есть протекают в космических ритмах в глубине человеческой души, а не выстраиваются в соответствии с социальными представлениями, формирующимися в низшей психике человека. Замена же одной социальной модели на другую выражается лишь в механической смене одной системы обыденных представлений на другую систему, то есть исключает действие разума по существу. Особенно этим отличается марксистское учение, которое полностью подменило существо разума действием механического рассудка. Однако в эпоху расовой катастрофы, и особенно в культуре, где еще нет собственных разумных основ, подобная теория оказалась как нигде кстати, ибо варварский ум сразу зацепился за нее, где неразумной душе давалась возможность сразу, минуя сложный процесс обретения начал собственной рациональной исторической основы, оказаться в «авангарде мировых исторических сил». Главное в этой социально-экономической теории было то, что в ней было все «ясно». «Ясно», кого называть «эксплуататором», кого «угнетенным», а вся эта сомнительная «теория» прибавочной стоимости создавала ореол «научности» подобной примитивной сказки об истории. Наука, вообще говоря, начала работать против самой сущности разума, — таков был результат «теоретичности» марксизма, когда сказка о борьбе масс за свободу фактически ликвидировала саму сущность разума как следствие активности высшей психики человека. При этом, наука здесь выступила как своего рода мистика раз-

ного рода абстрактных построений рассудка, в основе которых лежали два очень сомнительных постулата, что социальное положение человека определяет его историческую значимость, а экономические отношения движут развитием научно-технического прогресса. Понятно, что эта наукообразная мистика могла захватить только варварский ум, и она его, собственно, и захватила.

Проблема доминирования разумного человека на постсоветском пространстве в наше время стоит не менее, а может, и более остро, чем это было до падения Российской истории в 17-ом году. Она характеризует вялую активность на территории бывшей Российской империи генетических последователей большевистской орды, то есть тех дегенеративных человеческих типов, которые сформировались здесь из различных национальных анклавов. Мы не склонны поддаваться влиянию примитивной мифологии исторических представлений, которые сложились в так называемой российской «гуманитарной науке» из странного симбиоза марксизма и постмодернизма после распада СССР. Мы полагаем, что наше время характеризуется разложением той политической родоплеменной силы, которая доминировала на территории бывшей Российской империи с 17-го года. Понятно, что племенная душа человека, являясь неразумной по существу, не может иметь какой-то адекватной государственной идеологии, то есть причастности к ценностям исторического разума. С другой стороны, нельзя не осознавать, что разрушение русского государства в 17-ом году, как и аналогичного франкского государства в Западной Европе, нельзя относить к центральным событиям мировой истории, поскольку какой-то объективной разумной исторической цели это государство не предъявило миру.

...

Интервенция разума в культуре имеет характер нелинейных психических процессов, которые нельзя систематизировать. Следовательно, сама задача построения фи-

лософской системы, которая ставилась в классической западноевропейской философии, теряет смысл, поскольку нелинейность процессов высшей психики человека предполагает относительность ценности любой рациональной системы мысли. При этом принципиально, что активность разума в человеческой душе невозможна без активности ее духовного начала, то есть мы можем рассуждать только о действии разумного духа. Любые механические свойства мысли, которые, безусловно, определены в поле линейных процессов психики, являются свойствами рассудка, то есть относятся к низшей человеческой психике, отображающей ее животное начало. Именно поэтому варвары легко усваивают абстрактные положения мысли, но не в состоянии осилить разумные начала культуры. Вся советская, а затем и в последние пятнадцать лет российская гуманитарная школа мысли вышла из этой варварской системы механических представлений о человеческой психике.

Если подлинное действие разума не может быть сведено к системе, то единственной базой его выражения в мысли является эстетическая мысль. Психоанализ в полной мере обосновал, что массовая, то есть низшая психика человека, определяется сексуальными влечениями, то есть реализует матриархальные подсознательные инстинкты. Однако «логика» психоанализа утверждает обратное: либидо всегда определяется мужским началом! Фрейд, как и Маркс, поворачивают «вверх ногами» основу человеческой психики, когда низшая психика становится базовой в социальной активности человека, тогда как высшая психика просто исключается. Так, у Фрейда утверждается, что эстетическая мысль не может быть предметом научного анализа, поскольку она имеет «не мужское» активное начало, то есть существует за пределами либидных связей, а Маркс утверждает, что философия стала «нищей», то есть, говоря языком разума, уже неспособна выразить волевою позицию сознания. Так,

почти незаметно, интеллектуальная западноевропейская культура деградировала в сфере понимания разума.

...

Повторим еще раз нашу позицию в понимании отношения существа разума к интеллектуальной русской культуре, и, в целом, всей культуре на постсоветском пространстве. В ней никогда не присутствовала отчетливая позиция объективного разума, поскольку здесь всегда отсутствовала ясная позиция расового сознания. Впрочем, изворотливая софистическая мысль во всем способна увидеть определенный смысл: в нашествии большевистской орды — «идеи» социал-демократии, в воре и дегенерате современной России — «олигарха». За отсутствие разума в культуре народ платит наиболее высокую цену, поскольку разум есть основа государственного устройства, и если эта основа расплывчата по отношению к исторической цели нации в мировой истории, то государство неизбежно подвергается насилию со стороны разрушительных процессов развитой цивилизации.

Действие объективного разума необходимо должно выражать авангардную сущность действия духа в человеческой душе, то есть определять присутствие сакрального начала бытия в его исторической необходимости. Другими словами, несмотря на отчетливо выраженные национальные черты, разум не может иметь националистическую сущность, поскольку конечность мысли есть свойство рассудка, а не разума. Так, если свойства рассудка определены в проекции на социальные функции человеческой природы, то свойства разума не сводятся к социальной логике жизни. Государство же, в отличие от социума, может переживать внутри себя множество социальных моделей, даже десятки, как это имеет место, например, в истории Египта, однако его устойчивость характеризуется «прочностью» египетского расового архетипа в мировой истории. Например, египетская цивилизация, безусловно, доминировала с точки зрения системы

высших ценностей в истории древних цивилизаций, тогда как китайская цивилизация, как мы полагаем, никогда не культивировала высшие ценности по существу, хотя ее расовый архетип и существует уже около 5 тысяч лет. Вообще народы, исчезнувшие в мировой цивилизации, стали жертвой, в первую очередь, неустойчивости своего расового архетипа, то есть начал патриархальной психологии. Их слабость проявилась в тяготении к матриархальному началу. Но народы, которые жили и живут вдалеке от эпицентра мировых событий, такие как китайцы, будучи окруженные либо полудикими племенами, либо слабыми государствами, способны длительное время сохранить свой расовый архетип на уровне психологии матриархата, лишь биологически растворяя в себе полудикие племена. Топология их разума их патриархальной культуры практически не развита, что выражается, в первую очередь, в качестве традиционного искусства, в понимании пространственных пропорций и меры. Бесформенность, порыв чувственности, реализующийся в эстетическом восприятии китайца, характеризует сознание, еще во многом находящееся в состоянии животности, хотя психология матриархата архетипа этого народа выражена очень сильно. Не случайно, в эпоху расовой катастрофы в социуме наиболее активны варвары и народы, в подсознании которых в большей степени выражен матриархальный архетип поведения.

В нашем понимании, новой высшей расой, которая должна создать новую мировую цивилизацию, является раса *homo sapiens*. Однозначно можно лишь сказать, что она формируется на основе европейской биологической расы, однако использование биологических ресурсов не предполагает, что мы должны рассматривать саму биологию европейской расы «высшей». Речь идет лишь о действии разумного духа, то есть топологическом воздействии в подсознании человека ритмов определенной активности высшей психики. В этом смыс-

ле, сама архитектоника расы *homo sapiens* отображает в своем психоэнергетическом пространстве становление опыта всех предшествующих рас. Таким образом, биология в расовом существе человека является примитивным строительным материалом. Этот материал обрабатывается после напряженного использования ресурсов высшей психики, после чего начинается расовая катастрофа, то есть слом топологической модели функций души, задействованных в особенностях нелинейных связей реакций. Вследствие распада устойчивых функций системы высшей психики, человек возвращается к племенному состоянию души, которое медленно дрейфует в сторону матриархата. Это низшее, по отношению к историческим типам человека, антропологическое существо, *quasi homo*, которое доминирует в массовом обществе в политической жизни, в искусстве, на производстве, а с недавнего времени стало тотально доминировать и в научной среде, — существовало во все исторические времена мировой цивилизации. Другое дело, что для оттеснения этого низшего антропологического существа во все времена мировой истории создавались условия и касты, в которых закладывались соответствующие нормы морали, понятие нравственного права и долга. Но эти необходимые основы высших ценностей могли существовать лишь при условии достаточно устойчивого доминирования высшей психики над низшей.

Нелинейность процессов бытия, в том числе и человеческой психики, определяет единственный вид мышления, который способен отслеживать и постигать эти процессы — это эстетическое мышление. Другое дело, что необходимо выяснить, что мы должны понимать под эстетикой, когда нас окружает абсолютно антиэстетическая технократическая культура, где единственный вид эстетического сознания заключается в имитации эстетического восприятия в разного рода техническом дизайне. В понимании эстетического начала мышления необ-

ходимо исходить из кантовского определения эстетического восприятия как бескорыстного созерцания реальности бытия. Постоянная новизна ощущений от полноценного эстетического восприятия проистекает из области трансцендентного мира. Именно в этой сфере существует основа разума, от момента своего возникновения до момента исчезновения, причем, матриархальные элементы культуры всегда тяготеют к биологизму, в отличие от культуры патриархальной. По-видимому, мера бескорыстности созерцания в эстетическом сознании выражает ту основополагающую основу полноценности души, которая является необходимым условием для возникновения в ней элементарной разумной мысли. Сами элементы разума, таким образом, в своей топологической отчетливости формируются как мера интенсивности воздействия трансцендентного мира на непосредственный образ жизни человека.

Полноценная активность высшей психики человека взаимосвязана с топологией трансцендентного бытия, которая регулирует разумом центры воли. Ритмы влечений разумной воли, следовательно, не могут не содержать определенного присутствия трансцендентных импульсов энергии. И, наоборот, социальное мышление, по существу, определяет образ сознания человека исключительно земными проблемами: семейными и профессиональными. Основной признак течения процессов низшей психики — их монотонное однообразие. Но импульсы высшей психики, будучи «натянуты» на бессознательный инстинкт смерти человека, не сводятся к социальному сознанию. Можно сказать, что здесь существует в первую очередь то, что Шопенгауэр называл «злой мировой волей». Движение этой воли, нелинейно, пронизывающая и органические, и неорганические структуры. Понятно, что импульсы низшей психики никогда не создают в душе человека возвышенного состояния, — это доказал Фрейд в теории психоанализа, сводя полноту функций

бессознательных влечений низшей психики к сексуальным влечениям. И действительно, тотальное доминирование инстинктов матриархата, так или иначе характеризуется подсознательной верой в то, что все, что существует, должно быть «рождено», то есть иметь какой-то отчетливый чувственный аналог в восприятии. В результате, все усилия низшей психики направлены исключительно на производство каких-то материальных ценностей, подражая в этом «великой матери» — природе.

...

Сознание человека строится из бесконечного множества разнообразных мифов, одни из которых являются доминирующими, другие, наоборот, оказывают минимальное влияние на образ жизни человека. По-видимому, мы должны разделить эти мифы на два класса: первые возникают из веры в безусловную реальность того, что дает ощущение чувственных ассоциаций реальности, то есть взаимосвязаны с доверием непосредственным чувственным восприятием. Второй класс характеризуется верой в феномены реальности трансцендентного мира, к которым относится сфера искусства, религии и философии. Ранее мы уже указали, что само происхождение человеческой веры возникает из двух различных источников: того, который формируется комплексом влечений, «стягивающихся» в сферу биологических импульсов души, где доминирует сексуальный инстинкт, и того, который формируется влечениями, стягивающимися в сферу трансцендентной психики, где доминирует инстинкт смерти человека. Понятно, что, во-первых, здесь существует симметрия влечений, предполагающая их энергетическую противоположность, а во-вторых, асимметрия, то есть доминирование влечений одного из класса, за счет которой, собственно, и возникает непосредственный импульс воли. Любое влечение есть динамический процесс, то есть непрерывное становление различной цепочки ассоциаций в сознании или, наоборот, становление их разрывов. То, что су-

существует в душе «помимо воли человека», но сурово действует в ней под воздействием импульсов трансцендентного мира, очевидно, никак нельзя сводить к тем психическим импульсам, которые возникают в человеке в силу определенной нужды, то есть непосредственных реакций на внешнюю реальность.

Мифология пронизывает всю сферу жизни человека, которая суть влияние в его сознании различных видов истин, одни из которых умирают, другие появляются. В этом смысле, известное противопоставление науки — мифологическому мышлению, состоит в том, чтобы утвердить научную мифологию мысли абсолютным критерием истины, что дает возможность сравнить ее современное положение в массовом обществе с аналогичным положением христианской религии в Средние Века. Но любой, даже великий миф, обречен исчезнуть в истории мировой культуры, поскольку он ищет реализации в обыденных представлениях, которые его же и уничтожают. При этом исчезновение великого мифа происходит в процессе попытки его «доказательства», ибо нельзя доказать существование трансцендентного мира в том, что его бессознательно отрицает. Нельзя вывести из трансцендентного импульса психики доказательство существования эмпирической реальности. Можно сказать, что эти две противоположные сферы человеческой психики всегда существуют в состоянии «войны». Только это состояние войны и создает активность действия воли в мировой истории. Другое дело, что оба эти полюса противоположных бессознательных влечений имеют многообразный топологический характер, то есть имеют различную степень нелинейности своих действий. Линейное действие психики, в ее многообразии проявлений, создает конечность чувственных ассоциаций. Собственно, вера в земное существо мира проистекает из животного сознания человеческой души, поэтому оно естественно. Другое дело, что для полноценного человека, образ жизни, полностью об-

условленный его животными движениями психики, является неразумным.

...

Если игнорировать примитивную социальную мифологию массовой культуры, действующую в России, которая пытается убедить сознание человека, что он существует в европейской цивилизованной стране, то разум сталкивается со зловещей картиной Темных Веков, «натянутой» на полубезумное состояние людей по отношению к разумным началам души. Безумие состоит в упорном нежелании замечать в своей душе основы подлинной человеческой самости, которая формируется расовыми инстинктами, то есть инстинктами, возникающими из трансцендентных начал человеческой психики.

Мы знакомы с работами русских философов до 17 года, однако в них отсутствует начало метафизического мышления, то есть такого сознания, где разум существует в качестве исторической сущности развития мировой цивилизации. А поскольку русская интеллектуальная культура, начиная с реформ Петра, развивалась исключительно как система обыденных представлений, возникающая из подражания системе ценностей западноевропейской культуры, то вся ее история последних веков является не историей развития объективного разума, а историей развития самых банальных стереотипов представлений. Формировалась суррогатная культура мысли, которая, впрочем, не уничтожала начал высшей психики человека, а лишь их подавляла, то есть формировала человека, который не верит в самого себя, с точки зрения своей исторической адекватности. Ведь не трудно понять, что русское государство, до нашествия большевистской орды, не имело какой то отчетливой разумной исторической цели существования. Искусство и наука формировались здесь вследствие изучения идей западноевропейского искусства и науки, а социально-политическая система была полностью срисована с аналогов системы западно-

европейского общества. Единственная самостоятельная основа национальной культуры, армия, сохраняла внутри себя элементы национального духа.

Большевицкая орда фактически смела все признаки национальной культуры, ликвидировав сам признак существования национальной элиты, который складывался тысячелетие. В политическую и культурную жизнь начали выдвигаться наиболее неполноценные человеческие типы, которые и стали основой политической власти советской системы. Когда в 91-году советская система власти распалась, то базой новой политической системы России стал именно этот неполноценный антропологический тип, который формировался из национальных анклавов, то есть на генетическом уровне был враждебен всей истории развития Российского государства. Можно ли в таком случае полагать, что существует какая-то «преемственность» современного политического строя России ее политическому строю до 17-го года? Очевидно, что эта взаимосвязь отсутствует. Рассматривая историю политических событий в России, начиная с 17-го года, в первую очередь, мы оцениваем ее как Темные Века с точки зрения исторического разума. Собственно, ничто не указывает здесь на его объективное наличие. Но есть ли какая-то идея в прошлом, которую можно противопоставить этому тотальному всеобщему безумию, доминирующему в современной России? Мы полагаем, что в историческом прошлом России позиции объективного разума отсутствуют. По крайней мере, мы такой идеи не находим, рассматривая это историческое прошлое как предисторию (Шпенглер) новой прарасы.

Наше сравнение действия разума, как в человеческой душе, так и во всем многообразии бытия реальности с физической плазмой, указывает на особый род его интервенции в душе, когда механические свойства разума, реализуемые в рассудке, лишь утверждают его влияние на материальные силы, но отнюдь не ограничиваются этим. По-

нятно, что в линейной взаимосвязи чувственных ассоциаций и соответствующих им логических умозаключений рассудка можно постигнуть мир материальных явлений, однако с природой чистого разума подобного рода познавательные методы не работают. Умозаключения, проецирующиеся на духовные феномены, не ассоциативны, то есть не сводятся к чувственному опыту, подтверждающему их существование. Так, мы не можем свести влечение к смерти к какой-то конечной цели человека, к которой сводятся все его биологические влечения. Этот род сознания в человеческой душе существует в трансцендентной области психики. В первую очередь речь идет об особой природе времени, «вибрирующей» в феноменах разумного духа, то есть об онтологии времени, поскольку при отчетливом сознании его течения, оно не сводится к ассоциативному чувственному восприятию, как это имеет место с механическим течением физического времени. Можно, в определенной степени, полагать, что рациональные длительности времени ускользают в топологическую «кривизну» онтологической сущности бытия, имея определенный ритм повторения. По крайней мере, процесс гибели и возникновения каждой новой мировой цивилизации имеет определенную цикличность во времени. Тысячелетие предыстории и около тысячелетия — собственно, истории.

Отображения феномена разумного духа выражается в эстетике бытия, где запечатлена его фрагментарная топологическая сущность. В философии об этой простейшей топологической сущности бытия впервые начал рассуждать Платон, полагая ее неуничтожимой во всем многообразии ее случайных ассоциативных проявлений. Разумная идея, следуя самой логике топологической сущности бытия, отображается в сознании не ассоциативно. Она выражает ритм многообразия метафизических элементов исторического события, которое реализует определенную легитимность сакральных сил, действу-

ющих в человеке и мире. Однако следует различать сакральные силы, отображающие матриархальные импульсы человеческой души, и сакральные силы, отображающие ее патриархальные подсознательные импульсы. Так, по-видимому, начала европейской метафизики, за исключением немецкой школы, полагали «божественной» сферой знания — понимание механизма ассоциаций, которые дают «план» строения бытия. Только Кант поставил вопрос о существовании чистого разума, то есть разума, который выходит за пределы известных ассоциативных представлений о его сущности. Фактически именно его понимание трансцендентного знания о пространстве и времени составляет основу для определения контуров высшей психики человека, однако только в области ее статических моментов. Динамика же высшей психики, то есть сфера ее происхождения бессознательных импульсов, здесь не затрагивается.

Таким образом, психоаналитически мы ставим вопрос о влиянии бессознательных влечений высшей психики человека на его животную часть души. В этом смысле, мы полагаем, что подлинное происхождение сознания бытия человека обусловлено именно этими ритмами подсознания. В результате сильных возмущений высшей психической энергии все наиболее значительные события, как в судьбе отдельного человека, так и в судьбе мировой истории, происходят нелинейно, то есть, можно сказать, проистекают из пресечения биологических влечений души ее духовными импульсами. Они происходят за счет разрыва с монотонным течением чувственных ассоциаций, которые поддерживают действие стереотипов сознания. Именно в область разрывов чувственных ассоциаций и вклинивается духовный импульс разумной реальности, который создает определенное поле напряжения сознания бытия. Из понимания своего происхождения и действует человек. Если он полагает, что он является природным существом, то есть

развился как эволюционный биологический вид, то в его подсознании доминируют матриархальные импульсы. Подчеркнем еще раз, матриархальное сознание мы рассматриваем не биологически, а метафизически, то есть в качестве преобладания инстинкта биологического выживания над реализацией какой-то разумной цели существования человека. Возникновение метафизического сознания проистекает из разрыва единства чувственных ассоциаций под воздействием в душе человека влечения к смерти. Так формируется основной класс вопросов, на которые человек должен ответить: о своем происхождении, о происхождении мира, о моральной ответственности перед другими людьми. В противном случае он довольствуется теми стереотипами представлений, которые ему предоставляет коллективная культура, в которой он развился. Но в истории бывают ситуации, когда коллективная культура формируется из полностью ложных предпосылок, которые складываются в результате физической ликвидации национальной элиты, чьи генетические корни уходят вглубь веков. Именно такая историческая ситуация сложилась в российской истории, начиная с 17-го года, когда к политической власти в стране пришел неполноценный человеческий тип, сформировав свою «мифологию» исторических событий.

Наш постулат о неискоренимости существа варварства в мировой истории проистекает из периодического «иссаякания» действия разума в человеческой душе. Целостность психики препятствует развитию в душе признаков матриархальной психологии, то есть проявлений неврастения и истерии, обусловленных чрезмерной интенсивностью воздействия чувственных ассоциаций на сознание. Большеизм в России, как известно, развивался на основе массовой неврастения и истерии, которые культивировали «веру» в историческую миссию пролетариата в мировой истории. Вероятно, приблизительно также распространялось раннее христианство с его верой в

единого бога, то есть в форме определенной массовой неврастении и истерии, которые активизировали в римском государстве подсознательные инстинкты матриархата. В обоих случаях суровость осуждения властимущих, которую привнесли и первые христиане — в Римскую империю и большевики — в Россию, состояла в требовании вернуться к противоположно симметричной точке движений подсознательных влечений души. У христиан это было требование концентрации сознания на духовном основании души, у большевиков — наоборот, требование возвращения к простой непосредственности чувственного сознания, отрицающего реальность духовной жизни. В обоих случаях, имело место состояние распада целостности души, в котором всегда присутствует фанатизм, то есть влечение к смерти в качестве деструктивного психического состояния. Ведь фанатик — это человек, который исключает противоположное состояние души, которое им владеет — тотально, поскольку только таким образом он способен утвердиться в самом себе. То, что следствием этого состояния психики являются разного рода глубокие неврозы, не мешает фанатичному сознанию конструировать реальность в качестве достаточно устойчивой абстрактной схемы сознания мифологической реальности. С другой стороны, после исчезновения крайностей фанатизма, неизбежно погружение культуры, пережившей состояние глубокого фанатизма, в варварство, поскольку первое, что разрушает фанатизм, — это остатки полноценности человеческой психики, связанные с традиционной культурой ценностей.

Расовый архетип человека выражает его высшие психические импульсы в душе, которые взаимосвязаны с подсознательными ритмами трансцендентных слоев психической энергии. Эта энергия, очевидно, не может полностью контролироваться человеческой волей, поскольку в ней присутствуют сакральные силы бытия. То, что исторически эти сакральные силы оформлялись в различные

культы и религии, только локализовало трансцендентное начало психики до определенной системы мифологических представлений, характеризующее данное историческое время и особенности определенного народа. Историческое событие приобретало характер сопричастности этим сакральным силам. При этом для нас принципиально, что сознание времени в этих исторических событиях определялось не линейно, а в соответствие с действием целостности системы импульсов высшей психики, которые указывали на вечное, то есть нечто постоянно повторяющееся в откровении сакральных сил, как в человеческой душе, так и в окружающем мире.

...

Любой исторический рациональный проект развития мировой цивилизации сворачивается постепенно и почти незаметно. Так, постепенно и почти незаметно свернулся проект опоры разума на науку, когда наука как-то постепенно стала вдруг неожиданно противопоставлять себя разуму, то есть противопоставлять любой мысли, которая не обосновывается научным авторитетом знания. Однако философия, очевидно, имеет свой путь развития метафизической мысли, которая отрицает формальные положения логики, базирующейся в системе обыденных представлений. В результате мы видим, что научную среду, в целом, оккупировала неразумная среда людей, на которую опирается вся инфраструктура массового общества. В первую очередь речь идет о требовании доказательств через эксперимент, который не может предоставить ни подлинное искусство, ни подлинная философия, поскольку основные открытия в этой области происходят в сфере трансцендентного мира. Но наука без философского обоснования становится тем набором банальных истин, которые способны выживать только в результате своей догматической позиции. Причем, современная наука основную мифологию своего эмпирического фундамента знаний возвела на основе единственности ассоциативного

чувственного восприятия как источнике информации. То, что технический прогресс создал исключительно развитую технологическую инфраструктуру цивилизации, где все психические реакции человека построены на очень жесткой взаимосвязи чувственных ассоциаций, отнюдь не доказывает отсутствие трансцендентного мира, который проникает в сознание через их разрывы в высших психических импульсах души. Реализованная схема развития исторического разума в сфере научного проекта как раз и мешает пониманию его современной сущности, поскольку в реализованной схеме всегда укрепляется та конечность человеческой мысли, которая заботится только о расширении известного знания в пределах известных границ.

...

Если трансцендентные импульсы человеческой психики не воспринимаются через чувственные ассоциации, то каким образом мы можем судить об их существовании? Здесь, собственно, возникает тот принцип приоритета знания, который определяет его базовые позиции в мышлении. Почему мы должны необходимо доверять только своим чувственным ассоциациям? Ведь известное «доверие своим чувствам», на котором строилась западноевропейская наука, является лишь одним из подходов в познании бытия, одним из приоритетов его ценностной оценки. Если же не доверять чувственным ассоциациям, то остается лишь область внутреннего мира человека, которая образована исключительно трансцендентными импульсами психики.

...

Психоанализ ввел психоаналитический термин «оно», суть которого сводится к тому, что в сознании существуют импульсы бессознательного, которые не имеют отчетливой ассоциативной основы. Бессознательные страхи, навязчивые мысли, различные комплексы возникают на уровне границы между «Я» и неконтролируемыми про-

цессами психики, ускользающими в сферу внутреннего мира человека. Если низшие импульсы психики контролирует система ассоциативного чувственного восприятия, то высшие импульсы психики возникают из их разрывов, которые являются трансцендентными, поскольку, в противном случае, весь мир был бы мертвым механизмом, вечно воспроизводящим одни и те же формы. Однако мир, будучи топологическим пространством действия мирового разума, тотально меняет многообразие своих конечных законов. Мы потому и не можем, подобно египтянам, обожествлять какое-то одно начало бытия, что существо трансцендентного мира несет в себе многообразие сакральных импульсов в душе, умноженное на само себя, то есть на более высокую мощность этого многообразия. В этом суть как топологии материального, так и топологии духовного мира явлений. Различие состоит только в том, что мир материальных явлений «сводится» к точечным ассоциативным восприятиям нашей психики, тогда как мир духовных сущностей к ним не сводится, отображая мир трансцендентных сущностей.

...

Сущность метафизики топологии разума состоит в том, что разумный дух не сводится к чему-то абсолютному в понимании. Он не сводится к системе понятий, и, вообще, к какому-то схематизму, поскольку абстракция — это не содержание разума, а лишь одно из его свойств. Но эмпиризм, этот современный «бог» системы низших ценностей, как раз строится из абсолютной веры в исключительную единственность существования материи. Здесь многообразие определено только в сфере многообразия физического мира, то есть многообразия граней чувственных ассоциаций восприятия. Механизм, как современный бог эмпиризма, является мертвой функцией реализованного проекта понимания разума на основе авторитета экспериментальной науки. Можно сказать, что этот род метафизики формировался в сознании, что мир «сотворен

на века». Но явление расовой катастрофы, за которой следует неизбежная гибель каждой исторической цивилизации, показывает, что сознание сотворенного мира есть только миф, обусловленный иудео-христианской мифологией. Вера в разумный дух, возникшая в европейском гуманизме, относится к совершенно другой цивилизации, в основе которой лежит кардинально другой расовый архетип человека, формирующийся в последние несколько столетий. Другое дело, что всякая новая вера возникает в цивилизации распада, которая всеми своими представлениями препятствует утверждению новой веры. При этом формирование новой веры происходит вследствие частичного возвращения мировой цивилизации в состояние матриархата. Только варвары способны развить начала новой веры до суровой непреклонности действия духа в человеческой душе, ибо их высший психический потенциал не истрачен, находясь в «законсервированном» состоянии.

Поскольку наша юность прошла под влиянием тоталитарной идеологической власти марксистского учения, глубоко враждебного разуму, мы должны определить подлинную сущность исторического разума, равно как и подлинны исторические силы, кардинально меняющие политическую систему цивилизации. Здесь, в первую очередь, мы постулируем, что человеческие массы ничего не решают в мировой истории. Не случайно современная массовая цивилизация игнорирует вопросы существования разума в мировой истории, подменив их экономическими и научно-техническими проблемами. Человеческие массы способны биологически воспроизводиться как часть животного мира, однако это воспроизводство и связанные с ним нужды, в том числе экономического и научно-технического знания, не имеют отношения к разуму, поскольку разум существует в метафизическом отображении природы современного воздействия мирового духа на сознание человека. В наше время вли-

яние высшей культуры вытеснено везде, за исключением механической памяти о ее наличии в истории. Именно для того функционируют исторические музеи, чтобы заменить потребность в повседневном соприкосновении с духом высших ценностей, пустым фактом их существования исключительно в прошлом. Именно с точки зрения существования высших ценностей в мировой истории, современная политическая система ценностей демократии массовой цивилизации является безвременьем по отношению к разуму.

...

Не сложно понять, что наша аналитическая работа интеллекта, в первую очередь, направлена на определение рациональной меры бытия, которая, собственно, потеряна в наше историческое время. А без этой меры, очевидно, невозможно понять метафизическую сущность реальности, которая выражает онтологическое содержание современных исторических событий. Поскольку различные точки зрения выражают множество ценностей, высших и низших, создающих, собственно, историческое пространство культуры, то их напряжение создают определенные тензоры культуры. Метафизические тензоры являются мерой напряжения психического усилия, переходящего в усилие воли, где граница между сознанием и подсознанием достаточно условна, поскольку указать на то, из чего следует первичный импульс: из подсознания или, наоборот, диктуется подсознанию сознанием, невозможно в силу постепенного смешивания ассоциативных восприятий психики с ее трансцендентными импульсами. Тензоры точек зрения физической реальности имеют совершенно другое содержание, чем точки зрения тензоров трансцендентного мира. Можно сказать, что физическая материя мира топологически натянута на трансцендентный мир, или наоборот. Попытка выделения, например, осознанных точек зрения в качестве систематизации, как конечных представлений реальности, от под-

сознательных движений психики, ведет к фиксации только схематичных знаний. Этот схематизм, на котором построено научное знание, принципиально отличается от философского знания, в котором существует сознание трансцендентного мира. Ведь отличие искусства и философии от религии состоит только в том, что они относятся к сакральным силам с позиции постигающего разума, который отрицает догматические представления. Философия допускает все, что доступно для постигающего разума, чьи средства и основания в мировой истории постоянно меняются.

Когда мы рассуждаем о наличии разума в какой-либо мысли, то мы должны испытать напряжение воздействия мысли, которое существует только при условии достаточной активности высших психических импульсов. В противном случае, имеет место пустая абстракция. Многообразие низших ценностей массовой культуры создают тензоры представлений стереотипов сознания, которые через привычку ассоциативного восприятия побуждают волю выполнять усилия, не требующие, собственно, критического отношения к самому представлению. Разум всегда есть мысль в состоянии разрывов ассоциативного восприятия. Рассудок способен только указать на границу трансцендентного мира, как это имеет место в философии Канта, но постигнуть разум он не в состоянии. Таким образом, основная сложность в понимании сущности разума состоит в том, что ее нельзя представить непосредственно. Вообще непосредственность представлений определена только для области рассудка и чувственного представления. Эта сфера выражена, вероятно, в топологии эмпирического пространства, изучаемого наукой, не являясь предметом нашего рассмотрения. Процесс опосредствования, по существу, состоит в том, чтобы довести метафизические тензоры сознания трансцендентной реальности до отчетливости осознаваемых идей, которые суть наличие вечного в конечных вещах. Если фи-

зические явления и процессы описываются топологической системой математических тензоров, то метафизические силы выражаются в топологии сознания эстетических тензоров, работающих в местах разрыва чувственных ассоциаций. Именно эстетические тензоры выражают основы высших ценностей в искусстве и подлинной философии, то есть в сфере реализации разума как действительности. В противном случае, разговоры о разуме ограничиваются только бытовыми представлениями, не относящимися к его реальной исторической сущности.

Существо эстетических тензоров в художественном образе передает геометрическую сущность метафизической силы в качестве неассоциативного отображения ее действия. Другими словами, эстетический тензор сознания формируется в импульсе инстинкта смерти человека, то есть в глубине его внутреннего мира, где существует индивидуальный дух, взаимодействующий с мировым духом через постоянный процесс очищения от соматических импульсов души. Очевидно, что это процесс достаточно болезненный для человеческой психики и глубоко интимный. По интенсивности воздействия неконтролируемой высшей психической энергии на область низшей психики с ним может сравниться только сексуальное влечение, это базовое основание всего многообразия земных чувств человека. Симметрично, влечение к смерти определяет многообразие внутреннего мира, постепенно «обрастая» биологическими целями, когда индивидуальный дух действует в соматических импульсах души, напрягая волю. И обратно, чувственные ассоциативные восприятия человека, подвергаясь воздействию высших импульсов психики, формируют границу сознания внешнего мира. Само влечение, по существу, осознается как определенный тензор длительности сознания времени, исторического, если оно осознается в потоке духовных импульсов души, или механического, если речь идет о процессах, происходящих в массовом бессознательном. Но

механическое время есть ничто иное как последовательная связь ассоциаций восприятия, то есть монотонное течение времени, в котором человек воспринимается исключительно в линейной последовательности событий.

...

В понимании существа метафизического многообразия бытия, взаимосвязанного с информацией, передаваемой высшей психикой человека, мы полагаем, что отображение бессмертного духа, определяющего разум, состоит в понимании воздействия его напряжения на импульсы воли. Так, очевидно, что соматические импульсы психики, вызванные чувственными ассоциациями восприятия человека, воздействуют на волю человека в пределах ограниченности его конечных целей. Эти цели, очевидно, представляемы, то есть полностью проектируются на ассоциативные связи его восприятий. В этом смысле, мы полагаем, является ошибочной попытка Хайдеггера осмысливать философию Ницше с точки зрения представления. Высшие импульсы психики не представляемы. Разумный дух, в нашем понимании, хотя и не сводится к какой-то религиозной догматике мышления, проистекает, как и религиозное сознание, из высших психических импульсов. Их различие состоит только в том, что религиозное мировоззрение стремится сохранить противопоставление духовного и материального, тогда как разумное понимание, наоборот, стремится показать целостность этих двух начал.

Так, если движение низшей психики является линейным, то есть определяет эмпирическое сознание как необходимость доказывать существенность знания экспериментом, то движение высшей психики выражается ее нелинейностью процессов, где основным производителем этих нелинейных процессов является бессознательное влечение к смерти. Поэтому, как мировой дух в мировой истории не может моделироваться в компьютерной системе, которая вероятно описывает процессы поведе-

ния массовой психики человека, так и отдельная высшая психика человека не сводится к предсказуемым моделям. Само понятие «тензор», которое мы, очевидно, переносим из области современной математики в область метафизической мысли, дает возможность оперировать мерой напряжения сознания реальности трансцендентного бытия. Понятно, в этом смысле, что проблемы промышленного производства и экономики, то есть проблемы, связанные с выживанием человечества, не являются разумными по существу. В них отсутствует разум как духовная категория жизни, то есть отсутствует онтология сознания мирового исторического события. В возможности оперировать метафизическим понятием «тензор» мы указываем на множество точек зрения внутреннего мира человека, связанного с его высшей психической организацией. Очевидно, что этот род активности психики в своем воздействии на волю не может принимать какие-то конечные цели, которые отрицают дух. Можно сказать, что основы мирового духа, указывающие на наличие в культуре разума, формируют онтологию исторического процесса. Массовая психология человека «заметается» высшими психическими импульсами в общем потоке как пределы ограниченного рассудка. Тензоры чувственной реальности, можно сказать, оперируют «пучками» множества точек зрения как видимой реальностью материального мира. Этот ограниченный взгляд вовне, никак не может являться сферой разума, которая всегда предполагает наличие топологии внутреннего мира человека.

...

Очевидно, что предназначением подлинной философской мысли всегда было разрушение стереотипов представлений сознания. Объективный разум, в силу своей неразрывной взаимосвязи с мировым историческим духом, стремился на протяжении всей мировой истории утвердить разумное существование человека. «Строительным материалом» в этом усилии всегда было эсте-

тическое сознание. Как известно, монотеистические религиозные представления указывали на чисто духовный центр человеческой души, который противостоит материальным стихиям как вечное — смертному. Вера в разум, которая определила кардинальный поворот развития мировой цивилизации в сторону сакральной ценности самого процесса познания, первоначально культивировала непосредственные чувственные ассоциации как доказательство эстетической полноты жизненной силы природы, которая полагалась в монотеистических представлениях чем-то смертным по отношению к бессмертному существу духа. Только немецкая метафизика сохраняла понимание единства разума и духа как необходимого условия присутствия сакральной природы мира, в ее независимости от чувственных ассоциаций, которые, начиная с эпохи Просвещения, стали культивироваться как единственный принцип существования бытия. Задачей этой метафизики, в ее основании, стала необходимость понимания чистого разума. Однако чисто умозрительная функция субъективной мысли всегда остается в пределах абстракции представления, даже если эта абстракция сводится к такой-то метафизической системе. Именно поэтому, разум в истории философии развивался как диалектическое мышление, то есть в качестве динамического единства внутреннего и внешнего мира человека.

...

Процесс утверждения определенной точки зрения представления на какой-либо предмет мысли, в том числе и научный, во многом зависит от общего состояния психики человека, то есть ее способности сопротивляться внешнему гипнотическому воздействию социальных представлений. В этом смысле современная система массовых ценностей на порядок превосходит по энергии гипнотического воздействия систему мифологических представлений всех предшествующих исторических эпох. Атака на низшую психику со стороны внушения произво-

дится многообразием средств массовой культуры, методически и тотально, когда контролируется, в первую очередь, ассоциативная система чувственного восприятия. По существу, теория психоанализа ликвидировала последний оплот старой расовой психологии человека, которая утверждала границу между человеком и животным на уровне влечения полов. Ведь расовая мораль учила, что в этом влечении должно участвовать духовное существо души. И дело здесь, конечно, не обязательно в религиозной вере, а в твердом убеждении в той точке зрения, что жизнь производится не только ради физиологического удовлетворения и чисто биологической задачи выживания, а в качестве реализации какой-то разумной цели жизни, как отдельного человека, так и всего человеческого рода. Это, собственно, наличие разумной позиции человека, которая объединяет все виды исторической морали, от аристократической до мещанской. Однако в современном массовом обществе даже мещанская мораль стала являться вызывающе «рационалистической», то есть требующей моральной рефлексии и, как следствие, моральной ответственности за индивидуальные поступки перед какой-то высшей исторической силой. Культивирование сексуальности как меры индивидуальной «свободы» и «независимости», фактически, окончательно заблокировало воздействие высших импульсов психики человека на его сознание. Тензоры сознания непосредственных чувственных реакций психики «замкнулись» на бессознательных физиологических влечениях.

Всякая новая вера теряет свои позиции яркости и новизны откровения мира, когда сталкивается с реакцией старых традиций, которые обнаруживают сопротивление опыта старого духа, определяющего непосредственное расовое существо человеческой души. Ведь старый дух демонстрирует реальную жертву многих поколений людей в исторических событиях, когда высшие импульсы психики, связанные с его природой, постоянно

возвращают сознание человека к его бессознательному существу жертвы земным началом для проникновения в сакральную природу реальности. Именно этой жертвы мы не находим в культурной традиции современной Западной Европы. О других же традициях рассуждать пока не приходится.

...

Одним из основных вопросов современной метафизики является вопрос обоснования рациональной мысли, и, в целом, определения разума в реальности современной культуры, поскольку разум есть, собственно, мера полноценности души в ее активном энергетическом воздействии на повседневную жизнь человека. Фактически, речь идет о ликвидации постулируемой взаимосвязи разумного и механического. Этот вечный механизм Вселенной, в который Ньютон верил как в нового бога, в современном топологическом мышлении стал относительным. Он стал относительным не только в сфере физико-математического мышления, но и в более существенном понимании, — он стал относительным в качестве целостности психического восприятия, когда технический прогресс более не выражает позиций современного исторического разума. Кроме того, именно технический прогресс стал главным орудием разрушения полноценных начал человеческой психики в массовой цивилизации, ликвидировав основы эстетического сознания, отображающего реальность трансцендентного мира.

В нашем понимании, как в религиозном сознании функции духовной реальности выражались образами ангелов, так в новом расовом сознании внутренний духовный мир человека, равно как и внешний мир, выражается тензорами потока сознания. Эти тензоры суть онтологические процессы исторического времени, которое невозможно в объективном понимании разума мыслить линейно. Ведь линейное сознание, которое глубоко укоренилось в старом расовом подсознании чело-

вечества, требует представлять начало и конец всякого исторического события в качестве истории человеческого рода. По-видимому, одним из великих достижений философии Ницше было то, что он подверг жесткой критике подобный подход, когда в основу онтологических событий мировой истории положил сознание исключительности действия сверхчеловеческого начала в человеческой душе. Как известно, контуры топологического сознания мировой истории он нашел в героической греческой мифологии. Именно философское внимание к топологически-конструктивным особенностям мифологического мышления сближает философию Платона и Ницше. Можно сказать, что это внимание строится на специфике мифологической способности мышления — как создавать стереотипы представлений, так и разрушать их. Так, по-видимому, именно примитивная мифология определенных представлений создает тензоры восприятия пространства реальности, которое ограничено чувственными ассоциациями, поскольку для сознания присутствия духовной реальности необходима энергетика воздействия высших психических импульсов. Заметим, что известная неприязнь псевдонаучного мышления, например, Маркса к мифологии, обусловлена тем, что она стремится скрыть достаточно примитивную систему мысли в новой мифологии представлений о производственных силах. По существу же, в этой материалистической концепции мировой истории предлагается верить исключительно чувственным ассоциациям, которые исключают движущие силы мировой истории в сознании высших ценностей. Можно сказать, что в этом случае, время мыслится исключительно линейно, поскольку движение психических импульсов от момента их возникновения в чувственной ассоциации до отражения в сознании почти полностью контролируется рассудком. Эта ассоциация, по крайней мере, «прощупывается» соматически, интуицией. Совсем другое дело, когда речь идет о

характере высшего психического импульса. Даже самое простое движение высшей психики, которое концентрируется в инстинкте смерти как тензор границы духовного и материального, где, собственно, начинает исчезать взаимосвязь сознания с чувственными ассоциациями, не контролируется движением логической схемы рассудка. Только диалектическое рациональное мышление, в котором мысль движется топологически во взаимосвязи, как наложения, так и противоположности, симметрии многообразия точек зрения материального и духовного мира, способно схватывать объективную действительность в качестве целостности феноменов бытия. Действие высшей психики не сводится к простоте линейной взаимосвязи ассоциаций и абстракции механической мысли, поскольку в ней очень активен момент непредсказуемости топологического «слипания» тензоров многообразия точек зрения сознания. Так, сознание внутреннего мира, отсвечивающее духовные импульсы души, и сознание чувственных ассоциаций материальных объектов, воспринимается по-разному. Высшие психические импульсы не могут восприниматься иначе, как только в эстетическом созерцании, поскольку их действие неассоциативно. Оно воспринимается как определенный характер психического напряжения, где происходит бессознательный контакт с сакральными духовными силами. При этом сакральное пространство разумного духа не имеет антропологического первообраза. С другой стороны, его нельзя свести и к восприятиям материальных стихий, как это имело место в древности и, в частности, в античном политеизме. Мы имеем дело в действительности с онтологическими аспектами времени, где нелинейность происходящего, можно сказать, топологически «слоится» множеством исторических времен текущих событий в сознании человека. Вероятно, речь идет о новом сакральном переживании человеческой души, которое, формально опираясь на авторитет науки на начальной стадии веры в раз-

умный дух, в наше время оказалось в неопределенности по отношению к сознанию действительности.

...

Одной из основных проблем существования современной мировой цивилизации является резкая активизация массового слабоумия человека, при условии последовательного усиления воздействия абстрактной культуры на повседневную жизнь. Этот феномен культуры, когда она становится, с одной стороны, все более абстрактной, а с другой, все более бессмысленной по отношению к разуму, мы объясняем постепенным сворачиванием рационального проекта развития мировой цивилизации, который опирался на авторитет научно-технического прогресса. Очевидно, что всякий рациональный проект реализации мирового разума имеет особенности исторического возникновения в определенной исторической эпохе. Мы, кто исходит из сознания исторических событий современной расовой катастрофы, кто ощущает в России мрачную пелену Темных Веков, не может поддаваться гипнотическому воздействию абстрактной культуры, лишенной разума, то есть не понимать, что наука нашего времени уже не выражает разумной исторической позиции сознания.

В критике животного инстинкта выживания человека марксизм и фрейдизм сформировали свои научные позиции в культуре. И если классическая немецкая философия, так или иначе, развивалась в попытке определить взаимосвязь высших центров психики с рациональными основами человеческой души, то проблемы социальной жизни человека, основы которых были заложены в механистических представлениях о психике человека, наоборот, стремились ликвидировать саму возможность существования сознания трансцендентных импульсов души. Не трудно понять, что наше историческое время определяется, собственно, кардинальным вопросом о самой возможности существования философии и искус-

ства, когда в массовой культуре произошла их тотальная подмена разного рода абстрактными представлениями о философии и искусстве. Ведь философия существует только тогда, когда разрушает сложившиеся стереотипы представлений. Но марксизм и фрейдизм, наоборот, в своем отрицании традиционной морали и нравственности, стремились доказать, что всякая область трансцендентной реальности является мистикой, тогда как непосредственные чувственные ассоциации есть единственная достоверность бытия, которая формируется в сфере экспериментальной науки. Мы же, фактически, стоим на полярнопротивоположной точке зрения понимания ценностей, когда утверждаем, что именно чувственные ассоциации в наибольшей степени мистифицируют сознание, поскольку формируют жесткую систему подсознательных блоков, направленных против сознания, связывающего трансцендентные импульсы психики и повседневную жизнь человека. Ведь и марксизм, и фрейдизм рассматривают человека как социального работника, то есть в качестве функции линейной взаимосвязи психических реакций с внешней реальностью, где индивидуальные цели человека формируются социальной культурой его среды. И вера масс людей (в марксизме) и бессознательные влечения (в фрейдизме) определяются социально, то есть в качестве вовлечения индивидуальной психологии человека в некое конкретное решение социальной задачи и цели, производственной или семейной. Финансово-денежная система и процесс производства — в марксизме, и сексуальное влечение в повседневной частной жизни человека — в фрейдизме, выражают, в нашем понимании, активные функциональные процессы низшей психики, поэтому не могут определять существа разумного духа мировой истории.

Мы полагаем, что основой влияния высшей психики человека на его повседневную жизнь является интуиция конечности земной жизни, которая прямо проеци-

рует топологию трансцендентных импульсов в определенную пластику сознания непрерывного онтологического потока времени. В отличие от психического импульса, вызванного воздействием механической структуры, то есть взаимосвязью с непосредственными чувственными ассоциациями, эстетические образы менее активны в качестве опоры воли на определенные земные цели. Их эффективность начинает проявляться, когда ценность монотонной социальной жизни становится относительной перед какими-то значительными событиями мировой истории, которые выражают силу человеческого духа, будь то: война или создание великого произведения искусства. Но именно эта сила, определяющая дух мировой истории, и характеризует реальную основу течения исторического времени, а никак не создание новых средств производства или образование новых социальных институтов.

...

Очевидно, что в самом сложном психологическом положении находится разумный человек в среде варваров, то есть людей, которым не знакомо чувство разумного права и долга. Здесь мы не касаемся политической ситуации в западной цивилизации, где она до нас уже определена, как катастрофическая, а, в основном, исследуем историческую ситуацию в современной России. В первую очередь, конечно, мы не находим понимания масштабов национальной катастрофы, произошедшей в XX веке, когда была практически полностью уничтожена национальная русская элита, а ей на смену пришел тот антропологически неполноценный тип, который и доминирует в социальной и политической жизни в наше время. Очевидно, что в животном существе души этого человека не может быть откликов на события произошедшей трагедии, тем более, что при советском режиме была очень удачно сфальсифицирована традиция «преемственности» советской власти и основ русской государственности. Собственно, этот неполноценный тип человека и подобрал

власть после распада СССР, конструируя в наше время новый миф об «освобождении» России от советского режима. В действительности же, мы видим, что эти банды, сложившиеся в Темные Время российской истории после крушения царизма и распространения в СССР в политической жизни психологии воровской малины, лишь получили полную власть и свободу действия после распада системы советской власти.

Когда мы стремимся определить здоровые политические силы в России, то не должны иметь иллюзий по поводу их массовости. Даже большевизм первоначально возник из кучки дегенератов, проникнутых идеями пролетарской революции и победы коммунизма, распространившись в России, как чума, вследствие определенной исторической ситуации. Что ж тогда говорить о политических силах, которые обусловлены идеей господства человека высшего типа и задачей создания основ новой цивилизации! Во-первых, эти новые политические силы не могут взять за основу ни одной из известных в политике идеологий: ни либеральные ценности, ни ценности коммунизма, ни ценности фашизма. Речь должна идти о принципиально новой идеологии, которая обращена не к прошлому, а к будущему человечества. Поэтому наше понимание объединения новых политических сил на кастовой основе, в качестве небольших мобильных групп, изолированных от социальных связей массового общества, предполагает необходимое требование сближения людей на основе полноценной психики. Ведь только в началах полноценной психики человека формируются активные позиции разума.

Если говорить о возможности восстановления основ полноценной государственности в России, то, в первую очередь, необходимо говорить о реальности механизмов утверждения здесь в массовом характере полноценной психики человека, поскольку, в противном случае, вор и дегенерат будут оставаться здесь основой социальной

и политической жизни. А для утверждения полноценных начал человеческой психики необходима философия жизни, в которой первичным будет не культ наслаждения, а сознание долга перед реальностью существования высших ценностей. Мы же, разумные люди, которые несомненно существуют в России, ощущаем вокруг себя почти тотальную воровскую среду, активно действующую в системе беспомощных абстрактных рассуждений о праве и законе. Такая ситуация сложилась в силу того, что разговоры о праве и законе ведут неразумные люди, которые сами не понимают существа разумного права и закона, а лишь вещают абстрактные истины, никак не относящиеся к конкретной исторической ситуации. Реальность же сознания конкретной исторической ситуации всегда проистекает из положения в ней расовой сущности человека, которая, собственно, и выражает подлинную природу разума. Но положение расовой организации человека в России, да, вероятно, и во всей европейской цивилизации, полностью бесправно, поскольку в современной массовой культуре практически полностью игнорируется сознание трансцендентной природы человеческой души, то есть ее высшие психические импульсы. Ситуация подобна известной поговорке: «собака лает (российская гуманитаристика), караван идет (бессмысленное по отношению к разуму функционирование варварского государства)».

Нашей задачей является — переломить такую ситуацию в существовании российской культуры, когда в ней доминирует неразумное существо человеческой души. При этом мы не можем опираться на традиционные русские ценности, которые не смогли противостоять идеологическому натиску неразумных домислов о реальности политической и исторической ситуации в государстве, доминирующих как перед 17-ым годом, так и после него. Ведь поражение русских в столкновении с агрессивным натиском большевистской орды, в первую оче-

редь, было вызвано тем, что в русской интеллектуальной культуре никогда не существовало самостоятельной рациональной основы ценностей. Именно поэтому становление российской цивилизации, во всем ее известном объеме ценностей, следует рассматривать как предисторию новой цивилизации, но никак не нечто определенное с точки зрения реализовавшихся основ мирового разума. Тензоры сознания мирового разума, то есть взаимосвязь высших импульсов психики с их непосредственной реализацией в воле, захватывают сакральное существо исторического времени, в котором действует разумной дух. В разумном духе отображается расовая память человечества, которая отличается от механической памяти возможностью проявляться только в области эстетического сознания или смежного с ним, философского мышления. Понятно, что в массовом социуме этот процесс насилия над низшими влечениями невозможен, поскольку психология массового социума строится на непосредственности чувственных ассоциаций. Подлинный разум определяется трагическим переживанием реальности. Трагическое же сознание, по существу, состоит в разрыве восприятия с непосредственностью чувственных ассоциаций, когда человеческая душа оказывается в состоянии «невесомости», то есть в отсутствии соприкосновения с ощущением материальности мира. Возвращение к материальному миру со стороны сверхчеловеческого начала, действующего в человеческой душе через высшие психические импульсы, и есть его откровение неуничтожимого начала бытия. Объективность исторического разума, в нашем понимании, характеризуется тензорами границы сознания с хтоническим (земным) существованием человека.

...

Наша расовая теория человека утверждает, что хтонические влечения человеческой души, будучи движениями низшей психики, не задевают разума, в чем мы, безусловно-

но, расходимся с базовыми представлениями о разуме в началах западноевропейской классической философии. Мы утверждаем, что существо разума практически неуловимо в механических связях материального мира, поскольку действует в сфере трансцендентных пространственно-временных длительностей, где дух владеет материальными процессами в качестве топологии многообразия нелинейных событий. Только низший тип психических реакций просчитывается в определенной математической социальной модели поведения человека. Он не относится к существу разумного духа мировой истории, ибо проистекает из линейной взаимосвязи между внешним источником возбуждения психики и ответной реакцией человека. В этой модели исключается сама реальность высшей психики, а значит, исключается и исторический дух, который не может быть предсказуем по существу в силу нелинейности своего характера. Разумный дух, являясь, в первую очередь, духом, а уже затем, мерой понимания бытия, отображает нелинейность процессов исторических событий. Не случайно поэтому топологические образы современных математических моделей физических процессов имеют столь яркую художественную структуру, указывая на онтологический принцип эстетического строения Вселенной. Для этого достаточно увидеть отдаленные районы Вселенной, сфотографированные американским сверхмощным телескопом, или посмотреть на топологическую картину физических макропроцессов. Мы находим, с одной стороны, самоподобие топологических структур фракталов, описывающих физические процессы как отображение художественного первообраза мира, а с другой стороны, хаос и симметрию. Аналогичным образом строится и человеческая психика, когда хаотизм ее нелинейных высших процессов может быть постигнут только с точки зрения симметрии. Антропологически эта симметрия есть противоположность: массовой и расовой основы влечений души, когда первое, сводится к чистой

биологии, а второе, к ее трансцендентному началу. Здесь, очевидно, мы иначе, чем современная биологическая наука, понимаем существо расы, поскольку, в нашем понимании, раса есть материал исторического разума, качественный или недостаточно качественный, для реализации его новых идей в мировой истории.

...

Поскольку мы исходим из сознания космического происхождения человека, а теория эта на сегодняшний момент, с научной точки зрения, находится в самом зачаточном состоянии своих гипотетических взглядов, мы полагаем, что единственное, что она может дать в наше время, — это понимание относительности как теологического, так и научно-эволюционного представления. С метафизической точки зрения, мы лишь утверждаем, что это начало происхождения человека заложено в подсознании в его высших центрах психики, которые взаимосвязаны с инстинктом смерти. Собственно, метафизическая мысль невозможна вне интуиции этого влечения, поскольку все ритмы пространственно-временной топологии исторического духа вибрируют в этом влечении как проекция бессмертного начала бытия на конечные чувственные ассоциации восприятия. Поэтому разумный человек определяется не в биологической цели существования, а в своем подсознательном расовом основании души, которое реализует меру присутствия в его судьбе разумной цели. Именно с точки зрения разумной целесообразности существования человека мы определяем современную историческую реальность России как Темные Века, а западноевропейскую цивилизацию как цивилизацию распада. А поскольку в Азии разум либо никогда не существовал в своей объективной цели (Китай), либо давно реализовал свое присутствие (Ирак, Египет и другие страны), то мы делаем вывод, что объективная разумная реальность, как действие коллективной воли людей, в современной мировой цивилизации отсутствует.

Научный проект основания исторического разума, который строился на вере в научно-технический прогресс, является прошлым, которое не удовлетворяет современным историческим проблемам разумных основ культуры, где одной из основных проблем, которая не ставится в пределах массовой психологии — проблема дегенерации человека, обусловленная минимальной активностью действия разума в его душе. Под дегенерацией человека мы понимаем разрушение взаимосвязи его памяти с сознанием конечности земной жизни, которая ранее поддерживалась в нем расовыми движениями души, а те, в свою очередь, эстетической, религиозной и философской культурой. Когда исчезает сознание конечности земной жизни, в душе человека полностью побеждают животные влечения. Ведь сакральное есть то, что возвышает человеческую душу в соответствии с эстетическим первообразом мира, который отображает многообразие тензоров сознания мирового разума.

...

В основе действия разума в человеческой душе, в нашем понимании, лежит процесс производства высшей психики, который не является естественным законом природы. Познавательными средствами являются тензоры мышления, которые интегрируют многообразие точек зрения, в первую очередь, внутреннего мира субъекта, который формируется высшими психическими импульсами. Эти тензоры образуют массив потока сознания, которое проецирует объективную реальность в качестве топологических элементов эстетического созерцания, где конструктивные элементы бытия суть топологические понятия. Топологические понятия являются как продуктом чувственных ассоциаций математического воображения, описывая физические явления, так и продуктом интеллигибельного мышления в сфере топологического многообразия сакральных сил бытия. Интеллигибельное мышление, действующее в сфере трансцендентного сознания

ния реальности, оперирует топологическими понятиями мышления, в первую очередь, такими как «дух», «душа», «разум».

Если производство низшей психики человека, вплоть до ее бессознательных импульсов, выражается в качестве линейных связей, которые дают возможность конструировать механическую зависимость: источник психического возбуждения — процесс ее разрядки, то высшая психика, не обладая линейной связью, не сводится к механической модели. Именно поэтому мировой дух истории непредсказуем, тогда как любая социальная система предсказуема, поскольку строится на основе инстинкта самосохранения человека, то есть его животных начал души. С другой стороны, в первую очередь, победа разума над животным существом человека определяет подлинное развитие мировой истории. Когда высшие психические ресурсы человечества истощаются, то жизнь мировой цивилизации впадает в глубокую стагнацию по отношению к разумному образу жизни человека. В первую очередь нарушается симметрия бытия, которая существует в человеческой жизни за счет конфликта высших и низших психических импульсов. Как идеи жизни — вне содержания, есть пустая абстракция мысли, так и жизнь — без идеи, есть бессмысленное существование. Единство полноты жизни с ее идеями создают полноту культуры, где доминирует полноценная психика человека. Именно нарушение симметрии взаимодействия высших и низших импульсов психики создает предпосылку для дегенерации человека, когда отклонение от психической нормы постепенно, в силу доминирования бессодержательной абстракции культуры, становится самой «нормой».

Следствием исчезновения психической нормы из-за крайнего ослабления производства высшей психики человека, являются: рост психических аномалий и постепенная варваризация социального пространства массовых ценностей. Мы понимаем, что пресловутый миф о «социально-

сти» жизни, насаждаемый в России массовыми средствами информации, в действительности ограничен только воображением очень сомнительной российской гуманитаристики, которая выросла из советской школы ненависти к национальному духу. Только так мы можем объяснить откровенную ложь, которую она культивирует, когда называет вора и дегенерата, доминирующего в российской социальной реальности, политиком и бизнесменом, поскольку любая политика и любой бизнес должны каким-то образом строиться на разумных действиях людей, а не на их животном существе души, в котором «плавают» примитивные абстрактные схемы воображения. Воображается, например, что современная Россия способна возвратиться к своему историческому прошлому до нашествия большевистской орды, или другая противоположность, будто бы Россия в ближайшее время может стать либеральной страной с действующей системой правовых норм. Но ни возврата назад, ни имитация социальной системы западноевропейской модели цивилизации уже невозможны. Существует суровая историческая необходимость перехода от варварских нравов Темных Веков к зачаткам самостоятельной цивилизации, а для этого должны быть заложены основы действия разума в человеческой душе.

...

В нашем понимании, действие разума в человеческой душе возможно только тогда, когда сама душа человека полноценна. При этом полноценность души определяется достаточно активным действием в ней высшей психики, то есть сознанием относительности конечных целей человека, когда субъективный дух выражается в качестве объективного разумного содержания жизни. Отличие сознания реальности духовных сил мирового разума от веры, например, в научно-технический прогресс, который выражает одну из разновидностей современной психологии матриархата, состоит в том, эти силы не являются следствием доверия непосредственным чувственным

восприятиям человека, а строятся на вере в трансцендентальную реальность. Можно сказать, что в импульсах инстинкта смерти происходит «отсчет» особого времени, которое течет не механически, а топологически, то есть постоянно возвращает сознание человека к ощущению сакральных сил реальности. Ницше определял сознание этого времени как «вечное возвращение», то есть, можно сказать, впервые в истории философии указывал на топологический характер исторического времени.

Вообще, размышляя над высшим существом, которое создало мир и человека, первая причина, по которой мы полагаем, что его нельзя сводить к монотеистическим теологическим представлениям, состоит в отсутствии его антропоморфного начала. Так, мы ощущаем через высшие импульсы психики, что высшее начало бытия и мира существует, но, одновременно, мы понимаем, что оно не имеет антропоморфного образа, то есть не сводится к человеческому существу, а значит, не может быть однозначно определено в традиционных моральных принципах. В том и состоит сущность топологии разума, что в глубинах человеческой психики существует нечто сверхчеловеческое, что определяет ее рациональную основу. Нигилизм в философии Ницше заложил понимание этого сакрального начала, которое не может полагаться сознанием веры в традиционном смысле этого слова. Можно сказать, что это сверхчеловеческое начало в подсознании человека «отталкивает» от себя человеческие ассоциации, чтобы погрузить сознание в топологию метафизической мысли, где отображается нелинейное историческое существо разума. То, что современная массовая цивилизация практически тотально ориентирована на низшие ценности, есть результат расовой катастрофы, то есть истощения определенных запасов высшей психической энергии человечества, которая была произведена в последнее тысячелетие. Человеческая психика возвратилась к животной непосредственности души.

Таким образом, мы утверждаем, что производство высшей психики человека есть необходимое условие действия разума в человеческой душе. А высшая психика, являясь продуктом активности в душе инстинкта смерти, имеет не биологический, а метафизический принцип существования, то есть выражает результат взаимодействия человеческой души с сакральными силами бытия. В нашем понимании, это определяет действие разумного духа в реальности, который отображает активность разумных политических сил в истории мировой цивилизации. Понятно, что мы не находим их наличия в современных либеральных политических системах европейской цивилизации, поскольку в Западной Европе, после разгрома фашизма, ресурс высшей психики полностью исчерпан, а американская и русско-советская культуры никогда не утверждали в мире начал объективного разума человеческой души. Современная европейская цивилизация, в политическом смысле, враждебна человеческому разуму. Политическая реальность, где гуманитарные ценности в европейской массовой культуре выражают сознание идиота, то есть сознание, практически никак не связанное с влиянием высших психических импульсов души, определяют сущность современной либеральной системы ценностей. Именно поэтому фрейдизм получил такое широкое влияние в массовой европейской цивилизации, что он связал социальное сознание с бессознательными сексуальными влечениями. Большого, по чувственной интенсивности переживания непосредственных ассоциаций, чем сексуальный оргазм, человек переживать не может.

Было бы наивно, с нашей точки зрения, полагать, что понимание, исторической ситуации в России как политической реальности Темных Веков, получит здесь сразу интеллектуальную поддержку. Ведь современная российская гуманитаристика выросла из сознания примитивнейших исторических представлений советской школы. Неполноценность человеческой природы ее идеологической

«элиты» слишком очевидна, чтобы можно было бы полагать, что в ней найдутся люди, обладающие хотя бы проблесками разума. Племенная душа, вообще, неспособна проявлять признаки рационального мышления, но именно племенная душа почти тотально доминирует в России после 17-го года. Мы полагаем, что у русской нации вообще нет никакого будущего, если ее интеллектуальная элита не осознает, что современное положение российского государства, по отношению к объективной сущности исторического разума, является характером нравов правового пространства людей Темных Веков. Здесь может естественно чувствовать себя только человек, который инстинктивно действует как представитель воровской малины. Какие бы попытки подражания американской социально-политической системы здесь не осуществлялись, они обречены на политическую неудачу, поскольку невозможно топологически «натянуть» политическую модель, сложившуюся в других исторических условиях, на племенные основы человеческой души. Первоначально племенная душа должна быть подвергнута насилью изнутри, то есть активному воздействию высших психических импульсов. Так, племенной дух не может быть разумным, поскольку он не знаком с образом жизни патриархальной культуры, где формируются расовые основы психики. Русские же основы патриархального быта, первоначально насильно разрушаемые большевистской ордой, впоследствии стали постепенно естественно распадаться, поскольку не соответствовали новой расовой основе цивилизации, с ее механическим «богом», эмпиризмом. Однако племенной дух вполне способен осваивать современные технологические достижения, ибо он не стремится к разумному пониманию, а лишь к рассудочной посредственности чувственного восприятия. Другими словами, животному сознанию в массовом социуме нет необходимости в сознании реальности трансцендентного бытия, которое определяет прерогативу разума, ибо

он, возникнув из ценностей французской революции, полагает «разум» только сферой научного знания.

...

В современной российской: политической, интеллектуальной и экономической элите мы не находим ни одного национального русского типа, поскольку он не может существовать в неполноценной среде людей. Наоборот, психология воровской малины здесь представлена в самой широком многообразии, ибо задача советского режима была выполнена, интеллект, лишенный признаков национального самосознания, то есть причастности к мировой истории национального духа, был здесь ликвидирован как «классовый враг». Основная задача объективного разума, следовательно, в его исторической необходимости состоит в том, чтобы заставить человека быть человеком, а не бессмысленным социальным животным, которым человек здесь стал в результате деятельности советской власти, а затем и перестройки. Этот варвар, собственно, какой бы политический пост он не занимал или какой бы финансовой мощью не обладал, все равно остается неразумным существом. У него неполноценные начала психики, что препятствует развитию в его душе разума. Таким образом, основная задача разума в России состоит в том, чтобы заложить свои начала в варварском государстве.

Все эти люди, которые так активно и напряженно решают свои ничтожные задачи в пределах социальной реальности массового общества, собственно, не имеют никакого смысла по отношению к реальности разумных событий мировой истории, поэтому их оценкой является сущность небытия, отсутствие в мире, где действуют разумные силы. Однако чем более бессмысленно их существование по отношению к разуму, тем более они агрессивны и активны в действии своей варварской воли, проявляя тот политический большевизм, которым российская жизнь славилась на протяжении всей своей истории.

Наблюдая за действием всей этой многочисленной массы людей, доведенных до состояния идиотизма в массовом обществе отсутствием в душе разумных мотиваций действий, мы видим, что подобное поведение в полной мере демонстрирует события расовой катастрофы. Так, не иначе как массовой паранойей, нельзя назвать власть денег в современном российском государстве, где утрачены все нравственные нормы, которые свойственны человеческой душе. Однако большевизм лозунгов, заложенный в период варварской активности на территории России большевистской орды, действует здесь достаточно активно, когда и «прорыв» в капитализм и, собственно, любые политические и экономические действия осуществляются в этом характере племенного духа, получившего активность в период советской власти. Таким образом, метафизически, то есть с позиции основы объективного разума, субъект в современной политической реальности России существует в пределах небытия. Бытия, как формы сущности существования объективного разума, мы не обнаруживаем в современных исторических событиях России.

...

То, что определяет основу тензоров сознания мирового разума в современной реальности, есть понимание неизбежности появления новой цивилизации, которая должна возникнуть вместо современной цивилизации эпохи распада. Понятно, что для осознания процесса ее формирования необходимо и новое понимание разума в человеческой душе и новые политические силы, которые смогли бы прорвать эту вязкую среду небытия, в которую погрузилась и Россия и, вероятно, вся современная массовая цивилизация, поскольку нигде в мире мы не находим позиции разума, адекватно оценивающего ее современное историческое состояние. Метод, который предлагаем мы, активизация высшей психики человека, не может иметь традиционного исторического понимания. Современная вера в разум возникла в эпоху Возрождения.

Так, если историю французской культуры, начиная с ценностей эпохи Просвещения, мы полагаем началом угасания в человеческой душе активности высшей психики, то историю немецкой культуры, начиная от возникновения протестантизма и кончая разгромом фашизма во второй мировой войне, мы полагаем историей поиска альтернативы развития высшей психики человека, которая существовала в религиозной жизни, когда ее ресурсы оказались на грани исчерпания. Можно сказать, что аристократические ценности европейского Возрождения нашли свое историческое продолжение только в немецкой мысли, определив поиск трансцендентной природы разума.

Представление о линейном ходе мировой истории, заложенное еще монотеизмом, должно быть преодолено в философии истории. В противном случае небытие человека, как существа, не обладающего разумом, будет являться единственной реальностью массовой цивилизации. Не трудно заметить, что, начиная с демократических ценностей французской революции, европейская философия, за исключением немецкой мысли, стремилась полностью отождествиться с наукой, что, собственно, неизбежно должно было привести к ее исчезновению. Новый подход в онтологии философской мысли, ее новую основу, указал Ницше, когда связал мыслящий дух с полноценными началами человеческой души.

Только устранением разума от влияния на современную культуру можно объяснить распространение массового слабоумия в научной среде, где победил эмпиризм. В полной мере поверхностная мысль человека со средними способностями раскрылась в эмпиризме, то есть в безусловном утверждении непосредственного чувственного восприятия единственным родом сознания реальности. Впрочем, физические явления, которые достаточно трудно свести к механическим силам классической физики: природы электромагнетизма, например, указали на то, что трансцендентный принцип бытия вполне допустим

и с точки зрения науки. Наше понимание механицизма вполне однозначно, когда сводит его существо к опоре на низшую психику человека. Мы полагаем, что вследствие распространения повсеместного культа эмпиризма, практически полностью оказались заблокированными высшие начала психики, а вместе с ними и способность разума проявлять активность в человеческой душе. В силу этой блокировки активности высшей психики человека, искусство и философия, как полноценная действительность разума, оказались не востребуемыми в массовой культуре, которая перестала нуждаться в том, по отношению к чему ее реальность является неполноценной и, вообще говоря, небытием. Не быть, собственно, в нашем понимании, значит, не проявлять каких-то признаков разума. Так, первое, что требуется для утверждения разума в бытии, — это его полнота. А полнота бытия есть следствие активности высшей психики человека, отображающей реальность в качестве сознания топологии разума исторического события.

...

Единственной возможностью разрушишь это сонное состояние человеческой души, пребывающей в животной непосредственности, которая незнакома с сакральным миром разумного первообраза бытия, является проникновение коллективной энергии высшей психики в массовое общество. Ведь функциональность социальной системы массового общества строится исключительно на пассивности высшей психики человека, то есть отсутствии разумных движений души. В силу этого, действие разумного духа должно произвести насилие над животными влечениями, чтобы человек восстановил свою целостность души, то есть восстановил свою расовую память. Причем, характер этого насилия, как мы полагаем, может происходить только из пространства, в которое не проникает психическая неполноценность. Если учесть, что массовая цивилизация возникла из нравов бывших

рабов, люмпенов, и, в целом, неполноценных типов всем мастей и оттенков, то становится понятна причина массовой деградации человека в массовом обществе, которая обусловлена самым жесточайшим табу на проявление позиции разума в социальных структурах. Другими словами, массовое общество оказалось полностью замкнутым для присутствия в своих социально-политических структурах разума, вследствие чего стало машиной по производству человека-дегенерата, то есть человека с неполноценной психикой. На основе этой воровской малины мирового масштаба, характер и оттенки которой зависят от особенностей национальной трагедии народа в той или иной стране, сложилась американская система политической демократии. По отношению к объективной сущности разума, американскую культуру следует рассматривать как полностью враждебную, поскольку она исключает основы расовой психологии в мотивации человека. Этой неполноценной культуре во всем мире подражают местные воровские малины, особенно те, которые, как в России, сформировались из процесса ассимиляции наиболее неполноценных антропологических типов во власти и культуре, являющихся генетическими наследниками большевистской орды. При этом чем меньше полноценности психики в массовом обществе, тем громче визг и шум шоу-мероприятий этой воровской среды, стремящейся навязывать массам сознание, что жизнь вора-дегенерата является предметом мечтаний и подражания. Понятно, что вся эта вакханалия не может длиться до бесконечности — ее должны пресечь здоровые политические силы.

Мы существуем в момент распада цивилизации, когда в ней перестают функционировать последние регулирующие начала механизма ее социально-политической реальности — финансово-денежная система. Эта влиятельнейшая сила, собственно, основная в мотивациях низшей породы человека, перестает в наше время выполнять за-

дачу регулирования межличностных отношений людей, поскольку неполноценность человеческой психики постепенно тотально стала основой этих отношений. Обмануть собственную совесть, отказаться от разума в своем движении души, стало той современной «нормой» общежития в массовом обществе. Ведь животная душа не может нести моральную ответственность за свое поведение. Так сформировалась мировая система отторжения человеком разумных движений души. При этом, если еще в первой половине XX века можно было рассуждать о системе капитализма как о политической модели, которая каким-то образом причастна к мировой истории, по крайней мере, в качестве слабого источника поддержания угасающей высшей психической деятельности человека, то современный капитализм, как мы видим, стал источником обратного действия, а именно, активизации дегенеративных импульсов человеческой души. В результате этот исторический момент, как это ранее утверждал в своей исторической концепции Шпенглер, характеризует окончательное угасание полноценной активности цивилизации, то есть активности, в нашем понимании, взаимосвязанной с действием разума в человеческой душе.

...

Если рассмотреть основное историческое противоречие современной цивилизации, то оно состоит, в первую очередь, не в политических противоречиях интересов различных стран, которые стремятся занять достойное место в геополитической системе мира, а в противоречии между массовой дегенерацией человека и полноценным человеком. Его мы рассматриваем как противоречие между разумным человеком, который оказался вне закона в политических системах массового общества, и неполноценным типом человека, *quasi homo*, создавшим свою субкультуру, построенную на практически полном игнорировании в душе разумных психических импульсов, которая стала основой социальной организации массового общества.

Если рационально оценить современную сущность капитализма, то ее уже необходимо рассматривать не как власть капитала, а как власть неразумной социальной системы над человеком. Конечно, следует разобраться, каким образом мировая история, чья идеология ценностей проходила под знаменем веры в разум, в результате демонстрирует массовое безумие человека в современной цивилизации. Мы видим, что процесс производства высшей психической энергии в человеческой душе в западноевропейской цивилизации практически завершился в наше историческое время, а то, что происходит в этой области в других расах и народах, мало кого интересует, поскольку система массового культивирования низших ценностей не дает человеческому разуму обратить на это внимание. Массовое сознание человека гипнотизируется разного рода мусором ценностей, интенсивным потоком производства самых банальных и пошлых мыслей, порождая бесконечное многообразие ничтожных человеческих целей внутри массового социума, вследствие чего человеческая жизнь, с момента рождения до самой смерти проходит за пределами субъективного разума его исторического содержания. Так формируется субкультура *quasi homo*, характеризующаяся неспособностью разума отвечать за собственную судьбу, за которую теперь отвечает социум, эта Великая Мать нового человеческого племени. Сам культ массового общества потребления, состоящий в том, чтобы постоянно «брать» у природы, характеризует инфантильную психологию человека. Этот инфант, *quasi homo*, впрочем, любит все самое примитивное в жизни, что связано с грубым наслаждением, поскольку известное «доверие чувствам» стало основой тотального недоверия всяким проявлениям метафизического мира. Инфант играет в жизнь, поскольку в ней отсутствует что-то серьезное по существу, отсутствует какая-то разумная ответственность, которая проистекает из сознания причастности человека духу мировой истории, то есть при-

частности опыту всех существовавших рас. Человек же, лишенный духовной активности души, является животным существом, низшим антропологическим типом, доминирующим в эпоху расовой катастрофы. Фактически речь идет о низшем типе человека с точки зрения высшей культуры, поскольку в этом антропологическом существе действие разума настолько ничтожно, что практически равно нулю.

...

Не трудно понять, наблюдая выборы в политической системе современной западноевропейской цивилизации, что ее власть давно уже не выражает национальных интересов собственных народов, не являясь разумной по существу. Таков печальный результат окончания истории проекта разума в западноевропейской культуре, когда единственное, что осталось от веры в человеческий разум — его механические «костыли», научно-технический прогресс. Но этот политический «инвалид», очевидно, не обладает рациональным познанием, стараясь всеми средствами сохранить тот бессмысленный образ жизни, в котором неполноценная психика человека признается за «норму». Понятно также, что в отличие от варварских политических институтов современной России и стран бывшего соц. лагеря, политические институты западноевропейской цивилизации были заложены все-таки людьми, обладавшими объективным пониманием исторического разума. Поэтому эти политические институты имеют необходимый исторический характер возникновения в мировой истории. Но в остальном мире, эти политические институты навязываются народам, пребывающим в состоянии варварства по отношению к разуму, насильно, как в Восточной Европе, так и на территории бывшего СССР и в Азии. И действительно, природа сознания варвара такова, что, поскольку она не понимает существа происходящих исторических событий, ей безразличен сам механизм политического института власти, ибо

все равно в побудительных мотивах варвара все решает не разум, а родоплеменной инстинкт. В сознании варвара все политические институты суть абстракции мифологического содержания представлений, правда, различного качества. Если в Африке эти абстракции представлений на достаточно низком уровне, то в России, они на достаточно высоком, однако это не меняет существа дела, то есть отсутствия факта разумного права по существу. Поэтому «правовед» и «правозащитник» в России отличается от «правоведа» в Африке только тем, что обладает техникой виртуозной пустой болтовни на тему о праве. Именно поэтому варварскому сознанию навязывается идеология культа демократии, что оно лишено понимания существа объективного исторического разума. Политический механизм власти в варварском государстве возникает как случайная система взаимоотношений людей, отображающая временную победу в данный момент времени определенной племенной силы, будь то в России, Африке или другой стране, не относящейся к внутреннему пространству западноевропейской цивилизации. Ведь не трудно понять, что распад государственной политической системы СССР произошел, в первую очередь, потому что влиятельным племенным кланам, сформировавшимся здесь после распада большевистской орды, было необходимо легализовать свою награбленную в 80-ые годы в стране собственность. А для этой задачи наилучшим образом подходила либерально-демократическая идеология.

Мы не можем, подобно Марксу, указывать на массовость новых политических сил мировой истории, поскольку несколько тысяч честных людей, не сломленных, обладающих мужественной позицией разума, и есть та реальная политическая сила в мировой истории, которая кардинально меняет ее будущее. Конечно, и горстка неполноценных человеческих типов (как это имела место в истории большевизма во главе с Лениным) и маленькое первоначально племя (как это произошло с ор-

дой монголов) способны влиять на политическую ситуацию в мире. Однако это влияние, подобно стихийному бедствию, относится к чисто природным явлениям, где разумная основа событий, как таковая, отсутствует, то есть наличие действия человеческого разума практически равно нулю. Понятно, что активность этих огромных агрессивных масс людей впечатляет убогое воображение, однако убожество человеческих целей не есть содержание мировой истории.

...

Любое действие человеческой массы имеет стадный принцип и выражает, собственно, отсутствие разумной воли. Так, например, в большом сражении, где участвуют большие массы людей, ход сражения решает не превосходство численное, а превосходство духа и разумной стратегии ведения боя. При этом превосходство духа и разумная стратегия осуществляется небольшим, но очень качественным количеством людей, которые одухотворяют войска силой своего духа. Как правило, это функция гвардии в войске. В мирное время, очевидно, эта функция реализуется интеллектуальной элитой государства, которая выражает его разумную политическую стратегию развития. Мы полагаем, что эта интеллектуальная элита в России существует исключительно в сфере научно-технического потенциала страны, связанного с военно — промышленным комплексом, поскольку только в этой области субъективный разум способен теплиться в качестве потенциальной силы объективного разумного основания цивилизации в варварском государстве. Подобная ситуация топологически повторяется, когда, например, Темные Века в Западной Европе «отслаивались» от веков Средневековья за счет концентрации разума в освоении военных стратегий и технологий своего времени. Так, например, западноевропейские рыцари учились у арабов, доминирующей расы того исторического времени, военному искусству, тогда как подражание в быте и государственном

устройстве находилось на варварском уровне. Количественно, интеллектуальная элита крайне малочисленна, и это, конечно, не просто образованные люди, а люди, отстаивающие позиции объективного исторического разума, то есть культивирующие полноценные начала человеческой души. Эти начала могут казаться очень нелюбимыми, и даже казаться чуждыми известным стереотипам о сущности разума, как это имеет место в философии Ницше, однако главный критерий разума, в нашем понимании — это полноценность человеческой души.

В отличие от неполноценной человеческой среды, каковой, например, была партия большевиков в России, став проводником разрушительных процессов для русского государства, подлинная среда интеллектуальной элиты ориентирована на стратегическое развитие государства в реализации разумного права. Мы уже говорили, что современная система либерально-демократического права не является разумной, поскольку генерирует неполноценность человеческой души, которая по самой своей сути не может быть разумной. Так, если византийцы называли себя «римлянами», то таковыми они могли быть только в сознании варваров, но не интеллектуальной элиты, которая всегда видела в них вырожденцев античной цивилизации, по самой своей сути враждебной разуму. Аналогичным образом и современная политика США, навязывающая всему миру политическую модель демократии, в реальности выражает хорошо отработанную систему представлений за пределами разума. Любые сомнения в возможной альтернативе этой политической модели подвергаются самой беспощадной атаке со стороны хорошо отлаженной системы стереотипов представлений. Но, собственно, и альтернативы политической модели государства, как таковой, в наше время, не может существовать, если события мировой истории мыслятся только исключительно линейно. Ведь у истоков стереотипа представления о «конце» мировой истории, маячит ве-

лика тень Гегеля, спорить с системой понимания объективного разума которой крайне сложно. Конечно, поверхностная мысль способна заявить о «нищете философии», однако не всякая прогрессивная идея относится к существу разума, который проистекает из суровой потребности человеческого духа быть. Поэтому, когда мы соперничаем древним римлянам и японским самураям, лишаящим себя жизни, в которой утеряна честь, то осознаем присутствие мировой истории в качестве непреклонности человеческого духа быть и, наоборот, когда мы видим бессмысленную суету проникнутых паранойей безумных масс в период правления большевиков в России, то глубоко сострадаем судьбе русского народа. Нравы же массового общества нашего времени таковы, что быть честным, считается «неприличным» в том смысле, что это противоречит корыстным движениям неполноценной человеческой природы, в которой лживость, фиглярство или другая крайность, механический, отупляющий и убивающий душу труд, исключают даже намек на ее благородство. Ведь нравы этого массового общества возникли отнюдь не в великом западноевропейском искусстве и философии, а в нравах бывших рабов, которые на генетическом уровне не выносят благородство человеческой души.

...

Утрата разумным человеком контроля над политической ситуацией в мире является одной из основных проблем современной мировой цивилизации. Вряд ли можно сказать, что разумный человек по собственному желанию устранился от этого влияния, скорее, следует полагать, что проект понимания объективной сущности разума, построенный на авторитете науки, исчерпал себя как современная историческая сущность познания бытия. Разум должен выработать другие критерии и основы своего существования. Как раз в том и состоит принципиальное отличие разума от рассудка, что его содержание является всегда историчным, то есть отображает по-

зиции не просто абстрактной мысли, а содержание, которое показывает судьбу человека причастной бессмертной природе исторического духа. Абстракция же, сама по себе, выражает лишь коммуникативно функциональную систему инстинкта социального выживания человека, то есть реакционное по отношению к разуму стремление сохранять обыденные представления неизблемыми. Но именно эта реакционная по отношению к разуму система коммуникационного сознания и стала определяющей в массовых социальных структурах цивилизации. Русская же мысль практически оказалась полностью разгромлена в своих известных исторических представлениях, когда она проявила свою рациональную несостоятельность даже перед поверхностным марксистским учением. Мысль же Шариковых, которые с 17-го года вещают от имени русской культуры, вплоть до нашего времени, по существу, бессмысленна, безответственно инфантильна и враждебна всему тысячелетнему историческому пути российской цивилизации. Разнообразные фантазии, которые не имеют никакого отношения к объективной сущности современного исторического разума, очевидно, разрушают то, что стремится создать в России ее интеллектуальная элита, будучи абсолютно разобщенной, не имея единой идеологии своего существования. Однако рассчитывать на то, что в современной России, где политически, в основном, доминируют генетические наследники большевистской орды, интеллектуальная элита сможет активно влиять на политическую ситуацию, бессмысленно. Эти силы проявят себя только в будущем, когда существо разумного духа разложит окончательно племенные связи постсоветских родовых кланов, которые возникли после распада большевистской орды в течении нескольких десятилетий. В первую очередь, очевидно, это скажется на их потомстве (и сказывается уже в наше время), когда разумный дух рождает животную душу.

Феномены мирового духа, как мы полагаем, сосредоточены в трансцендентной психической энергии инстинкта смерти, то есть той бессознательной части человеческой души, которая наиболее жестко подвергалась табу массовой цивилизации. Именно из смешивания этой психической энергии с непосредственными чувственными ассоциациями и возникали все известные религии и культы в мировой истории. Процесс смешивания состоит, собственно, в существовании двух видов реальности: трансцендентной и эмпирической, которые, начиная с платоновской философии, определили развитие онтологической мысли в истории философии. Если Платон указал на саму идею разумной реальности, Гегель — на ее действие, то мы указываем на ее основу в высших слоях психики. Ведь природа психических импульсов не может иметь только эмпирически-материальную основу, в противном случае существовала бы только физиология в качестве определенного набора определенных эмпирических процессов, в том числе, процессов головного мозга.

Наше понимание антропологии, таким образом, принципиально отличается от ее концепции в современной науке, поскольку для нас человек есть не биологический механизм или высшая форма материи, а исторический дух, который использует материю для реализации своих целей. То, что мы не верим в бога, еще не есть отрицание судьбы мирового духа, пронизывающего мировую историю. Вера в бога, в нашем понимании, была необходимым моментом в становлении высшей психики человека в прошлом. В наше время сакральное, которое определяет современный исторический разум, не сводится к понятию «бог».

Движение высших психических импульсов из подсознания человека в первую очередь проецируется в сознание конечности его жизни. Здесь осознается иная сущность времени, нелинейная, поскольку течение сознания длительностей в пределах высших психических импуль-

сов, помимо видимости взаимосвязи двух ассоциаций, характеризующих измерение «Я» как свойство материи, отображает и наличие того, что существует в отдаленных резервуарах памяти. Подобное сознание времени по своей структуре напоминает сознание человека, переживающего клиническую смерть, когда в конечном моменте настоящего «прокручивается» вся картина его жизни, начиная от очень отдаленных событий. Здесь, очевидно, речь идет об особом состоянии психики, где функционируют ее высшие процессы, то есть процессы, которые не сводятся к чувственным ассоциациям, определяясь содержанием трансцендентного мира. Можно сказать, что взаимосвязь с присутствием трансцендентного мира осуществляется через сверхчеловеческое начало в глубинах человеческой психики. Для нас принципиально использование понятия «сверхчеловеческое», поскольку это не бог. Мы следуем за последними метафизическими разработками Ницше, у которого были заложены принципы новой метафизики на интуитивном уровне, в первую очередь, конечно, в области понимания особых свойств высшей психики — влиять на сферу человеческого мышления. Это влияние, собственно, осуществляется через сверхчеловеческое начало в глубинах психики, где формируются импульсы воли, не связанные с непосредственными чувственными ассоциациями, возникая из трансцендентного начала мира. Его особенность состоит в том, что оно осознается как множество сакральных сил, присутствующих в исторической природе времени. Данный поток несет в себе бесконечное множество воспоминаний об историческом прошлом человечества. Понятно, что в этой системе ценностей, не может быть превосходства достижений одной исторической цивилизации над другой, поскольку каждая историческая цивилизация, будучи топологической структурой в историческом времени, решает внутренние проблемы, то есть задачи, возникающие изнутри ее топологии разума. А топология разума формируется ее

эстетическим восприятием бытия, то есть интегрированием сакральной природы времени в пространственные образы: искусства и философского мышления. В данном случае производство материальных ценностей, как, собственно, вообще развитие средств производства, относится к линейной функции низшей психики человека.

Сознание того, что душа существует, а не анализ эмпирических фактов психической жизни с точки зрения физиологии, является прерогативой объективного разума, который отличается от деятельности абстрактно-эмпирического рассудка наличием полноты топологической природы бытия. Эта полнота отображает в полноценной психике человека наличие сакральных сил как присутствие его индивидуального сознания в происходящих исторических событиях. Понятно, что социальные связи массового общества не относятся к духу мировой истории. Необходимо найти взаимосвязь между движениями трансцендентной психической энергии, которые практически не относятся к биологической природе человека с его волевой установкой сознания. Ведь, фактически, мы не можем следовать за цепочкой ассоциаций, которыми эмпиризм доказывает существование своего знания. Мы опираемся на сознание точек разрыва ассоциативного восприятия. И здесь следует переосмыслить психологический аффект, возникающий от эстетического созерцания, который не приносит какого-то чувства удовольствия, а, наоборот, можно сказать, локализует всякую непосредственную чувственность, построенную на взаимосвязи непосредственных ассоциаций.

ЧАСТЬ 2

ОНТОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ

Глава 3

Граница бытия и небытия

Ощущение бесконечного отвращения испытывает разумный человек от соприкосновения с бессмысленными целями людей в массовом обществе, где различные племенные кланы *quasi homo* ведут борьбу за власть, собственность и различные сферы влияния. Многочисленные неполноценные человеческие типы, которые «расцветают» в период расовой катастрофы, по-видимому, выражают катастрофический регресс человеческой природы, характеризующий неразумность человека, возвращающегося к животному состоянию души, то есть к ее природной непосредственности. Расовая катастрофа определяется истощением общего усилия разумной воли людей, проистекающей из активности высшей психической энергии. Так, если полноценные исторические эпохи характеризуются усилиями людей по возведению архитектурных памятников, созданию произведений искусства, то есть, в целом, действием суровости духа в человеческой душе, то исторические эпохи упадка характеризуются практически тотальным доминированием бытового сознания. В эти эпохи подавляющая масса людей стре-

мится просто жить. В этом случае воля человека полностью растворяется в чувственных восприятиях, выражая только природные циклы. Впрочем, технологические достижения цивилизации только выигрывают от этого, поскольку эстетическая основа культуры становится минимальной, а механизм психических реакций достигает своей максимальности.

Сознание объективного разума соответствует метафизической активности тензоров сознания. Мы рассуждаем о присутствии высшей психической энергии в самом суждении. Это определенный заряд, квант исторического пространства духа, который нельзя свести к абстракции мысли, проистекающей из какой-то системы социальных представлений. Конечное, то есть природное существо человека, присутствует здесь, но оно интенсивно «стянуто» к воле мирового духа. И, наоборот, животная душа становится максимально активной, когда человеческий дух ослабевает. Ослабевают прежде всего, как мы полагаем, высшие центры воли, которые отображают видимость горизонта исторического события, схватываемые тензорами разума во взаимосвязи с онтологической сущностью времени. Животность непосредственных желаний, собственно, становится культом для массового сознания.

...

Бессмысленность существования человека в массовом обществе состоит в исключении в его социальных структурах активности высшей психической деятельности. Социальный человек, пребывая в состоянии забывания разума, тем не менее очень живо реагирует на самые ничтожные психические импульсы, которые ассоциативно связываются в коммуникативную систему, где ценности лишены разумного основания. Ведь разумное основание жизни должно выражаться в причастности человеческой души духу мировой истории, однако именно историческое сознание реальности отсутствует в массовой куль-

туре. Массовая душа, полностью реализуясь в своей животной непосредственности, исключает существование трансцендентного мира, то есть наличие воли человека, которая разумна. Место для различных культов и религий в массовом обществе, конечно, существует, однако эта сфера сакрального переживания определяется историческим прошлым, а не будущим и не настоящим. Религиозный опыт относится к архетипу расы, которая, реализовав свой онтологический проект в мировой истории, должна смениться новой расовой природой человека. Деградирующая расовая организация человека всегда создает в процессе своего распада буферные политические системы, подобные византийской или современной американской, где сосредотачиваются и смешиваются полярнопротивоположные представления о существе бытия: архаично-традиционные и авангардные, но беспомощные в отсутствии разумного начала мысли. О метафизических основах разума, которые доминировали в классической западноевропейской философии до недавнего времени, следует сказать, что они уже не отвечают кардинально изменившейся исторической ситуации в мире. Последний оплот европейской культуры, фашизм, как ни пытаются его шельмовать современные либеральные болтуны, унес с собой великий дух поиска основания исторического разума. Когда мы осознаем идею вечного возвращения у Ницше, то меньше всего предполагаем какую-то религиозную составляющую этого учения. Идея вечного возвращения определяет топологический принцип течения исторического события. Топологическое сознание мировой истории предполагает, что, помимо линейного направления исторического события, оно имеет не менее мощное движение назад в качестве рефлексии расовой памяти человека. Сама сущность исторического разума как реализации высших ценностей определенной исторической эпохи предполагает, что любая политическая система власти реализует уже ранее прой-

денную историческую схему развития. С другой стороны, размышляя над исторической концепцией Шпенглера, мы приходим к выводу, что основой доминирования каждой исторической цивилизации является коллективная энергия воли высшей человеческой расы. Понятно, что представление о «высшем» строится здесь не на биологических особенностях человека, а на специфике полноценности души, раскрывающей, первоначально в эстетике своих символов, сакральную полноту своей веры в жизнь. Чем более острая и разрушительная энергия инстинкта смерти действует в отрицании непосредственности животного начала души, тем более полна человеческая душа присутствием энергии трансцендентного мира, отображенного, в первую очередь, в архитектуре и искусстве. И, наоборот, чем более примитивен образ жизни человека по отношению к разуму, тем более примитивна архитектура городов. Следует заметить, что, собственно, в наше время, подлинной архитектуры, как проявления разумного начала человеческой души не существует, поскольку вся эта математическая топология архитектурных образов, распространяющаяся в крупных мегаполисах мира, выражает топологию конечного ассоциативно-го восприятия человека в многообразия его животного существа души, «натянутого» на биологический инстинкт выживания. Здесь, очевидно, действует воображение пустой абстракции, этой единственной сферы мышления, которая беспомощно противоположна животному влечению. Однако эта противоположность не сводится к единству разумной жизни, оставляя интеллект и чувство крайностями противоположных граней бытия. Это топология не исторического разума, а современной науки, которая не обладает метафизическим основанием, то есть лишена какого-то отчетливого философского содержания, а значит, лишена разума, поскольку научная мысль, в которой отсутствует разумное основание, становится определенно рода мифологией, построенной на вере в непо-

средственное чувственное восприятия реальности. Человек верит, что единственным, что существует в его сознания, является то, что присутствует в его непосредственном опыте. Но влечение к смерти не является чувственным опытом, поскольку определено в области трансцендентного сознания реальности, поэтому эта область реальности исключается в научном сознании.

Поскольку мы выводим действие человеческого разума из высшей психики человека, связанной с инстинктом смерти, то достижения современной абстрактной науки мы полагаем незначительными для понимания сущности современного исторического разума. Очевидно, что информационная база абстрактных знаний науки о природе растет как снежный ком, но в этом коме мы не находим разумного основания самого знания, то есть необходимого понимания: для чего все это нужно? Отсутствие разумного смысла этого непомерно огромного потока информации во всех областях науки лишена, собственно, понимания самой природы объективного разума. В результате речь идет не о природе как сфере полноты многообразия самих явлений, а о схематичном понимании ее абстрактной сущности, которая в большей степени начинает напоминать сферу определенного рода мистических толкований. И если Фрейд, например, достаточно откровенно называет свой метод «толкование», то подавляющее большинство современных ученых, свои субъективные толкования упорно стремятся выдавать за позицию разума. Во многом современная наука повторяет судьбу средневековой схоластики, до последнего цепляющейся за свои магические догмы представлений о мире.

Если исключить современную мифологию науки, построенной, собственно, на неразумном основании поверхностного эмпиризма, то человек отчетливо осознает свое присутствие в социальной среде как определенного рода небытия. Небытие, то есть сфера реальности, где отсутствует разумное основание, тем не менее изо дня в

день, с утра до вечера навязывается его восприятию бесконечным многообразием технократической культуры. Практически на гипнотическом уровне, на уровне подсознания, человеку внушается, что окружающая его социальная реальность является единственным родом бытия. Мы, наоборот, утверждаем, эта реальность есть определенный род небытия, утверждающийся в сознании, когда в человеческой душе разум не действует. Неразумность этой реальности есть прямое следствие отсутствия активности высшей психики человека, которая, в свою очередь, определяет действие его разума в душе. Так, постепенно, почти незаметно, в массовой цивилизации утвердилась психология интеллектуального пролетариата, то есть социально-политическая активность людей с хорошо развитым абстрактным мышлением, у которых отсутствует действие разума в душе. Цели, интересы, в общем, весь принцип коллективизма этого типа людей выражается исключительно на основе активности низшей психики, поскольку происхождение архетипа *quasi homo* обусловлено подсознательной психологией ценности жизни рабов в западноевропейской истории. Вероятно, в момент окончательного исчезновения живых движений разума в человеческой душе внутри исторической цивилизации начинается возврат к ее архаичному племенному инстинкту, с которого она начинала свое развитие, то есть забвение всех признаков психологии патриархата, который влечет за собой исчезновение всякой психической нормы в человеческом сообществе.

...

Мы вполне рационально осознаем учение нигилизма Ницше как учение о современной исторической сущности небытия, которое отображает позицию высших ценностей человека в оценке окружающего его социального пространства. Так, постепенное вползание западноевропейской культуры в состояние безумия, которое в наше историческое время стало тотальным, в эпоху Ниц-

ше только начиналось. Однако он вполне адекватно оценил сущность этого агрессивного безумия по отношению к полноценной человеческой душе, то есть к самой сущности разума, как нигилизм. Можно сказать более определенно: вокруг нас полная пустота, тот вакуум разума, который возник вследствие распада влияния полноценной человеческой души. В наше время право голоса в массовой культуре имеет только человек с неполноценной психикой. Как вообще разумный человек может заявить о своем существовании в этой тотальной реальности своего небытия в массовом социуме? Понятно, что слабые разумом люди могут находить свой душевный покой в религиозной общине, однако эти сломленные люди ничего не решают в судьбе мировой истории. Они впадают в состояние слабоумия, хотя, конечно, их дух находит некоторое единство с историей мирового духа, впрочем, это единство не может привести к активной позиции воли.

...

Если катастрофическая точка отсчета истории российской государственности существует в 17-ом году, когда большевистская орда разрушила русское государство, сформировав на его развалинах из антирусских элементов и люмпенов новую политическую систему власти, то для Западной Европы этой точкой является разгром фашистской Германии в 45 году. И если в 17-ом году прервалась история государства российского, то в 45-ом году прервалась история безусловного доминирования разума в пространстве ценностей западноевропейской цивилизации. Разрушение фашистской Германии мы сравниваем с разрушением Римской империи варварами, когда ни советская армия, ни армия союзников не несла с собой разумные начала жизни, а лишь закрепляла и авторитарно утверждала в новом миропорядке неполноценные начала человеческой души. Фактически разумный человек с 45-го года перестал существовать как реальная политическая сила в мировой цивилизации, где любая попытка об-

ращения к суровости понятия долга перед необходимостью быть, а не удовлетворять свои животные и интеллектуальные потребности, стала восприниматься как восстание против утвердившейся пошлости и тупости культуры социальных ценностей в существовании массовой цивилизации. Здесь в первых «шеренгах» выступали те, кто, собственно, стал основным продуктом расовой катастрофы, слегка «обтесанные» технократической культурой, варвары и крайние дегранты, в мысли которых не было даже намек на разум.

...

Бессознательное влечение, в нашем понимании, помимо чисто ассоциативного восприятия в чувственном опыте различных психических реакций человека, имеет и трансцендентную природу влечения к смерти, которое возникает в результате конфликта животного и духовного начала души. Представление, в котором не задействовано высшее психическое усилие души, то есть, скажем, прямо, высший инстинкт, становится недействительным по отношению к разуму. Так, можно сколько угодно рассуждать о праве, законе, государственной необходимости и других категориях объективного разума, но если в глубинах человеческой психики отсутствует активность ее высшего начала, то все эти рассуждения будут плодом пустого воображения, которое не имеет никакого отношения к реальности, поскольку не подкреплено действием разумной воли. Без усилия высшей психики содержание разумной мысли не возникает, хотя может возникать определенный схематизм рассудка, когда мысль человека становится безудержно быстрой и эмоциональной, но эта быстрота протекает вне разумных движений души. Именно эта спонтанная безудержность легкомысленных суждений дает богатый материал интеллектуальному воображению и составляет основу современной технократической культуры и массовых ценностей. Мы полагаем, что в истории философии впервые в полной мере она раскрывается у Юма.

Современное массовое сознание практически полностью погружено в мир интеллектуальных грез и фантазий, построенных на эмоциональной активности низших слоев психики, где принцип удовлетворения чувством обладания материальными благами ликвидировал эстетическое восприятие, как основу действия разума. Здесь отсутствует предпосылка подлинного эстетического созерцания, бескорыстный принцип познания бытия, когда подъем души возникает не от механического обладания объектом, то есть в процессе чувственного удовлетворения, а от прямо противоположного душевного состояния, которое проистекает из того, что сакральной полнотой бытия обладать невозможно. И действительно, невозможно обладать сакральной силой бытия, в которой участвует человеческий дух. Этой трансцендентной сферы бытия человек касается в своем бессознательном инстинкте смерти. Объект ускользает в определенную «кривизну» психического усилия, воздействуя на волю со стороны субъективного сознания отсутствия здесь материального мира, где топологический первообраз разума характеризует субъективное сознания «Я».

Окружающее нас злоеущее небытие массовой цивилизации, безусловно, должно быть слишком ярким в крикливой бессмысленности обыденных образов, красок и представлений, чтобы оградить человеческий разум от возможного пробуждения в понимании исторической истины события. Мы видим вокруг себя мир, наполненный образами картин Гойи, в которых полуживотное существо человеческой души выражает социальную реальность. То, что это полуживотное существо души пребывает в интеллектуальном пространстве многообразных социальных целей и интересов, то есть различных психических реакций низшей психики, никак не снимает проблему безумия человеческой души. Так, идея вечного возвращения, определяющая топологические свойства исторического разума, состоит в том, что всякая историческая

цивилизация возникает из определенного топологического «ядра» высших ценностей. Однако современный разумный человек в России чувствует себя в социуме соучастником огромной воровской малины, ядро которой исторически зародилось здесь, как мы полагаем, еще в петровскую эпоху, но государственных масштабов достигло после 17 года. Понимание этого исторического времени как Темных Веков дает возможность осмыслить происходящие события в соответствии с топологией мирового исторического разума.

Чтобы видеть будущее российской цивилизации, необходимо адекватно оценивать ее настоящее. Понятно, что варварство Темных Веков определено задачей биологического выживания племенного человека, который, собственно, не знаком с разумным правом, проистекающим из утверждения элементарной полноценности человеческой души в качестве основы действия индивидуальной воли. С другой стороны, варварство имеет два момента: один, чисто негативный, связан с отсутствием в исторической культуре объективной позиции разума, а значит, возможности действия разумной воли в политической жизни государства; второй момент определен потенциальными возможностями самой человеческой души, защищенной, в силу своей грубости, от воздействия деструктивных процессов цивилизации эпохи распада.

...

Чтобы сознание человека было способно возвратиться к разумным движениям души в историческое безвременье нашей эпохи, необходимо наличие в душе активности высшей психики, которая не может являться механической реакцией. В механической реакции психики, которая ассоциативно передает информацию об объективной реальности, сознание «отключает» высшие психические центры, мешающие сосредоточиться на полном слиянии рассудка с анализом информации о природе механических явлений. Собственно, в основе этих представле-

ний о природе, как универсальном механизме, мы находим метафизическую интуицию, возникшую в европейском Средневековье, в котором земные цели живых существ имеют взаимообусловленное поведение из одного контролируемого центра, бога. Однако, исходя из современного понимания разума, который формировался в основе последних исторических событий, мы полагаем, что высшее начало, из которого произошел мир, не контролирует многообразие явлений, предоставив их самим себе, то есть бытие, метафизически, является хаосом внутренне самоопределяющихся процессов.

...

Чем более настойчиво современное массовое общество механически структурирует жизнь людей и внутренних процессов цивилизации, тем меньше находим мы разумности во всех этих усилиях, поскольку эти усилия направлены не на разумные мотивации людей, а на формирование в человеческой психике максимально устойчивых бессознательных блоков по отношению к возможной активности высшей психике. Подобные блоки конструируются как бессознательное требование не доверять психическим импульсам, которые нельзя идентифицировать как механические процессы. Это бессознательное требование имеет свое происхождение в основе глубокого конфликта между научной мыслью и религиозным восприятием реальности, в котором сложились принципы классического западноевропейского механического представления о мире. Так, сознание существования духовной реальности было ликвидировано в результате беспощадной идеологической войны науки и религии. Однако, как это всегда бывает в беспощадной войне идеологий, после разрушения единой религиозной системы представлений, непрерывно и постоянно воздействующей на сознание человека с момента рождения и до момента его смерти, ей на смену пришла новая мифология. Суть этой новой мифологии состояла в исключительной единствен-

ности существования материальных процессов, когда сам феномен духовной реальности был постепенно ликвидирован. У Ницше мы находим уже утверждение исчезновения традиционной духовной реальности, которую он констатировал в известной фразе «бог умер». С другой стороны, очевидно, что факт исчезновения представлений о традиционной духовной реальности не является исчезновением ее самой, а лишь требованием глобального переосмысления ее существа.

...

Чем же является духовная реальность за пределами теологических представлений? Другими словами, что есть сакральное переживание в человеческой душе не в системе обыденных представлений? Собственно, в отношении всех земных целей людей, это есть, следуя ницшеанской философии, ничто, отсутствие содержания, которое существует в импульсе воли, проистекающем из кванта высшей психики. В этом случае возникает топологическая картина исторической реальности, в которой дух выражается как материя, а материя, наоборот, как дух, поскольку кванты высшей психики, побуждающие волю к действию, реализуются в качестве тензоров топологического пространства исторического времени, где отсутствует их сведение к повседневности знакомых представлений о реальности. Топологический элемент этого пространства есть тензор-реальность. Эта связность топологических структур разума не является механической, эмпирически знакомой реальностью. Очевидно, что эстетическое созерцание остается здесь единственной путеводной нитью в постоянном разрушительном действии квантов высшей психики, переносящих психическую энергию инстинкта смерти от первообраза мирового разума к непосредственному его движению в душе человека. Именно поэтому мы никак не можем полагать одинаковыми бессознательные мотивы поведения людей высшей культуры и мотивы поступков какой-нибудь средне-

статистической домохозяйки. Их бессознательная основа влечений уже в самом непосредственном своем волеизлиянии имеет бесконечную пропасть. Однако именно эта среднестатистическая модель человеческой психики и стала основой понимания человека в массовой культуре, основой догм представлений о ее психофизиологической сущности. Таким образом, уже на уровне первичных бессознательных импульсов воли происходит дифференцирование ценностей сознания людей, когда возникают тензоры границы активности разума в человеческой воле. Активность разума в душе, как мы полагаем, прямо зависит от интенсивности высших слоев психики, то есть способности мысли протекать в тех слоях, в которых доминирует эстетическое созерцание объекта.

Любая система ценностей определяется как собственной мифологией сознания, так и безусловным отрицанием другой мифологии. Например, если научная мысль утверждает в качестве основы своего существования непосредственное чувственное восприятие человека, то, очевидно, она никак не может полагать, что эмпирический факт есть определенный образ мифологии сознания. Аналогичным образом существует и религиозная мысль, в которой доказательство существования бога и всей духовной реальности обосновывается, наоборот, недоверием к материальному миру, который является мифологическим, то есть проистекающим не из первого, духовного источника сознания, а из непосредственного восприятия органов чувств. Последние столетия можно было наблюдать, как эмпиризм непрерывно теснил всякие попытки религиозной мысли отстаивать духовную реальность, когда единственность существования того, что «есть в чувствах», сводилась к тому, что в чувствах присутствует только сознание материальной реальности. Но именно вопрос о существовании материи и стал ареной идеологической борьбы разума и безумия, поскольку трансцендентная материя разума, очевидно, не могла поддаваться логике ме-

ханической мысли, то есть сводиться к каким-то точечным центрам силы: богу, всемирному тяготению и социуму. Противоречивость восприятия, как мы полагаем, возникла в определении существа границы интуиции и сознания в представлении о реальности. Механицизм оказался ограниченным не только в эмпирических представлениях для понимания новых границ Вселенной и микромира, но и самой природы человека, то есть в различении бессознательного и осознанного в человеческой душе. Так, собственно, у Ницше и Фрейда были исторически заявлены две диаметрально-полярные концепции бессознательного: разрушительные («злые») центры человеческой психики, связанные с инстинктом смерти, и конструктивно-социальные («добрые»), побудительные силы психики, в сексуальной энергии либидо. Кардинальное различие в понимании человеческой души состояло здесь в том, что у Ницше утверждалось, что строение психики человека высшего типа принципиально отличается от психической активности среднестатистического человека. Однако эти учения, в которых принципиально различно понималось действие человеческой психики, пересекаются в интуиции топологии бытия, то есть в понимании пластической, а не механической, картины сознания реальности. И если философия Ницше утверждала, что событиями мировой истории движет воля человека высшего типа, то психоанализ утверждал нечто обратное, а именно то, что культура есть определенное отклонение от животной непосредственности человеческой души, то есть явление случайное по отношению к сущности разума. Понятно, что в психоанализе отчетливо прослеживается точка отсчета биологического эволюционного происхождения человека.

...

Массовый социум, в нашем понимании, является структурой, построенной, в первую очередь, на животных потребностях человеческой души, где даже цен-

ность познания определена в исключительно биологической основе. В подобной социальной системе, легко заметить, что любое живое разумное движение человеческой души является неуместным, так как не вписывается в неполноценность психической активности массовых инстинктов. Активность этой психической аномалии здесь необходима, чтобы каким-то образом создавать многообразие пустых абстракций, нагромождающих в воображении массового сознания из ничтожных человеческих целей какую-то значительность и содержательность. Так, низший тип человека практически полностью ликвидировал в системе массовых социальных ценностей любое упоминание о том, что составляло базовые основы разумной культуры: представление о чести, о долге, о бескорыстной ценности познания. И если восстание рабской природы в культуре, начавшееся в период буржуазных революций, еще каким-то образом несло отчетливое различие между разумной и животной основой человеческой души, то в конце XX века, когда в западноевропейской цивилизации исчезли практически все проблески разума, бессмысленность существования была возведена в ранг единственной ценности жизни. Образ жизни *quasi homo* стал непререкаемой социальной «нормой», в которой, наоборот, высшие ценности стали полагаться «отклонением» от нормы. Понятно, что варварские народы все копировали, привнося в эту бессмысленность существования особенность своей национально-исторической культуры. И здесь логика марксизма, который требовал, чтобы механический процесс производства воспринимался как основа развития мировой цивилизации, вполне закономерна, поскольку эта логика лишь стремилась снять уже ненужный комплекс абстрактных моральных положений буржуазной культуры, обнажив его очевидную неразумную сущность. Ведь марксизм практически всю мировую историю «мерил» коллективной энергией инстинктов масс,

то есть все исторические классы мировой истории рассматривались у него именно как массы людей, способные производить какие-то материальные блага. Так, и высшая аристократия, и дворянство, и духовенство, как «малопроизводящие» классы, рассматривались в марксизме с позиции «непродуктивных» классовых сил, хотя сословное общество никогда не являлось отображением массового сознания. Массовое сознание, как мы полагаем, является следствием возвращения человека к племенной психологии, которая, впрочем, никак не мешает развитию научно-технического прогресса, поскольку его достижения строятся на эмпирическом сознании.

...

Наблюдая, как варвары и торговцы перебраниваются по поводу «демократичности» выборов, свободы слова и других либеральных ценностей, мы понимаем, что обе эти неполноценные психологии человека лишены объективного понимания разума в современную историческую эпоху. Собственно, здесь в полной мере реализуется забвение разумной оценки исторической ситуации, когда полноценные начала человеческой души исключены из политической жизни массового социума. Для нас, очевидно, что политические силы, развившиеся из откровенно антирусских элементов большевистской орды, никак не могут выражать преемственность с историей развития государства Российского. По существу, вся эта неполноценная порода людей лишь естественно перетекла в ряды «предпринимателей» и новой политической власти, оставив для всех жителей России вместо ощущения государства ощущение огромного кочевого стана, где незаконные и законные бандформирования грызутся за власть и собственность. Это для массового сознания можно декларировать различные мифы по поводу реальности современной исторической ситуации в России, тогда как для разумного человека ситуация воспринимается вполне адекватно.

Упорство русских, которые не принимают традиционного рационализма западноевропейской культуры, состоит в интуитивном понимании подлинной сущности разума, уходящей через византийское православие к античной культуре. Античная эстетика определена топологической сущностью исторического разума. Эстетика, по существу, определяет неповторимость исторической сущности объективного разума, то есть бескорыстный принцип познания. В этом смысле земные чувства, испытываемые человеком в постоянной заботе о хлебе насущном, о своем быте, о безопасности жизни и другие социальные проблемы, которые определяют массовое сознание, существуют за пределами эстетического восприятия бытия. Собственно, именно потому античное сознание сакрального мира не могло приобрести массовый характер, в отличие от монотеистической религии, что оно отрицало существование одинаковой меры разума в каждом человеке, поскольку онтологическая мера здесь осознавалась эстетически. Однако эта особенность национальной русской культуры существует в глубине процессов нравственного развития человеческой души, тогда как в реальной политической жизни, как это свойственно всем Темным Векам истории, здесь доминирует вор и дегенерат, то есть неразумный человек.

...

Проблема адекватной исторической оценки современной ситуации, как в России, так и во всей европейской цивилизации, состоит в исчезновении активности разума в ее политической системе. Известная мысль Платона о том, что психика низшего типа человека подобна нитям, через которые невидимый кукловод, дергая эти нити, управляет ими как бездумными механизмами, вполне соотносима с теорией психоанализа, утверждающего, что либидинозные связи в подсознании, эти нити животной души, определены исключительно инстинктом выживания, где наиболее сильный инстинкт, сексуальный, опре-

деляет социальное массовое сознание. Однако топология высшей психики, то есть топологические «линии» разума, иные, чем животные влечения души, поскольку не проектируются в сознании на конечные цели людей. Вообще, отличие племенной психологии от зачатков патриархальной психологии состоит во власти над человеческой душой животного существа, в первом случае, и доминировании разума различного уровня развития, во втором. Ведь даже первобытный разум, когда мы рассматриваем эстетику первобытной культуры, требует сознания бодрствования разума, то есть выхода из состояния его забвения в животной непосредственности души. Человек, как часть природы, то есть низшая психология человека выражает животную непосредственность человеческой души, лишенную разумной активности психики. Этот принцип «возврата к природе», культивируемый французскими сенсуалистами, по существу, и являлся тем восстанием «рабов в морали», который в наше время стал тотально определять нравы массовой психологии человека. «Восстание» состояло в том, чтобы возвратиться к состоянию души матриархальной культуры, где «мать», вечная природа, не требует от человека быть наедине с первородным инстинктом смерти, в котором неизбежен вопрос о происхождении не только материального, но и духовного начала души. С другой стороны, процесс вечного возвращения как раз и состоит в мировой истории в том, чтобы в подсознании человека постоянно восстанавливалась симметрия, то есть результатом истощения высшей психики становилось возвращение его к животной непосредственности души. Мы не можем измерять сущность исторического события усилиями человека, в которых он добивается своих конечных целей, не связывая их с разумным началом мира. Повторим еще раз нашу позицию в понимании технического прогресса. Его деятельность, несомненно, относится к активности матриархата, который активизируется в период расовых катастроф в истории

человечества, то есть к культу производства, аналогом которого в человеческой жизни, на подсознательном уровне является физиологическое стремление женщины — рожать детей. Собственно, массовое, почти уже патологическое ослабление этого инстинкта у женщин в высокоразвитых технологически странах, обусловлено бессознательным психологическим переносом этого естественного состояния женской физиологии на активность технического прогресса.

В анализе последнего опыта философской мысли в истории, которая обращается к подсознательным движениям воли в человеческой душе, мы полагаем, что само действие воли никогда не изучалось в классической философии с позиции ее наиболее разрушительных импульсов. Постановка этого вопроса, принадлежащая мысли Шопенгауэра, очевидно, состоит в необходимости различать эти импульсы в сфере метафизической реальности. Причем, если под «метафизикой» ранее понималась механика строения бытия, которую научная мысль «отвоевывает» от религиозных представлений, то, начиная с философии Шопенгауэра, философская мысль обнаруживает первые контуры топологии разума. Они выражаются в качестве конфликта высших импульсов психики с метафизическим представлением о монотонности процессов природы, где ее экстремальные состояния рассматриваются как отклонение от принятой «нормы». В новой метафизике, наоборот, монотонные процессы начинают полагаться отклонением от «нормы» экстремальных процессов, то есть, вообще говоря, ее естественного состояния хаоса. При этом человеческая воля, в соответствии с монотонными процессами природы, рассматривалась в классической философии как социальная категория, то есть как психологическое состояние души, обусловленное ее инстинктом выживания. Однако в том и состоит существо новой философской традиции мысли, которая развивалась у Шопенгауэра и Ницше, что подлинная воля

человека не связана с его инстинктом выживания в социальном смысле. Если мы и рассуждаем о каком-то «выживании», то только в качестве постоянного процесса различения человеческого разума от его животного существа, то есть «выживания» живой мысли в среде социального слабоумия своей исторической эпохи. В этом смысле, очевидно, воля разрушает забвение разума через агрессивное состояния высшей психики, направленное против монотонности естественного животного состояния души. Причем, разумная мысль, собственно, может структурироваться первоначально только в качестве эстетического созерцания. Другими словами, эстетика сознания отображает действие разума, логика которого исключает «монотонные» ассоциативные связи суждений рассудка.

Таким образом, мы полагаем, что в стихийных движениях бессознательных мотивов воли существует трансцендентная основа разума высшей психики человека. Ее действие практически никак не связано с механическими импульсами психики, которые обусловлены инстинктом выживания. Поэтому само понятие «практический разум» в системе высших ценностей бессмысленно, хотя именно это действие механического рассудка и стало единственной основой активности поверхностного мышления в массовой цивилизации. Вообще, с точки зрения различных подходов в понимании сущности исторического разума, в традиции европейской философии победил эмпирический рассудок, то есть сфера суждений, которая имеет к разуму исключительно косвенное отношение, а именно, лишь констатирует факт текучести многообразия процессов бытия, наличие которых подтверждается опытом. Однако метафизическая сфера бытия, где действуют трансцендентные силы реальности, в чувственном опыте не подтверждается, поскольку экстремальное состояние человеческой психики, наоборот, указывает на разрывы чувственных ассоциаций, где конструируется механическая мысль. По-видимому, сами основы чувственных ас-

социаций формируются в процессе дифференцирования подсознательного инстинкта самосохранения животной основы души. Животная активность души в период расовой катастрофы становится максимальной, возвращая человека к психологии матриархата. В это время, с одной стороны, предельно активизируются разного рода нравоучительные размышления, но, с другой, сами нравы начинают выражать в поведении человека подсознательные инстинкты племенной психологии, которых не коснулся разум. Ведь разумные движения души в той или иной степени отображают расовый опыт ее развития, то есть взаимосвязь сознания с трансцендентной сущностью реальности.

Если Гегель полагал, что система метафизических тензоров разума есть система разумных понятий своей исторической эпохи, в которых воля человека реализует проект мирового духа, то сама энергетическая сила мировой воли не была предметом его исследования. Гегель лишь описал «подвижность» каркаса линейного развития экстремумов интеллектуальных достижений исторического разума, не вникая в непосредственную сущность самого конфликта: между жесткой системой обыденных представлений и живой основой разумной мысли. Его понимание развития исторического разума вполне соответствует вере просветителей в безусловную победу человеческого разума в истории, тогда как наше понимание в большей степени проистекает из осмысления сущности исторического разума в ницшеанской философии. В ницшеанской философии происходит переосмысление исторической сущности разума в качестве отображения непосредственного действия глубинных импульсов воли, связанных с высшей психикой. Правда, это переосмысление происходит без использования понятия «разума», поскольку топология метафизики разума, очевидно, имея нелинейный принцип развития в мировой истории, определяет феномен расовой

катастрофы, когда действие разума в цивилизации становится минимальным, то есть практически стремится к нулю. В этот момент варвары и деграданты, уничтожая все проблески разума в человеческой душе, создают мифологию социальной культуры, которая исключает полноценность человеческой души. Главное же, в осмыслении топологической сущности метафизики разума состоит в том, что дух действует через физиологию человека как подсознательные потоки квантов высшей психики, «натягивая» в тензорах сознания волю человека на становление элементов бытия в их неуничтожимости. В вопросе разрушения разумом системы обыденных представлений, когда бесконечное множество ничтожнейших целей людей внутри социума становится забвением исторического сознания, следует осознавать, что разрушение этих представлений происходит в качестве восстановления, в первую очередь, памяти о всей исторической судьбе разума в мировой истории. Это восстановление протекает крайне болезненно для человеческой психики, поскольку сопряжено с концентрацией высших импульсов в подсознании в качестве неуправляемой в первый момент активности воли к разрушению.

...

Разумный дух мы понимаем не в качестве прямой противоположности материи, а скорее, как ее скрытую энергетическую основу во времени, где время «замедляет» края пространства неопределенностью многообразия постоянно повторяющихся земных целей людей. Ведь по существу все цели людей социально повторяются в различных исторических ситуациях в системе обыденных представлений, формирующихся низшей психикой человека. Эта, так сказать, «поверхность» топологии разума отображает ту линейность действий обыденного представления людей, которая не меняется с исчезновением одних цивилизаций и возникновением других. Она определена естественным существом человека, то есть его непосред-

ственными животными влечениями души, действующим в соответствии с инстинктом самосохранения. Животные же движения души суть тензоры психических реакций, возникающие вследствие веры в материальность мира как единственную достоверность реальности.

...

То, что принципиально доказывает отсутствие разума в современной технократической цивилизации, — это ее антиэстетический характер. Ведь эстетика есть область сознания, которая взаимосвязана с высшими психическими импульсами через созерцание трансцендентных элементов реальности, тогда как технократическое сознание полностью механистично. При этом, мы полагаем, что трансцендентные элементы сознания возникают в точках разрыва непосредственных чувственных ассоциаций как отображение топологической сущности разума, выявляющейся в качестве трансцендентальной реальности. К таковым относятся топологические понятия: бытия, сущности, духа, души, разума и других конфигураций метафизики топологических основ реальности, образующих, собственно, сферу философского мышления. Эти понятия являются топологическими сущностями, то есть элементами сознания, где оно имеет дело не со статическими представлениями, а с непрерывно изменяющимися топологическими моделями. Однако модели эти не механические, а эстетические, то есть отображают топологию умозрительной связи сущностей бытия. Если Кант, как известно, выводил законы трансцендентального мышления из невозможности разрушить абстрактно-логические противоречия рассудка, то, в нашем понимании, основы трансцендентального мышления существуют в особенностях действия сознания под влиянием высшей психики. Это сознание является предметом метафизического содержания бытия, которое выражает духовную прерогативу существования реальности, как человека в мире, так и сакральных сил в нем.

В известной метафизической формуле топологического сознания Ницше, «бог умер», мы находим начало отчетливой позиции топологии разума, которая проявляет себя через отрицание абсолютизации сакрального начала мира как такового. В истории культуры этот поворот мысли к отрицанию бога, очевидно, никак нельзя связывать с материалистическими учениями, поскольку под «смертью» здесь понимается исчезновение известных представлений о сакральном, но никак не отрицание его природы. Рассуждая рационально, мы должны полагать, что в новой метафизике бытия — то, что понималось под жизнью, должно рассматриваться как смерть, и, наоборот, то что утверждалось как смерть, как раз и является подлинной жизнью. Подобный кардинальный пересмотр базовых представлений о жизни и смерти прямо взаимосвязан с особенностями представления человека. Так, невозможно представить действие разума, сущности, духа и других моделей метафизической реальности как механические связи, как, например, они представляются в анатомическом строении человеческого тела. Чувственное восприятие не касается метафизики топологического объекта, поскольку субъективное сознание скользит не в потоке чувственных ассоциаций, а в сфере ассоциативных разрывов. Эти точки разрыва чувственных ассоциаций и формируют основу трансцендентального мышления. Однако, в нашем понимании, трансцендентальное мышление не является только абстракцией, которая, как научный метод, определяет, собственно, содержание мысли. В нашем понимании, трансцендентальное мышление оперирует определенными квантами реальности бытия трансцендентных элементов, которые, будучи пучками психических импульсов в точках разрывов непосредственных ассоциаций, указывают на бессмертное начало мира. Эти кванты и выражают тензоры мирового разума, который топологически пронизывает всю область бытия, составляя его границу с тем, что ограничивает представле-

ние о разуме каким-то прошлым историческим временем. Квант сознания топологического элемента разума формируется в бессознательных движениях высшей психики.

...

Способность суждения, как мы полагаем, прямо зависит от влияния подсознательных импульсов высшей психики человека. Попытка сделать мысль беспристрастной, то есть лишить ее оснований субъективного разума, неизбежно ведет к механическому течению мыслей, которые целиком и полностью строятся на импульсах низшей психики, то есть отображают действие наиболее прочных стереотипов представлений. Как известно, еще Лейбниц представлял себе идеальный интеллект в качестве вычислительной машины, которая не зависит от «смутных» движений души, протекающих в точках разрывов чувственного восприятия. Классическая западноевропейская философия попыталась определить онтологический аспект разрыва чувственных ассоциаций чисто научными построениями интеллекта, которые впоследствии развились в теорию математического анализа. Бог здесь постулировался как онтологическая «точка», то есть неделимость простейшего кванта разрыва ассоциативного восприятия, к которому различными последовательностями ассоциативных рядов «стягивалось» сознание реальности.

Выделяя принцип нелинейности высших психических реакций, мы прежде всего имеем в виду невозможность построения абстрактных рассудочных схем, которые могли бы описывать поведения системы психических реакций в точках разрыва чувственных ассоциаций. Человек не знает, что существует в этих точках, как и не знает, что происходит с его разумом после смерти. Он может бесконечно приближать свое понимание к этому пределу, однако каких бы тонких логических построений мысль не достигала в описании этого пограничного состояния психики, она все равно неспособна схватывать по ту сторону

в качестве собственной сущности. Таким образом, под топологией разума метафизики мы понимаем логику особой (высшей) психической энергии души, которая протекает в точках разрыва чувственных ассоциаций, не касаясь непосредственного чувственного опыта сознания. Эмпирическое сознание в топологической сфере разума недействительно, поскольку оно определено циркулирующей низшей психической энергией души, и, как следствие, не обладает способностью осознать разумные психические импульсы. Однако, как мы видим, вся современная технократическая цивилизация почти полностью построена на основе активности низшей психики. Сфера трансцендентного понимания топологии разума, хотя и не может быть представлена, тем не менее обладает максимальным влиянием на природу человека во всем, что касается системы высших ценностей: религиозных, художественных и научных. Таким образом, разум человека, проистекающий из разрывов чувственных ассоциаций, возникает в момент максимальной активности высшей психики.

Высшие импульсы психики формируются в подсознании человека в результате воздействия бессознательно-го инстинкта смерти на его животную часть души. Фактически, речь идет о воздействии тензоров пространства трансцендентного мира на мир эмпирический. Это начало, мировой дух, мы понимаем как область по ту сторону к эмпирическому восприятию, которая отображает психическую активность чувственных ассоциаций. Именно здесь формируются тензоры топологии разума, чье напряжение действует из сверхчувственной области сознания, которая проистекает как процесс воздействия на душу человека трансцендентного мира. Духовное начало бытия, которое выражает разумные позиции человека и культуры, постоянно меняет содержание своей основы ценностей. Ведь ценность и есть, собственно, тензор психики, ее высший или низший потенциал, в котором поток сознания отображает непосредственное дей-

ствии человеческой воли. Другими словами, область сознания есть результат топологического напряжения тензоров психики, как высших, определяемых в качестве трансцендентной сущности духовной сферы бытия, так и низших, которые протекают в области ассоциативно-чувственного восприятия.

Невозможность представления разума может быть осознана в различных вариантах понимания: как отсутствие разума; как отрицание разума; как его фальсификация, как это имеет место в массовой системе ценностей. Это обусловлено различным содержанием энергии высшей и низшей психики человека. Высшая психика, как мы утверждаем, вообще не имеет ассоциативного аналога конечной психической реакции. Она осознается как эстетическое удовлетворение. В низшей психике поток сознания движется от одной ассоциации к другой как своего рода наблюдатель, тогда как в высшей психике этот наблюдатель отсутствует. Единственным «свидетелем» наличия сущности бытия, в сфере топологии разума, является его полнота. Именно эта полнота, определяющая собой историческое развитие мирового духа, и выражает сознание разумной объективной реальности.

Мы должны понять основное, что характеризует разумное состояние души, — это ее присутствие в полноте бытия, то есть сознание бесконечного начала в потоке сознания течения времени, которое выражает точки разрыва чувственного восприятия. Мы лишь стремимся показать, что топология сознания феномена жизни, в действительности, сводится к эмпирическому факту только при допущении отсутствия в человеке высшей психики, кардинально отличающей ее от психики животного. С другой стороны, в эпоху расовой катастрофы, когда цивилизованные народы теряют адекватное понимание разума, а варвары еще не успевают его приобрести, именно вера в единственность существования материальной реально-

сти становится доминирующей. Это историческое время характеризуется резким возвратом массовой культуры к психологии матриархата. Требуется усилие нескольких поколений людей, чтобы возвратиться к осознанию прерогативы разума над животными влечениями. Массовая душа оказывается в это историческое время полностью «встроенной» в систему естественного состояния человеческой психики, хотя где-то в глубине ее расового существа может происходить напряженная работа по формированию нового духовного сознания реальности. Тензоры топологической природы разума, в отличие от сознания линейного процесса развития мировой истории, предполагают, что все в мировой истории повторяется с точки зрения развития основных структур цивилизации. Анализом этой топологии исторических форм мировой истории занимался Шпенглер, не затрагивая лишь вопроса о сущности самого разума в логике онтологических форм его исторического развития. Он анализировал процесс стихийного образования этих форм под влиянием высшей психики человека.

В действии метафизических процессов топологии основания разума существует импульс высшей психики, который имеет трансцендентную основу. Он ускользает в точку разрыва чувственных ассоциаций, которая указывает на выражение полноты бытия, являющейся условием активности разумных начал человеческой души. И наоборот, отсутствие этой полноты, то есть недостаточная активность высшей психики, исключает наличие способности рационального суждения, которое необходимо содержит эту полноту в качестве реальных противоречий бытия. Вообще, наибольшим противоречием рассудка, в нашем понимании, является противоречие между поверхностным суждением и суждением содержательным. Ведь логика поверхностного суждения строится на живости непосредственных эмоций человека, из которых возникла английская философия, являющейся поверхност-

ной мыслью, то есть мыслью наиболее близкой к низшим психическим импульсам. Для непосредственных чувств не существует сознания трансцендентной реальности, поскольку в этих восприятиях психические ассоциации очень жестко проистекают одна из другой. Проистечение этих реакций, в свою очередь, прямо взаимосвязано с инстинктом самосохранения человека, то есть его подсознательным стремлением любой ценой сохранить свое живое существо. Этот интеллект, очевидно, не может полагаться разумом.

...

Нелинейное движение психического импульса, образующего топологическую структуру разума, то есть субъективное сознание наличия духовной основы бытия, предполагает, что любое обыденное представление является относительным перед сакральным существом мира. В монотеистической религиозной культуре эти представления связывались с сознанием единой божественной силы, которая пронизывает мировую историю. Однако для нашего рационального сознания, очевидно, что культура монотеизма является всего лишь одним из множества расовых опытов человечества, хотя, вероятно, наиболее обобщенным и целостным в своем повседневном влиянии на непосредственную жизнь человека. Другими словами, определенный род высшей психики, на которой строилась монотеистическая религия, реализовав свою основу в цивилизации, постепенно исчерпал свои ресурсы. При этом культура западноевропейского Просвещения, как мы полагаем, строилась не на основе активности высшей психики, а на отрицании идеи ее существования вообще, поскольку только немецкий идеализм в некоторой степени попытался восстановить позиции разума как духовной основы человеческой жизни. Эта попытка, впрочем, протекала все в том же культовом отношении к научному знанию, то есть к его безусловному авторитету. Но поскольку начала западноевропейской науки закла-

дывались на основе эмпирического отношения к реальности, вся традиция западноевропейского идеализма развилась в пределах утверждения, что логика сознания бытия является определенной механикой научного процесса познания.

Наша онтологическая основа понимания бытия строится не на принципах научного знания, а на эстетике топологических тензоров метафизики разума. Впрочем, если культивировать единственность существования реальности в наших непосредственных ассоциациях, то неразумное будет являться «бытием», когда постепенно создается мифология ценностей, где вера человека в небытие становится целым комплексом навязчивых идей. Эти навязчивые идеи, как мы видим по воздействию массовой культуры, передаются через импульсы подсознания, которые «плавают» в низшей психике под влиянием его архаичного животного существа. В результате животная сущность человека приобретает абсолютную власть над всеми явлениями душевной жизни. В этом смысле высшая психика не относится к соматическим явлениям. Основание высшей психики, как мы утверждаем, формируется импульсами инстинкта смерти, которые и создают точки разрыва в непосредственном восприятии ассоциативного сознания. Группироваться эти точки разрыва могут только топологически, то есть их невозможно представлять как причинно-следственную связь, которая определяет эмпирическое понимание психики. Наоборот, чем более примитивна психика, чем более устойчива причинно-следственная взаимосвязь поведения человека и его побудительных мотивов. В этой культуре, очевидно, можно моделировать поведение человека в силу максимальной приближенности его сознания к животному существу души. Собственно, на основе этих причинно-следственных связей строится массовая психология человека, которая в онтологическом смысле является низшей психологией.

Таким образом, кризис современного развития мировой цивилизации состоит в том, что в ней стал тотально доминировать человек низшего типа, то есть человек, доверяющий исключительно своим бессознательным импульсам низшей психики. Понятно поэтому, почему, например, доверие методам психоанализа в понимании душевной жизни человека вытеснило влияние традиционной религиозной веры в массовом обществе, — низший тип человека не в состоянии верить в наличие психических процессов, которые бы выходили за пределы социальной реальности. Социум, этот абсолютный культ низших ценностей, фактически исключает существование мотивации человека, которые не отображают причинно-следственные связи эмпирического сознания. Вследствие этого, разум, как полноценная стратегия развития мировой цивилизации, в массовом обществе отсутствует. Вместо этого в ней доминируют неразумные стихийные процессы развития. Здесь, собственно, хозяином себя в полной мере чувствует человек низшего типа (то есть человек неразумный), который ни на что другое не способен, как производить какие-нибудь материальные ценности, в чем он, собственно, и находит оправдание своего существования. В этом смысле английский эмпиризм стал базовой основой современной технократической цивилизации, где основными аргументами являются только авторитет эксперимента, а именно, обобщенный опыт ассоциативной реакции психики на какое-либо явление. Но в высшей психике именно сложные феномены сознания берутся за основу. Таким сложным феноменом сознания высшей психики мы полагаем инстинкт смерти, который порождает в человеческой душе кванты психической энергии, формирующие ее индивидуальную духовную активность. Импульс воли, в нашем понимании, есть топология бытия, которая является разумной, если в ней присутствуют кванты высшей психики, и неразумной, если эти кванты отсутствуют. Процесс производства квантов психики, как низших, которые существу-

ют в сфере непосредственного чувственного восприятия, так и высших, проистекающих из их разрывов, состоит в реализации действия разумной воли как онтологического потока сознания бытия. Этот поток, как время, становится основой производства различных побудительных мотивов воли, как конечных, обусловленных чувственных восприятием реальности, так и сакральных, которые не сводятся к таковым. Значит, хотя разум и не представляем как чувственная реальность, он существует как комплекс топологических структур потока времени, воздействующего на бессознательные движения человеческой души в качестве сакральных импульсов эпицентра мирового духа мировой истории. Эти импульсы суть определенная связность топологических структур сознания реальности трансцендентного бытия, которая, в отличие от чувственной реальности непосредственного восприятия, выражает разумную действительность, то есть действительность, где действие воли соотносится с его неуничтожимым началом. Здесь, во-первых, существует трансцендентная реакция психических импульсов, протекающих во взаимосвязи с инстинктом смерти, во-вторых, как следствие, трансцендентальная реальность разума, которая отображает топологию исторического события в качестве истории развития мирового духа в судьбе человеческой цивилизации. Разум, таким образом, существует в постоянном антагонизме с животным началом человеческой души, где борьба низших и высших импульсов не утихает никогда, ни в какие исторические эпохи, ни в душе варвара, ни в душе цивилизованного человека. Вопрос состоит лишь в развитии этого разума по отношению к высшим ценностям, поскольку фальсификация сущности разума в системе низших ценностей происходит постоянно, и постоянно необходимы усилия интеллекта, чтобы «очищать» подлинное содержание разума от попыток отождествить его с разного рода поверхностными позициями рассудка.

...

Если животная энергия человеческой психики расщепляется как биологический инстинкт самосохранения, то духовная энергия души реализуется как разумное существование человека. При этом мы должны отбросить ложный стереотип представлений, доминирующий в массовой культуре, утверждающий, что разум необходимо обусловлен наличием в мысли научного знания. Наука, в действительности, как это справедливо заметил Шпенглер, является областью упадка действия исторического разума в человеческой душе, который имеет своей начальной точкой высшую реализацию разумных ценностей, а конечной точкой — крайнюю деградацию душевной жизни и практически полное угасание разумных движений души. Ведь разумные движения души строятся на импульсах высшей психики, которая суть активность духа. Другое дело, что понимать под существом самого духа. Мы понимаем дух как воздействие подсознательного инстинкта смерти на мотивации поступков человека, то есть как стремление его бессмертного существа к первоначальному, которое временно пребывает в его теле. Понятно, что в антропологическом смысле человек является антиподом животного, по крайней мере, разумный человек. Если же в культуре начинает доминировать низший антропологический тип человека, то животная активность психики становится базовой для всех областей цивилизации: в искусстве, в политике, в науке. Ведь антропология, в ее разумном содержании, выражает принципиальное отличие человека от животного, когда мотивации целей рассудка выводятся из иной, чем биология, системы жизненных интересов. Однако низший тип человека, то есть человек, в котором действие разума практически стремится к нулю, мотивирован именно биологическими целями своего непосредственного образа жизни. В этом смысле массовый тип человека является рабом в неизмеримо большей степени, чем средневековый человек, поскольку его «свобода» животных влечений и соответствующих им по-

верхностных мыслей, реализует в нем практически полное отсутствие разумных целей существования. Было бы наивно полагать, что манипуляциями массового сознания занимаются люди, обладающие более высоким интеллектом, — это такие же quasi homo, но только выражающие определенные клановые интересы доминирующих политических групп массового общества. Здесь отсутствует то, что указывает на какое-то влияние объективного разума, как, например, это имело место в воздействии на римских пап живописи и личности Микеланджело. Сознание этих людей находится, во-первых, под властью животного инстинкта выживания, а во-вторых, фантазий различных политических шаманов, которые, в силу отсутствия влияния каких-то разумных движений в собственной душе, болтают любой бессмысленный вздор, который им взбредет в голову.

...

В основе действия разума в человеческой душе в первую очередь должен лежать эстетический принцип созерцания. Здесь практически все крупные философы сходятся: Платон, Кант, Гегель, Шопенгауэр, Ницше. Эстетическое сознание, в нашем понимании, есть состояние души, которое, с психоаналитической точки зрения, строится в местах разрыва чувственных ассоциаций, когда возникает возможность созерцать трансцендентный мир в качестве умозрительной реальности. При этом следует понимать, что действие как мировой разумной исторической воли в полноте сакральных сил духа, так и отдельной разумной воли человека состоит в становлении начального импульса психики из отрицания небытия, то есть отрицания конечности материального мира. Небытие должно быть «разорвано» внутренним волевым усилием духа, который открывает разумный мир в сознании действия топологических элементов. Эти элементы суть тензоры сознания реальности, образующие ее связность.

Субъект разумного духа формируется тензорами топологии бытия как реальная объективность высших ценностей. Ведь низшие ценности, очевидно, реализуются в непосредственном восприятии в качестве наличия чувственных ассоциаций, на которых строятся обыденные представления, то есть фактически на уровне социальной мифологии. В какую бы историческую эпоху мы не рассматривали эту мифологию, везде обыденные представления утверждаются как что-то социально незыблемое. Социальное сознание само по себе является примитивнейшей мифологией низших ценностей, которые образованы верой в безусловную первичность материальных элементов.

Попытка Канта доказать наличие трансцендентного мира от противного, то есть фактически на основе логических противоречий рассудка, лишь усиливает позиции обыденных представлений в реальности. Только с этого момента эти обыденные суждения формируются не на основе представления о блаженстве в загробном рае, а на основе предмета удовлетворения своих чувств в земной жизни, в качестве безусловного утверждения, что каждый человек стремится к счастью. В результате современная массовая психика получила тот базовый антропологический принцип представлений, в котором утверждается, что человек является в первую очередь животным, а уже затем мыслящим существом. В действительности, как мы полагаем, эти представления строятся на бессознательном доминировании психологии матриархата, когда высшая раса теряет психические ресурсы своего волевого импульса в действии исторической необходимости. Последняя основа этого культа, эмпиризм, в конечном счете уничтожила основы современной науки, ставшей в последнее время прибежищем этих поклонников культа, вытеснив минимальную среду разумных людей, на влияния которых научная мысль, собственно, развивалась. В силу этого катастрофический отток разумных лю-

дей из научной среды привел к такому ее составу, который вполне можно сравнить, по своей реакционности по отношению к разуму, со средневековой средой схоластов, противопоставивших свои эмпирические догмы представлений всякой альтернативе разумного понимания реальности. Целостность понимания бытия здесь подменяется его максимальным упрощением подобия механическим структурам. Но разумный дух является метафизическим топологическим потоком во времени, который невозможно представить в качестве механизма, поскольку большая часть его реальности ускользает в трансцендентную сущность бытия.

...

Конечные цели человека запрограммированы системой обыденных представлений, где доминирует его инстинкт самосохранения. Но максимальный импульс воли инстинкта самосохранения способен лишь на то, чтобы создать очень жесткую систему социальных отношений, в которой практически полностью исключена эстетическая основа восприятия, поскольку она не способствует полному погружению человека в систему механического труда. Эстетическое созерцание отвлекает от механических ассоциаций, которые формируют в душе *quasi homo* его основу функционирования психики. Ведь здесь мы должны постоянно помнить, что генетически *quasi homo* сформировался как потомок рабов и варваров, то есть лишен бессознательной взаимосвязи с духовным наследием нации. Этот факт подтверждается в массовой цивилизации повсеместно, когда условием удачной политической или предпринимательской карьеры в массовом обществе является условие неполноценности души. Нужно быть «своим» в этой среде *quasi homo*, которая образовалась в последние десятилетия как политическая система охлократических ценностей. Активизация политической активности разумного человека есть основная задача современной стратегии объективного разума. Только когда

в социуме присутствует топология исторического разума, этот социум обладает внутренней пластикой, способной к изменению его основы в сторону сохранения активности полноценных начал человеческой души. В этом случае в социуме существует политическое право разумного человека.

...

В нашем понимании, массовые и расовые психические импульсы души кардинально различны. Понятно, что и расовые и массовые психические импульсы составляют общую сумму импульсов всей полноты душевной жизни человека, однако доминирование в сознании проекций этих импульсов выражает различную ориентацию конкретных целей людей в реальности. В первую очередь различны бессознательные начала этих импульсов, когда расовое существо человека образовано метафизической рациональной структурой бытия, а массовое существо — потоком чувственных ассоциаций соматической части души. Последнее в философии мы относим к началам английского эмпиризма, в силу чего он, собственно, и получил такое широкое распространение в мире как основа массовых ценностей. Полное доверие своим непосредственным чувствам определяет сознание, что человек есть продукт природы, со всеми известными теориями, обосновывающими этот факт. Таким образом, именно английский эмпиризм стал основой современной идеологической машины массовых ценностей, в которых низшая психика человека практически полностью ликвидировала все ее высшие психические движения. В результате психология *quasi homo* распространилась на всю массовую цивилизацию, поддерживаемая доминирующей политически массовой культурой США. Низший тип человека, как мы видим, в качестве политического клоуна стал рупором бессмысленных с позиции разума заявлений о приверженности демократии, когда вместо ее реального существа везде мы видим: либо откровенное вар-

варство политической власти, либо откровенную политическую охлократию. Понятно, что многочисленные политические шаманы распространяют этот бред на массовое сознание, то есть на сознание, в котором отсутствуют элементарные проблески разума. Именно небытие человека фактически определяет его реальное существование в массовой цивилизации с точки зрения разума.

История западноевропейской философии, как мы полагаем, заканчивается на философии Ницше. Дальнейшие интеллектуальные построения, которые объявляются «философией», уже нельзя полагать философской мыслью в подлинном смысле этого слова, поскольку философия бескомпромиссна по отношению к различию между сознанием бытия и небытия. Ведь история разума, в отличие от истории всей интеллектуальной культуры исторического прошлого человечества, состоит в осознании границы познавательных способностей разума от непосредственной жизни животной части души. В этом смысле «звериное» в глубинах психики, Ницше противопоставил в человеке откровенно животному началу человеческой души. Оно состоит в непосредственной, бессознательной границе между ощущением бытия и небытия. Это «звериное», «хищное» начало человеческой души, очевидно, не имеет социального происхождения, то есть не относится к стадной психологии, на которой строится массовый социум. Собственно, сам топологический момент познавательной способности разума заложен в этой разрушительной для непосредственных чувств системе «хищных» инстинктов. При этом, в нашем понимании, утверждение инстинкта самосохранения у Ницше имеет совершенно иное, чем в животном существе человека, рефлекторное действие. Оно прямо ему противоположно, а именно, состоит не в том, чтобы сохранять непосредственность животной жизни, а в том, чтобы утверждать здоровые начала человеческой души любой ценой: в войне, в искусстве, в политике, то есть во всех областях

культуры. В этом смысле здесь самосохраняется не биологическая жизнь как таковая, а ее высшие психические ресурсы, которые производят взаимосвязь сознания с сакральным существом мира.

...

Прошлое человечества не исчезает полностью, оставляя после себя интенсивные очаги воздействия духовной энергии ушедших поколений на психическую организацию современного человека, поэтому всегда происходит постоянное возвращение к этому духовному резервуару в подсознании, которое сосредоточено в бессознательном инстинкте смерти. В эпоху расовой катастрофы происходит значительная трансформация этого опыта, то есть топологическая реконструкция всей области подсознания человека. Это, собственно, онтологическая реконструкция сущности бытия в его рациональной основе, которая имеет расовый принцип. Именно этот принцип существует в перспективе развития новой цивилизации, которая должна сменить охлократические социальные институты современного массового общества.

Уточним еще раз нашу позицию в понимании реальной сущности разума, то есть понимания того, что такое разум в современном историческом смысле этого слова. Если до недавнего времени научный авторитет высказываемого суждения был гарантией того, что определенная мысль имеет отношение к разуму, то в наше время этот авторитет утратил свою силу. Современная наука стала чем-то вроде огромной социальной секты, вступление в которую гарантирует выживание индивида в массовом социуме как «своего», то есть как часть всего этого неразумного образа жизни. При этом, как мы видим, исчезновение разума из определенной области авангардного развития познавательных способностей человека происходит постепенно. Так, иссякание минимума числа разумных людей в определенной среде приводит к тому, что эта область культуры становится, первоначально, равно-

душна к сложности явлений бытия, а затем и полностью замыкается на ограниченности своих представлений, которые она возводит в догму. Такой догмой стали христианские религиозные представления перед началом эпохи Возрождения, хотя очевидно, что орден иезуитов, как и другие христианские ордена того времени, имел в своих рядах минимум разумных людей своей эпохи, в среде которых, собственно, и выросли первые представители европейской науки. Причиной исчезновения этого тотального контроля над массовым сознанием системы религиозных христианских представлений своей эпохи стало, в нашем понимании, постепенное исчезновение наличия минимума разумных людей в религиозной среде, которые первоначально рассеялись, а затем начали объединяться вокруг сознания откровения нового мира. Это откровение формировалось в качестве эстетических символов веры эпохи Возрождения.

Если говорить о новом историческом понимании разума, то, несомненно, в первую очередь, мы должны рассуждать о философском творчестве Ницше и музыкальном наследии Р.Вагнера. Это последние рубежи сознания высшей культуры, которых достигла мировая цивилизация к нашему историческому моменту. То, что впоследствии уровень мировой рациональной культуры катастрофически падает, никак не упраздняет актуальность этих ценностей. Из всего наследия Ницше нас в первую очередь интересует его последовательная мысль о господстве человека высшего типа в мировой истории, которая пронизывает всю его философию, где впервые мировая история переосмысливается не в линейном развитии, а как топологический принцип, то есть как многообразие и разнообразие равносильных форм высших исторических ценностей. Другими словами, имеет место определенное круговращение, но не природное, а топологическое, подобное движению точки по окружности или шару, когда вечное в истории мыслится как созерцание определенной не-

подвижности сакрального в постоянном повторении развития цивилизации от начальной точки до конечной. Отметим самое главное, что характеризует топологию разума подобной повторяемости процессов исторических цивилизаций с момента их возникновения до момента упадка и исчезновения, — это отчетливость различия высших художественных форм, которые, собственно, и определяют непосредственный характер развития этой цивилизации. Художественная форма определяет топологию исторического духа своей эпохи, то есть характер развития ее субъективного и объективного разума, а также очерчивает контуры исторической воли разумных политических сил. И, наоборот, отсутствие этой формы характеризует имитацию разума, когда активность социального образа жизни масс *quasi homo* практически не имеет смысла с точки зрения разума. Одной из центральных идей философии Ницше, заявленной фактически против течения социалистических учений своего времени, была мысль о необходимости спасения не пролетария, а человека высшего типа. Понятно, что эта мысль явно диссонировала с наступающей идеологией равенства и братства людей. Действительно, актуальность этой мысли стала очевидной только в наше время, когда, собственно, общий уровень рациональной культуры стал катастрофически низким. Мы находим причины этого тотального слабоумия современной интеллектуальной культуры в практически полном исчезновении следов разумной мысли. А последнее, в свою очередь, есть следствие исчезновения влияния полноценных начал человеческой души в повседневной жизни человека. Наоборот, психическая неполноценность массовой души тотально культивируется как «норма» в образе жизни *quasi homo*.

В нашем понимании, массовой культурой создана психологическая атмосфера в обществе, которая практически полностью исключает влияние в нем разума на человека. И действительно, если учесть, что в массовом обществе

создан культ эмпирической реальности, с ее обществом потребления и верой в научно-технический прогресс, то не сложно понять, что сознание трансцендентной реальности, которая, собственно, предполагает высшие мотивы человеческой души бескорыстными, здесь исключено. Разумное сознание трансцендентного мира нельзя присвоить, как не присваивается сакральное начало бытия. Однако частная собственность стала своеобразным культом современной массовой цивилизации, где ценность человека оценивается не по его личным достоинствам, а по его финансовым возможностям. Так, в течении всего XX века в европейской цивилизации деградировала рациональная культура, когда постепенно ее политическая власть стала выражать не веру в разум, а доминирующую психологию лакеев и торгашей, их ценности и нравы, которые, очевидно, далеки от разума. При этом, если русская цивилизация практически исчезла в XX веке под ударами большевистской орды, то есть исчезла ее расовая основа, когда агрессивный неполноценный антропологический тип человека пришел на смену русской политической власти, то европейская цивилизация, фактически, исчерпала высшие ресурсы психической энергии, которые необходимы для активности разума. В силу этого, если русская культура погрузилась в Темные Века, когда мрачные, полудикие человеческие типы сменили живые русские характеры, то западноевропейская цивилизация опустилась до сознания проблем домохозяек, поскольку так мы понимаем психологию экономических вопросов современной цивилизации и культивирование ценностей охлократии под видом «демократии». Эти вопросы требуют для своего решения склада не мужского, а женского ума, и этот ум, конечно, вытеснил, собственно, мужскую психологию. Ведь только как тотальное торжество в культуре женской психологии мы можем рассматривать выводы психоанализа, в котором вытесненные сексуальные влечения определяются как движущая сила истории-

ческой культуры. Человек, в нашем понимании, не животное, поскольку мера его нравственного развития включает суровую границу моральных ограничений, связанных соприкосновением с сакральным миром. Именно поэтому все исторические аристократии были внутренне замкнуты, сохраняя свою расовую элиту, которая сквозь века отображала духовную основу нации и народа. И наоборот, массовая душа, которая характеризует психологию *quasi homo*, очевидно, стремится к максимальной «открытости» ничтожества своего существа, ибо ее содержание бессмысленно с позиции разума.

Сам феномен расовой катастрофы, который мы исследуем с онтологической точки зрения, определяет собой массовое резкое изменение полноценной психики человека в сторону ее неполноценности. Эта неполноценность не столь очевидна с точки зрения симптомов психопатологии представлений науки, однако становится очень заметной с точки зрения активности в ней разума, поскольку для действия разума необходим импульс высшей психики. Было бы наивно полагать, что для появления рациональной мысли достаточно определенного образования и некоторой тренировки ума, — для нее необходимо наличие активности высшей психики. А эти импульсы, как мы полагаем, взаимосвязаны с расовой основой души, которая уходит вглубь генетических особенностей человеческой природы в ее историческом развитии. Трансцендентные движения психики, собственно, и создают топологический поток сознания реальности разумного мира, тогда как логика обыденного мышления всегда движется по поверхности явлений, не проникая в их сущность.

В первую очередь, явление жизни и смерти является топологическим феноменом сознания реальности, когда смерть рассматривается не в качестве конечной точки жизненного пути, то есть линейной последовательности событий, а как одна из разновидностей многообразия бытия. Вообще анализ онтологической природы времени

показывает, что его линейная природа, отображающаяся в ассоциативной последовательности чувственного восприятия, имеет мало отношения к сознанию времени, которое требует понимания вечности природы духа. В этом смысле высшие движения человеческой психики не сводятся к прагматизму рассудка, который мыслит социально. Только низшие движения психики, в которых сознание строится на непосредственности инстинкта самосохранения, формируются социальной реальностью, а фактически, сознанием небытия. Можно спорить о терминах, характеризующих антропологический тип человека, в котором доминирует низшая психика. Мы дали ему определение тип *quasi homo*. В социальной психологии этот тип человека определяется как массовый, то есть рассматривается в качестве социальной «нормы» функционирования человеческой психики в массовом обществе.

...

Небытие разума есть основа функционирования системы массового общества, однако именно оно навязывается человечеству в качестве единственно-возможной исторической реальности. Очевидно, что такая ситуация сложилась постепенно, хотя уже в идеях французской революции можно найти предпосылки этого отрицания основ высшей психики, заложенной в сознании всеобщего равенства. Для нас ясно, что идея равенства возможна только в самых примитивных движениях человеческой души. По существу же, только идея неравенства определяет историческое сознание как разумную форму жизни.

Современный иррационализм массовой культуры, вероятно, есть следствие процесса расовой катастрофы, то есть подавления активности в душе человека высшей психики. Грань между эмпирическим и трансцендентным миром постоянно меняется в исторической культуре в соответствие с изменением субстанции сакрального сознания человеческой души. Ведь сакральное сознание постоянно ускользает в мощь непосредственного присутствия

бытия, которое бесконечно более полно, чем небытие. Только максимально заглушая в душе присутствие полноты бытия, небытие способно заставить верить в себя человека, то есть признать единственность существования материального мира как начала реальности объективных вещей. Многообразии онтологической реальности, в котором присутствует наш разум как соучастник мировых исторических событий, состоит в отрицании самостоятельности эмпирического мира, из существования которого целиком исходит массовая цивилизация. Это отрицание является необходимым усилением человеческого духа для утверждения разума в исторической реальности, поскольку наличие здоровых политических сил в мировой истории прямо пропорционально реализации в ней разумных основ души, то есть наличию высшей психической деятельности человека. Таким образом, дух есть процесс непосредственной трансформации естественного инстинкта смерти человека в активную высшую психическую энергию. В основе развития разума в мировой культуре лежат принципы активности высшей психики человека, являющейся трансцендентной по отношению к нашему непосредственному восприятию. Мир духовный существует как топологический первообраз замкнутой точки сознания, текущей в потоке высшей психической деятельности в отображении онтологической природы времени. Топологический принцип сущности времени, таким образом, состоит в том, чтобы отобразить максимальную полноту бытия, которая присутствует в сознании как становление непосредственной природы разума в реальности.

...

Разум, в нашем понимании, состоит в агрессии высших импульсов человеческой души против ее низших импульсов, как в отдельных поступках человека, так и во всей полноте исторической культуры. Эта полнота выражается в тензорах границы между бытием и небытием.

ем, которая в истории философии исследуется как различие между разумным и неразумным. Ведь в любом случае любая система понятий о сущности бытия обречена на отрицание новой системой исторических понятий, поэтому рассматривать ее как результат развития интеллектуальной культуры возможно для научного мышления, но не для философского, которое отличает утверждение разума каждый раз в новой ценностной интерпретации. Эта новизна, с другой стороны, неизбежно отображает сущность бытия в человеческой душе как трагическое явление, которое не сводится к социальной психологии. Мы утверждаем, что основой высших ценностей, так или иначе формирующихся психической полноценностью человека, является отрицание его животного инстинкта самосохранения. Поскольку методы этого отрицания в мировой истории были различны, то и религии народов были различны. Сознание разумных основ души, возникнув, в первую очередь, в расовом опыте европейских народов, а именно, у греков, предполагал топологический принцип развития мировой истории, к которому он и вернулся в XX веке, отрицая линейные представления о процессах мировой истории, на котором строилась и христианская религия и вера в научно-технический прогресс. Возможно, что топологическая интуиция сознания мировой истории у Ницше сформировалась вследствие длительного изучения духа греческой культуры, где разум являлся мерой топологической полноты бытия. Именно из эстетического сознания выводилась мораль греков, которая не обладала категоричностью моральных суждений библейского завета. Человек не мог возвыситься в природе в греческой культуре, поскольку он рассматривался только как отдельный, равносильный элемент полноты сакральных сил космической жизни.

Природа человеческой души, очевидно, кардинальным образом отличается от природы животной психики наличием в ней разума. И хотя современная биологиче-

ская наука практически стерла эти различия, рассматривая человека как один из биологических эволюционных типов природы, для нас это различие является кардинальным в понимании разумных и неразумных движений человеческой души. Более того, мы полагаем, что человек, поскольку он не является продуктом природы, а есть в большей степени продукт активности духовного начала в глубинах психики, определяется высшей психической деятельностью, которая действует по другим, чем низшая психика, законам. Основное различие высшей от низшей психики, в нашем понимании, состоит в нелинейности процессов в первом случае и, наоборот, линейности психических реакций, во втором случае.

Поясним, что мы понимаем под линейными и нелинейными психическими процессами. Линейные процессы психики почти полностью отслеживаются сознанием от момента его возникновения в чувственной ассоциации до получения информации. Эти процессы имеют алгоритмически-машинный характер, на котором строится вся инфраструктура техногенной цивилизации, и, в целом, интересуют нас мало. Для понимания изучения линейности процессов низшей психики используются опытные животные: грызуны и обезьяны, которые дают возможность понять, в частности, функциональную систему аналогичного действия низшей психики человека. Но высшая психика, в отличие от низшей, не прослеживается от своего первичного момента возникновения. Ее начальный импульс сознание получает не от чувственной ассоциации, а он от некой метафизической границы бытия. Этот психический поток формируется из глубин психики, когда субъективное восприятие реальности как чувственная ассоциация исчезает, и возникает полностью дискретная, неконтролируемая в следующий момент времени, энергия потока. С психоаналитической точки зрения, мы полагаем, что эта энергия формируется из бессознательного инстинкта смерти человека, что карди-

нально отличает его психику от психики животного. Так, если психический импульс, в целом, с психофизиологической точки зрения, представляется как передающийся по прямой линии, то эта психическая энергия полагается нами низшей энергией или животно-растительной энергией человеческой души. Но высшая психическая энергия не контролируется полностью абстрактным сознанием в силу того, что мысль не имеет возможность проникнуть в начало становления духа в душе, получая первичное понимание его действия лишь по границе самого процесса. С другой стороны, эта граница выявляет топологию метафизических процессов, происходящих в душе как отображение того психического напряжения, которое возникает не в силу соприкосновения человека с окружающим его материальным миром, а вопреки ему. Фактически речь идет о границе, через которую дух поддерживает взаимосвязь с человеческим телом. Время существования духа до момента рождения человека, а также с момента его смерти, нам неизвестно. Вообще, материя собирается духом, как мы полагаем, не в качестве известного и хорошо изученного процесса зачатия плода в утробе матери, а в качестве принятия какой-то частью абсолютного духа определенной топологической структуры, в нашем случае, человеческого тела.

Таким образом, помимо животно-растительной энергии, действующей в низшей психике человека, в нем циркулирует трансцендентная психическая энергия. С психоаналитической точки зрения, мы полагаем, что речь идет о бессознательном действии инстинкта смерти в человеческой душе, то есть усилия абсолютного духа разорвать границу тела, воссоединившись со своим бестелесным существом. Вероятно, что подобного рода рассуждения можно было бы идентифицировать как попытку реставрации религиозного мышления с его безусловным приматом духа над материей. Но мы рассматриваем этот процесс не с религиозной точки зрения, а с по-

зиции объективного рационального мышления. Наблюдатель, как оперативно-рассудочный принцип анализа линейных процессов психики, здесь не существует. Научный подход в понимании высшей психики невозможен, поскольку здесь отсутствует экспериментальная составляющая предмета исследования. Таким образом, как религиозные представления о духовной природе мира, так и научные материалистические представления о духовных процессах, в нашей позиции исследования минимальны.

Но если отсутствует наблюдатель, то есть сознание, которое отслеживает различные процессы психики, то каким образом понять их сущность? Здесь мы должны принять существование бесконечного многообразия точек зрения, которые топологически образуют субъективный поток сознания «размазанности» и «хаотичности» психических движений. В результате этой хаотичности психических движений, субъект-объектные связи постоянно симметрично меняются, когда то, что еще мгновение назад было субъектом, оказывается объектом и наоборот. Вообще, психофизиологическое представление о психических процессах, очевидно, возникло в качестве длительной традиции усилий европейского гуманизма восстановить позиции ценности материального мира, которые в период господства христианской религии рассматривались как признак «низшего» проявления бытия. «Резкость» восприятия материальной полноты бытия, разорвавшая духовную прерогативу христианского сознания, формировалось появлением перспективы, то есть такого горизонта исторического события, в котором наблюдатель «очерчивал» эту полноту в качестве напряженной границы с объективным проявлением своей внутренней духовной свободы. Так развивалась рациональная культура западноевропейской цивилизации.

Однако современной задачей рационального мышления является проблема, которая прямопротивоположна традиции мысли гуманистической культуры, направлен-

ной на определение существа духа в его материальной природе, где несложно, психоаналитически, найти бессознательные потребности культуры матриархата. Вследствие движения сознания по границе разумного духа, реальность полноты бытия не имеет линейной перспективы, то есть власти сознания над многообразием природных форм. Даже наоборот, непосредственно природная форма «поглощает» в себе сознание, поскольку сознание становится не столько мерой гармонии целого и частей, сколько признаком определенного избытка этой полноты, ее мощью, и, более того, стремлением к господству. Вероятно, это то, что Ницше называл «волей к власти». При этом в данном явлении нас в большей степени интересует этот избыток природной мощи, где природное существо теряет свое равновесие, образуя естественный хаос. Подобный хаос мы рассматриваем метафизически: и как разрушение психического равновесия в человеческой душе, и как природные катаклизмы, и как катастрофические процессы в самой цивилизации, например, явление расовой катастрофы. Во всех этих процессах присутствует нечто повторяющееся, которое состоит в том, что этот хаос впоследствии восстанавливает свое равновесие в качестве единства топологической структуры. Подобные структуры не являются линейными, разрушая монотонное существование, как будто шар «накручивает» на себя многообразие метафизической реальности.

В дальнейшем мы будем называть эти сгустки избыточной энергии «квантами», поскольку их появление и исчезновение в равной степени дискретно. Но главное, в нашем понимании, является осознание их сущности, которая является реальностью существования абсолютного духа мировой истории. Так, если энергетические всплески этой силы возникают хаотически, то их природа должна описываться тензорами сознания, то есть мерой понимания топологического напряжения в известной картине реальности, существовавшей до момента

метафизической деструкции. Очевидным для нас должно быть то, что природа духа в материальной реальности выявляется первоначально только через разрушение, тогда как созидающей момент состоит в появлении топологической структуры, стягивающей изнутри эту избыточную для природного равновесия энергию. Если геометрические очертания деревьев, движение потока воды, структура различных кристаллов имеют топологическую форму, указывающую на определенную концентрацию внутренней напряженности этой энергии духа, то почему мы не можем предположить, что и человеческая психика, как и вся природа абсолютного духа, имеет такую же топологическую основу? По крайней мере, психоанализ, насколько нам известно, во многом рассуждал о бессознательных влечениях с топологической точки зрения, рассматривая их как сгустки разрушительной психической энергии, приобретающих определенную топологическую конфигурацию в зависимости от влияния соответствующей социальной среды. При этом кардинальным отличием нашей познавательной метафизической позиции от исследований психоанализа является рассмотрение иного происхождения феномена сознания под влиянием первичного психического импульса. В психоанализе, как известно, «мотором» психической системы является бессознательное сексуальное влечение. Но в нашем понимании, этой движущей силой является инстинкт смерти, и, более того, сексуальное влечение и инстинкт смерти являются различными психическими системами в архетипическом смысле, то есть в качестве основы ценностного формирования непосредственной веры в жизнь. Если сексуальная психическая энергия формирует социально-психологическую сущность человека, то энергия инстинкта смерти практически не зависит от его социальной организации сознания. Более того, непосредственное существо человеческой веры: матриархальной и патриархальной, различается симметрией этих двух влечений. Чело-

веческая жизнь, как мы полагаем, является «переплетением» этих двух влечений, их симметричной организацией, где сознание материальности бессознательно проецируется на сексуальное влечение, а сознание духовности мира — на инстинкт смерти. В этом смысле вполне закономерна, хотя и крайне наивна, одна из наиболее обсуждаемых тем средневековой схоластики о «непорочном зачатии» девы Марии, которую следует рассматривать как безусловное господство патриархального начала в эту историческую эпоху. Подобная точка зрения исключает зависимость происхождения разумного человеческого духа из архаичных инстинктов матриархата, которые существовали в племенах и народах, принявших христианство. Разум патриархального человека средневековой эпохи не мог принять, что божественное начало человека зависит от животного начала души, поскольку непосредственная функция разума формировалась в расовом смысле из самого жесткого противоречия с ней.

Поскольку наше историческое сознание формируется на границе между Темными Веками и ранним Средневековьем, в котором существует современная государственная жизнь России, относительная наивность представлений здесь неизбежна, однако в данном случае речь идет о кардинально новом понимании исторического разума. Именно поэтому нам не избежать принципиального игнорирования значимости производственных процессов техногенной цивилизации, поскольку патриархальный дух требует самого сурового ограничения животных функций человеческой души. Причем, ясно, что религия неспособна на это ограничение в силу того, что ее патриархальные функции сложились до появления новой племенной психологии человека, которая, прикрываясь наивной верой в науку, фактически возвратила его животное существо к неразумному образу жизни. Так, человечество постоянно колеблется в мировой истории между доминантой, — то матриархальной, то патриархальной веры, что психоана-

литически обусловлено постоянной борьбой животного и разумного состояния души. Причем в среде примитивных народов, как правило, доминируют матриархальные символы сознания, равно как и в массовом сознании цивилизации эпохи распада. Это именно население, а не народ или нации, что определяет состояние практически всех народов мира в современных мегаполисах. Что же произошло в таком случае с национальной культурой мировых народов, куда она исчезла? Мы полагаем, что именно в национальной культуре феномен расовой катастрофы проявился в полной мере, то есть произошли катастрофические изменения в подсознательном архетипе человека, который является функциональной взаимосвязью между его бессознательными и осознанными движениями души. Ведь отличие народа от нации состоит в том, что народ связывается природным духом, тогда как нация имеет какую-то отчетливую историческую цель в мировой истории, то есть ее дух существует независимо от природы. Поэтому нация определена в историческом времени, и, собственно, вне духа исторического времени ее существование невозможно. Однако современная техногенная культура мегаполиса мировой цивилизации исключает разумный дух национальной природы человека. В ее социальной организации действует исключительно человеческая масса, то есть конгломерат людей крайне низкого качества, продукта расовой катастрофы. Это вызвано постоянно усиливающимся процессом стандартизации социальной жизни мегаполиса, в котором не предполагается, что человек способен обладать свободной волей, поскольку свободная воля есть мера реализации объективного разума человеческой души.

В понимании существа современного исторического разума мы отчетливо осознаем, что его проект, длительное время опиравшийся на авторитет науки, в наше время завершился. Конечно, топологические линии его последнего метафизического обоснования в науке еще дол-

го будут влиять на дальнейшее развитие мировой цивилизации, однако он уже не является эпицентром ее развития, не выражает стратегической основы перспективы ее будущего. Периодичность расовых катастроф указывает на разворачивание топологической «точки» мира в каждой новой исторической цивилизации в качестве нового расового архетипа. Речь, очевидно, идет о высшей человеческой расе, которая максимально аккумулирует в своей коллективной энергии природу мирового духа в эпицентре реализации рациональной сущности мира. Высшая раса, в нашем понимании, есть особый психический резервуар максимально сконцентрированного избытка полноценной человеческой психики в ее коллективном выражении воли.

Наше рассмотрение психической энергии человека с метафизической точки зрения предполагает, что ее движение осуществляется через трансцендентную природу реальности, которая характеризует потоки, прямо зависящие от духовной основы бытия. Фактически мы частично постулируем взаимосвязь бессознательного инстинкта смерти с духовной реальностью, которая выражает жизнь человека как «сечение» абсолютного духа в его топологической ограниченности конечного физического тела. Попытка рассматривать человека исключительно через непосредственность чувственных ассоциаций, которая бессознательно имеет свое происхождение в вере матриархата, очевидно, мало относится к нашему пониманию бытия. Материалистическое сознание вообще характеризует неразумную основу душевной жизни, поскольку не различает границу бытия и небытия, когда его функция сознания целиком и полностью зависит от течения биологических влечений. Род и коллектив, являющиеся последней инстанций в доказательстве ценности человеческой личности, рассматриваются в материалистических представлениях как основная характеристика социально-психологических особенностей развития самого челове-

ка. Однако с позиции субъективной рефлексии мыслящего разума, первое, что должен преодолеть индивид, — это зависимость от непосредственного чувственного восприятия. Отметим главное, материализм, вообще говоря, какую бы «прогрессивную» систему ценностей он не декларировал, основан на подсознательной вере матриархата, взаимосвязанной с инстинктом выживания. Под влиянием матриархального подсознания человеческой души сформировался тип человека *quasi homo*, который осмысливает себя исключительно в развитии ценностей представлений научно-технического прогресса. Топологическая основа полноты бытия, в которой разум отрицает эту поверхностную границу рассудочных представлений о реальности, здесь не существует, поскольку в этом случае инфантильная психика, лежащая в основе представлений материализма, быстро рушится. Не случайно поэтому в технократической цивилизации доминирует массовая психология человека, в которой всякая причастность к рациональной культуре почти отсутствует.

«Закручивание» небытия в бытие, подобно кривизне геодезической линии на шаре, предполагает психологически в первую очередь, разрыв, дискретный переход от многообразия чувственного мира к его отрицанию. Этот момент отрицания чувственной непосредственности восприятия существует во всех философиях идеализма. Открытие первородной «бездны» бытия описывается во всех мифологиях, осмысливающих процесс появления новой человеческой души из небытия в зависимости от конкретных особенностей исторической эпохи. Мы идентифицируем происхождение сознания простейших элементов метафизики новой расовой души с философским наследием Ф.Ницше, где появляются первые контуры сознания взаимосвязи исторического разума с иррациональными движениями человеческой воли. Ведь разумная душа существует только тогда, когда она обладает свободной волей. Наивные представления о разуме как о

какой-то научной картине мира, где чувственная информация о материальных феноменах монотонно течет в сознание, избегая экстремумов психики, — этот предрасудок гуманистической культуры, кажется, окончательно стерся под мертвой однообразностью процессов массовой цивилизации. Очевидно, что в конце существования любого рационального проекта найдутся субъекты, которые пытаются догматически спасти сам проект, отсекая в нем самое главное, а именно, его онтологический принцип, который включает в себя полноту и необходимую иерархию. Однако именно эти догматики и «добивают» доверие мыслящих людей к самому проекту. Таковы позиции неопозитивизма, пытающегося доказать исключительную роль научного знания перед всеми его другими формами проявления. Фактически утверждается, что не сама мысль создала научное знание, а что именно научное знание дает «право» мысли существовать. Понятно, что такое «право» существования мысли проистекает исключительно из потребности полного контроля над процессом передачи информации от внешней реальности к непосредственному субъективному восприятию. В психологическом смысле объектом сознания здесь выступает подобие механической машины, которая «считывает» информацию с линейного потока взаимосвязи: внешний источник — внутренний субъект восприятия.

В нашем понимании, основы рационального мышления априорно имеют метафизическую сущность, то есть сформированы не биологической потребностью животной души к выживанию и ее поиском приспособления к окружающей природе, а стремлением получать удовлетворение от знания о природе разумного духа. Эта потребность человека разумного существовала, собственно, всегда, однако только в истории европейской расы, как самой молодой по отношению к истории мировой цивилизации, она развилась в фундаментальную особенность расового архетипа. При этом мы должны понимать, что

в первую очередь расовый архетип предполагает особенность строения подсознательных слоев человеческой психики, а уже затем биологические особенности строения человека. Эти подсознательные слои, или потоки подсознательных движений в психике инстинкта смерти, и формируют, собственно, расовый архетип, определяющий собой всю полноту движений человеческой души, касающейся ее духовной организации. При этом, чтобы примитивная организация души не была столь очевидна по отношению к разумным основам человеческой души, в массовой идеологии создается агрессивная мифология «магических» производственных сил, то есть всемогущества и всеислия «великой матери», массовой цивилизации. Собственно, не трудно заметить, что наивная вера в разум европейского гуманизма была именно подсознательной матриархальной верой. Поэтому, наблюдая вокруг себя бесконечное множество ее «священнослужителей» во всем мире: политиков, людей искусства и науки, мы не находим в социальной системе современного мегаполиса признаков разума, то есть стратегической перспективы будущего развития цивилизации, поскольку оно проистекает не из расовой, а массовой сущности человеческой души.

Человеческая масса — это продукт мегаполиса, то есть сообщества людей, в которых ценность бессознательного инстинкта самосохранения определяет наивысшую ценность существования. Но кардинальное отличие человека от животного как раз и состоит в том, что определяющим инстинктом для человека является влечение к смерти, а для животного — различные биологические влечения. Впрочем, в низшей человеческой психике биологизм влечений активен также, как в животном, поэтому научная теория о происхождении человека от обезьяны вполне закономерна, если исходить из линейного сознания психических реакций. Ведь в импульсах, проникающих в сознание через низший аппарат психики, присутствует только

информация о материальных феноменах, где их духовная составляющая минимальна, определяемая только в качестве неопределенности бесконечно малой границы между многообразием форм материи. Информация, получаемая через высший аппарат психики, кардинально иная. Она выражается в прямо противоположном содержании, когда речь идет о многообразии форм духа, где их бесконечно малой границей является именно материальная форма. В этом смысле симметрия бессознательных импульсов высшей и низшей психики человека определяет всю систему ценностей сознания и мотивацию его индивидуальных поступков. С другой стороны, следует понимать, что именно здесь заложен топологический принцип онтологии бытия, когда мышление субъект-объектной связи сознания реальности относительно в отображении феноменов различной природы. Подобная относительность есть следствие напряженной борьбы разнородных психических импульсов чувственных ассоциаций и трансцендентной энергии высшей психики. Наука, искусство, политика — все области культуры в данном случае становятся полем столкновения воздействия бессознательного существа человека на его сознание. Например, научное мировоззрение, как известно, было и материалом доказательства метафизического начала бытия в трудах классических философов, и, аналогичным образом, аргументом в доказательстве чисто материального происхождения мира в теории биологической эволюции. С точки зрения подсознательного существа человеческой психики можно найти этому объяснение в симметрии матриархального и патриархального слоя психических реакций бессознательного. Этот момент указывает на кардинальное изменение бессознательного архетипа человека в эпоху расовой катастрофы, когда система понимания духовного начала бытия, выстраиваемая в течение столетий и даже тысячелетий, рушится, и напор непосредственных чувственных ассоциаций полностью захватывает психику.

Нашей задачей является установить, как появляются интеллигентные феномены сознания, которые оно получает вследствие активности в душе высшей психики. Ведь чисто умозрительный мир отличается от сознания материального мира чувственной реальности прежде всего своей бесконечно малой границей соприкосновения с животным существом души. Мы потому и рассуждаем о действии инстинкта смерти в глубинах психики, что биологическая энергия души здесь минимальна, тогда как особая энергия тотального отрицания ее животного начала, здесь максимальна.

Понятно, что магия загадки происхождения мира в матриархальном и патриархальном сознании человека кардинально различна. По существу, современная массовая культура мегаполиса построена на вере в производительную мощь человека, то есть в подражании человека рождающей женщине. Чувственный восторг перед созерцанием многообразия многочисленных «родов» в технологической цивилизации создает социальную психологию человека современного мегаполиса. Поэтому в работах Фрейда первоначально определяется социальный статус человека: «домработница», «студент» и так далее, то есть психика человека характеризуется в первую очередь с точки зрения ее общественной значимости. Однако, общество, или коллектив, в его современном либерально-демократическом функционировании политической системы, практически исключает разумную позицию сознания, поскольку расовое существо человека здесь отсутствует. Психоанализ проделал большую аналитическую работу в поиске разумной рефлексии человеческой души, однако она не могла быть найдена по существу в импульсах массового бессознательного, поскольку эта сфера нижней психики человека.

В нашем понимании, тупик, в который зашла рациональная мысль западноевропейской истории философии, состоит в исчерпании бессознательной расовой энергии

по существу. Это полярнопротивоположная ситуация по отношению к российской реальности интеллектуальной культуры, в которой, собственно, объективная рациональная школа мысли отсутствовала как таковая. Так, собственно, строилась вся государственная инфраструктура Российской империи, разрушая патриархальный расовый архетип и создавая на его месте социально-массовую варварскую среду людей. Как известно, этот путь исторического развития закончился разрушением русского государства под ударами большевистской орды, следствием активности которой стало практически физическое уничтожение базовых остатков расовых элементов русской деревни как основы патриархального быта. В результате здесь сформировался новый антропологический тип, *quasi homo*, который вобрал в себя всю полноту воровской психологии, единственным ограничением которой при советском режиме был страх смерти, то есть физическое уничтожение. На этом страхе, как известно, в основном держалась политическая система СССР.

Вообще, бессознательная идентификация человека с началом своего происхождения определяет мотивацию его поступков и, очевидно, природу его морального сознания и поведения. Ведь ответственность перед тем, кто его произвел, руководит сознанием человека. Если это начало имеет матриархальный принцип, то человек ведет себя с тем легкомыслием и с той расслабленностью воли, которые определяют мотивацию поступков массового сознания. И наоборот, если человек осознает свое происхождение в метафизической сущности бытия, то его поведение придерживается строгостью нравственного закона, которое характеризует расовое сознание. Мы полагаем, что условием выполнения нравственного закона является именно бессознательное состояние человеческой души, а не рефлексия рассудка, которая либо усиливает, либо ослабляет это состояние, уходящее в глубины воли. В этом смысле момент перемещения морального созна-

ния в некие абстрактные предписания социального поведения, которые, например, действуют в современном массовом мегаполисе, способны действовать лишь в инфантильном сознании человеческой души.

В кардинальном различии бессознательно-матриархального и бессознательно-патриархального состояния души человека, очевидно, речь не идет о доминировании женщины или мужчины в социуме, хотя, конечно, и эти признаки существуют. Главный принцип различия выражается в бессознательном удовлетворении души непосредственным образом жизни. Если патриархальный человек так или иначе осознает смерть конечным, финальным, моментом своего существования, то человек матриархальной культуры, наоборот, стремится утверждать так называемые «вечные» ценности. Суть этих «вечных» ценностей состоит в попытке полагать определенный набор социальных представлений неизменными и во времени. К этим «вечным» ценностям современной демократической системы европейской цивилизации относятся: права человека и свобода его совести. Однако, в нашем понимании, вечное не может быть «вечным» в силу присутствия сакрального существа мира в изменчивости самого духа времени. Другими словами, попытка полагать «вечным» то, что таковым давно уже не является, как раз и состоит в определенном усилии матриархальной психологии человека исключить сознание смерти и, в частности, непосредственное влияние инстинкта смерти на повседневную жизнь. Правда, это подсознательное движение психики матриархата выдвигается в массовой системе ценностей за безусловное превосходство рефлексии социальной морали над бессознательным действием патриархального чувства права. Здесь не оговаривается, что вера в непосредственность чувственного восприятия является в действительности возвращением к животному существу души, которое потому и может существовать как «вечная» система ценностей в сознании, что жи-

вотное не осознает своей конечности. Однако этот феномен возвращения человека к животному состоянию души характеризует все эпохи распада цивилизации, в которых доминируют позиции бессознательной веры матриархата.

По существу, наш акцент на понимании различия бессознательных влечений патриархата и матриархата уходит к платоновскому пониманию двух полюсов сознания: духа и материи, то есть имеет философский принцип. Платон, собственно, потому и не был метафизиком, что исходил из ценности самой симметрии сознания бытия, а не его полюсов, то есть противоречия между духом и материей. Мы полагаем, что его понимание прерогативы духа имело не христианское сознание глубокого противоречия с материей, а лишь указание на наличие разума в сфере патриархальной души. Другими словами, возвращение Шопенгауэра и Ницше к мысли древних греков в попытке найти современные позиции познания, состояло в необходимости изменить базовые начала традиции философской мысли, которая еще в средневековой схоластике определялась как бескомпромиссное противоречие между духовным и материальным началом бытия. Однако, топологизм рационального мышления формируется не столько противоречием между духовным и материальным, сколько достижением их максимальной симметрии, в которой исчезает различие духовного и материального, — только таким образом схватывается полнота бытия. Симметрия сознания явлений бытия выражает целостность человеческой души как необходимое присутствие основы действия в ней разума. Так, информация о явлениях «стекается» в сознание, как из непосредственных чувственных восприятий (область эмпирического восприятия), так и из трансцендентной области интеллигибельного созерцания духовных феноменов, которые поступают в сознание из бессознательной психической энергии инстинкта смерти человека (область духовной полноты бытия). Понятно, что сознание духовно-

го феномена, в отличие от феномена материальной реальности — дискретно, поскольку импульс движения подсознательного инстинкта смерти не может быть постоянно активен, проявляясь лишь в экстремальных ситуациях. Более того, для ориентированной на матриархальные импульсы души духовный феномен разума не имеет какой-то ценности, поскольку он не проектируется из непосредственного чувственного восприятия, но, наоборот, разрушает его. В результате топология сознания матриархально-ориентированного подсознания человека принципиально отличается от патриархально-ориентированного подсознания в первую очередь смещением симметрии бытия в сторону потока феноменов непосредственного чувственного восприятия. Но ориентация сознания никак не разрушает полноту души, а лишь усиливает в ней ее целостность, когда в ней действует разум, поэтому кардинальное отличие человека в эпоху полноценной культуры от культуры цивилизации распада состоит именно в разрушении этой симметрии. В результате разрушения симметрии бытия, сама полнота как сакральная природа времени утрачивается, и человек начинает испытывать значительные психические аномалии.

Таким образом, топологически, материальное и духовное есть лишь ориентация сознания в потоке подсознательной информации, которая доставляется в сознание различными феноменами реальности. Собственно представление человека о себе самом и мире есть следствие этой топологической ориентации. Но если механизм «доставки» знания из чувственных ассоциаций восприятия наука изучила тотально, то понимание материала о знании духовного начала души, она практически исключила из сферы своего интереса. Это и понятно, поскольку современная наука практически полностью ориентирована на область матриархального подсознания. Материальное восприятие состоит в том, чтобы получать удовольствие от постоянного наращивания интенсивности чув-

ственных ассоциаций, и их уплотнения, из которого формируются ряды различных представлений о реальности.

Поскольку реальность бытия (как и небытия) имеет топологический характер, всякая граница ее полноты существует только в определенной ориентации сознания с действующим потоком времени. Другими словами, представление о «вечном» образуется как мера понимания самой природы времени. В результате и возникает пропасть между матриархальной и патриархальной системой ценностей. Например, эта пропасть существует между пониманием «вечного» в японской культуре самураев и сенсуализмом представлений Руссо, когда, в первом случае, жизнь человека осознается как путь к смерти, а во втором случае, прямо противоположно — как бессознательное стремление «слиться с природой», то есть заглушить в душе всякое напоминание о конечности биологической жизни человека. Если в культуре самураев жизнь воспринимается как движение бессознательного инстинкта смерти человека от духовной полноты бытия в ее проекции на земные цели, то французский сенсуализм мыслит обратно — земные цели человека рассматриваются как критерий его духовной свободы. Очевидно, эти противоположные позиции сознания матриархальной и патриархальной культуры кардинально различно трактуют ценность человека. При этом речь идет не об особенностях восприятия, зависящих от пола человека, а об особенностях подсознательных движений психики, то есть прерогативы их топологической ориентации в реальности. Ведь очевидно, что психология мужчины и женщины кардинально различаются в патриархальной и матриархальной культуре.

Вероятно, что массовое возвращение к животной непосредственности души происходит у человека в период глобального распада цивилизации, когда высшая раса, существовавшая в доминировании определенных ценностей патриархата, практически исчезает. Нас здесь не

столько интересуют биологические аспекты вырождения высшей расы, которые являются следствием восстания рабов (низших слоев сословной системы) и формированием охлократической системы власти, сколько процессы, которые протекают в глубинах человеческой души. Глубины же человеческой души характеризуются глобальной перестройкой расового архетипа, то есть глобальным изменением топологии сознания. Мы вообще полагаем, что массовое бессознательное не имеет архетипа, его имеет только расовое бессознательное. Возможно, что именно здесь возникли расхождения в понимании бессознательных влечений души у Юнга и Фрейда. Впрочем, подход к пониманию расового архетипа нельзя полагать у Юнга разумным, ибо расовое бессознательное никак нельзя рассматривать как коллективистское начало в традиционно-гуманистическом смысле этого слова.

...

Наиболее легкомысленной для понимания существа разума явилась научная точка зрения биологической эволюции, что разумный человек сформировался в среде первобытной культуры, отделившись от вида человекообразных обезьян. По-видимому, массово распространившийся в мировых мегаполисах тип *quasi homo* действительно дает возможность такого предположения, однако эта точка зрения матриархального сознания мало относится к пониманию существа дела о происхождении разума. Основой разума является расовое существо человеческой души, а оно выражается только в патриархальной культуре, то есть культуре, бессознательно ориентированной на доминанту духовных процессов психики. Теория же биологической эволюции, по существу, полностью исключила понимание идеи разума, установив на его место функции рассудка, то есть технику чисто абстрактных суждений, которые определяют границу духа как бесконечно малую составляющую полноты бытия. Так, в нашем понимании, принципиальное различие между рас-

судком и разумом состоит в том, что абстрактный рассудок никогда не бывает взаимосвязан с разрушительными пластами подсознательного инстинкта смерти человека, то есть его расовым существом. Существо абстрактного рассудка определено в действии подсознательного инстинкта самосохранения, поэтому сфера сознания рассудка действует в пределах непосредственных чувственных ассоциаций. Тензоры, связывающие действие бессознательных импульсов чувственных ассоциаций, и тензоры, определяющие существо сознания духовной реальности, принципиально иные.

Единство духовной реальности в динамике сознания целостности ее процессов, первоначально, выстраивается как эстетическая картина сознания, а с точки зрения психоаналитической, как взаимосвязь в точках разрыва непосредственного ассоциативно-чувственного восприятия. Эти точки разрыва непосредственного чувственного восприятия, как мы полагаем, демонстрируют наличие в бессознательных влечениях квантов психической энергии инстинкта смерти. Это не учет действия духа в бессознательных влечениях человека, которое, например, у Фрейда рассматривается как «Оно», а именно дискретные по отношению к непосредственному контролю за потоком чувственных ассоциаций тензоры сознания, которые связывают чисто духовную сущность человеческой души с его непосредственным действием воли. Мы же, рассматривая человека с точки зрения расовой сущности его души, полагаем, что бессознательное в действительности в основе инстинкта смерти должно рассматриваться как «он», то есть дух, поскольку местоимение «оно» указывает на симметрию действия матриархального и патриархального подсознания, не выделяя духовное в его самодовлеющей основе. А если учесть, что Фрейд утверждает, что действие либидо всегда определено как мужское начало, то смещение учения психоанализа в сторону матриархального подсознания становится очевидным. Это,

в частности следует из его гуманистических представлений о социальных ценностях, в которых коллективно-массовая ценность человека является его непосредственным критерием. Однако уже в непосредственном образе жизни большинства выдающихся художников и философов мы находим отказ от реализации энергии либидо в ее коллективном понимании, то есть, например, нежелание участвовать в продлении рода (безбрачие). Попытки же, например, свести этот отказ от участия в процессе продления биологической цепочки человеческого рода к его социальным и семейным «проблемам» выглядят более чем неубедительно. Так, то, что психоанализ пытается выдавать за проблемы психики (подсознательные комплексы в социальном смысле), в действительности является именно психической полноценностью человека, вступающей в бескомпромиссный конфликт с психической неполноценностью как таковой.

В нашем понимании, расовый тип *homo sapiens* есть новый тип высшей расовой организации человека, чье формирование началось относительно недавно (всего несколько веков назад). В этом смысле попытка представления линейного развития истории человечества, начиная с первобытных форм культуры, где произошло отделение человекообразной обезьяны от человека разумного, является безусловной архаикой понимания. Очевидно, что между человекообразной обезьяной и человеком существует бесконечная пропасть интеллекта, однако и между разумным человеком (*homo sapiens*) и неразумным (*quasi homo*) существует не меньшая пропасть, в первую очередь, в бессознательных движениях психики. И если психоанализ предпринял достойную попытку проанализировать психологию *quasi homo*, то найти основы рациональных бессознательных движений души он не мог в силу изначальных предпосылок. Для нас же изначальным тезисом в понимании бессознательных основ психики *homo sapiens* является предпосылка о различии меж-

ду человеком и сверхчеловеком, о которой заявил Ницше. Собственно, эта метафизическая предпосылка в изучении кардинальных различий психики *quasi homo* и *homo sapiens*, должна определять дальнейшую историю понимания различий между низшей и высшей психикой человека.

Метафизика современного разума состоит в том, что существует необходимость понимания человека и бытия не с гуманистической точки зрения, а с лигариристической, то есть как продукта сакрального сознания времени. Фактически, все гуманистические представления о ценностях, в том числе вера в науку, полагаются предрассудком, поскольку современный разум существует в сознании хаоса первородного бытия. Известное суждение Ницше, что человек и сверхчеловек отличаются также как обезьяна от человека, мы должны понимать в расовом смысле, то есть как появление нового расового архетипа человека, кардинально отличающегося от предшествующего типа энергией бессознательных импульсов воли. Ведь именно импульс воли, а не абстракция рассудка, создает первичную потребность в познании. Другое дело, что этот импульс может приобрести абстрактную функцию постигающего рассудка, а может и сконцентрироваться в эстетическом созерцании как граница видимости бытия и небытия.

Вообще, представления человека о ценностях формируются его бессознательной потребностью воли к существованию. Правда, сущность воли всегда различна. Различна сущность воли китайского мандарина и японского самурая, поскольку первым движет матриархальная психология единой семьи-народа-государства, а вторым патриархальная психология судьбы воина, причастного касте себе подобных. Различна сущность воли русского офицера, сражающегося за Российскую империю, и большевика, верующего в мировую роль пролетариата, поскольку в бессознательном существе души русского

офицера действует расовый патриархальный архетип, а в воле большевика таковой отсутствует, зато в полной мере присутствует сильная матриархальная вера человека — в силы природы. При этом не стоит обманываться по поводу победы одной политической силы над другой: историческое сознание отставляет для потомков только патриархальный опыт культуры, поскольку только он формирует расовый архетип человека. Массовая душа, будучи лишена архетипа, бесструктурна в расовом смысле, то есть не оставляет после себя признаков исторического разума. В массовой душе вообще отсутствует сознание исторической памяти, поскольку массовый человек фактически безроден. Поэтому идея происхождения *quasi homo* от обезьяны, вполне достаточна для понимания безродного существа человека, не имеющего своих расовых корней, то есть духовной истории.

Таким образом, различие между *quasi homo* и *homo sapiens* сформировалось в расовой истории человечества как различие между животной и разумной частью души на бессознательном уровне в качестве непосредственного действия архетипа человека. В этом смысле мифология веры в науку, которая фактически сменила веру в бога, вытеснила старый расовый архетип, поскольку массовая душа, сформировавшаяся в мировом мегаполисе, возвратилась к подсознательным импульсам матриархата. Вообще, как мы полагаем, процесс господствующих позиций патриархальной и матриархальной культуры в мировой цивилизации является периодическим. Он определяет симметрию бессознательных психических импульсов души, проистекающих как из чувственных ассоциаций восприятия, так и из трансцендентной области психики, которая выражена импульсами инстинкта смерти. В этом смысле рассуждения Канта о стремлении каждого человека к счастью неразумны именно с позиции современного объективного исторического разума, хотя, очевидно, что субъективно мыслящий человек, в пределах

ценностей матриархальной культуры, вероятно, и обладает этим стремлением. Таким образом, на философском уровне было сформулировано представление о стремлении каждого человека к счастью, исходя из субъективных особенностей его души. Здесь, собственно, были заложены те социальные постулаты неполноценной человеческой психики, которые стали догмами социальных представлений нашего времени. С другой стороны, «война», объявленная матриархальным сознанием патриархальному человеку со всем его бытом, началась с французской революции, в которой расовый тип человека фактически стал рассматриваться как «враг» развития научно-технического прогресса. Вероятно, процесс восстановления господствующих позиций матриархата состоит в процессе временной пассивности расового архетипа в человеческой душе, когда массовая душа растворяет в своей непосредственной животности духовные импульсы сознания. Ведь расовый архетип — это не структура ДНК, которая определяет наследственность человека в качестве биологического организма. Расовый архетип формируется не материальными элементами реальности, а духовными элементами, то есть сакральными феноменами времени, которые недоступны для матриархального сознания. Поэтому не случайно матриархальный дух сознания, например, в мысли таких ее представителей, как Поппер и другие, раздражен идеей историзма как «вредной» для образа жизни социального человека. Матриархальной душе вообще свойственны психические неврозы как «норма» ее состояния, поскольку ее особенность агрессивно-восторженного состояния (вера) реализуется в исключительной силе коллективизма, рассматриваем ли мы сплочение агрессивных орд Чингиз-Хана или большевиков. Коллективизм реализует в матриархальной душе порыв воли, где взаимосвязь с природными процессами является исключительно глубокой именно в подсознательном переживании природных циклов, которые,

впрочем, могут переноситься и на механические производственные процессы.

Анализируя сущность бессознательных мотивов матриархальной и патриархальной природы человека, мы находим, что эта симметрия имеет онтологический характер. Более того, функции разума и рассудка также психологически обеспечиваются этой симметрией. Так, доказательством господствующих позиций матриархата в современном массовом мегаполисе является просто вал бессмысленной абстрактной болтовни, которая проистекает именно из подсознательных инстинктивных реакций матриархальной души, которая неспособна нести какую-то нравственную ответственность перед высшим существом мира. Вера в коллективизм или ее производная, индивидуализм на основе социальных ценностей коллективизма, суть матриархальная культура, которая в наибольшей степени реализовалась в английской истории после буржуазных революций. Именно здесь были заложены те монотонно-бессмысленные по отношению к историческому разуму социальные процессы, которые впоследствии развились в США как модель всей основы массовой цивилизации. Расовый человек был постепенно объявлен вне закона, поскольку его архетип препятствовал тотальной механизации импульсов воли, с одной стороны, и подчинение ее социуму, с другой. При этом механические импульсы воли так или иначе были связаны с производством, то есть с усовершенствованием его технологических процессов, поскольку генетический инстинкт матриархального подсознания, взаимосвязан с сакральным чувством родов, свойственным бессознательным переживаниям женской психики. Ни война, ни искусство, ни наука в период расовой катастрофы не интересуют массового человека, ибо его существо бессознательного почти целиком захвачено сакральным интересом к процессу производства. В этом смысле Маркс очень точно уловил сущность психологии массового че-

ловека, стремящегося к производству как основной, инстинктивной, психофизиологической функции матриархальной души. Однако в основе событий мировой истории, в момент, когда культура достигает своего наивысшего расцвета, роль массового человека ничтожна, поскольку неполноценная душа не имеет права на существование в среде людей, где действует разум. Вообще, массовое в расовой культуре оценивается как недочеловеческое, как, собственно, и расовое в массовом сознании рассматривается аналогичным образом. Аргументы в известной системе массовых представлений нам известны, и они в основном сводятся к малой пригодности расового человека участвовать в интенсивном процессе производства.

В первую очередь, с расовой точки зрения, массовый человек классифицируется как тип *quasi homo* вследствие отсутствия активности разума в его душе, которая становится настолько бесконечно малой, что практически растворяется в животных влечениях психики. При этом подобное исчезновение можно заметить только с эстетической точки зрения, то есть разумном понимании процессов действительности. В реальности же материальных массовых ценностей мифология механического рассудка практически исключает самодовлеющий эстетический принцип, то есть бескорыстное отношение к миру и, главное, удовлетворение этим бескорыстным созерцанием сознания метафизической реальности. Корысть, возведенная в экономический закон и, более того, в «закон» непосредственного «естества» человека, стала основой политической активности различных кланов, регулирующих бессмысленное существование людей в массовом мегаполисе. Бессмысленность этого животного существования, впрочем, полностью завуалирована массовой культурой, которая строится по закону внушения, ибо более всего внушаема именно животная душа, лишенная разума. Вообще, внушаемость или невнуша-

емость, вероятно, принципиально различает психологию разумного и неразумного человека, когда разум существует либо в состоянии сна, либо в состоянии бодрствования. Бессознательное животное состояние души, впрочем, не мешает механическому интеллекту энергично функционировать, поскольку он сформирован раздражением наиболее монотонным процессам природы, поэтому абстрактная мысль, формируясь энергией невротического состояния души, в полной мере удовлетворяет матриархальную психологию.

...

Исключительная неадекватность исторического сознания существует в России. Так, здесь реальность исторических событий полностью фальсифицирована неразумным сознанием. Проблема состоит в том, что здесь ликвидированы даже признаки субъективного разума, то есть какой-то элементарно-критический подход к историческим событиям, не говоря уже о понимании объективных законов разума в мировой истории. Психические неврозы марксистской веры естественно трансформировались в веру в исключительную значимость экономического развития, что, собственно, неудивительно для животной души, лишенной признаков разума. В целом же, политическая реальность здесь никак не напоминает европейского расового менталитета, а скорее подобна какой-то африканской стране, отличительная черта которой — это доминирование племенного человека, который лишен причастности к законам развития разумного духа мировой истории. Впрочем, очаги признаков разума здесь все-таки существуют. Так, вероятно, эти очаги формируются в Темные Века в тех местах, где процесс дегенерации души не принял катастрофических масштабов, например, в Сибири. Аналогичным образом формировалась и западноевропейская цивилизация, когда древние германцы западных областей деградировали в расовом смысле, но осваивали последние технологические дости-

жения римской цивилизации, а восточные германцы сохраняли, пусть и полупервобытные, но полноценные расовые начала души. Вообще, симметрия воздействия матриархальной и патриархальной культуры всегда топологически переплетается в человеческой душе, где бессознательный психический импульс окрашен их доминирующими оттенками. Сознание этой симметрии мы находим уже у Платона в его трактовке мифологического происхождения анатомии гермафродита, в котором эта симметрия мужского и женского начала получает онтологический смысл.

В проекции на современные исторические события в России, мы должны осознавать, что единственным выходом из расовой катастрофы, протекающей здесь в наиболее разрушительных формах, должна быть кардинальная смена политической элиты. Возможно, что таким аналогом в Темные Века Западной Европы была смена династии диких Меровингов более просвещенными Каролингами, когда племенной инстинкт полудиких германских орд стал пресекаться примитивным сознанием необходимости разумного строительства государственных отношений. Но, в любом случае, вплоть до нашего времени дикий инстинкт большевизма действует в политической энергии современной политической российской элиты, доказательством чего стали события 91-года, когда под лозунгами реформ и необходимости развития рыночных отношений все зачатки государственной жизни были ликвидированы. Следствием этой дикости было резкое замедление процесса формирования нового расового архетипа человека. Однако мы должны помнить, что новая вера в разум может реализоваться только в новой исторической цивилизации. Это обусловлено неизбежностью исчерпания ресурсов высшей психики доминирующей в мировой цивилизации прошлого.

...

Причиной откровенного варварства человеческой души в современной России является острое, ничем не сдерживаемое грубое желание жизни. Собственно, это острое животное желание, в котором отсутствуют проблески разума, состоит в разрушении каких-то сдерживающих животное существо человека механизмов, которые должны формироваться в его бессознательном расовом архетипе как естественное ограничение неразумного существа души. Ведь вся интеллектуальная культура российской, а тем более советской школы сформировалась в процессе глумления над родовым расовым архетипом. Эта традиция началась еще в петровскую эпоху, достигнув своего апогея при большевиках. Если исключить достаточно слабую, и вообще то неразумную позицию славянофилов, то мы не находим здесь попыток искать начала самостоятельных основ цивилизации внутри самой российской культуры. И наоборот, откровенно люмпенский характер почти всей интеллектуальной российской традиции мысли стремится в первую очередь избавиться от бессознательного влияния своего традиционного расового архетипа. Подобная традиция поведения напоминает нам психологию древних германцев, ассимилирующих в римской цивилизации за счет разрушения своего бессознательного расового архетипа. Но распад традиционного расового архетипа неизбежно влечет за собой варваризацию культуры, вызванную, в частности, возвращением бессознательных влечений к матриархату, когда животные начала психики максимально активизируются.

Сложность осознания современной исторической ситуации в России как эпохи Темного Времени, несомненно, вызвана исключительно линейными представлениями об исторических событиях. Можно сказать, что это уже определенный миф. Он, несомненно, вызван, во-первых, глубоко укоренившимися линейными представлениями об истории в традиции монотеистических религий, а

во-вторых, верой в научно-технический прогресс. И действительно, достижения научно-технического прогресса развиваются линейно, то есть научные знания человечества развиваются по возрастающей. Однако этого нельзя сказать об истории мирового исторического разума, которая постоянно прерывается событиями расовых катастроф, где расовый архетип человека глобально перестраивается.

Заметим, что понятие «чести» и «долга» являются расовыми, а не массовыми категориями сознания. Если проанализировать современную лексику массового мегаполиса, то нигде мы не найдем эти категории в качестве активно действующих понятий, поскольку инстинкт самосохранения, доминирующий в матриархальной психологии массовой души, исключает их. Причины здесь очевидны-буржуазная культура формировалась из ценностей низшего сословия, где хитрость, обман и подлость были одним из наиболее активных черт человеческой натуры, противопоставленной аристократическим представлениям о жизни. Собственно, все низменные черты человеческой природы и сформировали тот современный тип *quasi homo*, который является основой социально-политической активности массовой цивилизации мирового мегаполиса. В этом смысле идеи «свободы», «равенства» и «братства» в действительности стали основой объединения не лучших, а худших представителей человечества. Объединяло же эти типы *quasi homo* бессознательная ориентация сознания на матриархальные импульсы души, то есть распад патриархального сознания. И вообще, в целом, явление расовой катастрофы в мировой истории мы рассматриваем как распад господствующих позиций сознания патриархата и возвращение человечества к психологической доминанте матриархата. Подобная доминанта выражает регресс психического здоровья человека, поскольку сопровождается резким возрастанием животной активности психики, сопровожда-

ющейся таким же резким падением активности действия разума в душе.

В рациональном смысле явление расовой катастрофы означает катастрофическую растрату энергии высшей психики человечества, которая сопровождается медленным откатом ее к психологии матриархата. Здесь, безусловно, мы рассматриваем симметрию этих двух начал человеческой души онтологически, а не физиологически, поскольку главным отличием состояния психики матриархального от патриархального сознания является отношение поведения человека к его разумному существу души. Так, отличие это состоит в том, что патриархальная культура формируется на безусловном отличии человека от животного в наличии разума у первого. И наоборот, матриархальная культура принципиально не различает человека и животное. То, что процесс регресса человеческой психики имеет глобальный характер в истории мировой цивилизации, указывает на процесс деградации практически всех народов, в которых патриархальный потенциал психики исчерпывается. В этом смысле мировая массовая культура есть интегрирование в целое особенностей матриархальной психологии человека всех исторических народов, когда этот собирающий психологический тип, *quasi homo*, практически лишен каких-то национальных особенностей. Поэтому эволюционная биологическая теория происхождения человека стала естественным развитием мифологии матриархального сознания, опирающегося на эмпирический принцип познания. И действительно, непосредственное чувственно-ассоциативное восприятие, которое противопоставило экспериментальная наука сознанию трансцендентного бытия, постепенно ликвидировала основу функционирования разума в человеческой душе, которая формировалась энергией инстинкта смерти. Фальсификация разума, в качестве логических суждений эмпирического рассудка, практически «замкнула» топологию душевной жиз-

ни человека на психологических импульсах, самым сильных из которых оказался сексуальный инстинкт. Фактически, сознание происхождения мировой цивилизации в процессе подавления психической энергии сексуального инстинкта, вытесняемой в качестве определенной интеллектуальной позиции сознания, указывает на полное растворение «я» в энергии коллективной психической жизни социума. Мы же утверждаем обратное: именно сознание социума и коллектива есть миф матриархального сознания, проистекающий из полного доверия «я» непосредственному чувственному восприятию, то есть реальность небытия, которая разрушает полноценные начала человеческой души.

...

Наибольшего конфликта внутренние противоречия человека достигают в его стремлении жить с его сознанием необходимости быть. Инстинкт самосохранения всегда вступает в противоречие с потребностью понимания разумного существа жизни, когда гамлетовский вопрос «быть или не быть» выражает основное противоречие разумной и неразумной части человеческой души в ее симметрии противоположных бессознательных движений. Бытие, в отличие от небытия, не является доступным для всеобщего понимания людей, поскольку движется в авангардном присутствии абсолютного духа мировой истории. И наоборот, инстинкт самосохранения человека связывает наиболее многочисленные массы людей, поскольку животное существо души не требует напряжения высшей психики для наличия разумного самосознания. Животное существо души вполне довольствуется внушаемым сознанием социальной реальности.

Таким образом, только подсознательная активность инстинкта смерти в душе способна разорвать гипнотический сон человеческой души, находящейся во власти мифологических представлений о реальности. В этом смысле, разумно-инстинктивная часть человеческой души кар-

динально и даже симметрично кардинально отличается от инстинтивно-неразумной части души уже на подсознательном уровне психических процессов. Именно поэтому известный декартовский тезис о тождестве бытия и мышления является в наше историческое время ложным, поскольку он не различает основание разума, утверждая, что наличие мысли, опирающейся на научное знание, уже достаточно для его присутствия. Но в действительности, мы видим, что современная научная мысль настолько глубоко связалась с подсознательным инстинктом самосохранения в душе, что выражает в большей степени в наше время, мифологические, а не разумные представления о реальности. Вера же в науку строится на ложном представлении, что мышление, как машинная система логических алгоритмов, подобна вычислительной технике, то есть не зависит от психических процессов. Мы полагаем, наоборот, что разумное мышление обусловлено варьированием импульсов движений высшей психики в различные исторические эпохи. А эти импульсы могут отображаться только в эстетическом мышлении, поскольку только этот вид мышления не разрывается под разрушительными импульсами инстинкта смерти. Можно сказать, что эстетическое созерцание схватывает границы дискретного потока высшей психической активности, субъективно выявляя топологию разума в качестве его объективно присутствующей в мировой истории идеи жизни человека.

Наше начало понимания бытия в новой традиции философской мысли, а именно, в шопенгауэровско-ницшеанской, исходит, во-первых, из сознания, что мышление является топологической, а не технической сферой рассудка, а во-вторых, что научного авторитета никак не достаточно для наличия разума в суждении. Ведь эмпирический авторитет знания сформировался в научном представлении из исключительной веры в непосредственность чувственных восприятий, то есть фактически

в наибольшей степени приблизил психические реакции человека к подсознательно матриархальной психологии его жизни. В результате именно в ценностях французской революции были заложены предпосылки для расовой катастрофы, то есть для исчезновения полноценных начал человеческой души, связанной с культурой патриархата. Здесь начинается разрушение высшей расовой организации психики с ее последующим регрессом.

Чтобы понять современную морально-нравственную атмосферу в России, необходимо вдуматься в этимологию слова «товарищ», происходящего от тюркского *tavar* — 'имущество, скот, товар'. Так, понятие «господин», определявшее отличие человека и животного, было заменено равенством между скотом и человеком. Понятно, что истоки этой «чумы» двадцатого века следует искать никак не в разумной основе человеческой души, а в возвращении российской культуры к архаичным инстинктам матриархата, которые получили «научное» обоснование в марксизме. То, что во всех этих ордах и массах действовала «вера» во «всемирно-историческую миссию пролетариата», лишь доказывает, что матриархальная психология всегда активизируется в эпоху расовой катастрофы. Ведь орды и массы в мировой истории — это психологические антиподы человеческой расы, поскольку их сущность всегда определяется глубокой взаимосвязью с процессами природной жизни души. Различие между массой людей в мегаполисе и человеческой ордой, первобытной или варваров, состоит только в том, что в мегаполисе достаточно высоко развиты научно-технологические процессы. Однако высокий уровень технологий мало влияет на неизбежность возвращения души человека в крупном мегаполисе к состоянию животности.

Как бы топологически ни «поворачивался» в подсознании человека его психический импульс в непосредственной проекции на мышление, различие между разумом и рассудком жестко ограничено противоположно-

стью происхождения высшей и низшей психики человека. В них существует то фундаментальное различие, которое дало возможность Платону поделить бытие на противоположность материального и идеального. Очевидно, что подобное деление всегда предполагает определенное единство своей обратной стороной: психики, бытия, мышления и так далее. Поэтому философия единства и множества так значительна для онтологии Платона. В этом смысле Шопенгауэр указал на основу возникновения различных представлений с точки зрения отрицания начала бытия, «свернутого» в топологическое многообразие. При этом следует учесть, что воля, как единство живого и неживого во взаимном динамическом проникновении элементов, составляет основу собственно материи, «натянутой» на дух в качестве перетечения этих элементов из небытия в бытие. Поток сознания здесь выполняет функцию «сглаживания» острых углов пространства, которое очерчивается в топологии метафизической реальности в случае активности в душе высших психических импульсов, поскольку чем более интенсивен подсознательный инстинкт смерти, тем жестче воздействие мертвой материи на живые импульсы души. И наоборот, чем более пассивно в своей животной непосредственности состояние человеческой души, тем менее в ней активно разумное начало, будучи растворено в низших слоях психики. По существу, и низшая психика имеет топологический характер, то есть образована линейными психическими реакциями только в условно-монотонном состоянии процессов. Уже состояние истерии и неврастения, безусловно, относящимися к характеристике психических переживаний человека в культуре матриархата, предполагает определенные психические «разрывы» непосредственного восприятия реальности, которые, по крайней мере, указывают на «вклинивание» квантов высшей психики в низшие психические процессы. Таким образом, духовные импульсы сознания постоянно «курси-

руют» от низших психических процессов к высшим и наоборот.

То, что мы наблюдаем в связи с тотальным безверием в существо разумного духа, является следствием полного доминирования в душе человека психических импульсов матриархальной культуры, которые активизируются в период расовых катастроф. Наивно полагать, что тип *quasi homo* не обладает верой. Эта вера исключительно естественна, поэтому, в отличие от веры патриархального человека, не выделяется в какую-то особенную область существования. Ведь ее психологические установки, как в физиологическом сознании женщины, направлены на глобальный процесс производства: вещей, людей, полезных ископаемых и так далее. Можно сказать, что речь идет о каком-то маниакальном культе производства, который, в частности, породил и веру марксизма с ее исключительным сознанием активности массового человека.

Если сравнить образ жизни патриархального человека с современным бытом массового человека в крупном мегаполисе, то первое, что бросается в глаза — это его исключительная скромность. Действительно, патриархальное сознание в первую очередь осознает конечность человеческой жизни, в силу чего человек не стремится «обрастать» вещами, которые напоминают ему о бренности его существования. В этом образ жизни крестьянина и аристократа (очевидно, не в период разложения аристократии) имели общность. Все вещи составляли минимум присутствия человека в конечности его материального существования, причем их эстетическая структура указывала на отрицание ощущения грубой вещественности мира. И наоборот, человек современного массового мегаполиса практически не виден за огромным количеством различных бытовых элементов, определяющих его социальную функцию в грубой вещественной реальности. Социальная функция растворяет в себе его

волю. Разумная воля ослабляется до минимума, переходя в естественную животность психических реакций. Это обусловлено тем, что разум в пределах матриархальной культуры воспринимается специфически. Он воспринимается как способность рассудка к операциям в пределах чувственных представлений, то есть фактически как «продолжение» психических реакций в сторону физиологии, а не духа. Такое состояние психики определено тем, что массовая душа не способна естественно воспринять непосредственное движение в душе инстинкта смерти, поскольку в этом случае ее существование становится бессмысленным, по крайней мере в сфере разумных психических движений. Чтобы полностью заглушить высшие процессы психики, матриархальная душа впадает в состояние истерии и неврастения, нагнетающее агрессивные реакции при всяком упоминании о конечности жизни. Так формируется вера масс.

Анализируя кардинальное отличие между матриархальной (массовой) и патриархальной (расовой) душой человека, мы в первую очередь осознаем принципиально различное понимание происхождения человека в их подсознательной основе. Если массовая душа так или иначе, ощущает свое исключительно материальное происхождение в мире, то расовая душа осознает свое происхождение из истории мирового духа. Здесь, собственно, заложено и принципиальное различие в отношении к своему происхождению. Если в массовом сознании оно не вызывает каких-то мистических настроений, поскольку физиологические процессы достаточно изучены, то расовое сознание всегда испытывает сакральные чувства в этом вопросе. Так, нет ничего более пошлого и тупого, чем атеистические представления, поскольку нет более последовательной матриархальной логики в вопросе о происхождении человека, чем логика материализма. Психологически это вполне объяснимо с точки зрения отсутствия, какой-то разумной позиции мате-

риализма. Разум, как мы полагаем, не может не иметь идеалистического начала, поскольку его предпосылкой всегда является патриархальный дух как определенный расовый архетип человека. В массовой душе, собственно, отсутствие разума есть прямое следствие отсутствия в ней расового архетипа, который характеризует в ней принципиальные психологические отличия поведения от животного. Массовый социум в этом смысле, есть своего рода современный зверинец, где наиболее уверенно чувствует себя человек с наименьшей активностью разума в душе. Новым идеям здесь появиться невозможно, поскольку новые идеи возникают как следствие достаточной активности разумных начал человеческой души. Вероятно, именно отсутствие новых идей является одной из причин глубокой деградации человека, для которого естественно соотносить свое существование с каким-то разумным смыслом.

Не трудно заметить, что в авангарде современных неразумных сил существуют процессы массовой цивилизации западноевропейского социума. Парадокс исторической ситуации состоит в том, что именно в западноевропейской культуре зародились первые элементы расовой психологии *homo sapiens*, которые в наши дни тщательно «вымываются» и «зачищаются». Фактически источником агрессивной расовой деградации человека стала социально-политическая система западноевропейского мегаполиса, в которой матриархальные элементы постепенно сложились в систему, исключаящую любую возможность патриархального сознания в самореализации. То, что массовая культура мегаполиса распространилась на весь мир, обусловлено тем, что варвары и деграданты в этой политической системе осознают себя как «граждане» мира. Невозможность же критики этой неполноценной политической системы, построенной на отрицании активности в душе разума, вызвана авторитетом великого прошлого европейской цивилизации. То, что раз-

умные политические силы, как показывает наше историческое время, в ней проиграли, не является предметом серьезной дискуссии, которая была бы опасна для низшей человеческой породы, тотально доминирующей в массовом социуме.

Мы, кто осознает себя на земле, разрушенной варварами, Российской империи, не можем поддаться этой цепкой системе массового безумия, которая каждодневно и ежесекундно формирует из человека, участвующего в непосредственной жизни мегаполиса, гуманитарного идиота. Таковую оценку исторической ситуации, когда безумец воспринимается как представитель великой культуры (современная судьба западной цивилизации), способен произвести варварский ум, но не разум. Нравственным долгом разума, наоборот, является следование расовому началу архетипа души, который утверждает, что закат европейской культуры достиг своего максимума, а именно, доминирования в его социальной инфраструктуре политических сил, которые враждебны разуму. Однако, вместо того, чтобы осознать враждебность этих сил разуму, мы находим попытку отрицать разум вообще, то есть отрицать высшую ценность познания как основу существования человека, приведшую к появлению различных иррациональных течений в философии и в политике, возникших из бессознательной попытки преодоления процессов расовой катастрофы.

Наше понимание действия разумного начала в человеческой душе, как особенности действия в ней нового расового архетипа, состоит в специфике активности бессознательного инстинкта смерти, который своей энергией составляет высшую область психики. Речь, конечно, здесь не идет о страхе смерти, вполне естественно-животном сознании человека, определяющего его инстинкт самосохранения. Мы имеем ввиду постоянный контроль над психикой человека трансцендентного импульса психики, возникающего в глубинах бессознательного и, как прави-

ло, редко активизирующегося под влиянием внешних событий. Этот импульс, собственно, отображает взаимосвязь высших слоев психики в проекции на бессознательные мотивы воли. Так, собственно, формируется психология человеческой расы, тогда как массовая психология человека выражает обратный процесс, постепенное смещение сознания к чистоживотным движениям души. Трудность их различения состоит в том, что чистоживотное состояние души всегда сохраняет какой-то минимум расового архетипа, а расовый архетип всегда «смазывается» какими-то хотя бы бесконечно малыми массовыми движениями психики. Симметрия расового и массового импульса души характеризует онтологическую симметрию бытия и небытия в воздействии высшей и низшей психики в подсознании человека. Ведь для разумного человека всегда было очевидно, что животное существо его души выражает примитивные влечения, а духовное существо — непосредственную идею его жизни. То, что материализм повернул все «вверх ногами», когда дух стал восприниматься в массовом сознании как не до конца постигнутые свойства материи, в действительности, выражает лишь поворот симметрии сознания от бытия к небытию. Подобный поворот, поскольку он периодически происходит в мировой истории, первоначально не воспринимается катастрофически, ибо рациональная культура всегда очень тонка. Ее и при достаточном наличии в историческую эпоху воспринимает небольшое количество людей, поэтому когда она исчезает, мало кто обращает на это внимание, поскольку ее вспомогательный материал продолжает активно воздействовать на повседневную жизнь цивилизации. Так, например, происходит с деятельностью научно-технического прогресса, который полностью подчинил себе непосредственную жизнь человека в массовом мегаполисе. То, что исторический разум в нем уже не существует, может понять только разумный человек.

Рассуждая о метафизической реальности, мы, в первую очередь, полагаем, что эта область характеризуется трансцендентной частью бытия, связанной с подсознательным действием в душе человека инстинкта смерти. Это именно инстинкт, то есть бессознательное влечение части психической энергии к «извлечению» сознания из непосредственнобиологических импульсов. В этом смысле идея жизни, в отличие от непосредственного образа жизни человека, существует только в качестве отрицания возможности доминирования животных импульсов в душе. Даже матриархальная культура, как это можно заметить по нашествию различных орд в мировой истории, стремится концентрировать духовные импульсы, чтобы активизировать волю человека. Эту концентрацию неполноценных психических импульсов, безусловно, безумную по отношению к разуму, мы можем наблюдать в истории России начиная с 17-го года, когда матриархальная культура создала психологию quasi homo советского образца. Так, матриархальная вера заполняет изнутри патриархальные нормы жизни, разъедая их бесконечным легкомыслием своего существования.

Действие подсознательного инстинкта смерти в душе человека в первую очередь разрушает ее животную непосредственность и, как следствие, освобождает сознание от гипнотического воздействия массовой культуры. В массовой культуре человек никогда не задает себе вопроса: зачем? — подчиняясь течению социальных представлений, которые выражают в нем его инфантилизм сознания. Вообще, в понимании того, что такое свобода, массовые представления имеют особенность сводить ее реальную сущность к отсутствию реальности свободы человеческого духа вообще. Так было с представлениями о свободе, связанной с христианской верой, и также происходит с существом свободы гуманизма. Если в первых рядах представлений о свободе в истории христианства выступают фана-

тики, призывающие римских рабов к чувству достоинства, то в конце средневековья, под свободой духа начинает утверждаться попытка всеми средствами препятствовать развитию разумного понимания существа мира. Аналогичным образом, если начало гуманизма определено духовной верой в свободный разум, то конец эпохи гуманизма характеризуется забвением разума. Понятно, что между разумом эпохи Возрождения и современными социальными представлениями о разуме существует пропасть, суть которой заключается в утверждении разумного бытия в эпоху возрождения и навязывание сознанию небытия современными неразумными социальными представлениями.

Проблема власти небытия над сознанием человека, которая осуществляется через многочисленные СМИ для поддержания неразумного образа жизни человека, ведет свое происхождение из инстинктов масс западноевропейских рабов. Как само собой разумеющееся, как постулат этой неполноценной культуры, сложилось представление, что только человеческие массы являются единственной исторической силой реальности, ее производительной силой. Вероятно, что социально-производительной силой они являются, но они не являются силой разумной, поскольку разум не существует вне иерархического принципа, отображая общую онтологию иерархии бытия. Так, активность производительных сил цивилизации всегда возрастает в период расовой катастрофы, поскольку основы матриархального инстинкта человеческой души подсознательно стремятся что-то производить, безразлично что. Этой наиболее интенсивной энергией тотального производства, как известно, в наше время отличается Китай, который всегда исторически отличался психологией матриархальной культуры. Не случайно поэтому многие поверхностные интеллектуалы пророчат доминирование в будущем китайской цивилизации, что их подсознание практически лишено взаимосвязи с разумными движениями души.

Особенность сакрального начала времени характеризуется одновременным, симметричным воздействием на сознание иррациональных движений воли в горизонте потока абсолютного духа мировой истории. Подобный поток воздействия невозможно воспринимать механически, поскольку отсутствует одна точка, производящая это начало. В результате началом бытия является множество, то есть бесконечное, которое мыслится лишь в последнюю очередь, а в первую очередь оно созерцается. Впрочем, и Кант и Гегель в основе своей философии полагали созерцание первичным познавательным средством сознания бытия, выделяя в нем субъективно разумную или объективно разумную его сущность. Однако топологию эстетического созерцания исторического времени впервые применил Ницше, когда граница трех познавательных способностей: чувства, рассудка и разума стала условной в тотальном действии полноценной психической энергии человеческой души. Ликвидация этой границы в пределах многовековой традиции линейных представлений об истории в монотеизме и гуманизме, в нашем понимании, явилась фактом становления нового расового архетипа человека, который психологически по-иному воспринимает сакральное существо мира. В этом новом, сакральном переживании, в отличие от религиозных психологических установок сознания, отсутствует отчетливая проекция первичности личного начала, как человека, так и бога. В метафизическом существе этой открывающейся «бездны» (пользуясь терминологией Ницше) мы находим геометрию такой кривизны метафизических объектов, которую нельзя свести к механической сущности. Практически субъекту не за что «зацепиться» в множестве метафизических точек присутствия объекта, которые, самое главное, пребывают в непрерывном течении и становлении во времени. Математически сознание «ухватывает» только «кусочек» множества точек объектив-

ной реальности, где пространство обладает внутренней сакральной силой, не дающей возможности расчленить себя на отдельные первоэлементы. Именно поэтому мы рассуждаем о кванте психической субъективной энергии, которая топологически сопрягается в тензор рациональной реальности. Сопряжение обладает единством только в эстетическом созерцании, ибо границы между сознанием и подсознанием являются размытыми в силу интенсивного взаимодействия сакрального начала времени на бессознательные влечения человека. И если в религиозной традиции существовал жесткий отбор подсознательных психических реакций, которые несут в себе разрушительные бессознательные импульсы инстинкта смерти, то в новом расовом архетипе человека они не просто открыты, но являются, можно сказать, единственным доступом к подлинному сознанию бытия. Таким образом, расовый архетип *homo sapiens* формируется, вообще говоря, в русле течения подсознательного инстинкта смерти как субстанция, которая не контролируется полностью сознанием, поскольку топологически не сводится к чисто-личному началу. Эта субстанция ускользает от сознания в зависимости от топологии многообразия исторических цивилизаций. В ней высшая психическая энергия черпает свою силу не из контакта с природой, а из сверхприродного существа, рассеянного коллективным опытом инстинкта смерти в существовавших в прошлом цивилизаций. В результате мы можем полагать, что человек, собственно, как разумное существо, еще не произошел, а на то, что он не был сотворен каким-то высшим существом, указывают современные опыты, где предпринимается попытка скрещивания гена человека и домашнего животного.

Основная проблема современного метафизического сознания состоит в том, что сакральное ощущение не интенсифицируется с каким-то знакомым образом и, вообще, знакомой системой ассоциаций в памяти. Если измен-

чивая форма культуры так или иначе сводила представления о мире к известной цепочке непосредственных чувственных ассоциаций, то расовые основы души разумного человека воспринимают ассоциации чисто механически. В качестве сакрального по существу, то есть за пределами ассоциативного восприятия, лишь сознание непосредственного процесса мышления могло доказать наличие мира как действительного. Однако положение бытия в сознании абстрактного мышления его сущности предполагает противоположности ассоциативного восприятия и чистой абстракции существующими как конструктивный элемент, но не самой полноты бытия. Полнота бытия как сознание-следствие реализации полноценной души, является единственным критерием разума. В наибольшей степени это осознал Гегель, который связал разумную действительность абсолютного духа с объективным историческим процессом событий. И действительно, в истории, очевидно, коллективное начало человеческой души не может быть непосредственным, поскольку это природное состояние, которое лишено участия в активных действиях абсолютного духа мировой истории. Иллюзия исторического процесса, которая, например, была сконструирована марксизмом в качестве новых всемирно-исторических сил мирового пролетариата, в действительности выражает линейную сущность времени, в котором отсутствует патриархальное сознание сакральных сил. Матриархальное же сознание, обусловленное мощной подсознательной мотивацией к производству, находит сакральное в том, что отображает постоянное изменение материальных процессов. Если на ранней стадии формирования цивилизации это матриархальное сознание находит подобный сакральный элемент в мифологии многообразия трансформаций различных природных стихий, то в период распада цивилизации основная деятельность матриархата сосредотачивается в мании тотального производства, поскольку это остав-

ся единственным проявлением примитивнейшей духовной жизни субъекта. Однако для патриархального сознания подобная реальность воспринимается как небытие, ибо здесь отсутствует момент достаточного воздействия в психике инстинкта смерти, как необходимого условия первичности духовного начала в человеческой душе. Так, не трудно понять, что и женщина, как человек, в первую очередь стремится осознавать себя духовным и мыслящим существом, а не источником производства, получения наслаждения или механической социальной машиной массовой цивилизации.

Утверждая, что сакральное существо бытия отображает метафизическую сущность времени, мы, очевидно, неизбежно отрицаем возможность сведения этой сущности к личному началу человека. Вообще, культ человеческой личности, на которой строился монотеизм и гуманизм, является безосновательным в системе ценностей современного расового сознания. Матриархальная психология современных социальных ценностей требует равенства всех, но не перед неуничтожимым началом бытия как воли разумного духа, а в природном существе реальности. То, что это природное существо обладает бесконечным разнообразием своих материальных проявлений, и формирует, собственно, основу психологии матриархальной культуры.

...

Когда анализируются исторические события российской цивилизации, то в первую очередь должны осознаваться масштабы расовой катастрофы, разлившейся здесь с 17-го года нашествием большевистской орды. Вообще, рассматривая известные исторические фигуры этой эпохи в России, единственным аналогом их психологических типов могут быть фигуры подобных нашествий варварских орд в другие исторические эпохи. Но, как известно, мировая история не сохраняет имена варваров, если только для специалистов, поэтому полагать исторически-

ми «личностями» неполноценные человеческие типы: Троцких, Лениных, Дзержинских и тому подобных могут только неразумные люди. Однако именно неразумное начало установилось в представлениях об истории в российской исторической мысли. Это и понятно. Ведь то, что здесь называлось «научной» исторической школой, в действительности было только попыткой утверждать этого неполноценного человека «личностью». Как и до 17-го года, так после него известные представления западников формировались на жесткой антирасовой основе, в которой русской культуре отводилось место «ученика» у великих идей западноевропейских мыслей. Вероятно, что такая позиция и имела какое-то относительное право в то историческое время, однако наше историческое время совершенно иное. Наше историческое время характеризуется, во-первых, полной деградацией рациональной культуры в западной цивилизации, а во-вторых, тотальным разрушением векового патриархального уклада жизни в России вследствие нашествия большевистской орды и его методического уничтожения как при советской власти, так и в наше время. Возникший впоследствии активист социально-политической системы, наиболее полно психологически развившийся в руководящей структуре ВЛКСМ, был тем откровенным дегенератом, с точки зрения полноценной человеческой души, который впоследствии благополучно разграбил собственность бывшего СССР. Понятно, что возникшая психологическая атмосфера на основе тотальной неразумности происходящих событий практически исключила право голоса разума в данной исторической ситуации. Разграбление варварами государства после 91-го года было объявлено «первым этапом становления капиталистических отношений».

Первое, что послужило причиной тотальной деградации человека в России после 17-го года — это марксистское представление, что сущность разума должна быть доступна массовому сознанию. В действительности же,

все существует наоборот. Если мысль становится доступной массовому сознанию, то она становится неразумной по существу, поскольку теряет свое онтологическое содержание, имеющее авангардное проявление разумного духа. Впрочем, шаманские суждения о прибавочной стоимости оказались достаточными для варварского ума, чтобы поверить своей матриархальной душой в новое учение, где историческая роль мирового пролетариата определялась «авангардной». Вообще же, как мы полагаем, основная проблема отсутствия разумных мотиваций людей в массовой культуре существует в отсутствии достаточной активности высшей психической энергии, которая регенерирует полноценные движения человеческой души. Эти движения формируются в качестве энергетических квантов присутствия в ней сознания разумного духа. Понятно, что это сознание невозможно вывести из какого-то процесса материального производства, поскольку подобная энергия формируется духом как полнота нематериальности времени, его сакральной видимости в эстетическом созерцании. Однако массовая цивилизация практически полностью отождествила сознание времени с материальными процессами производства, в которых животное начало человеческой души слилось с процессами природы. Абстрактная мысль полностью прослеживает эволюцию материи этой животной сущности от момента возникновения Вселенной до современного бессмысленного существования массовой цивилизации.

Высшая психика, которая в качестве патриархальной подсознательной основы постепенно разрушалась, начала минимизировать свою активность сразу же после исчезновения позиции классического искусства, вероятно, уже начиная с первых признаков наступления буржуазных ценностей. Это было вызвано потребностью бессознательно рабских инстинктов души к утверждению не за счет освобождения своих подсознательных основ, а за счет максимального развития абстрактного мышления.

Поскольку же основы исторического представления были линейными в соответствии с монотеистической религией, то и сила абстракции получила свое развитие, в первую очередь в линейной «сетке».

...

В нашем понимании, топологическое мышление в наибольшей степени отображает расовую сущность разумного человека, поскольку эта сущность лишена основания в конечности линейных процессов природы. Наиболее полно это отобразилось в пластике форм классической европейской музыки, где невозможность сведения субъективного восприятия к объективной механике материального производства характеризует ее как наивысшее достижение полноты европейского духа. Собственно, на внимании к этой пластике топологической взаимосвязи расового архетипа *homo sapiens* и сознания эстетического созерцания многообразия материальных процессов природы во времени заканчивается философия истории западноевропейской культуры. Цивилизация тотального распада смыкает свои мертвые формы в бессмысленности существования массовой цивилизации, где старое расовое существо окончательно деградирует, а новое так и не получает своего окончательного завершения. Этот исторический процесс знаком нам, например, как период перехода от античной к христианской цивилизации, где римляне окончательно потеряли свои расовые инстинкты под властью германских варваров, сохранив единственную сферу влияния — христианскую церковь. Как ни парадоксально, но единственной аналогичной сферой расовой активности инстинктов в европейской цивилизации является область военно-промышленного комплекса, как у западноевропейских народов, так и в России.

Процесс расовой катастрофы всегда сопровождается параллельным процессом, а именно, формированием новой расы. Здесь также реализуется онтологический принцип симметрии: бытия и небытия. И, в силу онтоло-

гических свойств симметрии, то, что ранее воспринималось как небытие, начинает восприниматься наоборот, то есть как бытие. При этом раса в онтологическом смысле образуется энергетическим потоком психологических эмоций, взаимосвязанных с инстинктом смерти, который создает ту или иную специфику коллективной культуры. Раса же в научном смысле, понимаемая как биологическая особенность строения человека, отображает, как мы полагаем, расовый «шлак», который никак не объясняет особенностей движений высшей психики. Можно бесконечно дифференцировать разновидности расового шлака, то есть массовую сущность человека, но она никогда не дает рационального понимания его строения души.

В онтологическом смысле рождение новой расы, как замкнутой системы коллективной циркуляции инстинкта смерти, подобно рождению новой Вселенной, когда сакральные движения человеческой души ускользают во время, поскольку именно время регулирует меру пластичности подсознательных психических движений. Можно сказать, что эта пластика психических движений души, создающая меру ее полноценности, формирует ее духовную особенность сознания. В этом смысле расовая катастрофа характеризуется разрушением пластических движений души, вследствие чего и возникают многочисленные психические отклонения, связанные с истерией и неврастением, которые выражают отсутствие активности элементарных разумных импульсов психики. Так, не трудно заметить, что подобные состояния души жестко подавляются в патриархальной культуре, поскольку ослабляют активность энергии инстинкта смерти. И наоборот, современная массовая культура почти полностью составлена из неполноценных импульсов, где одно состояние безумия накладывается на другое. В результате в массовой цивилизации практически полностью отсутствует взаимосвязь с историческим временем, когда доминирует единственное его понимание как физической длитель-

ности. Поэтому все разговоры об исторических процессах, как правило, ведутся здесь на основе того, что полностью выходит за пределы разумного духа, то есть как о социально-массовой мотивации человека в прошлом. Однако социально-массовая мотивация человека в мировой истории выражается исключительно его матриархальными инстинктами, которые именно и строятся на основе этой психической неполноценности.

Анализируя современную социально-политическую систему России, в первую очередь становится понятна система матриархальной психологии континуума ее политической жизни везде, за исключением военно-промышленного комплекса. Это, собственно, характеризует психологию ценностей варварского государства, не имеющего какой-то разумной цели существования. Известная мысль о политическом объединении как «единой России», указывает на то, что здесь, очевидно, разумная цель объединения отсутствует, поскольку государство не может объединяться на механической основе, как бессмысленный агрегат. Исторически современную политическую жизнь в России, с точки зрения существа объективного исторического разума, мы воспринимаем как окончательную деградацию политической власти, возникшей вследствие ассимиляции большевистской орды. Третье поколение внуков и правнуков ее вождей, лакеев, варваров и дегенератов, очевидно, в полной мере реализовало свою генетическую неполноценность, поэтому что-то положительное в государственном смысле ожидать от этой среды людей не приходится. Мы должны осознать, что здоровые политические силы могут появиться только из психически полноценной коллективной среды, а именно с этим в России и существуют большие проблемы.

В том то и состоит наивысшая трагедия современной российской реальности, что здесь отсутствует человек как таковой, то есть отсутствует реальное разумное раз-

личие между человеком и животным, когда животное существо практически полностью доминирует в социально-политической жизни государства. При этом ссылки на аналогичные процессы в западноевропейской цивилизации здесь неуместны, поскольку в истории западноевропейской цивилизации разум реализовался в вере в его научный проект и авторитет. Реализовывался этот проект на расовом уровне, поэтому и подчинил своему развитию все процессы развития мировой цивилизации, тогда как в России он имел обратную реакцию, а именно, ликвидацию родовой аристократии и национально ориентированной элиты, фактически подготавливая разрушение Российской империи большевистскими ордами. Вообще, если проследить историю мировой цивилизации, начиная с шумеров (а возможно и раньше), то она развивается как история различных человеческих рас, но никак не человеческих масс. Процесс освоения опыта мировой культуры народами, примыкающими к пространству развитой цивилизации, не имеющей самостоятельной рациональной культуры, в первую очередь, разрушает их сложившийся быт, поскольку этот быт не обладает самостоятельной разумной основой.

Хотя мы осознаем, что возврат к государственному устройству до 17-го года в России невозможен, мы также осознаем, что небытие человека, являющегося основой современной социально-политической реальности, также неприемлемо. Практически оно ведет к распаду государства, поскольку государство — это разум, а таковой отсутствует в современной политической российской реальности. В качестве действия разумного основания должна присутствовать хотя бы минимальная полноценность человеческой души, а таковая исключена, и в силу традиций российской государственности до 17 года и, особенно, после нашествия большевистской орды. Ведь ликвидация национальной элиты, явившаяся следствием большевистского нашествия, привела практически к пол-

ному исчезновению адекватного государственного мышления, поскольку варварский ум неспособен к таковому. Научно-технические достижения, конечно, способны некоторое время механически поддерживать целостность этого варварского социума, однако он неизбежно должен распасться, поскольку не имеет какого-то элементарного разумного основания. Когда любое проявление человеческой души, психологически возникает из влияния неполноценной социальной реальности, которая исторически имеет свое не столь отдаленное происхождение в грубых натурах варваров, то существование государственных институтов, в их элементарно рациональной основе невозможно. Однако этот очевидный исторический факт еще необходимо осознать. Пока же в России доминирует ложное представление об исторических событиях 17-го и 91-го года, государство будет оставаться варварским.

Формирование кастового принципа власти, который, по-видимому, является единственной альтернативой социальной реальности варварского государства, состоит в постепенном формировании политического пространства, где доминируют полноценные начала человеческой психики. Он состоит в том, что это пространство должно наращиваться постепенно, вследствие медленного вытеснения активности неполноценной психической энергии из политического континуума власти. Ошибочно представлять себе касту в качестве известного кастового института в древнейшей истории арийской расы, поскольку для разума должно быть очевидным, что неразумные дети могут рождаться у разумных родителей, как и наоборот. На этот очевидный факт указывал еще Платон, поэтому огонь разумного познания должен поддерживаться разумными людьми, а не людьми на том лишь основании, что их предки внесли свой значительный вклад в формирование рациональной культуры. К чему приводит кастовый принцип в его архаичном существе в полной мере показывают страшные предрассудки в современной Ин-

дии, где этот институт в большей степени способствовал не развитию разумных начал человеческой души, а ее глубокой деградации, в которой ее застали колонисты из Англии. Но мы рассуждаем о новом кастовом институте, институте новой расы *homo sapiens*, когда его образование должно строиться на новых сакральных импульсах человеческой души. Новизна этого сакрального импульса состоит в определенном зловещем начале, которое мировой дух открывает в человеческой душе как отрицание конечности человеческого сознания по существу. Вероятно, именно по этой причине у древних египтян отсутствовало представление о боге как о дифференцированной сущности природы, а существовало только отношение к метаморфозам многообразия сакральных сил, воспринимаемых по границе ощущения индивидуального инстинкта смерти. И, в целом, по-видимому, необходимо искать следы первой высшей расы, как людей, создавших великие пирамиды, на территории Древнего Египта. По крайней мере религиозные египетские гимны отображают подлинное вдохновение души, общающейся на равных с этой первородной силой начала творения.

...

Не трудно заметить, что западноевропейская цивилизация деградирует и без нашествия варварской орды, как это имело место в России. Рациональный слой культуры в ней практически «вымыт» массовой психологией, а политическая власть выражает не разумные цели, а лишь инстинкт выживания бессмысленного существования масс. Таким образом, процесс расовой катастрофы имеет планетарный характер, выражая некую метафизическую тенденцию перехода человеческого бытия в небытие. При этом, вероятно, сакральное существо бытия «сворачивается» в глубинах человеческой психики, производя медленную перестройку расового архетипа. А поскольку процесс сворачивания старого архетипа предполагает разрушение патриархальной культуры, то его след-

ствием является максимальная активизация низших человеческих инстинктов, которые все мировые религии вполне заслуженно подавляли.

Особенность сакрального существа в сознании времени имеет исключительно разрушительный характер воздействия на человеческую психику. Человек же не может полагать, что это зловещее, сакральное существо, не имеющее личного начала, есть бог. Однако это не ветхозаветный бог евреев, который вкладывает в сознание человека, что есть он «червь» перед ним. В том то и дело, что это безличное существо бесконечно возвышает человека над его земными конечными целями. По-видимому, в мировой истории, в древних цивилизациях, в него верили древние египтяне, а в новейшее время, к его осознанию вплотную подошли фашисты. Однако провал фашистской идеологии показал, что нельзя реализовать на основе нового сакрального сознания превосходство над низшими формами цивилизации, поскольку первоначально должна быть сформирована их внутренняя зависимость от этого сакрального начала. Только так можно объяснить поражение фашистской Германии от большевистской России, у власти которой находились фактически варварские силы, ликвидировавшие элиту русской нации.

...

Главнейшим уроком мировой истории является понимание, что современный исторический разум не может опираться на авторитет науки, поскольку данный проект взаимосвязи: науки и разума, реализовался полностью. Технические выдающиеся достижения мировой цивилизации в последние десятилетия были вызваны уподоблением человеческого мышления машинной системе. Однако забывают об обратной стороне этого процесса, а именно, о тотальном забвении влияния высшей психической энергии на сознание, которая единственным образом гарантирует достаточную активность разума в человеческой душе. Это вызвано тем, что мысль, как и бог, не мо-

гут быть представлены, то есть приведены к какой-то конечной формуле сознания.

Когда мы анализируем причины победы марксизма в России то в первую очередь замечаем, что субъективный разум здесь, безусловно, существовал до 17-го года, что принципиально отличает историю российской государственности, например, от истории китайского государства, где доминирующие функции его развития всегда принадлежали матриархальной психологии человека. Удивительная выживаемость китайского государства имеет происхождение в особом географическом положении, когда эпицентр мировой цивилизации всегда исторически находился от него на достаточно большом удалении. В результате варвары, захватывающие китайское государство, постепенно растворялись в его рыхлом расовом начале, способном переработать любое варварское нашествие. Но история русской нации была иной. Она пережила единственное длительное нашествие татаро-монголов, когда русский генофонд в его лучшей части был практически уничтожен — факт, который сближает это нашествие с активностью большевистской орды, разрушившей Российскую империю. После татаро-монгольского нашествия происходил медленный и мучительный процесс восстановления расового поля, то есть фактически реконструкция единства патриархальной культуры.

В понимании существа высшей расовой организации человека мы стоим не на биологических позициях. Вероятно, именно попытка связать высшее расовое существо человека с его биологическим происхождением, особенно, в немецком фашизме, в наибольшей степени навредило подлинному пониманию существа высшей расы. В первую очередь, мы полагаем ложным это представление, поскольку оно выводит существо расовой сущности человека не из патриархальной, а из матриархальной культуры, когда выдвигает биологические признаки неравенства. Конечно, биологические признаки неравен-

ства должны были легко найти массовую поддержку, однако высшие ценности не ищут массовой поддержки, а утверждают разумную иерархию бытия.

...

Сложность образования основ рациональной психологии на постсоветском пространстве определена в первую очередь отсутствием зачаточных движений в ней высшей психики. Но наивно полагать, что современная западная демократия имеет какую-то разумную основу — она суть антирасовая политическая модель по существу, образовавшаяся таким образом, чтобы препятствовать проникновению в свою организацию разумных людей. В результате этого, современный европейский мир погрузился в глубокое нравственное разложение, где, с одной стороны, выступает западноевропейский деградант, генетический наследник люмпенских масс и выродившейся буржуазии, а с другой стороны, поверхностно цивилизованный варвар, продукт ассимиляции большевистских орд на территории России и государств, попавших под сферу их влияния.

Новый проект мировой цивилизации, безусловно, не может строиться на основе доминанты тех политических сил, которые формируются психологией матриархата, где материальный мир полагается изначальным в понимании всех законов бытия. По существу, именно небытие здесь полагается «бытием», поскольку в сознании как варвара, так и деграданта отсутствует психологическая возможность воспринимать разум, в силу катастрофического недостатка в их душе высшей психической энергии. Собственно, и понятие «души» упразднено в матриархальной психологии, поскольку в чисто материальной реальности отсутствует сознание исторического разума.

С другой стороны, мы встречаем тысячелетние традиции в китайской и индийской истории культуры как своего рода многообразии инфантильных ценностей сознания вечного детского сада. Здесь патриархальное нача-

ло культуры крайне неразвито, в силу чего монголы образовали здесь свои династии, когда даже варварский дух агрессивной орды оказался более «мужественным», чем женоподобные правящие династии Индии и Китая. К сожалению, мы констатируем, что русские правящие национальные династии также продемонстрировали в мировой истории отсутствие зрелости патриархального духа. В результате этого ассимилированные большевистские типы заложили в России свои генетические слои правящих кланов, которые формировались в коммунистической партии и комсомольских рядах. Понятно, впрочем, что инфантильное сознание «счастливой» жизни этого детского сада советской власти не могло существовать вечно, поскольку категория «счастья» является культовым понятием матриархата. Русская же нация рассеялась и растворилась в этих ордах как вода в песке.

Когда мы размышляем о единстве нации, то, очевидно, не можем каким-то образом использовать опыт исторического прошлого, поскольку после нашествий варварских орд на государства, их захвата и последующего разрушением, исторические предпосылки существования народа и нации должны быть кардинальным образом пересмыслены. Они должны быть пересмотрены настолько радикально, насколько велики были масштабы национальной трагедии. В первую очередь, мы видим, что сакральное сознание начала бытия изменилось в восприятии человека начала 21-го века. Существует необходимость межнационального объединения на основе понимания кризиса патриархальной культуры, где-то разгромленной ордами, а где-то и разложившейся естественным образом (если мы рассматриваем судьбу западноевропейской цивилизации). Единственной основой такого объединения, в нашем понимании, является судьба новой высшей расы, *homo sapiens*.

Массовая душа не имеет архетипа, то есть не обладает взаимосвязью с патриархальными нормами культуры.

Ведь патриархальная культура строится из сознания неизбежности конца человеческой жизни, то есть постоянного воздействия из подсознания импульсов инстинкта смерти на поступки и мысли человека. При этом, если в традиционной исторической культуре религиозное сознание производило эти подсознательные импульсы, указывающие на конечность человеческого существования, то в практически тотальном влиянии матриархальной психологии в мировом мегаполисе, влияние религиозного сознания оказалось ничтожным. В отсутствии действия подсознательного расового архетипа, массовая душа не обладает свободной волей. Вместо действия свободной воли здесь присутствует динамика патологических движений психики, которые создают среду многообразных разговоров о «свободе» и «воле».

Исторически, моральные нормы человеческого сосуществования складывались в качестве доминирования полноценных движений души. Патологические импульсы изгонялись из сообщества людей, поскольку влекли за собой деградацию и вырождение рода. Ведь род воспринимался не в качестве животного мира, представителем которого является человек, а как сознание вечной жизни, присущей человеку через его действие индивидуального духа. Понятно, что в матриархальной психологии, где человек в первую очередь воспринимается как тело, дух является чем-то вторичным, поскольку его происхождение и действие невозможно проследить в последовательности чувственных ассоциаций. В симметрии потока сознания наличие чувственно-ассоциативных восприятий неизбежно присутствует в человеческой душе, однако это ее низшая часть. Ассоциации концентрируются в области психологических мотивов поведения, которые практически полностью зависят от инстинкта самосохранения человека, поскольку чувство животной самости и есть, собственно, основа социально-массового сознания. Таким образом, моральное сознание не может формиро-

ваться чувственными ассоциациями, в которых оно определено животным существом души. В нашем понимании, мораль вообще может существовать только в действии в подсознании человека определенного расового архетипа. То, что современная массовая цивилизация демонстрирует практически во всем мире, отсутствие элементарных моральных норм поведения человека как разумного существа, есть следствие разрушения традиционных патриархальных принципов жизни. Мораль, как ограниченно-рассудочное суждение, является признаком распада расового архетипа, то есть признаком расовой катастрофы, сопровождающейся исчезновением пространства полноценной психической энергии, в которой реализуется моральное сосуществование людей. Так, материал суждений рассудка строится по «цепочке» чувственных ассоциаций, стремясь, с одной стороны, удовлетворить естественный инстинкт самосохранения, а с другой, удерживать взаимосвязь с опытом достигнутой интеллектуальной культуры. И, более того, поскольку действие подсознательного инстинкта смерти минимизировано, абстракция получает полную свободу суждений, правда, лишенную взаимосвязи с разумом в душе.

Когда мы размышляем о жесткой критике Ницше всех основ морального сознания, то в первую очередь осознаем, что она проистекает из полноценной психической энергии нового расового архетипа. Сознание сталкивается здесь с потоком этой энергии, фактически взрывающей социальную психологию рассудочной морали, поскольку ее граница суждений полностью зависит от чувственной непосредственности восприятия. Особенностью философии Ницше является сознание процесса формирования нового расового архетипа в его проекции на мировую историю. С другой стороны, новый архетип вступает в психологические противоречия с остатками старого расового архетипа, что и приводит к эмоциональному протесту, например, против христианской религии.

Психоанализ в полной мере выявил сущность матриархальной (массовой) души как животного-биологического существа, реализующегося в области социальной культуры. Этот род коллективизма, социально-массовый, очевидно, возникает в период расовой катастрофы как объединение людей на основе неполноценных психических импульсов души. В период доминанты разума в культуре он исключен, поскольку разумный дух всегда выражает границу с животным началом психики. И наоборот, максимум массовости в коллективном образе жизни человека всегда демонстрирует наличие наивысшего слабоумия, которое распространяется в силу исчезновения пластических форм единства разума и эстетического созерцания трансцендентного начала бытия. Сознание трансцендентного начала психики исключено в массовой душе, в силу чего, собственно, и само понятие «душа» в массовой культуре исчезло, поскольку между психикой и физиологией практически отсутствует граница в массовом сознании. Вообще, психология массовой души сложилась в глубокой конфронтации с религиозным сознанием, которое отстаивало трансцендентные начала психики в сознании. Но ведь и без веры в бога разумный человек нашего исторического времени осознает, что его подсознательный инстинкт смерти не связан с его физиологической сущностью в прямолинейности психических реакций. Это сознание, собственно, и указывает на наличие в человеческой психике архетипа новой расовой организации, складывающейся вследствие распада старого расового архетипа. При этом основным свойством воздействия этого нового расового архетипа на психические реакции человека является сознание сакрального начала времени, которое не сводится к какой-то религиозной традиции взглядов и представлений. Расовый архетип, таким образом, есть топологическая основа подсознательного воздействия инстинкта смерти человека на его непосредственные соматические реакции.

Принципиальное отличие, таким образом, массового от расового человека, состоит в том, что первый — неразумен. Второй тип человека разумен, в любом случае только разум может иметь архаичную историческую природу. При этом, как это бывает в мировой истории, неразумные массы варваров и их разнообразная смесь стремятся к исключительно активной неразумной деятельности. Понятно также, что матриархальная вера является исключительно сильной на первой стадии своего появления, активизируя волю, поскольку из подсознания выходят подавленная потребность в ощущении реальности материального мира, пусть даже данного в резком антагонизме с духовным началом души. Но основной причиной победы этого состояния матриархального сознания над тысячелетней традицией является ее интуитивная потребность в обновлении патриархального восприятия мира, то есть формирование нового расового архетипа как прообраза современной исторической сущности разума. Ведь разум есть то же самое, что полноценные начала человеческой души в их непосредственном действии. Полнота бытия есть реальность сакрального сознания времени, чье историческое отображение формирует разумный дух таким, каким он субъективно существует в полноценности человеческой души как определенном фрагменте существования мирового духа истории. Варвар или дегрант в ситуации расовой катастрофы захватывают власть и формируют свою, фактически дегенеративную культуру, в которой культивируется неполноценность человеческой души как ее основа. Эта культура, как мы видим, заполнена пустой болтовней на многообразные, практически, полностью — социальные темы, которые создают видимость значимости этого бессмысленного с позиции объективного исторического разума существования человека. Разговоры о праве, о свободе, о морали и нравственности здесь ведутся варварами и дегрантами в их социальном статусе: по-

литиков, экономистов, ученых, правоведов, социологов и других профессиональных областей неполноценных представителей человеческой природы. Основная черта этих разговоров — отсутствие в них разумного содержания, поскольку массовый социум есть система, внутренне лишенная разума в силу отсутствия в нем элементарной расовой организации человеческой души. Вообще, разумный дух не может вступать в общение с историческими призраками, которыми являются многочисленные quasi homo, с их разнообразными социальными статусами и профессиями. Ведь эти человеческие типы лишены расового основания души, которое бесконечно пассивно в их подсознании, в силу животного стремления — любой ценой реализоваться в массовом социуме.

...

Если еще недавно было легко понять, чем являлась патриархальная культура для человека, то в наше время, очевидно, практически уже ничего не напоминает ему о ее наличии. Вероятно, в наше время доживают последние годы те, кто еще помнит запахи деревенской родовой избы, в которой был жив дух прошедших поколений. Большинство же церковью подверглись глумлению со стороны варваров большевистской орды, поэтому церковь уже не дает ощущение взаимосвязи с сакральным историческим прошлым. Вообще, создается ощущение, что традиционная патриархальная российская культура практически полностью исчезла, тогда как на всех элементах технократической цивилизации и человека, в первую очередь, остается печать насилия той варварской силы, которую принято в России определять как политическую энергию партии большевиков. Мы же рассматриваем многочисленные неполноценные типы большевиков как родоначальников современных неполноценных человеческих типов, целиком и полностью заполнивших политическую власть и тотально доминирующих в массовой культуре современной России. Впрочем и вся мировая

массовая цивилизация демонстрирует наличие определенного «обвала» полноценного расового архетипа, взаимосвязанного с патриархальными родовыми традициями. Матриархальная же психология, лишенная расового архетипа, не связана с патриархальными традициями народов. Другое дело, что существуют народы, в которых расовый архетип традиционно очень слаб, то есть их культура лишена отчетливого сознания смерти, пронизывающей человеческую жизнь как осмысленную историческую цель. Именно эти народы приняли учение «марксизма» с его явно выраженной матриархальной психологией веры во всемирно-историческую роль масс. При этом не стоит забывать, что западноевропейские народы отстаивали свой патриархальный тип до конца, тогда как культура США также строится в наше время по матриархальному принципу, доказывая отсутствие в ней основ какого-то самостоятельного расового архетипа.

Поскольку мы убеждены, что процесс формирования расового архетипа *homo sapiens* сместился в сторону России, мы рассматриваем современную российскую культуру как варварскую. Маленькие и большие вожди, которые теперь стали здесь «политиками» и «бизнесменами», производят бессмысленную социальную активность, единственная цель которой — животное выживание человека, то есть выживание варварских масс. Но трагедия исчезновения патриархальной культуры продолжается, когда на смену какой-то элементарной отчетливости осмысленного существования пришла откровенная животность его образа жизни, скрытая от сознания постоянной атаккой массовой культуры на полноценные начала души, с ее мощными методами внушения.

Очевидно, что в глубинах подсознания человека заложено, как быть разумным существом, так и стремление быть вожделеющим животным, исключаящим разум. Этот принцип симметрии двух полярнопротивоположных начал определяет природу его бессознательно-

го. Как известно, психоанализ исследовал человеческую психику с точки зрения его непосредственного животного существа, учитывающего, правда гипотетически, его высшие психические импульсы в инстинкте смерти. Мы же движемся в понимании человеческой психики с «обратной» стороны, то есть с точки зрения ее высших психических импульсов, безусловно осознавая, что психика образована также и животными влечениями. В результате нашего психоанализа непосредственные чувственные ассоциации остаются за пределами внимания, поскольку концентрируют в сознании элементы не высшей, а низшей психики. Понятно, что мы осознаем наличие животного начала психической активности души, однако действие в ней разума настолько минимально, что мы пренебрегаем им как бесконечно малой величиной. Однако учения, подобные марксизму, как раз это бесконечно малое действие разума в душе и полагают «разумом», вследствие чего марксизм получил такую популярность в среде варваров и народов, в которых плохо развиты зачатки патриархальной психологии. Ведь варварская душа в расовом смысле неполноценна, поскольку ее животное существо подавляет разум. Именно таковы были психологические типы большевизма и таковыми они остались и в современной российской политической реальности, сформировавшись в комсомольско-партийной среде. Это импульсивный, воровато-прагматичный тип человека, который бесконечно далек как от ценностей западноевропейской цивилизации, так и ценностей русской традиционной культуры. Собственно, это действительно варвар, если оценивать его с позиции разумных начал человеческой души. Понятно, что подобный тип человека может психологически аккумулировать только социальное пространство варварского государства.

Основная причина варварства души современного российского человека проистекает из практически полностью нулевой активности высшей психической дея-

тельности в социально-политической реальности. Более того, энергия подражания опыту развития западноевропейской цивилизации черпается почти исключительно из основ ее низшей культуры, когда достижения разумного духа всегда игнорируются. Так, в основном, только научно-технический прогресс стал предметом подражания, разлагая психологию и без того крайне неразвитой патриархальной культуры. Ведь суть патриархальной культуры состоит в воспитании в человеке его разумных основ души. Вопрос о сущности исторического разума как расового существа человеческой души здесь никогда не ставился, поскольку он не мог быть поставлен в пределах матриархального сознания человека.

Обозревая недавнее историческое прошлое России и наблюдая ее настоящее, разумный человек постоянно ловит себя на мысли: неужели все эти массы людей одновременно могли сойти с ума? Ведь среди этих масс людей есть настоящие профессионалы своего дела. Однако очевидность бессмысленности гуманитарных представлений, доминирующих в современной России, поражает. Поражает прежде всего подмена самых элементарных понятий, которые определяют ее социально-политическую реальность, когда черное называют белым и наоборот. Все это следствие реальности национальной трагедии, когда большевистские орды ликвидировали национальную элиту, заменив ее неполноценными типами quasi homo: уголовниками, проститутками, идиотами и откровенными дегенератами, которые впоследствии были овеяны ореолом героев и мучеников пролетарской революции. Новые политические банды, которые разгромили государственную инфраструктуру СССР, действовали в том же духе, то есть ликвидировали все жалкие зачатки самостоятельного расового архетипа, который с таким трудом пробивался при советской власти.

Как мы видим, расовая катастрофа в мире имеет масштабный и многообразный характер. Если в России во

многим она проистекает в результате последствий активности большевистских орд на ее территории, то в Западной Европе протекает естественно, когда наступает, наконец, момент, когда «жесткость» структуры расового основания иссякает под постоянным натиском животного начала в душе. Психическая энергия животного начала «врывается» в социальную психологию человека, постепенно замечая в ней все признаки разума. С другой стороны, если в некоторых народах расовый архетип достаточно слаб (например, в России), то в других он почти не заметен в своем влиянии на животное начало души (например, Китай и Индия). Но русское начало субъективного национального самосознания традиционно как раз и отличается, наличием этой разумности в ее минимальной, но устойчивой основе. Ведь русская мысль — это не Пушкин, у которого разум как расовое начало психологии человека отсутствует, хотя именно он был поднят на щит антирасовыми силами, как в России до 17-го года, так и особенно при советской власти. Женственная поэзия воспевала патриархальный быт, любовь и свободу не с позиции разумного духа, а с позиции пласта культуры, сформировавшегося под влиянием идей французской революции, в которой животное существо человека становится определяющим. Оно, правда, как у Руссо поэтизируется, однако поэзия земной любви и чувства свободы в системе ценностей крайне неразвитого расового архетипа в России закладывает бомбу замедленного действия. Действие этой бомбы было настолько энергично, что на нее ссылается даже вождь большевистской орды, Ленин, в подтверждении правоты действия своих бандформирований на территории России. По существу, матриархальная вера всегда топологически «переплетается» в сознании с верой патриархальной, и вопрос состоит лишь в интенсивности их влияния на человеческую психику. С другой стороны, с точки зрения влияния самостоятельных начал объективно-разумной культуры, рос-

сийская мысль никогда не превышала уровня, например, влияния мышления древних франков в римской цивилизации, поэтому пушкинская мысль опозитизировала лишь само влияние западноевропейской цивилизации, сохранив некий вялый ореол деревенского быта русского народа. И вообще, в русской и тем более советской культуре существуют эти доминирующие основы матриархальной веры, к которым мы относим поэзию Пушкина и культ личности Сталина. В силу этого утверждение здесь марксизма было не случайно, а закономерно, когда пренебрежение православной верой было вызвано бессознательным стремлением природной воли, минуя длительный процесс рационализации основ души, действовать в истории.

...

В понимании начал новой патриархальной веры, которые, несомненно, должны кардинально изменить все основы мировой цивилизации, мы должны переосмыслить сущность разума. В первую очередь необходимо осознать, что существо разумного духа имеет то же происхождение, что и религиозное чувство, то есть взаимосвязано с высшими пластами психики. Другое дело, что разумный дух, вступая во взаимодействие с сакральным существом мировой истории, выявляет в ней многообразие, которое нельзя определить в пределах какой-то одной религиозной концепции. Представление о божественном становится вторичным перед потоком сознания, формирующимся высшей психикой, поскольку разумная ценность познания отрицает абсолютизацию всякого понимания. Однако любая природа сакрального переживания сокрыта в высших слоях психики, не касаясь социальной сущности человека, в которой он выступает своим низшим, неразумным проявлением, если мы имеем ввиду массовый социум, сформировавшийся как продукт расовой катастрофы. Так, система непосредственных чувственных ассоциаций, в которой возникает и развивается

рассудочная абстрактная мысль, принципиально отличается от разумной мысли началом своего формирования в подсознательных пластах высшей психики.

В наших высших пластах психики существует взаимосвязь с сакральным существом мира. Именно из взаимосвязи с ней мы осознаем наличие разумной цели существования человека в мировой истории. При этом в наше время уже нет необходимости сводить это сакральное начало к какой-то монотеистической религиозной традиции, поскольку человеческое существо вторично после сверхчеловеческого, которое действует в человеке под влиянием его подсознательного инстинкта смерти. Мы должны учитывать, что человек, будучи биологической машиной, в наше время может быть клонирован им же самым как часть материальной реальности, которая топологически воспроизводима в качестве многообразия материальных элементов. Таким образом, человек отождествился с тем, что он понимал под сакральным, то есть творцом. Ученый-биолог, с помощью методов биоинженерии способный создавать биологическую субстанцию другого человека, фактически доказывает, что материальные элементы, из которых состоит человек, топологически воспроизводятся как и все объекты в природе в качестве форм самоподобия. Вопрос же о формировании молекул ДНК, которые выражают начало возникновения человека в мировой истории, остается открытым, то есть неясно, каким образом сложная информация сконцентрировалась в этой топологической структуре как материальном отображении природы мирового разума.

...

Гегель вполне справедливо выводил все развитие западноевропейской метафизики из монады Лейбница. Действительно, простейший топологический элемент, который Лейбниц рассматривал в качестве объективности связей метафизической реальности, формирует из множества монад «корпус» трансцендентной основы созна-

ния, которое отображает дух в качестве психических потоков: контролируемых и неконтролируемых сознанием. При этом следует различать неконтролируемые процессы низшей психики, например, сексуальный инстинкт, и неконтролируемые процессы высшей психики, например, инстинкт смерти, симметрия которых выражает эмпирическую и трансцендентную область психических процессов. Сознание отображает эти процессы в качестве их топологического «смешивания», когда вполне материальный объект человеческой деятельности оказывается результатом духовного усилия (например, создание выдающегося произведения искусства), и наоборот, как это показывает психоаналитическая теория Фрейда, вытеснение подсознательных сексуальных влечений приводит к формированию социального пространства сознания. Мы лишь уверждаем, что низшая психическая энергия формирует матриархальные основы подсознательной веры, тогда как высшая психическая энергия формирует патриархальные принципы сознания. В результате подобного рода смешение импульсов создает определенную «симфонию» исторического духа времени, в котором участвует отдельный дух человека. Если речь идет о матриархальной культуре, то в ней психическая энергия тела «подтягивает» к себе его дух, если доминирует патриархальная культура, то, наоборот, дух «подтягивает» к себе соматические и физиологические функции психики.

Поскольку мы движемся в понимании основ действия разумной воли человека со стороны анализа высшей психики, основания ее подсознательных движений рассматриваются нами под влиянием инстинкта смерти. Можно сказать, что непосредственные чувственные ассоциации в этом случае являются сном разума, который протекает в качестве социальной реальности массового общества. Многообразные картины этой социальной реальности напоминают нам жуткие образы Гойи, в которых неразумное существо человека проявляет крайнюю актив-

ность в своих бессмысленных целях. Однако других целей здесь мы не замечаем, поскольку в исторической российской реальности взаимосвязь с субъективным разумом была потеряна после 17-го года, а понимание этого отсутствия может происходить только из основания объективного разума. В результате имеет место замкнутый круг бессмысленного образа жизни человека как социального животного, которое пытается «примазаться» хоть к какой-нибудь исторической цели, пусть даже косвенно относящейся к разуму, например, к православию. Ведь смутная субъективность разумного начала православия была действительна только до большевистского нашествия, отображая сакральную идею самодержавия. Однако в наше историческое время, когда корни самодержавия уничтожены, а вместе с ним уничтожены все слои национальной элиты, эта религиозная система ценностей мало эффективна. Она осталась в историческом прошлом, когда в настоящем доминирует тот дегенеративный тип человека, который сформировался в процессе ассимиляции масс большевистской орды. Основная черта этого неполноценного типа, который доминирует в социальной и политической жизни России, отсутствие подсознательно-го действия какого-то расового архетипа, то есть, вообще говоря, причастности к какой-то разумной основе человеческой души. В полноценной культуре такой тип человека определяется как «низший», поскольку исторически неразумное существо человека определялось как низшее. Но в культуре неполноценной, где господствует слабоумие и животная непосредственность души, разумных представлений о человеке нет. Если же разумные представления о человеке отсутствуют, то положение этой культуры катастрофическое, поскольку любая государственность исторически есть реализация существа объективного разума.

Всем известна культурная основа ценностей материального производства в марксизме, проистекающая из под-

сознательных импульсов матриархата в низшей психике человека. Однако проблема разумного основания души, хотя и не имеет непосредственной материальной реализации, крайне актуальна с точки зрения производства высшей психики человека, в которой формируется основа разумного духа. Понятно, что подобный тип производства не связан с социальной значимостью, поскольку массовый социум построен на подсознательном культе материального производства. Разумный дух в человеческой душе взаимосвязан не с подсознательным удовлетворением от многообразия владения материальными ценностями цивилизации, а от соприкосновения с реальностью сакрального существа бытия. Это сакральное существо бытия, как мы полагаем, отображается в присутствии действия разумного духа в историческом времени.

Глава 4

Основание рационального мышления

В основе элементарного понимания сущности современного объективного разума должны лежать основы психической полноценности человеческой души. Эта мысль сформулирована у Ницше в качестве базовой для сознания современной исторической основы разума. Однако психология современного массового социума развивается в прямо-противоположном направлении, а именно — в направлении глубокой неполноценности человеческой психики, являющейся следствием неразумности существования человека в массовом социуме. Здесь следует осознать, что массовый социум сформировался в активной психической энергии антирасовой сущности человека, которая циркулировала в бессознательных инстинктах, в первую очередь, низших сосло-

вий западноевропейской цивилизации. Понимание необходимости веры в разум, которое сформировалось в аристократических кругах Западной Европы, в расовом смысле было враждебно психологии ее низших классов, в которых развилось собственное, ложное представление о существовании разума. У истоков последнего, как известно, существуют представления французского сенсуализма, который стал родоначальником восстания неполноценных начал человеческой души против традиционного расового архетипа, развившегося в религиозной психологии.

Когда мы рассуждаем о подлинной сущности разума, мы априорно полагаем, что в непосредственности суждения присутствует определенный расовый архетип трансцендентной энергии высшей психики. В противном случае суждение построено на какой-то параноидальной психической реакции, выполняющей несвойственную ей функцию. Так, массовая душа, которая лишена наличия в подсознании расового архетипа, возвращается к животной непосредственности сознания, где отсутствует разумное начало суждения, однако эта животная активность — через свою истерично-агрессивную психическую энергию — стремится подавить разум. Вообще, основы массовой культуры и цивилизации, как мы наблюдаем, построены на коммуникациях, где разумное начало практически отсутствует. Мы имеем дело только с «агонией» исторической сущности разума западноевропейского расового архетипа, каковой является финансово-денежная система, где противоположность «живого» и «мертвого» суть противоположность культуры и цивилизации, о которой рассуждал Шпенглер. Но варварская душа, поскольку она лишена отчетливости расового архетипа патриархальной культуры, способна только на подражание, причем, чем меньше в подсознании действие этого расового архетипа, тем грубее и сильнее это подражание.

...

В нашем понимании, расовый архетип *homo sapiens* начал складываться относительно недавно, несколько веков назад. И вообще, рассуждая строго, разумный человек исторически еще не произошел — это состояние человеческой психики очень хорошо осознавали классики западноевропейской философской мысли. Они лишь утверждали, что человеческий разум обладает особыми познавательными свойствами, никак не объясняя собственно происхождение разума. Попытка найти объяснение разума в каких-то эволюционно-биологических процессах мировой истории, очевидным образом подменяет сущность разума сущностью рассудка. Ведь если разум определяется в области трансцендентных процессов психики, то рассудок оперирует сознанием психофизиологической характеристики этих процессов. Другими словами, кардинальное различие между рассудком и разумом состоит в симметрично противоположных процессах психики. Если рассудок формируется психофизиологическими процессами, то разум — процессами, которые имеют трансцендентную природу, то есть воздействие разумной воли на соматические психические реакции осуществляется за счет буквального «сжигания» животной энергии души. Рассудок же только трансформирует психическую энергию, подавляет или освобождает ее, пользуясь терминологией фрейдизма, поскольку функции рассудка построены на ассоциациях сознания, которые оно получает из чувственного восприятия реальности. Вообще, ассоциации пространственного восприятия эмпирического рассудка кардинальным образом отличаются от ассоциаций восприятия времени тем, что способны формировать только механическое, или физическое представление о времени. Но физическое представление о времени есть скорее свойство механического пространства, поскольку для физического сознания существует только материальный мир. Другое дело, историческое сознание времени. Оно не может строиться на задаче измерения суще-

ства материи. Историческое сознание времени строится на сакральном ощущении его течения, которое неассоциативно. Так, если ассоциации пространственных связей реальности прямо проецируются в течение наших непосредственных психических реакций, то ассоциации соответствующего ему образов времени проецируются только на восприятие механических структур.

Когда мы рассуждаем о сакральной взаимосвязи между людьми, то имеем ввиду, в первую очередь, расовый архетип, осуществляющий эту взаимосвязь. Он действует бессознательно в человеческой душе на уровне энергии инстинкта смерти. Именно причастность к этой психической энергии в душе и определяет человека как разумное существо. Ведь бессмертный дух — это энергия, имеющая свое происхождение в высших слоях психики, одновременно отображающем меру понимания исторического времени человеческим разумом. По-видимому, трансцендентные пласты высшей психики человека ведут свою работу, в первую очередь, в качестве бессознательной взаимосвязи его индивидуального духа с сакральным существом мира. Это метафизическое начало, которое присутствует в душе человека потоком его высшей психики, реализует эту взаимосвязь в качестве ощущения определенного суда истории над подсознательным состоянием человека. Собственно, данный вид взаимосвязи исторически и являлся тем, что полагалось моральной системой ценностей своей эпохи.

Моральное чувство, как мы полагаем, формируется подсознательными пластами высшей психики, взаимосвязанными с инстинктом смерти человека. Перемещение представлений о морали в область абстрактного рассудка является первым признаком расовой катастрофы, которая характеризует смещение ценностей культуры из сферы патриархата в сферу матриархата. Речь здесь идет в первую очередь о смещении психической активности души из доминанты трансцендентных импульсов в область физиоло-

гических импульсов, которые начинают диктовать сознанию определенную систему представлений. Ведь, несомненно, что психика женщины ближе к физиологии, поэтому, если патриархальная культура отвечает за качественную основу человека, то матриархальная культура — за ее количественную составляющую. Поэтому так многолюдна и одновременно крайне примитивна жизнь человека в эпоху распада исторической цивилизации. Она примитивна настолько, что какие-то грани между варваром и подлинным человеком стирается. Постепенно граница между представителем доминирующей цивилизации и варваром на ее периферии стираются, поскольку эти два неразумных существа чувствуют определенную общность между собой, определенную причастность к единой массовой культуре, где именно отсутствие разума гарантирует в ней социальный успех и достаточное благополучие. Так было в конце существования римской цивилизации, и так происходит в наше время в период распада западноевропейской цивилизации. Это родственное чувство варвара и деграданта обусловлено отсутствием у обоих какого-то разумного образа жизни, вследствие чего противоречия между ними существуют только в области бессмысленных с позиции объективного разума целей. Здесь люди торгуют, производят материальные ценности, но никто не отвечает на вопрос: для чего все это нужно, если конечность человеческой жизни ставит все их усилия под сомнения. Ими движет одно — животное начало души, которое, в частности, питает и научную среду, где количество разумных людей упало до катастрофически низкого уровня. Собственно, психология позитивизма выработала культовую систему стереотипов представлений в массовом сознании, в которых утверждается, что наука есть критерий любого вида знания. Эта система стереотипов, однако, строится не столько на самой науке, сколько на ее безусловной эмпирической предпосылке. А эмпиризм, поскольку он возник в английской школе мысли, отлича-

ется исключительной поверхностью суждений, очень косвенно относящихся к разуму.

Существует определенный исторический факт, глобально влияющий на всю историческую культуру: разумных людей всегда было исключительно мало во всех цивилизациях и во всех народах и нациях мира. Это связано в первую очередь с огромными психическими затратами необходимыми для активизации в человеческой душе высшей психической деятельности. Ведь множество предрассудков, из которых строилась история массовой культуры, как раз и было следствием катастрофического разобщения разумных людей. То, что объединение разумного человека есть задача расовая — формулируем только мы, если проанализировать всю известную рациональную культуру, когда представления о сущности разума — в массовой цивилизации — стали враждебны его реальной исторической сущности. Насколько нам известно, иного, кроме как критерия научности, в оценке содержания суждения, современная интеллектуальная культура не предлагает. При этом сама наука фактически, потеряла какую-то рациональную составляющую в наше время, реализуя представления, отображающие исключительно материальные элементы реальности, как будто трансцендентальная реальность не существует вообще. Но высшая психика не сводится к непосредственности чувственных ассоциаций, отображая импульсы инстинкта смерти как интеллигибельную сферу реальности сознания. Единственным образом этого по ту стороннего к чувственному опыту сознания является ощущение периодического разрыва непосредственного потока чувственных ассоциаций.

Мерой наличия разума, безусловно, является уровень понимания предмета высказываемого суждения. Однако философия отличается от содержания других типов мышления тем, что в наименьшей степени зависит от предрассудков своей исторической эпохи. Свободная фило-

софская мысль вообще мало относится к существу непосредственной человеческой свободы, поскольку между психологическим стремлением раба к свободе и человеком, свободным от природы, существует бесконечная пропасть. Современный культ свободы в мировой цивилизации возник именно из подсознательного инстинкта раба к свободе. Но разумный человек свободен от природы, поскольку его душа не может быть несвободной по существу, реализуя в себе необходимое действие разумной воли. Неполноценному же человеку всегда не хватает свободы, поскольку его полная внутренняя несвобода предполагает определенную истерию и неврастению в реализации разного рода видов внешней свободы, которые в полной мере предоставляет ему массовое общество. Неврастения и истерия, в свою очередь, ведут к различному помешательству, которое, хотя и нельзя отнести к клиническим случаям, определенным образом характеризует катастрофическое понижение уровня рациональной культуры. Этот род неврастения и истерии является причиной крайне повышенной болтливости человека, его эмоциональным, как у женщины, состоянием возбудимости и агрессивности, особенно когда дело касается реальной опасности для жизни, поскольку такой род психики практически полностью зависит от подсознательного животного самосохранения. В этом случае этот социальный субъект впадает в откровенную истерию, демонстрируя свою подсознательную психологию матриархального сознания.

...

Бесконечное многообразие социальных фантазий, в которой пребывает массовое сознание фактически только меняет различные эмоциональные окраски воровской «малины», утвердившейся в России с 17-го года. Эта воровская «малина» пережила и непосредственную активность большевистской орды в 17-19 годах, и период восточной деспотии — при сталинском режиме, прежде чем

сформировался тот социальный тип *quasi homo*, который практически не испытывает в подсознании действия расового архетипа. Он есть продукт матриархальной психологии, который является естественным результатом как тотального влияния марксизма, так и бессмысленных фантазий о реальности капитализма в России. По существу, «новые» политические силы, которые активизировались в России после 91 года, когда в ней пал советский режим, были все тем же продуктом воровской малины, только с капиталистической окраской своих эмоциональных образов варварского сознания.

Конечно, если бы мы рассуждали о существовании мировой истории исключительно в сознании ее линейного развития, то мы не могли бы использовать понятие «варварства», которое должно было бы быть исключено в век научно-технического прогресса. Но мы рассуждаем в сознании топологических событий мировой истории, в которых метафизика событий повторяется в определенных схемах, грубые контуры которых набросал Шпенглер. Собственно, в топологии мировой истории все представления неизбежно стираются как определенные исторические предрассудки, когда исчезают религии, государства, цивилизации. Вопрос о том, как передается разумный опыт новым историческим народам, является одним из самых сложных, поскольку иллюзия линейного развития мировой истории, владеющая сознанием современной официальной исторической мысли, является предрассудком по отношению к пониманию подлинного существа разума в истории. Выясняется, фактически, что сознание есть определенный «резервуар», наполняемый подсознательным влиянием психических процессов, который может заполняться как высшей энергией, способствующей активности разума, так и низшей, препятствующей его активности. Эти процессы, как разнообразные отображения границы: тела, души и духа «склеиваются» в сознании только в качестве определенной груп-

пы тензоров-квантов, где чувственные ассоциации подтверждают лишь реальность материальных объектов. Попытка максимально минимизировать эмоциональную составляющую процесса мышления, сведя его к простым машинным алгоритмам, ведут к одному, к полному «замыканию» мышления на процессах низшей психики, где все чувственные ассоциации контролируются механическим рассудком. Подобное действие человеческой психики можно наблюдать повсеместно в европейской цивилизации, где победил английский эмпиризм сознания реальности. Очевидно, что процесс «вымывания» расового архетипа характеризует, с другой стороны, гибель всех мировых цивилизаций, когда смешение варваров и деградантов происходит именно со стороны безусловной активности низших психических процессов в человеческой душе.

...

По-видимому, процесс появления и исчезновение высшей расы есть явление метафизическое, в котором участвуют некие сакральные силы. Эти силы суть циркуляции в историческом времени параллельного с материальным миром мира духовных феноменов. Представление об этом мире существовало в сознании всех народов мира. Они обрастали примитивными мифами, которые формировались из образов повседневной жизни. Однако мы должны понимать, что все попытки сделать переживание сакрального сознания обыденным чувством неизбежно ведут к растрате потенциала в душе высшей психики, который существует как трансцендентная энергия. В области сознания эта энергия в первую очередь осознается как историческое время. Но главным действующим лицом в мировой истории, как мы полагаем, является не человек, а граница его духовного потенциала души с инертной материей мира. Эта граница существует в качестве топологических квантов перехода от материального к духовному миру реальности. Тополо-

гические кванты здесь суть трансцендентальные психические импульсы души.

Когда мы ставим себе задачу — понять происхождение морального сознания, то понимаем, что оно не могло возникнуть под влиянием непосредственных реакций на физиологические движения человеческой души. Здесь мы кардинально расходимся с теорией Фрейда. Как раз наоборот, естественное «заглушение» физиологических процессов достаточно активной работой подсознательно-го инстинкта смерти мало связано с социальной средой, в которой существует человек. Сфера реакций на социальную реальность протекает в низших слоях психики, поэтому незначительно влияет на активность разума. Скорее, мы должны полагать, что подсознательный инстинкт смерти возбуждает в расовом архетипе человеке историческую память, которая влияет на непосредственные его поступки в качестве действия в душе исторического разума. Понятно, что отсутствие расового архетипа, или состояние его катастрофического ослабления, — в равной степени предполагают исчезновение морального сознания по существу. Ведь мораль — это не инфантильные разговоры о том, что это делать нельзя, а это — можно; или то, что одно хорошо, а другое — плохо. Однако именно на таком уровне морального сознания начинает мыслить человек, лишенный в подсознании действия расового архетипа. Его психика не испытывает соприкосновения с суровостью исторического духа, в котором присутствуют нравственные испытания его предков, тогда как низшие психические реакции, в которых складываются социальные представления и социальные ценности, по существу, не выходят за пределы переживаний настоящего дня.

Понятно, что исключительная доминанта в подсознании человека в массовой культуре низших психических реакций рождает своих «героев», энтузиазм которых заключается в том, что кто-то из них искусно при-

торговывает, кто-то виртуозно приворочивает, однако все это «герои» эпохи распада цивилизации. Их лица в полной мере выражают психологию вырождения, которая определяет процесс расовой катастрофы как минимизацию активности разума в душе в истории человечества. Так, человечество в массовом проявлении, возвращается к состоянию варварства по отношению к разуму, то есть к той животной непосредственности, которая характеризует отсутствие разумного состояния души. При этом социальная жизнь, которая реализует низшие психические реакции, продолжает в полной мере развиваться, то есть дифференцировать психические импульсы человека, максимально приближая их к потоку контролируемых чувственных ассоциаций реальности. Но разума в этих психических реакциях нет, поскольку разум существует только в интервенции высшей психики в реальности, которая необходимо протекает через бессознательный инстинкт смерти в душе человека. Вся эта система энергичного производства низших психических импульсов души, которые абстрактный рассудок «связывает» в единственность существования сознания реальности, по существу есть примитивная мифология материальных ценностей.

Вообще, принципиальным отличием современного понимания исторического разума от его сущности еще два столетия назад, является образ не механической машины, властью над которой обладает человек, а силового поля трансцендентной природы, по отношению к которому человек имеет дело только с границей. Эта граница либо математически моделируется, если речь идет о физических явлениях, либо моделируется по границе психических импульсов, если речь идет о подсознательной психике человека. В нашей понимании, ложной предпосылкой психоанализа было связать бессознательное человека в первую очередь с социальной реальностью. Такой подход справедлив, если мы пытаемся понять систему низ-

ших психических реакций. В этой системе, непосредственно человеческое существо выводится из животного начала души, когда средства коммутации между людьми полагаются исключительно продуктом межличностного отношения. Сакральное начало бытия здесь не предусмотрено. Наш подход в понимании человеческой психики кардинально иной. Мы полагаем, что животные функции человеческой души вторичны перед трансцендентным началом психики, которое концентрируется в психической энергии инстинкта смерти. Именно эта энергия формирует расовый архетип человека, а он, в свою очередь, активизирует разум в душе. Расовый архетип, как мы полагаем, является «ядром» высшей психики, топологически «стягивающий» в себя всю полноту психической активности души. Это поле практически не относится к его социальному положению.

Принципиальным отличием нового сакрального переживания современной исторической эпохи от традиционного религиозного чувства, доминирующего в цивилизации в последние два тысячелетия, является отсутствие в нем отчетливого личного начала, которое воспринимается как непосредственный контакт с высшим существом. Так, в религиозном сознании полагается, что мир сотворен, где многообразие творения становится подтверждением могущества высшего существа. Но такое восприятие построено на системе линейных психических реакций, которые действуют, в первую очередь, из глубин животного существа, где сознание «я» подсознательно ищет спасения. Психологически человек не хочет умирать, когда его сознание жизни практически полностью замыкается на линейной последовательности чувственных ассоциаций, протекающих в переходе от животного существа к непосредственной волевой активности. Иной процесс последовательности психических реакций существует, когда мы рассматриваем движение сознания не из животного существа, а из непосредственного психического импуль-

са инстинкта смерти. В этом случае бессознательно человек не испытывает столь энергичной потребности в спасении. Но в любом случае представление о сакральном начале как о чем-то божественном является в наше время крайне неубедительным. Когда сознание формируется психической энергией инстинкта смерти, то человек понимает, что мир не сотворен, а топологически «стянут» в локальные куски материи, где материя «колеблется» как струна. Ощущение подобного восприятия очень напоминает нам восприятия от созерцания звуков классической музыки, в которой, в отличие от музыки массовой, присутствует бессознательное наполнение полнотой бытия не из животного существа человека, а его духовной основы души. С другой стороны, здесь и время воспринимается не линейно, а созерцается как поток сознания реальности, где происходит повторение определенных ритмов или «циклов», которые, как и в классической музыке воздействуют на пласты высшей подсознательной психики. Понятно, что в зависимости от меры активности высшей психики интенсивно и созерцание как онтологической сущности времени, так и классической музыки (если мы рассматриваем конкретный пример). В этом смысле непосредственная реакция человека на ритмы классической музыки, может быть, является одним из наиболее точных критериев активности его высшей психики, то есть способности мыслить не чувственно-ассоциативными, а трансцендентно-созерцательными конструкциями сознания интеллигибельной реальности. Здесь следует заметить, что трансцендентные реакции высшей психики человека определяются как «сгущением», так и «разрежением» определенного «фокуса» сознания, очищенного от ассоциативного восприятия.

Поскольку мы родились и развивались в варварской культуре, где неразумная социальная реальность является основой повседневных психических реакций человека, необходимость понимания базовых принципов объектив-

ного разума для существования государства есть перво-степенная задача. Ведь варварское сознание всегда существует в реальности многообразных мифов, которые возникают в силу отсутствия традиции рациональной исторической культуры. Так, вероятно, они существовали во все Темные Века мировой истории в других исторических цивилизациях (по Шпенглеру), и в этом смысле российской реальность нашего времени не исключение. Таким образом, чтобы понять современную геополитическую реальность мировой истории, необходимо учитывать несколько факторов, влияющих на ее перспективы будущего развития. Во-первых, следует осознать, что историю мировой цивилизации создали высшие расы, то есть расы, которые смогли регенерировать достаточную плотность коллективной психики, где доминировали импульсы наибольшей интенсивности «перековки» бессознательного инстинкта смерти в духовное существо души. Во-вторых, следует понимать, что высшая раса — это реальность в первую очередь трансцендентная, и только во вторую очередь реальность биологическая. Безусловно, биологический момент расового существа человека существует, однако мы не должны забывать, что биологическое есть следствие, а не первопричина, подлинного существа жизни, ибо этим подлинным существом является дух. Наконец, в-третьих, мы должны понимать, что существо человеческого разума никогда не бывает только «человеческим», то есть нельзя полагать, что знание есть только определенного рода информация, которая принимается или не принимается к сведению. Как раз наоборот, сам человек есть то, что либо «прилагается» к знанию, то есть подтверждает наличие не животной, а именно разумной жизни, или же наоборот. Здесь крайне важно понимать подлинную сущность разума, которая состоит в его причастности сакральному началу бытия. Так, новая вера в разум, возникшая в европейском гуманизме, очевидно, имела сакральный момент, который в наше время

почти полностью «заглох» в грубых душах варваров и неполноценных душах деградантов цивилизации распада. Быть «разумным» в современной социальной жизни России стало равносильно быть вороватым дегенеративным типом, продающим все и вся, лишь бы урвать побольше денег с той варварской жадностью, которая характеризует как раз неразумную душу. Понятно, что для самих варваров, исходящих из представления о единственности своего животного существования, наоборот, подобные дела очень заметны. Они мифологизируются и героизируются, хотя в действительности лишь огонь духа войны здесь существует всерьез. События второй мировой войны оставили нам это ощущение исключительной жесткости присутствия мирового духа в безбрежных степях России, когда мистерия начала новой цивилизации обнаружила бескомпромиссный поворот от гуманистических представлений о разуме к его трагической природе. Трагическое же начало бытия по существу исключает идею искупления и спасения души.

...

Размышляя над судьбой современной российской культуры, один из главных вопросов, который постоянно вертится в голове, формулируется так: как произошло, что вся нация могла сойти с ума, если проанализировать историю советской власти и ее происхождение в большевистской орде? Только одна причина может объяснять это массовое помешательство людей: здесь, исторически, последние века, начиная с петровской эпохи, доминировали ценности матриархального сознания и матриархальной веры, хотя формально, по крайней мере до 17-го года и сохранялись какие-то небольшие сферы влияния расовой психологии человека. Именно матриархальная вера характеризуется тем, что человек отдает инициативу в оценке исторической реальности не собственному расовому сознанию. Подобную инициативу способно отдавать сознание, в котором расовое существо либо униже-

но, либо настолько слабо, что неспособно каким-то образом противостоять агрессивной интервенции разума извне. И действительно, процесс расовой катастрофы начинается в русской истории значительно раньше, чем в судьбе западноевропейских наций. Вероятно, это связано со значительно более длительной историей православной религии, чем католической.

Другой основной причиной массового безумия советской и, собственно, современной российской культуры является практически тотальная ликвидация национальной элиты после 17-го года. Причем под «элитой» мы понимаем отнюдь не представителей серебряного века: поэтов, философов, литераторов, этого, можно сказать, «ядра» матриархальной психологии человека в России. Мы имеем ввиду подлинно национальные силы: элитный слой офицерства, духовенства, купечества и крестьянства. Как последние были уничтожены почти поголовно, так первые были либо высланы, либо стали родоначальниками романтической героизации дел большевистской орды на территории исчезнувшей под ударами варваров Российской империи (подобно бредовой поэме Блока «Двенадцать»). Аналогичная ситуация произошла и после 91-го года. Только в данном случае речь идет о восстании детей против матриархальной веры отцов, ибо даже в грубых душах варваров существует потребность протеста против бессмысленности неразумного образа жизни. Однако в авангарде этого «протеста» мы опять обнаруживаем не разумные позиции расового элемента, способного заложить основы подлинного государства, но уже вполне сформированный тип *quasi homo*, то есть массового человека, лишённого каких-то расовых подсознательных движений души, а значит, низшее антропологическое существо. Именно это существо и получает всю власть и собственность после событий 91-го года. Именно этот неполноценный тип человека и сформировал ту социально-политическую реальность воров-

ской малины, которая в действительности имеет свои генетические корни в большевистской орде.

У Шпенглера, как известно, существует противопоставление города и деревни как реальности противопоставления цивилизации и культуры. Мы полагаем, что в мировой истории ситуации значительно сложнее. Если наблюдать современные процессы в мировой цивилизации, то можно заметить, что революция научно-технического прогресса сопровождалась резким вытеснением норм патриархальной культуры — культурой матриархальной. Другими словами, культура, как и цивилизация, не развиваются линейно, а имеют такую же топологическую природу, как и метафизика объективного разума. В результате в современном мегаполисе существует вполне устойчивая вера эмпирического сознания, которая строится на признании единственного типа реальности, который проистекает из непосредственности чувственных ассоциаций. Это и есть опорная точка функции подсознания матриархальной психология человека, которая утверждает, что существует только то, что есть в наших чувственных ассоциациях. Но подсознательные процессы инстинкта смерти трансцендентны, хотя оказывают более мощное влияние на психическую жизнь с точки зрения активности в ней разума. Нельзя в непосредственных чувственных ассоциациях указать на действие этого инстинкта, поскольку это действие не имеет социальной идентификации. По крайней мере, если мы проанализируем судьбы почти всех представителей высшей культуры в истории мировой цивилизации, мы найдем, что их позиция крайне редко соприкасалась с ценностями своей исторической социальной культуры. Это и понятно. Ведь социальная культура всегда выражает подсознательные психические импульсы матриархата, тогда как высшая культура есть продукт исключительно патриархальной психологии в ее экстремальном проявлении. С другой стороны, несмотря на мнимую агрессив-

ность (каковую, например, демонстрировала милитаристская политика советского режима), матриархальная психология варварской души крайне труслива. Эта трусливость варварской души особенно ярко проявилась в событиях путча 91-го года, когда наследники большевистской орды попытались сохранить советский режим. Вообще, патриархальная психология всегда агрессивна, поскольку таково, собственно, физиологическое отличие мужчины от женщины, ибо полноценной мужской душой движет инстинкт войны. Война, как начало всего — мысль, сформулированная еще Гераклитом, является крайне актуальной для понимания подлинной сущности исторического разума. Речь, очевидно, идет не о варварской потребности в агрессии, которую следует отнести к агрессивности матриархальной культуры, где господствует потребность в тупом грабеже, насилии и разрушении, а в агрессии как интервенции объективности действия разумной воли человека. Агрессия разумной воли, на которой строилась вся история развития мировой цивилизации, состоит именно в коммуникации сознания трансцендентной реальности, которая проистекает из бессознательного действия инстинкта смерти в человеческой душе. Так было начиная с кастовой системы египетских жрецов, этой первой кастовой организации высшей расы. Именно она фактически, впоследствии, в результате своего распада, сформировала две топологические линии направления развития мировой истории: греческую героическую мифологию и еврейский иудаизм, которые пересеклись впоследствии в христианстве.

...

Определяя свое историческое сознание в русской национальной культуре, очевидно, мы резко дистанцируемся от ценностей матриархального сознания, которое стало практически полностью доминировать еще со времен Пушкина. Собственно, эта линия развития последних двух столетий и характеризует зарождение ан-

тирасовой культуры, в которой возникли и сформировались психологические предпосылки большевистской орды. Вообще, если говорить о подлинно национальном духе и национальной судьбе русского человека, ты бы указали на личность протопопы Аввакума, которая в полной мере демонстрирует силу духа именно русского человека. Дальнейшие контуры подлинно русских характеров патриархального типа человека в исторической культуре практически стираются, поскольку они не вписываются в варварскую психологию подражания, наметенную еще реформами Петра. Мы не призываем возвратиться назад, к истокам православия. Речь в данном случае идет о другом. Эта линия матриархальной психологии человека, утвердившаяся здесь еще с петровских реформ, создала варварские государственные институты, которым, вероятно, должны соответствовать «государственные» институты остготов или, возможно, франков, то есть тех полудиких человеческих натур, которые чужды объективным процессам развития исторического разума. Вообще же, процесс того, что определяется как политическое усилие по «собираанию русских земель» — в прошлом, или, по восстановлению государственной целостности — в настоящем, всегда происходил в истории России как временное усиление позиций патриархальной культуры. Так было в частности даже в процессе ассимиляции большевистской орды в России, когда из откровенных дегенератов, которыми являлись вожди большевистской орды, в конечной стадии ее распада появились какие-то слабые зачатки того, что очень условно можно было бы рассматривать как наличие человеческой психологии. По крайней мере восстановление действия православной церкви в критический момент власти большевизма в России, когда немецкая армия подошла к Москве, восстановление старых русских орденов, обращение к русскому народу — все это свидетельствует о паническом страхе матриархальных вождей перед

реальной расплатой перед историей в случае победы фашистской армии над Россией.

Основной чертой государственной власти в период доминирования матриархата является ее исключительная рыхлость, которая маскируется под мнимые формы демократии. Так, варварское государство всегда балансирует между этими двумя крайностями: диктатурой и фактическим безвластием, поскольку племенные инстинкты варваров крайне неустойчивы, будучи подвержены всплескам животных влечений. Куда их повлечет, никому неизвестно, однако можно смоделировать подобное поведение с точки зрения подсознательных реакций массовой психики. Аналогичным образом можно смоделировать и психологию деграданта цивилизации эпохи распада, поскольку расовый элемент его подсознательной основы психики практически исчерпан. Он ведет себя как инфантильный человек, ищущий поддержки и «защиты» у «великой матери», массового общества. И «великая мать» постоянно проявляет о нем заботу, которая выражается в том, что сознание «свободы» в этом инфантильном сознании должно быть привязано к тем животным рефлексам, на которых строится непосредственная «логика» позитивизма. Животное, *quasi homo*, «пасется» в массовой цивилизации, будь то варвары — в России, или деграданты в современной западноевропейской массовой культуре.

Позитивистская логика марксизма объявила это животное «авангардом» исторических сил мировой истории, и мы можем наблюдать этот «авангард» на постсоветском пространстве. Этот низший антропологический тип, ликвидировав все коммутативные связи национальной культуры, сформировал систему идеологии наукообразных гуманитарных представлений, главным признаком участия в которой является достаточное слабоумие. Основой этой слабоумной гуманитаристики стал инфантильный романтизм русской культуры серебряного века, имеющий откровенно женоподобную психологию. Ее основ-

ная черта — бесконечная, пустая болтовня, иногда скрашенная яркими поэтическими образами, например, такими, как у Ахматовой и Бродского. Исторические события описываются в этом сознании правильно, но не имеют никакого отношения ни к объективной, ни к субъективной природе исторического разума, поскольку в этом сознании отсутствует отображение природы объективного разума в его патриархальной сущности. С другой стороны, эти суждения оказались как никак кстати для утверждения «естественного» перехода от русской культуры к культуре советской. Большевикам, используя эту женоподобную культуру, удалось даже создать специфическое чувство «родины», этой пустой абстракции варварского сознания, проистекающей из чувства женской истерии. Именно так мы понимаем известный лозунг второй мировой войны «за Родину, за Сталина!».

...

Когда мы рассуждаем о взаимосвязи расового архетипа с объективной и субъективной сущностью исторического разума, то в первую очередь имеем ввиду трансцендентную психическую энергию как действие разумной воли человека. Эта сила всегда доминирует в мировой цивилизации, причем понять ее действие можно только тогда, когда оно свершилось, ибо в момент непосредственного действия оно непостижимо, поскольку непостижимо время в его сакральном существе реальности. Созерцание сакральной полноты действия разумной воли как критерия наличия сознания мировой истории, следовательно, и есть основа расовой культуры. И наоборот, массовая культура всегда «понятна» даже самому примитивному сознанию. Какое бы примитивное материалистическое учение не было, в нем «ясность» сознания исторической реальности предельно доступна. Например, в марксизме легко представить, что «существует» буржуазия и «существует» пролетариат, «существуют» производственные силы и производственные отно-

шения, наконец, «существует» борьба классов. Легкость и доступность подобных представлений и определяет тот факт, что оно захватывает варварское сознание. Вообще, вопрос о «существовании» в варварском сознания решается просто — философия упраздняется и заменяется идеологией, как это было при советской власти. В наше же время, характеризующееся откровенной прострацией ума под воздействием массовой культуры, любая бредовая фантазия подхватывается и распространяется СМИ как единственный вид сознания реальности, поскольку критическое отношение к реальности, проистекающее из разумного понимания вещей, в массовом сознании людей практически равно нулю.

Значительно сложнее обстоит дело с усвоением идеалистических понятий, поскольку плотность разумных людей в исторической культуре всегда была невелика. Например, освоение понятия «абсолютного духа» у Гегеля, на котором строится вся его концепция мировой истории фактически так и не было каким-то образом развито в истории философии. Причины очевидны. Гегеля пытались в первую очередь обвинить в попытке возврата к религиозности в понимании исторических событий, особенно, конечно, марксисты, для которых именно позитивистские ценности стали определяющими в осмыслении истории. Мы понимаем абсолютный дух в ницшеанском смысле, то есть как дионисическую силу влечений человеческой души, обусловленную его подсознательным инстинктом смерти. Так, если полагать, что аполлоническое есть жизнь, победившая смерть, то дионисическое есть как раз живое во власти смерти. Можно говорить и более определенно: это живое во власти духа. Оно, собственно, живо лишь постольку, поскольку существует настоящее, но оно мертво, так как исчезнет во времени. Однако это конечное сознание, что еще живо, но обречено исчезнуть, и есть трагическое ощущение реальности. В отличие от др. греческой трагедии, трагедия современного

исторического сознания проникнута не сакральным чувством природных стихий, а сакральным сознанием топологического существа разума во времени. В том и состоит основа сложного единства бытия, что оно неразложимо, как это имеет место в классическом единстве научного и метафизического сознания. Вообще, в топологической природе исторического разума речь идет о «сворачивании» сознания в бессознательную энергию инстинкта смерти, которая отображает присутствие человека в абсолютном духе. В этом смысле в наше время кажутся бессмысленными рассуждения об исторической «науке», как будто разумный дух можно математически или физически смоделировать или разложить на простейшие химические элементы.

...

В современном массовом и научном представлении сложилось ложное понимание идеализма, по существу. Понятно, что подобные представления возникли на основе фактического тоталитаризма эмпирического сознания в сфере основания знания, когда любое знание требует подтверждения на основе известных ассоциативных чувственных восприятий. Так, знание должно быть подтверждено в непосредственном восприятии, чтобы получить статус «истинности». Мы полагаем, что эти представления имеют свое происхождение в подсознательных инстинктах третьего сословия западноевропейской цивилизации, то есть в области сопротивления действия внутреннему расовому архетипу, который, постоянно подавлял их основы животной души. Поэтому восприятие реальности и получило здесь развитие преимущественно не в области трансцендентных импульсов психики, на которых строится высшая психическая активность человека, а на непосредственности чувственных ассоциаций.

Впервые о трансцендентной сущности разума стал рассуждать Кант, полагая что эта реальность выходит за

пределы непосредственности чувственных ассоциаций. Однако вопрос о существовании чисто разумного смысла актуален и в наше время. Чтобы «очистить» подлинное сознание исторического объективного разума от этих мифологических представлений, доминирующих в современном массовом сознании, необходимо отделить сущность животной человеческой души от непосредственного действия в ней разума. В противном случае под «разумом» будет рассматриваться то множество примитивнейших схем поверхностного рассудка, который к разуму практически не имеет никакого отношения. Ведь, по существу, в эпоху расовой катастрофы подлинный разум начинает представляться мифологически, тогда как различные мифологические представления, наоборот, начинают утверждаться как «разум». Например, слово «идеалист» и «идеалистический», вследствие тоталитарной власти позитивизма в массовом сознании, стало синонимом «неразумного», что и привело фактически к ликвидации катастрофически минимальной плотности разумных людей в научной среде. И наоборот, все низменные инстинкты человека, на генетическом уровне имеющие подсознательное происхождение в психологии раба, практически полностью заполнили нравы и ценности массовой цивилизации. Психологически только подсознательное раба требует свободы в ее максимальном проявлении, поскольку он всегда несвободен от природы. Но разумный человек, будучи свободным от природы, отдает преимущества другим ценностям.

Идеалистические ценности и представления формируются высшими психическими импульсами. При этом, очевидно, что большая часть этих представлений и ценностей не выходит за пределы художественного воображения, поскольку первоначально основу для разумного мышления создает эстетическое созерцание реальности. Заметим, что идеалистическое мышление — это никак не противопоставление духовного и материального начала

бытия, как это имеет место в монотеистической религии. Это особенно важно осознать в современной исторической реальности, в которой позитивизм фактически возвратил понимание духовного и материального именно к началам Ветхого Завета, что, собственно, было уже заложено движением лютеранской религии. Понятно, что подобное возвращение произошло постепенно, но не в качестве восстановления начал архаичной веры, а в качестве возврата к суевериям, которые начинают доминировать в массовом сознании, когда действие расового архетипа практически равно нулю. Винить в этой исторической коллизии современный еврейский народ — нет ничего более бессмысленного, поскольку именно в особенностях его расового архетипа определился антагонизм между материальным и духовным началом бытия. Однако, к сожалению, подобного рода обвинения мы находим даже у Ницше. В действительности же, искать этой исторической противоположности абстракции мысли и непосредственности чувственных ассоциаций следует в подсознательных инстинктах рабов западноевропейской культуры. Так, мы полагаем, что гибель римской цивилизации в свое время была во многом определена восстановлением архаичных инстинктов матриархата, которые распространились вследствие политически-социального слияния: вольноотпущенников, рабов и варваров, которые тлели в глубинах подсознания римского народа. Ведь христианство — в римской цивилизации, как известно, в самом начале становления распространялось в первую очередь в среде женщин и рабов, то есть людей, которые в наименьшей степени зависят от расового архетипа и, следовательно, в наибольшей степени подвержены различным массовым психозам. Эта духовная близость рабов Римской империи, связанных одной судьбой, распространялась через иудейские представления о богочеловеке, искупившем свою вину. Аналогичным образом и духовная близость пролетариата и варваров на окраинах за-

падноевропейской цивилизации распространялась через пуританские настроения англосаксонских буржуазных моральных ценностей, в которых механический труд не то чтобы обожествлялся, но скорее освящался как критерий исторической ценности человека. Впоследствии, постепенно, этот механический труд, постоянно совершенствующийся на основе научно-технического прогресса, и стал новой «верой» в разум масс трудящихся. Как и иудаизм, постепенно растворившийся в христианстве в качестве его идеологического ядра, так и пуританство, постепенно растворившееся в ценностях массового мегаполиса, полностью утратили свою минимальную взаимосвязь с изначальным расовым архетипом.

Когда мы рассуждаем о расовом архетипе *homo sapiens*, то утверждаем, что его формирование началось несколько веков назад из подсознательной энергии инстинкта смерти человека. Очевидно, что сам архетип, в качестве выделения из бессознательной психической энергии относительно устойчивых подсознательных комплексов, является системой, связывающей сакральное начало бытия и трансцендентные процессы психики, протекающие в человеческой душе. Особенность этих процессов, как мы уже ранее говорили, состоит в их топологической структуре психических реакций. Здесь взаимосвязь осуществляется не через непосредственные чувственные ассоциации, а через определенного рода тензоры сознания, которые высвечивают трансцендентальную реальность в точках разрыва этих ассоциаций. Эти тензоры суть шаровидная природа бытия и сознания времени. Оно действует как многообразие «сворачивания» и «развертывания» темпоральных элементов топологической реальности, в том числе и исторических цивилизаций, которые схематически исследовал Шпенглер. В этом смысле топологическое «дерево» исторического времени имеет трансцендентную основу, когда угасание цивилизации, как и смерть отдельного человека, предполагает сворачивание

сознания в бессознательную психическую энергию инстинкта смерти. Только в случае массового сворачивания активности действия разума в душе, мы должны рассуждать о катастрофическом уменьшении расовой энергии.

Идея «сворачивания» сознания в бессознательную психическую энергию появляется уже у Лейбница. Вообще, вопрос о расовой составляющей рациональной культуры в его логической основе был интуитивно поставлен в немецком идеализме, где, в отличие от английского эмпиризма и французского механицизма, в понимании психических процессов появляется вопрос о существовании разума как особой коммутативной основе человеческой культуры, действующей по своим, внутренним законам. Элементы логики этой коммуникационной системы в первую очередь разрабатывал Гегель, полагая, что рациональная культура есть система объективного понимания действительности, которую на данный исторический момент достиг субъективный человеческий разум. Но нас не устраивает в таком понимании чисто человеческий смысл этих понятий, поскольку здесь вера и знание рассматриваются как противоположные состояния души.

Горизонт нового знания всегда мифологичен, поскольку никому не дано заглянуть в будущее. Можно смоделировать поведения массового человека и массового общества, как смоделировать поведение примата или стада приматов, но нельзя смоделировать цели разумной воли человека, поскольку именно она определяет собой реальность происходящих в данный момент исторических событий. Впрочем, и их отсутствие она также определяет. Мы видим, что разумная воля «заметает» обыденные представления людей, их верования, их ценности. Лишь сухой остаток, технологические достижения переходят от одной цивилизации к другой, однако душа расы «умирает», то есть умирает взаимосвязь людей на основе обмена высшей психической энергией. Низшая же психическая энергия, смешиваясь с племенными подсознатель-

ными инстинктами варваров, погружает мировую цивилизацию в Темные Века. При этом матриархальная культура естественным образом переплавляет представления варваров в некое «прогрессивное» сознание, как это было например в идеологии большевистской орды. Причем героический культ воина, овеянный мифологией борьбы за «новую жизнь», сопряжен с максимальной активизацией низших психических инстинктов, где отсутствует разумное движение души. В эти мрачные времена орды варваров, подобные орде татаро-монголов или германских варваров, способны захватывать территории империей, где протекает процесс расовой катастрофы, смешиваясь и разъедая патриархальный быт народов. А поскольку эта агрессия иногда содержит в себе ядро будущей исторической цивилизации, то варвары либо «растворяются» культурой народов, стоящих на более высоком уровне развития, либо, постепенно очеловечиваясь, создают собственную цивилизацию. Но в основе разумной воли всегда лежит «злое» начало, то есть определенный психический резервуар коммуникации людей во взаимодействии энергии инстинкта смерти.

Сложность понимания процесса расовой катастрофы, который, несомненно, имеет циклический характер метафизического существа мировой истории, обусловлен активным влиянием на сознание человека животной природы души, которая так или иначе тяготеет к матриархальной культуре. Нам сложно исчерпывающе ответить на вопрос: почему происходит расовая катастрофа, за которой следует неминуемый распад цивилизации, но главную причину мы должны указать в исчерпании средств коммуникации людей на основе разумных движений души. Причем чем меньше действия объективного разума в коммуникационных средствах культуры, тем меньше в ней и активности разума субъективного, формирующегося трансцендентной психической энергией, и вследствие этого теряющего «статус» объективной реальности в раз-

личных материалистических представлениях. Так, архетип расы есть, собственно, топологический «узел» ее возникновения во времени и пространстве, который никогда не сводится к линейной особенности подсознательно-го поведения человека как животного. Расовый архетип формирует кардинально иные подсознательные импульсы души, чем массовое бессознательное. Его особенность состоит в движении в более глубоких, чем массовое бессознательное, реакциях психики. И, в целом, в процессах расового бессознательного следует искать основы происхождения высшей психики.

...

То, что подверглось наибольшему отрицанию в идеях немецкого идеализма со стороны философии воли у Ницше — это попытка заключить живое движение человеческой души в определенный схематизм. Действительно, конечный импульс воли всегда сводится к какому-то материальному сознанию реальности, то есть к доминанте низшего психического усилия. При этом следует понимать, что то, что пытались выдавать в ницшеанской философии за «иррациональное», по существу, и является топологической основой объективной разумной мысли, адекватной своей исторической эпохе. Следовательно, мы не ошибемся, если будем понимать этот высший психический импульс, движущий волей человека, как отрицание наличия разума в любой системе понятий, поскольку эта система понятий выражает только границу бытия, а не его сущность. Сущность же бытия, поскольку она присутствует в системе разрыва ассоциативных понятий, будучи неассоциативна, указывает на свое присутствие только как моделирующее начало, где действие понятия является относительным. Оно не может не быть не относительным, поскольку в действии разума всегда присутствует определенный сакральный смысл, указывающий на подлинность того или иного исторического события. В противном случае имеет место лишь дей-

стве рассудочного суждения, которое оперирует абстракцией, лишенной рационального содержания. До какого слабоумия может доходить абстракция, лишенная разумного содержания, в наибольшей степени показывает техника суждений массовой культуры. В данном случае создается определенная психологическая атмосфера массового гипноза, в котором суждения, лишенные противоречия живой мысли, становятся машиной по тотальному промыванию слабых умов. Основа этой психологической атмосферы сформирована непрерывным перетеканием одной группы системы обыденных представлений в другую. Так, фундаментальной основой системы современных обыденных представлений являются: позиция эмпиризма — в науке, и безусловная ценность либеральной демократии — в политике. Но в действительности, исторически очевидно, что любая система доминирующих обыденных представлений является попыткой бессознательного инстинкта самосохранения человека — защититься от разумного суждения.

Высшая раса, в нашем понимании, есть психоэнергетическое пространство духовного единства, циркулирующей между людьми как присутствие сакрального начала времени. Оно топологично, то есть здесь нельзя, как это имеет место в монотеистической религии, указать на «начало» возникновения человека, поскольку момент расовой катастрофы необходимо заложен в феномене существования высшей расы. Так, и в самом христианстве присутствует сознание «конца света», то есть ощущение конечности всякого расового существования культуры, когда духовный потенциал, связывающий людей, исчерпывается. Однако интуитивно приоритет расовой психологии в монотеистической религии практически отсутствует, поскольку такие категории как «милосердие», «добро», «сострадание» и тому подобные, исключают сознание, определяющее неизбежность смерти. Подлинное расовое сознание всегда является «соучастником» подсо-

знательного инстинкта смерти, уже при жизни человека уничтожая в нем надежду на спасение. Однако гуманизм развивался в другом направлении. Отвергнув проблему спасения человеческой души, он предложил искать земное счастье, то есть практически полностью исключить подсознательный инстинкт смерти как одно из фундаментальных состояний человеческой психики. Одна из причин этого исключения состояла в требовании максимальной связи непосредственных чувственных ассоциаций, которая необходима для предельной отчетливости позитивного восприятия реальности. Лейбниц, в частности, поставил его как вопрос о перцепциях и апперцепциях, когда безусловное преимущество последних как раз и состояло в абсолютном приоритете непосредственных чувственных восприятий над периодически встречающимися в них точках разрыва. Эти иррациональные точки, где исчезает, рассеивается непосредственное чувственное восприятие, несомненно, и составляют основу для сознания реальности инстинкта смерти. С другой стороны, если Лейбниц по крайней мере, указывал на эти точки, то английский эмпиризм, насколько нам известно, вообще не замечал их, давая возможность суждению целиком и полностью скользить в поверхностной абстракции, насыщенной живой непосредственностью чувственных впечатлений. В последнем есть нечто женственное, настолько легкомысленное, что исключает присутствие разумного суждения по существу. Однако именно это легкомыслие и стало опорой и бессознательной основой всей техники мышления современной технократической культуры. Другими словами, если немецкая философия включала в себя момент сложного единства бытия, тем самым выражая разумную позицию идеализма, то английский эмпиризм ее исключал, практически полностью отождествляя научную абстракцию с представлением о сущности разума. Ницше был тем философом, который указал на первичный момент познания именно в

этих иррациональных точках разрыва непосредственных чувственных ассоциаций, которые существуют в представлении. Научный принцип мышления здесь, очевидно, не отрицается.

...

Особенность разумной метафизической мысли состоит в ее свободе от конечных положений рассудочных представлений. Но, с другой стороны, основным критерием наличия такой мысли является мера ее полноты, которая всегда отображает сложное единство бытия. А поскольку полнота бытия отображается только в эстетическом созерцании, то его наличия необходимо для существования содержания рационального мышления. Если сравнить основу эстетической мысли у Канта и Ницше, то они окажутся в совершенно различных предпосылках. Если у Канта рассудочное мышление имеет отношение к архетипу угасающей расы, то у Ницше — к архетипу расы зарождающейся. При этом нас не должно вводить в заблуждение, что Кант первым ставит вопрос о существовании чистого разума, то есть разума, существующего за пределами обыденных представлений. Постановка этого вопроса сводится к вполне позитивистским категориям созерцания: пространству и времени. Абсолютность пространства и времени, на которых строится механика Ньютона, создает представление бытия, существующего за пределами мировой истории. Постулат о существовании бога дает возможность кантовской морали ликвидировать этот пробел взаимосвязи с непосредственным духом истории. Однако представление о боге у Канта в большей степени выражает психологию массового человека, у которого расовые импульсы души минимизированы. Основание субъективной цели, по Канту, — стремление к счастью. Ведь расовое существо души, в котором доминируют импульсы инстинкта смерти, исключает подобную цель, поскольку естественным образом полагает ее признаком низшего человеческого существа.

Пространственное восприятие реальности можно полагать априорным только условно, поскольку в любом случае граница его сознания формируется из потока непосредственных чувственных ассоциаций. Вследствие этого эстетика пространства так или иначе определена непосредственностью восприятия. Эстетика же времени в первую очередь касается вопроса о существовании вечности, поскольку любой род и вид феноменов сознания времени приводится к конечной точке восприятия только в качестве пространственной основы, то есть к исключению реальности сознания вечности. Вечность, вообще говоря, является понятием сознаниям духового мира, поскольку «вечность» материи состоит лишь в невозможности представления быть иным, чем материальным. Собственно это представление матриархального сознания, в котором все, что существует, предполагается рожденным или порожденным. Оно формируется вследствие исключения точек разрыва непосредственных чувственных ассоциаций, то есть исключения в подсознании инстинкта смерти. Понятно, что сознание в точке разрыва непосредственности чувственного восприятия имеет отношение к метафизике явлений, поскольку феномены материальной реальности здесь минимизированы. Непосредственные феномены сознания времени отображают не последовательность течения феноменов материальных элементов, а меру интенсивной полноты бытия, которая отображается из сознания момента разрыва непосредственного чувственного восприятия. Здесь время течет нелинейно, то есть не от одной ассоциации к другой, а движется в топологическом поле «рывками». Эти «рывки» или «всплески» мы и определяем как кванты темпорального метафизического пространства. Однако в нем отсутствует личное человеческое начало, и, как следствие, отсутствует реальность представлений монотеистической религии, как, впрочем, и представлений гуманизма с его культом индивидуализма. Специфическая «тьень» человека со-

ставлена в этом метафизическом пространстве различными темпоральными эмоциями от присутствия сакрального существа бытия. Но это сакральное существо безлично или надлично — все зависит от особенностей темпоральных эмоций, которые человек переживает в нем.

Приоритет понимания реальности в тензорах сознания, а не других познавательных средствах, например, категориях рассудка — у Канта, или понятий — у Гегеля, характеризует предельную сложность топологического существа разума в присутствии сакрального существа бытия. Проникновение в его сакральную природу может происходить только в области интеллигибельного сознания реальности, где темпоральные тензоры отображают взаимосвязь между представлениями, возникающими под влиянием инстинкта смерти человека, и его непосредственными чувственными ассоциациями, в которых существует эмпирическое сознание. Здесь, очевидно, критерий истины диаметрально иной, чем в эмпирическом сознании, которое полностью образовано взаимосвязью чувственных ассоциаций. Ведь темпоральный тензор образуется не из чувственного восприятия, а из онтологического потока времени. Он формируется отображением друг в друга точек «разрыва» чувственных ассоциаций, в которых «отсвечивает» сакральное существо бытия. Именно эти разрывы и являются причиной трагического ощущения реальности, то есть потери взаимосвязи с чувственным ассоциативным восприятием. Здесь сознание свободно «парит» в топологическом пространстве онтологической сущности времени. Особенно полно в своем зачаточном содержании расового сознания это трагическое созерцание присутствует в классической европейской музыке. Вообще же, есть много общего у этого сознания с сознанием реальности, которое существовало до начала распространения монотеистической религии, однако все-таки оно кардинально иное. Основа этого различия состоит в сознании исто-

рического направления течения времени, которое имеет топологический характер.

Рассматривая принципиальное различие между пространством и временем с точки зрения их метафизической сущности, мы должны понимать, что так или иначе, пространственное представление сводится к чувственным ассоциациям, тогда как время к ним не сводится. Здесь речь идет не о природе априорной сущности этих представлений, а именно о возможности свести представление о них к чувственным ассоциациям. Так, известные геометрические фигуры пространства: круги, квадраты, кубы и другие, хотя и не имеют реальных аналогов в природе, тем не менее, чувственно воспринимаемы в непосредственным ассоциациях как конкретные образы. Другое дело, представление о времени. Оно не сводится к конкретным чувственным ассоциациям в принципе. Так, различные пространственные образы динамики времени: в виде прямой или спирали, в конечном счете используют попытки его пространственного восприятия, тогда как по существу речь идет лишь о попытке понимать время в пространственном эквиваленте. Что такое время вне пространственных образов, ассоциативное мышление затрудняется ответить. Таким образом, пространство так или иначе сводится к телесности мира, тогда как время не сводится к нему, за исключением, быть может, попытки мыслить время в системе пространственных образов. Следовательно, сознание времени вообще не ассоциативно в чувственном эквиваленте, являясь мерой интеллигибельного мышления. Сознание того, что время «течет», не «стоит» на месте, в действительности человек в большей степени получает из глубин своей психики, а не из непосредственных чувственных ассоциаций. Однако представление о времени в качестве пространственных образов в наибольшей степени получило свое распространение в западноевропейской метафизике, где изобретение механических и более точных часов, напри-

мер, атомных или электронных, максимально приблизило сознание времени к психофизиологическому существу человека. Время, по существу, как мы полагаем, может иметь единственную образную основу, взаимосвязанную с пространственным воображением, в качестве топологических объектов. Так, топологический объект фактически лишен линейной конфигурации, когда его конструкция определяется мерой пластической целостности. Этот объект в наибольшей степени приближен к эстетическому образу сознания, а значит, к рациональному восприятию реальности. Ведь эстетический образ, если мы анализируем образы классического искусства, использует топологические конструкции для отображения максимальной сложности полноты бытия. Зрительное восприятие конфигурации топологического объекта, как мы полагаем, передает текучесть реальности как множества темпоральных тензоров, отображающих бесконечное во времени, растворяя конечно-ассоциативные, то есть пространственные, восприятия.

Мы полагаем, что темпоральные тензоры сознания возникают из точек разрыва чувственных ассоциаций, психологически указывая на онтологический феномен течения времени. При этом механическое время действует непосредственно в отображении чувственных ассоциаций как психофизиологического состояния человека. Но является ли это сознанием исторического времени? Мы утверждаем, что нет, поскольку чувственно-ассоциативное сознание течения времени отображает в первую очередь соматическое состояние человеческой психики. Онтология времени же, наоборот, характеризует сознание духовной реальности, пронизывающей человеческую психику из точек разрыва его непосредственных чувственных ассоциаций. Не случайно, в этом смысле, одним из основных понятий гегелевской диалектики является понятие «опосредствование», то есть необходимость участия в мышлении неассоциативных психических импульсов, которые

выражают, в нашем понимании, действие чистого разума в человеческой душе. Любая примесь чувственных ассоциаций, которая связывает соматические психические импульсы в сознание телесности мира, разрушает эстетическую полноту бытия, а значит, и действие разума. Материя, если она постигнута разумно, должна выражать свет, каковой присутствует в великих произведениях искусства и метафизических началах науки. Но материя цивилизации распада выражает не свет, а мрак животного существа человеческой души, лишенной разума.

...

Когда мы размышляем о метафизической природе онтологии времени, то приходим к выводу, что его главной динамической характеристической является энергия, а не сила, поскольку топологическая модель сознания исторического времени не имеет определенных «углов» взаимодействия. Эти «углы», наоборот, существуют в местах разрыва бессознательных чувственных ассоциаций человека, то есть в области его психической энергии инстинкта смерти. Метафизически, следовательно, духовное начало человеческой души отображается в онтологическом сознании времени, то есть мере «натянутости» материи на неуничтожимую природу духа. В этом смысле дух и есть время, то есть рационально осознанная мера бытия, которая эквивалентна интенсивности «напряжения» высшей психической энергии, реализующейся в разумной воле. Именно по мере реализации разумной воли человека следует судить о его расовом характере и личных качествах. Человек есть мера высшей психической энергии, или существование особых целей и задач, которые взаимосвязаны с объективной природой мировой истории.

Матриархальные начала варварской культуры и культуры цивилизации эпохи распада характеризуются распадом расового архетипа или отсутствием такового, поскольку здесь человек доверяет исключительно своим непосредственным чувственным ассоциациям, а они це-

ликом и полностью указывают на материальную реальность. Духи природы, в которых верили полудикие племена, и духи производственных сил, в которые верили большевистские орды, по существу мало чем отличаются с точки зрения начал патриархальной культуры, хотя, конечно, с точки зрения научно-технического прогресса между ними пропасть. Но современные ценности научно-технического прогресса — это ценности цивилизации эпохи распада, а не объективного исторического разума, задачей которого в современное историческое время является заложить начала новой патриархальной культуры.

...

В первую очередь, новая патриархальная культура начинается с отчетливого сознания конечности человеческой жизни, когда рухнувшая архаичная патриархальная система ценностей неспособна ответить на современные метафизические вопросы о происхождении человека и мира. Начала необходимости формирования сознания нового расового архетипа мы находим в элементах философии Ницше, а может быть, еще ранее в философии Шопенгауэра. Последний, как известно, интересен тем, что был первым европейским философом, который стремился строить свое мышление топологически, то есть конструировать мысль в качестве единства эстетического созерцания в точках разрывов чувственных ассоциаций. По существу, эстетическая полнота, возникающая в результате подобных представлений, стала основой критерия полноценности высшего типа человека по Ницше. Действительно, сохранение взаимосвязи человеческой души с природой не может носить непосредственного характера, поскольку такое состояние души является пассивно-женственным, тяготея к матриархальной психологии. Такого рода культивирование психологического склада души распространялось в социалистических идеях французского социализма, одним из наиболее крупных апологетов которого являлся Ж-Ж. Руссо. По-видимому, вслед-

ствии катастрофического ослабления инстинкта смерти человека, его бессознательное состояние души начинает возвращаться к исключительно животной непосредственности. Вследствие этого разумные мотивации практически исчезают, поскольку разум возникает и развивается в расовой психологии.

...

Когда мы рассуждаем о метафизических тензорах сознания, то предполагаем, что разумное начало души, фактически, контролирующее полноту бессознательных влечений воли, действует как существо, сопрягающееся с сакральным началом мира. Безусловно, принципиально, что это сакральное начало мира нельзя определять как бога или как нечто божественное, поскольку в расовом существе *homo sapiens* место сакрального начала уже определено верой в разум. Другое дело, что под разумом следует понимать не абстрактные рассуждения о бытии в духе западноевропейской классической философии, а присутствие сакральной сущности бытия как нечеловеческой меры. В том и состоит особенность этой природы сакрального существа, что оно не сводится ни к человеку, ни к непосредственному восприятию природы, которое отображается в нашем сознании. Оно, это сакральное, в полном смысле слова есть онтологический поток времени, в который и природа и человек суть безраздельно слитое, но слитое как топологическая модель, то есть как мера присутствия полноты этого течения. Здесь, безусловно, мы возвращаемся к известному тезису Гераклита, который под течением «все-го» подразумевал течение времени как особенность текучести начала бытия в принципе. Собственно, таково вообще существо подлинной философии, которое отрицает всякие попытки полагать сакральное начало бытия определенным из какой-то одной, например, антропологической позиции сознания. Отсутствие центра бытия есть его основная метафизическая характеристика в качестве присутствия полноты его действительной меры.

Когда мы постоянно размышляем о существовании высшего типа человека, которого Ницше рассматривал в качестве основной политической силы истории, то убеждаемся, что речь должна идти об особых свойствах человеческого разума — диктовать воле усилия, которые нельзя найти в социальной психологии человека. Здесь мы утверждаем, что разумный человек не является существом общественным. Таковым он становится тогда, когда разум в его душе перестает воспринимать сакральное начало бытия. Этот момент, собственно, и характеризует процесс распада культуры и формирование бездушных механизмов функционирования массовой цивилизации. Начинает доминировать мифология матриархата, которая постепенно оттесняет и фактически ликвидирует психологию патриархата. В результате разрушаются ценности расовой культуры, и массовый, или стадный инстинкт начинает подчинять себе цели существования человека. Понятно, что все, что определяло ранее незыблемые ценности патриархальной культуры представляется в этой низшей системе ценностей «мифологическим», тогда как то, что ранее полагалось небытием, наоборот, становится единственным видом сознания реальности.

Мы утверждаем, что современная массовая культура и массовая психология человека формируются примитивнейшей мифологией матриархальных принципов подсознания. Мать, или порождающая сила природы, определена здесь как безусловный источник начала всего: человека и мира, когда всякое сомнение по поводу иного, духовного начала бытия, категорически отрицается. В понимании матриархальных и патриархальных подсознательных импульсов мы рассматриваем не физиологическое различие людей, а их психологическое различие, полагая, что в основе метафизического строения бытия существует абсолютный принцип симметрии. Симметрия есть один из основных топологических принципов связи неприродного в природном, который субъективно, в со-

знании, отображается из точек разрыва непосредственного чувственного восприятия. Это и есть материал объективного разума, формирующегося в качестве сверхчувственного и определяющего основу любых идеалистических ценностей. В этом смысле восприятие становится мерой метафизического существования идеи реальности, где присутствие духа выражается в отсутствии власти над волей чувственных ассоциаций. Правда эта область реальности существует только в экстремальных исторических событиях: великих сражениях, политической борьбе, где присутствуют выдающиеся субъективные цели людей, в становлении основ новой веры, которая впоследствии определяет судьбу мировой цивилизации. В этих экстремальных состояниях человеческого духа наличие смысла человеческой жизни действует как прямой вектор разумной воли человека, фактически полностью отрицая принцип матриархального подсознания, связанного с инстинктом самосохранения. Ранее в сознании патриархальной культуры полагали, что в этих событиях присутствует бог, если речь идет о монотеизме, или боги, если речь идет о древних цивилизациях. Однако известная метафизическая формула Ницше о «смерти бога» имеет в первую очередь метафизический смысл, утверждающий, что реальность сакрального исторического сознания более не может использовать представления о божественном в системе высших ценностей.

Анализируя метафизический смысл шопенгауэровско-ницшеанской традиции мысли, следует обратить внимание на существо полноты, которое выражает здесь присутствие бытия. Его принципиальное отличие от классической западноевропейской традиции состоит в сознании метафизической меры, не использующий представления о божественном. Можно заметить, что линейная перспектива непосредственных ассоциаций чувственной реальности, которая составляет основу эмпирического восприятия сознания, здесь практически

отсутствует. В результате мы не находим границы между человеком и природой в качестве психофизиологической меры, когда бессознательные импульсы психики не «стягиваются» в соматические центры чувственных ассоциаций. Это связано с тем, что в этой традиции отсутствует эмпирический механизм представлений о природе, когда объекты реальности субъективно мыслятся в качестве нелинейных, топологических структур. В результате полнота восприятия реальности достигается не в метафизическом противопоставлении природы и человека, а в синтезе неассоциативных инъекций-квантов темпорального сознания, где человек слит с неприродным в полноте природы.

Первым, метафизически основным началом неприродного в природе является ее топологическая «натянутасть» на время, которое мы понимаем не механически, а онтологически, то есть в качестве определенного «склеивания» целостности структур материи. Эти структуры — подобны, как, например, подобны исторические пути развития всех мировых цивилизаций. Однако их нелинейность открывается только в сознании эстетического представления, то есть в проекциях связи, которая определяет виды метафизического бытия, имеющего нематериальную природу. То же самое происходит и в современной науке, когда она рассуждает, например, об электромагнитной энергии, но не может рассуждать об электромагнитной «материи». Физическая энергия все больше становится интеллигибельной категорией рассудка, в которой математические модели описывают действие различного рода энергий. При этом в современных астрономических представлениях, вместо вполне отчетливой классической механической картины мира, где материальные объекты субъективно мыслятся как образы подобия человека, существует смутная картина динамической энергии мирового хаоса, в которую человек втянут как ничтожная частица случайного мира.

Первое, что характеризует темпоральные тензоры сознания — это их возникновение из точек разрыва чувственного восприятия. Если непосредственно-ассоциативное чувственное восприятие образуется достаточно устойчивым потоком бессознательных психических реакций на объективную реальность, то онтологические кванты сознания возникают как достаточно смутные в общих монотонных психических процессах. Здесь существует полярная противоположность восприятию материальных явлений, которые оказывают непосредственное интенсивное влияние на чувственность человека со стороны механических структур технологических связей цивилизации — сознанию сверхчувственного в природе, которое достигается только предельным внутренним сосредоточенным созерцанием. Вопрос о том, как воспринимается это сверхчувственное, подобен формированию математических моделей, описывающих физические явления, которые изучаются как образы чисто-математического аппарата. Только вместо научного математического аппарата в метафизике онтологии времени мы оперируем квантами темпорального сознания, которые суть откровения чистого разума. Вследствие этой простоты непосредственных чувственных восприятий, в западноевропейской цивилизации сформировалось общество потребления, которое построено на низшей системе ценностей. Животное начало человеческой души здесь становится доминирующим и определяющим, а понимание, построенное на низших процессах психики, господствующим. Понятно также, что, поскольку низшие процессы психики присущи каждому человеку, то и массовая цивилизация стала глобальной, захватив собой все страны и все народы.

В нашем понимании, альтернатива массовой цивилизации существует в расовом существе человека, которое формируется высшей психической энергией. Это существо, являясь мерой напряжения этой энергии, являет-

ся трансцендентным существом, то есть сознанием реальности, которое отсутствует в непосредственных чувственных ассоциациях. Оно отображается в местах их разрыва, создавая ощущение невидимой энергии мирового духа. То, что этот дух существует, сознание человека получает из психических импульсов, «натянутых» на бессознательный инстинкт смерти, единственный тип человеческого инстинкта, который кардинально отличает его психологию от психологии животного. Именно здесь пролегает бесконечная пропасть между животным и человеком, если, конечно, мы рассматриваем психику полноценного человека, то есть человека, в котором в какой-то степени активны разумные начала души. Но неполноценный человек, наоборот, демонстрирует исключительно животные психические импульсы, которые не только не подавляются обществом потребления, но и всячески им культивируются. Психоаналитическая теория Фрейда в этом смысле использует свое ключевое понятие «вытеснения» при оценке низших импульсов, когда вытесненная сексуальная энергия формирует абстрактную, но не разумную мысль, ибо психологическая пропасть между бессодержательной абстрактной мыслью и существенной разумной мыслью состоит в отображении чисто-научной и подлинно метафизической картины реальности.

Материалистическое сознание стремится минимизировать присутствие духовной энергии души, поскольку эта энергия препятствует его предельной концентрации внимания на связях элементов материи. Образы элементов материи, в отличие от образов духовной энергии, воспринимаются достаточно отчетливо за счет концентрации волей сознания на непосредственных впечатлениях реальности. В философии истории первым в исследовании этой познавательной способности был английский эмпиризм, собственно потому он и не имеет метафизической основы, что практически полностью построен на непосредственности человеческих эмоций и восприятий. Это

сознание формируется из непосредственности удовлетворения человека тем, что он жив, что психологически в наибольшей степени отдалено от разумной метафизического сознания, которое необходимо требует понимания помимо этой непосредственной живости души, осознания конечности ее земной природы. Бесконечное «здесь» в качестве «вечного» отождествляется с процессами механического движения материи. Традиционная же духовная жизнь, в которой сформировались и развились расовые основы души, постепенно стала формальным ритуалом, что характеризует конец живого духа культуры и доминирование бездушных и, следовательно, неразумных процессов функционирования цивилизации. Именно поэтому, вероятно, мы не находим в английской философской школе разумной идеи жизни, что непосредственное удовлетворение жизнью не определяет присутствия действия мирового исторического разума. Подобного рода сознание может удовлетворить только нравственно недоразвитого человека или варвара, которые чужды подлинному пониманию разума. В силу этого именно английская политэкономия и стала основой политического объединения как *quasi homo* внутри западноевропейской цивилизации, так и за ее пределами в среде варваров, подобных большевикам и их генетическим наследникам. Ведь низшее антропологическое существо неспособно мыслить разумно, тогда как действие абстрактного рассудка, определенного в примитивных психических реакциях, создает иллюзию разумной активности событий. То, что традиционно в классической философии и культуре определялось как род низшей человеческой деятельности, торговля, постепенно стало основой и движущей силой цивилизации эпохи распада. Не трудно понять, что массовая цивилизация постепенно сложилась как психология наследников генетических рабов и генетических варваров, которым не знакомо действие разума в человеческой душе. Ведь подсознательные инстинкты рабства, равно как и

подсознательные инстинкты варварства, преодолеваются только через длительное воздействие высшей психики. С другой стороны, если формирование неполноценного человека в массовом обществе было естественно для судьбы западноевропейских наций, прошедших путь развития от преодоления внутреннего варварства и осознания своей исторической судьбы в мировой истории, то остальные народы стали деградировать в массовой цивилизации в силу мощи воздействия инерции господствующих ценностей цивилизации

...

Основная теоретическая ошибка всех расовых теорий европейской культуры, отстаивающих позицию иерархии бытия, как мы полагаем, состоит в попытке биологического доказательства неравенства рас. Собственно этот подход и послужил тупиком развития рационального содержания расовых теорий. Современная научная антропология благополучно классифицировала разновидности биологических рас по их биологическим признакам, где четыре ветви человеческих рас представляются одной из разновидностей многообразия биологических видов природы. В этой абстрактной схеме представлений, безусловно, отсутствует объективная позиция разумной мысли, поскольку попытка мыслить человека как исключительно часть животного мира, отрицает разум по существу, ибо позиция разумной мысли и есть понимание кардинального отличия человека от животного. Однако неразумная позиция английского эмпиризма здесь «пригодилась» в полной мере. Вообще, в современной западноевропейской цивилизации победила именно неразумная основа представлений, когда проблемы, поставленные немецкой метафизической мыслью, в частности, существа чистого разума, исчезли в позициях примитивного эмпиризма.

Когда мы пытаемся найти какие-то, пусть даже смутные, попытки сформулировать основы разумного пони-

мания бытия в российской традиции мысли, то они отсутствуют. Это отсутствие определено самой спецификой российской культуры, формировавшейся как психологическая культура уголовных элементов, для которых православие было постоянным препятствием в доминировании различных низших психических состояний души. События 17-го года продемонстрировали, что победа оказалась за этими уголовными элементами, которые, как это всегда бывает в варварской культуре, заявляют о своей приверженности наиболее актуальным идеям своего времени, а именно прогрессу и науке. Психология этих уголовных элементов состоит в том, что, отрицая традиционные законы морали и нравственности, они ничего не дают взамен в качестве разумных основ души. Они предлагают объединение людей на самой примитивной, животной основе, которая, очевидно, не имеет никакого отношения к разумным событиям мировой истории, однако целиком и полностью захватывает убогое воображение неразумного человека.

Наше понимание современной ситуации исторических событий в России, как политических процессов, которые протекают в Темные Века начала цивилизации, утверждает, что варварское государство, в том виде, в котором оно сейчас политически существует, не имеет никакого будущего. Главная причина лежит на поверхности: разум есть основа государственного устройства по существу, когда субъективно человек воспринимает себя как часть мировой истории, в которой его духовное начало определяет высшую ценность действий его воли. Однако в среде варваров, которые шарахаются от одной системы социальных мифологических представлений к другой, разум не может существовать. Здесь имеет место варварская масса людей, которая и получает статус субъективной политической единицы, к которой механически, как тело, принадлежит каждый человек. Подобная варварская политическая система исключает разумную волю по существу, то есть волю, в кото-

рой присутствует расовое существо человека. И наоборот, низшая основа психических реакций гарантирует в варварском государстве определенный социальный успех, ведь отсутствие разума в душе приводит к искренности представлений о ценности усилий человека в массовом социуме. Так, в России уже существует целая традиция мифологических представлений о ее историческом развитии, которая сформировалась в 19-том веке как о государстве — части западноевропейской цивилизации. Однако дух мировой истории нельзя обмануть, когда территория России постоянно оказывалась в эпицентре мировых войн именно как варварская страна в представлениях цивилизованных европейцев. Православие же, как, безусловно, расовая система ценностей, ничего не могло противопоставить захвату уголовными элементами социально-политической жизни страны в силу отсутствия в ней предпосылок для разумного понимания процессов мировой истории.

Вообще, когда мы анализируем социально-политическую ситуацию в современной России, то осознаем, что человек, как субъект разумных движений человеческой души, здесь отсутствует. Варвар же, как это утверждает вся история развития мировой цивилизации, не является человеком по существу. Но подобную оценку не может дать система ценностей западноевропейской цивилизации, в которой расовая катастрофа разрушила разумные представления о реальности. В современной западной цивилизации также победил психологический тип *quasi homo*, но не уголовник, а торговец, который никогда не признает высших достижений человеческого духа. Противоречия между варваром и торговцем могут существовать только в области определенного приоритета низших ценностей, но не господства высших ценностей по существу. При этом понятно, что безусловное право диктовать свою систему ценностей торговцем — варвару стоит хоть в каком-то рассудочном здравомыслии и адекватности сознания политической основы государства.

Когда мы размышляем о судьбе мировой цивилизации, то противопоставление разума животному существу человеческой души связывается у нас с новым расовым пониманием происхождения *homo sapiens*. В первую очередь наше понимание человеческой психики рассматривает систему духовных феноменов, которые проникают в его непосредственное животное существо через активность разума. Эта активность мыслится топологически, то есть системный момент здесь достигается через проецирование точек разрыва чувственного восприятия друг в друга в темпоральных тензорах сознания. Таким образом, мы отрицаем происхождение разума человека как результат процесса влияния биологической эволюции, поскольку естественный биологический отбор, наоборот, требует того, что действие разума исключает, а именно, максимальной активности связи непосредственных чувственных ассоциаций. Фактически механизм биологического отбора активизирует животные, а не разумные начала души.

В нашем понимании, активность разума в человеческой душе есть прямое следствие созерцания эстетической полноты бытия, которая формируется в первую очередь вниманием к его интеллигибельному началу. Но в силу топологического свойства этого начала, оно не может восприниматься логически ассоциативно, то есть осознаваться как «спасительное» для души положение рассудка. Эта бессознательная потребность «спасения» души присутствует во всей классической западноевропейской философии, когда «техническая» часть философских методов строится на научном подходе. Вообще, в вере в науку, которая исторически сменила веру в религиозное откровение, на бессознательном уровне формировались доминирующие позиции сознания, нивелирующие топологическую сложность метафизической сущности бытия, которые определяли бытие как противоположность мифологическим религиозным представлениям. Только у Ге-

геля, как у представителя классического философского мышления, в диалектике рационального суждения возникает отчетливый онтологический принцип опосредствования процесса суждения как движения сознания в потоке непосредственного противоречия мысли. Так, противоречие собственно состоит в движении «вбрасывания» высшей психической энергии в чувственные ассоциации, которые субъективно начинают мыслиться как не «мое». И действительно, если бы сознание «я» проецировалось только на чувственное восприятие, то человеческая мысль была бы подобна машинному мышлению, никак не зависящему от эмоционального состояния души. Но в том и состоит кардинальное отличие человека от машины, что он не является механической моделью, он является моделью топологической, в которой высшая психическая энергия, определяющая действие его разума, регулирует низшую психическую энергию через участие са-крального начала бытия.

Материалистические представления, получившие базу в эмпирических науках, практически полностью ликвидировали эстетический момент познания в массовой цивилизации, который определял философские основы. С другой стороны, философские основы метафизики науки формировались в механическом понимании процессов природы, когда ее явления рассматривались исключительно в области законов материи. Именно здесь образовались предпосылки для формирования психологии матриархата, который стал основой для массового общества, поскольку человеку естественно верить даже тогда, когда исчезает подлинная вера, когда на смену ей всегда приходит суеверие. Основой этих многообразных суеверий массового сознания стал фетишизм, одной из разновидностью которого является коммунизм. В этом учении расовый, то есть разумный человек, отсутствует, зато присутствует активная масса людей, к которой человек относится как к части коллективного производственно-

го процесса. Таким образом, психология освобожденного раба становится объединяющей силой масс, чуждых собственным расовым основам души на территориях Земли, где объективный исторический разум еще никогда не действовал. Заметим, что из народов, которых мировая цивилизация коснулась наличием исторических законов разума, ни один не попал под влияние этой чумы XX века. Последнее лишь еще раз доказывает, что история российской цивилизации не имела в своем прошлом отчетливой разумной цели.

Исторические основы разума в сознании человека «заметаются» временем. Именно время содержит в себе метафизическую загадку духа мировой истории, поскольку время возникает и формируется соответствующей топологией эстетического созерцания мира. В этом смысле попытка мыслить время линейно, как это имеет место и в монотеистической религии и в современной науке, исключает основополагающий принцип топологической сущности времени и, как следствие, топологической сущности разума. Современное историческое сознание существует в понимании нелинейности исторических законов мировой истории. В том и состоит кардинальное отличие метафизики современного исторического сознания от традиционного, что сакральное начало реальности не сводится к представлению о человеческом образе бога, и даже наоборот, сакральное начало времени воспринимается как некая зловещая по отношению к человеку сила. Впрочем, это зловещее начало бесконечно облагораживает душу человека, разрушая в ней предрассудки. Но главное, конечно, оно возвышает ее до единения с сакральной полнотой времени, существующей вне природных процессов, но определяющих их внутреннюю структуру. Иррациональное начало в сознании бытия в бессознательном импульсе воли открыл Шопенгауэр, мы лишь указываем на его метафизическую взаимосвязь с инстинктом смерти человека. Кардинальное отличие нового понима-

ния субъективного сознания психической жизни человека состоит в отсутствии задачи спасения души, то есть той психологической основе, которая связывает, несмотря на принципиальные идеологические расхождения, религиозные представления христианства и начала классической западноевропейской метафизики. Однако трагедия гибнущей души в действительности не является ощущением гибели духа, поскольку в сознании этой гибели мы отчетливо наблюдаем два полюса симметрии: бытия и небытия, которые топологически концентрируют сгустки материи в их взаимосвязи с феноменами духа как определенные кванты темпоральных свойств разума. Другими словами, разум есть свойство интеллигибельного мышления, которое отображает в разрушительных бессознательных импульсах воли взаимосвязь точек разрыва непосредственного чувственного ощущения с сакральным началом времени.

Когда мы рассуждаем о сакральном начале бытия во времени, то полагаем, что оно существует не в человеке и не в материальных стихиях природы. Его присутствие определено топологическим многообразием связей границы симметрии вечного, которое существует во времени, и конечного, которое отображается в пространстве. В этом смысле, сакральное не идентифицируется с каким то конечным образом, воздействуя на душу человека через границу высшей и низшей психики. Так, поток высшей психики всегда является разрушительным для связей низшей психики, поскольку функция его сознания строится на точках разрыва чувственного восприятия, тогда как функция сознания низшей психики на ее безусловной связи. Вечное в душе есть дух, и его «нанизывание» на себя материи разрушает соматическую устойчивость восприятия человека. Вообще, вечное в сознании духа как сакрального начала времени оставляет для присутствия материи бесконечно малое «место». Вероятность «схватывания» ее единства может выражаться сложной топо-

логической структурой, которая способна в полной мере отобразить единство материи и духа в их динамической энергии полноты бытия. Это и есть полноценная культура, связывающая людей в их разумном существовании. Однако, когда вечное, то есть откровение сакрального начала времени, перестает воздействовать на сознание через высшие импульсы психики, то в психике начинает доминировать только непосредственное чувственное восприятие.

...

Мы наблюдаем окончательное завершение исторического развития рационального проекта западноевропейской цивилизации. Сомнительные проекты ее будущего, в которых экономика занимает первое место, интересуют либо слабые умы, либо варварские умы, которые не обладают разумным пониманием современной исторической реальности. Понятно, что еще несколько десятилетий политического доминирования Америки в среде народов, которые потеряли всякий разум, может дать повод искать «будущее» там, где разум не существует, а именно в наиболее целесообразной экономической системе социального развития общества. И действительно, если основные психические реакции сознания формируются вниманием к взаимодействию человека с материальной реальностью, а активное влияние духовных феноменов игнорируется, то постепенно образуется поле культуры, в которой эти феномены являются первичными для любых мотиваций людей. Нет необходимости объяснять, что в мировой истории так существовало не всегда. Происхождение доминирующих позиций духовного сознания выражало естественный бессознательный интерес человека к наиболее разрушительным импульсам воли, которые, владея душой в экстремальных ситуациях, игнорировали земное, мешающее разуму устанавливать взаимосвязь сознания с сакральными началами бытия. При этом в матриархальной культуре эта естественная потребность в

сакральном компенсируется чувственным удовлетворением от владения бесконечным упрощением восприятия природы.

Благородство человеческой души как основа полноценного эстетического созерцания бытия, которое нравственно питало как Средневековье, так и Возрождение, начало катастрофически исчезать именно с событий французской революции, в которой, собственно, и были ликвидированы позиции сознания разума как основы новой веры. Вероятно, эти события можно сравнить с распространением христианской религии в среде варваров и бывших рабов, когда вместе с исчезновением благородства духа античной культуры, влившего часть своего существа в начала христианской религии, монотеизм стал приобретать характер варварства и грубости, чтобы соответствовать нравам бывших рабов и варваров. Аналогичная судьба постигла и рационализм, особенно в таких учениях как марксизм, где основа разумного познания была полностью утрачена. Следовательно, учитывая историю развития христианства, следует предположить, что вера в разум должна отделиться от грубых нравов бывших рабов и деградантов цивилизации, чтобы утвердиться в нравственном сознании полноценного человека. Понятно, что в эпоху безвременья доминируют буферные цивилизации, подобные византийской или современной американской, где расовые начала психики пассивны, а значит, разумные движения человеческой души — минимальны.

Когда мы рассуждаем о сущности разума в пределах современной российской культуры, то в первую очередь должны очистить историческую мысль от варварских представлений, которые сложились здесь после распада племенных архетипов большевистской орды. Разум в первую очередь есть следствие действия расового архетипа патриархальной культуры, которая отображает безусловную власть в человеческой душе активности выс-

ших психических импульсов. Варвары, а именно они политически и доминируют в современной России, постоянно пытаются пристроиться в «хвост» западноевропейской цивилизации, когда многочисленные фантазии экономических проектов растворяются в их грубых нравах как контуры мифологической реальности в тумане небытия. Темные Века, определяющие уровень нравственного развития современного человека в России, характеризуют практически полное отсутствие действия разума в душе, а это, как следствие, влечет за собой различного рода психические заболевания, произвол животных инстинктов и власть социального слабоумия как «норму». Однако социальная реальность Темных Веков топологически подобна, то есть в начальный период становления новой цивилизации в ней всегда доминирует недочеловек, или человек низшего типа, который не имеет никаких представлений о разумном образе жизни. При этом мы должны отчетливо различать политическую модель России до 17-го года, которая имела тысячелетнюю традицию и строилась на патриархальном основании культуры, от современного варварского государства, которое сложилось вследствие компромисса различных уголовных группировок, как новых, возникших после 91-го года, так и ведущих свое происхождение от архетипов большевистской орды.

Понятно, что попытка «пристраивания» в «хвост» исторических событий западноевропейской цивилизации возникла в России, начиная с реформ Петра 1. Он начал свои преобразования как варвар, а именно, с отказа от расового существа души. Вероятно, так всегда начинается новая цивилизации, когда осваиваются элементы развитой культуры на ее окраине. Однако действия его имели стратегический характер, который, как в аналогичное время Темных Веков Западной Европы проводил Карл Великий. Объединение различных народов с различными традициями, которые проживали на территории России,

требовало сознания государственных ценностей, которые были бы ориентированы на социальную инфраструктуру, где религиозный аспект был бы вторичен. Эта необходимость определялась задачей снятия противоречий между народами, исповедующими христианство, ислам и буддизм. Таковой системой ценностей стала тотальная ориентация политического устройства государства аналогичному устройству в Западной Европе. В принципе, такое решение было правильным, поскольку закладывало начало консолидации народов на новой основе, однако расово традиционное начало души этих народов стиралось, а новое начало отсутствовало как связующее в их нравственном существовании.

Когда мы тотально отрицаем гуманитарные представления российской культуры, то преследуем главную цель — утвердить здесь начала нового расового существа *homo sapiens*. Это существо еще не произошло. Оно мучительно рождается в последние века, когда идея его существования появилась в западноевропейской культуре Возрождения. Однако внутренних ресурсов у народов Западной Европы, как мы полагаем, оказалось мало, чтобы перестроить свой бессознательный расовый архетип, чтобы реализовать эту великую идею. С другой стороны, российская культура, формировавшая в последние века за счет отказа от своего патриархального расового архетипа, в настоящее время настолько глубоко нравственно деградировала, что исторически просто не имеет иной альтернативы, как реализации этой великой идеи высших ценностей западной культуры в период ее подъема. Понятно, что эти высшие ценности кардинально отличаются от современной системы низших ценностей, доминирующих в западной цивилизации. Причем сам человек «разумный» здесь полагается сформированным именно физиологическими импульсами от взаимодействия с объективными процессами природы, а не внутренним духовным развитием, которое определяет уровень его свободы от конеч-

ного животного существа. Понятно, что такого рода ограниченный эмпиризм сознания не может удовлетворить подлинный разум человека, который формируется системой высших ценностей, определяющих кардинальное отличие человека от животного.

Основой нашего понимания разума в человеческой душе является сознание, что он определенным образом взаимосвязан с сакральным существом, присутствующим во времени как действие мирового духа. Ясно, что речь идет о новом метафизическом понимании бытия, которое кардинально отличается от предпосылок рассудочного гуманизма. Мы полагаем, что в глубинах иррационального начала человеческой воли присутствует сакральное взаимодействие с метафизической сущностью бытия. Эта сущность может мыслиться только в интеллигибельном мышлении, поскольку ассоциативно бессознательный инстинкт смерти человека не отображается в непосредственном чувственном восприятии. Но именно здесь существует инстинктивно-человеческое, которое кардинально отличается от инстинктивно-животного, сознанием импульсов воли, которые влекут человеческий дух к реализации объективной задачи разума. Интуиция этой метафизики сформировалась в онтологии времени шопенгауовско-ницшеанской мысли, где были заложены простейшие метафизические топологические элементы основы понимания бытия. Топология метафизики бытия предполагает, что жизнь и смерть являются взаимосвязанными онтологическими «сторонами» времени, которые для соматических психических реакций указывают на ассоциативно-бессознательную взаимосвязь с материальной реальностью, а для трансцендентных психических реакций — на взаимосвязь с духовной реальностью. В этом смысле можно полагать, что «материя» духа чувственно-неассоциативна, и наоборот, что «духовное» начало материи не полностью сводится к чувственной непосредственности психических ассоциаций. Последнее,

в частности, определяет ценности сознания матриархата участием в процессе производства природой и цивилизацией, которая в этом ей подражает. Это моральная основа марксизма, где расовый человек исключается полностью, поскольку в матриархальном сознании наличие иерархии бытия отсутствует. Аналогичным образом и расовая культура исключает реальность существования массового человека как чего-то «приметного» в историческом событии, поскольку такого рода минимальным духовным усилением души можно пренебречь. Именно поэтому мы и полагаем современную историческую ситуацию в России как Темные Века, а социальные процессы в западноевропейской цивилизации как глубокий распад. Здесь варвар и торговец массовой цивилизации «нравственно» близки друг другу, поскольку не обладают разумной целью существования в мировой истории. Это нравственное единство масс определяется почти тотальной ориентацией неразумного сознания на материальную реальность практически во всем: в вопросе происхождения человека, в его субъективных целях в массовом обществе, в его стремлении к максимальному материальному производству и так далее.

...

Задачей современной метафизики онтологии времени является понять, каким образом сакральное существо времени воздействует на природу человека. При этом изначально ясно, что это сакральное существе не антропоморфно, а значит, не может идентифицироваться в качестве личного начала, которое было определяющим как в монотеизме, так и в гуманизме. По отношению к личному началу в человеческой душе оно в полной мере иррационально, однако именно это иррациональное начало и формирует начальные элементы разума темпоральных тензоров сознания. Напряжение, возникающее от соприкосновения с воздействием бессознательного инстинкта смерти на соматические функции психического аппара-

рата души, определяет наличие в ней мирового духа как потока времени, которое существует «по касательной» по отношению к животному началу психики. Это принципиальный момент рациональной сущности психической жизни современного человека.

Когда современный разумный человек окружен в массовом обществе, как в темном лесу, множеством неразумных существ, он испытывает постоянное ощущение бессмысленности происходящего. Это происходящее существует за пределами разума, поскольку разного рода социальные цели, проекты, вообще любые усилия массовой души лишены активности высшей психики. Субъективный разум фиксирует множество явлений небытия, которые «навязываются» массовому сознанию как единственная реальность «бытия». Расовое же сознание исключено здесь тотально, за исключением его архаичной сущности, которая неспособна повлиять на реальные процессы исторических событий. В этом смысле нашей задачей является указать стратегию существования разума при условии его полного забвения в массовой культуре, которая практически тотально формируется непосредственным сознанием человеческой души. Эта задача состоит в опосредствовании, которое уже не может иметь чисто абстрактных представлений о разуме. И здесь нам не могут помочь известные представления о рациональной психологии в классической западноевропейской философии, поскольку интуитивно они формировались бессознательной инерцией влияния средневековой схоластической мысли, связанные с попыткой спасения человеческой души. В метафизике онтологии времени ставится задача постижения иррационального как рационального, то есть в основе темпорального мышления присутствует крайнее противоречие между постигающим и постигаемым.

Первое, что мы категорически отрицаем в начальных онтологических элементах метафизики времени — это эмпирический аспект его существования. По существу,

эмпирический аспект существования времени практически полностью отождествляется с пространственным созерцанием или попыткой сведения к нему. В эмпирическом мышлении концепция мировой истории определяется линейным представлением исторических процессов, где существует начальная точка: теория большого взрыва — в научной физике или акт творения — в монотеистической религии. Но топологическая основа метафизики времени предполагает, что ее простейшие связи, темпоральные кванты сознания, проецируются из непосредственных инъекций инстинкта смерти, которые нельзя свести к непосредственности чувственных ассоциаций. Таким образом, в темпоральных квантах сознания, соматические реакции человеческой психики бесконечно малы. Именно через эти психические состояния на всем протяжении истории мировой цивилизации в человеческую душу проникали сакральные импульсы души. Поскольку онтология времени топологична, то и вопрос о биологическом происхождении человека должен нас мало волновать. Этот вопрос крайне важен для матриархального сознания, в котором физиологическое восприятие является первичным в бессознательных импульсах души. Из него возникла психоаналитическая теория Фрейда, которая лишь обобщила очевидный факт происхождения массовой психологии человека из бессознательных импульсов сознания матриархальной культуры. Утверждения же его, что либидо всегда имеет мужское начало, в нашем понимании, осознается как тот факт, что женскому существу необходимо мужское присутствие, поскольку в противном случае исключается минимум патриархальной культуры как сама духовная загадка жизни, пусть даже понимаемая физиологически.

Таким образом, наше понимание метафизической симметрии онтологии времени, как влияния в подсознательных движениях человеческой души полюсов: матриархальной и патриархальной культуры, объясняет топо-

логический, а не линейный, характер развития мировой истории, когда определенный ее цикл заканчивается возвращением к непосредственному существованию человеческой души. Эта непосредственность и есть состояние матриархальной культуры в ее наивном сознании чисто материальной реальности. Ведь деньги, которые начинают править миром в цивилизации распада, выражают в первую очередь доминанту матриархального сознания, поскольку в патриархальной, иерархической системе ценностей, они занимают низшее положение. Но практически все представления о внутренних процессах технократической цивилизации в массовом обществе формируются доминантой матриархального сознания, а это, в свою очередь, является главной причиной формирования неполноценного человека, *quasi homo*, и его массового распространения во всем мире.

Топология варварской племенной психологии и психологии разрушенной расовой души — внутренне тождественны. Они обусловлены в первую очередь резким ослаблением высшей психической активности души, которая характеризует непосредственную активность ее разумной основы. Опосредствование происходит за счет концентрации темпоральных тензоров сознания в качестве созерцания времени, где сакральное существо бытия присутствует как связь человеческой души с мировым духом. Наиболее близкой сферой в человеческой культуре к онтологической полноте времени, является область искусства, поскольку полноценный эстетический феномен отображает максимум присутствия топологической связи темпоральных элементов реальности. Ведь возвышенное состояние души есть результат активности в ней высшей психики, что «технически» может достигаться только через напряжение сознания как его прямой проекции из разрыва непосредственных чувственных ассоциаций.

Когда мы рассуждаем о психологической взаимосвязи сознания эстетического феномена и индивидуаль-

ной воли человека, то в первую очередь должны помнить о бескорыстной основе эстетического созерцания. Трансцендентальным миром нельзя обладать, поскольку нельзя обладать полнотой сакральной сущности бытия. Наоборот, материя реальности возникает в области его «оскудения» полноты бытия, то есть в момент катастрофического ослабления концентрации темпоральных тензоров сознания в сфере эстетического созерцания. В результате эмпирическое восприятие есть максимальная отчетливость взаимосвязи соматических психических реакций и абстрактного рассудка, которые обладают пустотой, достаточной для жизнедеятельности неполноценной души. Однако постепенно, в силу отсутствия причастности человека духу мировой истории, эта пустота стала культовым началом всех производственно-технократических процессов массовой цивилизации.

Шопенгауеровско-ницшеанская традиция философской мысли в первую очередь предполагает эстетический феномен как основополагающий принцип познания бытия. Особенностью этого принципа познания является исключение эмпирического восприятия, которое строится на проекциях соматических психологических состояний. Наиболее последовательным в отрицании этого животного существа души был Ницше, когда противопоставил сверхчеловека и человека, как человека и обезьяну. Психологически мы должны понять, что речь в этом образно-символическом мышлении должна идти о взаимосвязи сакрального начала бытия и иррациональных импульсах воли в качестве темпоральных квантов высшей психики, возникающих за пределами эмпирического восприятия. Эти иррациональные импульсы воли вообще не могут быть систематизированы, поскольку их происхождение взаимосвязано с сакральным началом времени, которое присутствует в душе человека в его бессознательном инстинкте смерти.

Подобная концентрация, с другой стороны, предполагает соматические функции человеческой психики единственным источником феноменов сознания реальности. Но являются ли эти феномены сознания действительно человеческими? Мы полагаем, что не являются. Рациональное мышление формируется в глубинах высшей психики под воздействием иррациональных импульсов воли.

В основе действия разума в человеческой душе лежат бессознательные импульсы воли, взаимосвязанные с психической энергией инстинкта смерти. Рациональное мышление кардинальным образом отличается от потока абстрактных суждений, которые формируются непосредственным эмоциональным движением души. Именно поэтому всякие попытки рассматривать человека как существо социальное указывают на ту или иную меру расовой катастрофы, которая характеризует состояние окончания определенного цикла развития мировой цивилизации. Расовая катастрофа, таким образом, выражает «сворачивание» непосредственного контакта психики с субъективным разумом человека.

Мы утверждаем, что происхождение человека имеет не земной характер хотя бы потому, что мировой дух не может выводиться из существования материальных элементов. То, что биологическая материя сконцентрировалась топологически вокруг высшей психической энергии и смешалась с ней, никак не определяет начало происхождения этой энергии. Однако эмпирическая наука в силу тотальной ориентации сознания на материальные элементы реальности пытается доказывать, что именно дух есть свойство материи, а не наоборот. При этом эта позиция сознания лишь естественно формулирует бессознательные психические реакции матриархальной психологии. Психология этих реакций требует искать начало бытия в непосредственности чувственных восприятий, тогда как разум, по существу, будучи проекцией феномена высшей психики, относится к этим восприятиям косвен-

но. Фактически мы можем рассуждать только о «смешении» разума с низшими психическими реакциями, но не о выведении его сущности из них. Поэтому все попытки вывести разум из психофизиологических представлений заранее обречены на неудачу, поскольку абстрактный рассудок не способен постигнуть иррациональные начала воли, где концентрируется высшая психическая энергия человека.

Одной из основных ошибок в психофизиологических представлениях о человеке является условие взаимобратной связи, когда психический импульс полагается существующим при условии безусловного контроля над ним сознания. В действительности высшие психические процессы не только не контролируются сознанием, но и сами его контролируют, когда содержание мысли отображает либо бытие, либо небытие, в зависимости от интенсивности его влияния. При этом непосредственность чувственных переживаний, которая характеризуется процессом резкого ослабления высшей психической активности души, выражает по существу небытие. Небытие, или, следуя гегелевской логике, пустая абстракция представлений о бытии, должна либо наполниться содержанием, либо должно быть исключено как несущественное. Именно здесь в «работу» по отделению бытия от небытия вступает темпоральное действие тензоров сознания, которые суть мера напряжения существа понимания предмета мышления. Для нас таковым является онтологическая сущность времени, из которой мы выводим основу понимания бытия.

Когда мы рассматриваем онтологическую сущность времени, то понимаем в соответствии с ней происхождение человека как бесконечную сущность духа, которая биологически конечна лишь постольку, поскольку небытие наших непосредственных переживаний отдалено от высших психических процессов души. Это отдаление может быть максимальным, и тогда возникает система

представлений материализма, который на бессознательном уровне строится из безусловной доминанты матриархального подсознания человеческой души. В этом случае время измеряет только материальные феномены сознания, которые суть низшие проявления психической жизни человека, поскольку в этом проявлении отсутствует разум. Время здесь течет как поток физических явлений, начало которых должно существовать в определенной точке отсчета возникновения материи. Вопрос о начале «возникновения» духа не обсуждается в подобной системе отсчета, поскольку низшая психика вообще не касается вопроса о сущности бытия. Для низшей, то есть матриархальной психики, дух есть свойство материи. С другой стороны, система демократических ценностей цивилизации и есть система матриархального сознания, которая легко угадывается с психоаналитической точки зрения в ценностях «открытого» общества. Это «открытое» общество есть ни что иное, как выражение психологии женщины-проститутки, которую возвели на алтарь собора Парижской богородицы французские пролетарии в событиях своей революции. С того момента, не трудно заметить, как начали везде и во всем отступать ценности патриархального сознания, а вместе с ним и разумные основы человеческой души в повседневной жизни. Наступление «ценностей демократии» уже давно стало тотальным наступлением матриархата в повседневном быту европейца. А поскольку психология человеческой неполноценности требует «героя» только в образе минимально присущем мужской психологии, то и все многообразие мелкой лживости, шутовства и кривляния, которое характеризует современную политическую жизнь европейской цивилизации, отображает исключительно психологию охлократической власти. Не случайно, в этом смысле, противопоставление Поппером, этого одного из «отцов» культа матриархального сознания, «ценностей» этой демократии — патриархальному сознанию и патри-

архальным ценностям. В действительности же, речь идет о противопоставлении охлократических ценностей всякому элементарному проявлению разумного духа. Ведь разумный дух человека определен здесь не иначе как «враг» в лице его великих идеологов, таких как Гераклит, Платон и Гегель. То, что сюда каким-то странным образом попал К.Маркс, следует отнести к глубокому слабому мии матриархального сознания, лишенного разума. Однако именно это слабоумие так агрессивно нападает на любые проявления причастности человека высшим ценностям, шельмуя разум и подлинную сущность исторического духа, формируя социальное многообразие слабоумной среды примитивнейших суждений. Разумный человек здесь исключен как реальность волевых установок сознания, определенных современной исторической природой духа.

Разум не может существовать в непосредственности восприятия чувственных ассоциаций, если они не пресекаются иррациональными движениями воли, проистекающими из высших слоев психики. Эта мысль зародилась в началах шопенгауэровско-ницшеанской философии, и наша задача состоит в том, чтобы ее развить. При этом мы должны отбросить все эмоциональные моменты, которые сопровождают формирование новой онтологической системы знания, чтобы двигаться вперед, в область неизвестного.

ЧАСТЬ 3

АРХИТЕКТОНИКА БЫТИЯ

Глава 5

Рациональное мышление

Когда мы слышим о «политкорректности» или «толерантности» социальных суждений, то осознаем, что речь, собственно, идет о пустой болтовне, то есть той единственной области рассудка, которая характеризует известную нам современную европейскую сферу «суждений». Ведь первое, что требуется в такой области суждений — это не задевать высших слоев психики человека, которые всегда конфликтны, поскольку проистекают из иррациональных импульсов воли, а значит, не вписываются в слабоумие современных гуманитарных представлений. Психоаналитическая теория Фрейда вскрыла причины этого слабоумия современного гуманитарного сознания, которое коренится в чрезмерной активности животного существа человека. Массовые социальные представления, в нашем понимании, являются именно спецификой человеческого слабоумия, которое есть следствие почти нулевой активности разума в его душе. При этом психологически противоположным состоянием души, то есть расовым, места в системе массовой культуры не нашлось, поскольку неразумное существо человека, будучи реализацией непосредственных эмоций, исключает участие рациональной части души.

Вообще, когда мы исследуем начала неразумного состояния души современного человека, то находим его происхождение в английском эмпиризме, который максимально активизировал непосредственные человеческие эмоции, тем самым минимизировав активность человеческого разума. Фактически эмпиризм и стал психологической основой для формирования массовой души, которая захватила все пространство мировой цивилизации, вытеснив расовые элементы человеческой психологии. Именно поэтому эмпиризм стал интеллектуальной базой для идеологических ценностей массовой культуры, распространив в ней тот поверхностный легкомысленный принцип мышления, который в большей степени свойственен женской психологии. Практически везде мы встречаем эту пустую, лишенную всякого разумного основания мысль, на различных симпозиумах, научных и политических. Эта живость безмыслия стала практически, окончательным завершением проекта понимания рационализма в западноевропейской цивилизации, хотя в свое время именно она «разбудила» Канта в текстах Юма.

Если попытаться найти какие-то основания рационализма в русской, а тем более советской эпохе, то они, очевидно, отсутствуют. Здесь развитие мысли протекало в первую очередь как отказ от своего непосредственного расового существа, а значит, и от какой-то основы рациональной культуры. Культура есть определенное сознание веры, которое характеризует психологическое состояние человеческой души. Поэтому когда нас пытаются убедить, что большинство людей ни во что не верит, — мы принципиально не можем с этим согласиться, поскольку непосредственная живость души, имеющая свое происхождение в английском эмпиризме формирует специфическую веру в жизнь. Специфика этой веры состоит в животной непосредственности человеческого существования, которая имеет свое бессознательное происхождение в матриархальном складе психических реакций. Основ-

ная черта этих психических реакций — отсутствие сознания конечности жизни, которое характеризует инфантильное сознание. Другими словами, животная или массовая душа не развиваются до состояния зрелости, которое характеризует расовую основу души, а пребывает в постоянном приподнятом настроении сильной или слабой эйфории от потока непосредственных чувственных реакций. В результате, активность разумных движений души здесь отсутствует, зато полностью доминирует активность бессознательного животного существа.

Когда мы определяем основное отличие элементарно полноценного существования цивилизации от момента ее распада, то в первую очередь рассматриваем разложение внутреннего энергетического центра разумной воли, связанного с ее расовым началом. Это расовое начало определено как мера зрелости человеческой души, испытанной высшими психическими импульсами на протяжении всей ее истории. Но животная душа не имеет истории, ведь биологическая теория происхождения человека может удовлетворить только инфантильное сознание, не касающегося высших начал психики. Инфантильное сознание формируется последовательностью психических импульсов, которые текут от потока чувственных ассоциаций к восприятию, образуя представления о мире как многообразия материальных сил. Духовный момент здесь присутствует только на уровне эмоционального подъема, который имеет происхождение в эйфории, возникающей вследствие «избавления» сознания от влияния высших психических импульсов. С другой стороны, именно это приподнятое настроение дает психические силы для монотонного труда, поскольку созерцание производимых материальных ценностей становится источником поддержания веры в свои силы, наполняя сомнительным смыслом существование. Марксизм определил сущность этого социального сознания как пролетарское, и он не ошибся. Торжество современной системы охлократических

ценностей, утвердившейся в европейской цивилизации, в полной мере завершило проект ее развития, реализуя бессмысленность существования человека массового западноевропейского общества в наши дни. При этом охлократические ценности утвердились здесь «естественно», в отличие, например, от России и Китая, в которых большевистская орда и орда хунвейбинов утвердила эти ценности насильно. Однако мы полагаем, что дело здесь не в «исторической силе» мирового пролетариата, а во временном бессилии высших расовых импульсов человеческой души.

...

Когда мы осмысляем причину трагедии, произошедшей с Россией в 20-ом веке, то понимаем, что победа сил большевистской орды над государством могла произойти в силу того, что здесь, собственно, идея человека отсутствовала как самостоятельная разумная позиция существования. В конце концов, и современные исторические представления, официально доминирующие в социальном массовом сознании, определяют эти недочеловеческие типы большевицких вождей как «политические силы». Мы же полагаем, что низший тип человека не может выражать разумную политическую силу, являясь своего рода природной стихией, которая присутствует в реальности мирового духа как бессмысленный хаос, охватывающий неразумные массы людей. Такова реальность любых орд, и большевистская орда здесь не исключение. Собственно, все современное постсоветское политическое пространство является силой племенной, а не разумной, выражая некие «колебания» неразумных импульсов человеческой души, концентрирующейся в качестве специфической коллективной культуры. То, что здесь варвары грызутся между собой за власть и собственность, практически не имеет никакого отношения ни к русской, ни к мировой истории. К русской истории эти события не имеют отношения, поскольку генетические наследники

большевистской орды вплоть до нашего времени политически доминируют в ней, а к мировой истории эти события не имеют отношения, поскольку здесь отсутствует какая-то разумная позиция человека. Подражание же, эта основная черта варварской культуры, не имеет будущего. Бессмысленно полагать, что современная интеллектуальная позиция западноевропейской мысли может что-то прояснить в варварском существе человека, которое доминирует на постсоветском пространстве, поскольку матриархальное сознание в нем утвердилось еще в большей степени, чем в варварском существе, а значит, еще в большей степени оно удалено от разумных движений души.

Основная проблема утверждения разума в современной культуре состоит в необходимости доминирования в ней расовых начал человеческой души. Однако на сознание этого начала в массовой культуре наложено исключительно жесткие табу агрессивной активности матриархальной культуры, с его культом эмпиризма и инстинктом самосохранения как основой функционирования личного начала в массовой цивилизации. Фактически речь идет о бессознательной потребности человека возвратиться к животной непосредственности души, которая культивируется матриархальным сознанием. В матриархальной системе ценностей наиболее «естественно» чувствуют себя народы с традиционно-матриархальной психологией, такие как евреи и китайцы. Нации же, в которых традиционно доминировали патриархальные нормы жизни, в массовой цивилизации существуют в наиболее тяжелом положении, когда их существование просто исключается, или, в лучшем случае, имитируется. При этом очевидно, что во всех народах мира происходит драматическая борьба между патриархальными и матриархальными нормами, когда политическая и экономическая элита этих народов формируется различными типами quasi homo, с особенностью их национальной специфики. Другими словами, происходит массовая дегенерация челове-

ка во всех народах мира. С позиции исторического разума подобный процесс мы оцениваем как временное массовое безумие, в которое человечество впадает в состоянии расовой катастрофы, то есть в моменты глобальной перестройки высшей психики.

Если примитивную породу людей и варваров в XX веке захватили поверхностные идеи марксизма, то, очевидно, что воля расы *homo sapiens* обусловлена полярно-противоположной системой ценностей. Эта раса, в нашем понимании, существует в метафизическом пространстве новой формирующейся цивилизации, ядро которой, вероятно, должно окончательно сформироваться в Сибири. С одной стороны, конечно, мы развиваем в данном случае идеи Шпенглера о возникновении русско-сибирской цивилизации; но, с другой стороны, мы утверждаем, что ее реальность может перейти в область стратегии развития нового проекта разума только тогда, когда в России появятся новые политические силы, резко и жестко противопоставившие себя социально-политическим силам, которые ведут свое происхождение от кланов большевистской орды. А для этого необходимо возникновение нового психологического пространства, где должны безусловно доминировать высшие начала человеческой психики.

...

Критика Марксом патриархального общества как мало производительного имеет под собой вполне обоснованное психологическое основание. Он искал аргументы исторического превосходства массовой культуры над патриархальной в переосмыслении самого существа человеческой воли. Так, если в мужской психологии, в целом, не говоря уже о психологии аристократии, механический труд и торговля воспринимались как удел наиболее неполноценных людей, стоящих на самом низу словенной лестницы, то вследствие расовой катастрофы система ценностей стала кардинально иная. Именно переосмысление сущности воли, которая несла в себе разруши-

тельные импульсы безусловного индивидуализма человека как меры его внутренней духовной свободы, — на ценность «воли» производителя, стало «понятной» для варвара точкой отсчета себя в мировой истории. Поэтому все «малопроизводительные силы», то есть фактически расово полноценные человеческие типы, планомерно и последовательно уничтожались в советском обществе.

Легко заметить, что начала психоаналитической теории Фрейда, как же, как и у Маркса, построены на попытке кардинально по-иному понимать бессознательные мотивы воли человека. Так, именно особенности бессознательных психических реакций в глубинах человеческой психики взаимосвязаны с созерцанием сакрального присутствия реальности. При этом отношение к сакральному может восприниматься вполне буднично и прагматично, как психоаналитическая категория «оно». Показательно, что в анализе матриархальных подсознательных импульсов сексуальных влечений массовой психологии человека Фрейд утверждает, что действие либидо всегда имеет мужское начало. Здесь Фрейд, с одной стороны, движется в безусловной интуиции патриархального подсознания, утверждая, что происхождение табу связано с доминированием мужского начала в культуре, а с другой, бесконечно упрощая это начало, указывает на его происхождение в архаичных инстинктах самца первобытной орды. Таким образом, первичность бессознательных импульсов матриархальной души пресекается мужской психологией. В принципе, эта логика психоаналитически полноценна, однако ее выводы лишены разумных оснований, поскольку исследуют низшие состояния психики, связанные с ассоциациями сновидений. Именно таковы ассоциации от восприятия реальности массовой культуры, в которой в душе человека подавляется всякая активность разума.

Кардинально новым в понимании основ человеческой души в нашей психоаналитической теории, явля-

ется сознание движения импульсов воли не от каких-то чувственных ассоциаций, а от бессознательного инстинкта смерти. Фактически воля черпает свою наивысшую энергию из источника, который имеет трансцендентную природу, поскольку ассоциативно не связывается с какой-то конечной целью сознания, обусловленной стремлением человека к биологическому выживанию. А поскольку задача биологического выживания уходит на один из последних планов в повседневной жизни, то на первый план выдвигается сакральное начало бытия. Однако следует осознавать, что это сакральное начало рассеяно во времени полнотой темпоральных тензоров сознания, передающих проекции этих сакральных сил как многообразие топологической сущности мирового разума. Таким образом, для человека должно быть естественно выводить свои импульсы воли из движений психики, которые имеют не биологическую, а сакральную природу. Понятно, что небытие, которым полностью владеет поверхностное абстрактное мышление, неразумно, однако исключительно эмоционально, захватывая душевную жизнь многообразием потока чувственных ассоциаций. Легко заметить в этом неразумном мышлении состояние легкой истерии от чрезмерной интенсивности чувственных переживаний, не ограниченных воздействием высшей психики. Речь человека становится взволнованной от избытка эмоций, которые, однако, не содержат в себе что-то сакральное, а напоминают эмоциональное состояние человека на рынке или базаре, когда везде протекает энергичная торговля. Это низшее состояние психики доминирует полностью в массовом сознании, которое отображает процессы цивилизации как огромный мировой рынок. Здесь мы должны вспомнить известное деление Платоном типов людей по доминирующему в их душе психологическому состоянию: в философах — разуму, в воинах — рассудку, в торговцах — чувству. Подобное деление дает возможность разобраться в иерархической доминан-

те познавательных способностей человека, которые выражают определенную шкалу соответствующих исторических ценностей. Так, если суровость духовного начала души, безусловно, доминировала в аристократической среде, то ее минимальное присутствие на уровне матриархального сознания, существовало в среде торговцев и варваров, которым практически незнакомо движение разумных начал души. Собственно, торговцы и варвары активны в реальности небытия, которое целиком и полностью владеет их существом. Их души неполноценны, но их максимально возбужденная чувственность, захваченная непосредственным восприятием реальности, не дает им возможности заметить эту неполноценность.

Когда мы наблюдаем непосредственные эмоции людей в современной России, то нас поражает их крайняя неполноценность. В первую очередь эти эмоции демонстрируют непосредственность уголовника, реализующего свои чувства в так называемом переживании «свободы». Понятно, что «свободу» сознание уголовника воспринимает по своему, когда реализует непосредственные эмоции, которые не имеют в себе расового основания, то есть не связаны с моральным опытом патриархальной культуры. Уголовное сознание, как мы полагаем, сформировалось в России вследствие вытеснения всех национальных чувств в область «запретных», поскольку советский режим последовательно ликвидировал все признаки национального самосознания. Аналогичные процессы происходили и происходят во всей европейской цивилизации, однако в российской реальности они более откровенны, когда у подавляющей части людей написано на лице наличие уголовной психологии. Ведь расовая катастрофа протекает в европейской цивилизации «естественно», как логическое завершение того рационального проекта, который последовательно развился из психологических особенностей склада человека в этой цивилизации. Иное положение дел в России. Активность уголовной психологии

можно обнаружить уже вследствие реформаторской деятельности Петра I, когда началось глумление над расовыми началами жизни. В дальнейшем происходила постоянная борьба между антирасовой и расовой культурой, в том числе и в советский период.

Процесс формирования новой расовой психологии человека имеет сложный характер. В нем переплетается множество факторов. Топология исторического события постоянно возвращает его сознание назад, поскольку высшая психическая энергия хранит моральные импульсы души в глубинах бессознательного, и чтобы реализовать их человек естественно переживает генетический опыт предшествующих поколений. Но психология матриархальной культуры диаметрально иная. Она ищет в первую очередь максимально производительные силы души, качество которых ее мало интересует. Эти требования естественно проистекают из самой системы низших ценностей. Так, матриархальная психология использует для культивирования равенства людей все имеющиеся средства. В современной массовой цивилизации это в первую очередь культивирование демократических ценностей политической системы и экономического сознания как основы существования государства. Не трудно заметить в этой низшей системе ценностей неразумные начала английского эмпиризма. И если континентальная Европа, по крайней мере, предприняла попытку отстоять свое расовое существо в фашистской идеологии, то российская политическая система, как варварская по существу, лишь естественно сменила одну неразумную систему ценностей, марксизм, на такую же неразумную систему, то есть ценности либеральной демократии. При этом очевидно, что активность неразумного начала человеческой души выдвигает на первый план низший человеческий тип, как в среде варваров, так и в среде выродившихся западных европейцев. Этот низший человеческий тип неразумен, и именно по-

этому он так последовательно и энергично культивирует ценности равенства людей.

...

Мы, безусловно, противопоставляем расовое существо человека его массовому существу. Если расовое существо определено полноценными движениями души, то массовое, наоборот, — неполноценными. При этом расовое сознание, в нашем понимании, в первую очередь, характеризуется бессознательными движениями человеческой души, формирующимися высшей психикой, тогда как массовое сознание — низшими психическими импульсами. Причем, поскольку эти движения бессознательны, «винить» человека в его поступках невозможно, — здесь мы принципиально расходимся с иудео-христианскими представления о чувстве вины. Ведь в христианских представлениях именно чувство вины отличает человека от животного. Но чувство вины присуще как высшей, так и низшей психике. Оно формируется естественной потребностью разграничить свое животное существо от человеческого. Однако это разграничение возникает как нечто пассивное в глубинах высшей психики, поскольку «активным» здесь рассматривается то, что ей противоположно, а именно — задача спасения души, которая, фактически, исключает активность бессознательного инстинкта смерти как первичный импульс воли.

Таким образом, в нашем понимании, расовое существо человека формирует полноценные начала психики, тогда как массовое существо — неполноценные. Очевидно, что в биологическом смысле различие человеческих рас не может быть предметом идеологии, поскольку любая расовая система вырабатывает внутри себя определенные механизмы полноценного функционирования человеческой психики. Рассуждения о неравенстве человеческих рас не относятся к системе высших ценностей, поскольку не отражает разумных позиций современного исторического духа. С другой стороны, нельзя не пони-

мать, что движущей силой мировой истории являются расовые, а не массовые, движения человеческой души. Они формируются в соответствие с высшей психической активностью человека, истекая из иррациональных движений воли, не контролируемых инстинктом самосохранения. Однако именно это низшее состояние психики человека стало бессознательной основой формирования политической системы либеральных ценностей в XX веке. В результате история мирового духа оказалась «лишней» в этой психологии торгово-денежных отношений, которая определяет современную социально-политическую систему западноевропейской цивилизации. В этой психологии матриархата известные представления учат, что человек произошел от обезьяны, а Вселенная — из расширения материи после большого взрыва.

Понятно, что варварская душа, которая утвердилась в России после 17-го года, в силу своей неразумности является зависимой от этой психологии матриархата, меняя «вывески» политической системы, однако не меняя варварскую сущность души по существу. Причины этого нравственного варварства следует искать в неспособности бессознательной племенной психологии человека быть разумной, поскольку разум есть свойство патриархальной души, то есть души, которая формирует импульсы воли под влиянием высшей психики. Однако именно крайний дефицит активности высшей психики человека на современном постсоветском пространстве является главной причиной, по которой она представляет рыхлое социально-политическое образование, лишенное какого-то адекватного исторического смысла существования.

Подлинное неравенство людей заключено не в их биологическом различии, а в их глубоком психологическом различии, которое уходит в глубины подсознания. Причем это бессознательное, где заключено принципиальное неравенство людей, имеет не массовый, а расовый принцип. Массовое бессознательное, наоборот, выража-

ет принцип равенства людей, который Фрейд доказывал в своих работах, проводя сравнительный анализ личности Шекспира и личности домохозяйки с точки зрения механизма вытеснения сексуальных влечений. Мы же полагаем, что подлинную власть над человеческой психикой имеет в первую очередь, инстинкт смерти, а не сексуальный инстинкт, и он не только не вытесняется, но и постоянно активизируется пропорционально нравственному развитию человека. Эта активизация выражает меру полноценности человеческой души, поскольку нравственное развитие человека определяет в нем причастность духу мировой истории. Очевидно, что массовый социум, этот комплекс разнообразной коммуникации *quasi homo*, существует в безвремяе с точки зрения меры причастности истории мирового духа. Такого рода социальные образования, как массовое общество, возникающие в среде варваров и глубоких деградантов, определяют состояние распада цивилизации, когда традиционные механизмы патриархальной культуры рушатся и в человечестве начинают доминировать подсознательные инстинкты и представления матриархата. Их особенность состоит в том, что они стремятся ликвидировать влияние расового бессознательного в человеческой душе, с одной стороны, и максимально активизировать массовое бессознательное, с другой. Понятно, что процесс этот также протекает естественно, поскольку, в отличие от импульсов низшей психики, производство высшей психики требует насилия над животным существом души глубоко индивидуальными средствами, где непосредственно участвует сакральное существо бытия.

То, что категорически исключает психология матриархата массового социума — это насилие над животным существом человека, поскольку это бессознательно ассоциируется в массовой душе с насилием над женщиной. Постоянная истерия по поводу «прав» человека, которая ведется в либеральных СМИ, как раз и состоит в том, что-

бы животное существо человека чувствовало себя естественно в массовом социуме, будучи не ограничено своими животными влечениями. Эта полная победа низшего существа души над высшим, закреплённая в ценностях либеральной демократии, фактически утвердила политическую охлократию, которая характеризует любую систему власти в период расовой катастрофы. Охлократия власти определяла Римскую империю перед нашествием варваров, когда новая монотеистическая вера практически ликвидировала традиционный расовый уклад жизни, не предлагая какой-то отчетливо осознанной альтернативы. Аналогичная ситуация существует и в наше историческое время, в которое психология матриархата уверенно захватывает позиции в социальных институтах либеральной западноевропейской политической системы. При этом мы должны осознавать, что в действительности ценности нигилизма и все, вытекающие из него, вплоть до современного постмодернизма, представления являются не безверием, а постепенным вытеснением из подсознания человека всех признаков высшей психической деятельности, связанной с его расовым существом. Качество абстрактного мышления не ослабевает в неразумной культуре, но даже усиливается. Однако понятие в этом случае уже не владеет существом бытия, а оперирует лишь его многообразными топологическими подобиями, которые бурно «нагромождаются» как в женском сознании в момент крайнего эмоционального возбуждения.

В нашем понимании, матриархальное сознание отличается от патриархального не особенностями влияния психофизиологического строения человека, а особенностями психологического осознания своего происхождения и чувства сакрального, которое в наибольшей степени владеет непосредственными чувствами. Так, следует переосмыслить саму природу сакрального, когда оно воспринимается исключительно в качестве религиозного мирозерцания. В действительности же оно имеет бо-

лее сложную реальность, чем религиозная, в которой система определенного комплекса представлений формируется в первую очередь подсознательными импульсами психики. Ясно, что инстинкт смерти, как наиболее разрушительный психической потенциал души, бессознательно исключается в психологическом пространстве матриархальной культуры, поскольку он практически не эмпиричен. Эта не-эмпиричность подсознательного инстинкта смерти исключает его реальность в материальной культуре, а поскольку почти на 100% массовая культура материальна, то она исключает его из сознания человека. Заметим здесь, что сознание материальности мира является такой же верой, как сознание его нематериальности. Здесь существует топология симметрии бытия и небытия в их динамической совокупности многообразия существующих феноменов реальности. Вопрос же выбора «признания» в сознании бытия или небытия определяется легитимностью представлений о бытии и небытии.

Очевидно, мы должны понимать, что функции психологии человека определены тем, что в нем есть недочеловеческого и тем, что в нем есть сверхчеловеческого. Животное начало психики бессознательно ассоциируется в массовом сознании с производящей силой природы. Сверхчеловеческое же традиционно связывалось с божественным представлением о происхождении человека. Однако в ницшеанской философии понимание сверхчеловеческого приобретает другое содержание. Оно начинает связываться не с божественным, а с топологическим многообразием онтологии бытия, когда историческое время «слоится» в мировой истории, то есть с постоянным возвращением подсознательной расовой памяти человека в ее влиянии на непосредственный образ жизни человека. Именно из топологической интуиции сознания исторического времени Шпенглер построил свою концепцию мировой истории, в которой иррациональные движения воли высших рас сформировали ее исторические циклы:

египетской, греко-римской, западноевропейской цивилизации. Иррациональные движения воли обладают тем свойством, которым не обладает абстрактное мышление, а именно, связывать небытие и бытие в абсолютное целое, в неделимое единство, преодолевающее дуализм.

...

Основная причина глубокого кризиса рационального мышления в наше время существует в очевидных процессах расовой катастрофы, когда содержательность мышления перестала связываться с его непосредственным нравственным развитием, то есть человек перестал отвечать за свои слова. Бесконечная многообразная болтовня, из которой строится современная социальная массовая культура, напоминает психологию восточного базара, на котором различные специалисты в различных областях гуманитарного знания ведут монотонную и в основном бессмысленную полемику, определяя ее для неспециалистов как «профессиональную» область знания. Так формируется тотальная активность массового слабоумия, которая характеризуется практически полным отрицанием разумных движений души в своей среде, поскольку разум есть в той или иной мере проявление расового существа человека на различном уровне его развития.

Не трудно понять, что известный тезис «знание — сила» в наше время приобрел и другой смысл. Поверхностное знание, которое стало базовой основой социального гуманизма системы современной цивилизации — сформировало среду массового слабоумия, которое полностью исключает глубокомысленные суждения. По существу, знать — это, значит, быть привязанным к определенному потоку ассоциативных восприятий определенной информации, если речь не идет о диалектическом мышлении, в котором разумное существование мысли отрицает конечное знание. Но эмпирическое мышление как раз целиком и полностью построено на конечном знании, которое ограничено представлениями начальных предпо-

сылок чувственного восприятия. В нем отсутствует момент отрицания непосредственности, а значит, отсутствует разумное утверждение мысли, поскольку потенция бытия, которая существует в непосредственности восприятия, должно еще стать бытием, то есть выразить присутствие сакральной основы времени, его онтологическое историческое начало.

Кардинальное противопоставление расовой и массовой культуры необходимо в понимании процессов мировой истории для того, чтобы осознавать глубину границы между высшими и низшими психическими импульсами души, которые современная наука отрицает. Причины этого отрицания очевидны: эмпирическая наука не может допустить, чтобы в человеческой душе существовал иерархический принцип движения психических импульсов, поскольку в противном случае это полностью отрицает всю систему ее представлений. Но интеллигибельное мышление, которое движется в русле высшей психической энергии, очевидно, относится к эмпирическому мышлению только в качестве симметрично противоположной реальности, как сфера бытия относится к сфере небытия. Интеллигибельный мир, будучи непосредственным присутствием исторических событий в жизни человека как топологическая основа активности души, непрерывно «вращается» то сферой небытия, то сферой бытия. Этот род движения, очевидно, не может учитываться в эмпирическом мышлении, поскольку в непосредственном чувственном восприятии невозможно осознавать, что историческое прошлое есть не только феномен памяти, но и присутствующее в непосредственной жизни человека, здесь и теперь, реальное событие мировой истории. Именно поэтому английская философия никогда не была историчной, исключая реальность существования мирового разума как духовной преемственности поколений. Только научно-технический прогресс здесь был единственным «историческим» законом.

После сравнения умственного состояния человека, например, в начале 20-го века с нашим временем, не трудно заметить, что оно однозначно не в пользу последнего. Если еще до начала 20-го века в мировой цивилизации действовали расовые начала культуры, то в начале 21-века в ней полностью утвердилось массовое существо души. Это характеризовалось резким возрастанием массовой болтливости людей, которая ранее полагалась неприличной в силу того, что в культуре сословий присутствовала доминанта разумных движений психики. И действительно, напряжение высшей психики человека ограничивает естественные движения души. Это проявляется как необходимость либо рассуждать содержательно, либо не рассуждать вообще. Но если переосмыслить современный тезис «знание — сила» в русле массовой культуры, то бесконечное многообразие поверхностного знания стало буквально терроризировать человека, способного к разумным суждениям. Ведь, фактически, слой даже минимальной рациональной культуры в начале 21 века оказался полностью разрушен, что стало характеризоваться буквально потоком слабоумной болтовни во всех областях знания. В результате центр доминирования патриархального поля психологии постепенно был утрачен, и на его месте начала формироваться доминанта матриархальной психологии.

Подчеркнем еще раз. В нашем понимании, различие между матриархальной и патриархальной культурой имеет в первую очередь глубокий духовно-психологический характер, суть которого состоит в первичных символах веры, которым доверяет человек. Сфера восприятия насыщена многообразием топологических психических импульсов, где наиболее активны непосредственные чувственные ассоциации, и в наименьшей степени трансцендентные конструкции реальности, поэтому вера матриархальная всегда является более доступной, чем вера патриархальная. Однако устойчивость функционирования

основных связей цивилизации осуществляется только за счет патриархальной психологии человека.

...

Подмена действия разума конечными суждениями рассудка прослеживается на всем протяжении развития человеческой мысли. Собственно это отображает внутреннюю борьбу между высшей и низшей психикой человека, когда потребность разумного существования постоянно оттесняется естественными потребностями жизни. И если последнее, как неразумное существо души, стало основой для современных представлений о происхождении человека, то первое, безусловно, в современной системе научных представлений не рассматривается в силу тотального утверждения в них эмпирических методов и целей познания реальности. Фактически фундамент философии науки исчез как таковой, поскольку для конечного рассудка нет необходимости понимать сущность бытия — он вполне довольствуется природой небытия, в которое бытие облачено для поверхностной мысли. Такого рода «удовлетворение» постигнутым суть неспособность конечного рассудка существовать в темпоральных свойствах бытия, которое определяет онтологию времени. Ведь время в онтологическом смысле, многослойно, когда измерение свойств материи составляет лишь бесконечно малую, несущественную структуру времени. Более того, в аспекте отображения в сознании высшей психики человека, время воспринимается как струнная система, где наиболее его примитивные связи как раз и стали основой представлений о его однородности и абсолютности. В действительности же подобное сознание времени практически полностью определяется низшей психикой человека, вследствие чего историческое чувство сознания реальности оказалось практически утраченным в массовой цивилизации.

Понимание струнной природы времени, в которой волны его течения бесконечны настолько, что их мно-

гообразии создает онтологическую полноту, выражает непосредственно-топологическую сущность времени, онтология которой нас в первую очередь интересует. Другими словами, каждая новая цивилизация возникает не из линейного перехода одной системы знаний в другую, как это представляется в научно-техническом прогрессе, а из одной онтологической волны времени в другую волну. Можно также сказать, что речь идет о специфике особенностей течения времени в определенной психологической основе сознания мировой воли, этой разрушительной иррациональной силы, которая владеет бессознательным инстинктом смерти человека. Таким образом, действие разума в человеческой душе возникает не из абстрактных положений его рассудочного мышления, а из хотя бы минимальной активности иррациональных начал воли, которое взаимосвязывают его индивидуальный дух с мировым духом истории. А поскольку только эстетическое созерцание не разрушается под воздействием психических импульсов инстинкта смерти, то эстетика и становится основанием для любого рационального мышления. Последним историческим достижением эстетического сознания в понимании разума, как известно, были априорные свойства пространства и времени в философии Канта. Но эта философия никак не могла «осветить» иррациональных начал воли, в которых формируется духовное начало души, поскольку изначальная попытка тотально блокировать начала высшей психики, привела к представлению о разуме в-себе. В дальнейшем, как известно, Гегель указал на онтологическую сущность разума как феномена исторического развития мирового духа истории. Однако идея онтологической сущности исторического разума в диалектике Гегеля остается в пределах линейного представления о времени.

Когда мы анализируем последнюю метафизическую мысль западноевропейской философии, наследие Ницше, то нас идея воли к власти интересует в первую оче-

редь как требование господства высшего типа человека. Понятно, что в среде quasi homo эта мысль является крамольной. Но, с другой стороны, только так может реагировать неразумная природа человека на то, что отрицает ее существование. Для нас также очевидно, что господство высшего типа человека проявляется в реальной власти разума в цивилизации. Это не абстракции многообразных поверхностных знаний, которыми массовая культура «завалила» сознание человека, а причастность каждой человеческой души сакральному духу мировой истории, в котором присутствует действие иррациональных движений мировой воли. Таким образом, мы отрицаем такую категорию как «практический разум», которая, в нашем понимании, есть ничто иное, как действие чисто абстрактных суждений рассудка, этой основы активности и доминирования массовой культуры и цивилизации. Именно из этой категории сформировались такие учения как марксизм, в которых разум есть ни что иное, как прагматичный рассудок, в котором не существует влияния высшей психики.

С другой стороны, было бы легкомысленно не понять, почему шопенгауэровско-ницшеанская традиция мысли обратилась к философии древних греков. Мы видим главную причину в том, что философия греков, в первую очередь мысль Платона, предполагает неравенство людей как онтологический принцип бытия. Иерархии не самого процесса познания, а именно — бытия, мы не находим в классической западноевропейской философии, хотя идея этой иерархии, безусловно, у Гегеля была намечена. Причины здесь очевидны: западноевропейская метафизика, хотя и критиковала религиозные представления монотеизма, никогда не подвергала сомнению его основополагающий тезис о равенстве людей. Только Ницше впервые возвратил идее неравенства людей онтологический принцип, утверждавшийся в идее господства человека высшего типа. Другое дело, что сила классической тради-

ция мысли, как мы полагаем, удержала его в своей власти, когда не был назван главный критерий неравенства людей — активность в их душе разума. Но по крайней мере он отверг классическое понимание разума западноевропейской традиции философской мысли как меру развития абстрактных способностей суждения, указав на его реальное происхождение в иррациональных импульсах воли, взаимосвязанных с высшей психической деятельностью. Разрушительность высшей психики, в свою очередь, безусловно, взаимосвязана со «злым» началом мировой воли, которое Шопенгауэр рассматривал как онтологический принцип бытия, где ценность составляет не сила абстракции, а сила целостности мысли, способной существовать в этих иррациональных импульсах. Понятно поэтому утверждение Ницше о реальности по ту сторону добра и зла, поскольку не может же неразумное быть моральным, тогда как различные социалистические и коммунистические учения именно это неразумное утверждали в качестве «морали». Фактически социалистические и коммунистические учения стали идеологической базой наступающих позиций матриархата, в которых массовое существо человека начало проявлять максимальную активность в качестве реализации непосредственно-животного начала воли. Разумная воля, как действие активного духовного начала души, практически исчезло в социально-экономическом развитии цивилизации, в котором дух стал восприниматься в психологическом восприятии матриархальной психологии, а именно как «бесконечные» свойства материи и пространства. Понятно, что воля в социалистическом и коммунистическом сознании есть способность человека преобразовывать окружающую его природу в соответствии с непосредственными нуждами. Но исторический разум никогда не действовал в соответствии с нуждой, наоборот, только когда человек ни в чем не нуждался, разум был способен проявлять свою активность. В силу этого домини-

нирование разума происходило только в те исторические эпохи, в которых господствовали в основном аристократические ценности. Но как только государство погружалось в массовые инстинкты, разумные ценности исчезали, поскольку в душе, в которой отсутствует расовое начало, разумные движения души отсутствуют.

Одной из наиболее негативных для разума тенденций в массовой культуре стал вал бесконечно-разнообразных поверхностных суждений. Рассуждать стали практически все, и в первую очередь конечно, те, кто не имеет разума по существу. Домохозяйки, торговцы, воры, проститутки рассуждают приблизительно также как предприниматели и политики, а именно, как люди лишенные разума. Фактически социальный статус не только дает возможность рассуждать, но и требует от массового человека постоянных рассуждений, не предъявляя никаких требований к качеству его суждений. Наоборот, социальная культура внимательно отслеживает, чтобы уровень суждений был максимально низкий с точки зрения критического мышления. В результате мы имеем то, что имеем, полубессознательное состояние человека, в котором тотально доминирует его неразумное начало души. Это и есть катастрофа традиционных представлений о разуме, которые строились на требовании построения логической непротиворечивости абстрактных суждений. Собственно этот род ложного представления о разуме и отвергла ницшеанско-шопенгауэровская традиция мысли, указывая на реальное происхождение разумных движений души в разрушительных пластах высшей психики человека, которые, в свою очередь, зарождаются в импульсах воли, возникающих от воздействия бессознательного инстинкта смерти. Но эта традиция не определяет разум, а лишь выражает его эстетику мысли, то есть то, что исторически предшествует его возникновению. Мы полагаем, что не будет преувеличением утверждать, что мы существуем в культуре, враждебной разуму, которая на-

зывается «массовой». Она сформировалась в результате множества факторов, одним из важнейших которых является требование к человеку — поверхностно судить обо всем, не напрягая свой разум.

Одной из основных проблем современной цивилизации является крайне низкое качество человека с точки зрения полноценности его психики. Причины следует искать в тотальной активности низшей психики, которая исключает действие разума в человеческой душе. При этом эта мировая проблема цивилизации в массовых СМИ практически не задается, поскольку психофизиологические представления о человеке безнадежно устарели. Для нас же суть проблемы лежит на поверхности: человек обречен вырождаться, если в душе его разум пассивен, поскольку человек — это не животное. Но современная цивилизация не предоставляет возможности массовому человеку быть разумным, рассматривая его исключительно как социальное животное, единственная цель которого — потреблять и производить материальные ценности. В эпицентре этой идеологии безумия мы обнаруживаем культивируемые идеи либерализма, которые давно уже стали откровенной опорой охлократии, генетически не выносящей разумного существа человеческой души. Парадокс состоит в том, что тоталитаризм безумия культивирует западная цивилизации, в которой вера в разум зародилась и развивалась на протяжении последних веков мировой истории. Однако является ли современная американская цивилизация в действительности продолжением европейской? Ведь не случайно, например, Фромм, изучавший коллективное бессознательное американцев, утверждал, что белый европеец-американец в большей степени в душе индеец или негр. Это обусловлено тем, что американская цивилизация возникла на территории, где несколько тысячелетий господствовал другой дух расы, индейской. Фактически американский этнос формировался из наиболее

примитивных расовых элементов европейской психологии, которая культивировала абстрактное существо свободы, но одновременно вытесняло все, что составляло основу развития всей мировой цивилизации в существо ее расовой истории. Так, расовая катастрофа, в нашем понимании, есть сознание метафизической реальности космогонии бытия, которая в каждой новой цивилизации определяется различной системой мифов. Другой характерной чертой реальности процесса расовой катастрофы является возвращение человечества к психологии матриархата, когда в отдаленном прошлом культом этой психологии была великая мать, а для современного массового сознания — природа, которая биологически произвела человека. Мифы культуры матриархата также различны. Одним из центральных мифов массовой (матриархальной) культуры являются представления о возникновении человека от обезьяны. Здесь очевидна параллель: мать — природа произвела человека, который, пройдя путь исторического развития, наконец, освободился от ее влияния и стал самостоятельным. Эволюционная теория происхождения вполне может удовлетворить неразумного человека, но поскольку именно это неразумное существо и доминирует в современной системе массового общества, то альтернативные представления исключены. Они исключены в силу того, что непосредственные чувственные ассоциации, на которых строится эмпирическое сознание, исключают трансцендентальное бытие, которое присутствует в человеческой душе в его бессознательном влечении к смерти. Фактически же эволюция человека как духа, и, в частности, как отображения судьбы мирового духа, заключены именно здесь, в энергетических пластах высшей психики. Тот минимальный духовный опыт, который матриархальная психология допускает для существования «тайны» природы, вызывающей научный интерес познания, вполне вкладывается, например, в такие объектив-

ные явления как сексуальный инстинкт, с которым работал Фрейд, или процесс производства, с которым работал Маркс.

Не сложно понять, почему именно английский язык стал международным языком в массовой культуре, а не французский или немецкий. Причины мы видим в объединении на основе доминирующего эмпирического сознания *quasi homo* всего мира. При этом культ индивидуализма, как легко заметить, выразился здесь именно в массовом существе человека, то есть исключении действия разума в человеческой душе, которого, собственно, всегда была лишена английская философия. Эта импульсивность, которая характеризует женскую натуру, естественным образом впитала в себя непосредственную чувственность, однако эта натура очень устойчива и целеустремленна в своей ограниченности поставленных целей. Именно поэтому английская государственность всегда развивалась только как торговая ассоциация, не имея ни одной великой цели, которая характеризует великие цивилизации прошлого, подобного римской. Ее колониальная система не имела какой-то разумной исторической цели. Однако именно психология мировой торговли и оказалась так близка всем вырожденцам и представителям неразумной части человечества, которых всегда было подавляющее большинство, чтобы сформировалась глобальная массовая цивилизация. Ее лидер, США, безусловно, продолжила «дело» английской государственности, за тем лишь исключением, что практически полностью ликвидировало какой-либо смысл существования человека, оставив место самому примитивному образу жизни потребителя. Поэтому войну за свободу между Америкой и Англией следует рассматривать как свободу от всякого проявления благородства, которым английская душа еще «страдала» в эту эпоху, когда в ее национальном характере сохранялись «анахронизмы» отголосков шекспировской эпо-

хи. При этом и само понятие «свободы» девальвировало в американской цивилизации до пародии охлократической системы ценностей, когда свободным стало животное существо человека, «освобожденное» от всяких бессознательных движений высшей психики. Этот культ «свободы» и стал основой распространения психологии матриархата массовой социальной культуры. И действительно, одна из основных черт неполноценной души, которая лишается влияния психологической активности патриархальной культуры, состоит в утрате элементарной суровости мужских черт характера, где доминирует разум. При этом, мы наблюдаем два типа человеческой неполноценности, которая характеризует психические реакции внутри западной цивилизации и которая существует за ее пределами. Неполноценность человека внутри связей и ценностей западной цивилизации характеризуется утратой активности разума, при условии постоянной истерии по поводу прав человека и его свобод. А за пределами этой цивилизации она присутствует в форме грубого варварского подражания, которое состоит или в отсутствии традиции рациональной культуры как таковой (например, в России и Китае) или в наличии архаичных форм исторического разума, которые, например, существуют на Ближнем Востоке. Но в любом случае по отношению к существу исторического разума современная массовая культура является определенной формой массового безумия, исключая критическое отношение к основам своей политической системы, построенной на безусловной вере в ценность социума. Шаманы массового социума: политологи, социологи, юристы и другие представители ее веры, как мы видим, являются современными «жрецами» матриархальной культуры. Основные коммуникационные элементы этой культуры: абстракции обыденных представлений и истерия по поводу «свободы» и «прав человека» составляют, так сказать, основные культовые принципы.

В понимании основ процессов современной геополитики, мы должны исходить из того, что массовая цивилизация по существу является цивилизацией массового безумия человека. Роль политического лидера этой цивилизации, США, состоит в удержании доминирования разрастающейся внутри массовой культуры психологии матриархата, которая исключает человеческой разум по существу, подменяя его разного рода абстрактными представлениями о реальности, где культивируются мифы о «преемственности» массовой культурой рациональных основ европейской цивилизации. Однако европейский исторический дух закончил свое существование в середине XX века, тогда как американская цивилизация антиисторична по существу, поскольку материя не имеет истории, за исключением, конечно, абстрактных представлений о своем начале, таких как происхождения человека от обезьяны и теории большого взрыва.

Таким образом, в основе современной геополитики существуют два принципа, отрицающих разум по существу: инстинкт самосохранения человека, как культовый принцип современной политической системы либерализма, и экономические интересы различных транснациональных структур. Понятно, что в основе этой неразумной системы ценностей разумному человеку место не предусмотрено, поскольку разумный человек принципиально отличается от животного тем, что для него бескорыстная ценность познания является основой его существования. Но корысть, жадность, эти двигатели торгово-денежных отношений, очевидно, могут характеризовать только сущность низшей природы человека, которая фактически тотально доминирует в современной массовой психологии. Возникает естественный вопрос: существует ли альтернатива дальнейшего развития человечества, чем то глобальное вырождение, которое оно переживает в массовой системе слабоумия ценностей современных тотальных процессов мировой глобализации?

Чтобы ответить на этот важнейший вопрос нравственного состояния современного человека, необходимо избавиться от предрассудков, которые требуют понимать разум в соответствии с той системой представлений, которая сложилась под влиянием западноевропейской классической философии. Необходимость эта вытекает из очевидного факта: истории полноценной мысли западноевропейской культуры больше не существует, тогда как мифология матриархата, чьи шаманские мысли плодятся в таких течениях, как модернизм, не относятся к существу человеческого разума. Эти жалкие фантазии, лишённые какой-то взаимосвязи с современным духом мировой истории, безусловно, будоражат воображение, но они не указывают на какой-то рациональный проект развития мировой цивилизации. Впрочем, мы встречаем в этих фантазиях и интерес к инстинкту смерти, и конструирование топологических свойств мышления, и различные интерпретации онтологии времени. Все это есть и у Лакана, и у Бодрийера, и у Хайдеггера. Но сущность философии состоит не в том, чтобы абстрактно рассуждать или искать какие-то комфортные состояния субъективного существования, в которых один человек устанавливает интеллектуальную взаимосвязь с другим человеком, а в том, чтобы изменять мир в соответствии с разумным содержанием. А для этого необходима взаимосвязь мысли с моделью изменения исторической реальности. Если таковая отсутствует, то рассуждение есть развлечение для скучающих умов, а не необходимость осознания новых исторических сил, способных действовать.

Когда мы ставим вопрос о реальности новых исторических сил, способных разорвать массовое состояние безумия, в котором пребывает человек в массовом обществе, мы в первую очередь указываем на метафизический процесс формирования расы *homo sapiens* как на сакральную взаимосвязь с духом мировой истории. Понятно, что для понимания этой взаимосвязи необходимо по крайней

мере обладать не сломленным духом, то есть тем, чего не существует в известной нам интеллектуальной культуре после философии Ницше. Ведь по существу, наибольшая ценность этой философии состоит в том, что в ней дух не только не сломлен, но и готов изменять мир в соответствии с полнотой бытия, эстетически созерцаемой в качестве бескомпромиссного конфликта с социумом, где доминирует низшее существо человеческой души. А если дух не сломлен, то он необходимо взаимосвязан с мировыми историческими процессами, и вопрос лишь состоит в том, насколько он разумен. На другой стороне духовной организации человека, как известно, выступают духовные ценности матриархата, марксизм, в которых задачей изменения мира является воздействие воли на материальные процессы, то есть различные системы производства.

...

Мы полагаем, что одним из наибольших предрассудков, которые существуют в понимании современного исторического разума, является требование доступности его для большинства людей. Так, как известно, например, классическая философия Канта и Гегеля исходила из универсализма субъективных категорий рассудка, в первом случае, и универсализма объективных понятий, во втором случае. Другими словами, предпосылки для формирования массовой культуры безумия, как это не парадоксально, существуют в рациональной классической западноевропейской философии. Причины следует искать в том, что онтологический принцип классической западноевропейской философии существует исключительно в самой абстракции мышления, то есть в абсолютной вере в то, что мысль и только мысль является бытием по существу. Очевидно, что неравенство людей от природы, когда у одного человека разума меньше, а у другого больше, здесь не может учитываться. Вследствие этого, когда качество мышления катастрофически понизилось во второй половине XX века, это не помешало социальной

реальности построить систему универсальных представлений, в которых исторический разум, исчез. В соответствии с низшей природой человека он стал ассоциироваться как требование «научности» суждений, как наличие хитрости и изворотливости в реализации различных проектов, в первую очередь, конечно, экономических и социальных. Так, исчезновение разума в западноевропейской цивилизации произошло естественным образом, незаметно и, можно сказать, «буднично».

...

Одна из особенностей массовой культуры состоит в том, что следствием многообразия ее социологической болтовни, которой она «промывает» умы обывателей, является полная разобщенность людей с точки зрения разума. Создается впечатление, что эта вездесущая «говорилица» воспроизводит психологическую атмосферу сумасшедшего дома, где пациенты ведут различные монологи сами с собой. И это при том, что многообразие социальных монологов всех этих многочисленных разновидностей вида *quasi homo* обращено только к самим себе, поскольку главным условием этих монологов является полное отсутствие какого-то рационального содержания, с которого собственно и начиналась современная мировая цивилизация. При этом основные культовые слова «социальное» и «общество» напоминают нам историческую ситуацию конца Средневековья западной цивилизации, когда слово «бог» стало ассоциироваться со слабоумием иерархов служителей христианской церкви.

Понятно, что ситуация в России исторически совершенно иная. Это стало очевидно особенно в наше время, когда социальная идеология, грубо скопированная с современных низших ценностей западноевропейской цивилизации, однозначно указывает на варварство ее нравов, где доминируют архетипы *quasi homo* большевистской орды. По крайней мере мы не находим ни элементарного человеческого достоинства, ни какой-то элементарной

адекватности в понимании исторической ситуации, когда маленькие и большие вожди руководят своими племенными образованиями на территории бывшей Российской империи, приторговывают и приворовывают. Это ведь видно визуально, когда «мясистые» души практически лишены участия духовной организации и разумной активности, то есть причастности процессам мировой истории. То, что этим вождям и их прихлебателям присвоены имена «банкиров», «политиков», «бизнесменов» и другие цивилизованные понятия, не меняет существа дела, то есть откровенного варварства их психического склада. Когда же нам говорят об определенных успехах в России, то следует все-таки осознавать, что «темнота» Темных Веков истории никогда не бывает тотальной, в противном случае будущая цивилизация не могла бы возникнуть. Кроме того ложность стереотипов линейного понимания мировой истории, в которой Темные Века сменяет Средневековье, затем Возрождение и так далее, в наше время стало очевидным. Речь должна идти о «параллельности» течения различных времен, их онтологическом «смешении» в мировой истории, когда откровенное варварство соседствует с пронизательностью глубокого ума, а животная тупость — с наивысшим духовным самообладанием. Другое дело, что высшие ценности никогда не доминируют в истории Темных Веков. Однако нам интересны именно эти «кротовые дыры» мировой истории, в которых через смешение различных времен, а фактически на бессознательном уровне через влияния высшей психической энергии, передается импульс воли, в котором действует мировой разум.

Понятно, что разрабатывая новые основы рациональной культуры, мы верим в появление русско-сибирской цивилизации. Однако нельзя быть наивным, не осознавая той нравственной пропасти, которая существует между современной варварской политической системой России и теми новыми политическими силами, которые долж-

ны заложить новый фундамент исторического разума. Но если не предпринимать разумных усилий в этом направлении сейчас, то распад государственности будет неизбежен, поскольку государство есть разум, а такового мы не наблюдаем в современной России. Существование ее государственности поддерживается только тем, что разум исчез и в западноевропейской цивилизации, чье политическое доминирование в мире строится на игре низших человеческих инстинктов. Научно-технический прогресс, как стало очевидно в наше время, вполне доступен и варварскому уму, то есть фактически не является критерием разумности человека.

Таким образом, в нашем понимании, раса *homo sapiens* и есть та новая историческая сила, которая должны кардинально изменить мир и судьбу мировой цивилизации. Понятно, что речь в данном случае идет не о представлениях современной биологической науки, в которой эта раса сформировалась около 50 тысяч лет назад, а о фундаментально новом психическом складе человека, который стал формироваться в течении последних трех столетий. Формирование этого склада души есть процесс метафизический, поскольку душа, как граница между духом и телом, определяет импульс воли, который может протекать как в животной непосредственности души, так в ее духовной сосредоточенности сознания исторического события. Но духовная сосредоточенность души необходимо отображает сознание исторического времени как онтологический принцип существования человека.

Когда речь идет о существовании высшей расы, которой является раса *homo sapiens*, следует осознавать, что высшая раса не может быть «чистой» хотя бы потому, что все исторические аристократии мировой истории формировались в результате слияния расовых элит различных народов. Другое дело, что это слияние происходило в системе наиболее «качественного» человеческого материала. Однако постепенно в мировую историю втягивались

все слои народа или нации, пока раса не становилась массой, то есть тем животным существом, которое характеризует психологию матриархата, в которой человеческий материал становится наихудшим.

Нам известна историческая концепция Гегеля, в которой доказывается, что линейное сознание событий мировой истории имеет безусловное преимущество перед его топологической сущностью. В этом смысле его историческая концепция, безусловно, определена как превосходство иудео-христианского исторического сознания и над греческим трагическим мифом и, тем более, над восточными культурами древнего мира. Но такая точка зрения, базирующаяся на вере в универсализм понятий разума, в наше время является предрассудком, поскольку она предполагает подсознательные процессы человеческой психики статически неизменными. В действительности же подсознательные процессы человеческой психики непосредственно взаимосвязаны с иррациональными движениями мировой воли, в которой нелинейность процессов мировой истории определена нелинейностью онтологической сущности времени. При этом начало этой мировой воли «злое», то есть утверждает не «жизнь», а «смерть», но эта «смерть» имеет топологическую природу реальности, когда факт «смерти» не может сводиться к известным ассоциациям о физической смерти тела. И вообще, непосредственные чувственные ассоциации практически никак не касаются онтологической сущности времени, в которой мировой дух первоначально натягивает материю на границу между бессознательными процессами психики и трансцендентальным сознанием реальности разумного мира вещей. Таким образом, подавляющая часть «потока» мировой воли протекает в области подсознания человека и в скрытых от эмпирической науки феноменах реальности. Вследствие этого технологические достижения цивилизации «обустройствают» все то мертвое, что существует за пределами онтологии времени, то есть,

по существу, неразумную сферу существования человека. Собственно уровень совершенствования новых технологий выражает только развитие чисто абстрактного мышления, которое вполне способно развиваться и в душе, лишенной разума. Но поскольку классические традиции западноевропейской мысли построены на представлении о безусловном приоритете единства развития науки и мировой истории, то рассчитывать на какую-то новую традицию понимания существа исторического разума здесь не приходится. Мы же, утверждая, что онтология исторического времени имеет топологический характер, то есть исключает доминирование какой-то одной линии развития, полагаем, что этих направлений «линейности» бесконечно много и что, «переплетаясь», они образуют специфический «пучок» активного воздействия мировой воли в судьбе мировой цивилизации.

...

Не трудно заметить, что мы практически ничего не можем сказать положительного о судьбе России после 17-го года. Была страна с определенной тысячелетней историей, с сомнительной логикой исторического развития, но все-таки логикой, поскольку здесь прослеживался определенный расовый путь внутренних закономерностей мирового духа. Затем все куда то исчезает, в пропасть, которую мы определяем как жесткая расовая катастрофа. На месте смутной идеи человека появляется множество ущербных психологических типов. Современную историческую ситуацию мы рассматриваем как последствия естественного распада идеологического наследника большевистской орды, коммунистической партии СССР. Эти процессы, вероятно, необходимо сравнивать с распадом золотой Орды или с еще более отдаленными событиями истории, но главным для нас является то, что эти события существуют за пределами реальности объективных законов исторического разума, которые протекают в расовом существе человека. Фактически мы оцениваем то,

что происходит в России после 17-го года как реальность небытия по отношению к существу исторического разума мировой истории. Ведь бытие есть разум, а разум есть отображение расового существа человеческой души. Вся эта «говорильня» по поводу «индивидуальных» психологических черт вождей советского периода власти в современной российской «историографии» лишь доказывает полное отсутствие в ней каких-то признаков причастности к разуму. Но ведь все психологические особенности современных российских вождей сформировались именно в большевистской орде, когда в период «перестройки» утверждалось, что современная государственность России является преемственной советской власти. Этот принцип преемственности как раз и состоит в том, чтобы продолжать отрицать исторический разум, а значит, отрицать какую-то идею человека. Подобный факт лежит на поверхности реальности, когда мы не находим границы между животным и разумным началом в природе человека. Вся же эта многообразная болтовня: об инвестициях и экономической целесообразности, звучащая каждодневно и многократно по всем программам СМИ, скорее напоминает нам пафос коммунистической лексики о пролетариате, средствах производства и социальной справедливости. Другими словами, психология матриархата трансформировалась из одной системы низших ценностей в другую систему. То, что эти системы низших ценностей были «антагонистичны» как классовые, не меняет существа дела, когда они тотально ориентированы на неразумную, то есть животную сущность человеческой души, в которой человек рассматривается как производитель и потребитель. Понятно, что в этой неразумной реальности шаманить способен только крайне низкий интеллект, и именно он тотально доминирует в современной социологии.

Таким образом, активность животной воли, доминирующая в современной России, по существу неразумна.

Однако мировая воля «сжигает» эту животность, когда в человеке начинает активизироваться разум. Но чтобы он активизировался, необходима среда, в которой бы он элементарно присутствовал, а не только протекал в трансцендентальной области высшей человеческой психики, не влияя на политическую ситуацию. В момент перехода трансцендентной энергии высшей психики в действие разумной воли человека, вероятно, происходит исторический перелом от Темных Веков к Средневековому периоду. В этот момент доминирующий племенной образ жизни человека переходит в расовое существование, то есть определяется какая то элементарная разумная «канва» государства. Понятно, что расовый человек не является ни производителем, ни потребителем, поскольку разумное по существу довольствуется малым в материальном.

Если ранее с человеком происходило что-то трагическое, связанное с его индивидуальной судьбой, то говорили «его покарал бог». В наше время оценка каких-то трагических событий, связанных с судьбой человека, звучит по другому «в этом виновато общество». Так, постепенно и, вообще то, незаметно основы патриархальной морали сменились психологией матриархальной, когда судьба вместо чего то сакрального стала ассоциироваться с чем-то массовым, снимающим всю ответственность за происходящее с самого человека. Мы полагаем, что в матриархальном сознании не может существовать моральной ответственности. С другой стороны, попытка отрицать моральную сущность человека только на основании того, что монотеистические и гуманистические представления о морали перестали оказывать какое-то значительное влияние на человека является, в нашем понимании, заблуждением. Главное, что исчезло в осознании судьбы человека в массовом обществе — это трагизм его существования, который присутствует в качестве непримиримой границы между земным и не-земным в непосред-

ственном восприятии реальности. Исчезла основополагающая сущность гуманистической морали, которая «питала» веру в разум, поставленная в известном вопросе Шекспира «быть или не быть — вот в чем вопрос». Современный массовый принцип жизни определяет все наоборот «не быть — это значит быть».

...

В последние два десятилетия российской государственности звучат различные оценки произошедших со страной событий. Одни утверждают, что Россия и русские «проиграли», другие, что, наоборот, страна выбрала путь демократии и либеральных ценностей. Понятно, что такого рода неадекватность по отношению к понимаемой реальности исторических событий практически всегда существовала в российской интеллектуальной мысли. Ведь критика положения дел требует осознания своего подлинного предназначения в мировой истории, а его мы не находим ни до 17-го года, ни тем более после. Марксизм, который доминировал здесь почти столетие, лишь доказал варварство человеческой души, лишенной разума, когда скудные национальные силы были рассеяны большевистской ордой. Наша оценка, как мы полагаем, основана на объективности разума, который суть расовая сущность человека. Мы полагаем, что современная Россия переживает процесс разложения тотального доминирования низших ценностей. Безусловно, что этот процесс исключительно позитивный с точки зрения хотя бы минимальных контуров существа разума, который разумный дух обнаруживает здесь, вероятно, впервые за всю историю существования государства Российского. Позитивность его состоит в том, что, хотя патриархальная культура русской деревни практически полностью разгромлена, трансцендентальный процесс формирования расы *homo sapiens* уже стал касаться начальных импульсов мировой воли в самой реальности. По крайней мере так мы понимаем историческую необходимость появления пер-

вых признаков разумных сил, которые не зависят от варварских инстинктов, доминировавших здесь с 17-го года.

В понимании простейших предпосылок для консолидации разумных сил в современном политическом мире, следует отказаться от представлений, что массовое общество может дать хотя бы минимум для объединения разумных людей. Если принять такую предпосылку, то тогда необходимо исключить сознание трансцендентальной реальности, в которой существует мировой исторический дух. Ведь современные культовые представления о ценности общества как раз и сформировались в качестве отрицания первичных принципов духовного мира, поскольку пролетарские идеи французской революции выражали матриархальную психологию природного существа человеческой души. Таким образом, вся современная западно-европейская культура стремительно погружается в психологию матриархата, то есть в доминирование животного, а не разумного образа жизни человека. То, что варвары подражают этой социальной системе, еще не говорит о том, что она не имеет в современной истории политической альтернативы. Мы как раз и должны указать на ее альтернативу, поскольку в противном случае процесс катастрофического вырождения человека будет продолжаться и усиливаться, ибо в первую очередь неразумный образ жизни ведет к его глубокой деградации.

...

Очевидно, что не может существовать метафизики психических импульсов матриархальной психологии человека, поскольку ассоциативно-чувственная последовательность психических реакций существует исключительно в материальном мире. Вообще, представления человека об окружающем его мире в первую очередь являются прямой проекцией бессознательной доминанты в его психике потока информации, которую он получает из «первоисточника». Наиболее «устойчивый» и одновременно наиболее примитивный источник информации в

сознании — это поток чувственных ассоциаций, который формируется как устойчивое ощущение присутствия человека в пространстве. Но какие средства познания определяют присутствие человека во времени? В технократической культуре, в которую почти тотально вовлечено сознание человека в массовой цивилизации, время воспринимается как свойства изменчивости материальных процессов. В этой изменчивости, очевидно, никакой метафизики нет, но есть лишь физика окружающего мира природы. В мире физической и другой природы, дух является фактически «дурной» бесконечностью, которая так или иначе сводится к определенной математической модели, формирующей ассоциативно-воспринимаемый ряд чувственных образов. Метафизическая реальность возникает в сознании тогда, когда оно начинает фиксировать точки разрыва потока чувственных ассоциаций, где отсутствует взаимосвязь с материальным миром. Но это ощущение психического состояния человека, очевидно, исключено в научной психофизиологической модели представлений, поскольку в метафизическом ощущении именно конечные чувственные ассоциации являются чем-то неустойчивым и случайным. Этот род сознания мы определяем как патриархальное, то есть как сознание, в котором чувственная реальность является вторичной перед первичной реальностью духа. Таким образом, матриархальные и патриархальные нормы культуры мы понимаем метафизически.

Подтверждением духовной, а не физиологической основы различия метафизики человеческих полов, служат те случаи кардинального изменения физиологического сознания человека, когда мужчина начинает ощущать себя женщиной или наоборот. Здесь происходит «вклинивание» метафизической сущности подсознания, определяющего физиологию, в сознание, заканчивающееся переходом в осознание себя лицом противоположного пола. Так, по-видимому, сознание трансвестита демонстри-

рует определенное «окно» в существование метафизики симметрии противоположных полюсов патриархальной и матриархальной культуры, когда это нарушение естественно-физиологического существа человека есть следствие влияния процессов высшей психической энергию — на низшую, соматическую часть психики.

Если эмпирическое сознание определяет ассоциативно-чувственную область непосредственного восприятия человека, то трансцендентное сознание существует как отображение активности его разума в душе. Эта активность, не имеет эмпирического аналога, когда ближайшим предметом мышления, которое в наибольшей степени определяет эту энергию, является сознание времени. Время в данном случае отображает присутствие или, наоборот, отсутствие достаточной активности в душе человека духовной организации. При этом минимальная духовная организация психики человека соответствует, вероятно, уровню развития массовой души как неизбежному процессу возвращения его к своему естественному животному состоянию. На этом уровне, уровне сознания матриархата, как мы видим, активность разума в человеческой душе практически исчезает, когда непосредственные импульсы воли начинают почти целиком и полностью определяться его животным существом. Но именно такой тип человека требуется для производства и функционирования социальной инфраструктуры массовой цивилизация.

Сложность позиции трансцендентального мышления, в котором действительным началом бытия являются трансцендентные движения психики, состоит в отсутствии повторяющихся ассоциативных реакций сознания. Явление этих движений состоит в первую очередь в активности феноменов темпоральной природы, то есть феноменов, которые практически никак не связаны с эмпирическим миром реальности. О существовании трансцендентной реальности человек узнает исключительно из

своих индивидуально-бессознательных движений психики, которые у каждого человека неповторимы. Подобная неповторимость, с другой стороны, отображает реальную деятельность духа по упорядочиванию всего многообразия бытия в его отображении в сознании. Это, собственно, и есть начала патриархальной культуры, то есть начала метафизики сознания, где соматические функции психики оказываются вторичными после воздействия на нее духовных феноменов.

В понимании начала сознания духовной организации психики человека, мы рассматриваем особые топологические взаимосвязи воли с действием разума. Так, первоначально следует осознавать, что действие разумной воли состоит в достаточной активности высшей психики, которая регулирует ее трансцендентные потоки как последовательности течения феноменов времени. Эти течения суть «сцепление» бессознательного действия инстинкта смерти человека с его индивидуальным духом. При этом мера индивидуального нравственного развития человека соответствует мере развития в его мышлении рациональной основы понимания бытия. Понимание должно включать в себя топологию действия современного исторического разума, который присутствует в повседневной жизни человека как его активное расовое существо души. А оно, в свою очередь, через его бессознательный инстинкт смерти взаимосвязано с действием мировой воли, которая создает топологию волн исторического времени. Эти волны и создают колебания высшей психики человека, которые человек бессознательно чувствует в своем инстинкте смерти. Именно они указывают на «натянутость» индивидуальной психики человека на движение в его подсознании трансцендентной энергии, которая и создает импульсы разумной воли. В противном случае человек ведет неразумный образ жизни, который практически полностью строится на активности его бессознательной низшей психики. Эта мысль является ба-

зовой в иерархии различения чувства, рассудка и разума как познавательных способностей. Но если в классической западноевропейской философии иерархия познавательных способностей существовала исключительно в самом мышлении, не задевая подсознательных процессов человеческой психики, то шопенгауеровско-ницшеанская традиция мысли указывает на иерархию в первую очередь в самой трансцендентной основе психики человека. Сознание же выражает только окончательный фрагмент внутренней нравственной борьбы, протекающей в глубинах психики как конфликт бессознательно животного существа и сакрального начала души. Таким образом, расовый архетип человека формируется как структура сознания, которая кардинально подавляет соматические психические реакции трансцендентными движениями психики во всем многообразии их исторического и современного явления, начиная от веры в первобытную магию и кончая верой в классические начала науки. При этом подавление происходит не в качестве «вытеснения», а как реализация естественно-неприродного в глубинах психики, то есть инстинкт смерти. Если анализировать низшие психические реакции, то природное воспринимается в них как то, что мешает социальному восприятию, поскольку содержит в себе психические импульсы, не относящиеся к чистосоматическим функциям души. Фрейд определял это в своей психоаналитической системе категорией «оно». Его нельзя идентифицировать как «я», поскольку это «оно» отображает в сознании информацию, которая проистекает из трансцендентного источника, в нашем понимании, из непосредственного воздействия инстинкта смерти. Собственно, неприродное в природном и есть бессознательное действие этого инстинкта как поток трансцендентной психической энергии.

Если развитая система производства характеризует уровень влияния матриархальной психологии в цивилизации, то мы должны научиться понимать состояние вар-

варства современной российской культуры как определенное благо. Действительно, варварство, то есть неразумный образ жизни человека по крайней мере сохраняет определенный потенциал возможной реализации патриархальной психологии в будущем, поскольку высшая психическая энергия не растрачивается в непосредственной жизни. Но если рациональный проект развития цивилизации реализован, а матриархальная психология продолжает свое наступление в массовом сознании, как это имеет место в западноевропейской культуре, будущего не существует. Без веры в будущее вообще не существует и какой-то минимальной активности объективного разума в человеческой душе, поскольку любое государство есть реализация определенной исторической цели мирового разума. В этом смысле, например, мы понимаем глубокую неприязнь Достоевского к идеям социализма в России, что субъективный разум художника осознавал слабость этих неразумных позиций матриархата, когда понимание зачаточной психологии неполноценных типов большевизма было изображено в многочисленных образах его романов.

...

То, что мы наблюдаем вокруг — вырождение человека в массовом обществе, является одним из непосредственных следствий расовой катастрофы, то есть пассивности в бессознательной психике человека действия инстинкта смерти. Вообще, варварство и дегенератизм человеческой души родственны тем, что исключают активность разума в ней, поскольку строятся почти тотально на непосредственности конечных чувственных ассоциативных восприятий. И если дегенератизм человеческой души возникает вследствие потери какой-то объективной разумной цели существования человека в истории, то варварство, наоборот, есть результат отсутствия вообще какого-то минимального понимания этой цели как таковой. Понятно, что речь в данном случае идет о массовом

явлении, в первом случае, о психологии человека в западноевропейской цивилизации, а во втором случае, о человеке на постсоветском пространстве. При этом, если о ситуации в первом случае мы судим с точки зрения оценок, которые были произведены до начала второй мировой войны такими мыслителями как Лебон, Ницше и Шпенглер, то о ситуации во втором случае, мы можем судить непосредственно, поскольку родились и выросли в варварской культуре.

Наше возвращение к необходимому понятию «варварства» вызвано требованием объективной оценки геополитической ситуации в мировой истории, когда рационализм представлений западной культуры практически «свернут», а иного понимания разума, как известно, не существует. Сворачивание это происходит постепенно, топологически, неприметно для эмпирического мышления, как оно всегда происходило в мировой истории, то есть фактически по трансцендентным законам наличия или отсутствия высшей психической энергии в человеческой душе. Топологические «круги» присутствия активности высших рас моделировал Шпенглер в своем исследовании мировой истории. Однако для нас важно понимать, что доминирование этих рас происходило не в качестве расового существа египетской, греко-римской, арабской или западной цивилизации, а в качестве универсализма самого расового архетипа, который был способен включать в себя сакральное присутствие времени своей исторической эпохи как динамическую энергию мировой воли. Другими словами, расовый архетип являлся и является тем, что топологически «натягивает» на себя биологическую природу расы, которая характеризуется промежуточным состоянием духовной и органической жизни человека.

Топологизм разума, в нашем понимании, является в первую очередь непосредственной природой исторического времени, которую невозможно мыслить в обыден-

ных представлениях, то есть представлениях, которые сводятся к конечным суждениям рассудка. Так, в любом конечном суждении рассудка всегда изначально присутствует необходимая взаимосвязь с чувственной ассоциацией, которая контролирует сознание как непосредственную границу с бессознательным движением души. Эта граница, в силу нелинейности топологической мысли, отсутствует в рациональном мышлении, поскольку оно отображает трансцендентную реальность, где эмпирическое восприятие существует как небытие, которое преодолевается в бессознательном усилии воли. То, что эмпирическое в рациональном мышлении должно быть полностью преодолено, в наиболее полной мере осознавал Гегель, поэтому мы используем его диалектику мыслящего разума и диалектику мыслящего духа как часть собственной философии. Другое дело, что мы находимся в самом зачаточном существе рациональной культуры в истории российской мысли, которая не имеет собственной традиции, поскольку историю развития субъективного разума, существовавшего в русской культуре до 17-го года, мы полагаем полностью прерванной, поэтому не можем полагать себя ее продолжателями. Правда, следует оговориться, что этот разум имел архаичный характер, поскольку ограничивался узко-религиозным богоискательством. Но это был действительно разум, в отличие от всего последующего варварского периода истории России.

Одним из основных предрассудков в понимании существа исторического разума нашей исторической эпохи является попытка связывать его развитие исключительно с научными достижениями. Этот предрассудок следует преодолеть так же, как представления об исключительности вклада в развитие мировой цивилизации западной культуры. Именно шопенгауэровско-ницшеанская традиция мысли сделала первые шаги в этом направлении, когда показала, что природа, разум и мировая история имеет топологический характер, то есть является определенной

метафизикой сознания самоподобий различных структур, квантование которых производится через метафизику онтологических свойств времени. Сознание об этих квантах образуется в точках разрыва непосредственных чувственных восприятий, когда возникает определенно «окно» в онтологические процессы времени. Здесь человеческая душа начинает непосредственно касаться сущности мировой воли, которая выражает полноту онтологической сущности времени. Воля и время, таким образом, выступают как трансцендентная реальность объективного и субъективного исторического разума, в котором процесс опосредствования осуществляется за счет постоянного вклинивания инъекций высшей психики в животное существо человеческой души.

Особенность онтологического сознания времени состоит в том, что его подлинная природа измеряет событие не ассоциативно-чувственным восприятием, а течением трансцендентной энергией высшей психики, которая взаимосвязана с бессознательным инстинктом смерти человека. Таким образом, вопрос о происхождении мира и человека не может сводиться к научно-технологическим достижениям цивилизации, поскольку в противном случае, мы никогда не поймем причины исчезновения одних цивилизаций и появления новых, как это действительно существует в мировой истории. Можно сказать, что научно-технический потенциал производится определенным топологическим «кругом» исторического разума определенного расового архетипа, концентрирующего внутри себя достаточный потенциал высшей психики человека. При этом в момент расовой катастрофы, этот топологический «шар» рационального опыта культуры «лопается», то есть накопленная коллективная энергия высшей психики теряет свое равновесие и границы, переходя от состояния равновесия и концентрации внутренних сил в состояние хаоса. В результате патриархальная психология человека начинает

естественно разрушаться, что заканчивается постепенным переходом культуры в мертвую функциональность цивилизации. Метафизически, поверхностный рассудок подменяет разум, а психологически, матриархальная психология вытесняет психологию патриархальную. Таким образом, не бездушный город побеждает душу деревню, как это полагал Шпенглер (это поверхностная оценка процесса), а матриархальная психология, как доминанта животных начал души, заглушает высшие движения человеческой психики патриархального сознания. Ведь по существу, в среде варваров вообще отсутствуют города как признаки сознания гражданственности, с одной стороны, а с другой, исчезает и патриархальная психология деревни, которой варварская душа начинает противопоставлять свои поверхностные знания. Именно так воспринимается современная Москва, где о наличии какого-то хотя бы архаичного разума напоминают только старые усадьбы, например, Л. Толстого в центре. Жизнь здесь течет, несмотря на современные многоэтажные дома, как в стане кочевников.

Глава 6

Тензоры онтологической симметрии

Потеря разума в современной жизни западноевропейской культуры, лишает ее возможности определять стратегию развития будущего мировой цивилизации. Конечно, тактические действия регулирования процессов технократической цивилизации за счет экономических рычагов воздействия еще способны некоторое время стимулировать почти нулевую активность высшей психики человека, но они будут эффективны только в ближайшее время. Принципиальное отличие действия объективного раз-

ума от поверхностного рассудка состоит в том, что разум осознает развитие государства на века, тогда как рассудок способен решать только ежеминутные текущие задачи.

В первую очередь, действие рассудка отличается от действия разума тем, что рассудок не выражает расового архетипа человека, то есть не связан с его высшими психическими реакциями. Суждения рассудка, если они не взаимосвязаны с высшими психическими реакциями, поверхностны, существуя либо в области сугубо профессиональных знаний человека, либо в системе бесконечного многообразия стереотипов массовой культуры. Эти суждения, в целом, характеризуют психологическое состояние человека под влиянием матриархата, когда на сознание действует комплекс как социальных ограничений, так и активности его бессознательно-животных движений психики. Вообще, когда речь идет о социальном пространстве ценностей, необходимо понимать, что это что-то неразумное. Однако именно это неразумное и стало культовым основанием массовой цивилизации, в которой низшие ценности буквально терроризируют слабые умы. В действительности же расовый архетип человека, то есть определяющий центр его высшей психики, практически не относится к социальному восприятию, поскольку социальное восприятие тотально эмпирично, тогда как разумное мышление имеет трансцендентальную природу. Пересечение высших и низших энергетических слоев психики происходит в игре первичных импульсов воли, которые определяют сознание как определенный фокус, конечную точку. Здесь следует отбросить, ставший архаичным в наше время, стереотип представления, в котором мышление отождествляется с действием механической машины. Мышление в первую очередь является многослойным процессом, в котором сознание характеризует только конечную границу между бытием и небытием. При этом сознание, отображающее низшие процессы психики и, в частности, эмпирическое знание,

не является рациональным по существу, поскольку этот вид сознания не обладает онтологическим содержанием.

Сознание трансцендентного существа времени предполагает все многообразие ценностей: религиозных, научных и других видов, но указывает на их относительность перед движением мировой воли в истории. При этом для нас принципиально, что история, поскольку она развивается нелинейно, есть одна из разновидностей мировой воли, а именно сознание ее границы, по отношению к которой человек осознает конечность своей жизни. Очевидно, что представления человека о материи скользят по этой границе, поскольку невозможно схватывать полностью сакральное существо времени, а можно лишь погружаться в него, теряя взаимосвязь с чувственным восприятием. «Возвращение» к чувственному восприятию является определенным «круговращением» сознания по многообразию границ информации, поступающей как от восприятия низшей психики, так и от созерцания сознания в высшей психике. Основным отличием феноменов сознания низшей и высшей психики является касание чувственных восприятий в первом случае, и интеллигибельного содержания феноменов высшей психики, во втором. Во втором случае созерцание трансцендентной реальности возможно только тогда, когда чувственное восприятие стягивается в нуль под атакой высшей психической энергии. Но массовое сознание устроено противоположным образом, поскольку в нем высшая психическая деятельность человеческой души здесь доведена до нулевого уровня.

Не трудно заметить многочисленные суждения социально мыслящих людей, что массовая культура является «низкокачественной» и что необходимо ее преодоление. Но начало 21 века характеризуется тотальной властью массового сознания над всеми видами активности человека. Массовая душа определяет науку, политику, искусство, и это несмотря на формальное дистанцирование

с ней мыслящей «элиты» всех основных направлений деятельности человека. При этом само слово «элита» в современной массовой культуре стало синонимом чего-то крайне неполноценного с точки зрения человеческой природы, вызывающее чувство гадливости и отвращения. Политическая элита, научная элита, «золотая» молодежь, авангардное искусство — все погрузилось в тлетворное состояние психической неполноценности, которая блокирует проявление человеческого разума по существу. Понятно, что в другие эпохи расовых катастроф, когда происходил распад цивилизации на заре новой веры, человеческой неполноценности было предостаточно, однако были видны и новые исторические силы, которые претендовали на мировое господство в будущем. Всегда существовали какие-то варвары, которые были готовы кардинально изменить мир. Однако современная историческая реальность на эти силы не указывает. Насколько глубоки и разрушительны процессы, протекающие в человеческой психике, настолько активно в нем низшее животное существо на фоне лавины появляющейся информации для анализа поверхностного рассудка. Так сформировалось это новое человекообразное существо, quasi homo, которое чувствует себя в потоке поверхностной информации как рыба в воде, но полностью беспомощно, когда речь заходит о способности рационального мышления. Ведь для нас принципиальным и незыблемым является кардинальное отличие человека от животного в том, что первый — обладает разумом.

Впрочем, если осмыслять современную геополитическую ситуацию с позиции объективного разума, то ситуация во многом становится родственной той, которая существовала в предшествующие эпохи расовых катастроф. В первую очередь, мы находим варварское пространство на территории бывшего соц. лагеря, а также западноевропейскую цивилизацию в состоянии глубочайшего морального кризиса. Если внимательно проанализи-

ровать социальные связи, психологические реакции, взаимоотношения людей в массовом обществе на постсоветском пространстве, то они начинают напоминать нам аналогичные психические реакции людей на африканском континенте. Родственность этих психических реакций характеризуется именно мерой объективной активности рационального мышления. При этом между активностью субъективного разума существует бесконечная пропасть, поскольку субъективный разум исторически существовал на этой территории, ибо принципиальное различие между субъективным и объективным разумом состоит в том, что в матриархальной культуре способны существовать крохотные «островки» рационального мышления, которые, впрочем, мало влияют на государственную жизнь. Главное же различие между субъективным и объективным разумом состоит в том, что объективный разум не существует вне волевого импульса, проистекающего из достаточной активности высшей психики человека. Субъективный же разум, ограничиваясь мнением, профессиональным знанием и мастерством в области, например, науки и искусства, является только «вкраплением» в жизнь государства, а не его основанием. Другими словами, субъективный разум топологически способен «подтягивать» к себе активность высшей психики человека, но не владеть ею. Владеть актом высшей психики способно только усилие воли, которое «выхватывает» из трансцендентного мира бытия присутствие сакрального начала.

Трансцендентное сознание времени в первую очередь указывает на полноценное начало человеческой души в расовом архетипе. Расовый архетип является порождающей моделью сознания, в котором расовая мораль отображает бессознательное действия инстинкта смерти в глубинах психики. А поскольку массовый социум построен исключительно на импульсах низшей психики, то массовое общество практически полностью аморально, то есть исключает разумные отношения людей в своих институ-

тах. Так, вера в то, что социальные отношения суть основа морального сознания человека — оказалось глубоким заблуждением гуманизма, который фактически стал приговором этой системе ценностей в начале 21 века. Однако, в силу отсутствия какой-то разумной альтернативы, институты, построенные на гуманистических ценностях, стали базовыми для массового общества, тем самым создав в государстве неразумную систему взаимоотношений между людьми, когда наиболее примитивный человек, в наименьшей степени обладающий активностью разума, становится в наибольшей степени политически активным. Эта аномалия политической жизни в полной мере проявляется в среде варваров на постсоветском пространстве, где после порождения большевистской ордой генетической популяции вождей в нескольких поколениях, социальная жизнь стала подобна «болоту» воровской мафии, в которой уголовная психология оказалась базовой. И, в целом, социальная жизнь массовой цивилизации подобна «раковой опухоли» в мировой истории, поскольку никогда еще разум не был в столь глубоком забвении, никогда он так широко не шельмовался во всем многообразии человеческих ценностей.

Когда мы смотрим на политическую жизнь на постсоветском пространстве, то осознаем, что ее ведут не люди, а какие-то призраки мировой истории. Отсутствие действия разума в душе компенсируется лихорадочной социальной деятельностью, когда, в силу инфантильного сознания, усилия разумной воли практически равны нулю. С другой стороны, было бы наивно не замечать действий мирового духа по формированию базовых элементов новой цивилизации в среде варваров, а именно непреклонное развитие военно-промышленного комплекса. Ведь даже ее прошлые и современные вожди «перерабатываются» мировой волей, начиная со Сталина, в годный для развития зачаточных элементов политической материал. Мы можем только предполагать, что когда, напри-

мер, Египет был захвачен гиксосами, эти племенные вожди «перерабатывались» мировой волей истории в «годный» для существования египетской цивилизации «материал». Так было, вероятно, и с монгольскими вождями в Китае. Другое дело, что понимание политической ситуации под властью варваров еще не гарантировало немедленного освобождения от них. Ведь варвары всегда сливаются своими генетическими связями с побежденными народами. При этом следует помнить, что главной причиной для торжества власти варваров является катастрофическое ослабление расового начала в душе нации, которое тотально проявляется в культуре. Например, культура серебряного века как-то «естественно» перетекла в творчество Ахматовой и группы окружающих ее поэтов. А ведь эта культура в первую очередь продемонстрировала психологию матриархата, то есть отсутствие проявления разума в человеческой душе.

Понятно, что выход из-под власти варварской культуры и ее неизменного спутника, охлократии, возможен на основе идеи, которая способна сплотить здоровые исторические силы. Очевидно, что это не национальная идея, поскольку, к сожалению, национальная идеология в основном стала пристанищем все тех же варваров на постсоветском пространстве, когда племенная «элита» политической власти в бывших советских республиках вполне довольствуется игрой в «национальные интересы», которые оказываются в большей степени политическими интересами США. Вопрос же сводится к тому, что прагматизм торговца более адекватен, чем прагматизм варвара, поскольку, хотя он и не выражает разумной позиции в государстве, он выражает, по крайней мере, какое-то косвенное отношение к истории основы развития своей цивилизации. Сознание же варвара неадекватно по существу, поскольку варвар лишен вообще какой-то взаимосвязи с основами понимания собственного развития цивилизации, находясь во

власти разного рода мифологических представлений о природе разума.

Наше понимание законов развития мировой истории полагает, что рождение русско-сибирской цивилизации неизбежно в силу реальной власти мирового духа над человеческой цивилизацией. Идея рождения русско-сибирской цивилизации была заявлена О.Шпенглером, и мы лишь продолжаем ее развитие с учетом почти вековых политических изменений после появления этой идеи. Окончание развития рационального проекта западной цивилизации, в нашем понимании, произошло после поражения Германии во второй мировой войне. Победители: большевистская Россия и США в первую очередь открыли новую страницу геополитической ситуации в мире, основная черта которого была и остается — игнорирование разума в политической жизни государства. Так, торговцы и варвары, поделив мир на два полюса: «свободный» и социалистический, фактически постепенно ликвидировали присутствие рациональной культуры, как в человеке, так и в государстве. Исторически, вероятно, мы имеем аналогию процесса расовой катастрофы, когда византийское государство стало единственной альтернативой варварской Западной Европе в Темные Века начала христианской цивилизации. Современная ситуация имеет с этой эпохой топологически-симметричный характер. Во-первых, мы существуем в начале формирования основ рациональной цивилизации, когда со стороны варваров выступают мощные резервы нереализованный высшей психики человека, а со стороны торговцев — энергичная индустрия новых технологий, которая, как костыли на теле инвалида, поддерживают практически исчезнувшую рациональную основу научно-технического прогресса. Во-вторых, мы являемся свидетелями окончания веры «ветхого завета» представлений о расе *homo sapiens*, когда вера в научно-технический прогресс закончилась, показав всю неполноценность ограниченного рассудка

перед сложной иерархией метафизической природы бытия.

Вообще, «работая» на идею формирования новой цивилизации (очевидно, что ее название «русско-сибирская» имеет условный характер), мы «работаем» на бессмертную сущность мирового духа, от которого произошел человек и вся природа. В этом утверждении нет ничего примитивно-мистического, поскольку для нас изначально в человеческой природе является бессознательный инстинкт смерти, а он, в свою очередь, указывает на метафизику топологического ядра разума в человеческой душе. И наоборот, позиция эмпирической науки, в нашем понимании, представляется примитивно-мистической, поскольку не требует от человека напряженной внутренней работы по осознанию относительности материальных связей восприятия и существования метафизической реальности. Главное же состоит в том, что подавляющему большинству людей вообще, от природы, несвойственно это максимальное внутреннее напряжение разумного духа, поскольку их основная задача чаще всего ограничивается биологическим продолжением человеческого рода и участием в какой либо производственной деятельности.

Так, мы утверждаем, что высший тип человека не нуждается в свободе, поскольку он свободен от природы. В свободе нуждается торговец или варвар. Первый, поскольку ему всегда «мало» свободы, ибо он всегда в глубине души чувствует себя неполноценным представителем второсортной культуры. А второй, поскольку он бессознательно остается рабом, неспособным на разумные действия в мировой истории. Но именно постольку, поскольку нас почти тотально окружает этот тип человека в массовой цивилизации, мы и заявляем свои позиции возвращения к этой одной из фундаментальных идей классической философии. При этом легко распознать в quasi homo, торговце и варваре, все многообразие разнообразно-

стей профессий массового общества: «ученого», «политика», «художника» и так далее и тому подобное. Причина, по которой так «расплодилось» эти псевдоинтеллектуальные силы, следует искать в постепенной подмене основ рациональной культуры психологией суждений поверхностного рассудка, который топологически «ветвится» своим торгашеским сознанием в многообразии неполноценности человеческих типов массовой культуры. Необходимо осознать, что, в современной исторической реальности уже ничто не указывает на альтернативу массовой культуре, ни современное искусство, ни современная наука, а тем более, современная политика, ибо они не строятся на разумных основах человеческой души. Мы же на эту альтернативу указываем, полагая, что новая цивилизация, русско-сибирская, должна возникнуть под необходимым воздействием мирового духа в глубинах человеческой души на постсоветском пространстве.

...

О судьбе русской нации мы должны сказать следующее. Понятно, что после нашествия большевистской орды в начале 20 века и последовавшего после этого нашествия геноцида, не может быть речи о какой-то особой общенациональной идее. В самом понятии «русско-сибирская» цивилизация, которое существует у Шпенглера, начало национальной русской культуры определено вполне отчетливо — это ядро новой цивилизации. И, вообще, когда мы рассуждаем о такого рода исторических событиях, то в нашей памяти встают аналогии, например, нашествия гуннов на Западную Европу. В этот исторический момент западные европейцы, находясь еще в состоянии культуры Темных Веков, подверглись агрессии натуральных варваров, то есть народов, ведущих кочевой образ жизни, а значит, вообще не знакомых с рациональной культурой. А ведь западные европейцы уже были достаточно романизированы в это время, то есть имели зачатки субъективного разума. Варвары, объединившись в боль-

шевистской орде, и создали психологическую основу советской власти, которая, осталась доминирующей и после развала СССР.

Мы полагаем, что в первое тысячелетие в процессе становления архетипа прорасы, образуются зачаточные элементы субъективного разума в человеческой душе, когда объективная политическая реальность остается еще во власти племенных инстинктов воли. В силу этого, человеку иногда свойственно массовое безумие, как, например, это произошло в массовой вере в коммунизм в России. Главное, конечно, нас поражает это доверие части русской интеллигенции всему, что обусловлено низшей системой ценностей западной культуры и искажением или полным непониманием существа высших исторических ценностей. Вероятно, причина этого полного доверия именно низшим, а не высшим ценностям — инфантилизм души варвара, чья психика не пережила еще исторически действия объективного разума в душе. В противном случае мы не можем объяснить признание коммунистических ценностей в качестве основы государства, поскольку в этой идеологии отсутствует разумное понимание мировой истории.

Когда мы рассуждаем о новых исторических силах, нас мало интересуют производственные мощности тех или иных государств, поскольку экономическое мышление является уделом слабых умов, чей разум очень плохо развит, а чаще всего, не развит вообще. Так, когда мы слышим о том, что будущее есть только у китайской цивилизации, поскольку ее экономика развивается динамично, мы угадываем за этими представлениями психологию современного шаманизма сознания матриархата, когда вера в этот род «динамизма» существования цивилизации и есть игнорирование исторического разума. Ведь с точки зрения исторического разума, этот «динамизм» есть быстро растущая раковая опухоль национального существа культуры, а не ее «достижения», поскольку

ку живая экономика растет прямо пропорционально угасанию патриархального духа. И если американская культура является «локомотивом» современной мировой экономики, поскольку американской нации, с точки зрения высших ценностей мировой истории, не существует вообще, то судьбы других исторических наций глубоко взаимосвязаны с мировым духом истории. Другое дело, что доминирование патриархального и матриархального начала варьируется в судьбах отдельных исторических наций. В этом смысле, китайская модель современного капитализма дает, безусловно, наиболее оптимальный механизм роста этой «раковой опухоли» разума, экономического развития. И тот факт, что китайская экономика постепенно выходит вперед, следует искать в историческом прошлом китайского государства, метафизика ценностей которого строилась в основном на доминанте матриархальной психологии человека, то есть на психологии единого семьи-государства.

Когда мы оцениваем попытки рассуждать об экономическом «благоденствии» в современной России как развитии ее государственной стратегии, то понимаем, что иной «идеологии» варварское сознание породить не может. Собственно, современная политическая «элита» является прямым продолжением генетических связей большевистской орды, а племенная психология человека практически полностью лишена разума. Поддержание на достаточно высоком уровне военно-промышленного комплекса следует относить все-таки к загадке существования мирового духа истории, но не к идее существования разумного человека, которая отсутствует в традиции последнего столетия российской цивилизации. Так, качество оружия варваров Темных Веков редко отличалось от их аналогов в среде цивилизованных народов, поскольку этот процесс отображал постоянную борьбу племенного духа с зачатками формирующихся патриархальных норм жизни, где элементы потенции объективного разума реа-

лизывались именно в качестве современного вооружения. Но наша мысль обращена не к варварам, поскольку в противном случае мы должны были бы отказаться от собственного разума, а к тем поколениям, которые будут строить новую цивилизацию. Нельзя же обратиться к «теням» настоящего, для которых не существует будущего.

Кастовая идея власти, как альтернатива современной мировой политической охлократии, предполагает, что психология новой высшей расы, расы *homo sapiens*, должна закончить становление своего архетипа в ближайшие десятилетия. Этот топологический «узел» онтологии времени, расовый архетип, «завязывает» мировой дух, а не человек, поэтому появление новой цивилизации неизбежно. Если же рассматривать будущее мировой истории с точки зрения «раковой опухоли» человеческого разума, мировой экономики, то, конечно, какого-то будущего в истории российской цивилизации и всей цивилизации, в целом, не просматривается. Ведь варвар, не способен понимать сущность денег, этого универсального механизма развитой цивилизации, поскольку финансово-денежная система эффективна только в тех государствах, где утвердился самостоятельный рациональный проект развития культуры. Но в целом, безусловно, активность финансово-денежной системы в социально-политической модели государства предполагает постоянно растущую природу матриархальных импульсов в подсознании, то есть бессознательный отказ от активности действия разума в душе человека.

Одним из очевидных признаков расовой катастрофы, то есть буквального обвала традиционных основ патриархальной культуры, является постепенно полное исчезновение понятие нравственного долга в повседневной жизни человека. Так, матриархальная психология человека не предполагает сознание долга по существу, поскольку практически полностью лишено активности в подсознании высшей психики. Но если понятие долга отсутству-

ет, то любая политическая система переходит в систему охлократии, поскольку из непосредственного образа жизни человека и из межчеловеческих отношений исключается разум как сознание меры сакрального начала бытия, то есть исключается внутреннее доверие человека сознанию бессмертного духа. Именно здесь коренится основополагающее различие между сознанием свободы и сознанием долга, замеченное еще в философских исследованиях Канта и Гегеля. Другими словами в симметрии человеческих целей: свобода — долг, также обнаруживается существование топологического единства небытия и бытия реальности. Колебание минимумов и максимумов в непосредственном образе жизни человека небытия и бытия и есть, собственно, реальность исторических процессов цивилизации.

Когда мы рассуждаем о метафизической природе симметрии бессознательных импульсов матриархальных и патриархальных движений в человеческой психике, то утверждаем, что мировая воля «выхватывает» существование человека из хаоса «круговращения» топологической нелинейности природы бытия. Другими словами, горизонт события, которым владеет сознание и которое является основой для алгоритмически-ассоциативного мышления, есть только поверхность «сферы» непосредственной полноты бытия, которая «накручивает» содержание мышления на энергию мировой воли. С другой стороны, скрытая сущность мировой воли, которая выражает сакральное действие мирового духа, реализует индивидуальную волю человека по-разному. Это могут быть и земные, конечные цели, из наличия которых складывается активность социальной жизни массового мегаполиса, а может быть и цель, которая проистекает из непосредственного действия разума исторической необходимости своей эпохи. При этом сознание исторической необходимости диаметрально противоположно в матриархальном и патриархальном сознании. Собственно, если рассматри-

вать чисто матриархальное сознание, например, учение коммунизма, то метафизическая реальность в нем исключена по существу, поскольку «великая мать» или ее производная, чисто эмпирическое мышление как власть над природными явлениями, не предполагает сакральное как порождающую силу. Мы имели возможность наблюдать искренних идеологов этого учения при советской власти, и не могли не видеть искренность их веры и определенный душевный и даже духовный подъем. Другое дело, что этот душевный и духовный подъем характеризовался потерей разума, то есть полным разрывом с существом патриархальной культуры. Голые полудикие люди, разъезжающие по русским деревням и призывающие к «свободной» любви, применение большевистскими вождями химического оружия против восставших крестьян, массовое уничтожения храмов — это ведь только поверхность того айсберга безумия, в которое способно впадать варварская душа, не знакомая с опытом рациональной культуры. Самое опасное, что она способна выстраивать целую систему этого безумия, определяя ее как «социальную» реальность. Однако мы должны понимать, что варвар стремится «действовать» в своей природной воле, то есть «отключать» в своей душе все бессознательные движения расового архетипа. Те же, кто был еще как-то взаимосвязан со своим архаичным разумным существом, просто физически уничтожались. Но при «отключении» психических реакций, связанных с бессознательным действием расового архетипа, человек отнюдь не теряет своих профессиональных качеств, но и наоборот, становится идеальным «работником», профессионалом. Так формируется психология *quasi homo*, то есть того неразумного, низшего в антропологическом смысле существа, которое тотально заполняет собой всю активность социальной жизни массового мегаполиса. Этот *quasi homo* является и писателем, и политиком, и ученым, и художником, и врачом, и юристом, и, уже, очевидно, экономистом и

предпринимателем, как основными паразитами этой «раковой опухоли» человеческого разума. Единственной областью, где процесс формирования этого низшего антропологического типа замедлен — это армия и церковь, поскольку, в силу своего исторического возникновения, эти виды человеческой деятельности необходимо взаимосвязаны хотя бы с минимальной активностью бессознательного расового архетипа. Однако матриархальное сознание, в лице родоначальника современного психоанализа массового бессознательного, Фрейда, именно эти два вида деятельности относит к сфере, которая характеризует психологию человеческого стада. Вот в таких мелочах, когда базовые для формирования расового архетипа человека области, как армия и церковь, определяются как область человеческого стада, и формируется кардинальная позиция социального сознания современного матриархата. Сюда, в частности, можно отнести и попытки анализа творчества Шекспира с точки зрения использования им ночных горшков и равенство его человеческой личности с личностью домохозяйки. Собственно это и есть абсолютное сознание свободы в пределах социума, которое принципиально отрицает неравенство людей от природы. Заметим, что позиция Фрейда ищет и находит определенные метапсихологические стороны человеческого существа, к категориям которого, например, следует отнести такие, как «оно». В результате, метафизика реальности бытия «топится» в метапсихологии, то есть онтология сознания реальности искореняется по существу, почти как буржуазия искореняется пролетариатом в учении классовой борьбы у Маркса. Наибольшая же сила психоанализа состоит в том, он формирует топологическое понимание психических процессов человеческой психики, которые, с точки зрения науки, действительно такими и являются. Другое дело, что вся психоаналитическая техника у Фрейда направлена на изучение исключительно неполноценных начал человеческой психики, из которых, в силу

симметрии, осуществляется попытка вывести их полноценные начала.

То, к чему ведет культивирование ценностей свободы в среде варваров, можно было наблюдать в России после событий 91 года, когда вследствие распада тоталитарной системы безумия коммунистической идеологии, сформировалась новая система безумия капиталистических отношений. Несомненно, что в массовой душе, которая не знакома с рациональной культурой, идеология всегда основана на матриархальной психологии ценностей, поскольку патриархальный принцип предполагает процесс устойчивого производства расовым архетипом высших энергетических импульсов воли. Но в активности научно-технического прогресса, в процессах расовой катастрофы, производство высшей психической энергии становится бесконечно малым, поскольку в этот момент производство низшей человеческой психики достигает своей наивысшей активности. Сознание здесь «вращается» в топологическом «мусоре» бесконечного многообразия эмпирической информации, когда гибкость мышления достигается за счет исключительной поверхности суждений, которые основаны на отсутствии даже минимального противоречия. Противоречие в мышлении предполагает внутренний переход от небытия к бытию, который осуществляется в темпоральных тензорах, то есть непосредственных отображениях духа времени в точках разрыва чувственных ассоциаций. Этот переход от небытия к бытию на основании понятия его сущности, есть необходимое содержание мышления, которое определяет собой присутствие собственно разума, поскольку разум не существует вне времени, как и время не существует вне разума.

Мы наблюдаем в современной России все тот же советский шаманизм, но полярно-противоположной идеологической направленности, который формируется исключительно топологией энергии низших психических

импульсов. Имитация «преемственности» современной политической жизни российским ценностям до 17 года, очевидно, имеет благие намерения, но ведь имитация германскими варварами «преемственности» государственным символам Римской империи также была искренней. Варвар стремится быть причастным событиям мировой истории, но не может, поскольку в его бессознательных психических реакциях отсутствуют навыки патриархальной культуры. А навыки патриархальной культуры формируются топологией расового архетипа, которая предполагает сознание долга, которое, вообще говоря, содержит в себе генетическую основу расовой памяти человека. Но не следует чрезмерно драматизировать потери патриархального быта, произошедшие после 17-го года, которые свойственны матриархальному сознанию. Прораса имеет очень неустойчивый патриархальный быт, в котором матриархальные элементы очень сильны. Это вызвано объективными причинами. Одна из наиболее значительных причин состоит в том, что патриархальный быт постоянно размывается скрещиванием с народами, ведущими кочевой образ жизни, а значит, существующих вообще за пределами всяких признаков разума.

Понятно, что между настоящим содержанием российской цивилизации, в которой доминирует варвар, и ее будущем, в котором действует новая высшая раса, существует бесконечная пропасть. В этом смысле мы полностью солидарны с теми, кто резко критикует попытки фальсификации событий второй мировой войны, поскольку речь в ней идет не столько о победе большевистской России, сколько о суровой реальности могущества мирового духа, ведущего свою скрытую работу по формированию архетипа расы *homo sapiens*. Эта в целом победа скрытой природы духа над материальными достижениями технократической цивилизации является отправным пунктом реальных процессов становления любой новой цивилизации. Российскую же цивилизацию, то

есть уровень ее вклада в мировую, условно можно сравнить с развитием культуры древних франков, которые, объединив в своих границах различные племена и народы, являются прарасой архетипа европейских наций, сложившихся в эпоху Средневековья. По-видимому, особенностью культуры прарасы следует рассматривать отдельные очаги рационально-субъективной мысли, которая способна достигать мировых вершин во всех проявлениях современной исторической культуры, за исключением философской, поскольку философия в первую очередь требует объективной позиции разума. А объективная позиция разума есть действие человека, соотносимое с метафизической природой мировой воли истории.

...

Анализируя историю российской цивилизации, начиная с реформаторской деятельности Петра, мы видим, что матриархальная психология человека становится основополагающей с этого периода для формирования русского дворянства. Таким образом, вероятно, разрушение архаичного расового слоя прарасы происходит в результате взаимодействия замкнутого патриархального образа жизни с эпицентром развития мировой цивилизации, когда расовый архетип человека, сложившийся за пределами событий мировой истории, «взрывается» изнутри. Возникает обратный процесс: не высшая психическая активность души «наращивает» на себя элементы материальной реальности, а непосредственно-чувственные восприятия подчиняют себе высшие импульсы души, подавляя и даже ликвидируя их.

Топология психических реакций низшей психики, очевидно, формируется бессознательными сексуальными влечениями, тогда как высшей психики — бессознательным инстинктом смерти. С другой стороны, эти два энергетических потока психики симметричны, причем граница бытия, безусловно, пролегает в непосредственности чувственных реакций восприятия, тогда как само бытие

является областью сознания интеллигибельного мира. Мировой дух обозначает свое присутствие в человеческой душе через бессознательный расовый архетип, топологический пространственно-временной «узел», который «стягивает» к высшей психике потоки чувственных ассоциаций, квантуя (бесконечно измельчая) их под воздействием инъекций инстинкта смерти. Понятно, что такой род сознания является патриархальным в том смысле, что материя рассматривается как «материал», как нечто вторичное.

Производительность как мотив и цель воли человека в массовом мегаполисе практически полностью формируются из низшей психической энергии, поскольку механизм вытеснения возникает не за счет перехода сознания реальности из небытия в бытие, а за счет топологического «выворачивания» небытия в небытие. Это «выворачивание» небытия в небытие и есть граница чувственного восприятия, которая «ускользает» в бессознательные сексуальные влечения. Глубина этих влечений, безусловно, вполне обладает возможностью создания матриархального сознания как в отдаленные времена существования цивилизации, так в современном массовом мегаполисе. Однако интенсивность бессознательных влечений неспособна создавать расовый архетип, поскольку в основе ее энергии не небытие «стягивается» к бытию, а наоборот. Сознание в этой топологии процессов низшей психики «скользит» изнутри границы бытия и небытия, «отсвечивая» бытие как возможность, то есть как безусловную потенцию разума. Таким образом, кардинальным различием в сознании матриархальной и патриархальной культуры является отношение к материальности и идеальности мира: в первом случае, духовная реальность воспринимается как мистический (нереальный) момент сознания, во втором, случае, все наоборот, то есть сама материя осознается как время в его самой примитивной ассоциативно-чувственной основе, то есть как нере-

альное. Мы полагаем, что матриархальное сознание массовой души человека мегаполиса способно воспринимать только небытие, которое оно осознает в эмпирической реальности продукта научно-технического прогресса. При этом сам научно-технический прогресс до второй мировой войны существовал на позициях фундаментальной науки, то есть отображал базовые принципы патриархата, где научные идеи были важнее их приложения в быту и технике. В последние же десятилетия патриархальный принцип науки рухнул, когда в нее, как в свое время в конце существования доминирующих позиций католической церкви, хлынул поток неразумных людей, quasi homo, этих массовых продуктов массовой цивилизации, прагматичных и ограниченных. Эти типы людей, очевидно, полностью ориентированы на культ производства: производства информации, производства новых технологий и так далее. Душа этих типов лишена какой-то активности разума. Здесь знание появляется не из существа новых идей, а лишь топологически «слоится» комбинированием идей уже известных, которые представляют собой «осколки» когда-то разумного основания науки. Ведь новые идеи есть область онтологии времени, поскольку только новизна исторического времени в человеческом разуме отображает сакральную сущность мировой воли, порождающей мир и человека.

Особенность темпоральных тензоров топологии разума состоит в том, что преобразования пространственных объектов сознания представлений имеют субъективно-интеллигибельный характер. Структура этих тензоров определяется «верхней» или «нижней» гранью отношения сознания к бессознательному, когда информация, доставляемая в сознание низшей и высшей психической системой импульсов имеет совершенно разную природу. В первую очередь, отличие содержания представления состоит в удержании объективности сознания реальности со стороны бытия, или, наоборот, небытия. Если граница

сознания бытия в эмпирическом восприятии отображается как единственный род реальности, то для интеллигентного мышления эта граница осознается как небытие, поскольку полагается бесконечно малой частью бытия, которым необходимо пренебрегать. Вероятно, что идеи разума являются в топологии времени начальными моделями, структурами, которые через множество подобий отображают различные представления-границы бытия. Каждая из этих границ (грань) суть бесконечно-малое отображение бытия в тензоре сознания, которое, однако, сохраняет в себе всю информацию о его полноте. В эмпирическом же восприятии ассоциативно-чувственных феноменов именно конечная грань бытия (небытие) рассматривается как единственный род реальности, когда эмпирический объект субъективно осознается как «касательная», связывающая психофизиологически материю с духовной частью человеческой души. Однако эта взаимосвязь проецируется в низшую психику, а фактически в поток сексуального влечения, где она трансформируется, по-видимому, в результате вытеснения в социальное сознание. Таким образом, уже на начальном моменте восприятия, информация от импульсов высшей и низшей психики имеет симметрично-противоположную основу. Под воздействием постоянных инъекций в подсознании инстинкта смерти, сознание «очищается» от потока непосредственных чувственных восприятий, устанавливая прямое отношение с полнотой бытия как онтологической природой времени. Время не воспринимается как сознание прямой линии. Время течет, причем его течение онтологически осознается как сакральная природа мировой воли. Особенность этого онтологического течения мировой воли состоит в том, что она индифферентна по отношению к сознанию добра и зла, свободы и несвободы, поскольку все эти категории — суть человеческое, которое имеет мало отношения к ее сверхчеловеческой природе.

...

В вопросе «энергичности» социальной жизни массового мегаполиса мы замечаем очевидную ее черту, которая характеризует психическую энергию массового бессознательного как исключительно низшую. Так энергична торговка на базаре, зазывая к себе потенциальных покупателей, то есть агрессивнo-эротическими оттенками психологических состояний, в которых основным коммуникативным принципом является сексуальный инстинкт, когда топология психической жизни сознания «наращивается» от непосредственного животного существа человеческой души. Фактически мы имеем тотальную активность этого животного существа человеческой души в массовой цивилизации, которое ограничено только социальной системой психических реакций. Но социальная реальность неразумна, поскольку в ней развивается единственный род коммуникации человека — стадный инстинкт, который характеризует его психологию животного существа в человеческом стаде. Что толку, что этот стадный инстинкт «обрастает» в топологии низшей психической активности многообразием реакций на различные социальные институты — все они функционируют только для того, чтобы подавить человеческий разум. Но поскольку человек — не животное, глубины человеческой психики бессознательно «бунтуют» против этого тотального насилия множества неразумных институтов массового общества, что выражается во множестве психических отклонений.

Не сложно понять, что вся система ценностей современного массового общества есть грандиозная мистификация сознания человека, в которой практически полностью ликвидированы все признаки разума. «Разум» ассоциируется в этой системе торгово-варварской психологии человека как умение: обмануть, обхитрить, поглумиться над чем-то серьезным, что связано с подлинным разумом, то есть проявить те признаки состояния идиотизма сознания, которое в полноценной исторической культуре пода-

влялось высшей психикой в зачаточном состоянии. Такого рода подмена подлинной сущности разума произошла не сразу. Первоначально в 20 веке массовой культурой были тотально распространены такие откровенно матриархальные учения как марксизм и фрейдизм, которые полностью исключили из понимания существа человеческой воли влияние высших психических импульсов. Правда, в фрейдизме это влияние допускается, в силу топологической симметрии психической жизни, как действие бессознательно-го инстинкта смерти, действующего «равноправно» с сексуальными влечениями. Однако понимание этого инстинкта остается только на уровне некой антисоциальной разрушительной силы, которая никак не влезает в прокрустово ложе социальной реальности.

Мы видим, что вся психологическая основа человеческих реакций в современном мегаполисе построена на той или иной степени корысти, то есть бессознательной потребности присвоить себе как можно больше «собственности», то есть материи как места своего присутствия в пространстве реальности. Этот признак низшей породы человека, требующий исключить его из среды полноценных людей, который существовал в истории, где действовал разум, в современном массовом мегаполисе, наоборот, стал основанием «успеха» и «благополучия». Массовый социум стал орудием подавления разума и механизмом тотального господства человека низшего типа, чем доказал иллюзорность веры в возможность общества быть основой новой цивилизации. Вероятно, именно здесь проявилась в полной мере наивность «ветхого завета» гуманизма с его верой в разум.

Как бы мы не рассматривали полноту реальности сознания, в ней всегда существует симметрия бытия и небытия. Этот принцип пронизывает представления всех областей культуры: религии, искусства, науки, но только под бытием и небытием понимаются в разные исторические эпохи симметрично-противоположные ценности. Ведь

ценность есть баланс бессознательного влечения и границы сознания, в котором присутствует то или иное существо мировой воли. Есть что-то, безусловно, бесценное для повседневной жизни человека, что является для него высшей ценностью, а есть то, чем он готов торговать. Политическая охлократия в любые времена мировой истории характеризуется тем, что высшая система ценностей исчезает, тогда как все слои общества стремятся торговать, то есть «выгадывать» себе место в неразумном пространстве реальности. Торгует политическая «элита», торгуют художники, писатели, ученые и предпринимателя, то есть искренне живут в пространстве ценностей матриархальной культуры. Торговля характеризуется непрерывной социальной болтовней, множеством бессознательных реакций на наличие производимой «продукции» этой торговли: низкокачественной художественной литературы, продуктов различных видов промышленности, поверхностных научных идей, состояния войны и мира, и так далее и тому подобное. Женщины торгуют своим телом, мужчины — своей рабочей силой и своими «мозгами». Для разумного человека этот род реальности определяется однозначно — область небытия, но разумный человек, собственно, не имеет даже намека на свою культуру в этой производственно-матриархальной психологии жизни массовой цивилизации. Ведь область разума — идеи, а идеи не производят ничего материального. В этом смысле торговцы и варвары уже никак не различаются между собой, поскольку один из основных принципов матриархальной культуры — полное и безграничное равенство людей как животных организмов в тотальном производстве. Безразлично, впрочем, и кто находится на вершине власти в охлократической системе, поскольку индивидуальное начало здесь определяет не исторический смысл существования государства, а результат финансовых интересов различных производственных структур социума.

Уже мало кто удивится, когда в крупном супермаркете увидит женщину «цивилизованного» вида, открыто кормящую грудью ребенка, поскольку психология матриархата требует полной и безоговорочной «естественности» человека, естественности такой, какая существует в первобытном племени, ибо массовая душа практически не производит высшей психической активности. Обнаженные люди в массовом количестве на пляжах также «демонстрируют» полную «свободу» от причастности человека какому-то разуму, когда сознание долга полностью исключено в охлократической системе ценностей, где властвует животный инстинкт и животная потребность в жизни. Человек как животное — этот основополагающий принцип ценностей массовой цивилизации, безусловно, исключает разум по существу. То, что это животное «мыслит», в этой системе ценностей отождествляется с «мыслью» муравья, собаки или таракана, которые все «равны» перед единством производящей силы природы. Так, тотальная система мистификация сознания, где небытие выдается за бытие, характеризует политическую охлократию современной массовой цивилизации, отражающей особенности национальных черт торговли в том или ином государстве мира.

Понятно, что главенствующую позицию в этой мировой торговле занимает прагматизм ценностей, ведущий свое происхождение от английского эмпиризма. Его основная черта собственно и состоит в культивировании матриархальных эмоций сознания в интеллектуальной жизни европейской цивилизации. Ведь нравственное «оправдание» бессмысленности существования современной технократической цивилизации с точки зрения исторического разума выражается в том, что человек здесь исключительно социально «активен». Он «активен» как производитель и потребитель. Сознание нравственного долга в системе ценностей матриархата заменено необходимостью соблюдения торгово-

финансового соглашения, которое предполагает, что нельзя нарушить договор купли-продажи. Иного представления о долге в системе ценностей массового общества мы не обнаруживаем. Все остальное покупается и продается на 99% процентов на бессознательном уровне животной потребности в жизни. Собственно английская колониальная империя формировалась именно как торговая ассоциация исключительно морского государства. В отличие, например, от др. греческой истории, где, с одной стороны, существовала аналогичная политическая система афинской демократии, но с другой — суровый аскетизм спартанского государства патриархального типа, в английской истории патриархальный принцип жизни шекспировских характеров исчезал пропорционально росту индустриальной цивилизации.

В основе онтологии времени существует топологический принцип симметрии, который указывает на противоречивость мышления как, собственно говоря, отображение перехода симметричных тензоров реальности сознания друг в друга. В качестве идеи чистого мышления у Гегеля этот принцип рассматривается исключительно в системе перехода противоположностей явления бытия и небытия как единство и борьба субъективных мнений разума. Но равноценность субъективных мнений разума, в которых противоречие не преодолено как научная точка зрения, не предполагает объективность разумного суждения, поскольку разумное суждение определяет всю полноту бытия, а не только его отдельных частей. Понятие в системе гегелевской диалектики, есть тензор рационального мышления, в котором симметрия топологической полноты материального мира «подтягивается» к бытию как локальный слой небытия. И действительно, в потоке мировой воли, схватываемой тензорами рационального сознания, диалектика перехода бытия в небытие отображает переход патриархального состояния души в матриархальное состояние и, наоборот. Ницше называл эти

тензоры «ценностями», что определило его философию в большей степени как постановку вопроса о кардинально различных видах бессознательной психической энергии, аполлонического и дионисического начала души. И действительно, бессознательный инстинкт смерти, который в философии Ницше получил определение дионисического начала, в своей разрушительной психической энергии никак не сводится к социальному представлению о морали в христианской религии или моральных представлениях гуманизма. И в христианской религии, и в гуманистической морали человек от природы добр, хотя, в первом случае, он является существом духовным, а во втором случае — природным. Но хотя эти учения о существовании человека симметрично противоположны, злое начало (а фактически, бессознательный инстинкт смерти) вынесено в них за пределы представлений о человеческой психике. Как в христианской религии, так и в гуманизме, разрушительные процессы психики рассматриваются как бесовские (точка зрения религии) или как «неразумные» (точка зрения гуманизма). Фрейдизм двигался, безусловно, в направлении развития гуманистических представлений о человеке, когда отождествил происхождение морали с формированием социальных институтов семьи. Представление о либидо как движущей силе скрытых процессов мировой истории, как мы полагаем, полностью относится к бессознательным процессам низшей психики, которые формируют социально-массовые институты матриархальной культуры. Ведь матриархальное — это не столько власть и доминирование роли женщины в жизни общества, сколько вера в начало бытия как единственно-материальной силы. Как называется эта сила: «великая мать» — у народов в зачаточном состоянии культуры, или «процесс производства» — в учении коммунизма, не суть важно; главное, что дух в матриархальном сознании целиком и полностью ограничен процессами психики. Дух как начало бытия, принципиально исключается в матри-

архальном состоянии. В патриархальном же сознании, наоборот, именно психические процессы являются минимизацией духовной реальности бытия, поскольку энергия низшей психики не дает возможности концентрироваться сознанию на его интеллигибельной сущности. Низшая психика ассоциативно «замыкает» время на соматических реакциях подсознания, когда бессознательные влечения подавляют разумную волю, но зато дают возможность максимального вовлечения ее животного существа в производственные процессы.

Очевидно, что матриархальное сознание учения фрейдизма и учения коммунизма имеют общую основу, которая состоит в понимании человеческой воли как «производителя». Во фрейдизме, эта «воля» является источником сублимированной сексуальной энергии, что в целом удовлетворяет представлениям о воле в марксизме. Свобода пролетария или раба, очевидно, определяет исключительно животный характер, как психической энергии, так и усилия воли, которые сублимируются в производственном труде. Психологическая особенность этого типа человека состоит в том, что в ней человек существует исключительно по отношению к социальному статусу. У Фрейда — это домохозяйка, студент, преподаватель и так далее, у Маркса — это пролетарий, рабочий, буржуа. Современное массовое общество только разнообразило этот статус в появлении новых профессий, оставив главный критерий непосредственной ценности человека — по его личному вкладу в жизни массового общества. Понятно, что в эту группу людей уже никак не могут входить представители высшей культуры, такие как Гераклит, Платон, Гегель или Ю.Цезарь, поскольку последние, безусловно, имеют ценность не в силу своего социального статуса в мировой истории, а в силу скорее разрушения социальных представлений, который доминировали в их историческую эпоху. Для нас очевидно, что любое доминирование массовых представлений есть доминирование матриархальной культуры, которое разрушает

ся исторической волей в силу нравственного долга человека перед его представлением о сакральном существе бытия. В том и состоит кардинальное различие между патриархальным сознанием воли и матриархальным сознанием, что патриархальное сознание подавляет животное начало души, тогда как матриархальное сознание только его сублимирует, то есть преобразует в социальную функцию человеческой жизни. В целом, никогда не бывает полного доминирования патриархальной или матриархальной культуры, как в государстве, так и в отдельном человеке, поскольку они образуют топологию симметрии сложного единства бытия.

Существует один безусловный критерий, из которого мы исходим: варвар — это в первую очередь представитель матриархального сознания, поскольку в его душе разум практически бездействует. Каковы бы ни были достижения варварской культуры, они всегда подражательны, хотя в отдельных своих проявлениях и выражают скрытую природу действия мирового духа. При этом варварство нельзя искоренить полностью, как нельзя искоренить полностью матриархальную культуру, которая существует в глубине человеческой души как ее постоянная потребность. И если на бытовом уровне эта постоянная потребность матриархальной культуры выражается в необходимости существования института семьи в государстве, как одном из фундаментальных его оснований, то в метафизическом смысле, эта потребность состоит в невозможности сознания нравственного долга в душе, лишенной разума. Конечно, матриархальная натура человека ведет себя очень энергично в социальной системе массового общества, однако вся эта активность — суть энергия небытия, которая существует на основе животной активности психики и животной человеческой воли. Понятно, что психоаналитически основой этой животной воли является сексуальный инстинкт, а целью — процесс производства материальных ценностей.

Основной характерной чертой матриархальной души человека является внушаемость. Эта внушаемость особенно ярко выражена в варварской психологии, в которой, в силу отсутствия активности разума в душе, сознанию может быть внушено любое представление о реальности. По-видимому, СМИ построены на принципе гипнотического воздействия на сознание человека, поскольку отсутствие активности разума в человеческой душе компенсируется теми представлениями о «свободе», которые в массовом сознании ассоциируются с возможностями потребления материальных благ. При этом, менее всего мы должны кого-либо «винить» в той ситуации тотальной деградации человека, которая происходит в массовом обществе, поскольку чувство вины не определяет различий между высшей и низшей системой ценностей, характеризуя ценности матриархата, а не патриархата. Вообще, сознание вины является в первую очередь традиционным основанием семейных устоев, и то, что на этом основании базировалась тысячелетняя психология патриархальной жизни монотеизма, следует относить к тому компромиссу, который состоялся в мировой истории вследствие психологического равновесия, который патриархальный дух выражал как чисто духовное начало ценности сознания.

Наше понимание исторической геополитической ситуации в мире приводит к сознанию необходимости объединения людей, обладающих разумом, на основе, которая не может относиться к ценностям массового общества. Поскольку массовое общество опирается на научно-технический прогресс, то, очевидно, основой объединения не может быть наука, ставшая в начале 21 века таким же институтом подавления разума, как в свое время каталитическая церковь. Впрочем, этого нельзя сказать о всей науке в целом, а только о ее эмпирическом основании, требующем везде и во всем искать доказательства, основанные на материальном восприятии реальности. Мы от-

носимся с уважением к фундаментальной науке, которая развивалась из метафизических идей выдающихся философов, таких как Декарт и Лейбниц. Заметим, что массовая культура и массовое сознание допускает «критику» своих социальных институтов, исключая самое главное-принципиальное сомнение в необходимости исторического существования этого общества и основы его политической модели, либеральной свободы. Так, можно сколько угодно играть в игры «критического» отношения к его отдельным явлениям, однако на то, чтобы подвергать сомнению культ демократической свободы, наложено жесткое табу, которое в действительности имеет происхождение в глубинах животной души матриархального сознания.

Слабоумие социального сознания массовой культуры состоит в том, что в нем природа небытия выдается за бытие. Так, все социальные институты возникают и формируются исключительно в матриархальном сознании, то есть убеждении, что существует только материальный мир. Здесь не дух определяет загадку материи, а материя выражает загадку духа. Понятно, что формирование социального института может начинаться в любой среде, в том числе и в человеческой орде, племени, когда этот «институт» вырастает как грязная клоака: человеческой души, человеческих отношений, целей, которые люди преследуют в пределах этого социального пространства. Затем в этой клоаке формируется «бизнес», то есть торговля всем и вся, чтобы эти полудикие массы, лишенные даже проблесков разума, могли как то выживать. Так формируются мегаполисы в Африке, России, Латинской Америке и Азии. Эта клоака мегаполиса современной цивилизации мало чем отличается в различных странах, хотя нас пытаются убедить, что это неизбежные «издержки» развития цивилизации. Но проблема состоит в том, что множество разновидностей типов quasi homo как раз и являются настоящей издержкой полноценной человеческой природо-

ды, выдающих помойку своего образа жизни за развитие мирового прогресса. Но винить всех этих quasi homo, расплодившихся как «проказа» в человеческой природе — это, значит, оказаться за пределами разума, поскольку подобный род объединения, связи людей на основе низшего существа человеческой души, заложен на бессознательном уровне, характеризуя естественную потребность подавляющего большинства людей к единственной цели — биологическому размножению. Задачей разума является сформировать пространство, которое существует рядом с этими неполноценным проявлением человеческой природы, чтобы косвенным воздействием высшей психической энергии трансформировать их в состояние, годное для причастности к разумной жизни. Так, например, протекает человеческая цивилизация рядом с жизнью муравьев, когда эти два вида существования практически не пересекаются. И действительно, нет необходимости психологическому пространству идей Платона и абсолютной идеи Гегеля объединяться с психологией домохозяйки или какого-нибудь торгаша, «деятельность» которого в торгашеском мире, звучит, как «бизнесмен» и «предприниматель». Эти пространства симметрично противоположны, отрицая друг друга диаметрально противоположной активностью психических импульсов сознания. Пересечение этих систем ценностей, очевидно, существует в человеческом теле, но не более того, поскольку все активные разумные функции, составляющие человека: воля, душа, дух, сознание, мышление и другие кардинально симметричны процессам низшей психики. В этом смысле, можно интерпретировать известную мысль Ницше о том, что человек и сверхчеловек отличаются так же, как обезьяна отличается от человека. Аналогичным образом, психологический мир варваров и торговцев отличается от психологического мира высших ценностей, в котором существует философия, наука и искусство. На одной стороне психологического полюса сознания — животные начала

души и поверхностный интеллект, на другой — духовное начало души и разум.

Какие бы процессы мировой истории мы не рассматривали, в них всегда проявляется та или иная воля к власти матриархального или патриархального сознания, то есть диаметрально-противоположная психологическая основа человеческой души. Как животное существо души стремится реализоваться в животной воле в среде торговцев и варваров, так и разумное существо души стремится к господству разумного духа. При этом в среде торговцев и варваров действуют исключительно бытовые и семейные ценности, поскольку высшие ценности неразумному существу человека недоступны. Матриархальный дух может принять только животную мотивацию человеческой воли: сексуальный инстинкт или труд, в котором реализуется социальная задача человека. Но патриархальные начала души, в которых инстинкт смерти указывает на сознание интеллигибельного мира, в массовом мегаполисе отсутствуют.

Современная геополитическая ситуация в мире характеризуется вовлечением в процесс психической деградации массового социума последних «здоровых сил» старого мира: люмпенов и варваров, то есть той самой примитивной и самой неразумной части расового целого, которая в полноценной исторической культуре существовала на глубокой периферии исторических событий. По Шпенглеру, эти силы характеризуют мертвое функционирование цивилизации, жизнь города, которая лишена какого-то смысла, цели и элементарной исторической перспективы. Впрочем, понятно, что изнутри представленный вчерашних люмпенов и варваров, получивших власть и собственность, эта «перспектива» имеется, как имеется, вероятно, она в низшей нервной системе муравья, которая запрограммирована на постоянный монотонный производительный труд на «благо» целого. Собственно, многие известные социалисты прошлого приводили об-

раз жизни муравьев как пример идеального образа жизни человека в «справедливом» обществе, тем самым бессознательно демонстрируя принципиальное различие ценностей сознания матриархата и патриархата. Это сравнение, как ни какое другое, наглядно иллюстрирует образ жизни человека, лишённого разума, но существующего в строгой иерархии социальной жизни. У муравьев, этих идеальных членов матриархальной общины, существует энергетический центр — муравьиная матка, на которую работают все эти массы и орды. Одни добывают пропитание (рабочие муравьи), другие защищают муравейник (муравьи-солдаты), которые подчинены единственной цели — биологическому самовоспроизводству. Можно сказать, что это идеальная матриархальная система, в которой все проявления высшей энергетической деятельности практически равны нулю. Так, трутни, запрограммированные на оплодотворение матки одновременно запрограммированы на самоуничтожения после момента оплодотворения, поскольку функции высшей психики исключаются в этой идеальной матриархальной системе по максимуму. Аналогичным образом современная матриархальная система производства массового общества запрограммирована только на одно — на биологическое выживание этих масс человеческих муравьев, которые движимы низшими психическими импульсами животной воли. В силу практически полного исключения проблесков разума в массовом социуме, критерий максимальной монотонности повторяющихся процессов низшей психики становится основным критерием социального успеха в нем, поскольку любой экстремум высшей психической деятельности влечет за собой естественное «выпадение» из его неразумных социальных институтов. Понятно также, что области высших ценностей в этой матриархальной системе полностью фальсифицируются, то есть исчезает сфера искусства и философии, эти основные моменты духовной жизни культуры. Зато достижения тех-

нологические почти «обожещаются» как «доказательство» «развития» цивилизации, например, полет спутников в космос.

С другой стороны, люмпен и варвар, прошедший жизненный путь от недочеловека — в системе разумных ценностей, до «бизнесмена» и «политика» — в системе ценностей массового общества, безусловно, заряжен какой-то инерцией распада единства цивилизации. Однако проблема состоит в том, что следующее поколение и в первую очередь генетические наследники люмпенов и варваров лишены даже этой энергии распада, поскольку разложение расового архетипа — это тоже минимальный заряд высшей психической деятельности, который, например, реализуется — по минимуму — в массовой цивилизации в авангардных направлениях науки. Вероятно, именно в этот момент должен начаться обратный процесс — процесс влияния скрытых, бессознательных импульсов, то есть мощного воздействия нового расового архетипа человека на политическую реальность как разумная основа существования цивилизации.

...

Основная проблема существования современного человека в массовом обществе состоит в том, что с момента рождения до момента смерти его окружает реальность небытия. Так, человек, воспитывается бесчеловечной культурой массового социума, которая с раннего детства требует от него отказаться от разума, став «солдатом-муравьем» или «рабочим-муравьем» «матки» глобального производства. Все становится прикладным к этому производству: наука, искусство, политика, семья, национальные интересы и так далее и тому подобное. Небытие проистекает из абсолютного доминирования эмпирического сознания, которое нигде и не в чем не допускает сомнения в своих господствующих позициях в восприятии. Всем владеет какая-то тотальная истерия монотонности механических процессов социальной жизни, кото-

рая с детства бессознательно приучает человека торговать и торговаться. Причем, варвары, которые осваивают эту «науку» торгашества, определяются «причастными» к процессам цивилизации, то есть в либеральной идеологии определяются как «экономически более развитыми». Множество научных и проектных институтов и международных фондов регулируют международную политическую жизнь в соответствии с необходимостью выживания этих миллиардов масс бессмысленных жизней. Постепенно у человека возникает устойчивое ощущение, что, может быть, лучше было бы и не родиться, чтобы постоянно не воспринимать это бессмысленное монотонное состояние небытия, отсутствие вообще каких-то признаков разумности окружающей его жизни.

Чтобы осознавать основы современной геополитической ситуации в мире, следует понять, что современные западные европейцы, реализовав свой рациональный проект, основанный на безусловной вере в научные ценности, стремительно деградируют. Конечно, если сравнивать их образ жизни с окружающим океаном варварства, то он имеет определенные преимущества, особенно, для тех, кто научился торговать и торговаться, тем самым сжившись с этой бессмысленностью массового образа жизни. Но ведь люди рождаются неравными от природы, когда не все запрограммированы на эту бессмысленную жизнь в матриархальной системе образа жизни муравьев. Не во всех людях разум готов стремиться к нулю, то есть воля реализовываться на уровне животного выживания.

Если позиции фрейдизма и марксизма имеют вполне устойчивую основу понимания в процессах низшей психики человека, поскольку подавляющее большинство людей запрограммировано самой природой только на биологическое размножение и монотонный труд, то существует и другая, пусть не такая многочисленная часть человечества, которая, вообще то, генетически неспособна к этому монотонному образу жизни. Понятно, что

это люди, в которых активны высшие процессы психики. Можно сказать и по-другому, в этой части человечества протекает скрытый процесс глобального расообразования, то есть перестройка старого расового архетипа на новый архетип.

Современная псевдоинтеллектуальная среда: писателей, художников, социологов, политологов, юристов, поэтов и других деятелей «авангарда» функционирования матриархальной психологии культуры в первую очередь характеризуется этой монотонностью течения мысли, основное свойство которой — постоянно держать дистанцию со всякой возможностью активного движения разума в душе. В этой псевдоинтеллектуальной среде существуют свои «великие», свои «выдающиеся», свои «школь», главная черта которых — участие в жизни муравейника массовой цивилизации, пусть даже в качестве «критиков» или «оппозиционеров» существующего политического строя. Здесь выдаются премии, поощряющие функционирование этой неразумной среды, ведутся дебаты, качество которых, в нашем понимании, стоит ниже по интеллектуальному уровню, чем вопрос о доказательстве «непорочности зачатия девы Марии» в Средневековье. Так, собственно, формировалась эта псевдоинтеллектуальная среда диссидентов при советской власти, когда явления не назывались своими именами, а либо озвучивались по схеме западных спецслужб, либо выявляли позицию слабоумия женской истерии сознания, которая также выражала «протест» против существующего политического строя. Мы смотрим на распад политической советской системы рационально. Племенная психология человека неспособна создать государственное устройство. Варвары способны смешаться с прарасой, но не создать основы для развития самостоятельной цивилизации, поэтому возвращение государственного строя к естественно-племенному существованию было неизбежным. Никакой победы «свободного» мира над «несвобод-

ным» здесь не произошло, поскольку торгашеское чувство «свободы» не имеет никакого отношения к духовной свободе по существу, «свобода» торговца неразумна. Варварская же государственность только кажется тоталитарной, тогда как в действительности является крайне рыхлым государственным образованием, которое еле-еле удерживает целостность своих политических институтов за счет культивирования исключительно низших ценностей, то есть пространства матриархального существования человека с каким-нибудь «отцом всех времен и народов». Аналогом советской политической системы, может быть, является государство франков под предводительством Карла Великого, которому удалось очертить животной волей прарасы территорию существования новой цивилизации. При этом большевиков можно сравнить с ордой гуннов, которая вторглась на территорию франков и частично подчинила себе их, то есть с той кочевой психологией человека, которая вообще не имеет никакого отношения к мировому разуму исторических событий. Русские же, по-видимому, выделялись в этих племенах как наиболее энергичное племя, то есть как франки в среде каких-нибудь лангобардов и бельгов. Именно поэтому в современной западной цивилизации представление о «русском» ассоциируется с человеком любой национальности, проживающей как в России, так и в прилегающей к ней «государствам», таким как Украина или Белоруссия. По-видимому, цивилизованному сознанию нет желания вникать в эти разновидности племенных особенностей людей на территории бывшего соц. лагеря. Понятно, что подобная историко-топологическая реконструкция очень относительна. Она относительна хотя бы потому, что тысячелетняя традиция существования прарасы, которая совпадает с историческим периодом возникновения и существования Российской империи, дала мировой культуре такие имена русских писателей и ученых, которые, несомненно, следует относить к выдающимся

достижениям мировой мысли, например, Достоевский и Менделеев.

Поэтому нам кажется каким-то безумием отмечать момент распада СССР как некий «праздник свободы», поскольку какого-то разумного усилия человеческой воли в этом процессе мы не замечаем, тогда как компромисс варваров с торгашами, когда варвар присвоил себе собственность социалистического государства, следует скорее относить к продолжению национальной трагедии. Ведь варвар, по самой своей сути неразумного существа, не способен понимать сущности денег. Он способен гениально приворовывать — у другого варвара или у государства, но только не контролировать денежные потоки в соответствии с государственной необходимостью, которая должна быть разумной. Мы полагаем, что денежные потоки «текут» в современной России как в Африке, то есть в соответствии с локальными интересами различных племенных кланов, имеющих своих вождей. И если эти племенные вожди подчинялись в политической системе советской власти какому-то центральному идеологическому направлению поведения, то после исчезновения этой идеологии, они, как дети, стали подчиняться своему инфантильному состоянию души, «играя» в «капиталистические отношения».

Понятно, что нашей целью не является дискредитация современной российской реальности, а лишь попытка показать дистанцию между положением дел в ее современной социальной инфраструктуре и той исторической ситуации, которая должна реализовывать объективные разумные основания существования человека и государства. Понятно, что на сегодняшний момент это расстояние составляет пропасть. Однако главное для нас состоит в том, чтобы показать перспективу становления новой цивилизации, то есть срез исторической ситуации по отношению к будущему. А для этого, по крайней мере, необходимо прервать все те многочисленные гуманитарные

фантазии, которые существуют в известных нам исторических представлениях. Так, патриотизм состоит в том, чтобы действовать в реальности на основании разумного понимания исторической ситуации. В противном случае слабоумие, связанное с отсутствием разумного понимания действительности, будет неизбежно приводить к рецидивам массового помешательства, подобного вере в коммунизм.

То, что использовал Шпенглер в топологической реконструкции мировой истории, мы определяем как действие фракталов абсолютного духа в возникновении и реализации архетипа высшей расовой организации человека. Фрактал темпорального тензора, что есть существование множества слоев онтологии времени, предполагает, что каждая новая цивилизация формировалась из сознания времени, которое отображает «узел» возникновения ее расового архетипа. Подобие этих слоев Шпенглер описал как последовательность возникновения прарасы, то есть зачатков культуры, в которых происходил перелом от Темных Веков к Средневековью, или образованию самостоятельного расового ядра и так далее. Понятно, что процесс этот не был линейным, а происходил волнообразно, когда Темные Века то «освящались» какие-то зачаточными расовыми силами, то вновь «откатывались» к неразумной племенной организации. Эти топологически волновые процессы мировой истории, где все повторяется, но при этом привносится совершенно новый художественный образ развития культуры, и составляет внутреннюю взаимосвязь мировой истории (фракталы мирового разума). Осуществление влияния именно через художественные образы сознания развитых народов на племена, существующие на окраине цивилизации, происходит в силу того, что художественное мышление является единственным видом мышления, которое не разрушается под интенсивным воздействием подсознательного инстинкта смерти.

Возникает естественный вопрос: как может человек существовать в культуре, которая, по существу враждебна разуму? Ответ следует видеть в том, что разум, хотя и определяет в той или иной степени всю человеческую культуру и цивилизацию, является очень тонкой средой существования, которая существует в общей интеллектуальной мысли. Период существования чистой рациональной культуры в истории различных цивилизаций бывает слишком кратковременным и практически всегда взаимосвязан с господством высшей аристократии, которая в наибольшей степени подчиняется сознанию нравственного долга, то есть ценностям патриархальной души. Этот момент заметил Шпенглер в своей топологии истории, указав в первую очередь на особенности феноменов художественного сознания, которое определяет расовое существо той или иной цивилизации в период ее наивысшего подъема. В эти эпохи искусство и философия выражают позиции высшей расы в максимальной одухотворенности существования человека, бытия и природы. Но в русской истории подлинной аристократии не существовало, поскольку прараса неспособна полностью отделиться от племенных инстинктов, постоянно обращаясь к спасительным ценностям матриархального мира. Таков, в частности, марксизм, где имеет место «спасительная» идея мирового пролетариата; таковы мутные размышления Л.Толстого о жизни и смерти, где смерть осознается как что-то безнадежно смертное для человека, как бессмысленная брэнность человеческой жизни.

...

Фракталы темпоральных тензоров и есть то неприродное в эмпирическом существе природы, которое определяет непосредственное влияние действия мирового разума как взаимосвязи всех элементов материи, топологически натянутой на мировой дух. Что такое фракталы в самой материи можно увидеть в современных научных

разработках, где динамические свойства материи показывают это многообразие подобия структур, сохраняющих единство целого всех своих частей. Основа фракталов — симметрия, поэтому темпоральные тензоры сознания пронизывают Вселенную, человека и природу. И если фракталы, определяющие непосредственную структуру материи, можно видеть, то фракталы темпоральных тензоров видеть невозможно, поскольку они существуют в трансцендентальной реальности бытия. Именно здесь определяется архитектоника бытия, которая осуществляет переход от непосредственного существа симметрии отдельных граней небытия к его художественной реальности, которая суть само бытие. Другими словами, небытие структурируется как самоорганизация хаоса, первоначально, в структуры фракталов, а затем — в пластические модели динамического единства бытия, которое суть онтологическая природа времени. Эта природа невидима, поскольку фракталы темпоральных тензоров характеризует такая мера самоподобия, которая неделима во времени. Именно эта наивысшая неделимость потока фракталов темпоральных тензоров и выражает действие чистого разума, то есть разума, действующего в интеллигибельном мышлении бытия. При этом безразлично, с какой стороны мы рассматриваем архитектонику бытия: со стороны непосредственного существа материи, где властвует небытие, или со стороны духа, где присутствует непосредственная природа сакрального существа времени. В силу симметрии, каждый элемент, каждая структура бытия выражает модель небытия, которая при бесконечном повторении своих подобий дает неизбежное явление бытия. В этом топологическом многообразии самоподобия выражается действие абсолютного духа, «выплескивающего» мировой волей истории человеческие цивилизации как определенные архитектурные образования отображения мирового разума. Но и гибель этих цивилизаций определена в возвращении человека к своему

животному состоянию души, когда резервуары высшей психики, накопленные расовым архетипом, полностью исчерпываются. Так происходит расовая катастрофа, то есть исчезновение расы.

Накопление резервуара высшей психики расового архетипа происходит вследствие естественной активизации в подсознании психической энергии инстинкта смерти. Таким образом, бессознательный инстинкт смерти человека производит топологическое натяжение сознания на фрактал темпорального тензора. Заметим, что вопрос о субъект-объектной взаимосвязи здесь сводится к топологической симметрии небытия и бытия, которые именно топологически смешаны, а не противоположны, как в дуализме классического механицизма сознания. В топологически рациональном понимании метафизической реальности, механические объекты лишены своего эмпирического основания, поскольку субъект, как темпоральный тензор сознания, является в бытии трансцендентной моделью, чье многообразие эмпирических свойств «слоится» отдельными «кадрами» сознания, но не его сущностью. То, что в массовом сознании эмпирическое восприятие стало собственно культовым, требуя везде и во всем ссылаться на материальную реальность, еще не доказывает отсутствие реальности трансцендентной, а есть лишь катастрофический недостаток разума в душе. Впрочем, и слабость человеческого ума также демонстрирует какие-то позитивные направления развития цивилизации, которые всегда связывались с той или иной работоспособностью низших сословий. Ведь и слабый ум имеет свою «историю», например, чисто технического прогресса. Этот слабый ум создал в массовой культуре определенный культ чисто технического прогресса. Этот культ доказывает полный разрыв современной науки с ее метафизическим основанием механицизма представлений о материи, пространстве и времени, и, как следствие, утрату наукой собственно научного основания, поскольку это

основание не существует вне активности расовой психологии человека. Достаточно взглянуть на современное «лицо» науки, чтобы понять глубину ее разложения. Однако именно эмпиризм производит тот бесконечно-многообразный «научный» материал, который, хотя и существует за пределами разума, дает возможность вести бесконечные мутные дискуссии на таких же бесконечных симпозиумах, напоминающих бессмысленные «посиделки» кумушек, обсуждающих последние сплетни. Матриархальное подсознание практически «вымыло» разумных людей из научной среды, дав возможность науке поистине стать массовым институтом для объединения слабых умов. Эти слабые умы, то есть умы, лишенные разума, но обладающие высоко развитым абстрактным мышлением поверхностного рассудка, создали мощные структуры, на которые опирается массовая цивилизация. Это ведь и есть основное свойство матриархального мышления — движение абстрактной мысли за пределами разума.

Когда мы рассуждаем о будущей цивилизации, то в первую очередь предполагаем, что это образ жизни человека, разум которого активен. Но наивно полагать, что усилие разума существует исключительно по воле человека. Можно механически создавать различные социальные институты на любом уровне нравственного развития человека, даже в орде, как показал опыт России и других стран, и даже в полупервобытных племенах, как показал опыт Африки, однако разум в таких социальных институтах отсутствует. Правда, эти социальные институты дают возможность развиваться в этих примитивных племенных образованиях более менее современным технологиям, однако жизнь в государстве с такими политическими институтами полностью исключает разум. Она дает возможность развитию военного потенциала страны, но всеми средствами культивирует матриархальное пространство ценностей, имитирующее какую-нибудь «демократию», что разрушает пространство патриархального быта че-

ловека, существовавшего веками. Архаичный разум (полупервобытный в Африке, например) исчезает, а новый — не появляется. Вследствие этого жизнь стремительно варваризируется, то есть в человеческой душе побеждают животные инстинкты. Собственно и человек исчезает как таковой, поскольку *quasi homo* — это уже не человек, а нечто среднее между обезьяной и человеком. Кому нужна вся эта слабоумная цивилизация, исключаящая разум? Да, собственно, никому. Но ведь и исчезновение ее неизбежно, ибо любая человеческая цивилизация, любая человеческая раса есть только фрагмент становления архитектурной природы мировой воли, которая обозначает себя в узле расового архетипа, то есть в топологическом напряжении тензора бессознательного инстинкта смерти человека и его индивидуальной разумной цели существования в мировой истории.

Государство, вообще говоря, существует только тогда, когда в нем существует разум. Понятно, что от природы в любом государстве рождается определенный процент людей, который запрограммирован не только на монотонный труд и биологическое размножение. Но в современной модели либеральной демократии эта разумная цель отсутствует. Здесь присутствует полная «свобода» предпринимательства в финансовой и производственной сфере, то есть возможность отказаться от своего разума, что подавляющее число людей и делает. Внутренняя борьба, происходящая в человеческой душе, у подавляющего большинства людей заканчивается приспособленчеством. Матриархальные импульсы в глубинах психики побеждают и человек подчиняется социальным представлениям своей эпохи, которые, как правило, лишены разума.

Наша мысль, обращена к небольшому проценту людей, который является разумным от природы. Этот небольшой процент людей существует во всех народах, поскольку процесс расообразования имеет метафизически

глобальный характер, доказывая известную философскую истину, о которой никто не вспоминает в пределах слабоумных представлений о всеобщем равенстве и братстве, что люди неравны от природы. Более того, все цивилизации возникали и развивались именно на основе этого неравенства от природы, когда сословное неравенство лишь как-то оформляло его. Но в наше время существуют иные «оформления» социальной жизни, когда вор и денегерат, сделавший себе капиталы на обмане и лжи, именуется как «удачный бизнесмен». Таковы нравы матриархальной психологии массового общества, в котором не разум, а человеческая низость является как основным товаром, так и основным коммуникативным инструментом среды общения людей. В этом смысле подобные черты характера *quasi homo* интернациональны. Но есть и некоторые различия, когда, например, в среде варваров этот неполноценный человеческий тип ведет себя наиболее вызывающе, поскольку вся социальная инфраструктура ценностей массового общества «работает» на его культивирование.

Мы обнаруживаем нечто безусловно общее в характере и психологии *quasi homo*, действующего после событий 17-го года и действующего в событиях после 91 года. В России — это полное, можно сказать, тотальное отсутствие разума в поступках и целях. Ведь оправдание торгашеской системой ценностей всякого действия, которое ведет к накоплению капитала, по существу мало чем отличается от оправдания грабежа, который захватническая орда осуществляет на завоеванной территории. Если устранить фантазии по поводу «демократических преобразований в стране», «прав человека» и тому подобных, мы увидим, что главным критерием этой реальности «капитализма» является отсутствие элементарной причастности человека к разуму. Зато присутствует энергичная активность вождей, освобожденных от своей матриархальной идеологии и действующих в соответствии с той

сообразительностью варвара, которая не упустит своего в процессе разграбления. Попытки сравнения событий в России как в 17-ом году, так и в 91-ом с какими-то аналогами «дикого» капитализма в Америке вызваны только одним — отсутствием вообще какой-то рациональной позиции человека здесь после 17-го года. Так, если события, происходящие в истории Америки, мы можем сравнивать с социальной системой в Византийской империи, куда стеклись расовые осколки деградировавших римлян, то события в России, связанные с нашествием большевистской орды, мы должны сравнивать с разгромом гуннами готов, то есть понимать исторические события на совершенно различных топологических уровнях мировой истории. Между этими событиями, в топологической реконструкции мировой истории, существует по крайней мере тысячелетие. При этом, если в одном случае действуют расовые вырожденцы, подобные византийцам, то в другом случае трагические процессы разложения прарасы, сопровождающиеся нашествием орд.

Когда современные «патриоты» России пытаются противопоставлять все русское советскому режиму, то они правы лишь отчасти. Подобное противопоставление существует, безусловно, в области определенной самобытности православия и самодержавия как основе государства Российского до нашествия большевистской орды. Однако, к сожалению, какой-то значительной пропасти между большевиками и российской интеллигенцией не существует. Наоборот, здесь существует та полномасштабная идеологическая поддержка нашествия, которую либеральная русская интеллигенция осуществила перед 17-ым годом. Фактически матриархальная среда русской интеллигенции частично смыкается с большевизмом, когда многие «интеллигенты» даже становятся активными членами этой орды. Собственно и в событиях 91-го года эта интеллигенция во многом способствовала разрушению государственных устоев СССР, впрочем, вполне ис-

кренне, веря в ценности либерализма, как сознание первобытного дикаря верит в великую мать как спасительницу. Судить этих людей бессмысленно, поскольку инфантилизм сознания — основная черта матриархальной психологии человека, а когда оно еще и развивалось в среде, лишенной какой-то рациональной традиции мысли, то дела совсем плохи, человек просто невменяем по отношению к разуму, хотя часто бывает блестящим профессионалом своего дела. Вообще, самое бессмысленное в варварской культуре — кого-то винить и обвинять, поскольку подобная позиция неразумна, хотя, вероятно, и способна возратить какую-то иллюзию морального сознания.

Не нужно большого труда, чтобы оценить современную социально-политическую реальность России как варварскую. Чем быстрее это будет осознано, тем скорее скрытые процессы мирового духа станут реальностью государственных процессов. В противном случае здесь придется всерьез воспринимать только развитие военно-промышленного комплекса и победу во второй мировой войне. При этом все социальные институты в душе разумного человека будут вызывать ощущение кочевых юрт в чистом поле, как это происходит в наше время. Ведь только на воображение варвара или торговца может повлиять архитектура современных европейских зданий, как «доказательство» причастности этой социальной инфраструктуры развитой цивилизации, ибо разумный человек переживает в первую очередь дух, который «живет» в этих зданиях, а дух этот — это дух какого-то полуварварского племени, очень мало относящегося к духу русской национальной традиции культуры.

...

Когда мы пытаемся разобраться, что такое расовая неприязнь, то подходим к этому вопросу вполне рационально. В нашем понимании за расовой неприязнью стоит ни что иное, как различный уровень рациональной культуры, к которой причастен человек, то есть бессознатель-

ное подавление в нем его племенного животного начала. Более того, эта неприязнь существовала и в сословных государствах до провозглашения свободы, равенства и братства, поскольку класс торговцев и люмпенов всегда существовал большей частью своего коллективного бессознательного в психологической культуре матриархата, где доминировали низшие ценности. Добыча «хлеба насущного», которую вели низшие сословия с целью самого примитивного биологического выживания, несомненно, не предполагала каких-то серьезных занятий искусством и философией. Фактически низшие сословия длительное время находились на рабском или полурабском положении, поэтому высшие сословия испытывали к ним «расовую неприязнь» в том смысле, что не желали соприкасаться с человеческой природой, которая практически не вышла из животного состояния души. Эта сословная неприязнь, как мы видим, впоследствии была перенесена и на неприязнь между расами. Причем, чем более было глубоко различие между племенными инстинктами человека, доминирующего в его душе, с душой, в которой действует разум, и которая хотя бы развивалась под влиянием рациональной культуры, тем более глубокими полагались расовые противоречия. Подобная ситуация была очевидна до конца второй мировой войны, после которой, как мы полагаем, биологическая теория расового неравенства вместе с поражением фашизма, если не рухнула, то была отброшена на задворки идеологической борьбы.

Понятно, что расовая неприязнь отсутствует в массовой душе, поскольку равенство животных не предполагает, что между ними существует какое-то различие, ведь эти животные лишены разума. С другой стороны, неприязнь человека к человеческой низости является простейшей предпосылкой патриархальной культуры, когда чувство гадливости и отвращения естественно возникает при соприкосновении человека с животной волей, которая лишена разума. Но массовый человек «воспитывается» мас-

совой культурой таким образом, чтобы естественная для разума система бессознательных реакций, связанных с высшей психикой, отсутствовала. В этом случае эта тупая биологическая машина, *quasi homo*, является «политкорректной», то есть невосприимчивой к отсутствию разума в душе другого человека.

В эпохи господства аристократической культуры мы не находим особенной расовой неприязни в общении аристократий различных культур различных биологических рас, поскольку все эти аристократии возникали и развивались из утверждения в культуре самостоятельного расового начала. Конечно, и здесь существовало некоторое непонимание, однако оно легко преодолевалось, поскольку развитый разум легко проникает в природу разума архаичного, как и последний подчиняется более высокому разуму. Но современная геополитика массовой цивилизации строится на других коммуникативных принципах. В центре геополитического влияния существует система ценностей торгаша, которая культивируется в океане варварства как единственная безальтернативная политическая система ценностей либерализма. Поскольку варвары собственно разума не имеют, то они подчиняются идеологии системы охлократического западноевропейского политического строя, в основе которого лежит психология тупой биологической машины *quasi homo*. И в Африке, и в России, и в Азии — везде ценности «демократии» культивируются как безусловное признание одной неразумной волей (варварской) «права» другой неразумной воли (торгашеской) на политическое превосходство, поскольку абстрактный рассудок в любом случае существует на более высоком онтологическом уровне бытия, чем непосредственные чувственные восприятия. Здесь выражаются известные взаимоотношения: «мать» (либерально-демократическая система ценностей) и ее «дети» (деградировавшие и впавшие в варварство народы всего мира). Эта «мать» постоянно «следит» за своими

«детьми», журуя их и читая им различные нравоучения в лице своих многочисленных социальных институтов, когда те, по ее мнению, «неправильно» себя ведут.

Таким образом, за расовой неприязнью стоит вполне естественное для человека желание сохранять границу с неразумным миром, которое агрессивно «лезет» в его жизнь с истеричностью женщины, потерявший всякий стыд своей низости животного существа. И действительно, поскольку люди не равны от природы, а существуют на различном уровне развития разума в душе, то граница этого неравенства действует как высшая сакральная сила мировой истории. Попытка исключить эту силу, то есть исключить действие разумного духа в своей повседневной жизни, влечет за собой глубокую психическую деградацию человека, поскольку отказ от разума в душе естественно заканчивается возвращением к животному состоянию, против которого бессознательно «бунтуют» высшие процессы человеческой психики. Политические спекуляции же на расовой неприязни, когда именно биологическое неравенство рас стало под запретом в массовой цивилизации, вероятно, возникло после его культивирования в фашизме. Понятно, что биологическая теория человеческих рас является слишком поверхностной, поскольку подменяет причину — следствием, однако глубина пропасти между животным и разумным в глубинах человеческой души является чувством метафизическим, в основе которого лежит патриархальный принцип сознания. Суть этого бессознательного чувства ускользает в глубины действия расового архетипа, который воздействует на низшие пласты человеческой психики накопленным опытом разумного духа в истории того или иного народа. Только в эпицентре крупного мегаполиса, где животная машина, *quasi homo*, потеряла все признаки разумного существования, отсутствует эта фундаментальная для цивилизации глубиннейшая бессознательная основа границы между животным и разумным движени-

ем души. Но, собственно, и распад цивилизации в силу разрушения этой границы неизбежен, являясь основной причиной ее исчезновения, когда другие причины: наводнения, извержения вулканов, нашествия варваров и тому подобное — всегда вторичны.

В нашем понимании, существует единственная «линейная» перспектива развития мировой цивилизации, которая пронизывает фрагменты образования и гибели локальных цивилизаций — это структурирование мировым разумом своего подобия в человечестве. Очевидно, что «линейность» этой перспективы состоит только в том, что топологические «круги» предшествующего развития человечества являются фракталами темпоральных тензоров опыта предшествующих рас. Другими словами, мировая история — «живая», энергетически «вибрирующая» в подсознании человечества той или иной степенью активностью расовых архетипов, то есть бессознательной способностью различать в человеке животные и разумные движения. Массовая социальная инфраструктура отображает тонкую «пленку» психических реакций, которая существует, в основном, за счет глубокой психической деградации человека, связанной с бессознательной попыткой культовых принципов матриархата — любой ценой заблокировать действие инстинкта смерти в подсознании. В противном случае в душе человека восстанавливается естественная иерархия психических реакций, то есть возвращение его индивидуального разума к тому уровню развития сознания, которое имеет место в действительности. В этой подлинно разумной основе бытия варвар естественным образом является варваром, а торговец — торговцем, не более того, то есть представителями низшей антропологической системы, каковы они были всегда.

Очень многое понять в низшей системе психических реакций бессознательных влечений человека, безусловно, дает теория фрейдизма. Она вскрыла основную функ-

цию социальной жизни в ее подсознательных принципах, а именно — биологизм как культовый принцип сознания матриархата. Основная предпосылка фрейдизма — рассматривать человеческую волю как комплекс влечений, где центральным является сексуальный инстинкт. Так, сведение метафизической реальности лишь к «особым» свойствам психики, которым наделены бессознательные влечения — это, безусловно, очень сильный «ход» матриархального мышления в ликвидации всех признаков патриархальной культуры. В психоаналитической категории «оно» представления о бессознательных влечениях учитывают всю полноту психической энергии, поэтому теоретически учитывают и те разрушительные импульсы бессознательного, которые «социальными» никак не назовешь. Действительно, какой психической социальной реакцией можно интерпретировать бессознательное влечение к смерти человека? Ведь не все люди, осознавая конечность своей индивидуальной жизни, уходят в религиозную реальность сознания, и вообще решают этот вопрос исключительно в традиционном русле религиозной традиции или, в силу отсутствия ничтожного минимума духовного самообладания, бессознательно отключают в себе высшие центры психики под постоянным натиском массовой культуры. Для разумного человека, очевидно, что все институты религии остались в историческом отдалении активности расовых архетипов от исторических процессов настоящего. Другими словами, эти расовые «узлы», конечно, производят слабые возмущения высшей психики, но эти возмущения настолько ничтожны, что практически никак не влияют на неразумную монотонность мощного потока низшей психической жизни человека. Поэтому, если и говорят о цивилизации как о некоем «котле», «переваривающим» все народы мира, то современный «котел» распада цивилизации «переваривает» их как бессмысленный «шлак», то есть как человеческий материал крайне низкого «качества». В метафизи-

ческом смысле, можно сказать, что современные народы мира связывает не разумное начало патриархальных ценностей, а неразумное состояние матриархальной культуры массового общества.

...

В антропологии в понимании метафизики существования человеческой природы, мы следуем за Платоном и Ницше. Нам известна «критика» Ницше Платона, однако наша историческая эпоха в вопросе приоритетов морали очень сближает их позиции. В первую очередь, единая основа метафизических представлений о человеке у Платона и Ницше указывает на иерархическое различие людей в онтологическом смысле, то есть в качестве кардинально различного уровня способностей человека воспринимать одну и ту же реальность. Интересно то, что к онтологическому пониманию неравенства людей от природы Платон и Ницше приходят с совершенно различных позиций. Платон, будучи идеалистом, а Ницше — принципиальным противником всей истории идеализма. Однако оба философа утверждают: люди не просто не равны от природы, но этот принцип неравенства является отображением «извечного» порядка вещей. Правда, доказательства этого положения у них различны. Платон для доказательства приводит способности средств познания, каждый из которых, чувство, рассудок и разум соответствуют психологическим типам людей: торговцам, воинам и философам. Ницше утверждает, что в человеческой природе существует особый тип человека, «высший», который, собственно, и создал мировую цивилизацию, подчинив своей воле более слабые биологические типы людей. Нам близки обе философские позиции, поскольку их объединение выражает подлинное существо вопроса. При этом следует вникнуть в то, что Ницше подразумевал под сверхчеловеком, то есть перевести смысл из системы его эстетических образов в метафизическое содержание топологии разума. В нашем понимании, под сверхчело-

веком Ницше понимал архетип человека высшей расы на протяжении всей мировой истории, стараясь «вырвать» доказательство его существования из опыта всех мировых цивилизаций. Под известным тезисом, что сверхчеловек всегда стоит над человеческой моралью своей эпохи, мы находим утверждение, что все великие исторические события происходят вследствие возникновения рациональных узлов патриархальной культуры, которые «разрывают» матриархальную монотонность жизни. И действительно, процесс возникновения, становления и гибели цивилизаций указывает на ее монотонное развитие, которое периодически «возмущается» войнами, внутренними столкновениями сословий, появлением выдающихся произведений искусства и философской мыслью, которые мало «вписываются» исключительно в торговые интересы государств. Этот процесс «возмущения» и есть процесс активизации высшей психики человека, которое определяет духовное единство высшей расы. Очевидно, что активность экстремума высшей психики человека формирует тензоры сознания, которые трансформируют потоки высшей психики в непосредственный импульс воли. Самое главное, что утверждает Ницше, — процесс этот выходит за пределы человеческого понимания, поскольку человеческий рассудок не в состоянии «владеть» сверхчеловеческой силой. Понятно, впрочем, что человек не может владеть тем, что, одновременно отрицая его биологический инстинкт самосохранения, утверждает жизнь как отображение священного трепета, вызываемого высшей полнотой жизни. Это существование «над» человеческой моралью предполагает господство патриархального духа над матриархальным духом, поскольку во всех своих проявлениях матриархальный дух формируется бессознательным инстинктом самосохранения. Тогда становится понятен идеологический конфликт Ницше с христианством, а именно с идеей равенства всех людей, то есть с отрицанием онтологического принципа их

неравенства от природы. Ведь мораль всеобщего равенства признается в христианстве «божественной», то есть исключает даже намек на онтологическое различие людей, поскольку утверждается, что бог один. Однако одна важнейшая черта религии, в силу которой, собственно, христианство и утвердилось почти на два тысячелетия, ускользает от Ницше. Религия устанавливает это «равенство» в самой идее духа, но не в его реальности. Другими словами, впитав в себя, безусловно, матриархальную психологию позднего иудаизма, христианство сохранило в себе прообраз классической греческой философии, суть которого в наибольшей степени была выражена у Платона. Она состоит в том, что равенство сохраняется только на низшем, матриархальном уровне, то есть на уровне чувственного восприятия, тогда как существо разума онтологически, безусловно, устанавливает суровую границу трансцендентного мира. Но поскольку мысль Ницше движется в русле классической традиции западноевропейской европейской философии, в которой чувственное восприятие является изначальным моментом сознания реальности, а не как у греков — конечным, то критике подвергается, в первую очередь, классический принцип западноевропейской традиции мысли, но никак не греческий, а тем более принцип Платона. Это утверждение состоит в том, что первоначально сознание реальности возникает в чувственном восприятии. У греков было не так. У них было все наоборот, поскольку в противном случае, их цивилизация и не могла бы состояться, поскольку тогда бы в ней отсутствовал патриархальный принцип существования, активизирующий высшее существо человеческой души. Греческая мысль развивалась в сознании эманации многообразия единства материального и духовного, где ни одна сторона не имеет своего преимущества в силу топологического свойства симметрии бытия. Начало бытия, по Платону, есть единое, которое противопоставит множественности своих проявлений. Другими слова-

ми, это идея бытия, в которой множество темпоральных фракталов реальности отображают подобие бытия в сфере многообразия небытия его образов. В этом смысле, перед наивысшим единством бытия последняя иерархическая ступень, разум, в наименьшей степени сохраняет в себе небытие, поскольку оно максимально структурировано темпоральными тензорами сознания.

Момент «беспредпосылочного» принципа бытия (по Шопенгауэру), который он пытался совместить с представлением чистого разума по Канту, как раз и состоял в необходимости рассматривать онтологию времени в качестве топологического первообраза бытия. Здесь Шопенгауэр искал пути преодоления начального эмпирического восприятия в платоновской философии и, собственно, нашел его как единство воли и представления. Действительно, представление, неразрывно связанное с бессознательными движениями воли, существует только в топологическом пространстве онтологии времени, поскольку любое разумное усилие воли указывает на трансцендентную границу пространства реальности, которая у Канта присутствует в априорных образах представления. Но если у Канта эти априорные (чистозумозрительные, то есть трансцендентальные) образы доказываются существованием в математике, то Шопенгауэр идет дальше. Он понимает, что необходимо найти трансцендентные элементы в самой материи, то есть найти ее метафизическую сущность вне всякого теологического обоснования. Эти трансцендентальные элементы суть топологическое «искривление» самого представления под воздействием различных психических реакций, которые связывают в воле противоположность идеального и материального мира. Взаимосвязь между волей и представлением осуществляется не в понятиях или категориях, которые суть только человеческое, а в темпоральных тензорах сознания, то есть в структурировании экстремумов высшей психики, где присутству-

ет разумное существование реальности, выходящее за пределы человеческого.

Как известно, классическая традиция западноевропейской мысли подходит к иерархическому принципу познавательных способностей чувства, рассудка и разума формально, то есть сводит его к научному пониманию. Особенно полно это выразилось в диалектике переходов познавательных способностей у Гегеля. У Платона же, моральное начало существует по крайней мере в трех кастовых слоях реальности государства, то есть замкнутых друг по отношению к другу и взаимодействующих лишь в силу крайней необходимости психологических состояниях человека, соответствующих его виду деятельности. Фактически между кастой философов и кастой торговцев лежит пропасть, которую философ осознает как различный вид «солнца» сознания реальности, освещающий мир изнутри и освещающий мир извне. Освещение мира изнутри происходит настолько мучительно, что скорее это следует полагать процессом жесткой инициации человеческой психики, в которой, как мы полагаем, происходит перелом от животного состояния — к состоянию выявления разумного существа души. Понятно, что этот процесс инициации проходят не все, поскольку только очень немногие способны к рациональной активности душевной жизни. К этому вопросу Платон подходит очень серьезно, требуя отбирать юношей по крайней мере через каждый несколько лет, начиная с 17, чтобы выявлять в них способность к этой инициации, а в перспективе и для государственной власти. Только самые «крепкие», то есть полноценно мыслящие мужчины, способны составлять мыслящее ядро патриархальной культуры, образуя касту философов. Именно это ядро формирует моральные ценности государства. Заметим, что об обществе здесь разговоров мало, в основном мимоходом, поскольку матриархальный момент существования человека Платон учитывает как физиологическую необходимость, не бо-

лее того. Таким образом, безусловное моральное господство касты философов в государстве Платон рассматривает как безусловный — фактически на уровне онтологического существа бытия — принцип сосуществования людей. Конечно, Ницше не предлагает осуществлять такой жесткий «отбор» человеческой элиты для власти, полагая, что его осуществит сама жизнь, однако он прямо указывает, что отбор заложен в самой онтологической природе воли к власти высших ценностей. В этом смысле Ницше следует за др. греческим принципом морали как естественно необходимого неравенства людей, за счет которого, собственно, и реализуется расовое существо человека. Понятно, что в культурах, где господствует разум, места для массового состояния души настолько мало, что философы не ставят задачу его осмыслить, поскольку неразумная природа внутри себя не имеет какой-то иерархии. Другими словами, расовый принцип морального сознания античности и его новейшего аналога, философии Ницше, предполагает, что господство разумного человека заложено в самой природе существования человечества, принципиально отличающего его от животного мира.

...

Почему человечество периодически начинает переживать процесс вырождения? Мы утверждаем, что причины следует искать в глобальном возвращении человечества к бессознательным психическим реакциям матриархата, то есть, в онтологическом смысле, к неразумному образу жизни, который тем не менее в полной мере реализует животный инстинкт самосохранения. А для животного инстинкта самосохранения наиболее целесообразной является психология матриархата, которая категорически неспособна воспринимать разумные движения души, поскольку они взаимосвязаны с бессознательным инстинктом смерти человека. Этот процесс существует за пределами добра и зла, и, тем более, он существует за пределами чьей-то вины, поскольку в самом глубиннейшем

существо бессознательного в человеке заложены матриархальные потребности культуры. При этом, очевидно, что «логика» слабоумия вполне эффективна в варварской культуре и в культуре торговцев, поскольку человек, как животное, также имеет свою «логику» развития, а именно как психологический тип *quasi homo*. Везде существует своя «цена» по отношению к процессу мировой торговли. Цена эта проистекает из индивидуального «вклада» в процесс купли-продажи, как на уровне научных открытий, так на уровне участия в военных операциях. Искусство также стало «бизнесом», когда торговцы «договариваются» между собой или со «специалистами» в области искусства, какое произведение искусство является «выдающимся», а какое — нет. Основная черта такого «искусства»: либо вызывать низменные, желательно физиологические реакции, либо неконтролируемый всплеск эмоций, как у женщины в момент полного отключения ее разума, например, в момент родов, когда происходит ее полное слияние с физиологическим существом души.

С большой долей вероятности известную мысль о «вечном возвращении» Ницше следует понимать в контексте возвращения человека к непосредственному животному состоянию. Метафизика глобального расообразования и состоит в постоянном топологическом балансировании человека между высшими и низшими, как индивидуальными, так и коллективными, психическими импульсами, которые заканчиваются либо возникновением нового расового архетипа, в момент коллективного возмущения инстинкта смерти, либо, наоборот, разрывом этого «узла», связывающего непосредственную жизнь человека с объективным существованием мирового разума. Потоки бессознательных влечений в душе реагируют как на онтологическую сущность времени, а именно в инстинкте смерти, так на полноту феноменов материального мира — в животном инстинкте самосохранения. То, что фрейдизм выделил в единстве животного инстин-

кта самосохранения центральный инстинкт — сексуальный, лишь определяет наивысшую грань природного начала в глубинах человеческой психики, через которую открываются бессознательные движения матриархального пространства культуры.

Топология симметрии бытия и небытия, но не в «чистом» виде, а в качестве определенного «смещения» активности высшей и низшей психики, предполагает, в частности, и акцент ценностей — социальных или государственных в непосредственной жизни человека. Подобная симметрия существует даже в классической философии, например, в акценте моральных ценностей Канта — на социальном существе человека в его индивидуальном стремлении к счастью, а у Гегеля — на его сознании долга перед разумно объективной природой государства. Даже в примитивной орде, например, в большевистской России, культ общества постепенно от веры «пламенных» большевиков ленинского типа смещается при Сталине в сторону культа государственности, то есть зачатков какой-то новой расовой организации человека. Правда, кантовская философия утверждает, что рассудок, безусловно, имеет «доступ» к чистому разуму в априорных созерцаниях, которые указывают на его скрытую природу. «Скрытость» этой природы можно постигнуть в научном знании, то есть предлагается осознать разум не более, чем вещь-в-себе, бесконечным объективным многообразием отображения небытия в бытии. Наука в данном случае выступает познавательной границей между созерцанием разумности бытия и волей, которая остается во власти инстинкта самосохранения, а значит, неспособной действовать объективно разумно. Но в этом случае активность воли остается на стороне матриархальной культуры, которая в своей животной энергичности постепенно ликвидирует все проявления разума в непосредственной жизни человека.

...

В аспекте онтологического принципа неравенства людей от природы, мы должны понимать утверждение Ницше о том, что «спасать» необходимо не люмпен-пролетария, раба и других представителей низших сословий, а человека высшего типа, активность которого стала стремительно исчезать под нарастающим натиском матриархальных принципов существования западноевропейского общества. Поскольку это одна из последних мыслей, собственно говоря, расового морального сознания (аморализма — по Ницше), то мы должны к ней отнестись серьезно. Это серьезно еще и потому, что философия Ницше является последним опытом патриархального духа. Но если «спасение» в духе матриархальной культуры понимается вполне прямолинейно: спасение души — в монотеизме, или спасение униженных и оскорбленных — в гуманизме (что, собственно, является прямой проекцией проблем религиозного сознания), то «спасение» основ рациональной психологии человека является усилием прямо противоположным по своим действиям. Шпенглер, как ученик Ницше в области понимания объективных законов развития мировой истории, полагает, что речь должна идти о новом метафизическом понимании смерти.

Мы должны помнить, что любая подлинная философия — это всегда идея исторической эпохи, к которой она принадлежит. Равно как и отсутствие философии полагает историческое безвременье. Таким образом, европейский нигилизм утверждает, что первоначально рождается хаос разрозненных элементов бытия в «бульоне» небытия, наступающего со стороны матриархальных ценностей (социализма). События французской революции, равно как и активность большевистской орды на территории бывшей Российской империи, показали, что психологические импульсы матриархальной души антагонистичны с ценностями патриархальной жизни.

...

Противопоставление Шпенглером культуры — цивилизации как, соответственно, деревни — городу, имеет место ряд существенных недостатков, которые выражаются в ложном линейном представлении об исторических процессах. По крайней мере, как город, так и деревня имеют различные стадии развития. Кроме того, принципиальным является, и вопрос: что понимать под городом? Какие критерии, помимо развитой технологической инфраструктуры мегаполиса, следует рассматривать? Так, как показал опыт второй половины 20 века, «города», по крайней мере, их так называют, способны возникать в тех местах, где еще несколько десятилетий назад жили племена на достаточно низком уровне развития — мы, имеем ввиду, например, Африку. Для нас очевидным является тот факт, что следует кардинально различать психологию городского жителя, постепенно возникающую из психологии деревенского жителя, от психологии «городской», которая возникает как после заполнения города племенными образованиями людей (история России после 17-го года), так и примеры формирования городов в Африке. Верхушка большевистской орды, как и отдельные вожди банд, постепенно вливавшихся в орду после ее случайного захвата власти, не были патриархальными, то есть расовыми типами людей, на генетическом уровне впитавших в себя дух ее прошлого. Это был в основном примитивный человеческий сброд, который активизируется в период смут за счет определенного всплеска матриархальной психологии масс людей. В первую очередь они были заряжены агрессией животной воли, которая постоянно циркулирует в прарасе и которая принципиально отличается от расы тем, что находится под постоянным ее влиянием, существующей на более высоком уровне развития.

Вообще, когда мы рассуждаем о национальной судьбе русской культуры, мы в первую очередь должны понимать, что она неразрывно взаимосвязана с судьбой прарасы но-

вой цивилизации. В культуре прарасы происходит постоянное балансирование между матриархальной (племенной или массовой) и патриархальной (оседлой или собственно расовой) основами существования. Поэтому теория Гумилева о формировании различных этносов (и суперэтносов), то есть, в нашем понимании, племенной психологии человеческих масс, определяющих матриархальную сущность людей, следует признать справедливой, если мы рассматриваем в прарасе не патриархальное, а массово-племенное начало. Ведь Гумилев прямо указывает на влияние на племенную психологию человека всего многообразия природных процессов и в первую очередь биохимических и биосферных. «Пассионарность» в этом смысле является агрессивным выбросом животной воли человеческих масс, которая, в частности, характеризует и явление большевистской орды в истории России. Основная ее черта — неразумность, поскольку это воля кочевника, а не оседлого человека, ведь пассионарий на генетическом уровне не выносит государственной психологии, то есть основ разумной жизни.

Следует осознать, что прарасовая культура неспособна стать основой новой цивилизации, так как она постоянно «вязнет» в своих племенных «корнях». В России это называется явлением «смуты». Но главной причиной постоянной «второстепенности» прарасовой психологии человека является существование под влиянием более развитой цивилизации. Так протекала история германских племен: первоначально — под влиянием римлян, затем — под влиянием византийцев и арабов. Аналогичным образом протекает развитие психологии прарасы и в России: под влиянием западной, а затем и американской цивилизации. При этом следует заметить, что если влияние западной цивилизации было полноценным, поскольку передавало опыт высших расовых импульсов мировой истории, то влияние американской цивилизации, очевидно, является неполноценным, поскольку буферные цивили-

лизации возникают и развиваются исключительно на антирасовой психологии, а потому не имеют ни подлинного настоящего, ни подлинного будущего. В основе буферной цивилизации существует историческая задача — всеми средствами сохранять осколки великой цивилизации, пытаясь ассимилировать их с процессом формирования нового расового архетипа. Таковы были византийцы, которые, утвердив христианство государственной религией, тем не менее в душе оставались язычниками; и аналогичным образом ведут себя американцы: утверждая веру в научно-технический прогресс, на подсознательном уровне остаются христианами (достаточно вспомнить известную фразу на долларовых купюрах «с нами бог»). Понятно, впрочем, что ни византийцы, ни современные американцы не выражали и не выражают какой-то разумной цели существования мировой цивилизации, оказавшись «зажатыми» между великим будущим и великим прошлым той лихорадочной активностью массовой культуры, которая реализует все что угодно, но только не исторический разум.

Неудачи геополитической истории прарасы в российской цивилизации, когда она накатывалась, как стихийная волна, на различные государства, в том числе и на Европу, следует видеть в отсутствии в ней прочных основ оседлости, поскольку то, что было в ней оседлым, русская патриархальная деревня, с начального момента формирования петровской государственности стало предметом глумления. Так может вести себя только варвар, который стесняется своего расового существа, а фактически — архаичного разума своей души. Агрессивность его скоротечна, подобна женской истерике, однако в войне на смерть ей нет равных, поскольку в схватке на смерть в прарасовом существе человека максимально мобилизуются ресурсы разумной воли, ибо в этот момент его душа компенсирует все время, бессмысленно прожитое в патриархальной культуре.

Основная психологическая черта прарасы — подчинение внешнему влиянию, при условии сохранения внутреннего расового ядра. Такова была тысячелетняя история государства Российского, когда ядро сохранялось в православии и самодержавии. Но объективный процесс расовой катастрофы, который протекает во всей мировой цивилизации в целом, разрушил это ядро, рассеяв сферу его влияния под ударами большевистских орд. Понятно, что подобные события не могли происходить в государстве, где существует какая-то разумная цель существования. Сила ядра прарасовой основы государства всегда является неустойчивой, что выражается во внушаемости подавляющей массы людей. Ведь эти люди не соприкоснулись с рациональными основами культуры, а потому, как женщины, являются в наибольшей степени склонными к массовому гипнозу. Правда, и современные западные европейцы, по-видимому, окончательно деградировав, также представляют собой подобную массу людей, однако последнее следует относить к активному влиянию здесь идеологических ценностей американской цивилизации.

Разрушение расового ядра прарасы характеризуется процессом глобальной перестройки расового архетипа, которая выявляет необходимость связать в единую культуру людей не только в качестве ядра прарасы, но и как собственно расовое. Именно здесь определяется геополитический масштаб новой расы, то есть та историческая идея, на которую опирается ее существование. Понятно, что первоначально после разрушения расового ядра, человек возвращается к состоянию варварства, что и начало происходить с Россией после 17-го года. Однако процесс возвращения к варварству имеет и обратную сторону — становление не просто расового ядра, на которое топологически «накручиваются» племенные инстинкты людей, но и единого расового архетипа, который «натягивает» на себя низшие движения психики. Подобная зачаточ-

фрактальная основа нового существа расы homo sapiens, как мы полагаем, начала свое становление в сталинском режиме, когда произошла попытка реставрации Российской империи на основе новой коммунистической идеологии. Другое дело, что эта идеология — в своем психологическом основании — практически полностью воспроизводила христианскую идею спасения, то есть являлась определенной «мимикрией» ядра прарасы: самодержавия и православия.

Одним из принципиальных моментов развития современной российской цивилизации является вопрос о том, каким образом преодолеть современное варварство, которое тотально доминирует в массовом обществе, никак не выражая существа разумного начала человеческой души? Очевидно, что, взятая за основу государственной власти, либерально-демократическая политическая система, лишь способствует стремительной массовой деградации населения, поскольку эта система довела практически до полного идиотизма сознание современного европейского обывателя. Впрочем, в наши дни, кажется, уже никто из здравомыслящих людей не пытается утверждать, что современное российское общество имеет какое-то отношение к системе либерально-демократических ценностей. Но, с другой стороны, понимать его в соответствии с каким-то другим политическим строем никто не может, поскольку в неразумном сознании глубоко укоренился предрассудок о линейном развитии процессов мировой истории.

Мировая история показывает, что любые Темные Века пресекаются историей Средневековья, кардинальное отличие которых от первых состоит в окончательном оформлении существа новой расовой организации человека. Понятно, что речь здесь не идет о возвращении к феодализму, поскольку каждый новый фрактальный фронт развития топологии мирового разума формирует новые исторические силы. Речь идет о том, чтобы

хотя бы минимально переломить ситуацию сознания небытия, в котором протекает образ жизни человека, к сознанию бытия. Именно здесь мы указываем на историческую реальность существования расы *homo sapiens* как новой всемирно-исторической силы. Другими словами, речь идет не о восстановлении Российской империи, что, собственно, невозможно, поскольку прарасы уже не существует, а об объединении разумных людей, как расового целого, на территории бывшего соц. лагеря. Вероятно, должны возникнуть средневековые государственные образования на территории бывшего соц. лагеря, которые должны быть ориентированы на Россию. Но, понятно, что Россия в ее современном политическом виде может объединить только иллюзию, поскольку история мировой политики показывает, что в ней побеждают лишь те народы, которые утверждают разум в своем непосредственном образе жизни.

Наиболее актуальными темпоральными тензорами сознания формирования фрактальной реальности новой цивилизации являются понятия мирового духа и мирового разума. Очевидно, что это гегелевские понятия, но, мы не находим развитие этих понятий в дальнейшей истории философии. Мы, правда, находим утверждения Маркса, где он «ссылается» в своей теории классовой борьбы на диалектику Гегеля, однако мы уже указали, что Маркс по существу не был философом в классическом понимании этого слова, и даже нашли ему аналог в истории философии Темных Веков Западной Европы — Маймонид. Принципиальным является тот факт, что Гегель заканчивает свою философию истории на «германском мире», который он осознает как дух патриархальной общины. Собственно, Контрреформация в Германии, как мы полагаем, явилась жесткой реакцией патриархального духа на матриархальные настроения в Западной Европе, где искусственные парики, яркие шелковые платья и ленты прямо указывают на начало тотального вырождения ев-

ропейской аристократии. И если варвары в России, особенно не вникая в суть дела, нацепили на себя эти парики и платья как обезьяны, полагая тем самым, что теперь они «причастны» западной культуре, то германская аристократия предпочла двигаться «другим путем», который максимально сдерживал распространение матриархальных импульсов души. Вообще, мы полагаем, что метафизический конфликт между патриархальной и матриархальной психологией противопоставил германский дух процессам распада цивилизации, происходящим в Западной Европе. Понятия мирового духа и мирового разума, очевидно, может существовать только в патриархальной системе ценностей, поскольку матриархальное сознание, ищущее везде и во всем материальную составляющую, исключает их — ведь это то, что не может «производить». Не «производящее» материальных благ начало не обладает «правом» существования в матриархальном сознании, — оно, по словам вождя большевистской орды, Ленина, является «поповщиной».

Рассуждая о фрактальном поле становления новой цивилизации, мы, соотнося ему определенную сущность онтологии времени, осознаем, что в действительности патриархальный дух осуществляет более серьезный тип «производства», чем матриархальный. Суть этого производства состоит в реализации действия духовного опыта всех предшествующих исторических рас в непосредственном фрактальном поле онтологической «волны» действия мирового духа. Другими словами, речь идет о производстве высшей психики человека, вне которой действие разума не существует в человеческой душе. Действие этой фрактальной волны производится напряжением коллективного инстинкта смерти, которое и создает единый топологический «узел» расы. Когда мы рассуждаем о кардинальном различии между расовым и массовым образом жизни человека, то должны заметить, что расовый образ жизни характеризуется необходимым аскетиз-

мом, который определяет акцент на производстве высшей психической энергии души и который стремится минимально соприкоснуться с материей реальности.

То, что характеризует современные политические события в России, мы определяем как попытку возвращения назад, как в русской культуре — к ценностям сознания прарасы, так и народов, входивших в состав бывшего соц. лагеря. Очевидно, что попытка эта будет безрезультатной, поскольку нельзя почерпнуть идеологические начала в культуре, которая строилась на подражательном принципе развития. Тем более разрушительной для расового существа человека является существование под влиянием американской культуры, которая, получила роль политического лидера именно за счет своей исключительно антирасовой, то есть неразумной организации. Понятно, что эта организация культивирует племенные принципы жизни в своих сателлитах, поскольку только массово-племенное сознание способно поддерживать охлократические ценности современной либерально-демократической политической системы. Что толку, что в массовом обществе социальные институты «плодятся» как «грибы» — они ничего не производят разумного, а значит, их деятельность направлена только на одно — на сохранение человека как биологического вида, не более того. Понятно, что функционирование этих социальных институтов воспитывает человека крайне низкого качества, сознание которого развито только на уровне матриархальных ценностей инстинкта выживания. Разговоры в этих институтах напоминают нам «щебетание» неразумных птиц в темном лесу Темных Веков нашего времени.

В метафизике симметрии бытия и небытия, топология разума отображает меру напряжения участия как отдельной воли человека, так и единой расовой воли в утверждении разумных начал жизни. При этом «культовая» забота о «хлебе насущном», которым так обеспокоена массовая идеология, в действительности выражает лишь слабость

человеческого духа. Мы вообще полагаем, что французская революция выражала в первую очередь слабость человеческого духа. То, что европейская аристократия была политически сломлена восстанием рабских масс, говорит лишь о завершении определенного развития разумного духа аристократических ценностей, но не о слабости самого олигархически политического аристократического строя. Понятно также, что сознание пролетария и буржуа «по-своему» понимает разум в истории, когда система производства постепенно стала ассоциироваться с единственным «содержанием» разума, то есть фактически с развитием истории человечества в силу его «нужды». Именно в психологии пролетария и буржуа следует искать подсознательные основы современной массовой цивилизации, которая характеризует самые низменные, животные его основы. Понятно, впрочем, что помимо этой самой примитивной природы человека, существует и многообразие другой человеческой природы. Мы даже не рассматриваем исторические личности, создавшие великие произведения искусства и философии — в прошлом, а просто самых обычных, честных людей, которые оказались как бы «нереальными» в этом тотальном океане человеческой низости и подлости.

Можно сказать, что, пройдя определенный путь своего развития, цивилизация заканчивает его тем, с чего начинала, а именно, животным инстинктом самосохранения человека, то есть потерей человеком разума. Все научные технологии, впрочем, в цивилизации сохраняются, однако между инженерными технологиями, которые, например, использовали римляне, и наукой — у истоков которой стояли греки, существует бесконечная пропасть, которая присутствует между содержательной глубокой мыслью разума и поверхностным рассудком. Однако, поскольку сознание «домохозяйки», доминирующей в массовой цивилизации, полностью неразумно, то пропасти этой незаметно. Зато всегда заметен технологический

прогресс, который действительно развивается прямолинейно. Таким образом, не развитие науки, которая теряет свой метафизический фундамент в период расовой катастрофы, а развитие инженерных технологий, которые, отображают психологию исключительно чувственного восприятия, выражает линейное развитие мировой истории в ее массовом, то есть матриархально бессознательном существовании.

Мы полагаем, что утрата метафизического основания разума в культуре происходит в момент «сгорания» высшей психической энергии расы. Именно так, вероятно, следует понимать начало бытия как огня по Гераклиту. То, что огонь есть начало материи — это только одна сторона понимания бытия в философии Гераклита, поскольку только в метафизическом понимании огня как «горение» и «сгорание» бессознательного инстинкта смерти воли человека в расовой культуре можно понять его утверждение о периодичности «мировых пожаров», уничтожающих человечество. Это представление о «конце света», очевидно, не имеет ничего общего ни с физическим концом человечества, которое существует в религиозных представлениях, ни с представлением, которое культивируется в современных научных представлениях, когда оно ассоциируется с какими-то катастрофическими событиями: ядерной войной или природным катаклизмом. В обоих случаях имеет место страх смерти, который характеризует психологическую сущность матриархата. Особенность этого психологического страха смерти состоит в какой-то детской наивности (инфантилизме), накладывающейся на бесконечную усталость от жизни. Это подсознательное чувство бесконечной усталости от жизни в христианской религии очень точно подметил Ницше. И эту смертельную усталость от жизни мы обнаруживаем в современной массовой цивилизации мегаполиса, когда человек устает именно от жизненной полноты, которая требует от него подлинного мужества духа. Единственное

преодоление этой усталости технократическая цивилизация предлагает в монотонном труде, физическом или интеллектуальном, который окончательно «добивает» всякие проблески разума в человеческой душе.

Первое, что должен научиться осознать разум в Темные Века — это непосредственность существования образа жизни человека в примитивной племенной среде. Заметим, что задача это непростая, поскольку бурный рост научных технологий стремится доказать обратное, а именно, что человек существует на «вершине» развития цивилизации. Поверить в подобный факт не составляет труда, когда сознание целиком и полностью воспитано матриархальным чувством «свободы», которое характеризуется поверхностным рассудком, легко и свободно скользящим в многообразии «посиделок» социальных институтов, где кумушки мужского и женского рода «обсуждают» мировые проблемы. Проблемы этого матриархального сознания известны: торговля, биологическое выживание человечества и так далее и тому подобное, то есть все многообразие проблем, существующих за пределами разума. Поэтому разумный человек, попавший в этот «зоосад» массового общества, первое, что испытывает — это ощущение себя за пределами процессов мировой истории, поскольку великие идеи прошлого никак не «вяжутся» с ничтожеством настоящего.

То, что должен противопоставить разум этому всеобщему безумию в массовом обществе — это наличие нравственного долга перед существованием будущего цивилизации. Однако этот нравственный долг не может пролегать в матриархальных ценностях прошлого, которые, собственно, и ликвидировали в настоящем присутствие человеческого разума. Человек должен научиться помнить о смерти в контексте действия воли, которая не касается этого мирового «болота» охлократических ценностей современного матриархального сознания. Политическая охлократия всегда характеризует окончание раз-

вития цивилизации, поскольку только такая модель способна вызвать «понимание» у многочисленных и разношерстных варваров всего мира.

Создание кастового принципа власти, являющегося единственной альтернативой тотальной охлократии в период распада цивилизации, есть необходимость развития абсолютного духа мировой истории, то есть перехода фрактального поля становления нового расового архетипа из подсознательных процессов в политическую реальность. Эта необходимость проистекает, как естественная потребность человека не быть животным, когда вся мировая массовая инфраструктура стремится его таковым сделать. При этом, очевидно, что возникновение кастового принципа власти полярнопротивоположно (метафизическисимметрично) возникновению социальных массовых институтов, поскольку в нем мораль имеет не матриархальный, а патриархальный принцип существования. Патриархальная мораль всегда характеризуется сохранением в своем подсознании опыта развития всех предшествующих рас, то есть ее цель — поддерживать действия человека как разумного существа. Именно поэтому возвратиться назад к опыту прарасовой интеллектуальной российской культуры в России невозможно, поскольку набор ее идей имеет матриархальный, а не патриархальный принцип существования. Даже в единстве воли прарасы российская государственность была раздавлена как «таракан» в 17-ом году, — что тогда говорить о современном ее положении, когда в ней доминируют варвары, чья генеалогия проистекает не из расового ядра, а из непосредственности племенных инстинктов.

Возникновение кастового принципа власти есть в первую очередь прерогатива человека как разумного духа. Сознание реальности выводится в нем не из эмпирического восприятия, на котором построена вся социальная инфраструктура массовой цивилизации, а из позиций духа европейского нигилизма, суть которого сводится к

зачаточной психологии новой мировой патриархальной психологии человека. Эта каста не может касаться современных социальных институтов, разум в которых отсутствует, то есть институтов массового общества.

Даже на уровне здравого рассудка очевидно, что человек с физиономией варвара не может иметь отношения к системе либеральных ценностей по существу, поскольку эта политическая система определяет конец рационального проекта развития западноевропейской цивилизации. Более того, человек с физиономией варвара не может иметь отношения даже к средневековой системе ценностей цивилизации, поскольку в ней существует определенный моральный договор, хотя и разум присутствует здесь на зачаточном уровне. Варвар Темных Веков — это адекватная оценка вождя, который активен в системе массового производства, поскольку вождь есть чисто племенное существо, которое, напрягая свою животную волю, сохраняет биологическое целое, лишённое какого-то разумного смысла существования. Такая современная историческая реальность России, и о ней не стоит забывать, если человек все-таки видит впереди какие-то новые разумные горизонты существования государственности. Но вождь — это низшее антропологическое существо с точки зрения политических законов мировой истории, которое существует за пределами мирового разума, то есть в Темных Веках. Задачей исторического разума является отделить политическую власть от власти варварских вождей, которые доминируют в современной России. В этом и должен состоять политический инструмент касты, который предназначен для формирования са크рального пространства исторического разума.

В средневековой Европе кастовым институтом власти были рыцарские ордена, которые стремились «очистить» пространство зачаточных институтов государственности от тотальной власти варварских вождей Темных Веков. В них зародилось и утвердилось понятие о чести и долге,

которое не могло существовать в тотальной психологии матриархата, доминировавшей в западной Европе после катастрофы прарасовых ценностей сознания. Кастовый принцип рыцарских орденов, вероятно, сложился под влиянием военной организации арабской армии, то есть, помимо развития чисто военных технологий угасающей арабской цивилизации, впитывал в себя передний фронт фрактальной волны метафизики глобального расообразования, который протекает в местах наивысшего возмущения высшей психической энергии человека, например, в войнах. Собственно, «эстафета» абсолютного духа мировой истории передается в местах максимального возмущения высшей психической энергии человечества. Но современное научное представление о развитии цивилизации, наоборот, утверждает, что человек развивался в силу нужды повседневности бытовых задач своей жизни, тем самым демонстрируя сознание «домохозяйки» от науки.

В нашем понимании, представления об истории возникновения мира и человека кардинально меняются в различных культурах и цивилизациях, тем самым меняя и представления современной науки. В современной науке получили тотальное распространение мифы эмпиризма, которые утверждают, что не существует ничего в сознании, что первоначально не было бы в наших непосредственных чувствах. Но дело в том, что и инстинкт смерти также непосредственен, как и все другие восприятия человека, однако полагать его какой-то областью чувственного восприятия не представляется возможным. А это не только непосредственность, но и определенная система импульсов воли, которая действует в трансцендентном сознании наличия человека.

...

Одной из центральных идей нашей философии является утверждение, что раса *homo sapiens* еще не сформировалась в мировой цивилизации как разумная действительность господствующих позиций воли. Здесь следу-

ет вспомнить, что Гегель останавливается на германском мире как на последнем оплоте патриархального духа Западной Европы. Но после поражения во второй мировой войне этот дух был сломлен, что и повлекло потерю всякого разумного существования Западной Европы. Матриархальный же дух, суть которого состоит в культе материального производства, способен лишь к культивированию биологического выживания человека, которое и демонстрирует псевдо интеллектуальная среда.

Проблема состоит в том, что по отношению к разуму лучше было бы, чтобы этой массовой социальной инфраструктуры со всеми этими торговцами и варварами не существовало бы на земле, но они присутствуют в цивилизации, и с этим необходимо считаться. Но с этим необходимо считаться неразумной природе, которая аналогичным образом считается с присутствием в себе всего многообразия различных тварей, — но не нам. Существо же цивилизации, когда в нем побеждают варвары и торговцы, отображает бессмысленное функционирование низшей человеческой природы, которое характеризует жизнь мегаполиса как «раковую опухоль» мировой истории, вызывающей ощущение ее «конца». Очевидно, что варвар вообще не знаком с объективным существом разума, а торговец «забыл» о его существовании и не способен вспомнить о нем больше никогда. Но оба эти глобально-массовых типа *quasi homo*, функционирующих и доминирующих в массовой системе технократической цивилизации, должны получить «прививку» разума, ибо, в противном случае исчезнет сам разум, который эти варвары и торговцы ликвидировали в своей социальной инфраструктуре. «Ликвидация» этих типов *quasi homo* не может быть физической, поскольку тогда необходимо было бы «ликвидировать» 99% населения земного шара, что, собственно, является целью, выходящей за пределы разума.

Как известно, топология мировой истории западно-европейской цивилизации, по Шпенглеру, заканчивает-

ся бессмысленно-бездушной жизнью мегаполиса. Но в действительности эта «душа» мегаполиса достаточно активна. Правда, активность ее в полной мере проявляется в матриархальных инстинктах, когда истерия и неврастения становятся непосредственным образом жизни, как отдельного массового человека, так и всего массового общества в целом. Причины этой психопатии, исключая разум, состоят в максимальной несбалансированности психической жизни массового человека, когда он вынужден постоянно эксплуатировать психическую энергию, в которой отсутствуют разумные движения души. Эта активная доминанта низшей психической энергии, в которой действует инстинкт биологического выживания, и является главной, в нашем понимании, причиной вырождения человека в массовой цивилизации. Ведь в человеке бессознательно со стороны разума заложены механизмы биологической самоликвидации, если он не мыслит, что и отличает его от животного, для которого бессмыслие есть условие его биологического существования. Можно сказать, что это неприродное в природном, дух, уничтожает биологическую конституцию, которая не реализует свою внутреннюю задачу, суть которой в человеке состоит в действии разума в его душе. Проблема состоит в том, что самоликвидация социальной инфраструктуры массового общества, как неразумного образа жизни человека по отношению к объективной природе разума, может произойти быстрее, чем к власти в мире придут разумные силы. Фатального в этом ничего нет. Исчезновение человечества как биологического вида, которым так пугают в своих «концах света» многочисленные мировые религии, не отрицает существование мирового разума и мирового духа, поскольку смертность человека естественна так же, как естественно существование его индивидуально-духа. Другое дело, что все высшие культуры, возникающие в мировой истории развития цивилизации, глубоко индивидуально воспринимают сознание смерти.

Когда мы анализируем современную культуру, доминирующую в России, то в первую очередь нас интересует несломленный дух, который господствует здесь на «заднем» плане всего многообразия социального варварства. Собственно, от его имени мы и выступаем. При этом именно сознание несломленного духа является самым значительным явлением с точки зрения метафизики топологии мирового разума, которое отличает российскую реальность от ситуации катастрофического ослабления позиций мирового духа во всем мире. Заметим, что этот несломленный дух имеет мало отношения к традиционным основам христианской религии, хотя, конечно, имеет с ней внутреннюю взаимосвязь, поскольку история мирового духа едина. Особенность этого духа состоит в том, что он разумен, и, в нашем понимании, это и есть дух расы *homo sapiens*. Мы это связываем с тем, что в истории российской цивилизации «резервуары» высшей психики человека использовались по минимуму, поскольку вся социальная инфраструктура, начиная с реформаторской деятельности Петра I, как варварская, использовала начала в большей степени животного существа воли. Такова вообще воля прарасы, в которой преобладают племенные, а не разумные психологические импульсы.

Таким образом, задачей разума на постсоветском пространстве является активизация расовых начал человеческой психики, которые крайне пассивны. В этом смысле попытка вернуться назад, в прошлые ценности прарасового сознания, исторически является неразумной, поскольку разрушение расового ядра в процессе расовой катастрофы является процессом исторически необходимым. Оно выражает глобальную перестройку расового архетипа, которая сопровождается временной политической победой неразумных сил, подобных большевистской орде. Варвары разливаются потоком неразумной природы, проникая в ядро прарасы (генетически смешиваясь), вследствие чего возникает минимальное «проникнове-

ние» чисто расовых импульсов из ядра в непосредственную реальность. Так мы понимаем процесс переплавки большевистских банд при сталинском режиме в нечто минимально пригодное для государственной жизни. Понятно, что после распада СССР эти племенные кланы «расползлись», как варвары Темных Веков, по всей территории бывшего соц. лагеря, присвоив себе собственность и власть.

Повторим еще раз нашу объективную разумную позицию: первоначально, в Темные Века необходимо отделение расово полноценной среды от среды варваров, то есть племенной среды, в которой доминируют вожди, а не люди. Полноценно расовая среда — это среда, в которой субъективный разум, воздействуя на бессознательно-волевые основы сознания, определяет объективно-рациональный проект развития мировой цивилизации. Это отделение может происходить только в кастовой системе, в которой психические импульсы массового сознания матриархата «гаснут». При этом, менее всего в понимании касты мы имеем ввиду какие-то ее архаичные аналоги, существовавшие в прошлом, поскольку даже указание на рыцарские ордена, как на подобного рода кастовый опыт, следует все-таки рассматривать в контексте возникновения в свою историческую эпоху. Каста, как психологическое пространство, где господствует новизна индивидуального сознания смерти, предполагает, что бытие начинает медленно «затягивать» в себя небытие, топологически-симметрично отображая его в качестве «выдавливания» жесткой последовательности чувственных ассоциаций. Именно в этом восприятии начинают работать эстетически-рациональные тензоры симметрии бытия и небытия. Другими словами, сущность симметрии взаимно обратного отображения бытия и небытия состоит в том, что эстетически-рациональные тензоры сознания «очищают» непосредственные психические реакции человека от соматических импульсов, давая

возможность сформироваться непосредственности рационального мышления.

Взаимосвязь между эстетическим созерцанием сознания и рациональным мышлением осуществляется темпоральными тензорами, которые формируют фактальный фронт прошлого и будущего мировой истории. Материя здесь сведена до минимума, поскольку сознание «фокусирует» реальность исторического события в качестве горизонта сакральной сущности времени. Мы, в принципе, не можем здесь рассуждать: о боге, божественном, богах и других традиционно религиозных представлениях. Сверхчеловеческое присутствует в потоке мировой воли, поэтому не может противопоставить человека этому потоку, когда воля к власти и состоит в постоянной интервенции разума из области трансцендентного мира в область непосредственного чувственного восприятия. Но фрейдизм, наоборот, «помещает» все то, что выходит за пределы человека в человеческом — в глубины бессознательного, тем самым указывая на ядро матриархального подсознания веры, и, в частности, на психологические основы эмпиризма. Это животная воля, которая максимально активна как в психологии семейных отношений, так и в сфере производства. Таким образом, и матриархальное существо воли к власти состоит в усилии небытия в том, чтобы удержать свои позиции в различных бессознательных комплексах, которые — суть коммуникационные механизмы взаимодействия культуры матриархата. Если эти матриархальные комплексы существовали в традиционных религиозных представлениях как основа морального существования человека, то Ницше, в нашем понимании, подверг критике именно эту животную энергичность человеческой воли, которая обладает достаточной рефлексией для научно-прикладных задач, к которым, в частности, относится и учение фрейдизма, и коммунизм.

Таким образом, Ницше является прямым продолжателем идей патриархального духа Гегеля в области развития моральных представлений, когда противопоставляет матриархальной психологии позднего христианства идею господства высшей расы, действие которой должно выходить за пределы всего морального опыта человечества. С точки зрения исторической необходимости, позиции Ницше, безусловно, разумны, за исключением того, что его критика по отношению к христианству все-таки справедлива по отношению только к его позднему периоду. Но в поздний период своего существования, когда расовое «топливо» исторического проекта развития цивилизации сожжено, какой смысл теребить за хвост полудохлого льва? Не лучше ли показать нового льва в его реальной силе? В этом смысле Ницше очень точно определяет начальную позицию нового расового сознания, когда после эволюционно-психологического состояния человека в качестве «верблюда» и «льва», указывает на сознание «дитя». Заметим, что и христианская мораль учит о детской наивности человека как о состоянии подлинного блаженства познания бога. Фрейд, проанализировав это состояние детской наивности позднего христианства, пришел к известным выводам о сущности инфантилизма массового бессознательного, то есть психологии человека, в которой матриархальное подсознание «влечет» его к той или иной реализации социальной цели. Другими словами, матриархальная психология сознания человека также естественна для него, как и патриархальная психология, и вопрос состоит лишь в том, какие подсознательные импульсы души: высшие или низшие доминируют в ней. Если доминируют матриархальные начала души, то человек легко структурируется в современную массовую цивилизацию, поскольку, не обладая разумом, вполне довольствуется восприятием небытия. В его душе просто не существует возможности альтернативы, которая присутствует только при условии хотя бы мини-

мальной активности высшей психики. Наивность же человека указывает на то, что, возвратившись полностью к своей непосредственности души, он может выбрать два полярно-противоположных вида ценностей, низших, обусловленных матриархальной психологией массового общества и высших, которые, безусловно, существовали в прошлом, но в настоящем все их действительные цели разгромлены. По-разному реагирует на подобный инфантилизм массовое и расовое бессознательное. Если человек матриархальной психологии постоянно иронизирует по поводу всего, что указывает на суровость присутствия патриархального духа, поскольку чисто психологически не способен реагировать на что-то разумное, то патриархальное бессознательное, наоборот, вообще не реагирует на матриархальную культуру, поскольку в онтологии бытия она, безусловно, существует на более низком иерархическом уровне. Именно поэтому французские коммунары и вожди большевистской орды в первую очередь после ликвидации высших сословий, стремились ликвидировать патриархальную основу крестьянства. То, что это им удалось, можно наблюдать в современной европейской цивилизации и в среде варваров, которые ей подражают, когда сознание массового идиотизма стало нормой в системе массовых ценностей.

Очевидно, что феномен формирования новой расы *homo sapiens* предполагает, что человек здесь существует в совершенно новом психологическом пространстве, в первую очередь характеризующегося новым пониманием сознания смерти. Это новое понимание является прямой проекцией становления расового архетипа, то есть взаимосвязью бессознательного потока высшей психики и сознанием, которое существует в темпоральных тензорах. Тензор, фактически взаимосвязывая импульсы высшей психики расового бессознательного и непосредственность сознания во фрактальном поле онтологической «волны» времени, образует топологический «узел»

пространства сознания реальности исторического события. Очевидно, что по отношению к сознанию реальности высшей культуры, современная массовая культура является сознанием небытия, поскольку в массовой культуре расовая сущность человека исключается. Впрочем, архаика расового духа здесь допускается, но только в качестве того минимума, который практически никак не влияет ни на политику, ни на стратегию развития мировой цивилизации. С этой архаикой духа вынужденно считается матриархальное сознание, как и патриархальное сознание считалось с матриархальной психологией в период существования полноценной культуры. Так, человек не может отказаться от двойственного начала своего существования, однако выбор приоритетов его реализации различен. Он различен как в силу доминирующих ценностей определенной исторической эпохи, так и в силу его собственных свойств природы.

Легко заметить, что «критика» массовых ценностей внутри самой социальной псевдо интеллектуальной среды «допускает» любые подходы, за исключением понимания того, что эта социально-политическая система современного мегаполиса по самой своей сути враждебна разуму. Но если подобная ситуация сложилась как историческая необходимость внутри западноевропейской цивилизации, когда на нее указывали последние крупнейшие мыслители, то варвары в силу своей неполноценности, вообще не способны к критическому подходу в понимании политической реальности, поскольку в их душе не действует разум, ибо их расовое существо полностью пассивно. Но мы не относимся к этой варварской племенной среде, лишенной разума. Мы относимся к осколкам прарасы, которые, «оторвавшись» от своего племенного основания, должны объединиться в русле исторической необходимости. Объединение это предполагает новое понимание существа реальности расы *homo sapiens*, то есть переосмысление ее не биологического, а трансцендент-

ного начала в бытии. Этим началом является возникшее три столетия назад новое понимание сознания смерти человека, которое, в наибольшей своей степени, отразилось в классической западноевропейской музыке. Именно в ней мы находим онтологическое существо времени, в котором зародился и утвердился дух *homo sapiens*. Представления же о человеко-обезьяне, которая эволюционным путем стала «человеком», годятся только для матриархального сознания, ибо оно не имеет разума, поскольку это состояние «сна» высшей психической энергии, в котором человек пребывает, если его душа не подверглась инициации разумного духа мировой истории.

Первое, что характеризует понимание существа расы *homo sapiens* — это действие разумного духа, который принципиально отличает ее реальность от всего многообразия иного духовного опыта человечества. Мы полагаем, что и монотеистические религии, и древние политеистические религии, и различные племенные культы, существующие и существовавшие в мировой истории — суть «узлы» расовых архетипов, в которых человеческое существо отделялось от животного начала. Но разум, как иерархически высший уровень познавательных способностей человека, очевидно, имеет иную, чем система сложившихся религиозных стереотипов, основу, поскольку не способен существовать в обыденных представлениях людей. Однако такое сакральное начало, которое, постоянно присутствуя в душе, тем не менее одновременно ускользает от схематизма рассудка, и есть онтологический принцип времени. Действительно, какая бы мысль, в том числе и о существовании бога не возникла в рассудке человека, время «убивает» ее, поскольку абстрактная мысль не способна существовать в отсутствии постоянного разрыва непосредственности чувственных ассоциаций, в которых протекает поток высшей психики человека. Именно поэтому мы и рассуждаем в пределах темпоральных тензоров сознания фрактального поля сакраль-

ного существа истории разумного духа, что ни понимание, ни представление не дают его полной картины. Речь должна идти об определенном «срезе» потока трансцендентной реальности эстетически-рациональными тензорами, которые «взрывают» восприятие небытия.

Фрактал действия разумной воли предполагает, что мировая история свершается здесь и теперь. Но дух — всегда бессознателен, тогда как разум всегда осознает определенную цель существования человека в мировой истории. И если духовная сила прарасового прошлого русской нации не вызывает сомнений, то что является собственно целью существования высшей расы, то есть расы *homo sapiens*? Очевидно, что это не биологическое выживание, в котором нас пытается убедить эмпиризм. Биологическое выживание — это цель существования человека низшего типа, который ни на что другое не способен, как только заниматься своей профессией и семейной жизнью. Этим занимаются человеческие массы и, по-видимому, «мешать» им в этом не нужно. И здесь мы должны «сломать» систему ложных стереотипов, возникших вследствие доминирования матриархального сознания, что патриархальное общество всегда является «отсталым и технологически неразвитым». Такое утверждение справедливо только в линейных представлениях об исторических процессах. Но подлинное, топологическое существо мировой истории, отображая историю развития разумного духа человечества, указывает на гибель и рождение цивилизаций в соответствии с периодичностью доминирования как матриархального, так и патриархального образа жизни человека. Так, начало каждой новой цивилизации, формируется первоначально в матриархальном прарасовом сознании, когда разрушение его ценностей в конечном счете приводит к возвращению к варварству и непосредственности племенных инстинктов. Топологическая реконструкция фракталов расовых архетипов мировой истории указывает нам на взаимосвязь истори-

ческих событий, протекающих в истории древних франков, когда они подверглись нашествию орд гуннов, и новейшей российской истории, когда Российская империя рухнула под ударами большевистской орды. В обоих случаях имеет место прарасовая культура: франков и русских и агрессия орд, лишенных разума, но ищущих наживы — гуннов и большевиков. При этом пусть слабоумная матриархальная среда интеллектуалов «находит» в большевистской орде какие-то «цели», «задачи», видит в них какие-то исторические «личности». Мы видим в них обычный человеческий сброд, крайне низкого расового качества, который годен только на то, чтобы объединиться в банды и разрушить минимальные (то есть архаично-расовые) основы государственности. В конечном счете, как полудикие гунны похоронили своего вождя Атиллу в золотом гробу с великими почестями, как и большевики похоронили своего вождя Ленина аналогичным образом. Варварский дух войны в обоих случаях был «освещен» таинством безумия матриархального духа, ненавидящего всякие признаки государственности, то есть разумный опыт мировой цивилизации.

И здесь мы должны проанализировать утверждение Шпенглера о том, что русская история никогда не имела подлинного крестьянского сословия, то есть фактически расового слоя нации. Так, патриархальная община формируется самостоятельной расовой психологией человека, которая и есть подлинная судьба цивилизации, к которой принадлежит человек. При этом расовая психология, в нашем понимании существа абсолютного духа мировой истории, формирует такие расовые архетипы узлов, в которых патриархальная психология структурируется в качестве циркуляции трансцендентного потока высшей психики, то есть возникает коммуникационная система, где матриархальное сознание оказывается вторичным перед задачами патриархального духа. Например, принципиальный перелом от нашествия древних фран-

ков на арабов до эпохи средневековья, то есть до формирования кастовых союзов, является отсутствие существования какой-то исторической разумной цели существования этих племен — в эпоху Темных Веков, с одной стороны, и появление таковой — защита гроба господня в Средневековье. Здесь обозначена психологическая пропасть: между откровенными варварами и зачатками человеческой психологии, то есть активностью объективного разума понимания реальности, когда именно в этот исторический период сложились европейские нации, то есть возник путь высшей расы, которая закончила свое существование после второй мировой войны. Для нас же принципиально здесь понять, что процесс отделения человеческой (то есть разумной) психологии от варварской души совпал с возникновением рыцарских орденов, которые исповедовали патриархальные представления о долге и чести. Понятно также, что варварские вожди в полной мере реализовывали представления о «свободе» в тех варварских государствах, где они почти беспрепятственно дегенерировали в силу отсутствия влияния каких-то разумных начал жизни.

...

Когда мы знакомимся с социалистическими учениями прошлого, то легко замечаем, что государство в них определено как институт «насилия». Причины здесь лежат на поверхности: матриархальное сознание, начинающее свой бунт против всех разумных устоев патриархальной жизни, требует установить культ «свободы», который бы не требовал от человека сакрального представления о долге. Долг здесь допускается только как условие купли-продажи, то есть перенесен в систему низших ценностей в качестве делового «соглашения». Понятно, что для торгаша, который доминирует в социально-политической системе западноевропейской цивилизации, это также естественно, как и для варвара на постсоветском пространстве. Главное, что

сознание долга переведено из системы разумных человеческих взаимоотношений в область взаимоотношений «торговли».

...

Современный процесс становления духа патриархальной психологии в стратегии развития цивилизации состоит в совершенно новой, психологически, системе ценностей, чем матриархальная система ценностей массового общества. Правда, «новизна» ее относительна в том смысле, что иерархия онтологической природы бытия выстраивается каждый раз по-новому в патриархальной общине у различных народов. Но главным является один признак — доминирование сущности объективного рационального мышления, которая соответствует узлу расового архетипа, отображающего культуру сознания смерти. Таким образом, формирование патриархальной общины есть первичный признак формирования зачаточных основ новой цивилизации, после которых эта территория становится причастной судьбе мирового духа. Следовательно, критика «отсталости» патриархальной общины справедлива только по отношению к патриархальному быту, чьи научные технологии существовали по крайней мере около тысячелетия назад. В топологическом понимании процессов мировой истории, критика по отношению к новой патриархальной общине не имеет смысла, поскольку суть новой патриархальной общины формируется кастой, в которой существует процесс формирования новой стратегической задачи разума. Именно о кастовом существе новой патриархальной общины мы и рассуждаем в перспективе становления новой мировой цивилизации.

Когда мы рассуждаем о патриархальном духе касты, то предполагаем, что массовое общество как система по производству *quasi homo* должна быть «похоронена», поскольку в противном случае будет «похоронен» человеческий разум. При этом наилучшие возможности для формирования патриархального духа расы *homo sapiens* су-

ществуют в России, поскольку технологические мощности здесь невелики в силу глубокого сопротивления метафизического процесса глобального расообразования, препятствующего интенсивному производительному труду, например, такому, как в Китае, где матриархальная психология всегда доминировала в государстве. Так, не сложно понять, что чем более интенсивен производительный труд, тем менее устойчива патриархальная основа психологии человека, поскольку глубокая мысль не терпит суеты. Ведь только на основе глубокомысленного мышления способны развиваться: наука, искусство и философия, которые являются исключительно явлением патриархальной психологии человека, то есть психологии, в которой существует разумное понимание реальности. Именно в силу этого в массовой цивилизации практически исчезла философия и искусство, которые не могут существовать в непосредственных повседневных потребностях торговцев и варваров.

Таким образом, целью формирования патриархальной общины на территории бывшей Российской империи является восстановление господствующих позиций разума в непосредственности человеческой жизни, присутствие которого практически исчезло в начале 21 века в мировой цивилизации. Эта историческая необходимость существует как очевидный факт распада прарасы новой цивилизации, который закончился распространением на ее территории варварских племенных вождей, с одной стороны, и исчезновение высшей расы — в западноевропейской цивилизации, с другой. Но понимание подобной необходимости проистекает из осознания топологии метафизической природы исторического разума, которая проявляется в ней различными фрактальными полями онтологической природы времени. Подобные поля имеют трансцендентную природу нового расового архетипа человека, то есть возникают из области, выходящей за пределы человеческого опыта.

В возникновении касты, которая так или иначе закладывает фундамент новой патриархальной культуры мировой цивилизации, всегда действует фрактальная система мирового разума, то есть область самоподобия расовых «узлов», где «стягивается» топология предшествующих достижений исторического разума. Заметим главное, что эти достижения никогда не имеют той последовательности линейного развития, которая характеризует как представления монотеистических религий, так и представления научно-технического мышления. В процессе формирования патриархального общества всегда существует «разрыв», характеризующий множество факторов. Во-первых, этот «разрыв» определяется отображением взаимосвязи элементов бытия эстетического созерцания в области разрыва непосредственных чувственных ассоциаций; во-вторых, «разрыв» выражает окончание проекта доминирования матриархальной психологии человека. Фактически, сворачивание матриархальной психологии симметрично предполагает начало формирования проекта доминанты патриархальной культуры. При этом сознание, зависящее от монотонности линейных представлений, неспособно воспринимать экстремальные состояния высшей психики, поскольку эти состояния структурируются из квантов онтологических тензоров времени. Вообще говоря, в этот момент матриархальное сознание «сворачивается», то есть теряет свою бессознательную активность всеобъемлющего влияния инстинкта самосохранения. Это обусловлено тем, что бессознательная животная энергия души «сжигается» в глубинах психики тогда, когда начинают действовать высшие психические центры, поскольку циркуляция психической энергии матриархата определена земными, то есть минимально энергетическими затратами.

Когда животное начало бессознательных движений психики «иссушается» интенсивным воздействием высших психических центров, сознание, собственно, теря-

ет взаимосвязь с потоком линейных ассоциаций восприятия, вследствие чего моменты темпорального мышления становятся единственным основанием расовой морали. Только так мы можем понять природу развития высших ценностей в их внутренней взаимосвязи, начиная от опыта древнейших цивилизаций — до нашего времени. В противном случае внутренняя взаимосвязь мировых исторических событий становится лишенной внутренней логики развития разумного духа, который формируется полноценными началами человеческой души.

...

Не трудно заметить, что множество элементов-связей реальности указывают на симметрию бытия и небытия. Например, характер иронии. Если слабоумное мышление матриархата иронизирует над всем, что серьезно по содержанию, поскольку инфантильная психика по самой своей сути неспособна адекватно реагировать на высшие психические импульсы души — они просто ей недоступны, то патриархальная психология вообще допускает в своем пространстве ценностей минимум иронии. Минимум иронии в патриархальном пространстве ценностей определено суровостью действующего в нем исторического духа.

Внутреннее единство разума как тождества бытия и небытия существует только в художественном произведении, которое, собственно, и указывает на архитектурный смысл онтологии разума. Ведь субъект и объект в топологическом мышлении существуют относительно потока сознания времени, то есть налагаются как сакральный прообраз и множество его образов, которые суть многообразие сущностей мирового разума. Время вообще является основанием онтологического отображения бытия в небытии, и наоборот, существуя как своего рода «зеркало» полноценного мышления. Время, с другой стороны, вполне справедливо сравнивалось Гераклитом с течением реки, когда утверждение, что нельзя войти

в эту реку дважды, определяет расовую сущность сознания, которое в онтологии времени всегда сохраняет единичность своего сакрального первообраза, где человеческая самость ведет бессознательный диалог с этим высшим существом наедине.

Расовое существо разума всегда концентрируется в полноценных началах души, но не всегда его начало легко «извлечь». По существу, в определенные исторические эпохи, сам традиционный механизм мышления препятствует развитию разумных движений души, поскольку становится прибежищем матриархального слабоумия, поскольку низшая психика «выдувает» в сознании бесконечное множество «пузырей» различных стереотипов представлений, которые препятствуют активности разума в душе. Ведь действие разума в мышлении всегда предполагает его взаимосвязь с человеческой волей, которая является «внутренней» пружиной воли мировой, а последняя в свою очередь, отображает в сознании сакральную сущность времени. Отдельная человеческая воля и мировая воля взаимосвязаны в расовом узле архетипа, который формируется в глубинах бессознательного инстинкта смерти. Чем жестче взаимосвязь непосредственных чувственных ассоциаций, которые формируют представления матриархальной культуры, тем сложнее разуму «пробиться» в понимании происходящих исторических событиях, поскольку матриархальное подсознание «сопротивляется» импульсам высшей психики, требующих «риска» сознания бытия. Ведь небытие не требует подобного риска, поскольку монотонность сознания является прямой проекцией потока связей непосредственных чувственных ассоциаций, которые следуют одна за другой, где неожиданностей, связанных с трагическим началом мира, не существует. Вообще, трагическое сознание реальности присуще исключительно патриархальному сознанию, которое хранит в подсознания первородную «бездну» перехода от

матриархального небытия, то есть утрату спасительного восприятия себя человеком частью материи.

Основным существом симметрии онтологии времени является противопоставление земного и трансцендентного в многообразии сознания топологических элементов реальности. Так, и небытие является реальностью, равносильной реальности бытия, если исключить понимание существа разума, то есть быть устойчивым равнодушием сознания человека к трансцендентным феноменам сознания. Последнее высмеивается, подвергается глумлению, обвинениям в «ненаучности» позиции, поскольку эмпирическое мышление науки стало устойчивым основанием матриархального сознания в утверждении реальности небытия. Мы же полагаем, что эмпирическое мышление является максимальным методом мистификации сознания по отношению к разумным основаниям бытия. Его основная сила — наивысшая цепкость связей чувственных ассоциаций. Эмпиризм постепенно «оброс» учениями, подобными марксизму и фрейдизму, в которых материальная реальность топологически «растянулась» в многообразии объяснений: как действия низшей психики человека, так и событий мировой истории. При этом полностью был исключен расовый тип человека как «архаично-патриархальный», как из сферы многообразия исторической культуры, так и из самой повседневности жизни мегаполиса, где утвердился неполноценный человеческий тип, «годный» в основном только для производственно-экономических процессов цивилизации и для интенсивного биологического размножения. Исключение образа жизни расового человека, сформированного патриархальной психологией, было вызвано завершением рационального проекта развития западноевропейской цивилизации, то есть логическим завершением сворачивания этого топологического начала разума в небытие. В этом смысле логика развития исторического процесса мировой цивилизации утверждает, что сознание бытия

в ней требует необходимости производства высшей психики человека, поскольку в противном случае существование человека исчезает в непосредственности небытия. Непосредственность небытия, впрочем, вполне «цивилизованно», будучи насыщено множеством ничтожнейших процессов, протекающих в цивилизации как отображение подсознательных импульсов матриархальной культуры, то есть искренней веры в научно-технический прогресс.

Когда мы противопоставляем хтоническое и трансцендентное в реальности, то имеем в виду его отображение относительно онтологических свойств времени. Так, существование рядом, но фактически — в различных «мирах» сознания человека, является следствием различной активности в человеке его низшей или высшей психики. Одни потоки психики приносят информацию о материальных феноменах реальности, текущих в «коммуникациях» низшей психики, другие — о духовных феноменах, которые поступают через «коммуникации» высшей человеческой психики. Сознание бытия, как и небытия, следовательно, возникает из той или иной иерархической основы времени, чувственно-непосредственной, когда речь идет о материальной реальности, или трансцендентной, когда речь идет о духовной реальности. Но в любом случае эти потоки топологически пересекаются, что и создает «плотность» культуры, поскольку полноценная вера никогда не бывает однозначной, то есть предполагает полноту бытия. Так, матриархальная вера коммунизма указывает на «мужскую» силу мирового пролетариата, противопоставляя ее вырождающейся буржуазии, а фрейдизм указывает на возникновение человеческой культуры как следствие первобытных столкновений человеческих самцов за обладание самкой. Впрочем, и классические аристократии мировой истории, в жестком культе мужской силы всегда предполагали утонченность в отношении произведений искусства и в отношениях между мужчиной и женщиной, поскольку отводили грубой силе ме-

сто исключительно в области войны. Но матриархальная (массовая) психология — на бессознательном уровне — отталкивается от мужских психологических свойств человеческой души, связанных с влечением к войне, признавая полностью только наиболее примитивный мужской инстинкт — инстинкт биологического продления рода. В этом смысле смехотворно, когда сознание торгаша «критикует» различные народы за влечение к войне, например, русских. Ведь в действительности бесконечные кровопролитные войны, которые русские вели последние века, указывают на то, что эпицентр метафизики глобального расообразования существует именно в России. В свою очередь метафизика глобального расообразования предполагает формирование «узла» нового расового архетипа, в котором происходит перелом от тысячелетней культуры прарасы к собственно расовой, то есть разумной культуре. Понятно, что разумная душа в онтологическом смысле должна диктовать свою волю душе неразумной, но для этого она должна еще утвердиться в реальности. В это историческое время и происходит интенсивная расовая катастрофа, которая наиболее полно протекала в истории России последние два-три столетия, закончившись нашествием большевистской орды. В результате этого нашествия единый фрактальный фронт существования прарасы был разрушен, то есть была разрушена внутренняя взаимосвязь с духом мировой истории.

Очевидно, следует понимать, что восстановление русского духа с историческим прошлым не может произойти при условии игнорирования периода советской власти. Понятно, что появление крайнего напряжения между животным и разумным началом человеческой воли не может быть снято в качестве формального противоречия, поскольку это наивысший исторический антагонизм процессов развития мировой цивилизации. Вообще, чтобы понять рациональный проект современного развития мировой истории, следует реконструировать топологию ме-

тафизики исторического разума таким образом, чтобы история древних франков соответствовала русской истории, то есть, чтобы можно было хоть что-то элементарно понимать в истории национального духа с точки зрения объективных законов развития мирового разума.

...

Мы рассматриваем время онтологически, то есть утверждаем, что именно его начало определяет сакральный принцип архитектоники бытия. Для понимания этой исключительно «текучей» сущности мы используем «сечение» потока времени темпоральными тензорами, то есть квантами-длительностями, заполняющими собой разрывы непосредственных чувственных ассоциаций. Так, понимание того, что время куда-то «течет», а не «стоит» на месте, в онтологическом смысле сознание получает только из эстетического созерцания, поскольку непосредственное чувственное восприятие всегда использует аналог пространственного воображения. При этом факталы волны исторического духа времени так или иначе бессознательно действуют из глубин расовой памяти человека, в которой «вибрируют» узлы расового бессознательного, топологически «натянутого» на действие мировой воли. Мировая воля с точки зрения психоаналитического воздействия на волю отдельного человека, является коллективной энергией расового бессознательного или, то же самое, что бессознательной коллективной энергией инстинкта смерти. Именно отсюда рождаются «возмущения» высшей человеческой психики, то есть из резервуара трансцендентного начала бытия. Сами «возмущения» оказывают сакральное воздействие на глубины человеческой психики.

II
РАЗДЕЛ

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ВРЕМЯ

В. Общие размышления

Поскольку мы обнаруживаем в традициях русской интеллектуальной мысли ориентацию только на низшие ценности, которые не определяют начал разумного духа, то наша мысль лишена основания в интеллектуальной традиции прошлого российской гуманитарной мысли. Следует признать, что ее никогда не существовало, если исходить из объективных процессов развития мирового разума. Единственным основанием нашей мысли в истории русской культуры является трагическая судьба нации в XX веке. Истина сознания современного объективного разума в современной российской реальности проста, — варвар не способен понимать сущности денег. Финансовое мышление есть прерогатива умирающей цивилизации, которая в своей дряхлости пытается сохранять свою целостность и жизненно важные функции, доводя эмпирическое сознание до его максимальной активности. В противном случае духовная катастрофа цивилизации будет слишком невыносимой для сознания обывателя. Однако, когда варварское сознание, подражая процессам распада цивилизации, отказывается от единственного своего преимущества — духовной силы, то это имеет своим следствием процесс глубокой деградации и вырождения, которые определяют собой реальное сознание национальной культуры. Такова современная Россия, где горстка класса воров диктует систему низших ценностей варварским массам, «выведенным» здесь в эпоху советской власти как новый тип человека. Так, очевидно, что обычный неграмотный русский крестьянин никогда не стал бы участвовать в жизни массового общества, поскольку у него была здоровая психика. Только неполноценный человек, лишенный психического здоро-

вья, может участвовать в этой социальной мистрии Темных Веков, с этими шаманами массовой культуры, с бандитами, выдающими себя за предпринимателей и политиков, с психически нездоровыми людьми, с их грубостью животного сознания, которое не может цивилизовать механическая активность цивилизации.

...

В поисках путей возрождения русской государственности, мы осознаем, что, в историческом прошлом отсутствует для этого разумная традиция, когда русская государственность формировалась во многом из полуорды, то есть сообщества людей, которые лишены элементарного наличия активности разума в душе. Так, основы русской государственности, заложенные здесь Петром, формировались из нравов люмпенов и пролетариев, которые сам Петр черпал в борьбе против расовых основ русской жизни. И дело здесь, конечно, не в длинных платьях и бородах, с которыми он повел беспощадную войну, а в том, что сам интеллект петровской культуры был неполноценен, поскольку вся техническая и политическая система была не следствием развития внутренней основы субъективного разума, а подражанием уже реализованной сущности исторического разума западноевропейской цивилизации. Очевидно, что объективный разум оказывается «за бортом» этого племенного сознания, поэтому рецидивы возвращения к орде-государству здесь неизбежны. Это произошло как в 17, так и в 91 году.

Первый опыт отделения Темных Веков от Средневековья в топологии мировой истории происходит в момент первых зачатков проявления разумного внутреннего мира субъекта, который осознает, что существует мировая история, в которой имеет место многообразие исторических культур. В первый момент ознакомления с этим многообразием не принципиально, что подобное многообразие неразумно, как это имеет место в философии Маркса. Главное, что здесь всего много. Это даже не важно, что мировая история понимается как движения раз-

ного рода орд, предводимых пассионариями, как у Гумилева. Основное, что поражает варварское сознание — это расширение границ обыденных представлений о ценностях, где речь о качестве ценностей не идет. Качество ценностей прямо зависит от наличия в них объективной разумной основы, то есть понимания, что существует определенная разумная взаимосвязь исторических событий в проекции на неуничтожимое начало бытия.

Основная черта политической системы, лишенной разума, но обладающей активной варварской энергией, — это лихорадочная деятельность, которая является единственной альтернативой животному сонному царству. Поэтому вся история государства России балансирует между крайностями политической системы, когда эпохи застоя неожиданно сменяются бурной активностью человеческих масс. Единственное, что относится здесь к современному уровню развития мировой цивилизации в качестве авангардной силы — это военные технологии, которые собственно и определяют зачаточные структуры новой исторической цивилизации. Здесь доминирует инфантильность культуры. Это не исключает наличия локальных очагов субъективной разумной мысли, который в своей точке зрения выражает топологические линии проникновения разума в культуру всех народов, то есть в области науки, литературы, политики и искусства. С другой стороны, именно не линейный, а топологический принцип развития мировой истории предполагает, что различные слои культурной традиции способны срачиваться в области субъективного разума, сохраняя свои национальные особенности. Сюда мы относим достижения русской культуры в области науки и классической художественной литературы до 17-го года.

Существование философии в Темные Века, очевидно, в первую очередь решает задачу отделения внутреннего мира человека от его животных начал души. Необходимо понять, чем собственно является человек, то есть понять идею его существования. И здесь в пределах исто-

рии интеллектуальной российской культуры, мы сталкивается с полным отсутствием понимания существа объективного разума. В этой культуре, как и в соответствующей истории развития западноевропейской интеллектуальной мысли в Темные Века, мы встречаемся с совершенно по ту сторону для разума марксистским учением, аналогом которого может служить философия Маймонида. Проблема состоит в том, что принцип экономического учения Маркса, как и теологические размышления Маймонида, не являются философией по существу. Как и Маркс, Маймонид опирался на то, что являлось для своего времени авангардной позицией разума, греческую философию (нетрудно понять, что Маркс, аналогичным образом опирался на философию Гегеля). А поскольку в истории русской интеллектуальной мысли отсутствовали позиции объективного разума, то это неразумное учение Маркса о движущей силе производственных отношений и производственных классов и стало ее первым знакомством с тем, что полагалось «философией» в варварском сознании.

Так, в нашем понимании, нельзя относить к рациональной философии то, что традиционно понималось под «философией» в истории русской интеллектуальной культуры. Ни Соловьев, ни Ильин, ни Бердяев не выходили за пределы религиозных представлений сознания. Насколько нам понятно, эта «философия» является неким мифологическим представлением об исторической реальности, где историческое сознание разумных событий мировой истории как таковое отсутствует, то есть отсутствует взаимосвязь с разумным духом, объясняющим объективное разумное происхождение различных исторических народов и цивилизацией. Вообще, не трудно понять, что эта религиозная «философия» исключает понимание разумной взаимосвязи русской культуры с 5-6 тысячелетним развитием мировой цивилизации. Подлинное религиозное чувство не нуждается в рефлексии рассудка, опериру-

ющего разумными понятиями, поскольку его сила состоит не в глубине понимания, а в самой искренности веры. А сила веры, в нашем понимании его существа, кроется в глубинной прочности расового архетипа человека, уходящего в своем подсознании к нравственным началам сознания его далеких предков.

Мы полагаем, что существуют две разновидности коллективного бессознательного: то, которое социализуемо, определяя собой начало массовой человеческой души, и то, которое несоциализуемо, выражающее расовый архетип человека. В этом смысле, русская «философия» никогда не касалась понимания именно глубинно-национального расового архетипа, описывая массово-социальную функцию сознания. В конечном счете, она поддерживала так называемый миф о «загадочности русской души», который является ничем иным, как нежеланием мыслить рационально, отбрасывая примитивные стереотипы представлений и осозная рациональное начало бытия.

В силу того, что в русской истории отсутствовало объективно-рациональное понимание реальности, в среде русской интеллигенции до 17-го года широко распространилось глубокое сочувствие марксизму, этому учению об освобождении рабов, а фактически теория, стремящаяся уничтожить национальные начала всякой традиции. Известный тезис Маркса о «нищете философии» в действительности выражал лишь отсутствие всякой философии в теории борьбы классов, поскольку философия есть область существования высших ценностей, места которым, очевидно, было не предусмотрено в пафосе рабского протеста против мирового угнетения. Ведь философия является прерогативой сознания полноценной человеческой души, тогда как в русской интеллектуальной культуре традиционно в этой области мы обнаруживаем только ущербную психологию человека. Это связано с тем, что нигде не требуется наличия полноценных начал

человеческой души так глубоко, как это требуется в философской культуре мысли. Нигде так фальшь суждений не проявляется заметно, как в философии, поскольку эта область человеческой культуры относится к области высших ценностей.

Таким образом, это странное, несомненно ненормальное для здоровых начал человеческой психики, массовое увлечение учением Маркса в среде русской интеллигенции, следует искать в истории русской интеллектуальной культуры в силу ее внутреннего варварства по отношению к разумным началам души, характеризующего историю нравов Темных Веков. Маркс, как Маймонид аналогичного Темного Времени Западной Европы, в современные Темные Века русской истории, поразил варварское воображение тем, что, не требуя наличия в человеческой душе разумного основания, открыл для нее возможность не только охватить сознание развития всей истории мировой цивилизации, но и дал возможность рабскому сознанию почувствовать свое «право» на мировое господство. Однако следует все-таки различать примитивность русской интеллектуальной культуры, описывающей лишь массово-социальные проблемы, от вопросов познания целей и задач развития объективного разума, которые, несомненно, существуют в судьбе российской цивилизации. Мы полагаем, что этой области никто до нас не касался.

В том то и состоит проблема катастрофы современной интеллектуальной культуры в России, что коммунистическая идеология была естественным развитием русской интеллектуальной мысли, с момента своего возникновения развивавшейся в системе низших ценностей, под которой мы понимаем социально-массовую психологию человека. Уровень развития здесь рациональной психологии никто не анализировал. А если этот анализ отсутствует, то любая банда способна объявить себя в государстве новой политической силой, лишь бы она опиралась на современную социально-массовую психоло-

гию. Так, например, происходило в Китае, где утвердилась династия монголов, а впоследствии маньчжуров. Для китайцев было главным не государство как разум, а их семейно-психологическая общность, в которой доминируют матриархальные инстинкты выживания. Именно поэтому китайцы являются самым многочисленным народом в мире, что они обладают исключительной живучестью, которая характеризует мощный биологизм культуры, при отсутствии зачатков сознания высших ценностей. Доминирующий матриархальный принцип культуры стремится не столько к национальной борьбе против захватчиков, сколько к биологическому их поглощению и ассимиляции. Собственно, так действовали и политические системы дряхлеющих цивилизаций, например, египетской, где происходила ассимиляция захватчиков на закате египетского государства, и в римском государстве перед падением империи.

В наше время большая часть интеллигенции в России находится в полностью подавленном состоянии, поскольку потерпела катастрофу именно эта социально-массовая основа развития государства, которая по самой своей сути неспособна выражать активное место разума в политической жизни мировой цивилизации. Известные социальные вопросы: «что делать?», «кто виноват?» сформировались за пределами объективного исторического разума. Так мыслит человек на кухне, на задворках цивилизации, поскольку он неадекватен в понимании существа объективного разума, когда уже средневековая культура отчетливо отвечает на эти вопросы, во-первых, ясным сознанием внутреннего мира человека, во-вторых, суровостью действия нравственного закона. Однако исключительно инфантильные вопросы стали крайне актуальны для традиции русской интеллектуальной мысли, и на их основе выросло не одно поколение, в том числе и вожди большевистской орды. Подавленное состояние современной российской интеллигенции вызвано невозможно-

стью ответить на вопросы, к которым инфантильное сознание оказалось полностью не готово, поскольку здесь речь идет уже не о какой-то социально-массовой активности народа, а о реальной катастрофе всей традиции интеллектуальной культуры.

Инфантилизм сознания русской интеллигенции дал возможность после 17-го года большевистской орде разрушить русское государство, уничтожив национальную элиту. При этом новая, советская интеллигенция, в полной мере развивалась на основе ценностей этого инфантильного сознания. Заметим лишь, что рассеянная и разгромленная нация смогла сохранить определенный расовый потенциал народа, что проявилось во второй мировой войне, когда приходилось сражаться как против Германии, так и против большевистских варваров, захвативших власть в государстве.

ЧАСТЬ 4

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Глава 7

Рациональная ревизия

Существование разума предполагает, что его граница с животным существом человеческой души является границей метафизической реальности, которая психологически пролегает в бессознательном инстинкте смерти человека. Размышления над существом психической энергии бессознательного инстинкта смерти приводит нас к мысли, что оно отображает онтологическую природу времени. Так, историческое время течет в трансцендентной части человеческой души, что, очевидно, принципиально отличает его от механического течения времени, фиксируемого часами, как изобретением самого человека. Таким образом, вероятно, человек исключил из сферы своих непосредственных психических реакций трансцендентную область онтологии времени, которая продуцировала в его психике взаимосвязь с духовной реальностью.

Духовная реальность отображает историческую действительность в ее максимальной «натянутости» на наиболее разрушительные импульсы воли, бессознательно стремящиеся избавиться от влияния материальных элементов. Эти элементы в процессе усилия разумной воли становятся темпоральными тензорами онтологической

реальности времени, которыми воля замечает «края» постоянно вклинивающегося в существо человека небытия.

Воля является границей динамической активности взаимодействия бытия и небытия, которая отображает наличие или отсутствие разума в реальности. При этом реальность имеет многообразный принцип существования: от логического мышления — до морального договора, который реализуется на бессознательном уровне психических реакций. И здесь мы должны осознавать, что взаимосвязь между непосредственностью логического мышления и бессознательным импульсом воли осуществляется в топологической последовательности тензоров сознания, то есть в качестве нелинейного, скачкообразного движения потока, в котором взаимодействие высших и низших психических импульсов составляет собственно пространство сознания. В этом смысле это пространство топологически «натянута» на непосредственное течение онтологического потока мировой воли, который отображает метафизическую природу времени.

Первое, с чем мы сталкиваемся в понимании метафизической природы времени — это ее не ассоциативная структура взаимосвязи двух последовательных длительностей. Эти длительности неоднородны, поэтому абсолютное время отображает природу времени в самой примитивной, психически-инертной области реакций, что, с другой стороны, становится наиболее удобным для описания монотонных процессов природы. В действительности же время максимально неоднородно, то есть его измерение осуществляется монотонными длительностями только в качестве грубого приближения реального течения.

Таким образом, метафизическое существо времени является дискретным. В первую очередь его дискретность проявляется в неоднородности длительностей течения, каждая из которых обладает неповторимостью данного психического момента. В этом смысле критери-

ем измерения времени становится мера его максимально дискретной природы, то есть фрактал времени. В физическом смысле — это не время, поскольку монотонность повторения однородных длительностей здесь стремится к ничтожно малой величине. И наоборот, время, в психофизиологическом смысле, является именно предельно психологически знакомой величиной, которая воспринимается как взаимодействие монотонных процессов как в психике человека, так и в природе. Вследствие этого психологически максимально-привычной природы однородного времени, современное сознание массового человека полностью погружено в не-исторический образ жизни.

Время является основным метафизическим объектом нашего исследования, к которому субъект относится как к сакральной силе, порождающей мир и человека. Очевидно, что полагать время — материей возможно очень условно, настолько условно, насколько время рассматривается как монотонная субстанция психических реакций, определяющих низшую психику человека. Из этих реакций возникли представления об абсолютном пространстве и времени.

Время отображает метафизическую симметрию: бытия и небытия, духовного и материального, разумного и неразумного, сознания и бессознательного, то есть определяет собой природу взаимосвязи всего сущего. Вообще, симметрия как отображение сущего в качестве динамического изменения бытия является сознанием реальности мировой воли, выражающей сакральную сущность времени. В силу этого метафизического свойства времени, процесс внутреннего изменения мировой цивилизации имеет не монотонную, а дискретную природу, когда цивилизации, чье существование протекало устойчиво несколько веков и тысячелетий, начинают разрушаться и окончательно исчезают. В этот момент внутри цивилизации утрачи-

вается сакральное свойство времени отображать разумное существование человека.

Вероятно, вся мировая история человечества, насколько она известна современной науке, формировалась в становлении понимания различий между животной и разумной частью человеческой души и, собственно, как мы можем наблюдать в представлениях современной науки, это различие утрачено. Таким образом, современная наука в ее фундаментальном основании является неразумной. Ее представления в силу этого выражают свойства ограниченного рассудка, который способен так или иначе «вращаться» вокруг сущего, но не проникать в его разумную природу. Это многообразие «вращения» ограниченного рассудка вокруг существенных оснований создает бесконечный вал научной информации. Так, некоторые физики, проводящие эксперимент на коллайдере, признаются, что они напоминают себе «дикарей», которые будут наблюдать за вероятными событиями, предшествующими возникновению Вселенной.

...

В понимании метафизической сущности времени как системы симметричного отображения бытия в его противоположностях, мы рассматриваем сакральное начало реальности, которое не может быть сведено к непосредственности чувственного восприятия. Непосредственным здесь является только сознание ограниченности человеческой жизни, которая неспособна измерять время в силу этой ограниченности. С другой стороны, безграничное, мысль по существу, обладает возможностью определять отношение ограниченного к безграничному, тем самым выявляя конечные структуры чувственного восприятия в качестве топологических элементов темпоральной реальности. Основой этой метафизической симметрии является разум как обнаружение духовного основания начала человеческой души, которое постоянно ускользает в метафизическую сущность времени.

В основе разумной мысли существует противоречие как условие присутствия метафизической природы времени, в которой эта мысль возникла. Противоречие вообще есть условие одновременности существования бытия и небытия в единстве их присутствия в реальности. В противном случае разум, как критерий существования реальности, в сознании отсутствует, поскольку абстрактный рассудок, оперирующей в пределах ассоциаций знаковых идей, не способен выражать разум по существу. Другой стороной рассудка, лишенного разумного основания, является минимум духовной составляющей мысли. Впрочем, это не отрицает духовную реальность, но в силу ее скудности стремится постулировать эту реальность как абстрактный принцип (мы имеем ввиду постулирование Кантом существования бога).

Время, в качестве изменения духовной организации человека, указывает сознанию на присутствие в его душе топологической основы высшей психики, которая взаимосвязана с бессознательным инстинктом смерти. Основное отличие высшей от низшей психики в бессознательных слоях психической жизни человека состоит в том, что высшие психические импульсы не достигают непосредственного чувственного восприятия, вследствие чего формируются представления, что реальности, взаимосвязанной с ее активностью, не существует. В первую очередь эти представления формируются непосредственными чувственными ассоциациями, линейно передающими психические реакции на внешнюю реальность в сознание.

Из чего возникают высшие психические импульсы? По крайней мере мы осознаем, что их формирование протекает не в качестве линейной взаимосвязи, работающей в психофизиологической системе, а в качестве структуры, которая имеет топологический характер. Эти импульсы отображаются не линейно, а как некоторые сгустки не психофизиологической природы. Можно сказать, что

эти сгустки имеют метафизическую основу, которая взаимосвязана с темпоральными свойствами человеческого духа, выражающего психическую энергию, в которой действуют определенные сакральные силы. Менее всего мы обладаем возможностью полагать эти силы каким-то образом связанными с традиционным представлением о божественном, поскольку эта энергия направлена на прямо-противоположное усилие сознания и воли, которое полагалось в традиционных религиозных представлениях, будучи взаимосвязано с задачей спасения души. Наоборот, чувство гибели души здесь осознается как необходимое условие откровения сакрального. И вообще, чувство гибели души является условием объективного разумного понимания реальности, которое являет сознанию откровение исторического духа.

В вопросе о начале бытия мы должны понимать, что, поскольку разумный человек еще не произошел как реальная реальность, то и бытие, которое определяет наше сознание, является достаточно смутным в «тумане» его процесса выявления из небытия. Разумный человек есть реальность не психобиологической системы сознания, а действие психотемпоральной сферы сознания, где непосредственные чувственные ассоциации «отчуждены» в силу интенсивной активности высшей психики. В противном случае, когда активность высшей психики резко падает, наоборот, именно поток непосредственных чувственных ассоциаций становится единственным родом эмпирической реальности. Самостоятельно же, без достаточной активности разума, человеческий рассудок постепенно становится зависимым от сферы инстинктов, поскольку действие разума бессознательно ориентировано на отношение к духовной прерогативе реальности.

Когда мы утверждаем независимость разума от сферы непосредственных инстинктов, то мы должны понимать, что существует и обратная взаимосвязь, которая регулирует биологические функции, устанавливая соответ-

ствие между разумным и неразумным. Эту функцию выполняет бессознательный инстинкт смерти, который является «инстинктом» ровно настолько, насколько реализовано единство: тела, души и духа человека. В противном случае, то есть в случае неэффективной работы бессознательного инстинкта смерти, полноценная взаимосвязь человеческого разума с его существом утрачивается, поскольку непосредственный механизм воли требует ее свободы, а свобода воли достигается только в случае ее свободы от животных инстинктов. Инстинкт же смерти, безусловно, нельзя относить к сфере животных влечений, ибо его функциональность нельзя свести ни к эмпирической сфере мышления рассудка, ни к прагматизму абстрактных установок сознания. В этом смысле он на бессознательном уровне отличает сферу психических реакций человека от реакций животного. Очевидно, что в самой природе человека принцип неравенства ценностей реализуется именно в сфере той или иной области влияния разума на биологические функции.

В вопросе о происхождении человека мы исходим не из биологических функций человеческой души, которые не являются разумными в их эмпирической непосредственности, а из ее духовной организации, которая существует в качестве топологической модели высшей психической активности. Психика, поскольку она является не механической, а полевой природой реальности, должна рассматриваться как область отображения энергии, в которой механические связи существуют только в качестве психических усилий, зависящих от природы, а не от разума. Разум, как мы полагаем, является областью реальности, которая в качестве поля существует в темпоральных тензорах, которые суть непосредственность активности высшей психики. Трансцендентный характер этих тензоров выражает сакральное существо бытия в качестве определенного напряжения действия как отдельной разумной воли, так и воли разумных исторических сил. В

нашем понимании, расовое бессознательное начало человека как существа разумного начало формироваться в глубинах его психики относительно недавно, всего несколько столетий назад — это постулат, из которого мы исходим. А поскольку это начало и есть онтологическая сущность времени, то какая-то религиозная составляющая здесь исключена, ибо религиозная составляющая необходимо требует присутствия момента божественного возникновения, как человека, так и мира.

Главнейшим условием присутствия рационального содержания в мышлении является полноценное эстетическое созерцание, то есть область сознания, которая свободна от влияния непосредственных восприятий низшей психики. Мы полностью согласны с выводами психоанализа, что внутренней «пружиной» низшей психики является действие либидо. Однако наука, в силу отсутствия в ней внутренней иерархии сознания ценностей, исключает деление психики на высшую и низшую. Когда мы рассуждаем об эстетическом созерцании, то предполагаем, что область искусства дает человеческим эмоциям впечатления, которые человек не может получить из области психофизиологических реакций. Особенность этих впечатлений состоит в том, что они не «касаются» его животного существа, однако концентрируют его биологическую энергию в сфере, которая является свободной от нее. Впрочем, с другой стороны, в этой области существует нечто большее, чем животное существо — сфера психических реакций, которая концентрирует сознание на агрессии внутри непосредственного биологического влечения против самого биологического начала. Аналогом такой агрессии в природном мире является охота хищников на стадных животных, когда в стремлении убивать у хищника концентрируется более сильное, чем животный инстинкт, влечение к жизни. На этот инстинкт, как основу высшей культуры в истории мировой цивилизации, обратил внимание Ницше, полагая что это первичное вле-

чение высшей психики человека. Суть этого влечения состоит в том, что сознание уничтожения полагается необходимым условием полноценного переживания жизни. Правда, в мире животных и в мире людей это сознание уничтожения различны, когда их отождествление, в нашем понимании, является заблуждением, которое, в частности, было свойственно положениям расовой теории в европейской культуре. Понимание этого агрессивного начала в глубинах человеческой психики предполагает, что оно и есть суть дух, который постоянно указывает сознанию человека на его временное присутствие в мире материальной реальности.

Поскольку мы рассматриваем реальность как предмет философской мысли, то она является для нас в первую очередь сущностью, которая выражается в необходимости сознания — быть, разрывая его зависимость от множества знакомых ассоциаций, постоянно воздействующих как влияние массового мегаполиса. При этом, если рассудок обладает возможностью игнорировать эти ассоциации, концентрируясь на тех из них, которые ему необходимы для его чисто абстрактных построений, как, например, в научной мысли, то в философском мышлении просто игнорировать множество ассоциаций невозможно. Это приводит к утрате мышлением содержания разума. Причем подобная утрата мышлением разумного содержания исторически происходит почти незаметно, когда «рой» привычных ассоциаций повседневной жизни размывает любую «жесткость» абстрактных конструкций, в которых отсутствует отображение эстетического созерцания реальности. В результате возникает полная противоположность: между чувственным и абстрактным миром, которая, являясь идеальным условием для существования эмпирического мышления одновременно исключает наличие разумной действительности.

Вообще, рассматривая процессы высшей психики, мы должны полагать их психотемпоральными, то есть

процессами, протекающими в трансцендентной природе времени, которая отображает человеческую жизнь как реальность исторического духа. Психофизиологические рефлексы в этом смысле относятся к области низшей психики, поскольку протекают в сфере, отображающей линейную зависимость внешних источников ее возбуждения, передающихся через непосредственные реакции нервной системы. Таким образом, высшая психика человека концентрирует внутри себя духовные импульсы, разряжаясь в низшую психику тензорами воли, в которых существует напряжение сакральной природы исторического духа.

...

Разумное существование человека требует минимальных материальных затрат, поскольку активность духовного начала души сжигает непосредственную взаимосвязь с материальной реальностью. Таким образом, миф о «производственных силах» и «производственных отношениях» марксизма, в нашем понимании, является устойчивой формой социального слабоумия. Этот миф исторически выразил тотальную утрату традиционных представлений о разуме, связанных с божественным происхождением мира, как собственно и всей природой сакрального существа реальности. Причиной его психологических установок стала тотальная власть низшей психической активности души, которая нашла свою поддержку в представлениях эмпиризма. Необходимость восстановления позиций разума в современном мышлении является главной задачей, определяющей меру полноценности человеческой души. При этом мы должны осознавать, что прагматизм есть позиция абстрактного рассудка, противостоящего разуму в качестве устойчивого чувства опасности, которое инстинкт самосохранения противопоставляет тому, что отрицает абстракцию, ограниченную непосредственным восприятием сознания. Иначе строится рациональная мысль. В движении ее психи-

ческой энергии в первую очередь разрушается бессознательный инстинкт самосохранения, на который опирается как непосредственное чувственное восприятие сознания, так и абстракция рассудка, то есть разрушается линейная взаимосвязь между восприятием и мышлением. Другими словами, подлинное рациональное мышления выражает в той или иной степени топологическую конструкцию сознания, проявляясь в качестве сознания противоречия реальности. Можно сказать, что речь идет об участии сакрального существа духовной прерогативы бытия в процессе рационального мышления, чего нельзя утверждать о рассудочном мышлении. Впрочем, и в рассудочном мышлении присутствует некая сакральная составляющая, которая не выходит за пределы непосредственного чувственного восприятия и которая суть психология матриархальной души, то есть души, где разум, вообще говоря, отсутствует как психическая активность. Последнее, очевидно, в полной мере характеризует массовую культуру, в которой разумное существует на самом зачаточном уровне.

Когда мы рассуждаем о природе разума, то в первую очередь должны понимать принцип его существования, на который не влияет животное начало души. В противном случае человек, как животное, не имеет права на моральное существование. Ведь мораль является не различного рода разговорами о поведении человека в определенном обществе, а сама суть высшей ценности познания. При этом легко заметить, что высшая ценность познания равносильна действию разума в человеческой душе, в современной массовой культуре легко фальсифицируется пропагандой научного образа мышления. Так, достаточно поверхностной мысли «систематизировать» свои неразумные суждения, то есть создать некую сферу рефлексии поверхностных разговоров, чтобы возникла устойчивая среда социального слабоумия, полностью отрицающая в себе наличие объективной приро-

ды разума. Легко заметить, что попытки поиска подлинной альтернативы этой пустой и бессмысленной социальной жизни массового общества, нигде и не заявляются, если, конечно, не учитывать архаичные позиции сознания, подобные религиозному фанатизму или националистическим представлениям. На вопрос: что в действительности является альтернативой массового социального слабоумия современной технократической цивилизации, мы однозначно утверждаем — расовое начало человеческой души.

В понимании расового начала человеческой души, мы должны полностью отвергнуть классификацию современных расовых различий людей, которые доказывает наука, поскольку эта классификация не соответствует существу объективного разумного понимания человека. Наука классифицирует людей как биологические виды, что, безусловно, демонстрирует отсутствие разумного понимания существа вопроса в современной биологической науке. Главной ошибкой в понимании расовой сущности человека в современной биологической науке, как мы полагаем, является постулат, что сознание человека запрограммировано на физиологическую задачу продления рода, которая основывается на теории происхождения биологических видов. Основная ложная предпосылка современной биологической науки, состоит в попытке отождествлять систему бессознательных влечений человека и животного. В действительности, именно система бессознательных влечений у человека и животного различны, когда у человека она формируется той или иной мерой активности высшей психики, а у животного — отсутствием высшей психики, как таковой. Так, если по отношению к психике животного можно рассуждать об определенном линейном схематизме психических реакций, когда чувственное восприятие прямо передает восприятие от внешнего воздействия в сознание, то у человека — это невозможно, если, конечно, исключить са-

мый примитивный его тип. Однако именно самый примитивный человеческий тип психики, в которой в первую очередь доминируют физиологические импульсы, и стал основой понимания идеи психических процессов в современной науке. А поскольку иногда понимание человеческой психики, в которой бы присутствовала основа понимания разума, в наше время отсутствует, то психофизиологические представления постепенно становятся в первую очередь физиологическими, а психика — приложением физиологии. Очевидно, что в подобных ложных представлениях о психике существует известная вера в равенство людей, которая начала массово распространяться в социальной культуре, начиная с событий французской революции.

В понимании основ высшей психики, которая кардинально отличается от линейности психофизиологических процессов низшей психики, мы рассматриваем бессознательный инстинкт смерти человека как главную причину отличия его разумного и животного существа. А поскольку разумное начало человеческой души проистекает не из животных функций психики, то вопрос о биологическом смысле существования человека должен осмысляться не на основе представлений об эволюции биологических видов, а на основе движения трансцендентных импульсов психики, взаимосвязанных с его бессознательным инстинктом смерти. Мы полагаем, что объективной рациональной областью мышления, которая определяет эти трансцендентные импульсы, является онтологическая сущность времени. Так, по-видимому, сакральное начало человеческой души, отображающее разумный смысл человеческого существования, проистекает из сознания отображения времени. При этом, собственно, и религиозное мировоззрение формировалось этой основой отображения, но в другой исторической расовой системе ценностей, где центральным понятием был «бог». Одна-

ко момент возникновения новой природы человеческой расы, расы *homo sapiens*, требует такого понимания метафизической природы времени, в котором представления о божественном недействительны. Эти представления в наше время уже не отображают подлинной сущности объективного исторического разума. Таким образом, мы кардинально противопоставляем расовое и массовое существо человеческой души как разумное и неразумное начало ее психической активности. При этом, если массовое начало человеческой души выражает функциональность низшей психики человека, то расовое начало — активность высшей психики.

Если производство низшей психики человека достаточно изучено с психофизиологической точки зрения, то процесс продуцирования психики высшей, вообще исключается в современной науке, ибо он не постижим эмпирическим путем. Ведь современная диктатура эмпирического мышления игнорирует психические процессы, выходящие за пределы непосредственного чувственного восприятия, тогда как признать реальность существования активного действия в психике инстинкта смерти значило бы для биологического мышления отказаться от своих эмпирических установок. Это игнорирование высших процессов психики становится культовым, начиная с исторической попытки западноевропейской философии противопоставить научный и религиозный образ мышления. При этом само представление, что только наука обладает прерогативой утверждать, где существует разум, а где — нет, в начале становления элементов рационализма в западноевропейской философии не предполагал исключительно эмпирических позиций науки. Горизонты того исторического времени существования науки предполагали бесконечные перспективы познания впереди, хотя, как мы полагаем, в основном строились на доминанте механических представлений о природе. Однако эта линей-

ная метафизика исторического времени, как мы видим, в наше время «свернулась» в онтологическую метафизику времени, в которой время стало восприниматься только физически, а значит, за пределами духа мировой истории. Можно сказать, что сущность «свертываемости» времени является одной из причин рассматривать историческое время топологически, то есть в качестве подобных друг другу историй мировых цивилизаций, где каждая цивилизация, подобно русской матрешке, вкладывается одна в другую.

Единственной сферой понимания разума в области трансцендентной природы высшей психики является эстетическое созерцание. Оно, собственно, способно схватывать трансцендентные импульсы в качестве психотемпоральных элементов, непосредственно отображая эти элементы в сознании как сакральное существо мировой воли, порождающей собой мир и человека. Таким образом, мировая воля, существующая в основе происхождения человека и мира в первую очередь определена трансцендентной энергией, которая выходит за пределы непосредственного чувственного восприятия, а значит, может быть моделирована только в качестве определенных метафизических структур сознания реальности. Вообще, основой существования цивилизации является не развитие экономических отношений и другого рода признаки функционирования низшей культуры, а наличие внутри человеческих взаимоотношений патриархальных связей, то есть действие разума как регулирующей основы государственных отношений. И наоборот, племенная психология людей, или ее аналог в эпоху распада цивилизации — массовая психология, минимизирует функции государства. Это связано с тем, что любая цивилизация имеет ограниченный потенциал коллективной высшей психической энергии, связывающей людей в качестве действия разумной воли.

В каждом человеке существует массовое и расовое бессознательное начало психической энергии, которая определяет активность его низшей или высшей психики. При этом мы должны понимать, что массовое бессознательное, являясь активностью в первую очередь физиологического существа человека, не выразит разумные начала души, а только регулирует ее биологические функции с точки зрения выживания. Подобного рода цель, очевидно, не может полагаться разумной, однако современная биологическая наука именно это неразумное начало человеческой души рассматривает как основополагающий мотив социальных связей. Это обусловлено отрицанием возможности существования трансцендентной реальности, где реализуются действия разумной воли человека. Здесь мы должны рассматривать существо трансцендентной реальности не в качестве религиозных представлений об особой «чисто» духовной природе, и ни в качестве кантовских априорных представлений о времени и пространстве, а как особенность эстетического отображения онтологической природы времени. Время в данном случае является не просто априорным эстетическим представлением, как это полагал Кант, а эстетически указывает на сакральное существо современной исторической реальности. Понятно, что эстетика априорного созерцания пространства не может указывать на него, поскольку оперирует зрительными образами, так или иначе выходящими за пределы ограниченного человеческого сознания. Другое дело, онтология времени, где операции осуществляются тензорами сознания бытия, то есть такими трансцендентными эстетическими конструкциями, в которых функция абстрактного рассудка минимизирована, а значит, сведено к минимуму влияние животного человеческого существа. Ведь особенность чисто абстрактного мышления, в основе которого существует симметричное движение мысли с непосредственным чувственным восприятием, исключает действие полноты противоречи-

вости жизни, где присутствует дух как реальное действие сакральных сил.

...

Причина, по которой практически исчезла современная рациональная культура в массовой цивилизации, состоит в невозможности действия разума в психофизиологической системе импульсов, которая отображает матриархальные нравы человечества. Матриархальные нравы по сути характеризуют биологизм сознания как основную мотивацию социальных действий человека, которые не относятся к разумному действию воли, протекающему из трансцендентных слоев психических импульсов души. При этом, если начальная стадия формирования матриархальной психологии человека, сложившаяся приблизительно в 17-ом веке, в западноевропейской цивилизации еще характеризуется какой-то минимальной психической полноценностью, правда, существующей локально и, в большей степени, вопреки социальным нравам; — то современная массовая культура уже окончательно выражает лишь бессмысленность существования человека.

Легко заметить, что исторически российские государственные и социальные институты начали формироваться три столетия назад именно под влиянием матриархальной психологии западноевропейской цивилизации, за исключением немецкой культуры, постепенно противопоставившей себя ценностям французской революции, вплоть до откровенного военного конфликта во время второй мировой войны. Но последние в основном формировали основы военной организации русской армии. Однако подлинное государство строится не на военном основании, которое не может быть долговечным, а на основании объективных разумных ценностей, которые народ в своем расовом существе реализует в качестве определенного проекта мировой истории. Государство, вообще говоря, существует только тогда, когда в нем активен хотя бы ми-

нимум разумных людей. В противном случае, становится активным — общество, то есть энергия массовых инстинктов людей, регулируемых рассудком.

Первое, что необходимо переосмыслить в подлинной природе объективного разума — это его расовую сущность, которая действует в человека в качестве потенциала высшей психической энергии. И в отличие от рассудка, для которого достаточно активности низшей психической энергии, формирующейся в первую очередь со стороны внешнего воздействия на психику реальности, разум требует безусловной активности внутренних ресурсов психики. Понятно, что и мир, как сознание разумного существования человека, является следствием не внешних источников восприятия, которые должны быть вторичны, а следствием работы высшей психической энергии.

Психика является границей бытия и небытия, выявляющих свою сущность в сознании человека в качестве отображения информационных возможностей ее низшего и высшего существования. Если низшее проявление человеческой души мы рассматриваем как весь мусор абстрактного знания, буквально «завалившего» в наше время интеллектуальные возможности человека, то высшее проявление человеческой души мы полагаем взаимосвязанным с трансцендентной ее частью, которая аккумулирована в отображении от действия разума. Все, что воспринимается человеком, имеет двойственную природу: во-первых, обусловленное линейностью его психических реакций психофизиологического существа; во-вторых, топологией его высшей психики, имеющий трансцендентный характер. Трансцендентная психическая энергия возникает в бессознательном инстинкте смерти как сознание, в котором научный аппарат (по крайней мере современных фундаментальных представлений науки) является недействительным, поскольку исторически он формировался из задачи исключения этой психической энергии из сознания реальности. Последнее было вызва-

но исторической задачей — преодолеть систему религиозных представлений, в русле которых действовала основа этой психической энергии. С другой стороны, это был процесс объективно исторически необходимый, когда позиции высшей культуры постепенно исчезали вследствие истощения достаточного потенциала высшей психической энергии западной цивилизации.

Для нас очевидно, что массовое сознание есть система взглядов и представлений, которая враждебна разуму тотально. В первую очередь эта враждебность обусловлена самой природой массового бессознательного. Культура и вся инфраструктура исторической массовой цивилизации рассматривается нами как задача «расчленения» сознания и бессознательного в области действия непосредственного восприятия и абстрактного рассудка. Для разума здесь оставлено некое «потенциальное» место, направленность которого не указана, поскольку его функция в биологической жизни не может быть представлена на основе современных антропологических представлений. Но, собственно, трансцендентная функция высшей психики человека и не может быть постигнута на основе массового бессознательного, то есть сферы социальной психологии человека, как коллективной, так и индивидуальной, поскольку социальное и массовое существуют исключительно в двух сферах познавательных способностей: рассудка и чувственного восприятия. Эти сферы познавательных способностей мы полагаем низшими, поскольку они возникают на основе массовой психики человека, не касаясь ее высшей, трансцендентной природы.

Одной из основных задач современного объективного исторического разума является преодоление тотально доминирующего в современных научных представлениях биологизма его происхождения. Однако иного, кроме как эмпирического подхода, современная наука не предлагает в изучении природы, то есть доказательство истинности или ложности должно соответствовать определен-

ному опыту. Однако область высшей человеческой психики не может быть сведена к какому-то эксперименту. Мы не можем двигаться в системе обыденных представлений современной науки, полагая что психический процесс есть отображение исключительно психофизиологической системы линейных импульсов, которые единственным образом определяют антропологический принцип. Наоборот, психофизиологическая система реакций, выражая исключительно линейный принцип, не обладает средствами для активизации действия разума в человеческой душе. Она, конечно, способна указывать на разум, но не более того, причем это указание осуществляется в сфере абстрактных построений рассудка. Чтобы постигнуть разум, сознание должно переживать бессознательную инъекцию инстинкта смерти, которая отображает взаимосвязь человеческой души с трансцендентной природой реальности, в первую очередь в качестве онтологической сущности времени.

Эмоционально, эстетическая область сознания предполагает, что область высшей психики расщепляется в качестве отображения сакрального начала бытия как сферы трансцендентной реальности, где время выражает онтологические фракталы мировой воли. Вероятно, что онтологическая взаимосвязь всего сущего, проистекающая из онтологических свойств времени, является мерой разумного порядка вещей, который устойчив ровно настолько, насколько разумный дух бытия сохраняет в нем свою полноту. Дух — это то, что производит высшую психическую энергию человеческой души, то есть мировая воля в качестве трансцендентного потенциала бытия, топологически «стягивающая» многообразие материальных элементов в различного рода динамические системы материальной реальности. Психоаналитически дух осознается как индивидуальный бессознательный инстинкт смерти человека, который отображает внутреннее движение трансцендентной психической энергии в качестве при-

сутствия его существа в движении единой мировой воли. Но поскольку время неоднородно, имея некую струннотопологическую природу, то и материя неоднородна, выражая определенный, но случайный конгломерат восприятий, которые становятся достаточно устойчивыми только тогда, когда активность высшей психической энергии подсознания угасает.

Главным, фундаментально психологическим отличием разумного состояния души человека от ее неразумного состояния, является сознание высшего блага для человека, и как следствие, существования благородства человеческой души. Мораль, очевидно, мы должны понимать по-новому, не в качестве каких-то религиозных постулатов монотеизма, и тем более не каких-то банальных абстрактных социальных нравоучений, — а как суровое бессознательное стремление человеческой души быть полноценной. Именно это мрачное, максимально разрушительное состояние человеческой души, взаимосвязанное с отрицанием всей непосредственной полноты человеческих чувств, и является основой для полноценного функционирования разума.

Когда мы рассуждаем об онтологической природе времени в качестве метафизической основы бытия, то одна из основных мыслей, возникающих в нашем сознании, состоит в том, что человек, как разумное существо, собственно, еще не произошел. Понятно, что здесь речь идет не биологической природе человека, а о разумном складе души. Так, распространение ложных, массовых представлений о разуме базируется на основах эмпирической науки, этого научного форпоста слабоумия, имеющего свое происхождение в взаимосвязи потока непосредственных чувственных ассоциаций и абстрактного рассудка. В результате формирование всех современных массовых институтов, как, собственно, и всей массовой цивилизации было исторически заложено в первую очередь слабостью человеческого ума, мак-

симально усилившегося волю человека только потому, что за основу понимания реальности были взяты наиболее простые элементы. Критика средневековой схоластики, очевидно, стала возможной в силу принципиально иного, чем религиозная, психологического отношения сознания к реальности, когда духу стало отводиться все более скромное место. Однако в наше время, когда эмпиризм современной западноевропейской науки привел к полному сворачиванию всяких достаточно устойчивых позиций разума в человеческой душе, следует пересмотреть исторически вопросы, поставленные схолистикой.

Например, вопрос о «непорочном» зачатии девы Марии. Оставляя в стороне, библейскую мифологию, мы должны всерьез отнестись к вопросу о трансцендентном происхождении духовного начала человеческой души, поскольку человек в первую очередь есть дух, а затем уже — тело. Этот вопрос, поставленный западноевропейскими схоластами в средневековое время, вполне актуален и для нас, кто оказался свидетелем новых Темных Веков мировой цивилизации, проистекших в среде мировых народов, где в авангарде оказалась судьба России. Ведь все эти многочисленные постмарксистские представления, перемешанные с бредом о либеральных ценностях, доминируют в массовом сознании современной России не иначе, как в сознании масс Темных Веков различных племен, появившихся в результате разрушительного нашествия большевистской орды. Поэтому, оставляя в стороне варварские представления о человеке, государстве, морали и разуме, существующие в гуманитарном сознании современной России, мы должны не бояться ставить вопросы средневекового сознания, которое всегда формируется для того, чтобы пресечь дикие нравы Темных Веков. Ведь было бы полным безумием утверждаться в среде варваров, потеряв свой разум. Но таким же безумием было бы утверждаться в среде при-

зраков западноевропейского мира, где духовная жизнь полностью свернулась в ничто, оставив тени настоящего в их бессмысленном блуждании за пределами разума, то есть в области небытия.

Вопрос о духовной прерогативе происхождения человека мы определяем с позиции его бессознательно-го инстинкта смерти, который производит постоянные атаки на животную непосредственность человеческой души, эту базовую основу современной массовой психологии человека. Можно сказать, что мы осознанно игнорируем многообразие чувственного восприятия реальности, чтобы понять происхождение человека как духа, то есть как бессмертной сущности. При этом мы не можем апеллировать ни к религиозному опыту монотеизма, ни к опыту гуманизма, поскольку эти две исторические линии представлений о бытии не имеют ничего общего с суровой истиной настоящего сознания бытия, где дух есть граница с небытием, постигаемая разумом в качестве отрицания единства сакрального начала бытия во времени. Сакральное начало бытия выражается в нашем сознании как не-единое, и в этом смысле, безусловно, в нем не может быть человека ни в религиозном понимании слова, ни в гуманистическом. Мы полагаем, что родственная система ценностей религиозных представлений и представлений гуманизма состоит в их формальном противопоставлении друг другу в пределах одной системы понимания истории — линейно-последовательной. Заметим, что ни в египетской, ни в греческой культуре, безусловно, обладающих высшей системой ценностей, конечный человек не был центральной фигурой этой системы. То, что линейный принцип развития мировой истории утвердился в сознании человечества как безусловное превосходство над предшествующим историческим прошлым, есть лишь определенный эпизод представлений об онтологической природе времени и ее духовного основания.

Повторим еще раз, мы оставляем возможность современной эмпирической науке искать начала происхождения Вселенной несколько миллиардов лет назад, когда нашим убеждением является то, что она оказалась за пределами разума, а потому не в состоянии дать каких-то значительных фундаментальных открытий на основе разумного понимания реальности. Мы становимся на наивную точку зрения, которая характеризует душу человека, чье сознание оказалось во власти откровения нового бытия. Здесь, впрочем, существует весь хлам прошлого, который забивает массовое сознание, чтобы оно каким-то механическим образом стимулировало бессознательные влечения, и в этом смысле тип *quasi homo*, безусловно, блуждает в массовой цивилизации, выполняет множество инстинктивных или чисто-абстрактных операций рассудка, которые никак не могут относиться к существу человеческого разума. Везде мы видим эти массы «планктона» *quasi homo*, плавающего в океане неразумных целей современного массового общества. При этом миф об «интеллектуальной элите» существует в массовом сознании только для того, чтобы эта масса могла спокойно существовать, энергично приторговывая и довольствуясь развитием новых технологий и производства в сфере эмпирических достижений технократической цивилизации. То, что здесь уже не существует ни фундаментальной науки, основанной на разумном понимании реальности, ни подлинного искусства, а религия превратилась в некое пристанище для людей слабых умом, то есть вся инфраструктура массового общества неразумна, — не беспокоит образ жизни человека, который привык жить за пределами разума. И этот факт наиболее разрушителен для полноценной человеческой души, поскольку человек, лишенный разума, неминуемо вырождается.

Одним из фундаментальных вопросов современного исторического разума является вопрос о реальности су-

ществования всей этой массовой цивилизации и массового общества, поскольку достоверность их существования проистекает исключительно из эмпирического опыта нашего восприятия, но никак не разума. Действительно, разумный образ мыслей утверждает обратное: вся эта реальность есть не более, чем фантом, который укоренился в подсознания массового человека, чья жизнь, начиная с раннего детства и кончая смертью, протекает в жестком эмпирическом воздействии массовых ценностей. Мы здесь, очевидно, не предлагаем сомневаться в прагматичности целей технологических достижений современной технократической цивилизации, а лишь указываем на то, что ее функциональная основа существует за пределами разумных начал души, поскольку исключает ее полноценность. Так, например, невозможно было сомневаться в «извечности» существования Рима в Римской империи, или в абсолютных правах католической церкви на моральную прерогативу в средневековой Европе, однако вся эта «вечность» исчезла в сознании людей, первоначально, выродившись в сознание бессмысленного существования человеческих масс. Так было в Риме перед приходом варваров, и так же было в средневековой Европе — перед началом эпохи Возрождения. Таким образом психологически происходит фундаментальное изменение бессознательного расового архетипа, удерживающего веру людей в нечто единое на протяжении сотен, а иногда — тысяч лет (если взять, например, религиозную систему Египта). Ведь человеческая раса, даже самая примитивная, формируется жесткой системой представлений, в которой человек осознается в первую очередь как духовная сущность, а уже затем как тело.

...

Нашим основным предметом исследования является онтологическая природа времени, по отношению к которой разнообразие современных представлений: религиоз-

ных, научных и, главное, очевидно, философских оснований бытия должны быть пересмотрены. В первую очередь эта онтологическая природа времени проявляется в топологическом свойстве времени — не только течь в длительностях различной психологической интенсивности, но и, собственно, порождать бытие как реальность. Мы должны полагать исторический дух очищенным от монотеистических предрассудков представления о сакральном, поскольку главная отличительная черта метафизики онтологии бытия времени — оно не является единым. Многообразие топологических сущностей разума, как отрицание единства бытия, отображает основополагающий принцип онтологии времени в качестве условия множества течения времен в одном мгновении сознания, которое возникает как дискретная инъекция высшей психики. Однако активность высшей психики может и полностью «заглохнуть», поскольку, в отличие от низшей психики, реагирующей на реальность при условии любого состояния человеческой души, она требует внутреннего усилия для производства. И, вообще, сознание времени в первую очередь характеризуется особенностью психического состояния человеческой души, поскольку в системе массовой культуры остается единственная реальность сознания времени — время как физическая длительность.

Таким образом, с точки зрения сознания разумного духа исторического времени, современный массовый человек существует в безвремяе, или, другими словами, в Темные Века развития мировой цивилизации, которые характеризуются утратой им разумного образа жизни и, собственно, разумной цели существования. Понятно, что характер существования этих Темных Веков неоднороден. Если эти события, например, в России и Китае после нашествий большевистской орды и орды хунвейбинов можно полагать свершившимися, то западная цивилизация вообще оказалась вне исторического

времени, когда производство высшей психической энергии прервалось в силу отсутствия взаимосвязи с историческим разумом. Ведь разум есть не абстракция рассуждений, какая-то новая научная информация или технологические достижения; разум есть прежде всего духовная реальность, сохраняющая и аккумулирующая полноценные начала человеческой души. Так, менее всего в разуме существует что-то прагматичное, в отличие от рассудка, который взаимосвязан с непосредственностью чувств линейной зависимостью и потому нейтрален к системе ценностей. И, вообще, рациональные способности мышления отображают активность разума в человеческой мысли настолько, насколько эта мысль топологически нелинейна в непосредственных чувственных реакциях.

То, что разумное мышление требует совершенно иных методов познания, чем непосредственное чувственное восприятие и человеческий рассудок, в философии изучалось всегда как одна из центральных идей ее существования. Однако именно тотальное распространение эмпиризма, как единственного метода сознания реальности в доминирующих ценностях массовой культуры, стало причиной исчезновения этой проблемы, как собственно и самой философии. Диктатура эмпиризма в начале 21 века стала тотальной и абсолютной. Понятно, что проблему этой диктатуры следует искать значительно глубже, чем в глубоком конфликте начал западноевропейской науки с религиозными представлениями. Причины следует искать в глубинах человеческой психики, в том, что это не статическая система простых линейных реакций, легко контролируемых рассудком, а динамическая неустойчивая система, где разум выражает сложно достигаемое равновесие психических импульсов. Именно поэтому, когда внутренняя жизнь человека как духа угасает, ей на смену приходит энергичная активность легкомысленного рассудка и ничем неограниченного чувственного восприятия.

Обозревая вокруг себя многообразие массовых институтов цивилизации, мы видим, что человеку, как разумному духу, места в ней не предусмотрено, поскольку общество профессионалов исключает активность разумной души по существу. Конечно, здесь оставлено место для традиционных религиозных конфессий, однако мировой дух существует внутри них только по минимуму, тогда как вопрос: где он концентрируется по максимуму? — остается открытым. Если в разумных процессах мировой истории мировой дух был растворен во всем многообразии непосредственных человеческих целей и технологических достижений, то есть собственно был неотъемлемой частью повседневной жизни человека, то в массовой культуре он стал сферой сознания наивного мифа. То есть в наше время стало как-то «неприлично» рассуждать о духовной сущности человека с позиции разума, хотя в действительности разум не существует вне современной исторической природы мирового духа. В противном случае существует только рассудок и непосредственное восприятие — эти две низшие познавательные способности, которые вполне могут быть активны за пределами разума. Ведь это только в наивных представлениях классической западноевропейской философии полагалось, что наличие непосредственного чувственного восприятия и рассудочной способности суждения необходимо влечет за собой присутствие разума в мышлении. В действительности же это две противоположности сферы познавательных способностей, которые исследуют только поверхность топологической природы бытия. Бесконечное разнообразие получаемой информации — область линейной (алгоритмической) функции течения рассудочных конструкций мышления, как мы полагаем, обусловлена неразумными движениями души, поэтому не может быть предметом нашего рассмотрения.

Нашим рассмотрением является область метафизической сущности бытия, которая выходит за преде-

лы эмпирического восприятия, однако не отталкивается от него, а рассматривает эмпирическую реальность как одну из разновидностей топологии бытия, а именно, ее линейную функцию. Таково непосредственное чувственное восприятие, которое формируется системой психических реакций низшей психики. Даже минимальное смещение реакций низшей психики с реакциями высшей психики указывает на наличие рациональной реальности, процесс выявления которой можно рассматривать как опосредствование. Однако процесс этого смещения требует наличия внутреннего мира субъекта, что, собственно, исключено в системе массовых ценностей, где существует только товар и покупатель. В системе товар-покупатель разумное начало человеческой души отсутствует.

...

Сознание свободы — это не прерогатива разума, а прерогатива рассудка, ибо высшая порода человека свободна от природы. Именно в силу отсутствия разумного начала души, в массовом обществе ценности свободы получили практически культовое содержания. Однако вместо свободы разумного духа, с которого начинала эпоха Возрождения, современная свобода западноевропейского общества выражает психологию сознания глубокого нравственного вырождения личности, лишенной внутреннего мира и какой-то разумной цели существования. Вся эта система функционирует как безальтернативная в мире только потому, что по периферии западной цивилизации господствуют нравы варваров, вообще не знакомых с опытом сознания современной объективной разумной цели существования человека. И если природа разумной цели существования человека каким-то отдаленным образом теплится в военно-промышленном комплексе России, то дистанция от этой бессознательной агрессии варварской души до действия в ней разума составляет пропасть. По крайней мере, если понимать,

что объективной целью существования новой цивилизации является господство расы *homo sapiens*, то есть развитие нового расового архетипа человека, чьи бессознательные комплексы сложились в эпоху Возрождения, — то современный варвар, господствующий в России, очень далек от возможностей решения этой задачи. Единственная причастность — через эмпирическое мышление, опыту технологических достижений западноевропейской цивилизации, не развивает в варварской душе разум, а лишь еще больше его дегенерирует. Для этого достаточно сравнить психологический портрет российского человека до 17 года и варварские физиогномические типы советского и постсоветского режима, «выведенные» марксистской идеологией грубого материализма после нашествия большевистской орды. Здесь отчетливо различается психология прарасового существа человека и существа варвара, сформировавшегося за пределами исторических законов мирового разума. А поскольку расовая катастрофа, произошедшая в России после нашествия большевистской орды, практически стерла все национальные черты народов, входящих в ее состав до 17-го года, то всех представителей этих народов западноевропейское сознание именует «русскими». В этом смысле, вероятно, необходима параллель между прарасовой культурой русских и прарасовой культурой древних франков — в соответствующие Темные Века.

Расовую катастрофу мы понимаем как резкое «ухудшение» качества человека, то есть резкую утрату его психической полноценности. Понятно, что причины массовой денегерации психического склада человека при советском режиме следует искать в том, что прараса — это не раса, а лишь предпосылка для ее формирования в определенной племенной психологии. Возвращение огромных масс людей к племенной психологии, которая характеризуется почти 100% внушаемостью со-

знания, состоит в неспособности эмпирического мышления развить разумные начала человеческой души. Ведь развитие технологий — это не разум, а, можно сказать, его «отходы». И действительно, если до 17 года в русской культуре существовали какие-то слабые контуры национальной индивидуальности, то при советском режиме они практически полностью исчезли, поскольку варварская душа, лишенная разума, не имеет индивидуального начала. Когда же разум в душе отсутствует, то в массовом сознании начинают возникать фантазии о разуме, подобные представлениям о «коллективном разуме». То, что эмпирическое мышление неспособно развить рациональные начала души, доказывает современное нравственно-психологическое состояние английской нации, чья культура превратилась в постоянное шоу для слабоумных масс.

Размышляя над новыми всемирно-историческими силами, которые должны прервать этот сон разума современной массовой цивилизации, мы осознаем, что речь здесь идет не о началах национальной культуры, поскольку национальная культура слишком глубоко взаимосвязана с традицией. Вызов современной геополитической ситуации требует активности глобальных разумных сил, существующих за пределами ограниченности национальных представлений, но внутренне психологически взаимосвязанных через бессознательные расовые начала души. Речь, собственно, идет о всемирно-исторической роли расы *homo sapiens* в судьбе мировой цивилизации. Однако чтобы понять реальность существования этой расы в современной мировой истории, мы должны отказаться от биологизма ее понимания. В нашем понимании, расовая реальность является трансцендентной реальностью, которая возникает и исчезает в онтологической природе времени, когда ее биологические «артефакты» существования выражают только ее смешение с массовой природой человека.

В этом смысле мы должны категорически отвергнуть все домыслы гуманистических представлений, вплоть до психоаналитической теории, что моральные импульсы человеческой души рождаются в силу ее социальной природы. Вероятно, что если речь идет о низшей человеческой психике, лишенной разума, — то это действительно так. Однако распространять примитивные психические мотивы человека на всю полноту психики, когда люди от природы — не равны, является именно забвением разума. Не случайно философия на всем протяжении своей классической истории учила о неравенстве людей от природы. Эта идея, является основополагающей для различения бытия от небытия, поскольку в противном случае сознание равенства нивелирует иерархию бытия, то есть ее основополагающий онтологический принцип.

Нам понятны предпосылки представлений о равенстве познавательных способностей человека, которые берут свое начало в позитивизме, когда именно в нем произошла подмена человеческого разума — разработкой техники чистонаучных познавательных способностей рассудка. Здесь мы должны сказать, что восстание рабов в морали, о котором рассуждал Ницше, имеет в действительности не столько христианско-религиозную предпосылку, сколько предпосылку позитивистских представлений о морали, поскольку последняя безусловно связывается с социальной сущностью природы человека. Все-таки между позитивизмом и религией существует одно фундаментальное различие: позитивизм обратился к массовой сущности человеческой души, тогда как религия, безусловно, отстаивала ее расовые начала. Мы полагаем, что полярно-противоположным основанием различия ценностей в массовой и расовой душе является ориентация топологии психической жизни, в первом случае, на единственность сознания реальности в чувственном восприятии, и ориентация сознания на трансцендент-

ный мир, во втором. Правда, философия Канта поставила вопрос о трансцендентной природе разума, однако поиск трансцендентного начала в пределах научных представлений, в конечном счете, полагал метафизику бытия ограниченным научным рассуждением о природе трансцендентного. Но подлинная сущность всегда включает в себя момент бессознательного отрицания самой себя, поскольку вне бессознательных движений души не существует внутреннего мира мыслящего субъекта. Так, разумная сущность течет во времени, и в этом течении следует созерцать ее ценность как бессознательный импульс индивидуальной или мировой воли. Разум различает бытие от небытия в самом течении временной длительности, которая — суть сакральная реальность данного исторического момента. Измерить время — в человеческом смысле — невозможно, если не впасть в какие либо крайности: например, в резкую крайность противоположности между духом и материей, как это имеет место в монотеизме, или, например, в крайность эмпирического измерения времени, как это имеет место в современной науке. В обоих случаях под временем понимается не само время, а его топологическая модель. Однако религиозная концепция времени была все-таки более последовательной в том смысле, что наделяла время присутствием высшего сакрального существа, бога. Наличие этого существа во времени отрицала возможность полагать время исключительно прерогативой человеческого сознания, тогда как позитивистская традиция, особенно у Канта, полагала время чисто субъективной категорией человеческого рассудка.

Именно в топологии эстетического восприятия определяются начала сознания, обусловленные процессами высшей психики, поскольку только в этом восприятии присутствует пластика полноты действительности, отображающей целостность полноценной человеческой души. В противном случае имеет место линейность раз-

личного рода сознания процессов, в том числе понимание времени исключительно в качестве: либо последовательной связи событий божественной природы духа (монотеизм), либо последовательности развития эволюции Вселенной и человека (современная научная точка зрения). Мы же утверждаем, что бытие и в первую очередь его онтологическое основание — время, нелинейны. Времена, можно сказать, «переплетены», когда найти начало и конец бытия практически невозможно, поскольку этих «начал» и «концов» существует бесконечное множество. Собственно множественность сакрального сознания во времени и составляет наличие этой бесконечности, которая отображает мировую волю многообразием течения этих различных времен. То, что время оказалось бесконечно-упрощенной субъективной категорией чувственного восприятия линейной длительности, и стало предпосылкой для авторитарного действия эмпирического мышления, утверждающего, что материальная реальность и абстрактный рассудок — единственная сущность сознания. Подобная предпосылка и есть безусловное основание либерального социального чувства свободы, воспитанное английским правом как абсолютное право рассудка.

...

Утверждая, что человек есть первоначально дух, а уже затем — многообразие своих психосоматических функций, мы полагаем, что за рациональные свойства человеческой психики отвечает ее высшая энергетическая основа. Эта основа, и определяет топологию внутренней субъективной рациональной жизни, на которую социальная реальность оказывает мало влияния. Собственно, чем интенсивней эта внутренняя жизнь разумного духа в человеческой душе — тем менее в сознании человека присутствия какой-то социальной реальности, поскольку социальные инстинкты — это производные от низших инстинктов человека. Исторически, мы полагаем, что вос-

стание низших инстинктов человеческой души — против высших, определяет собой события расовой катастрофы, то есть кардинальную перестройку рациональной человеческой психики. Именно в этот исторический момент и происходит массовая потеря человечеством разума, хотя, очевидно, что деятельность рассудка не прекращается, поскольку эти познавательные способности удовлетворяются материалом, получаемым из низших (линейных) психических реакций чувственного восприятия. Чтобы понять величину дистанции между топологией очагов высших ценностей и безвременьем массовой культуры, достаточно адекватно оценить ничтожно-малую роль социальной жизни в судьбе таких художников, например, как Микеланджело, или таких философов, как Гераклит. Ведь подлинная область высшей культуры в первую очередь есть область искусства и философии, в которых формируется граница между топологией действия разума и средой, на которую она непосредственно воздействует. Так, в действительности элементы высшей культуры возникают не в последовательности монотонного развития житейских проблем и вопросов, которые человек решает в силу неизбежной нужды жизни, но, наоборот, вопреки этой нужде, поскольку высшие ценности суть концентрация сознания на высших импульсах психики, где воля движется в потоке реализации разумной сущности исторического духа. В этом смысле, все достижения высших ценностей в истории мировой цивилизации «сгруппированы» не в качестве «линии», которая развивается параллельно технологическим достижениям цивилизации, а некими топологическими «шарами». Эти «шары», «высвечивая» друг в друга замкнутые основания разумного бытия, отображают нелинейность появления высших ценностей, определенным образом «протыкающая» линейно-монотонную последовательность развития массовой цивилизации. Мы полагаем, что высшая культура человечества взаимосвязана с его расовой историей,

которая кардинальным образом отличается от истории массовой культуры.

В нашем понимании, ближайшей исторической целью существования мировой цивилизации является господство высшей расы, которая есть раса *homo sapiens*. Мифология массовой культуры, опирающаяся на эмпирическую науку, сформировала представления, в которых *homo sapiens* произошел эволюционным путем от примата, что, очевидно, полностью удовлетворяет бессознательным психическим реакциям низшей человеческой психики, однако вопрос о высшей психической энергии души остается открытым. Ведь такое представление о происхождении «разумного» человека может удовлетворить только человека неразумного или массового человека, который, не знаком с разумными движениями человеческими души. Воспроизводимый в массовом количестве, это уже, собственно, и не человек, а некое существо, *quasi homo*, не то робот, не то обезьяна, которая практически полностью лишена внутренней разумной жизни.

Таким образом, утверждая, что *homo sapiens* еще не произошел в основах своего расового существа, мы имеем в виду, что его расовый архетип не закончил своего бессознательного топологического балансирования и формирования единства психических энергий. Ведь массовый человек — это не *homo sapiens*, а *quasi homo*, то есть, можно сказать, почти диаметрально противоположное по своему психическому складу — человеку разумному, биологическое существо. Одна из его основных черт — существо без определенного пола. Поэтому теория психоанализа определяет это глубинное бессознательное существо массовой души как «оно», то есть как регулятор низшей человеческой психики в качестве метапсихического влечения к жизни. Правда, психоанализ оговаривается о том, что либидо имеет всегда мужское начало, когда указывает на некую отдаленную агрессивную состав-

ляющую этого влечения. Однако, очевидно, что предполагать какой-то онтологический принцип агрессии невозможно в пределах массового существа человеческой души. Это отчетливо демонстрирует Фромм в своей неразумной попытке найти в психическом складе натуры Гитлера какие-то психические аномалии. Ведь ясно, что высшая психика человека не может не быть агрессивной, хотя бы потому что сама природа бессознательного инстинкта смерти естественным образом направлена на то, чтобы, первоначально, разрушать. При этом дальнейший синтез, то есть жизнь, преодолевающая разрушение, и есть, собственно, дух — сакральная область сознания, которая так или иначе должна проецироваться на что-то уже неразрушаемое. Особенность действия духа в глубинах человеческой психики состоит в том, что это действие топологично, то есть в нем нет ни «начала» и ни «конца», как это имеет место в эмпирическом понимании человеческой психики, то есть отсутствует линейная связь. В историческом духе есть экспансия, прерывающая монотонное течение человеческой жизни через бессознательный инстинкт смерти человека, но синтез разумного движения души требует психической энергии, превышающей разрушение своей мощью. Это и есть высшая психическая энергия, которая не связана с животным существом человеческой души. Понятно, что у биологического животного этой высшей психики нет, как нет ее у массового человека *quasi homo*.

Размышляя над природой высшей психической энергии человека, мы понимаем, что она имеет не животное происхождение. И действительно, в преодолении агрессивного воздействия в глубинах психики бессознательного инстинкта смерти, человеческая воля не может использовать животные ресурсы воли, поскольку энергетически инстинкт смерти значительно более активен, чем инстинкт жизни. Здесь мы, безусловно, рассматриваем полноценные начала человеческой души, а не души массо-

вой, в которой, в силу практически полного отсутствия активности высшей психики, действие этого инстинкта ничтожно мало. То, что способно превышать своей психической энергией разрушительное воздействие бессознательного инстинкта смерти, и есть духовная энергия человеческой души.

Таким образом, если рассуждать о природе современного исторического духа на постсоветском пространстве, где племенная среда варваров имитирует «преемственность» национальной культуре, то она выражается в существовании трансцендентной энергии, которая по своей интенсивности превышает действие бессознательно-го инстинкта смерти. Понятно, что сознание массового человека никак не воспринимает эту трансцендентную психическую энергию хотя бы потому, что в психической энергии массового бессознательного действие этого инстинкта бесконечно мало. Но мы исследуем расовое бессознательное, то есть полноценные начала человеческой души, и поэтому нам нет необходимости эмпирически обосновывать то, что по существу является трансцендентным.

Мы пытаемся ответить на очень важный вопрос: неужели жизнь двух-трех поколений людей на постсоветском пространстве была целиком и полностью бессмысленной, или все-таки события, которые ознаменовались нашествием большевистской орды и появлением варварских государств после распада СССР имели определенный всемирно-исторический смысл? И вообще, неужели эти варварские физиономии, отображающие современную социальную жизнь на постсоветском пространстве, и есть закономерный финал всей той мировой мистерии, которая началась с разрушения Российской империи? Ведь всем разумным людям понятно, что воровская «малина» (массовый социум), образовавшаяся после распада СССР, в моральном смысле не только не является продолжателем нравственных устоев Российской империи,

но и глубоко им враждебна. Другое дело, что, поскольку в прарасовом сознании переплетается как разумное, так и неразумное, то это неразумное (племенное) действительно имеет определенную преемственность с историей государства Российского, в самом негативном смысле этого слова. Но на неразумном начале государство невозможно построить, поскольку объективная целостность существования государства (если, конечно, не рассматривать функционирование варварского государства) — это действие объективного исторического разума в человеческой воле.

Таким образом, основной проблемой современной российской цивилизации мы определяем отсутствие разума в ее социально-политической системе. Причем, если в Российской империи до 17-го года субъективный разум в русской культуре существовал, то есть существовало отдельное разумное мнение людей, то после 17-го года даже проблески субъективного разума исчезают. Ведь мы не можем этот «детский сад», движение диссидентов в России, полагать каким-то образом причастным существу исторического разума. Это, в лучшем случае, добрые милые люди, фантазеры, чье инфантильное сознание неспособно вообще было что-то понимать в исторических событиях, хотя постоянно готово было рассуждать о «свободе». Их «борьба» выражает внутренние разборки в племенном клане, которые не имеют никакого отношения ни к существу мирового исторического разума, ни к истории русской культуры. Эти разборки дают некоторые внутренние ресурсы этому племенному сообществу еще каким-то образом имитировать «цивилизованность» социума, но никак не определять разумное развитие событий.

Мы должны отчетливо понимать, что Российская империя до 17-го года не была империей в подлинном смысле этого слова. Ее существование не было обосновано объективной исторической задачей разума, тогда как расово-полноценное — православие и самодержавие, яв-

лялись статическим «каркасом» государства, который был способен существовать только при условии достаточной изоляции от внешне разрушительного воздействия цивилизации. Но, с другой стороны, подобная изолированность от внешнего воздействия влечет за собой пассивное развитие разумных начал культуры, когда она имеет лишь субъективный элемент, который развивается в локальных очагах культуры, не определяя ее целое, а лишь «вкрапляя» отдельные топологические связи. Аналогом Российской империи мы видим империю Карла Великого в соответствующие Темные Века Западной Европы, когда в ее государственных структурах полностью господствовал византийский элемент. А византийский элемент культуры, как мы полагаем, сформировался как структура буферной цивилизации, не имеющей отчетливого расового, то есть разумного основания своей государственной инфраструктуры.

Таким образом, исчезновение Российской империи было определено отсутствием в ее государственной инфраструктуре элементов, которые бы указывали на всемирно-историческое значение этого государственного устройства. Причем этот факт слишком очевиден, когда социально-политическая система была грубо скопирована Петром с аналогичной системы западноевропейского государственного устройства. Мы же полагаем, что подлинное государство всегда формируется изнутри, то есть из бессознательного расового основания, которое характеризуется не внешним подражанием, а собственным историческим опытом развития. Современный же исторический опыт российского государства указывает на то, что оно является варварским в наше время, поскольку в нем практически полностью доминирует племенной элемент человеческой души, то есть отсутствует как субъективное, так и объективное начало рационального существования человека. То, что этот рациональный элемент отсутствует и в современной западной цивилизации, не

дает повод полагать, что ситуация здесь паритетная, поскольку в процессе распада фундаментальных структур цивилизации, у нее очень сильны инерционные силы, удерживающие ее от быстрого разложения. В большей степени здесь страдают народы, наиболее близко расположенные к эпицентру распада: например, поляки, болгары и другие, поскольку эти народы, подобно галлам — в Римской империи, хотя и участвовали в ее истории, не были связаны с бессознательным расовым центром германских племен. Таким образом, возникновение варварских государств на всем постсоветском пространстве является следствием тотального влияния в их социальной инфраструктуре сомнительных ценностей распадающейся западноевропейской цивилизации.

В нашем понимании, основная проблема существования какой-то элементарной перспективы будущего российской цивилизации состоит в том, что в ней должны быть политически оттеснены силы, которые так или иначе сложились из генетических кланов большевистской орды. При этом мы не имеем каких-то иллюзий, которые связаны с тем, что Сталин, якобы, ликвидировал большевистскую «гвардию». В действительности эти внутриклановые разборки этой орды нас интересуют мало, поскольку эта внутриклановая борьба неразумных сил не имеет никакого отношения к русской истории, если, конечно, не учитывать самые неполноценные национальные слои, которые в прарасе состоят из разного рода сброда. Нас интересует, каким образом расовые силы смогут действовать, то есть каким образом в среде диких нравов Темных Веков разум начнет доминировать как определенная объективная сила. Понять же, что человек на постсоветском пространстве является историческим существом Темных Веков, мешает тотальное влияние технократической цивилизации, полностью построенной на специфике эмпирического мышления. А поскольку эмпирическое мышление неразумно, но край-

не эффективно в примитивной активности человеческой воли, то задача это не простая.

Сравнивая соответствующую историческую эпоху с западноевропейским Темным Временем, мы находим определенные структуры, которые начинают формироваться как единственная возможность подавления варварских инстинктов. Мы имеем ввиду, рыцарские союзы, то есть кастовую систему, складывающуюся как государство в государстве, правда, как государство с зачатками разума в государстве, разума практически лишенного. Так, отделение расовых элементов от племенных, происходит в качестве образования замкнутой системы человеческих взаимоотношений, в которые не проникает океан окружающего варварства и, безумие массовых нравов. Это те же люди, варвары, но уже — и не варвары, поскольку в этой замкнутой системе кастового пространства начинает формироваться духовная основа будущей цивилизации. Здесь человек начинается как дух, который исторически осознает себя частью мировой воли. Шпенглер находит подобные союзы в начале формирования всех цивилизаций, когда полноценная часть людей естественным образом отделяется от неполноценных в Темные Века, чтобы заложить очаги разумной культуры.

...

Не случайно меру наивности нашего понимания духовной сущности происхождения человека мы сравниваем с вопросом о непорочном зачатии девы Марии в схоластической философии. Мир эстетически произошел заново, раскрылся в топологической картине реальности как нечто, ранее никогда не существовавшее, поэтому для своего осознания требует совершенно новых, нетрадиционных подходов понимания. В этом смысле, хотя знания науки развиваются линейно, эстетическая картина мира в сознании людей различных цивилизаций кардинально отличается. В противном случае мир не имеет смысла, являясь механическим воспроизведением одного и того же,

мертвым движением различных масс материи и энергии, в которых человек есть такая же конечная масса материи, естественно реагирующая на внешние возбудители. То, что в этом случае эта масса материи обладает «сознанием», то есть набором психических реакций, на которых строятся абстрактные операции, никак не доказывает наличия разума в человеческой душе. Фактически речь идет об определенном биологическом агрегате, жестко встроенном в бессмысленное повторение одного и того же, поэтому это существо никак не обладает какой-то свободой волей, то есть разумным выбором. А если человек не имеет свободной воли, то он является недочеловеком, то есть quasi homo.

...

Когда мы анализируем психологическую атмосферу нравов на постсоветском пространстве, то понимаем, что она способствует развитию только неполноценной человеческой психики, по существу исключая возможность развития в ней разума. В массовом социуме вообще отсутствуют институты, где разум способен функционировать, поскольку массовый социум — это механизм, направленный на то, чтобы полностью подавить в человеке его свободную волю. Здесь уверенно и «свободно» чувствует себя только человек с неполноценной психикой, которая лишена даже проблесков разума. Причем, если в западном массовом обществе все-таки, в силу какой-то инерции, еще существует регуляция границы с этим процессом деградации человеческой души, когда минимальные психические усилия направляются на функционирование областей, где разума уже нет, но еще недавно он присутствовал, например, науку; то в постсоветском обществе таких областей просто нет. Только грубый, неспособный к внутреннему развитию разума, человек достигает здесь каких-то успехов, поскольку его душа в минимальной степени восприимчива к психическому разложению в силу своей неразвитости. И, в конечном счете, эта

дикость человеческой души отображается массово на лицах людей.

...

Почему так много разговоров о «свободе», которые ведутся на культовом уровне в европейской системе ценностей? Ответ очевиден. Когда что-то полностью исчезает в реальности, в данном случае свобода, разговоры на эту тему становятся преобладающими. Аналогичным образом разговоры о боге, которые велись слишком долго и, перед исчезновением его сознания, слишком абстрактно в позднее Средневековье. В результате, в конце концов, бог исчез из сознания реальности. Пустая болтовня «убила бога», как это утверждал Ницше. А ведь понятие, как это заметили еще др. египтяне, обладает определенной магической силой, то есть коммуникационная энергия сосредотачивается в понятии как определенной системе бессознательных ассоциаций, и не только ассоциаций. В имени заложена скрытая мощь понимания, которая вмещает в себя весь исторический путь опосредствования его сущности. Именно эту коммуникационную, почти магическую мощь понятия, Гегель рассматривал в своей диалектике, хотя само понятие и являлось рациональной абстракцией. Однако в этой абстракции у Гегеля содержалась вся полнота рациональной силы духовного начала человеческой души.

Размышляя над природой понятия в диалектике Гегеля, мы должны понимать, что понятие является в этой системе не столько областью человеческой культуры, сколько сферой, которая постоянно отрицает ее в силу наличия трансцендентной реальности, которая существует непосредственно в бессознательном существе человеческой души. Это трансцендентное не связано ни с богом, и ни с априорными субъективными представлениями о пространстве и времени, а с духовной областью, которая вообще не имеет какого-то определения. Единственное, что мы можем сказать об этой трансцендентной области, что она

психически проистекает из бессознательного инстинкта смерти человеческой души. Впрочем, аналогичное понимание духовной природы мира было у египтян, которые поклонялись смерти как источнику вечной жизни. И действительно, речь должна идти не просто о существовании этого бессознательного инстинкта в человеческой психике, которое, например, допускает фрейдизм, а о определении человека как духа, исходя из данной психической энергии. В противном случае, то есть в предположении, что человек есть то, что обусловлено трансформацией его сексуального инстинкта, он является только биологической машиной, которая не может обладать разумом. Причина, по которой в сознании человека доминирует именно сексуальный инстинкт, а не инстинкт смерти, состоит в катастрофическом ослаблении высшей психической энергии души. Она просто перестает вырабатываться, тогда как низшая психическая энергия есть не внутреннее существо человека, а лишь его ассоциативные реакции на внешние источники. Но без высшей психической энергии не существует свободы воли, тогда как свобода — сама по себе — вне разумной необходимости жизни, есть определенное состояние слабоумия. Фактически же разумное существо человека имеет психику, построенную диаметрально-противоположно, чем психика массового человека. Так, в разумной психике первоначально возникает внутренний бессознательный импульс разрушения непосредственных чувственных реакций, которые, получив топологическую информацию о реальности, возвращаются назад, то есть также осознают мир топологически. В неразумной (массовой) психике процесс получения информации о реальности имеет линейную природу, когда топология сознания возникает только в момент минимального соприкосновения с энергетическим центром высшей психики. В остальных случаях, сознание имеет вполне отчетливую картину трех составляющих: научного анализа, социальной среды и мотивации выживания

конкретной индивидуальности. Равенство познавательных элементов, которым вполне удовлетворяет научное мышление, составляет основополагающий аргумент неразумного сознания современных позитивистских представлений о человеке и происходящих исторических событиях.

...

Мы противопоставляем массовой человеческой душе — ее расовую сущность. При этом мы полагаем что расовое существо психических реакций человека фактически полярно противоположно бессознательным реакциям массового бессознательного. Здесь существует симметрия, которая отображает взаимоотношения бытия и небытия в их динамической целостности. Существовая в тотальной среде психологии *quasi homo*, разумный человек вынужден жить как в «осажденной крепости», когда он постоянно подвергается атаке агрессивного слабумия массовой культуры. Понятно, что, поскольку человек отличается от животного — разумом, он деградирует в этой культуре, которая не предполагает наличия в своих институтах разумных людей.

В вопросе о происхождении человеческих рас следует категорически отвергнуть существующую в наше время классификацию, которая полностью построена на эмпирическом мышлении. В этой классификации человек рассматривается не как разумное существо, а как биологический вид. Понятно, что биологические различия людей существуют, однако это практически не относится к исторической сущности разума, поскольку разум взаимосвязан с духовным развитием человеческой души. Ведь трансцендентная природа высшей психики человека эмпирически не может быть исследована, поэтому «классифицировать» ее в соответствии с какими то биологическими признаками — это, значит, встать на неразумную точку зрения. Но именно неразумная точка зрения на жизнь и существует в современной биологической науке.

Так, жизнь рассматривается в ней как случайный набор различных материальных процессов, чей синтез и характеризует сознание единственного вида реальности. Но с точки зрения разума все не так. Жизнь является не столько явлением эмпирическим, сколько явлением трансцендентным, если рассматривать этот феномен с позиции высших психических процессов, протекающих в душе. Она — скрытая сила, действующая в глубинах бессознательного, направленная не на продление рода, что характеризует массовые влечения, а на усилия по причастности человека неуничтожимой сущности бытия, то есть сознанию духовной реальности.

Анализируя причины, в силу которых в процессах мировой цивилизации в ней исчезло проявление свободной воли, мы должно сказать, что это прямо взаимосвязано с катастрофическим, массовым ослаблением в глубинах человеческого существа высшей психической энергии, то есть массовой утратой человеком активности в его душе разума. И хотя причины в различные исторические эпохи различны, например, в Темные Века — абсолютная власть животного начала души, а в современной культуре — тоталитарная власть технократического мышления, везде речь идет о забвении человеческого разума. Очевидно, что к забвению разума приводят, можно сказать, полярно противоположные идеологические доктрины: в одном случае, о незыблемом божественном начале, во втором, о вечном и неуничтожимом во времени существе мировой материи. И это понятно почему. Разум вообще не выражает крайностей веры, но он выражает максимум полноценности человеческой души. Поэтому так редки его высшие достижения в мировой истории, но именно эти достижения и оправдывают смысл существования всего человечества.

Когда мы размышляем над природой высшей психической энергии, действующей в глубинах человеческой души, то понимаем, что это энергия, которая существу-

ет не с человеческой стороны знакомых ассоциаций в повседневности течения человеческой жизни. Это, можно сказать, сверхчеловеческое в человеческом существе, поскольку оно не связано с инстинктом выживания, а определяет то, что существует в трансцендентном мире реальности. И если природа, с которой человек взаимосвязан через непосредственные ассоциации чувственных реакций, является его линейным отображением животного существа, то это сверхчеловеческое, то есть, собственно, его дух, не имеет отчетливого ассоциативного образа, вследствие чего и возникло представление о божественном начале. Политеистическая и монотеистическая религии, как известно, имели расхождение в том, как понимать это сверхчеловеческое: существующее в природных стихиях или в существе человеческой души? Это противоречие разбивает историю развития человечества на два различных этапа. Мы полагаем, что новейшее время характеризуется втягиванием человечества в новый длительный этап развития, который может продлиться не одно столетие. Он определен существованием сакрального ни в природе и ни в душе человека, а в онтологической сущности времени. Понятно, что ближе к онтологической сущности времени присутствует энергетическое существо высшей психики человеческой души, однако и природа обладает этим энергетическим центром сакрального существа. Таким образом, речь идет не о боге или богах, а о природе сакрального, которое отображает нечто совершенно новое для понимания человека, что кардинальным образом отличается как от политеистических сакральных представлений, так и монотеистических. В этом смысле, мы должны рассуждать о фрактальной природе онтологического существа времени, то есть об отсутствии реальности центра этой сакральной силы, но о наличии множества таких топологических центров высших ценностей в мировой истории. Фрактальное поле онтологической сущности времени, как мы полагаем, яв-

ляется силой, произведшей человека и мир. Размышляя над фрактальным полем онтологической природы времени, мы осознаем, что оно не является ни «добрым» и ни «злым». Эта сила вообще равнодушна к человеку, поскольку человек присутствует в ней одним из бесконечно малых элементов ее трансцендентной сущности. Основная черта ее присутствия в мировой истории, — суровость чувственности.

...

Особенность существования массовой психологии человека характеризуется тем, что в ней, идея человеческого разума, как таковая, отсутствует. Фрейд прямо рассматривает как происхождение человека, так и всей исторической культуры от первобытной орды приматов, что, очевидно, справедливо, если не учитывать в человеческой душе разума. В конце концов, любая теория чем-то пренебрегает, чтобы понять что-то новое. Психоанализ пренебрег разумом человеческой души и достиг значительных результатов в понимании массовой психологии человека. Ведь если исключить из познавательных способностей — разум, рассудок и чувство все равно остаются, являясь необходимым материалом анализа. Мы же, наоборот, чтобы постигнуть современную природу исторического разума, должны пренебречь массовой душой, поскольку иначе сознание будет «крутиться» в многообразии эмпирического материала, мешающего своим «мусором» пониманию существа разума.

Мы исходим из того, что, разумный человек не произошел как расовое существо разумного духа. Так, трехвековой период истории утверждения идеи о существовании разумного человека, которая зародилась в европейской культуре Возрождения, в наше время в истории западноевропейской культуре существует в тупике, тогда как варварская культура — по отношению к разуму, ничего сказать не может. Представления о варварстве существуют только тогда, когда активно сознание разумности

человеческой души, поскольку в противном случае принцип равенства характеризует лишь низшие области познания: рассудка и чувства, которые не нуждаются в понимании иерархии бытия. Небытие не обладает иерархией, ибо мысль, действующая за пределами разума, не владеет неуничтожимым началом, а скользит по поверхности существующего.

Онтологическая сущность времени есть определенное «зеркало», отображающее начало бытия в соответствии с присутствием в нем реальности сакральных сил. Характер этих сил различен в различные исторические эпохи, поэтому человек и верит в каждую историческую эпоху в совершенно разные символы. Понятно, что исторически, в прошлом мировой цивилизации эти символы характеризовались представлением о божественном начале, когда это начало полагалось силой, сотворившей мир и человека. Другой, альтернативной точкой зрения, вследствие тотального утверждения эмпирических представлений о реальности, стало представление, что мир произошел из праматерии, то есть не имеет ничего сакрального по существу. Очевидно, что обе эти точки зрения, по отношению к современной сущности объективного исторического разума должны быть признаны ложными, поскольку выражают лишь две симметричные, полярно противоположные стороны бытия и небытия.

Если проигнорировать то, что так занимает в наше время слабые социальные умы, а именно, вопросы и проблемы массовой цивилизации, то разум начинает осознавать себя в полной пустыне, в которой, собственно, его наличие как таковое отсутствует. Главная проблема адекватности исторической ситуации состоит в том, что социальные институты и нравы современной европейской цивилизации глубоко враждебны разуму, хотя именно европейская культура исторически была родоначальницей идеи господства разумного человека. Варвары же, исторически не обладая способностью объективного разумно-

го понимания реальности, в лучшем случае способны на отдельные суждения субъективного разума, которые всегда «тонут» в безумии массовых представлений о сущности окружающей реальности.

Поскольку мы исторически продолжаем традицию субъективного разума русской культуры, прерванной в 17-ом году нашествием большевистской орды, то мы оцениваем современные события, происходящие в России за пределами разума. Понятно, что марксистская теория, захватившая неразумные слои русской интеллигенции перед 17-ым годом, исторически оказалась к месту и ко времени, когда отдельные суждения субъективного разума, державшие слабый «каркас» Российской империи потонули в массовом вое либералов, заботящихся о «благах народа». Отличие 17-го года от 91-го состояло только в том, что возврат к состоянию дикости человеческой души сопровождался вообще отсутствием и субъективных проблесков разума, поскольку ни оппозиция, ни либеральная интеллигенция не имели какой-то причастности к историческому разуму, выражая внутренние разборки различных маленьких и больших вождей, обладающих реальной властью в России. И действительно, все, что здесь произошло после 17-го года и происходит в наше время, не обладает какой-то разумной реальностью. И дело, конечно, не в дикости человеческих лиц, а в обычных мелочах, которые характеризуют эту социальную реальность.

...

Если мы будем утверждать, что господство расы *homo sapiens* и есть подлинная объективная цель исторического разума, то есть стратегия будущего развития мировой цивилизации, то не ошибемся. По крайней мере эмпиризм, целиком и полностью господствующий в современных умах массовой интеллигенции, кажется, практически ликвидировал всякое представление о разумности человека, тогда как нация в наше историческое время перестала существовать. А ведь именно нация в традиционной

культуре ассоциировалась с силой, в которой действует исторический разум. И если марксизм утверждал, что национальная сущность разума уже в прошлом по отношению к воле человеческих масс, то он не ошибался только в одном — в том, что необходимо определить новую сущность разума, которая, очевидно, никак не может присутствовать в неразумной массовой душе. Понятно, что в момент катастрофического ослабления высшей человеческой психики в ней максимально активизируется неразумное, то есть массовое начало. Понятно также, что для массового сознания существует свое собственное представление о «разуме», не имеющее к подлинному историческому разуму никакого отношения. Это представление ассоциируется со стяжательством, агрессивной жадностью и другими низшими влечениями души, которые культивирует массовый мегаполис как залог «успеха» и «благоденствия» в массовом обществе. При этом именно чистая абстракция мысли, лишенная взаимосвязи с разумными движениями души, является здесь условием формирования биологической машины *quasi homo*, которая представляется для позитивистского сознания «разумной» машиной. Воля есть топологический эпицентр духовной энергии человека, если, конечно, в человеке активна разумная часть души.

...

Когда мы рассуждаем о высшей психической организации человека, то есть о разумной части его души, то объектом этой организации рассматриваем государственное устройство в ту или иную историческую эпоху. Понятно, что в Темные Века, когда в душе человека разум бездействует, варварское государство существует за пределами истории. С другой стороны, становление новой цивилизации всегда начинается с Темных Веков, поэтому рассуждения разума с «нуля» является исторической необходимостью, когда в среде варваров всегда существуют люди разумные от природы. Именно к этим людям и об-

ращена наша мысль, поскольку существование их разума в варварском государстве игнорируется. Однако мы не имеем иллюзий и по поводу цивилизации распада, какой является современная западноевропейская массовая цивилизация, где стратегический проект развития представлений о разуме оказался не только полностью реализованным на уровне технологических достижений эмпирической науки, но уже и стал препятствовать самой возможности нового исторического взгляда на сущность объективного исторического разума.

Вера в новую цивилизацию, которая должна постепенно возникнуть на территории современных варварских государств на постсоветском пространстве, существует в нашей душе в понимании, что до настоящего момента здесь использовались только низшие психические ресурсы души, и, как следствие, разум, как инструмент объективного существования мировой воли, не присутствовал. Ясно, что речь в данном случае идет не об обыденном представлении о разуме, который участвует в понимании повседневности жизни на уровне постигающих способностей рассудка, а о разуме, как о необходимой исторической силе, взаимосвязанной с природой мирового духа. Природа этого разума определяется онтологией времени в качестве вовлеченности воли человека — через высшие психические импульсы — в утверждении разумного существования. Но мы уже говорили, что в среде варваров для утверждения разумного существования необходима первоначально кастовая основа очагов культуры, в которые не проникает непосредственная дикость человеческой души. При этом следует понимать, что проникновение в варварскую культуру технологических и научных достижений цивилизации распада никак не развивает разумных основ человеческой души, а только способствует ее дегенерации, поскольку деятельность абстрактного рассудка вполне довольствуется низшей психической активностью. Таким

образом, цивилизация распада активизирует неполноценные начала человеческой души, тем самым усиливая в душе человека неразумное, когда «мусор» цивилизации, то есть в данном случае ее технологические достижения, и получают определенное развитие.

Наивными и, можно сказать, варварскими являются представления о том, что необходимо развивать технологическую инфраструктуру государства, преодолевая сырьевую экономику, поскольку эта инфраструктура развивалась бы естественным образом на порядок более интенсивно, если бы в государстве существовали хотя бы минимально объективные разумные формы существования. Однако отсутствие этих предпосылок, когда существование разумного человека, можно сказать, тотально игнорируется, исключается вообще возможность этого развития (за исключением самого минимума), поскольку наука и, в частности, ее производная — технологическая инфраструктура массовой цивилизации, являются последним проектом развития объективных представлений о разуме, то есть требуют участия в своей деятельности разумных людей. Ведь разумный человек не нуждается в пресловутой «свободе», поскольку он, как высший тип человека, свободен от природы. Высший тип человека нуждается в том, без чего не существует разум в человеческой душе, — в сознании долга перед чем-то, что превышает в своей ценности непосредственное человеческое существование. А с этим, безусловно, существуют большие проблемы в массовой цивилизации, которая лишена разумного образа жизни. Но наиболее остро проблема сознания долга существует в варварской среде, где «свобода» осознается как свободный произвол животной воли, не ограниченной какими-то моральными установками, а «разум» — как действия несвободного грабежа в ценностях воровской «малины». Такова современная психология социально-морального климата на постсоветском пространстве. Но поскольку речь идет о психологически-

моральной среде в исторической атмосфере Темных Веков, то она «естественна» для своего времени, когда разум в человеческой душе бездействует. Следует понимать, что подлинная мораль может сформироваться в государстве Темных Веков только из кастовых союзов, в которые не проникает откровенная животность человеческой души. Разум первоначально должен изолироваться от массового безумия, поскольку в противном случае безумие уничтожит разум, что и произошло на постсоветском пространстве после нашествия большевистской орды.

Таким образом, процесс активности большевистской орды на территории бывшей Российской империи завершился созданием племенных кланов, которые так или иначе, породили современные социально-политические элиты. Он характеризуется выдвижением, в первую очередь, неразумного человека во власть и в возможность обладания собственностью. Это человек крайне низкого качества, однако он — жадный, хитрый и изворотливый, каковым, вероятно, всегда был варвар Темных Веков, лишенный зачатков активности высшей психики. Он формирует массово-психологическую среду в государстве, когда государство, как собственно разумное образование, отсутствует. Подобный продукт расовой катастрофы не имеет какой-то отчетливо национальной психологии, поскольку отчетливо-национальные черты могут мешать бессмысленному образу жизни и той почти патологической болтовне, где тонут все признаки адекватности отношения к исторической реальности. Именно поэтому формирование кастовых союзов, куда не проникает эта неполноценность человеческой души, предполагает сознание долга перед будущим, в котором место подобному типу человека отведено за пределами политической реальности, поскольку исторический разум требует хотя бы минимума проблеска разума в человеческой душе.

Когда мы размышляем над проектом формирования кастовых союзов на постсоветском пространстве, то име-

ем ввиду, концентрацию разумных людей в определенных структурах, которых не касаются институты массовой цивилизации. Ясно, что в основе этих структур не может лежать какая-то известная социальная деятельность, поскольку современная деятельность массового социума неразумна и, следовательно, не может быть предметом внимания современного исторического разума. Понятно также, что целью возникновения этих союзов должна стать задача утверждения разума в повседневной жизни человека, когда она практически утрачена с начала 21 века. В первую очередь, это обусловлено отсутствием действия объективного разума в современной научной среде, где эмпиризм сознания возвратил человека к первобытному мышлению дикаря, в котором не существует понимания современного исторического разума.

Глава 8

Рациональная оценка

Размышляя над природой современного исторического разума, мы должны в первую очередь осмыслить существо полноценной человеческой души, то есть такого психического состояния человека, которое стало крайним дефицитом в современной культуре. И даже наоборот, массовая душа, можно сказать, характеризуется структурированием определенной интенсивности психической жизни, выражающей ту или иную психическую неполноценность. В полной мере это подтверждает теория психоанализа, где «препарирование» массовой души указывает на ее социальную функцию в качестве начального и конечного самоопределения. Но в таком понимании психической природы человека разум исключен, а его потенция существует только в качестве полярной противо-

положности психоаналитической модели, где центральным движущим мотивом бессознательных влечений является сексуальная энергия. Мы, собственно, и встали на эту противоположную точку зрения, утверждая, что разумной частью человеческой души движет не сексуальный инстинкт, а инстинкт смерти, то есть не биологическое, а трансцендентное существо психической энергии. Понятно, что с современной научной биологической точки зрения допустить мысль, что жизнь есть лишь производная смерти, является невозможным, поскольку материалистические представления практически абсолютно доминируют в позитивистских настроениях. Но мы, кто стоим на позициях идеалистического рационализма, полагаем, что подлинное существо жизни трансцендентно так же, как трансцендентна сущность бытия. Наше отличие от гегелевской мысли состоит в том, что мы полагаем отсутствие равенства в процессе опосредствующего перехода от небытия к бытию, которое у Гегеля рассматривается в самом научном методе, логического мышления. В нашем понимании, возможности науки очень ограничены, поскольку в ней отсутствует аппарат, который различает информацию, проистекающую из воздействия высшей и низшей психики. Ведь разум может как присутствовать в научном мышлении, когда оно обусловлено воздействием в бессознательном высшей психики, так и отсутствовать в нем, если сознание оперирует чистой абстракцией, возникающей под воздействием низших психических реакций. Поверхностное мышление вообще характеризуется подавляющей активностью низшей психики, которая формирует информацию, где разум полностью исключен, поскольку здесь действует линейная, а не топологическая модель взаимоотношений восприятия и сознания. В линейной системе взаимоотношений восприятия и сознания причинно-следственная связь является базовым основанием методов познания эмпирической науки, когда материальные процессы полагаются основопо-

лагающими в понимании психической жизни. Однако такой подход, как мы утверждаем, исследует психическую жизнь человека за пределами рациональной психологии, поскольку она определяется полем воздействия высшей психической энергии.

Фактически мы утверждаем, что человеческая жизнь «сдувается» онтологическим потоком времени под воздействием бессознательной активности инстинкта смерти в глубинах души. И этот инстинкт, в отличие от сексуального, никак не сублимируется, поскольку он вообще протекает за пределами социальной психологии жизни. С другой стороны это топологическое «сдувание» происходит в качестве участия отдельной человеческой воли в действии воли мировой, которая существует как поле реальности мирового духа. Понятно, что реальность существования и мирового духа, и мировой воли не может быть определена эмпирически, поскольку эта реальность существует в мире трансцендентной энергетической основы бытия, которая бессознательно взаимосвязана с инстинктом смерти человека. Подобная энергетическая основа, в силу своей недоступности для непосредственного чувственного восприятия, скрыта для повседневной жизни человека, которая проецируется на биологические и технические задачи и цели. И вообще, мы должны признать, что биологические и технические основы человеческого сознания не являются разумными по существу, поскольку в них отсутствует влияние трансцендентных (высших) слоев психики. Ведь психика постоянно «слоится» феноменами сознания, которые приносят информацию о трансцендентной реальности, однако эти феномены, безусловно, значительно менее интенсивны, чем феномены сознания непосредственного чувственного восприятия. В последних отсутствует наивысшая целостность души — это необходимое условие активности в ней разума.

Проблема целостности полноценной человеческой души есть проблема связности феноменов сознания, получаемых в качестве понимания трансцендентной реальности бытия. Отметим, что эта проблема была поставлена в ницшеанской философии как, кардинальное отличие высшего от низшего типа человека, а мы лишь возвращаем подлинный критерий неравенства людей, который лежит в способности одних людей — действовать на основании разума, а других — нет. В этом смысле и существует основа истории философии, как области познания, которая в первую очередь ориентирована на познавательные способности разума. При этом очевидно, что понимание существа исторического разума предполагает, что его сущность отображается в воле человека, которая выполняет определенный долг перед сакральной природой бытия. Мы вообще рассматриваем представление о существе свободы только в качестве избавления души от сознания долга и, следовательно, от действия разума в душе. Правда, новое понимание исторического существа разума способно апеллировать к духовной свободе, но только тогда, когда впереди интуитивно видит новую сущность долга. В противном случае любое представление о свободе становится сознанием животного произвола влечений, чье действие существует за пределами разума, но зато в пределах представленной массовой души. В результате, массовая культура и массовая цивилизация, отображая анти разумную систему ценностей, являются основанием политической государственной модели, формирующей неразумного человека, то есть *quasi homo*. Исследованием психологии *quasi homo* занимался психоанализ, когда каждый из нас может увидеть в себе присутствие этой неполноценной психической энергии, осознавая, что ей должна существовать безусловная альтернатива в психической жизни человека.

...

В нашем противопоставлении психологии homo sapiens и quasi homo выражается сознание основного нравственного противоречия нашей исторической эпохи. Так, для того, чтобы человек отличался от животного, он не просто должен мыслить, а должен мыслить разумно, то есть содержание его мышления должно отображать бытие в качестве действия неуничтожимого начала реальности. Таковым мы полагаем онтологический принцип времени, который взаимосвязан с человеческой душой через ее трансцендентные бессознательные слои психики. Онтологическая природа времени мыслится фрактально, то есть характеризует определенную целостность отдельных фрагментов бытия, «натянутых», топологически на эстетические тензоры сознания. Здесь отдельные топологические «блоки» бытия вычленив из потока небытия достаточно сложно, поэтому философия всегда находится в некоторой «стороне» от текущих проблем повседневности человеческой жизни. Основа данной «стороны» — действующий исторический разум, который всегда, в силу действия высшей психики, направлен «против» движения потока непосредственных чувственных ассоциаций. Таким образом, уже в самой психологической основе действия разума определена топологическая структура реальности, которая отображает феномены сознания, не обусловленные непосредственностью чувственных ассоциаций. Другими словами, в действии объективного разума присутствует не только человеческая воля, но и воля, обладающая определенным сакральным характером. Мы не можем относиться к действию этой воли как к чему-то религиозному, поскольку в этом случае должны были бы отказаться от своего разума.

...

В понимании расовой сущности человеческой души мы должны осознавать, что активность ее воли полярно противоположна активности влечений массовой психологии человека. В этом смысле марксизм, апеллируя к мас-

совым инстинктам человека, формирует сознание представлений в соответствии с чувством свободы, которое существует в одной из самых недоразвитых — по отношению к разуму — форме сознания социального коллективизма. В силу этой одной из наиболее примитивных форм исторического сознания, подобная теория распространилась у народов, в которых существование объективного исторического разума традиционно отсутствовало, например, в России и Китае.

В среде варваров, в которой нам было суждено родиться и жить, основная проблема существования человека состоит в том, что в варварской культуре практически ничего не указывает на наличие объективного разума. Кроме того, каждый из нас бессознательно впитал в себя эту варварскую культуру, в которой отсутствует ценность разумного понимания человека в соответствии с его исторической ценностью. Ведь технические достижения цивилизации не-историчны, поскольку в них практически отсутствует эстетическое созерцание, то есть единственная возможность концентрации сознания на онтологической сущности времени. В этом смысле субъективный разум, который характеризует существование русской культуры до 17 года, то есть до нашествия большевистской орды, был здесь практически ликвидирован как «класс», то есть как расовая прослойка людей в племенной среде. В результате ликвидация разума как «класса» породила здесь различные фантазии по поводу подлинной сущности разума, культивируемые через марксизм, такие как «коллективный разум». Вследствие всех этих марксистских фантазий, фальсифицирующих сущность исторического разума, на постсоветском пространстве плотность quasi homo достигла катастрофических размеров, тогда как плотность людей разумных, наоборот, катастрофически уменьшилась. Единственное, на чем еще держатся в наше время варварские государства, образовавшиеся после распада советской системы — это по-

тенция нереализованной высшей психической энергии души, которая практически не участвует в системе неразумных социальных отношений. Эта потенция способна блокировать наиболее глубокие процессы разложения психики, характеризующие судьбу западноевропейских народов.

Понятно, что события 91 года характеризуются процессом второй волны «большевизации» постсоветского пространства, когда попытка объединения здоровых политических сил была рассеяна новыми варварскими фантазиями, на этот раз о «либеральной политической системе» в России. «Большевизация» выражалась ликвидацией в политической власти всех проявлений расовой, то есть минимально разумной активности человеческой души, и, как следствие, разрушительными процессами, характеризующими это историческое явление. «Винить» в этих событиях внешние силы — бессмысленно, поскольку политические цели развитой цивилизации лежат на поверхности: обезопасить себя от непредсказуемых действий варваров. Основная причина распада СССР — ничтожно-малый потенциал разумных людей во власти, к тому же выступающих практически всегда на периферии политической жизни. Однако подобная ситуация определяет события всех Темных Веков мировой истории, когда человечество переживает процесс расовой катастрофы, где наиболее глубокие «ямы» расовой катастрофы существуют как раз во «мраке» разума.

Основной проблемой формирования основ государственности как в России, так и в большинстве государств на постсоветском пространстве, является отсутствие в них отчетливой идеи существования самого государства, поскольку подлинное государство должно иметь какую разумную цель существования. Это человеку достаточно иметь субъективную разумную цель, чтобы каким-то образом быть причастным событиям мировой истории, но государство в первую очередь обосновывается необ-

ходимостью объективно разумной исторической цели. Ведь государство, как общность людей, возникающая в силу исторической необходимости, должно выражать духовный потенциал мировой истории в разумной действительности сил, изменяющих ход ее исторического развития. Варвары же, лишенные разума, полностью неадекватны в историческом мышлении, когда, например, события образования военизированной большевистской орды, разрушившей русское государство, готовы праздновать как «день защитников отечества». Кто они тогда такие — эти варвары: русские? — очевидно, что нет, поскольку национальное самосознание не способно «праздновать» национальную катастрофу. Значит, речь идет о некоей массе людей, лишенной каких-то самых зачаточных национальных и, вообще, разумных проявлений души. То, что этой варварской массе людей пытаются привить какие-то религиозные навыки, конечно, следует относить к благим намерениям, однако эта масса, «россияне», не имеют никакого отношения к разумному историческому духу, поскольку история монотеистических религий «отрезана» нашествием большевистской орды.

Одним из основных критериев действия разума в человеческой душе является ориентация сознания человека на высшие ценности, наличие которых, и определяет самостоятельный характер цивилизации, в которой протекает жизнь человека. С другой стороны, вопрос о разделении ценностей очень непростой. Ведь подавляющее большинство людей вообще способно реализовывать только те ценности, которые им внушает массовый социум, не вникая в их качество. А качество ценностей массового социума строится по самой низкой шкале, основной чертой которой является — игнорирование существования человеческого разума. Потребление, этот движущий «мотор» процессов массовой цивилизации, предполагает, что человек является не разумом, и не духом, а работающей машиной. Эта машина, сконструирована таким обра-

зом, чтобы минимально напрягать разумную часть своей души, существующую в высшей психике. «Конструированием» подобной машины занимается та часть неразумного человечества, которая максимально активизировалась в результате процессов расовой катастрофы, то есть именно те люди, которым разум дан минимально от природы.

...

Вообще, когда мы размышляем над расовой природой *homo sapiens*, то в нашем воображении возникает не полу первобытный человек, эволюционировавший из обезьяны, а история высшей культуры мировой цивилизации, локально проявляющейся на фоне монотонного течения массовых инстинктов людей. Отдельные топологические блоки высшей культуры описал Шпенглер, и мы не будем вдаваться в их описательный момент. Для нас важно понять, что начала высшей культуры пробивали себе дорогу в неразумной инстинктивности масс людей, но постепенно исчезали вследствие расовой катастрофы. В этот момент на развалинах старой цивилизации утверждались варвары, которые окончательно «гасили» все проблески разума, пока разум не восстанавливал свои позиции на принципиально новых основаниях. Подобный топологический характер развития цивилизации был исключен в позитивистских представлениях о разуме, где его победа линейно утверждалась в качестве достижений науки и техники.

Одним из основных предрассудков позитивизма, в нашем понимании, является представление о линейной природе времени, которое бессознательно перешло в него из религиозных монотеистических представлений. Принципиальное отличие религиозной сущности монотеистического времени от позитивистских представлений состоит в том, что, если в религиозной истории ничего не меняется, будучи «вечно» по божественному усмотрению, то в позитивистском представлении о времени, наоборот,

все во времени постоянно меняется, отрицая предшествующие формы. Подобное противоречие, очевидно, состоит лишь в выборе начальной точки понимания: с одной стороны, чисто духовного существа времени, связанного с его божественной сущностью; с другой стороны, наоборот, времени, как силы, «освещающей» многообразие действующих материальных сил бытия.

...

Мы «работаем» в рационально-объективном содержании его понимания, где время рассматривается как топологическая сущность бытия. Основная особенность топологической природы времени выражается в отсутствии в нем психологически-монотонного восприятия, которое определяет его физическую сущность, а также психологическую сущность массовой души. И действительно, не случайно массовая психология человека так естественно вписывается в активность технократической цивилизации, как, впрочем, и варварская психология человека. Причины мы видим в том, что и массовая и варварская психология человека строятся по принципу неразумных движений человеческой души, когда бессознательная мотивация целей возникает не в соответствии с какой-то разумной необходимостью, а в естественно-животных влечениях души. То, что эти животные влечения вытесняются под воздействием напряжения социальных структур, никак не влияет на активизацию разума в человеческой душе, поскольку он активен только под воздействием процессов высшей психики. Массовый социум же, наоборот, культивирует именно низшие психические процессы человека, вследствие чего универсализм психологии *quasi homo* во всей мировой цивилизации определяется отсутствием активности в душе разума.

...

Когда мы изучаем классические философские труды, где такие авторитеты как Кант и Гегель положительно оценивают социальные институты, мы все-таки должны

понимать, что социальная психология человека 18-19 веков кардинально отличается от современной социально-массовой психологии человека в первую очередь попыткой создать объективные государственные структуры, которые бы давали возможность раскрыться разуму человека. Мы полагаем эту попытку неудачной, поскольку массовые социальные институты создали систему, которая не только не способствует активности разума человека, но, наоборот, препятствует ей. Классический идеализм западноевропейской философии, очевидно, сложился как противопоставление трансцендентной идеологии схоластики, утверждающий вторичность происхождения материального мира, причем это противопоставление происходило в первую очередь в пределах расовой психологии человека. В расовом сознании человека, в отличие от массового сознания, жизнь полагается вторичным феноменом от первичной загадки бытия. Поэтому техника мышления и аргументы классической философии Нового Времени складывались в пределах рационального понимания действительности, где материализм получал лишь статус равноправного присутствия реальности.

Вопрос о различении бытия и небытия является в истории философии одним из основных. Так, человеческие цели и стремления отображают определенную топологию тензоров человеческой души, то есть взаимосвязь скрытых, бессознательных, и открытых, то есть доступных для осознания психических процессов энергии. Вообще, с этой бессознательной психической энергией не все так просто, когда пытаются то рассматривать ее исключительно в «человеческом» ключе, то сводить все, что выходит за пределы индивидуального начала души, к сфере социальной реальности. Мы определились в отношении массового социума, полагая что он — суть явление неразумное.

Мы рассматриваем полноценность человеческой души только в расовом контексте. Под «расовым» нача-

лом души мы понимает меру психической целостности, которая определяет, в свою очередь, меру активности разума в душе. При этом какой бы полнотой информационной базы не было занято мышление в своих интеллектуальных операциях, оно не может быть разумным, если оно не определено движениями высшей психики. С другой стороны, возврат человеческой психики к непосредственности животного состояния, которое ставит знак равенства между: племенной, массовой и варварской психологией, характеризует процесс расовой катастрофы, то есть объективную потерю разума в действующем мышлении человека.

Раса, вообще говоря, возникает, развивается и исчезает во фрактальной реальности бытия, которое, в отличие от небытия массового сознания, постоянно присутствует рядом в человеческой душе, но не всегда определяет сознание человека. По существу и сознание и бессознательное суть топологические области реальности, которые способны «перетекать» друг в друга в качестве психоэнергетического восприятия времени, когда мотивация поступков человека выражается в качестве меры активности в его душе разума. Другими словами, в воле человека должна присутствовать энергия мировой воли, то есть поток высшей психической энергии. При этом мы должны понимать, что психическая энергия человеческих масс не является волей мировой, поскольку подавляющая часть этой энергии имеет животный характер, когда жизнь осознается исключительно непосредственно в качестве материальных феноменов сознания. Мы относим характер этой воли к матриархальной психологии человека, поскольку патриархальный дух, в первую очередь, требует момента опосредствования чувственного восприятия. Это опосредствование может происходить только в качестве сознания первичности трансцендентного мира.

Исключение разумного человека как основы всего предшествующего опыта развития мировой цивилиза-

ции из массовой культуры, стало очевидным фактом нашего времени. Такова вообще вся массовая цивилизация, с особенностями оттенков исторических нравов того или иного народа, когда неразумный человек стал основой и оплотом массовой культуры, где самые ничтожные цели возводятся в ранг «всемирно-исторических» задач, подобно целям выживания человечества. Ведь с точки зрения исторического разума вопрос ставится полярно противоположно: если человечество не имеет какой-то объективно разумной цели, то имеет ли смысл его дальнейшее существование? Однако подобный вопрос в пределах неразумной массовой культуры не может быть поставлен. Понятно, что объективность разума современной науки давно уже стала мифом, на который массовая культура ссылается как на безусловный авторитет, как в свое время схоластическая философия ссылалась на безусловный авторитет существования бога. И как в эпоху средневековья усомниться в существовании бога было равносильно безумию, так и в наше время усомниться в авторитетности суждений официальной науки равносильно быть подвергнутым полному остракизму. Впрочем, это не мешает рассматривать с точки зрения современной науки процесс развития истории мировой цивилизации с позиции вытеснения сексуальных подсознательных влечений, то есть фактически утверждать — неразумное существо человеческой души как основу появления всего многообразия культуры.

...

Поскольку в основе нашего понимания бытия существует сознание его начала как онтологической природы времени, то ни духовная, ни материальная сущность реальности не может полагаться первоначальным принципом познания. И действительно, нельзя осознать время ни как только материальную субстанцию, ни как только субстанцию духовную. Единственное, что мы можем сказать в вопросе происхождения онтологии вре-

мени, что она определенным образом взаимосвязана с высшей слоями бессознательной психики человека. При этом взаимосвязь с этими подсознательными слоями указывает на не социальное начало происхождения рациональной психологии человека, когда ее появление и исчезновение в феномене высшей культуры происходит периодическими фрактальными полями. Под фрактальным полем рациональной культуры мы понимаем сакральное сознание реальности, которое, в отличие от религиозных представлений, не сводится к обожествлению какого либо принципа бытия. Вообще, это область подлинной философии, в отличие от других областей сознания человека, выражает наивысшую ценность не в самой вере, а в самом процессе познания. Другими словами, именно процесс познания истины здесь определяет подлинное вдохновение человеческой души. Фрагменты фрактальных полей рациональной объективной культуры, возникавших в истории мировой цивилизации, описал Шпенглер, указывая на их бессознательную взаимосвязь, характеризующуюся, как локальным временем существования в мировой истории, так и исключительно глобальным влиянием на дальнейшее развитие мировой цивилизации. В отличие от субъективного разума человека, который не определяет судьбу мировой цивилизации, фрактальное поле объективного разума является ее внутренней основой развития, выражая определенное самоподобие этих фрактальных полей в истории. Понятно, почему Шпенглер не определил внутреннюю взаимосвязь высших культур в мировой истории, ибо эта взаимосвязь имеет фрактальный характер, то есть отображает эстетические структуры реальности, обладающие внутренней целостностью, выходящей за пределы линейных представлений о процессах мировой истории. И вообще, топологически-фрактальный принцип эстетической структуры как основы объективного разума в познании является новым пониманием фило-

софской культуры, чьи предпосылки следует искать в шопенгауэровско-ницшеанской мысли.

Первое, что определяет сознание топологии эстетической структуры — ее принцип самоподобия. При этом в топологии эстетической структуры существует определенная система тензоров сознания, в которых присутствует достаточная напряженность онтологического ритма времени. Другими словами, разумная воля действует из совершенно других бессознательных движений человеческой психики, чем воля человеческих масс. Между ними существует кардинальное различие, когда, с одной стороны, выражается человеческий разум, а с другой — его мистификация. Понятно, что мистификация реализуется в первую очередь в представлении, что бурная активность человеческих масс что-то принципиально меняет в истории человечества. Мы полагаем, что как раз наоборот, активность человеческих масс препятствует (блокирует) действие разума, поскольку массовые коммуникации в первую очередь выражают неразумность человеческой души, стремящейся к максимально примитивным психическим реакциям, построенным исключительно на низшей системе влечений. Безусловно, эту систему психических реакций можно сводить к бессознательным сексуальным влечениям, если, конечно, предполагать, что человек произошел от обезьяны. Мы же, полагая, что человек произошел от высшей психической энергии мирового духа, утверждаем, что низшая психическая система реакций активизируется только в эпоху расовых катастроф, то есть в исторический момент, когда действие человеческого разума максимально ослаблено. Ведь, в конце концов, вопрос о «доверии своим чувствам», из которых исходил гуманизм с его последовательной критикой религиозного идеализма в первую очередь исключил возможность доверять человеку своим высшим психическим импульсам души. Единственная сфера мысли, относящаяся к гуманизму-немецкий идеализм, который по-

требовал по крайней мере равноправия доверия человеку всей полноте своего бессознательного чувственного восприятия. Именно здесь и необходимо искать подлинный поиск трансцендентного мира рационального бытия, первоначально, как известно, осмысленный Кантом в априорности представлений о пространстве и времени.

Однако доказательство существования трансцендентальной реальности, как известно, у Канта проистекает из научного понимания существа вопроса, суть которого сводится к доказательству от противного. Так, необходимость существования вещи-в-себе предполагает, что вещественный мир, помимо чисто эмпирической природы, данный нам в непосредственности чувственного восприятия, имеет еще и природу трансцендентную, которая отображает сверхчувственное в качестве недостижимости для чувств априорных представлений. Мы утверждаем, что дело здесь не в научном обосновании существования трансцендентного мира, а в более сложном, чем это полагалось в гуманистических представлениях, строении человеческой психики, в которой вопрос о доверии своим чувствам гуманизм свел почти полностью к вопросу о доверии к непосредственному чувственному восприятию. С другой стороны, необходимо рационально правильно понимать понятие Гегеля «опосредствование», на котором строится вся его диалектика мышления, поскольку процесс опосредствования выражает «смешение» высшей и низшей психики человека, которое является необходимым условием ее полноценного функционирования. Таким образом, в диалектике мышления Гегеля речь идет об участии всей полноты психической жизни человека в процессе познания, где первичную функцию опосредствования выполняет энергия высшей психики. В противном случае «доверие своим чувствам» будет оставаться исключительно на уровне непосредственного восприятия, которое отображает только материальные феномены реальности.

Вообще, процесс опосредствования предполагает, что найдено «средство», которым объективный разум оперирует в реальности или, наоборот, объективная разумная реальность воздействует на субъективный разум человека. Например, таким обоюдоострым взаимодействием субъективного и объективного разума в России до 17-го года было активное наличие первого и пассивное — второго. Это было определено тем, что субъективный разум в России до нашествия большевистской орды формировался как влияние существования объективного разума западноевропейской культуры, с одной стороны, и доминирования патриархально-расовой психологии в государственной жизни, с другой. С обеих сторон здесь выступали полноценные принципы существования человека, хотя, конечно, отсутствие объективной рациональной культуры определяло рыхлый государственный аппарат.

Историческая сущность действия разума в человеческой душе характеризует наличие топологической системы коммуникации, протекающей не в массовой, а в расовой основе бессознательных реакций. Массовая система действия бессознательного, как мы полагаем, достаточно изучена психоанализом, когда наука дает возможность «заглянуть» в систему бессознательных влечений со стороны представлений о социальной сущности человека. Однако мы утверждаем, что разумный человек не только не является социальным существом, но, наоборот, массовая социальная система минимизирует действие разума в человеческой психике. Система бессознательных психических реакций, на основе которых формируется массовое сознание, протекает в области низшей психики. Воздействие на систему низшей психики массовых социальных коммуникаций предполагает, что разумный дух не может протекать в человеческой душе, поскольку блокируется множеством неразумных социальных мотиваций, почти исключительно направленных на выживание. Таким образом, безвременье, характеризующее ми-

ровую историю в процессах расовой катастрофы, определяет существование человека как неразумного социального животного (*quasi homo*), однако обладающего определенными навыками технической и экономической деятельности.

Расовая сущность человека возникает и развивается из процессов высшей психики. При этом, с точки зрения объективного разума, не расовая сущность должна определяться как производная от биологического развития человека (как это имеет место в современных представлениях эмпирической науки), а наоборот, социально-массовая сущность, поскольку последняя является результатом глубокой деградации человеческой психики и исчезновения в ней действия объективного исторического разума. Ведь разумное существо бытия должно отображать в первую очередь взаимосвязь с пониманием воздействия сакрального начала реальности на человеческую волю, которое выходит за пределы религиозных представлений. Мы полагаем, что историческая мораль возникает как исторический «договор» разумно мыслящих людей в среде массового слабоумия, характеризующего любой массовый социум. В противном случае именно массовое слабоумие становится массовой «моралью». Именно это массовое слабоумие исторической эпохи, определяющей социальную мораль, и требовал преодолевать Ницше, поскольку слабоумие лишает человека разума, заполняя его сознание различными фантазиями о происходящей вокруг него исторической реальности.

Расовая сущность человека в историческом смысле выражает действие бессознательного морального принципа, который не может быть приведен к массовой системе ценностей. Между расовой и массовой сущностью человеческой души существует симметрия прерогативы ценностей, которая определяет соответствующее различие между государственной и социальной организацией. Так, социальная массовая организация может быть кон-

струирована в исторической среде с отсутствием как таковой объективной рациональной культуры и, более того, в варварской среде, поскольку в подобной среде высшие начала человеческой психики практически бездействуют. Идеология же, это орудие неразумного существования человека, отображает лишь меру конструктивного элемента массовой организации жизни, лишенной разума, но в полной мере наполненной верой в неуничтожимую сущность материи. Вообще, эта вера в неуничтожимую сущность материи определяет постепенное смещение сознания человечества к ценностям матриархальной психологии, поскольку психологическое спокойствие здесь отображает полное доверие производящим силам природы. «Покорение» же природы, из которого инстинктивно исходит технический прогресс, есть ни что иное как один из наиболее эффективных механизмов подавления сексуальной энергии массовой души, с которым очень продуктивно работал психоанализ, исследуя ее бессознательные влечения. И действительно, психоанализ адекватно сводит источник низших бессознательных влечений массового человека к инфантильным влечениям к матери, то есть к психическим усилиям, практически целиком и полностью обусловленных инстинктом выживания, в котором отсутствуют разумные усилия воли. Так человек «выживает» в системе социальных ценностей и субъективных психологических переживаний.

Когда мы размышляем над природой действия человеческого разума, то в первую очередь должны осознавать, что он существует на основе высших психических реакций, поскольку низшие психические импульсы формируются в тех психических пластах, где человеческое и животное безраздельно слито, а значит, не обладает свободой от неразумного начала. При этом реальный процесс освобождения от животной непосредственности души является достаточно болезненным для человека, поскольку не направлен на эмпирические объекты, а значит, тре-

бует достаточного усилия, чтобы удерживать их в сознании. Высшие психические импульсы рождаются в бессознательных влечениях как психическая энергия, которая разрушает естественный поток чувственного восприятия, то есть исторически бессознательно ищет объекты трансцендентной природы. Таким образом, трансцендентные начала высшей психической энергии души являются реальным источником действия объективно-го разума в мышлении. Очевидно, что технический прогресс, по существу, не может быть не только производителем феноменов трансцендентной природы сознания, но и, наоборот, препятствует их существованию в нем, поскольку стремится максимально связать представления непосредственного чувственного восприятия в сознании единственно возможной реальности. Другими словами, именно на бессознательном уровне массовая цивилизация уничтожает возможность активности в человеческой душе разума. В результате именно неразумный человек (*quasi homo*), или просто — массовый человек, стал базовой основой существования современной технократической цивилизации, тогда как разумный человек может довольствоваться лишь возможностью реализации субъективной позиции, которая, правда, не выходит за пределы его личного мнения.

Понятно, что глобальная историческая аномалия существования массовой цивилизации, которая запрограммирована на формирование неполноценного, то есть неразумного человека, не может быть отнесена к какому-то рациональному «проекту» ее развития, но выражает прямо противоположное — иррационализм бессмысленной животной жизни мегаполиса. Здесь постоянная апелляция к «научности» бессмысленного образа жизни массового человека не уточняет, что речь идет, собственно, только об эмпирической стороне науки, тогда как наука фундаментальная, проистекающая из всей исторической идеологии развития науки, не имеет какого-то определен-

ного рационального основания в наше время. При этом, также «последовательно» бессмысленно эмпирическая наука ищет и находит происхождение homo sapiens в биологии, тогда как существо разума в действительности является трансцендентным, отображая биологическое начало только как функцию реальности, стоящую в иерархии познания на самом примитивном уровне сознания.

Таким образом, если определять начала разума в бессознательных влечениях человека, то они существуют полярнопротивоположно его инстинкту выживания, и, следовательно, сексуальным влечениям. Мы определяем это начало в бессознательном инстинкте смерти, то есть в естественном стремлении человеческого духа освободиться от воздействия соматических психических реакций. Это заложено в глубинах человеческой души, безусловно, «свыше», однако следует категорически отвергнуть здесь какую-то религиозную позицию, поскольку религиозные представления исходят из представления о «чуде» в усилиях разума определять сущность духовной реальности. Мы же исходим из естественного — для разумной организации основы человеческой души — потребности освобождения духовной жизни от бессознательных животных влечений. По-видимому, наиболее близко в понимании расовой сущности человеческой души homo sapiens подошел Гегель, именно как объективный рационалист, когда определял этот процесс как опосредствование, то есть поиск средств разума для полноценного существования воли.

Мы полагаем, что научная основа мышления есть следствие, а не основание подлинного действия разума, поскольку абстракция в чистом виде отображает не сам разум, а его функцию рассудочных операций. Система рассудочных операций, подобная машинно-компьютерной системе операций, на которой строится современная система технократического мышления, выражая работу низшей человеческой психики, не содержит в себе момент

опосредствования, то есть участия трансцендентных феноменов сознания в процессах мышления. Трансцендентный феномен сознания возникает как онтологическое созерцание времени, когда сознание заполняет высшая психическая энергия. В этот момент все непосредственные чувства пресекаются деструкцией высшей психики, то есть разрушением естественного течения бессознательных животных влечений. Таким образом, мы полагаем, что в основе рационального мышления существует необходимое наличие эстетического созерцания, выражающего онтологическое созерцание времени как присутствие сакрального существа фрактальной реальности. Принципиальное отличие онтологического созерцания времени от созерцания пространства состоит в том, что первое необходимо требует активности высшей психической энергии души человека, тогда как для второго достаточно низших психических феноменов. Это связано с тем, что феномены созерцания пространства отображают в минимальной степени онтологию бытия, тогда как феномены времени отображают ее в максимальной степени.

...

Одним из принципиальных утверждений нашей философии является положение, что действие разума в человеческой душе взаимосвязано с бессознательным инстинктом смерти. Здесь, безусловно, мы оказываемся на позициях, противоположных как религиозным представлениям, так и социально-массовым представлениям о человеке, поскольку все социальные теории, и гуманизм, и христианство рассматривают моральную сторону человека в безусловной полярности добра и зла. В этих ценностях добро соответствует инстинкту самосохранения человека, а зло — всему тому, что отрицает этот инстинкт. В этом смысле психоанализ Фрейда строит свои логические умозаключения вполне в духе позитивизма, когда расщепляет инстинкт самосохранения на составляющие, в центре которых существует бессо-

знательное сексуальное влечение. Другое дело, что, поскольку психоанализ частично выходит за пределы научного представления, он признает наличие в общей системе бессознательных влечений человека присутствие инстинкта смерти. Эта психоаналитическая мысль, которая делает фрейдизм достаточно диалектичным учением, интуитивно предполагающим некие законы метапсихической структуры человеческой души. И именно бессознательный инстинкт смерти выражает здесь метапсихический момент, поскольку этот инстинкт, очевидно, никак не вписывается в общую систему биологической структуры активности психики.

Если психоанализ Фрейда исходит из системы бессознательных влечений человека, то мы исходим из анализа побудительных бессознательных импульсов воли. Определяя подлинный «мотор» действия индивидуальной воли человека в бессознательном инстинкте смерти, мы полагаем, что социальные связи суть минимизация активности воли человека, которые рассеивают единство волевых импульсов в неразумных влечениях массовой души. Таким образом, массовая культура, по своей способности ликвидировать разумные движения человеческой воли, является уникальной в мировой истории, поскольку никогда в мировой истории не имелось столько неразумных массовых институтов, направленных только на одно — препятствовать действию разума в человеческой душе. Эта система фактически конструирует своей активностью психологию матриархальных ценностей, то есть такую основу бессознательных влечений, где активность разумной воли настолько минимальна, чтобы только *quasi homo* естественно выживал в ней. Однако именно эта «естественность» и вызывает у нас большие сомнения, поскольку является абсолютно неестественной для психологии разумного человека. Но чтобы эта неестественная «естественность» была вне какого-то сомнения для критически настроенного ума, мы находим це-

лую индустрию по убеждению в единственной основе ее существования для человеческой психики, вплоть до «научного» обоснования происхождения homo sapiens от человекообразной обезьяны. И действительно, мысль о том, что человек произошел от обезьяны, в полной мере удовлетворяет биологической позиции эмпиризма, которая существует за пределами современного исторического разума, однако раскрывает всю интенсивную активность поверхностного рассудка, оперирующего представлениями в пределах социальной сущности человека. Мы полагаем, что разумный человек не может быть социально-массовым существом по определению, поскольку в противном случае он вынужден потерять разум.

Таким образом, одним из центральных утверждений нашей философии является положение, что человеческий рассудок и разум имеют различную бессознательную основу психических реакций. При этом основным аргументом этого доказательства является наличие у человека высшей психики, формирующей сознание трансцендентной реальности. Высшая психика взаимосвязана с бессознательным инстинктом смерти, который аккумулирует волевые импульсы, отображающие разумные движения человеческой души. Здесь невозможно действие логических операций, как у вычислительной машины, подобной компьютеру, поскольку механические импульсы участвуют в этих процессах настолько минимально, что ими можно пренебречь, а машинная техника воссоздает исключительно подобие низшей человеческой психики.

Поскольку действие разума в человеческой душе истекает из высшей психики, а высшая психика имеет совершенно иную основу естественности, чем естественность непосредственного животного существа человека, и даже, можно сказать, полярно ему противоположна, то оценка современной системы функционирования массового мегаполиса является тотально неразумной. Под этой тотальностью мы в первую очередь понимаем эмпиризм

как единственную основу функционирования интеллекта, который формируется низшими психическими импульсами души. А эмпиризм практически полностью определяется непосредственностью чувственного восприятия, где импульсы высшей психики отсутствуют.

Когда мы размышляем над системами классической западноевропейской философии, то замечаем, что вопрос о сложной природе человеческой психики решается в них достаточно примитивно, за исключением философии Гегеля и Ницше. Причем, если у Гегеля существует определенная техника перехода от состояния низшей психики к состоянию высшей психики, которую он характеризует как процесс «опосредствования» в процессе раскрытия универсальности понятий мышления, то у Ницше вопрос о сложной природе человеческой психики с точки зрения ее иерархии является одним из центральных. Гегель понятием «опосредствования» утверждает, что непосредственность эмпирического восприятия должна быть необходимо преодолена в рациональном понятии. В противном случае непосредственное восприятие характеризует разум как форму его потенции, которая в случае отсутствия момента опосредствования является одним из проявлений небытия. Но поскольку в диалектике Гегеля любое явление симметрично своей противоположности в основе центральной противоположности: бытия — небытия, то логика этой противоположности необходимо предполагает момент снятия одной из противоположностей в универсализме мыслительных способностей человека. Понятно, что в такой исключительной вере в интеллектуальные возможности человека еще в полной мере присутствует влияние позитивистских представлений о разуме.

Ницше, как мы полагаем, отрицал возможности универсализма человеческого мышления, поскольку его эпоха определялась началом пессимизма, вызванного недоверием к нивелированию наукой иерархии бытия. И дей-

ствительно, абстрактная наука, в силу своих обоснований в эмпирической непосредственности восприятия, требует, чтобы к действию низшей психики не примешивались какие-то сложные психические импульсы, которые нельзя идентифицировать в научной абстракции. Однако подлинное эстетическое созерцание, на котором строится рациональное мышление, как раз и формируется наличием этих сложных психических импульсов, из которых возникает душевный подъем. Причем сознание эстетического созерцания может как совпадать с позицией современной науки, как это было, например, в эпоху великих научных открытий, так и быть им противоположно, если мы оцениваем, например, современные позиции почти тотального господства в науке эмпиризма. Вообще, эстетическое созерцание строится на основе импульсов высшей психики, которые проецируют в сознание трансцендентные начала существования бытия. Эти высшие импульсы образуют восприятие фрактальной реальности, то есть такой системы психических реакций, которые действуют не только независимо от низшей психики, но и диктуют ей разумные основания существования.

Другим, одним из основных положений нашей философии, является утверждение, что именно разум активизирует целостность действия волевого акта под влиянием высшей психической активности человеческой души. Фактически разум производит определенное насилие над непосредственностью чувственного восприятия, в котором существует эмпирическое сознание. Подобное насилие суть реальность разумной действительности. С другой стороны, именно здесь существовала одна из основных исторических причин конфликта между политеизмом и монотеизмом, когда первый утверждал, что инстинкт самосохранения человека не есть ценность, тогда как второй утверждал, что этот инстинкт определяется божественным началом. Позитивизм, в отличие от монотеистических установок религиозного сознания, лишь

утверждал, что инстинкт самосохранения «естественен» для бессознательного состояния человека и, более того, из непосредственного действия этого инстинкта человек произошел от обезьяны. Мы же полагаем, что такого рода «естественность» свойственна для человека с минимальным действием разума в душе, который легко отказывается от своей индивидуальности, подпадая под гипнотическое воздействия массовой культуры. Понятно, что этот неразумный человек, *quasi homo*, составляет подавляющее число людей в массовой цивилизации. Однако для нас очевидно, что этот тип человека не определяет направления развития мировой истории. Доминирование подобного типа человека, наоборот, указывает на определенный исторический регресс человечества.

Психологическое состояние, в котором пребывает современный массовый человек, лишенный какого-то разумного волевого импульса, состоит в постоянном «скольжении» в потоке своих низших бессознательных влечений, нанизывающихся на бессмысленную суету жизни массового мегаполиса. В результате массовое сознание не воспринимает разумной действительности, поскольку волевой импульс не концентрируется под воздействием высшей психики в тензоры сопричастности человеческого существа сакральной природе бытия. В этом смысле рациональный тензор бытия определяет полноценность человеческой психики, которая отображает действие разумной воли. Но это не матриархальная вера, подобная марксизму, где бытие отождествляется с производящей силой природы, а вера патриархального типа, где разумной дух настолько «плотно» растворен во времени, что варьирование его отображения в сознании исключает возможность полагать какую-то божественную сущность в том, что в первую очередь уничтожает непосредственность природного существа. Таким образом, если низшая психика человека рассеивает единство волевого импульса, то высшая психика, наоборот, собирает и концен-

трирует волю в качестве причастности онтологической природе времени. Другое дело, что варварская воля также может быть сопричастна сакральной природе времени по минимуму, когда впервые происходит неконтролируемый «выброс» энергии патриархальной жизни в событиях мировой истории, как это, например, имело место в отдельных очагах советского государства после нашествия большевистской орды. Однако всегда неразумное побеждает в этих выбросах варварской воли, поскольку оно лишено опыта существования объективных начал разумной культуры. Вероятно, аналогичные выбросы энергии патриархальной воли происходили в истории древних германцев, когда параллельно деградировала и разрушалась античная цивилизация.

...

Одной из основных задач нашей философии является разрушение ложных стереотипов представлений о реальности исторических событий, происходивших в истории государства Российского, а затем и советского. Поскольку наша историческая концепция развивалась под влиянием исторической концепции Шпенглера, мы полагаем, что между уровнем исторического развития западноевропейской и российской культуры существует по крайней мере тысячелетие. Подобный разрыв, с одной стороны, конечно, резко разрушает иллюзии по поводу качества государственного устройства российского, но с другой стороны, и это главное, дает возможность понять, что впереди существует по крайней мере тысячелетняя история самостоятельного развития цивилизации, что во многом дает веру в жизнь. Вопрос состоит лишь в наличии достаточной критически-рациональной оценки ее прошлого и настоящего.

Размышляя над природой разумного духа, существующего в онтологической сущности времени, мы оказываемся полностью за пределами как позитивистских, так и религиозных представлений о человеке, ког-

да именно инстинкт смерти рассматривается в качестве движущего «мотора» бессознательного импульса воли. Причины «возвращения» максимального напряжения эмоционально-трагического восприятия мировой истории, о котором рассуждал Ницше, является непосредственным следствием процесса расовой катастрофы, то есть полной утратой всего многообразия сознания традиционных ценностей, которым ранее, безусловно, был привержен человек. Другое дело, что сама полноценность человеческой души, вне которой не существует разум, даже лишенная отчетливой опоры на рассудочную позицию, в самой потенции высшей психики бессознательно способна сохранять интуицию разумного отношения к действительности. Именно так мы понимаем философию Ницше, поскольку именно в ней в истории философии наиболее полно показано, что разумный дух в первую очередь является позицией эстетического сознания полноценной души, а уже затем — какой-то рассудочной мерой бытия.

...

Когда мы ищем исторические аналоги событиям, произошедшим в России в 20 веке, то, возможно, одним из наиболее удачных исторических аналогов может служить гибель минойской цивилизации др. Греции под ударами дорийских орд, или, например, возникновение династии гиксосов на территории др. Египта. Утверждение полудиких династий соответствуют пролетарско-большевистской власти, возникшей в России после нашествия большевистской орды. По существу, антирасовые силы разрушили тысячелетнюю культуру, и возврата назад нет. Попытки же реставрации исчезнувшей единой тысячелетней культуры бессмысленны, поскольку прарасовая культура первоначально должна погибнуть, чтобы дать начала новой единой цивилизации. По крайней мере, так происходило в истории возникновения мировых цивилизаций, которые формировали свое основание из метафизического начала бытия. Именно оно определяло дух господствующей расы.

Вообще, расовое господство, очевидно, следует понимать не в биологическом смысле, а наоборот. Только так можно объяснить победу во второй мировой войне России, захваченной большевицкими бандами, над наиболее технологически развитой и воинственной страной в Европе, фашистской Германией. Понятно, что именно биологическое расовое превосходство над Россией Германии не вызывает сомнений, поскольку после ликвидации всяких признаков полноценной человеческой души, а значит, и разума, российское государство было полностью разгромлено при большевиках. Мифы же об индустриализации и выдающихся заслугах Сталина, которые отмечали такие известные расовые дегранты, как Черчилль, способны воздействовать только на слабые умы. Ведь английский эмпиризм, эта машина по вымыванию всяких признаков разума в человеческой душе, ликвидировал разумные начала английской жизни и без таких явных нашествий орд, как большевизм в России. Мы полагаем, что подлинное расовое существо человеческой души есть дух, который образует коммуникативные потоки энергии мировой воли, то есть трансцендентную силу объективного исторического разума. Движение этой воли в мировой истории отображает присутствие сакрального существа времени, которое пресекает все попытки препятствовать развитию разумных объективных процессов мировой цивилизации.

В среде варваров, где никогда не действовал объективный исторический разум, наибольшие психологические проблемы проявляются в наличии у человека начал полноценной души, то есть того минимума, без которого действие объективного разума не существует. Именно в этом вопросе мы находим кардинальное отличие русской культуры до 17-го года, когда в ней действовали определенные законы субъективного разума, и советской культурой, сложившейся после нашествия большевистской орды, в которой разум практически бездействовал. Од-

ним из основных аргументов в существовании этого различия мы полагаем отсутствие реальных исторических личностей, обладающих полноценной человеческой психикой в России после 17-го года вплоть до нашего времени, когда именно «кривляние» неполноценной человеческой души, за исключением событий второй мировой войны, выдает здесь тотальное доминирование варварской природы. С другой стороны, современное историческое мышление должно полностью избавиться от известных предрассудков по поводу подлинного существа варварства, когда оно бессознательно ассоциируется с диким человеком в шкуре с дубиной в руках. Это линейное представление об исторических событиях является одним из наиболее цепких предрассудков, как религиозной монотеистической доктрины о сотворении мира, так и позитивистских представлений о происхождении человека от обезьяны. Хотя, несомненно, в героической мифологии марксизма существует этот пафос бунта дикого человека, пролетария с булыжником в руках, скульптурный образ которого можно было видеть во многих городах бывшего Советского Союза.

Главной особенностью топологического существа исторического разума является «смешение» различных исторических времен в определенном фокусе тензора реальности, когда, например, создание ядерной бомбы, этого высочайшего технологического достижения цивилизации, соседствует с дикостью пролетарской культуры, то есть с непосредственным варварством человеческой души. Впрочем, такого рода культура космополитична, если учесть ее существование, например, в Северной Корее и Китае, когда отсутствие зачатков внутри ее прошлого элементов высших ценностей дает возможность доминировать в ней неразумному человеку. В этом смысле эстетический тензор онтологической реальности отображает взаимосвязь высшей психики с непосредственно бессознательным действием воли, где присутствует объ-

ективная сущность исторического разума. Понятно, что речь здесь о ценности «чистого» мышления может идти только в контексте «прозрачности» этого тензора в качестве интенсивности отображения онтологического потока сознания исторического времени.

Когда мы размышляем об основах существования субъективного разума в России до 17-го года, то находим его не в православных ценностях, а в действии эстетических тензоров сознания, которые опережают появление новой высшей расы, когда прарасовая культура является смешением: варварских племенных инстинктов, томления великого духа и отдельных выдающихся результатов в некоторых областях. В нашем понимании, высшая раса является «высшей» в том смысле, что воля ее индивидуумов максимально выражает действие воли мировой. Другими словами, высшая раса устанавливает онтологическое неравенство между людьми в качестве реализации меры свершения воли мирового исторического духа. Но это не биологическое неравенство, которое характеризует многообразие представлений, проистекающих из дарвинизма, в том числе идеологию фашизма. Биологическая сущность человека по существу не обладает подлинной иерархией в сознании бытия, поскольку она в любом случае, как топологическая константа, «стягивается» к реализации низшей психической энергии, а именно, к массовому состоянию человеческой души. В конечном счете, массовой душой движет гипноз под влиянием социальной реальности, поскольку массовая психика лишена разумных движений психики. Таким образом, высшая раса, в нашем понимании, обладает максимальным зарядом высшей коллективной психической энергии, а значит, она обладает потенциалом разумной воли, который бессознательно отображает сакральное начало, движущее разумные силы мировой истории. Мы полагаем, что, раса *homo sapiens* является не биологической реальностью, а реальностью в первую очередь пси-

хологической, то есть выявляет феномен господства в человеческой душе высшей психической энергией — над низшей.

Понятно, что мы принципиально расходимся с эмпирическими представлениями в современной биологии о происхождении человека, когда утверждаем, что раса *homo sapiens* суть явление психологическое. Фрейдизм продуктивно работал с исследованием бессознательных влечений, где непосредственное массовое сознание человека лишено разума в системе обыденных социальных представлений. Очевидно, что речь в теории психоаналитических исследований фрейдизма не может идти о человеческой воле как проявлении разума, поскольку разумная воля — по минимуму — требует игнорирования отдельных влечений, ибо в противном случае она просто не действует. Аналогичным образом развиваются представления системы ценностей и в марксизме, где воля человеческих масс предполагает, что создаваемая коллективная психическая энергия массовой культуры формируется мощнейшими коллективными влечениями: к созидающему труду и совершенствованию орудий производства.

...

Расовая сущность разумного человека действует во времени как «дуновение» онтологической сущности бытия, топологически схватывающей целостность события мировой воли. Поэтому, появляясь и исчезая в мировой истории, она оставляет после себя след в образах высших ценностей мирового искусства и философии, и вообще в наличии полноценной физиогномической реальности. Понятно, что прагматичное существование разума в пределах присутствия высших ценностей невозможно, ибо они существуют по ту сторону от прагматизма по существу. Однако возможны локально-топологические проекции разума, который Кант рассматривал как «практический разум», суть которых сводится к рассудочной огра-

ниченности понимания разумной реальности. С другой стороны, поскольку подавляющая часть людей (человеческая масса) развита на уровне этой рассудочной ограниченности понимания существа исторического разума, то сущность разума легко фальсифицируется в различных представлениях массовых ценностей.

Таким образом, существование расы *homo sapiens* имеет периодический характер возникновения и исчезновения в исторической реальности, когда каждая новая цивилизация первоначально формируется из варварской среды людей, мало знакомой с объективным существом исторического разума. Очевидно, что начальным моментом, который характеризует ее появление на территории, где отсутствует право как естественный закон полноценной человеческой психики, то есть элементарная предпосылка для действия разума, является осознания границы: между разумным и неразумным существом реальности. Причем это осознание должно происходить не в качестве субъективного мнения отдельного человека или группы людей, а как реальность исторической необходимости существования объективного разума в данном месте и в данное историческое время.

Новая философия, чье начало было заложено шопенгауэровско-ницшеанской основой размышлений о бессознательных началах действия воли как человека, так и бытия (мировой воли), полагает собой новое понимание сущности исторического разума, в котором попытки сводить его к системному принципу, как в науке, не может привести к пониманию его реальности. В основе новой философии существуют эстетические тензоры сознания, которые являются связью между бессознательными процессами высшей психики и трансцендентной реальностью, определяющей онтологическую сущность исторического времени. Здесь мы должны отчетливо осознавать, что, эмпирическая реальность, с которой тотально взаимосвязана психическая активность

массового человека, не выражает разумных начал расовой организации человеческой психики, ибо проявление разума — это не воздействие человеческой воли на материальные процессы и не развитие информационно-логической базы науки. Сущностью объективного исторического разума являются эстетические тензоры сознания, которые проецируют высшие психические бессознательные импульсы как взаимосвязь действия воли и сознания определенной исторической цели человека в мировой истории. С другой стороны, в массовом обществе, где разумные цели и действия людей отсутствуют, в полной мере функционирует имитация: науки, искусства, политической и государственной жизни. Ведь критерий разумного и неразумного в понимании существа дела проистекает только из достаточной активности влияния бессознательной высшей психики человеческой души. Если ее источник ослабевает, то доминирование низшей психики восполняет отсутствие рациональной части души представлениями, где сон разума (то есть тотальная активность низшей психики) выдается за его реальное присутствие в реальности сознания. Вообще, представление формируется двумя, полярно-противоположными субъективными комплексами взаимосвязи сознания и бессознательного: либо эмпирического восприятия, либо эстетического сознания. Поэтому активизация одного из видов знания неизбежно влечет за собой ослабление второго в силу симметрии реальности существования бытия и небытия.

Мы полагаем, что классические философские западноевропейские системы рационализма сложились в исторический момент определенного равновесия, баланса низших и высших психических движений психики, которые характеризуют индифферентное отношение к сложности психической организации человека вообще. Исторически это было вызвано исключением сознания присутствия наличия онтологического хаоса бытия, из ко-

того, например, исходила античная философия. И действительно, античная философия не строила философских систем, поскольку хаос бытия предполагал, что бытие имеет нелинейную природу в первую очередь в историческом смысле, то есть в самой возможности нахождения начала и конца, например, человеческой истории в независимости от природных стихий. В онтологическом смысле античная философия, таким образом, формировалась почти исключительно из эстетического восприятия, которое определяет единственную основу бытия как конструкцию топологической меры, где объективность мыслится в качестве субъективного эстетического сознания. Возвращение шопенгауэровско-ницшеанской философии воли к первичности эстетического феномена как познавательного средства реальности определяет возвращение хаоса в сознание многообразия бытия, и, конечно, в первую очередь в сознание исторического события. Так, равноценность высших культур, как проявления нелинейности развития исторического события в мировой истории, предполагает, что равенство возможно только по отношению к достижениям этих культур в понимании сущности мирового разума.

Мы полагаем, что эстетический феномен является конструкцией, взаимосвязывающей высшую психическую активность человеческой души и разумную реальность. Бескорыстный принцип познания в данном случае характеризует невозможность обладания трансцендентным миром, который «ускользает» от способностей эмпирического восприятия. И действительно, здесь не действует принцип животного вожделения воли, который полностью «гасится» влиянием высшей психической энергии, поскольку нельзя же естественно «вожде-леть» смерть, то есть вожделеть то, что тотально отрицает само вожделение. Понятно также, что рассуждать здесь о каких-то сексуальных влечениях полностью бессмысленно. Тем не менее речь идет не просто об актив-

ной волевой позиции, но и позиции такой меры интенсивности, которая действует без психологического «подпитывания» от массового существа человеческой психики. Подобного рода волевой акт, в действительности, только и может полагаться, в полном смысле слова, индивидуальным, поскольку он не зависит от низших влечений. Этот акт воли в первую очередь лежит в основе создания великих произведений искусства и философских построений мысли. Он отображает объективное действие разума в определенный исторический момент, когда низшие влечения подавлены, чтобы полноценность человеческой души действовала в разумной воле как присутствие сакрального ощущения времени. Ведь, по существу, расовые элементы культуры *homo sapiens* — это не индустрия достижений новых технологий, а выявление сущности бытия в его локальном присутствии тех высших культур, которые пронизывают историческое прошлое человечества. Периодическое исчезновение расы *homo sapiens* в истории обусловлено исчезновением признаков полноценности человеческой души, ее распадом и возвращением к животной непосредственности, где правит произвол низших инстинктов. Вероятно, идея вечного возвращения у Ницше интуитивно полагала именно это периодическое исчезновение и появления расовой культуры *homo sapiens* в мировой цивилизации, когда ее построение в отдельные промежутки мировой истории определяло разумный ход развития мировых исторических событий. Остальное историческое времени, человечество переживало как «безвремяе», подобное нашей исторической эпохе. Линейные же представления об исторических событиях, например, религиозные представления монотеизма и позитивизма, исключают периодически-дискретный характер развития мировой истории.

В таком случае вопрос о «происхождении» расы *homo sapiens* не может быть сведен к какой-то биологической

идее, то есть именно тому, чему всегда противостояла разумная часть человеческой души. Именно в аспекте того, что происхождение расы *homo sapiens* в мировой истории определяется не анатомическими признаками, а психологическими, следует понимать причины расовых катастроф, то есть исчезновение известных цивилизаций и появления на их территории варваров. Этот момент характеризуется в первую очередь утратой в сознании наличия эстетических тензоров, взаимосвязывающих высшие движения психики и рациональные способности мышления.

Если мы проанализируем основы психической активности массовой души, то без труда находим за различными второстепенными мотивами центральный — инстинкт выживания, который, собственно, является основным инстинктом не человека, а животного. Но поскольку современная биологическая наука, лишенная объективного разума, не находит принципиальных различий между человеком и животным, то вся ее теория происхождения *homo sapiens* определяется в пределах эволюционных представлений о психосоматической сущности человеческой души. Таким образом, в современной биологической научной эволюционной теории ликвидировано то, что всегда определяло существо классической философии — неравенство людей по отношению к объективной активности разума в душе, то есть фактически по отношению к высшим психическим ресурсам человеческой психики. И действительно, если разумный человек, как это утверждает современная биологическая наука, является потомком примата, то нет необходимости существования иерархического принципа в понимании структуры бытия, которое, являясь целиком и полностью эмпирической реальностью, исключает его трансцендентную сущность. Для нас же, кто в действительности обладает способностью объективно исторически рассуждать с позиции разума, очевидно, что трансцендентная природа вре-

мени, безусловно, не сводится к эмпирической реальности, хотя, конечно, и предполагает ее с точки зрения метафизической симметрии бытия. В силу симметрии, поскольку небытие есть часть бытия, эмпирическая реальность есть равносильное бытию сфера существования, которая при условии отсутствия бытия становится устойчивой его иллюзией. Именно эта иллюзия бытия, возведенная в ранг единственного типа реальности, и определяет массовое сознание человека. Этот тип сознания есть, с точки зрения объективной сущности разума, отображение небытия, поскольку лишено какой-то элементарной основы эстетического восприятия. Таковое исключается в нижней психологии человека. Единственная сфера соприкосновения высшей и нижней психики — область бессознательного. Однако, несмотря на пересечение в ней, влечения здесь кардинально различаются в массовом и расовом сознании. В первом случае, эти влечения изолированы, и воля лишена какой-то отчетливой разумной цели; во втором случае, наоборот, влечения подавлены единством действия волевого акта. Однако только после естественного подавления животных влечений высшей психической активностью души в ней и начинает действовать разум. Собственно все известные моральные теории возникли как требование подавления отдельных влечений с целью культивирования хотя бы минимальной активности разумной воли человека. Но современная психология утверждает, что именно эти естественно животные влечения человеческой души и являются психической активностью культуры, тем самым отрицая всякую моральную сторону человеческой души. И действительно, непонятно, зачем животному моральные принципы? — ведь животное не должно каким-то образом ограничивать свое существование.

В известных рассуждениях Ницше о «морали рабов» и «морали господ» мы должны отчетливо различать два субъективных принципа поведения человека: тот, кото-

рый действует в подавлении низших влечений с целью максимальной активизации воли как эстетики отображения сакральной сущности исторического времени; и тот, который, наоборот, максимально активизирует влечения, «проваливая» в них активность воли, при этом имитируя «волевые» действия. Например, марксизм, рассуждавший о «коллективной воле», исключает в первую очередь отчетливую эстетическую позицию, поскольку только в этом случае возможно рассуждать о «воле» как определенной исторической «силе», где ее действие присутствует в качестве совместного усилия людей. Понятно, что подобного рода коллективизм может действовать только в рабах, пролетариях и поверхностных интеллектуалах, обслуживающих в лучшем случае технические достижения цивилизации. Ни фундаментальная наука, ни подлинное искусство, ни тем более философия никак не вписываются в подобное учение о человеке, однако в него очень удачно вписывается наиболее примитивный человек с точки зрения рациональных способностей мышления, поскольку его «кухонные» суждения об истории, лишённые понимания высшей ценности разумной индивидуальности, вполне удовлетворяют антиэстетическим процессам массового мегаполиса. И вообще, воля в массовой культуре почти всегда определяется как физическое усилие, где психический момент сведен к минимуму, поскольку он не учитывается в эмпирической реальности, полностью сконструированной на низших процессах человеческой психики. Но, с другой стороны, глобальной альтернативы доминирующей позиции массовой культуры в мировом мегаполисе мы, собственно, не находим в известной нам интеллектуальной мысли. Мы же тотально противопоставляем массовой культуре — культуру расовую, понимая под последней, можно сказать, симметрично-противоположную мотивацию жизни человека. В основе нашего понимания существа расового строения человека лежат особенности действия его пси-

хического склада. Таким образом, расовые различия состоят не в биологических различиях людей, как различия видов животных, а в различиях психологических, поскольку у человека, в отличие от животного, существует разум, действующий на основании высшей психической организации. Эти психологические различия проявляются в первую очередь в отношении к бессознательному инстинкту смерти, чья выработка высшей психической энергии, определяет меру нравственного развития субъективного восприятия человека.

Особенностью «техники» действия эстетического тензора в современном мышлении является отсутствие исторического настоящего, связанного с высшими ценностями. Подобное сознание исторической философской мысли Ницше определил образом интеллектуальной «тени», то есть полной утраты способностей рассудка различать свою разумную индивидуальность от бессознательного слияния с действием мировой воли в истории. Злая мировая воля, как мы понимаем, у Шопенгауэра осознается в качестве трансцендентного действия высшей психической энергии человека, где его дух соприкасается с сакральным существом времени. Очевидно, что «зло» идентифицируется в моральной философии Шопенгауэра с интенсивностью действия бессознательного инстинкта смерти в человеческой душе, тем самым отрицая почти двухтысячелетнюю центральную идею монотеизма о спасении человеческой души.

...

Одной из основных проблем психической неполноценности современного массового человека является колоссальное влияние эмпирической реальности в сознании, обусловленной окружающей его сферой научно-технического прогресса. Так, это влияние характеризуется максимальной бессознательной интенсивностью низшей психической энергии, которая практически не «допускает» в сознание психическую энергию высшего типа.

В результате в массовой культуре сформировалось множество цепких стереотипов представлений, исключающих возможность действия объективного рационального мышления в человеческой душе.

Когда мы размышляем о судьбе национальной культуры, то наши выводы малоутешительны. Проблема состоит в том, что любая национальная культура глубоко нравственно взаимосвязана с судьбой линейных представлений о развитии мировой истории. В силу этой причины, какая-то национальная идея, объединяющая людей, с разумно-объективной точки зрения неперспективна. К тому же фашизм довел, великое понятие «нация» до абсурда, когда взял за основу своей идеологии самые примитивные представления о расовом неравенстве. Когда мы рассуждаем о кардинальном противопоставлении расового и массового строения человеческой души, то противопоставляем не расу — расе, а противопоставляем в каждом человеке его неполноценное состояние души — полноценному состоянию, то есть, можно сказать, противопоставляем биологически непосредственное состояние человеческой психики ее духовному началу. Понятно, что подобного рода противопоставление существует в бессознательной области психики, которая как топологическая система способна стягиваться как к чисто эмпирическому восприятию реальности, так и к чисто эстетическому созерцанию реальности. При этом следует понимать, что скептическое отношение эмпирического восприятия к «пассивности» эстетического созерцания обусловлено невозможностью низших психических импульсов бессознательного участвовать в разумных движениях души, протекающих в области трансцендентной реальности. Собственно, полноценная человеческая психика способна функционировать только в иерархическом строении (упорядоченности) своих функций. Но в неполноценной человеческой психике иерархический принцип ее функционирования разрушен. Очевидно, что бес-

сознательные влечения, помимо полного безволия, характеризующего основы неполноценной души, исследуемого во фрейдизме, способны проявлять и усилия, отображающие полудикость варварской природы. Ведь варварство никогда не исчезало в человеческой душе, концентрируясь в низших сословиях, которые были минимально задействованы в психологию патриархальной жизни, в силу чего стремились проявлять свою «историческую» активность в матриархальной психологии постоянного протеста против системы подавления низших инстинктов. Понятно, в глубокой деградации психической жизни, где воля практически отсутствует, если мы рассматриваем современную социальную систему западноевропейского общества, и в полудикой воле современной российской реальности — разум не существует. Однако следует различать все-таки выполненный исторический проект рационального развития, где субъективность имеет по крайней мере воспоминание об исторической полноценности, с субъективностью, прерванной фактически варварским нашествием, если давать адекватную историческую оценку большевизма в России. С другой стороны, критически-рациональное отношение к пониманию процессов в варварском государстве невозможно «изнутри» безумия его постоянно меняющихся лозунгов и целей. Какое дело объективному разуму, что одни варвары — фантастически богаты, а другие — катастрофически бедны, поскольку предназначение разума — не социальная оценка ситуации, а оценка с позиции наличия или отсутствия реальности высшей культуры. Ведь если встать на точку зрения попыток «объяснения» проблем полной неразумности происходящего — это, значит, отказаться от своего субъективного разума, то есть от полноценности своей души.

Таким образом, позиция объективного исторического разума оценивает потенциальное действие исторической воли в российской реальности с «нуля», то есть с осозна-

ния факта отсутствия каких-то отчетливых признаков присутствия в прошлом и настоящем проявления высшей культуры, а значит, и истории в ее рациональном проекте развития. Следует осознать, что прарусская культура, существовавшая здесь около тысячелетия до 17-го года, практически полностью разгромлена, тогда как активность полудикой воли лишена какой-то взаимосвязи с адекватностью разумного исторического духа. Именно с позиции почти полного отсутствия исторического проекта существования объективного исторического разума, мы и рассуждаем о необходимости формирования на территории этого «дикого поля» (постсоветской исторической реальности) кастовых союзов, то есть необходимости единой цели существования людей, обладающих разумом.

...

Особенности общего развития истории российской интеллектуальной культуры, как до 17-го года, так и, особенно, после него, следует рассматривать с позиции минимальной активности субъективного разума. Однако это развитие мы не обнаруживаем в том, что принято определять как русская философия, поскольку именно в этой области отсутствует история сознания, отображающего полноценную психическую жизнь субъекта и, как следствие, позиции сознания объективного разума. Вероятно, именно в русской философии психологически матриархальный элемент развития проявился наиболее полно, когда у В.Соловьева мы находим культ «вечной женственности». Уже здесь фантазия исторической реальности выступает как мифологическая иллюзия экзальтированного воображения. Сюда же следует отнести и положительную историческую оценку большевизма у Бердяева и центральную проблему пола — у Розанова. Таким образом, эта псевдо философия фактически подготовила благоприятную почву для массового безумия, которое распространилось здесь в период власти большевиков в господствующей идеологии марксизма.

Наличие субъективного разума мы обнаруживаем опять-таки не в «вечно женственном» начале поэзии Пушкина, а в суровой субъективности рациональной оценки русской реальности — у Гоголя, или в его самосознании — у Грибоедова (как трагедию человека, обладающего разумом в неразумной культуре). Однако кардинальное отличие все-таки русской культурной традиции до 17-го года необходимо рассматривать как локальную активность субъективно разумной позиции человека, отстающего свое мнение и, как следствие, отдельные очаги разумной культуры. Другими словами, психическая полноценность имеет здесь некоторое место, поскольку, например, классическая русская литература в своих локальных проявлениях отображает ее наличие как сознание эстетических тензоров объективного присутствия исторического разума.

Принципиальная характеристика действия эстетического тензора в сознании — это хотя бы минимальная активность разума в человеческой душе, поскольку тензор «сопрягает» бессознательную энергию высшей психики с трансцендентной сущностью реальности. Вопрос не в том, каково рациональное «качество» этой трансцендентной реальности, а в присутствии его основного признака — участия в операциях мышления высшей психической энергии. И здесь представление о «мифологичности» того или иного вида реальности отображает доминирующие позиции в человеческой психике ее низшей или высшей активности, то есть ее массового или расового психического потенциала. Так, для объективного разума современная массовая культура является чистой мифологией эмпирического восприятия, в котором практически полностью исключена разумность бытия.

В основе высшего психического импульса, движущего индивидуальной волей человека, всегда присутствует отрицание знакомых ассоциаций, обусловленных эмпирическим восприятием реальности. Психологически, на

бытовом уровне, человеком владеет сложившаяся система обыденных представлений, которая, собственно, определена попыткой минимизировать его волевые импульсы, то есть те разрушительные бессознательные движения души, которые стремятся раскрыть неповторимость его индивидуальности. Усилия разумной воли в наибольшей степени мешают его коммуникации в массовом обществе, где проявление какого-либо движения индивидуальной воли неминуемо влечет за собой остракизм по отношению к этой индивидуальности. Правда, легко заметить, что разного рода игра поверхностного «индивидуализма», с явно выраженной чертой театральности, только способствует утверждению этой неполноценной личности в качестве определенного рода проявления «бунта», «протеста» и тому подобных социальных ролей. Непременно эти роли имеют женоподобный характер, хотя их и исполняет мужчина, например, С. Дали, когда его патологический интерес к фекалиям, провокациям и сексуальной стороне человеческой природы становится культовым для подражания в полностью неразумной человеческой среде. Зато такого рода «провокации» создают иллюзию исторических «событий» тогда, когда история закончилась, то есть рациональный проект развития человека «свернулся», а с ним исчезла и какая-то элементарная адекватность восприятия исторической реальности.

В нашем понимании, мировая воля выражает историческую топологию онтологической сущности времени, имеющий трансцендентный характер. В этом существе метафизической реальности, ее эмпирическая сторона, отображающаяся в таких проявлениях низшей культуры, как экономическая и технологическая деятельность цивилизации, не обладает какой-то исторической значимостью, характеризуя сущность небытия, активизирующегося в период катастрофического ослабления действия разума в человеческой душе. Собственно, именно сознание небытия, в той или иной степени его неразумности, и

способно воспринимать эмпирическое восприятие, которое является проявлением восстания низших слоев психики против разумного существа человеческой души. Возможно это взаимосвязано с определенной линейностью низших психических процессов, которыми способен достаточно полно владеть рассудок. В этом смысле душевное равновесие, устанавливающееся между поверхностным рассудком и низшими психическими процессами, выражает исключительно неразумную сторону человеческой души.

...

Распространение английского языка как основного международного языка привело к тому, что массовая неразумность человечества стала повседневной «нормой», поскольку исторически английский эмпиризм развился как система ценностей, ликвидирующая всякое упоминание о трансцендентной сущности бытия. Подобного рода «норма» определяет низшую психическую активность человеческой психики «базовой» для необходимой адаптации в массовом мегаполисе, то есть в системе психических реакций, которые существуют за пределами разума. Зато подобного рода адаптация неразумной части души в массовой системе ценностей гарантирует «успех» и «процветание», которые характеризуются практически полным отсутствием волевых усилий. С другой стороны, это отсутствие воли сполна компенсируется «деловой» активностью человека, то есть «переплавкой» низших влечений психики в определенного рода «социальную» активность, которая, не имея никакого смысла по отношению к объективной природе исторического разума, тем не менее создает ту суетливость крупного мегаполиса, где отсутствие индивидуальной воли вполне компенсируется комфортом и материальными благами цивилизации. Можно сказать, что в этом «океане» неразумности психических реакций, возникающих на внешнюю эмпирическую реальность технократической цивилизации,

именно поверхностный рассудок, чья живость, как у женщины, является следствием легкомысленности ума, определяет социальную жизнь мегаполиса. И именно его происхождение фрейдизм вполне заслуженно связывает с системой вытесненных сексуальных влечений, то есть со сферой бессознательного, которая конструирует в истории цивилизации основы матриархальной культуры.

В нашем понимании, эстетический тензор непосредственно напрягает индивидуальную волю человека во фрактале потока мировой воли. Вообще, поток мировой воли, определяющей развитие мировой цивилизации, который выражает действие объективного разума человеческой души, безусловно, не является социальным феноменом по существу. Наоборот, состояние истерии, которое можно было наблюдать при советском режиме в большевизме, является феноменом матриархальной культуры, то есть психическими усилиями, возникающими в силу разбалансированности души, лишенной минимального присутствия разума. Понятно, что возникающая в таком дисбалансе по отношению к высшему началу психики «вера» не имеет никакого отношения к разумному духу истории. Подобного рода «вера» должна оцениваться как «вера» древних варваров-германцев, то есть в качестве антиисторического «хаоса», пресекающего сознание мировой истории. А «хаос» и есть психологическая основа матриархальной культуры, то есть доминирующее состояние низших психических движений в человеческой душе. При этом сознание линейного развития мировой истории в монотеизме сложилось из компромисса между патриархальным представлением об абсолютном господстве духа, с одной стороны, и идеи спасения души, как, безусловно, матриархальным представлением, с другой.

Пресечение «хаоса» нового мира, который характеризует нравы и ценности Темных Веков, возможно только при условии формирования начал патриархальной психологии человека, то есть функционирования его психи-

ки в каком-то соответствии разумным движениям души. Но этот перелом крайне болезненный в бессознательных движениях массовой души, практически полностью активизированной в системе низших влечений, то есть в отсутствии волевого импульса как такового. Именно эта психическая аномалия массовой души формирует тип активности, который исключает «естественный» мотор бессознательных движений воли, инстинкт смерти. Понятно, что психическая аномалия начинает рассматриваться как реальный механизм развития исторических процессов в психоаналитической теории Фрейда, поскольку воля, как основа патриархальной культуры, здесь полностью исключена. Все бессознательные мотивы действий людей рассматриваются в качестве побудительных мотивов разрозненных влечений, где центральным, безусловно, является инстинкт выживания с его психоэнергетической основой, сексуальным влечением. Однако эта психическая аномалия, как движущая сила истории, в нашем понимании, справедлива только для матриархальных составляющих, поскольку в матриархальном сознании крайне важна родовая, а не индивидуальная основа событий мировой истории. Ведь, в конечном счете, как и в монотеизме, в теории Фрейда человечество рассматривается как единая семья.

В патриархальных культурах, хотя семейные ценности и обладают исключительной значимостью в сознании человека, все-таки не стоят на первом месте. Здесь мы имеем в виду бессознательную ориентацию патриархальной культуры как системы коммуникации, формирующейся из движения высшей психики человека. В патриархальной культуре человек, в отличие от культуры матриархальной, не ориентирован на биологическое самосохранение, поскольку в нем разумная воля естественным образом подавляет низшие влечения. Именно поэтому достаточно прочные основы патриархальной культуры формируют психологию хороших солдат и воинов, но неваж-

ных торговцев, поскольку высшие психические ресурсы патриархальной культуры направлены не на выживание человека как биологического существа, а на поддержание полноценности человеческой души. Ведь главное для патриархальной культуры — хотя бы минимальная активность разума, а все остальные цели — второстепенные.

Заметим, что любая историческая цивилизация разрушается параллельно распаду основ патриархальной культуры, когда результатом исчезновения целостности психической жизни субъекта является активность отдельных бессознательных влечений. Так, принципиальным отличием действия разумной воли человека от его психических усилий, где доминируют самодовлеющие бессознательные влечения, следует рассматривать отсутствие в последнем активности высшей психики как таковой. Можно сказать, что фактически человек теряет основы своей разумной индивидуальности, хотя по отношению к массовому социуму он не только не теряет то, что принято называть в массовом социуме понятием «индивидуальность», но и, наоборот, приобретает ее некие признаки, характеризующие его как массовое существо. Ведь в массовом социуме под «индивидуальностью» понимается нечто совершенно иное, чем существо разумной индивидуальности человека в истории. В массовом социуме под «индивидуальностью» понимается то, что в рациональном знании оценивается как личное начало, практически полностью зависящее от коллективного. Это то неполноценное в человеке, которое Ницше категорически отверг в качестве психологической силы, глубоко чуждой высшей культуре, поскольку неполноценность личного начала, бессознательно зависящего от коллективного, не имеет воли. Оно, это неполноценное, очевидно, заполняет не только разрывы в исторических событиях, но и даже «пропасти» в этих событиях, когда вместо разумной воли начинают действовать разного рода массовые влечения людей. Именно эти влечения, максимально сконцен-

трированные какой-нибудь неразумной целью, например, мифологией борьбы пролетариата и буржуазии в марксизме, часто становятся крайне активной силой, при отсутствии в определенной культуре хотя бы минимальных признаков наличия объективного исторического разума. Но эта сила не является волей в том рациональном смысле, который определяет ее как человеческую деятельность, проистекающую из полноценных начал человеческой души. Подобного рода состояние сравнимо с истеричным состоянием женщины, доведенной до отчаянья, и вследствие этого совершающей безрассудные, решительные действия. Понятно, что социальный «рассудок» присутствует и в этом неразумном состоянии души, поскольку им движет некая навязчивая идея. В отношении марксизма речь идет о мифологии «непримиримой» исторической борьбы пролетариата и буржуазии. Именно эти навязчивые идеи и становятся единственным движущим мотивом полудикой души, то есть души, лишенной опыта объективного действия разума. Целые народы сходят с ума, если не имеют в опыте своей истории основ объективной рациональной культуры. Выйти же из этого состояния безумия, как показывает опыт развития российской цивилизации, достаточно сложно.

В топологической объективности исторического разума субъект определен в действии разумной воли через бессознательное движение высшей психики. Так, отрицание разумом рассудочной позиции происходит в качестве проникновения сакрального присутствия мирового духа в бессознательные слои психики, вследствие чего низшие инстинкты естественно подавляются. Только в этом случае возможна активность разума, то есть действие в сознании эстетических тензоров, отображающих трансцендентную реальность как горизонт исторического события. В противном случае рассудок обращен исключительно к материалу низшей психики, то есть к восприятию эмпирической реальности. И этот фактически матриар-

хальный рассудок, формирует своих «героев», торговцев и других суетливых деятелей, имитаторов исторических «событий» в среде, где объективный разум отсутствует. Таким образом, в основе социального рассудка всегда лежат принципы низшей психики человека, которые существуют за пределами разума. Именно тотальным культивированием низшего психического состояния человека занимается массовая цивилизация мегаполиса, ликвидируя даже минимальную возможность человека объективно рационально мыслить.

...

Когда мы рассуждаем о действии воли как о минимальной необходимости активности разума в душе, то полагаем, что разрозненные психические влечения, протекающие в массовой психике, собственно, исключают волю и, следовательно, какую-то основу разумной индивидуальности человека. Последнее обусловлено тем, что под «волей» необходимо понимать не линейные психические реакции, на основе которых формируется эмпирическое сознание реальности, а, наоборот, психические реакции топологического характера, возникающие в высшем начале психики. Этот энергетический «механизм» производства высшей психики, инстинкт смерти, очевидно, и составляет внутренний «мотор» воли, сжигающий энергию не биологического типа ее активности. То, что эта активность проявляется в экстремальных ситуациях психики, лишь указывает на трансцендентное происхождение высшей психической энергии, которую исторически определяли как энергию духа в человеческой душе.

Мы полагаем, что наличие мировой воли истории обнаруживается во фракталах реальности, то есть в топологических структурах бытия, которые выражают, с одной стороны, сакральную природу времени, а с другой — причастность человеческого духа этой воле через бессознательный инстинкт смерти. Таким образом, производство высшей психической энергии требует присутствия в

сознании человека исторического рационального проекта развития, поскольку в противном случае человек осознает себя только как животное существо, а животное не имеет истории. Попытки наделять животное, *quasi homo*, «историческим» существованием, которое имеет место в современной биологической науке, лишь доказывает отсутствие понимания самой сущности разумной жизни в современной науке. Ведь принципиальное отличие разумной жизни от неразумной, состоит в том, что жизнь имеет определенный смысл по отношению к неуничтожимому началу бытия. Мы, утверждая что это неуничтожимое начало бытия существует в онтологической природе времени, тем самым отрицаем возможность сведения понимания сакрального начала бытия и к какой-то религиозной доктрине и к какой-то научной системе представлений.

Таким образом, одним из основных положений нашей философии является утверждение, что разумной частью человеческой души движет психическая энергия не инстинкта самосохранения, как у животного, а прямо противоположная психическая энергия — бессознательного инстинкта смерти. Следовательно, уже в области бессознательного начала души, существует кардинальное различие между человеком и животным, поскольку воля, в отличие от бессознательных влечений, движется не в сфере социального опыта сознания, а в сфере — сакрального опыта. С другой стороны, очевидно, что примитивная, животная основа человеческой души, существующая как область социальных проявлений человеческого существа, в первую очередь всегда стремится «обезопасить» человеческую жизнь, то есть «смешать» движения матриархальной и патриархальной психологии в нечто целое.

Именно человеческая воля, вообще говоря, в отличие от отдельных бессознательных влечений человека, определяет опыт развития мировой истории. Ведь отдельные влечения, характеризующие массовые инстинкты, суще-

ствуют за пределами разума, тогда как человеческая воля, будучи взаимосвязана в высшей психике со сверхчеловеческим началом мирового духа, выражает присутствие объективного исторического разума. Попытка мыслить события исторического бытия линейно, будь то история человечества или история Вселенной, неизбежно влечет за собой исключение разума как топологического свойства онтологической природы времени, поскольку очевидно, что мышление не является чисто человеческой областью, а зависит от активности бессознательного волевого начала. Если волевое начало пассивно, то и мышление трансформируется в поверхностный рассудок, способный оперировать только информацией, а не сущностью явлений. При этом необходимо правильно понимать сущность разумной человеческой воли, когда речь идет не о механической повседневной деятельности человека, в которой осуществляется взаимосвязь между соматическими и психическими импульсами, а о причастности человеческой жизни сакральной природе бытия. Но в марксизме «воля» не обладает разумом, причастным высшим ценностям мировой истории. Подлинная, фундаментальная наука, как и подлинная философия, существуют за пределами исторических представлений марксизма, поэтому в переходе от одной социально-исторической формации к другой, в первую очередь деятельность человека рассматривается не в качестве причастности высшей системе ценностей, но, наоборот, к низшей системе: торговле и механическому (в идеале — творческому) труду. Понятно, что производители высших ценностей: такие как Платон, Гераклит и Ю. Цезарь практически ничего не «произвели» в системе низших исторических ценностей, но скорее, наоборот. Поэтому они отодвигаются в бесконечное удаление в историческое прошлое, отождествляясь с исторической «архаикой». В действительности же, именно вся эта пустая суэта массового мегаполиса, в котором практически целиком и полностью господствует

неразумное начало человеческой души, является реальностью небытия. То есть современное сознание объективного разума существует в безвременье исторической эпохи, когда в мировой цивилизации практически целиком и полностью доминируют неразумность образа жизни человека.

...

Основная ошибка в понимании психологии человека в позитивистских представлениях состоит в том, что воля человека рассматривается как животное усилие, полностью зависящая от деятельности рассудка. Фактически существование высшей психики, связанное с бессознательным инстинктом смерти, здесь исключено. Основным инстинктом полагается биологический инстинкт самосохранения, а после распространения учения Фрейда — бессознательный сексуальный инстинкт. В результате психофизиологические представления о человеческой природе оставляют за волей человека исключительно низшие функции в области механики эмпирического мира, над которым целиком и полностью господствует прагматичный рассудок. Но, в нашем понимании, речь здесь уже идет не о воле в ее подлинном содержании, а именно о влечениях, то есть низших бессознательных движениях психики, где примитивное индивидуальное начало не существует вне социальной организации. Так, принципиальное отличие волевого усилия от усилия влечения состоит в том, первое определяет психологический ритм жизни патриархальной культуры, тогда как второе — ритм жизни культуры матриархальной. Симметрия этих психологических состояний человека предполагает, что в сознании человека присутствуют как феномены духовной реальности, так и феномена реальности материальной. Очевидно, что доминирование определенной группы феноменов сознания предполагает доминирование соответствующего психологического ритма жизни.

В полноценном действии воли всегда присутствует момент агрессии, обусловленный подавлением духовного начала души ее животного существа. Ведь животное начало человеческой души, которое в современной биологии почти полностью отождествляется с системой психофизиологических импульсов в действительности протекает по законам низшей психики. Эта система линейных психических реакций, где в сознании отслеживается причинно-следственная взаимосвязь психических и соматических импульсов, отображает не действие воли, а действие группы влечений. Подобные группы способны описывать социальное или массовое поведение человека, но не его духовную автономию волевого акта. Заметим, что ранняя гуманистическая культура, в первую очередь классическая музыка и живопись, исходили, можно сказать, из полярно-противоположной бессознательной системы ценностей, чем позднегуманистическая культура. Ранний гуманизм исходил из высшей системы ценностей, которая характеризует сознание свободы в иерархическом строении мира.

ЧАСТЬ 5

СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ

Глава 9

Разумная реальность

В само понятие «система» мы вкладываем не научно-определяющий, а философски-определяющий смысл, поскольку существом философии является в первую очередь принцип построения онтологической иерархии бытия. Мера понимания, когда речь идет о сакральном созерцании времени, в новизне его восприятия, очевидно, возможна настолько, насколько человеческий разум способен обладать рассудком меры разрушительного воздействия времени на глубины человеческой психики. Здесь мы не видим смысла рассуждать о «боге» или чем-то «божественном», поскольку эта сила проявляет полное равнодушие к человеку и в первую очередь к его мелким незначительным переживаниям. Однозначно можно утверждать, что существо этой сакральной силы не относится ни к политеистическим, ни к монотеистическим представлениям. В существе этой силы природа и человек не сохраняют какую-то метафизическую преемственность в истории. Собственно, мировая воля, являясь основополагающей реальностью сакрального существа исторического времени, выражает здесь основу неуничтожимого духа в наиболее разрушительных пластах человеческой психики, где действуют ее высшие центры.

В «бурлении» потока мировой воли, который пронизывает онтологическую субстанцию исторического времени, отрицание основополагающей ценности человека, равно как и ценности природы, указывает на первичную ценность самого течения метафизической сущности природы времени. Тензор сознания способен здесь «схватывать» только отдельные метафизические фракталы этого течения, поскольку высшая психика человека, где протекает мировая воля, объективизирует субъективную рациональную ценность в объективный фрактал реальности. Влечение, вообще говоря, является основным «мотором» действия матриархальной психологии человека, в отличие от воли, этого «мотора» патриархальной культуры. С другой стороны, существует симметрия баланса бессознательных влечений, которые существуют в каждой человеческой душе, в независимости от пола человека. Однако очевидно, что матриархальные движения бессознательной психики человека стремятся минимизировать усилия человеческой воли, стремясь свести ее к нулю, поскольку психическая энергия влечений — это низшая психическая энергия. Понятно, что социальная организация человека, которая строится за счет контроля рассудка над низшими влечениями, не выражает рациональной культуры. Рациональная культура, в ее объективном проявлении, состоит в действии разумной воли человека. В этом смысле активизация варваров в определенные моменты развития мировой цивилизации характеризует конфликт: между исчезновением действия разумной воли (в наше время — это западно-европейская цивилизация) и ее постепенным перемещением в новое метафизическое пространство (формирование российской цивилизации). При этом мы должны понимать, что постсоветский психологический тип человека был первым опытом в формировании этого метафизического пространства. Впрочем, в результате распада СССР накопленный материал этого метафизического

пространства был постепенно утрачен, когда постсоветская культура стала выражать откровенное варварство с точки зрения элементарного присутствия исторического разума.

Таким образом, с метафизической позиции объективного разума современная мировая цивилизация лишена эпицентра исторического развития, поскольку западно-европейская цивилизация уже не обладает разумной волей, а варвары не обладали этой волей никогда. Но катастрофизм исторической ситуации в России усугубляется еще и тем, что здесь практически полностью разрушен прарасовый исторический слой людей. Именно за счет этого слоя, и была выиграна вторая мировая война, тогда как полностью деградировавший массовый человек ни на что не способен, как только торговать, заниматься процессом производства и потреблять материальные блага цивилизации. Но главное, конечно, состоит в том, что только расовый слой людей способен производить элементарно полноценного человека и формировать моральное пространство. Варвар же обладает лишь навыками в воровстве и лжи, характеризующие этот исторический тип человека на протяжении существования всей мировой цивилизации, но на этих человеческих качествах, а также на фальшивой идеологии, государство нельзя построить.

Одной из главных причин деградации и исчезновения рациональной культуры в Западной Европе было постепенное смещение системы ценностей сознания: от необходимости рискующего духа — быть, к мелким проблемам повседневной жизни, в которых разум не может существовать по определению. Такого рода «затухание» огня мыслящего духа, безусловно, существовало на протяжении развития всей мировой истории, поскольку мыслящий дух — это феномен высшей, а не низшей, культуры человека. Ведь «топливо» высшей психической активности души существует только при условии наличия

в сознания активности эстетических тензоров, отображающих трансцендентную реальность бытия. В противном случае, воля бездействует, ибо для бессознательного действия воли необходим потенциал эстетических тензоров сознания, то есть топологическое пространство активного господства духа над глубинами человеческой психики. Сами средства этого воздействия вырабатываются постепенно, в результате исторического морального договора различных разрозненных рациональных очагов существования мировой цивилизации. Причем под «моралью» мы понимаем отнюдь не кодекс формальных предписаний и законов, как это имеет место, например, в монотеизме, а определенный художественный эквивалент, как признак образования начальных элементов этой культуры. Именно художественный эквивалент архитектоники сознания «выплавляет» элементы существования исторического разума в той «форме», которая может организовать способность разумной воли к действию. Чем величественней архитектурные образы действия разума, тем активней воля высшей человеческой расы, создавшей их. В этом смысле наибольших результатов активности этой высшей культуры, в нашем понимании, достигли древние египтяне, если судить по архитектуре великих пирамид. При этом биологические свойства расы, как они понимаются в современной науке, нас интересуют мало, поскольку эта классификация людей, как биологических организмов, не относится к разумным критериям реальности. Подобные «критерии», наоборот, характеризуют неразумность современной биологической науки в ее представлениях о происхождении человека от животного. Ведь современная биологическая наука в своем основании строится на эмпирическом восприятии, то есть исключает существование разумной реальности трансцендентного мира.

Наши рассуждения о существовании высшей расы строятся не на биологических представлениях о челове-

ке, а на особенных возможностях действия высшей человеческой психики. Мы утверждаем, что в становлении высшей расы участвуют все биологические ресурсы человечества, то есть высшая раса является результатом смешения, причем она появляется и исчезает из трансцендентного мира. Мы полагаем, что высшая раса есть феномен трансцендентной реальности, который необходимо взаимосвязан с онтологической сущностью времени. Так, «прорезание» разумных элементов культуры, как и появление человеческих лиц с отчетливыми чертами природного благородства, в варварской среде происходит только тогда, когда высшая психическая энергия становится достаточной, чтобы подавить низшие психические влечения. Ни о каком «механизме вытеснения» здесь не может быть и речи, поскольку все эти процессы протекают не в социальной области человеческих реакций человека, которая эмпирична, а в трансцендентной области высшей психики. И если институты христианской церкви почти полторы тысячи лет обладали абсолютной прерогативой в области представлений о трансцендентной реальности, то, начиная с идей гуманизма с его верой в разум и, особенно, с субъективно философской позиции Канта — мыслить разум в качестве трансцендентной реальности, начинают формироваться новые психологические черты расы *homo sapiens*. Однако, в отличие от Канта, еще в полной мере опирающегося на «костыли» научного представления о разуме, мы мыслим феномен происхождения человеческого разума в самой глубине бессознательных движений человеческой психики. А поскольку в наше историческое время стало очевидным, что наука — это не сам разум, а его скудное отображение, использующее «костыли» новых технологий для имитации истории в достижениях научного прогресса, то стратегия понимания будущего проекта развития мировой цивилизации должна строиться на естественно-бессознательном, а не искусственном основании рациональной культуры.

Мы же наблюдаем нечто прямо противоположное, когда именно все извращенное, неполноценное и, можно сказать, откровенно дегенеративное становится доминирующим в области псевдо эстетических и социальных отношений в современной массовой цивилизации.

Мировая воля, эта сакральная сила онтологической природы времени, из которой произошел человек как разумный дух, имеет косвенное отношение к социальной инфраструктуре мировой цивилизации на всем протяжении ее развития. Ведь социум — это система, возникающая и существующая за счет низшей психической энергии, которая равнодушна к ценностям высшей культуры. С социальной точки зрения, в деятелях высшей культуры есть что-то «ненормальное» в том смысле, что они не были социальными людьми, поскольку всегда занимали позицию, которая выражает интересы разумного меньшинства. Позиция разумного духа практически всегда совпадает с государственными интересами объективного разума, поскольку государство и есть объективизация разума. Но по отношению к социуму разум действует разрушительно, ибо разум есть утверждение патриархальной психологии по отношению к матриархальной. Здесь реализуется метафизическое бессознательное господство в человеческой душе духа над материей. Такого рода феномен пронизывает всю историю человечества. Мы находим его, в частности, в переплавке всего этого низшего человеческого сброда, большевистской орды, в некое подобие варварского государства в сталинском режиме, когда мировой дух «переплавил» полудикие души варваров в грубые «заготовки» для будущей объективизации начальной организации государственного устройства. Не важно, что это государство строилось на тотальном насилии, важно, что оно попыталось каким-то полудиким образом формироваться на основе стратегической истории развития всего предшествующего опыта развития государства российского. С другой стороны, вероятно, тако-

ва судьба всех захватнических орд, например, германских после падения Римской империи, когда дикие души варваров подпали под интенсивное воздействие накопленного духовного опыта античной культуры. И вообще, следует отбросить известные предрассудки линейного развития мировой истории, когда полагается, что варварские орды нападают на цивилизованные государства исключительно извне. В действительности, прежде чем пасть, развитая цивилизация «прогнивает» полностью изнутри в силу исчерпания определенного рационального проекта своего развития, когда ее непосредственно политическая власть начинает определяться не расовыми, то есть разумными, а массовыми, то есть неразумными ценностями. Именно тогда то, что казалось незыблемым и святым в сознании народа, становится наивной мифологией, над которой глумятся грубые души варваров, будь то древние храмы античности или религиозные ценности Российской империи. Впрочем, следует оговориться, что сравнение падения Римской и Российской империи является очень условным, поскольку существование Российской империи никогда не было проникнуто объективно разумным духом, несмотря на достаточно заметные достижения субъективного разума. Здесь скорее следует искать аналоги все-таки, например, в падении полуварварских франкских государств под ударами еще более диких норманнов. Можно также рассуждать и о бунте неполноценных человеческих масс против всякого государственного устройства, характеризующегося истерией воинственного социального «братства».

...

В онтологическом понимании существа как индивидуальной, так и мировой воли, мы должны видеть расовый, а не массовый принцип развития мировой истории, когда внутренний конфликт между патриархальной и матриархальной психологией человека, постоянно действующий на бессознательном уровне, то ослабляет, то уси-

ливаает действие воли. Максимальное усилие воли имеет рациональную основу, когда непосредственные влечения полностью подавлены. И, наоборот, максимальная активность влечений достигает у человека в наиболее комфортной социальной среде, когда непосредственное чувственное восприятие также становится максимальным. Сам же процесс промышленного производства, прогресс которого в теории марксизма является основой развития мировой истории, безусловно, ослабляет волю, поскольку механический труд в целом формирует в душе человека что-то рабское, на каком бы высоком технологическом уровне он не существовал. Вообще, если анализировать события мировой истории, то проблемы совершенствования технологий производства начинают интересовать людей в момент начала распада цивилизации, когда расовое существо человеческой души истощается, а массовое становится очень активным. Великое, связанное с благородством человеческой души, что характеризует присутствие в непосредственной жизни высших ценностей, в эпоху распада цивилизации практически полностью исчезает, поскольку массовая душа активна только при условии полного отсутствия иерархического принципа жизни. Так, культивируемый принцип равенства ценностей, обусловленный чисто научным пониманием предмета познания, предполагает, что не существует прежде всего иерархического различия между разумом и рассудком. В этом смысле одним из основных критериев исчезновения объективно рационального проекта развития цивилизации и является, собственно, утрата понимания различий между рассудком и разумом.

Когда мы сравниваем массовый социум современного постсоветского пространства с западноевропейским социумом, то одно из основных различий находим в присутствии достоинства у западноевропейского человека и отсутствие такого — у человека на постсоветском пространстве. Можно сказать и более определенно: в запад-

ноевропейском социуме человек как историческая идея, собственно, есть, тогда как на постсоветском пространстве он отсутствует. Очевидно, что эта варварская чванливость советского функционера в СССР также не имела никакого отношения к человеческому достоинству, поскольку человеческое достоинство требует хотя минимальной активности субъективного разума. Вообще, человеческое достоинство — это качество, вырабатываемое не социальной психологией человека, а культурой рациональной. А поскольку в истории России, начиная с 17-го года, рациональная культура полностью исчезла, то и человек, как существо историческое, то есть имеющее какую-то разумную цель в мировой истории, исчез. Марксизм же, эта мифологически-мистическое учение, воздействующее на неразумную душу своей магией примитивной агрессии, способен только полностью затуманить разум, но не выработать в человеческой душе причастность к разумной исторической культуре. Правда, для полуварварской культуры, каковой была историческая культура России до 17-го года, он пришелся как раз кстати, поскольку «наложился» на ее мистические настроения многочисленных кликуш в среде российской интеллигенции, которые были порождены неполноценным социумом. Таким образом, именно социально-массовая историческая преемственность существует в российской истории между событиями до и после 17-го года, но никак не преемственность с точки зрения истории мирового разума. Так, все-таки человеческое достоинство в русской истории существовало до 17-го в среде отдельных исторических личностей во всех сферах культуры: в военной области, в искусстве и политической жизни.

В наличии или отсутствии человеческого достоинства и проявляется различие между варваром и человеком цивилизации. Варвар его не имеет, поскольку он не причастен достижениям разумного духа истории; человек им обладает, поскольку осознает, что он является ее

носителем. Варвар, будучи лишен человеческого достоинства, вынужден быть чрезмерно суетливым и болтливym существом, поскольку слова здесь лишены рационального содержания, а поверхностный рассудок реализует множество грубых влечений, не знакомых с моральной ответственностью за будущее развитие человечества. Но критерием существования высшей культуры является не наличие в человеке человеческого достоинства, поскольку это само собой подразумевается, а присутствие в нем одухотворенного благородства человеческой души. Подобного мы не находим в современной западноевропейской цивилизации, где массовый социум сменил собой рациональный проект развития государства. Именно отсутствие рационального проекта существования государственного устройства и различает современного американца от европейца. Исторически мы проводим здесь аналогию между византийцем и древним римлянином, которых различал: социальный прагматизм, в первом случае, и преданность высшим ценностям античности в сакральной идее существования государства, во втором случае. На какую-то «научную строгость» подобного сравнения мы не претендуем, поскольку осознаем, что наука не является подлинным критерием мировой истории, будучи построенной на рассудочной позиции, а не на основе понимания сущности развития объективного разума. Наша историческая реконструкция основана на топологических свойствах мирового разума, которые «стягивают» отдельные исторические фрагменты развития мировой цивилизации в мозаике художественного целого, выражая «зеркало» течения онтологической природы течения времени.

Таким образом, современный российский человек, родившись в среде варваров и впитавший в себя всю полноту этой варварской культуры, должен иметь большое мужество, чтобы обратиться к критическим способностям своего рационального объективного мышления. Ведь ни-

что не указывает здесь на существование объективной необходимости существования исторического разума, то есть на принципиальное различие человека от животного. Здесь, конечно, присутствует определенный социальный «протест» против произвола грубых влечений, но этот социальный «протест» подобен кругам от камня, брошенного в болото, создавая иллюзию присутствия исторического времени там, где царит мрачная реальность Темных Веков.

...

Мировой историей движут не исторические факты, а мировой дух. Так, просвещенные античные мыслители были в полном недоумении, когда пытались понять «логику» первых христианских «мыслителей», поскольку они видели эту надвигающуюся мировую ночь цивилизации, где свет разума гаснет. Но дух — это нечто более общее в воздействии на высшие слои человеческой психики, чем человеческий разум, поскольку любая мировая цивилизация истрачивает свои высшие психические ресурсы, которые невозможны. Судьбою варваров движет потребность нового исторического «топлива», требуемого для поддержания «огня» событий мировой истории. Поэтому в варварской культуре индивидуальное начало человека практически неразвито, поскольку абсолютно неразвиты высшие начала бессознательной психической жизни. Здесь можно тихо «сойти с ума», например, занявшись наукой, поскольку в этом тихом сумасшествии абстрактных логических операций, безусловно, деятельность рассудка сохраняется, а значит, сохраняется и возможность небольших «вспышек» субъективного разума, что можно было наблюдать в судьбе академика Сахарова. Однако судьба современной научной культуры очень близка судьбе христианской религии, сохранявшей почти «потухший» огонь человеческого разума в Темные Века, то есть в основном речь идет о компиляции великих идей, но никак не о появлении новых. По крайней мере в тре-

бовании современной массовой культуры везде и во всем видеть «печать» научности, мы находим аналогичные для Темных Веков и средневековой истории требования ссылаться на библейское послание, как будто человеческой разум должен обязательно опираться на какие-то «костыли» сомнительной традиции.

...

Основой существования подлинной философии является наличие благородства человеческой души как условие повседневности непосредственного образа жизни человека. Это и есть история высшей культуры, которая описывается и излагается как собственно мировая история. Хозяйственные и бытовые проблемы человеческого рассудка к мировой истории имеют очень косвенное отношение, поскольку разума здесь нет, ибо разум есть проявление самой возможности существования нравственного закона без всяких забот о хлебе насущном. Безусловно, для появления философии должно существовать историческая необходимость действия объективного исторического разума здесь и теперь. Ведь философия существует не там, где человеку от скуки хочется «порассуждать», а где действительно исторически происходит что-то очень серьезное по отношению к судьбе мирового духа, что необходимо осмыслить. Однако в истории русской философии мы находим именно эту человеческую скуку, то есть определенный род развлечения для ума, не нашедшего себе какого-то необходимого дела. Когда читаешь подобного рода «мысли», за редким исключением возникает бессознательная мысль, а зачем человек их излагает? Ведь какой-то необходимости, то есть рационального содержания, в них нет. Не лучше было бы этому «мыслителю» оставить свои мысли на семейной кухне, где в окружении различных стряпух он нашел бы понимание и сочувствие своим поверхностным суждениям. О судьбе философии в России после 17-го говорить не приходится вообще, ее следы теряются полностью, поскольку теряются

следы даже субъективного человеческого разума, то есть элементарной возможности быть честным даже перед самим собой.

...

Развивая топологическую интуицию мировой истории Шпенглера, мы понимаем, что основная ее слабость состоит в невозможности совместить топологическую природу разума с действием мировой воли. В результате Шпенглер просто «отбрасывает» разумный смысл истории, полагая, что высшая полнота жизни и есть реальность исторического духа. Однако позиция чувства в онтологическом смысле стоит на более примитивной ступени познания, чем рассудок, поэтому чувствующая душа оказывается зависимой от любой, даже поверхностной, рассудочной конструкции истории. Ведь цена рассудка — человеческое достоинство, какой бы долей истины оно не обладало, тогда как чувствующая душа всегда остается во власти внутренней борьбы различных душевных переживаний. Даже иногда выплескивая мощные протуберанцы воли, чувствующая душа неспособна их закрепить для будущего, поскольку она не обладает его рациональным проектом развития. Таким образом, эта волна волевой мощи не выражает позиции разумной воли, где главное — присутствие благородства человеческого духа. И вообще, размышляя над известными историческими концепциями мировой истории в западноевропейской философии, мы не находим здесь меры разума как меры благородства человеческой души. В известных нам исторических концепциях, возникших в последние два столетия, либо бог, либо экономические отношения, либо, в новейшее время, подавление бессознательных сексуальных влечений полагается началом происхождения человека. Наше понимание, что человек есть продукт онтологической сущности времени, которая обладает свойством топологии разума и архитектурных свойств бытия, утверждает, что сознание разумной реальности являет-

ся следствием активности высшей человеческой психики, связанной с бессознательным инстинктом смерти. Здесь субъект и объект топологически относительно в том смысле, что онтологический момент времени «стягивает» субъективное и объективное в точку высшей ценности, то есть эстетическую конструкции реальности, обладающую трансцендентной мощью бытия. Фактически речь идет о способности высшей психики к сверхчувственному «восприятию», то есть о существовании в ней определенной «плотности» онтологических свойств времени, которые и есть сознание исторической реальности мирового духа.

В нашей исторической концепции мировой истории субъектом мировой истории является сознание высшей ценности реальности, а объектом — мировой дух. В подобном понимании, очевидно, вопрос о происхождении материи мира нас интересует мало. Мы полагаем, что этот вопрос вообще есть следствие понимания природы мирового духа, поскольку и так ясно, что дух должен обладать какой-то материальной формой в своем наиболее примитивном проявлении. Попытка же утверждать, что дух есть «мифологическое» представление «наивного» прошлого предков, жестко наталкивается на бессознательный инстинкт смерти в глубинах человеческой психики. Правда, не всякого человека, когда подавляющее число людей в массовом мегаполисе доведено до состояния полного идиотизма сознания непрерывным воздействием многочисленных СМИ, ведущих неустанную «работу» по духовному разобщению людей. Понятно, что этой подавляющей массе людей *quasi homo* вообще нет никакого дела до истории мирового духа. Максимум на что способны эти люди — приобщиться к какой-то традиционной религиозной конфессии, рассуждая о «чудесах» современной реальности, как будто не ясно, что понятие «чуда» не относится ни к сфере рассудка, ни тем более к сфере разума. Более хитрые человеческие типы, как в соответствующее

время Темных Веков, «ускользают» в научную или экономическую деятельность, тем самым сохраняя в полной мере абстрактные познавательные возможности рассудка. Собственно это мировое человеческое «стадо» quasi homo ведет бессмысленный образ жизни в многочисленных мегаполисах по отношению к духу мировой истории.

Если переосмыслить известную работу Ницше «Странник и его тень», перейдя с субъективно исторической точки зрения, которая имеет место у Ницше, на объективную точку зрения, излагаемую нами, то тенями исторической реальности являются все эти массы quasi homo, пасущиеся в мировых мегаполисах. Известные пастухи ведут свою паству в системе экономических отношений к благополучному вырождению, поскольку человеку в отличие от животного свойственно обладать активностью разума в душе. Этот ставший слишком очевидным факт вырождения человечества, обусловленный процессом мировой расовой катастрофы, уже нельзя осмыслить только эстетически эмоционально, как это имеет место у Ницше, но требует объективного разумно-исторического осмысления. У Ницше исторический дух скрыт в действии мировой воли в онтологической сущности времени, когда мыслящая индивидуальность проводит суровую границу существования высших ценностей в мировой истории, утверждая, что дионисическое начало человеческой души (бессознательный инстинкт смерти) не допустит забвения иерархической позиции разума. Но для нас необходимо определить его непосредственную реальность существования в наше время. В результате, с объективно разумной позиции существования мирового исторического духа, вся современная мировая цивилизация, построенная на функционировании системы массового мегаполиса, осознается нами как царство теней, то есть по ту сторонней к разуму активностью человека. Его можно полностью отождествить с механическим функционированием природных явлений, когда сама мас-

совая система производства стремится ей подражать. Человеческая тень мировой истории — это практически физиологическое существование души, где вяло функционирует поверхностный рассудок, а власть бессознательных влечений доведена до максимальной активности. О действии разума в массовом мегаполисе не может быть и речи, поскольку нельзя разумно проявлять волю в потребности бессмысленного животного образа жизни. В этом царстве исторических теней есть поверхностный рассудок, оперирующий мощной индустрией низших ценностей, где в основе существует денежный эквивалент, а также буйство варварских натур, проявляющихся в бесконечной пустой болтовне и жадном стремлении к материальным ценностям. Активность мощного развития новых технологий есть следствие не человеческой воли, а человеческих влечений, когда сама направленность поиска новых технологий состоит в минимизации действия воли. В ней отсутствует стратегия исторического разума, когда существует вопрос и ответ: для чего это нужно. Она побуждается только бессознательным мотивом рассудка, что это просто интересно. Обычная любознательность — это не признак суровой необходимости познания объективного разума. Ибо бессознательное любопытство есть либо признак женской психологии, либо психологии варварской.

...

Когда мы сравниваем власть разума в античной цивилизации с его возможностями в цивилизации, обусловленной гуманистическими представлениями, то для нас очевидно, что преимущество, безусловно, существует не на стороне второй. Это обусловлено тем, что разум античности, в отличие от гуманистического разума, исходит из эстетической реальности, не допускающей самостоятельности эмпирического восприятия, а значит, не допускающей «свободы» материи от духа. Правда, и дух здесь зависит от материи, однако эта зависимость имеет топо-

логическое единства симметрии, которое характеризует плотность бытия за счет постоянного круговращения его отдельных элементов вокруг эпицентра точки напряжения между отчетливым сознанием и бессознательным, то есть в качестве эстетических тензоров. Таким образом, в каждой точке сознания время свернуто в качестве бесконечной последовательности длительностей исторического прошлого, ускользающего не в сферу влечений, а к области трансцендентной сферы бытия. С другой стороны, сфера небытия непосредственного чувственного восприятия сопрягается со сферой трансцендентной реальности, и в силу этого она есть.

Движущей силой мировой истории, в нашем понимании, является высшая раса. Однако, мы категорически отрицаем доминирующий биологизм в понимании ее активности существования, поскольку феномен человеческого духа есть трансцендентный феномен онтологии времени. В понятие «высшая» мы вкладываем понимание наивысшей концентрации энергии мирового духа здесь и теперь. Понятно, что эта концентрация является следствием длительной внутренней работы духа многих поколений людей, и, в первую очередь, подготовительной работы исторического духа в судьбе прарасы. Такой прарасовой культурой в истории российской цивилизации мы полагаем историю русской культуры, условно последние три-четыре столетия, когда она развивалась под влиянием, с одной стороны, научных идей и политической системы западной Европы, а с другой стороны, процесса постепенного разложения кочевых племенных нравов окружающих ее народов. Но главное, конечно, состояло в том, что на формирование этой прарасовой среды повлиял метафизический процесс глобального расообразования, когда в культурных феноменах Западной Европы, а именно, в системе ее высших ценностей были сформированы абстрактные символы веры новой расы *homo sapiens*. В нашем понимании, приблизительно с 14 по 19 век был написан «ветхий завет»

новой расовой психологии человека, который кардинально изменил его представления о самом себе, мире, а также кардинально повлиял на его нравственное развитие. Однако «ветхий завет» всегда пишется первоначально в стороне от общего хода развития мировой истории, как это имело место, например, в истории ветхого завета, написанного еврейскими пророками. Внедрение в повседневную жизнь этот завет начинает с формирования простейших элементов возникновения расового архетипа, то есть бессознательных движений психики, в которых человек чувствует себя полноценным духом.

Следует заметить, что формирование характера становления новой веры всегда начинается с проявления откровенно матриархальных инстинктов массового мазохизма, то есть с потребности рабской души быть не просто «изнасилованной» волей, но изнасилованной во имя «веры». В этом и заключается идея «исторической роли мирового пролетариата». При этом всегда слышны известные вопли о «свободе», когда это насилие происходит, поскольку должен же быть соблюден какой-то признак человеческого приличия. Выделяются отдельные агрессивные звенья матриархальной культуры в явном виде — идея эмансипации женщины, то есть ее борьба за равноправие в социуме и так далее. Мы полагаем, что подобного рода процессы есть следствие расовой катастрофы, то есть распада влияния духа патриархальной психологии человека на его повседневную жизнь, когда низшая система инстинктов восстанавливает власть над человеческой душой в требовании определенных «прав» физиологического начала души. В результате эфемерной становится не сознание материи, как это имеет место в суровых принципах жизни патриархального духа, а сам дух начинает полагаться «эфемерной» реальностью наивного мифологического представления.

В отношении мифологических представлений мы должны понимать, что право порождать и развенчивать

мифы лежит на особенностях того или иного исторического фрактала архетипа сознания человека. Можно сказать, что здесь работает само время или наоборот — его отсутствие как сакрального опыта человеческого бытия. Так, стройная система массовой мифологии современно-го массового сознания, безусловно, выражает матриархальную сущность человеческой души, проистекающей из безусловного приоритета инстинкта самосохранения человека. Материя сознания реальности допускает «дух» только в качестве промежуточной инстанции переходов: от чувственного (ненаучного) восприятия к чувственно-обобщенному (научному) знанию. Но во всем господствует равенство ценностного отношения явлений реальности, начиная от бытового комфорта жизни мегаполиса — до современного авангарда знаний науки. Понятно, что такого рода система социума стремится воспитать в человеке не просто безволие, но безволие как основу его бессознательного образа жизни, где волевые функции за него должны выполнять технологические системы, тем самым максимально дистанцируя психические реакции от непосредственного контакта со своим субъективным духом. Вместо субъективного духа в массовой душе вступает в сферу социальной коммуникации субъективная психофизиологическая сфера бессознательных влечений. Понятно, что в этой области активна только низшая психическая энергия, поскольку подобного рода субъективность характеризуется отсутствием воли как свойством индивидуального проявления разума.

В вопросе различения психической энергии воли от психической энергии разрозненных влечений, которые характеризуют симметрию противоположности ценностей: государства и общества, мы рассматриваем внутреннюю борьбу матриархально-бессознательных и патриархально-бессознательных движений души человека в любое историческое время, на любом уровне интеллектуального и культурного развития. Другими сло-

вами, с одной стороны, каждый человек стремится «выжить», максимально напрягая инстинкт самосохранения, а значит, и свою животную основу души, а с другой стороны, он осознает высший нравственный долг перед тем, что превышает ценность его непосредственной жизни, то есть то, что, собственно, и движет его волей. И вообще, мы должны осознавать, что любой социум в первую очередь тяготеет к культуре свободы, тогда как государство всегда тяготеет к чувству долга, поскольку первое выражает достоинство человека в качестве полноценного рассудка, а второе выражает благородство его души в качестве мыслящего разума. Однако подобного рода оценки возможны только по отношению к полноценному обществу, равно как и полноценному государству. Так, к массовому социуму и варварскому государству эти критерии не относятся.

Поскольку мы полагаем, что человек — это, в первую очередь дух, а материя он только во вторую очередь, то симметрия полов имеет в первую очередь метафизический, а не психофизиологический принцип различия. Психофизиологическая сторона человеческой души проистекает из ослабления духовной организации, то есть ослабления действия воли. Психоаналитически это означает, что в бессознательных движениях психики человека начинает доминировать не ее высшая энергия, а энергия низшая, которая всегда стремится сглаживать агрессию автономии воли разумной индивидуальности, поскольку воля необходимо стремится подавить низшие инстинкты человека. Действие воли необходимо требует риска, поскольку только риск повседневной жизни соответствует духовной активности души.

Очевидно, что безразлична начальная точка сознания, субъективная или объективная, когда топология исторического события удерживает их противоречия в онтологической длительности времени. Например, если субъективно анализировать присутствие духа в человеческой

душе в пределах массовой культуры, то мы обнаруживаем в ней бессознательный инстинкт смерти, то есть почти заглушенной активности действия воли. Другими словами, мы приходим к такому влечению, которое исключает биологическую систему активности психики человека уже на бессознательном уровне, то есть указывает на небιологическую часть психической жизни человека. Если же объективно осмысливать процессы расовой катастрофы, протекающие в современной мировой цивилизации, то сама массовая культура оценивается как сфера небытия разума, поскольку воля здесь практически отсутствует. При этом в современной исторической реальности отсутствует известная прямолинейность конфликта новых политических сил с безумием и варварством в человеческой культуре, поскольку их процесс формирования выходит за пределы как линейных представлений об исторических событиях, так и линейных процессов самой человеческой психики. Топологическая интенсивность онтологического потока времени не дает возможности сконцентрировать сознание на обладании устойчивостью бытия, поскольку воля является только тогда волей, когда погружена в онтологический момент исторического события. В противном случае воля ослабевает, рассеиваясь до минимума влечений, которыми легко оперирует рассудок, проводя многочисленные «линии» социального соответствия смысла присутствия человека в реальности. Из этого смысла проистекает сомнительная социальная идентификация человеческой жизни, а именно, профессиональные навыки, семейная жизнь, благосостояние и так далее и тому подобное. Понятно, что такого рода социальная идентификация никак не может объяснить феноменов высшей культуры, в которых основой жизни является ее жертва перед чем-то значительно превышающее ее наличие.

Фрактальное поле исторического события предполагает, что онтологическая природа времени воздействует

на нас бессознательно через мировую волю. Эта зловещая разрушительная сила, от которой веет первобытным ощущением «свежести» ускользающих в бесконечность горизонтов мировой истории, утверждает суровость онтологического закона, что все обречено исчезнуть, то есть утверждает полноту сознания бытия только в необходимой противоположности его существования небытию. Без противоположности, которая отрицает полагаемое в сознании, ничего не существует, поскольку не подтверждается как возможность всей полноты иного. Однако в топологии сознания исторического события выступает мозаика отдельных очагов, фракталов высшей культуры, к которым впервые обратился Ницше и которые попытался систематизировать Шпенглер. Эти фрактальные поля исторических событий, безусловно, подобны. Их связывает метафизический принцип отрицания непосредственности мелких человеческих влечений и желаний, когда бытовые ценности матриархального сознания с его хозяйственными и семейными проблемами здесь исчезают. Чем величественней и благородней, то есть разумно отчетливей высшие ценности, тем большее влияние оказывает этот исторический фрактал на будущее развитие мировой истории. Например, именно из опыта высшей культуры Древнего Египта, то есть под его непосредственным влиянием в момент внутреннего разложения, возникли зачатки греческой науки и еврейского монотеизма. Более «мелкие» фракталы высших исторических ценностей, например, такие как кодекс японских самураев, выражают только небольшие «поплавки» мировой воли. С другой стороны, в истории человечества существуют многие народы, обладающие древнейшей историей, например, китайцы, где фракталы высшей культуры отсутствуют полностью, когда историческая преемственность этой культуры строится на матриархальном сознании культа семьи и хозяйственной жизни. Заметим, что вершины мирового духа, фрактальные поля высших цен-

ностей, возникают и исчезают в потоке мировой воли, то есть, следуя субъективной концепции мировой истории Ницше, постоянно возвращаются. Они возвращаются, можно сказать, вечно, если понять, что мировой дух есть нечто вечное, то есть отображается в величии благородства человеческой души как действующий разум. Мы целиком и полностью стоим на позициях сознания патриархальной души. И здесь не трудно понять, что все социалистические теории, в том числе теория коммунизма у Маркса, являются определенного рода разновидностью представлений о линейном развитии мировой истории, из которого выдернуто патриархальное «жалю» религии, чтобы полностью «освободить» матриархальные бессознательные инстинкты человеческой души. Изъятие патриархального начала монотеизма, утверждающего происхождение человека из реальности существования мирового духа, здесь заменено на происхождение его как чисто биологического существа.

...

Мы полагаем, что основой развития мировой истории является постоянная борьба человеческого разума с попыткой ослабить действие разумной воли человека. Здесь нет «прямых» врагов, как это имеет место в примитивной теории коммунизма, где два продукта расовой катастрофы, система капитализма и система социализма якобы антагонистичны. Основной антагонизм существует в бессознательных глубинах человеческой души как основополагающий вопрос индивидуального разума: быть или не быть? Отдаться во власть этого бессмысленного образа жизни массовой культуры и массовой цивилизации, где животное существо человека безусловно доминирует, то есть отрицает человеческий разум, или попытаться найти разумные средства воли, чтобы утвердить реальность высших ценностей? Ведь найти эти средства — это не создать какие-то новые социальные институты, то есть лишь умножить окружающее безумие, а реализовать про-

странство «свежего воздуха» мировой воли, то есть вернуть непосредственность образа жизни человека к его духовному основанию.

...

Когда мы размышляем над природой высших ценностей исторических фракталов, то в нашей памяти встают образы математических фракталов Мандельброта. Симметрия и подобие геометрических объектов природы отображает течение мировой воли в непрерывной взаимосвязи ее целостности топологической структуры материального мира. Другими словами, идея механизма, эмпирически полностью контролируемого в восприятии как отчетливая система деталей целого, не годится для понимания сложных процессов Вселенной. Ведь в основе мировых законов Вселенной существует действие мирового духа, то есть трансцендентной области бытия, где мировая материя упорядочена в соответствии с хаосом онтологического потока течения времени. Фракталы высших культур, будь то др. греческая скульптура или др. египетская пирамида, отображают непосредственность человеческой жизни как художественную зарисовку космической реальности. Здесь, в отличие от научного знания, которое в последующем подвергается отрицанию на основании новых знаний, сохраняется «слепок» воли высшего расового сознания. Можно предположить, что тензоры объективного разума напрягают человеческую волю в эпохи доминирования высших культур в соответствии с исторически понимаемой идеей господства разумного духа. Эти эстетические тензоры, обладая субъективной и объективной структурой симметрии, упорядочивают космический хаос, проникающий в человеческую душу, за счет напряжения риска действия разумной воли человека. Человек рискует быть не только на основании своих мелких забот и нужд, этих необходимых условий существования матриархальных элементов культуры, но и в соответствии с энергией мировой воли, пронизывающей

его индивидуальную и коллективно-расовую жизнь как жизнь упорядоченно-космического целого. Можно сказать и более определенно: патриархальный дух целиком и полностью господствует в высшей культуре, как и наоборот, матриархальная психология человека — в культуре низшей, или массовой. Так, средневековая история всех цивилизаций (по Шпенглеру), является временем отеснения матриархальных элементов жизни, то есть отеснением активности влечений животной души. В истории Западной Европы потребовалось два-три столетия, чтобы отеснить почти абсолютную власть библейского откровения как задачу спасения человека. Очевидно, что идея спасения человеческой души — это мощнейшая идея матриархальной психологии, которая топологически «ветвится» своим историческим влиянием на известные «научные» теории. В коммунизме мы обнаруживаем ее как историческую задачу пролетариата, «спасителя человечества», от угнетения мировым капиталом. Так, собственно, ничтожное в системе высших ценностей — деньги, получает восприятие мистической силы, властвующей над миром, потерявшим разум, который спасают бывшие рабы. Во фрейдизме задача «спасения» души трансформируется в чисто семейный институт психоаналитиков, пытающийся подменить институт церкви уже тотальным отрицанием всякого намека на патриархальный дух, когда поход к психоаналитику подобен походу к первобытному идолу Великой Матери, этого основного божества народов, стоящих на почти нулевом уровне активности разума в душе. Так, подлинное нравственное развитие человека, как мы полагаем, есть то или иное действие разума в душе, а не механическое соблюдение каких-то моральных законов. Психоаналитик, этот служитель современного культа Великой Матери, должен утешать клиента, «освобождая» его от бессознательных комплексов, то есть от естественной для полноценного человека потребности — обладать разумом. Психоаналитическое утеше-

ние, как «научный» метод воздействия на бессознательные влечения предполагает, что человек является исключительно семейным существом, которое постоянно «нуждается» в опеке в силу неспособности и невозможности действия индивидуальной воли. В этом современном культе Великой Матери выбран соответствующий «основной инстинкт», сексуальный, поскольку, в силу топологической симметрии бытия, он прямо противоположен мотивам действия разумной воли.

Таким образом, мировая история последнего столетия развития мировой цивилизации происходит под влиянием резкого слома сложившихся патриархальных представлений и, как следствие, утверждения матриархальной психологии человека как базовой для функционирования массового мегаполиса. Исторически в России после 17 года побеждают натуральные варвары под знаменами коммунистической «теории», а в западноевропейской культуре после 45 года — неполноценные личности, лишённые разума. В обоих случаях патриархальный исторический быт подвергается тотальному глумлению в массовом сознании, обвинению в «неразумности» и «недоразвитости», тогда как хитрые воровские типы, которые в патриархальной среде людей полагаются самым низкокачественным человеческим материалом, присваивают себе власть и собственность во всех государствах мира. Ведь матриархальный тип человека, варвар, который живет своей животностью влечений, или неполноценная человеческая личность, не обладающая даже минимумом разумной воли, глубоко бессознательно родственны своей неприязнью к нравственному долгу, определяющему собой действие разума в человеческой душе. Именно поэтому современные массы варваров в России, нацепив на себя новые одежды «предпринимателей», «либералов» и «демократов», легко трансформировались, как хамелеоны, из пламенных борцов коммунизма в бизнесменов. И в отличие от судьбы фашистской Германии, где идея выс-

шей расы потребовала смертельного конфликта со всем миром, эти варвары, ранее пасущиеся в пределах коммунистической идеологии, просто разворовали всю государственную собственность, поразив весь мир циничностью своей исторической метаморфозы.

Отстаивая субъективные позиции разума, который все-таки существовал в русской культуре до 17-го, мы утверждаем, что исторической преемственности между политической системой СССР и современной постсоветской Россией с Россией до большевистского нашего существования не существует. Да, существует родоплеменная преемственность, которая, например, определяет результат смешения индейской расы с испанцами в Южной Америке, или германских варваров с выродившимися римлянами в период великого переселения народов. Но морально, с точки зрения полноценной человеческой души, то есть какого-то, хотя бы минимального присутствия объективности действия разума на постсоветском пространстве с исторической судьбой России не наблюдается. Поэтому вполне понятна геополитическая византийская позиция западной цивилизации в ожидании окончательного разложения этой родоплеменной общности варварской культуры. Мыслящий рассудок показывает здесь свое полное превосходство над непосредственностью чувствующей души. Так, вероятно, и византийцы в аналогичное время мировой расовой катастрофы ожидали исторического исчезновения всех этих варварских племен Западной Европы, впрочем, ведя с ними политические переговоры как с «равными». Это равенство предполагало, что, поскольку последние, безусловно, обладают и достаточной военной мощью и в некоторые моменты достаточным мужеством для решительного отстаивания своих племенных интересов, то они обладают и «правом» на какое-то влияние в цивилизованном мире.

Поскольку в основе нашего понимания разумности объективных процессов мировой истории лежит подлин-

ный патриотизм патриархального духа, разгромленного, почти генетически уничтоженного большевистской ордой и советской властью, но не сломленного, именно мы отстаиваем разум в этой варварской культуре окружающих нас ценностей. Так, очевидно, что современные народы, в том виде, в котором они существуют в наше время, выродились в варварские массы людей, поскольку в противном случае они не позволили бы довести себя до полного идиотизма массового сознания, которое мы наблюдаем повсеместно. Ведь принципиальное отличие народа от человеческой массы состоит в том, что народ имеет свой быт, свои патриархальные традиции, сложившиеся веками, но таковые не наблюдаются в современной России, где русская деревня почти полностью люмпенизирована. Конечно, эти традиции в той или иной степени разрушены практически у всех народов мира, поскольку расовая катастрофа имеет планетарный характер, но эпицентр этой катастрофы, как мы полагаем, оказался именно в России, где матриархальная культура идеологии коммунизма была религией почти целое столетие. Так, коммунистическая идеология ставила своей исторической задачей формирование quasi homo, и здесь не то что высшая система ценностей, но само воспоминание о благородстве человеческой души было страшной крамолой. Впоследствии возник массовый культ истерии романтической веры в справедливость, добро, счастье и коллективизм, который протестовал против грубости варварской жизни, что характеризует так называемую «оттепель» 60-ых годов. Особенно полно она выразилась в поэзии «шестидесятников». Мы утверждаем, что речь идет именно об истерии, а не о подлинном романтизме, поскольку все ценности формировались здесь не из какого-то рационального понимания исторической реальности или вообще какого-то полноценного состояния человеческой души, а неких садомазохистских наклонностей матриархального сознания.

...

Вообще, размышляя над всей историей гуманитарных наук в России, мы приходим к выводу, что какой-то объективно рациональной школы мысли здесь никогда не существовало. Существовали какие-то фантазеры, какие-то труженики-энциклопедисты, какие-то мистически настроенные люди, ищущие бога и социальной справедливости, какие-то люди, опирающиеся на «историческую науку», где под «наукой» здесь понималось подражание западноевропейским школам. То есть все это было каким-то частным делом, проистекающим не из духа исторической необходимости самой разумной воли человека, а от скуки, от обычной любознательности, от того, что из «потомственной интеллигентной семьи», то есть исключало бессознательные мотивы высшей психики, в которой формируется разумное духовное основание человеческой души. Иначе было с возникновением школ точных наук, поскольку здесь вопрос стоял о государственной целостности, которая требовала в научных разработках знания новых военных технологий. Действия Петра 1 характеризовались почти варварским насилием в утверждении точных наук, тогда как науки гуманитарные в большей степени интересовали его как приложение к наукам строгим.

...

Существуют принципиальные отличия между патриархальной и традиционалистской культурой. Очевидно, что если традиционалистская культура существует практически у всех народов, причастных истории мировой цивилизации, то культура патриархальная существовала далеко не у всех. Точнее было бы полагать, что существование патриархальной культуры является в большей степени исключением, чем правилом, хотя легкомысленность позитивистских исторических представлений и стремится их отождествлять. Так, позитивизм отождествляет традиционалистскую и патриархальную культуру в силу их

технологической неразвитости, что прямо проистекает из линейных представлений об исторических событиях. Но такого рода представление неразумно, поскольку определенные циклы мировой истории повторяются в силу топологической природы объективного разума, когда история формирования новой цивилизации начинается с оформления определенного патриархального быта, имеющего свой эпицентр наивысшей интенсивности. Этот эпицентр можно также рассматривать и как эпицентр глобального расообразования, в котором наиболее интенсивно действует мировая воля. Традиция же есть нечто схематичное, что способен ухватить поверхностный рассудок в явлении, из которого исчезло разумное историческое содержание, и на основании этой рассудочной мысли построить некую схему исторического развития.

Для нас главным различием между традиционалистской и патриархальной психологией является мера наличия в них матриархальной психологии человека, то есть, собственно говоря, мера рациональной культуры. Так, например, китайская традиция имеет много тысячелетнюю историю, тогда как не имеет патриархальной культуры как таковой. Другими словами, мы полагаем, что чем меньше социальных структур присутствует в человеческой жизни, тем более дух человека обладает патриархальной основой воли. Ведь любая массовая социальная структура стремится ослабить человеческую волю, развив в человеке различные низшие влечения, как, аналогичным образом, человеческий рассудок стремится избежать насилия на стороны разума. В результате историческое развитие социальной психологии человека можно проследить от момента зарождения определенной традиции — до момента ее гибели, то есть как историю человеческого рассудка. Рассуждать о каком-то «научном» обосновании мировой истории, это, значит, не понимать, что разум имеет две стороны: сакральную, ускользающую в онтологическую сущность времени, и земную, обуслов-

ленную конечностью человеческого рассудка. И если конечность человеческого рассудка, сводимая к психосоматической основе бессознательных влечений психики, мы рассматриваем как матриархальную природу человеческой души, то онтология времени, образованная разрушительными бессознательными процессами воли, свести к этой основе невозможно. Поэтому рассуждать об истории «научно» равносильно встать на точку зрения ее матриархальной культуры, которая неразумна, хотя и выражает мощнейшую систему бессознательных инстинктов самосохранения человека. Таким образом, вся логика «научного» метода понимания мировой истории содержится в логике матриархального сознания. В логике матриархального сознания мы имеем дистанцию с духом мировой истории, некую схему, которую рассудок стремится обсуждать, исключая противоречия самого духа, действующего в человеческой душе в момент непосредственного участия в историческом событии. Собственно наивысшим достижением философии Ницше, в нашем понимании, было осознание, что о сакральном духе мировой истории можно рассуждать и без традиционного воспоминания о божественном его начале. Разуму в этом случае самому предлагается решать, чем является дух, поскольку сакральное воздействие духа истории становится не только не слабее, но и наоборот, достигает максимального воздействия мировой воли в бессознательных глубинах человеческой души. В этом случае и происходит непосредственный суд истории в самой жизни: что может предложить индивидуальный человеческий дух на этот суд времени. Происходит «выворачивание» наизнанку глубин человеческой души, высвечивая симметричную сторону ее развития. И если, например, глубины бессознательного у С.Дали демонстрируют полную зависимость от матриархального бессознательного, то у Ницше, наоборот, высвечивает память исторического опыта, накопленного матриархальной историей культуры как ее

высших ценностей. Ведь бессознательная человеческая память в соприкосновении с сакральным духом мировой истории никогда не лжет. Так, тензор рациональной реальности напряжен бессознательным действием воли, но в любом случае, он имеет эстетически-симметричный принцип. Именно эстетический тензор создает то, что во фрейдизме называется «комплексом», то есть антисоциальной структурой, которая требует от человека проявления воли, а не социальной психической реакции. Фактически, мы полагаем, что трансцендентная реальность в любом случае, есть реальность волевого усилия, и, в качестве объективной реальности разума, недоступна для социального рассудка. Поэтому «технической» задачей рассудка всегда является упрощение этого онтологического потока времени, желательно, до чисто механической длительности, что и было реализовано в идее механических часов. Кант по крайней мере ясно осознал, что разум существует только в области трансцендентной реальности, поскольку позиция субъективного рассудка не может допускать самоотрицания.

Идея механического времени — это идея исключительно рассудочная, которая сводит функцию разума только к отображению. Например, у Гегеля диалектика мыслящего разума, как универсального отображения интеллектуальных способностей человека, получает статус основания разумного духа, и с этим пониманием объективного разума мы не можем не согласиться. Но в философии Гегеля предполагается, что разум, как отображение функции времени в сознании, не исключает отрицания такого рода единственности взаимосвязи, но даже предполагает ее в силу необходимости развития исторических знаний человечества. Другими словами, в развития мировой истории у Гегеля предполагается только один вид самого отображения разума — линейный, в котором, в силу диалектического самоотрицания, допускаются и другие его виды, в том числе, вероятно, и топология разума.

...

Сравнительный анализ Темных Веков западноевропейской цивилизации и российской цивилизации указывает на родственность прарасовой религии др.германцев и православия, то есть привязанность этих религий в основном к матриархальной психологии человека. Впрочем, в онтологическом смысле, прарасовые религии все равно стоят на более высоком уровне развития, чем варварские разговоры марксистов о «научном смысле» истории, поскольку прарасовое сознание все-таки участвует в непосредственном духе исторического события в патриархальном начале хотя бы на минимальном уровне. Этот минимум — адекватность патриархальному духу, хотя, конечно, в качестве наивной мифологии. Доказательством существования этого минимума патриархального сознания могут служить, например, традиции чести и долга русского офицерства до нашествия большевистской орды, когда расовая сущность православия отобразилась здесь непосредственно в зачатках субъективного разума русской психологии. Именно здесь мы должны искать основания для побед русской армии.

Поскольку мы анализируем расовую основу российской цивилизации, то наше понимание практически никак не пересекается ни с какими советскими, ни с какими современными фантазиями о происходящих исторических событиях в России. Эти по ту сторонние к разуму представления мы оставляем для рассуждений разного рода болтунов и демагогов, которыми так богата матриархальная культура, практически всегда на бессознательном уровне являющая собой интеллектуальную «кухню», в которой отсутствует мужское волевое начало разума. Ведь любая функция сознания, в которой разумное начало отсутствует, подчинена какому-то бессознательному влечению, то есть социальной психической реакции, а значит, сопротивляется необходимости присутствия бытия. Рассуждая во фрактальной плоскости историческо-

го горизонта тысячелетнего пути новой цивилизации, который открывается перед Россией, современная ревизия уровня объективного развития рациональной культуры практически с нуля, предполагает игнорирование варварской психологии человека.

Анализируя историю мировых расовых катастроф, первым моментом топологического «прорезания» разума в человеческой душе мы обнаруживаем трагические явления. Эти явления характеризуют здесь распад, с одной стороны, почти полного влияния традиционных матриархальных признаков культуры, а с другой стороны, гибель прарасового сознания как такового. К такого рода расовым катастрофам мы относим такие исторические события как: захват гиксосами др. египетского государства, разрушение дорийской ордой крито-минойского государства, разрушение германскими варварами Римской империи, норманнское нашествие на западную Европу. Собственно, топологические рецидивы нашествия варваров характеризуют торжество матриархальной культуры над человеческим разумом, поскольку внутренний конфликт между патриархальными и матриархальными бессознательными инстинктами человеческой души никогда не прекращается. Разум в бессознательном действии воли всегда истощает природные ресурсы человеческой души, как цивилизация эпохи распада истощает природные ресурсы на своих территориях. Поэтому периодическое восстание рабов в морали неизбежно и, вероятно, необходимо с точки зрения восстановления истощенных ресурсов высшей психики человека, задействованных в том или ином рациональном проекте развития мировой цивилизации. О «конце» истории в таких случаях рассуждают те, кто исключает топологические свойства объективного исторического разума: периодически исчезать и также периодически появляться во времени в определенной основе высших ценностей. Но разум, как мировая сущность бытия, всегда равен самому себе, будучи фрак-

тальным многообразием своих объективных явлений, который субъективный разум человека осознает в эстетических тензорах реальности. Он есть вечное возвращение равного самому себе как иерархии бытия, которая «расцветает» множеством своих подобий и форм как высшая ценность разумной жизни.

В необходимости перевести субъективный язык ценности, с позиции которого рассуждал Ницше, мы полагаем его объективным аналогом — тензор сознания, который осуществляет взаимосвязь между бессознательным действием воли и рациональной операцией мышления. В отличие от усилия поверхностного рассудка, который индифферентен к действию воли, то есть к наличию сознания человека в мировом историческом процессе, разум всегда есть то или иное отображение мировой истории в ее сакральном существе события. Так, например, культовое значение понятий «интеллигент» и «интеллигенция» в российской псевдо-гуманитарной культуре (из нее оно вошло и в советскую культуру) предполагало, что сознание сохраняет дистанцию с чувствующей душой, поскольку владеет некой исторической схемой. Эта историческая схема суждения в действительности всегда была неразумна, поскольку противопоставляла себя чувствующей душе, тогда как подлинный рассудок, обладающий разумным суждением, противопоставляет себя неуничтожимому началу бытия, по отношению к которому он есть. При этом мы отнюдь не преуменьшаем напора диких инстинктов большевизма, поскольку и матриархальная культура действует агрессивно, когда не находит достаточного сопротивления разумной воли. Более того, матриархальная культура стремится занять как можно более широкую и глубокую позицию в жизни человека, а в случае отсутствия разума создать культ великой матери, то есть некое подобие религии, которое можно было угадать в интенсивности воздействия коммунистического учения на сознание человека в СССР. Великая

мать в данном случае отождествлялась с мировой материей, произведшей мир и человека.

Вообще, психоаналитически сравнивая бессознательное действие воли и действие влечения, мы обнаруживаем, что воля всегда имеет топологический эпицентр, то есть в ней отсутствует линейная реакция. Здесь, очевидно, мы рассуждаем о воле разумной, поскольку неразумная воля есть группа влечений, которую, конечно, можно условно назвать «волей», однако подобная условность предполагает минимальное действие разума в человеческой душе. Понятно, что подавляющая часть интеллектуальной культуры использует широкое понимание воли, поскольку в рациональной культурной традиции всегда доминирует патриархальное сознание, а значит, безусловное господство воли. Но никак нельзя назвать таковой ситуацию в эпоху глобальной расовой катастрофы, когда воли все меньше и меньше, а активность человеческих влечений становятся все более интенсивными. Собственно, этот процесс происходит уже два столетия, когда известная работа Шопенгауэра «Мир как воля и представление» указала на перемещение объективной сущности исторического разума в сторону необходимости метафизического понимания существа воли. Ницше, как мы полагаем, открыл элементы топологии сознания как различие между волей, которая определяет высшие ценности через господство полноценной души, и влечениями, которые полагают низшие ценности распавшейся психики. Впрочем, распад воли не предполагает потерю рассудка, но наоборот, демонстрирует его максимальную активность в тот момент, когда он не испытывает воздействия со стороны рациональной психологии.

...

Принципиальным отличием действия расового и массового бессознательного в человеческой душе являются свойства памяти. Так память *quasi homo*, как у животного, лишена какой-то нравственной прерогативы, отобража-

ющей опыт рациональной культуры. Механистический принцип памяти массового бессознательного построен на почти полной зависимости от внешних источников воздействия, в силу чего легко внушаем. Здесь господствует легкость непосредственных чувственных ассоциаций, которые открыл английский эмпиризм. Именно поэтому механистическая модель социально-экономической основы государства получила в Англии максимальное развитие, как в психологии индивидуального человека и в либеральной политической модели государственности, так и в физическом понимании строения Вселенной. Заметим, что эмпиризм, с точки зрения понимания человеческой психики, наиболее близок массовой психологии, возникнув как оппозиция патриархальному расовому укладу жизни. В результате уважение к традиции в Англии сохранилось, как нигде в европейской культуре, тогда как патриархальный архетип, наоборот, «стерся» из сознания по максимуму. В силу этой универсальности английской особенности культуры: сохраняя традицию, полностью удалять из нее патриархальный элемент, ее опыт был распространен на всю мировую цивилизацию через примитивнейшую с точки зрения расовой психологии американскую культуру. Аналогом подобного рода суррогатной культуры может являться, как мы полагаем, эллинистическая цивилизация, распространившаяся на Востоке, или византийская цивилизация, где первая стала слабой тенью великой эллинской культуры, а вторая — слабым отблеском величия Рима. «Переносчиком» этой психической неполноценности становится язык, в наше время английский, который связывает воедино мировую матриархальную культуру, структурированную в психические реакции массовой души. Таким образом, феномен доминирования массовой культуры имеет в мировой истории такой же периодический характер, как и процесс появления высших культур.

...

Наше противопоставление духа высшей культуры — активности массовой цивилизации состоит в противопоставлении духа патриархальной психологии человека — духу матриархальной психологии, или то же самое, что разумной психологии человека — неразумной психологии. Никакой дискриминации здесь женщины нет, поскольку матриархальное и патриархальное мы рассматриваем с метафизической точки зрения, которая характеризует онтологическую симметрию материи и духа. Речь идет о естественном подчинении разумному духу иррациональных начал психики. Метафизически мы противопоставляет человеческую волю — человеческим влечениям.

Особенно остро вопрос о духовном происхождении человека стоит в Темные Века, когда человеческий разум практически отсутствует в среде варваров. Но разум всегда свободен, если он действительно существует, поскольку он не имеет выбора: быть или не быть, в отличие от человеческого рассудка — разум может только быть, в противном случае речь идет уже не о разуме, а о чем-то другом. Ведь разум есть непосредственное действие высшей природы человека, которая не может являться чем-то «среднестатистическим» как, например, человеческий рассудок, способный «пристраиваться» где угодно и как угодно. Собственно, на этой лакейской особенности рассудка к компромиссам и держится массовая культура, в первую очередь, конечно, как политическая система либерализма. Либеральные ценности, возникшие в русле философии английского эмпиризма, выразили максимальную интенсивность непосредственных человеческих чувств, лишенных разума, но в полной мере чувствующих его присутствие рядом. Именно это присутствие разума где-то «рядом» и было той интуицией, которая «разбудила» критический рассудок Канта. Но и психоанализ Фрейда также постоянно «крутится» вокруг топологических точек рациональной психологии человека, когда вво-

дит психоаналитическую симметрию влечения к смерти и влечения к жизни (мы имеем ввиду утверждение Фрейда, что либидо всегда имеет мужское начало).

Идея метафизической симметрии противоположности воли — влечениям существует у Платона в известных рассуждениях о том, что первоначально человек был гермафродитом, а затем был разделен на мужское и женское начало. И действительно, размышляя над психическими бессознательными реакциями человека, легко понять, что постоянное напряжение воли требуется крайне мало в его повседневной жизни, если не сказать, что не требуется вообще, за исключением некоторых профессий, связанных с риском для жизни или какими-то экстремальными состояниями психики. В подавляющем своем проявлении человеческая психика ориентирована на влечения, которые монотонно реагируют на внешнюю реальность. Таким образом, человеческая психика в определенном смысле «разъята» внутренней борьбой между бессознательными влечениями животного существа и бессознательной потребностью проявления воли разумного начала души. Стремление к единству, которое Платон характеризовал как некую идеальную любовь между мужчиной и женщиной, следует, конечно, рассматривать значительно шире. Создается впечатление, что платоническая любовь характеризуется постоянным стремлением души «вырваться» из тела в определенной усилении воли, которое трудно определить как влечение, поскольку соматический момент здесь стремится к нулю. Фактически эта «разъятость» человеческой души на внутреннюю борьбу между бессознательными влечениями и бессознательным действием воли и выражает, в нашем понимании, внутренний «мотор» мировой истории. Таким образом, Платон требует, чтобы душа «сгорала» в любви в том смысле, что воля человека должна необходимо действовать, иначе животные влечения захватывают душу, и человек теряет свой рассудок по отношению к разуму.

Для нас платоническая любовь характеризует психологически бескорыстное состояние человеческой души, когда в ней действует разум, поскольку в этот момент животные влечения максимально подавлены. Но основной характеристикой платонической любви, безусловно, сближающей ее с философской концепцией воли к власти у Ницше, является ориентация рассудка на эстетические тензоры сознания, то есть на эстетическое созерцание трансцендентной сущности бытия. Заметим главное, речь идет не о безвольном созерцании, а скорее о чем-то «неистовом», каком-то разрушительном движении души против всего, что движет волей бессознательно какими-то сверхчеловеческими усилиями.

...

Когда мы размышляем о новых всемирно-исторических силах, должных изменить политическую варварскую систему в будущем России, то обращаем внимание, что позиции благородства разумной души здесь противостоит даже отсутствие человеческого достоинства, то есть рассудка, который более менее готов соблюдать человеческий закон. Варварам человеческий закон неведом, хотя все многообразие абстрактных знаний присутствует в массовом сознании. Но что толку, если для соблюдения человеческого закона должно быть присутствие хотя бы минимума воли, - воля здесь заглушается мощнейшим потоком животных влечений, где беспредельная жадность и коварная изошренная хитрость всегда выступают как условие социальной массовой коммуникации. Все остальные виды коммуникации, которые характеризуют не варварскую психологию, присутствуют где-то за заднем плане как определенный род исторической архаики, то есть того, что еще не успело разрушиться после нашествия большевистской орды и последующей за ней ликвидацией расового поля полноценных человеческих реакций. Распад семьи, тотальная коррупция, отставание науки — все это следствие расо-

вой катастрофы, когда на первые позиции в культуре выдвигается quasi homo, циничный поверхностный интеллеktуал, который очень хочет жить непременно сейчас, не зная прошлого и не ведая будущего, поскольку память о прошлом и вера в будущее предполагают какое-то действие разума в душе. Геополитическая цена за существование подобного социума — вырождение и постепенный распад государства в перспективе, поскольку государство не существует вне элементарно объективного рационального проекта. Ведь варварам навязывается социально-государственная модель, которая формирует в них на подсознательном уровне людей второго сорта, вынужденных постоянно оправдываться за свой неразумный образ жизни и политические нравы перед представителями развитой цивилизации. То, что эти представители развитой цивилизации сами неразумные личности, чья вороватость не всегда ограничивается структурами цивилизации, варвар помыслить не смеет. ...

Прогнозируя возникновение в России кастовой основы государственной власти, мы основываемся на всем мировом опыте истории аналогичных нравов Темных Веков. В Темные Века каста — единственный принцип власти, который дает возможность разумным людям объединиться тогда, когда их разум оказывается в океане окружающего варварства. Варвары — это тени Темных Веков, которые не имеют ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, поскольку их непосредственный образ жизни лишен причастности историческому разуму. Если сравнить нашествие гуннов на Западную Европу с движением большевистских орд по территории бывшей Российской империи, а затем возникновение из ее банд советской номенклатуры, то мы легко найдем источник варварской культуры, доминирующий на современном постсоветском пространстве. Ведь варвар является таковым в первую очередь в своих бессознательных глубинах души, в которых он есть существо второго сорта, что вызыва-

ет у него раздражение, озлобление и постоянное чувство агрессии к другому человеку. А куда деваться этим диким началам души, распространившимся в России после нашествия большевизма, если после распада СССР власть и собственность получили генетические наследники тех, кто ликвидировал тотально все политические структуры Российской империи? Варвар всегда есть варвар и в третьем поколении, поскольку он не знаком с началами нравственного развития души, где концентрируется расовая память народа или нации.

Проблема варварской культуры и варварской государственности является основной на постсоветском пространстве, когда неразумные социальные структуры плодятся здесь как «грибы», а катастрофический демографический спад населения продолжается. Аналогичный демографический спад продолжался и в Западной Европе в период нашествия норманнов, когда население стало резко уменьшаться в силу постоянных набегов агрессивных полукочевников, подобных современным постсоветским «предпринимателям» и государственным функционерам. Ведь последние, являясь крайне примитивным человеческим материалом (варварами в третьем поколении), не обладают хотя бы минимумом разумной воли, на основании которой существует человеческий договор. Они развивают здесь суетливую активность, где коэффициент полезного действия ничтожно мал, однако кичатся своими ничтожными воровскими успехами, не осознавая, что их жизни — жалкие тени в мировой истории, которые она сотрет без всякого минимального упоминания.

Вообще же, современная массовая культура на постсоветском пространстве представляет собой многоуровневую воровскую «малину» со своими паханами на всех уровнях власти, с определенным набором демагогического словоблудия и множеством стилизованных декораций, начиная от православия и кончая идеологией

«цивилизованного рынка» и «демократии». Конечно, если человек не имеет разума, то он может не обращать внимания на весь этот вопиющий цинизм варваров, пирующих на костях русской государственности. Но ведь разум то существует. Он существует даже тогда, когда вокруг него присутствует его полное забвение. И следует отметить, что сами варвары вполне искренне пытаются возродить эти полностью разрушенные основы государственности, как в свое время полудикие германцы пытались возродить политические институты Римской империи.

В вопросе объединения новой высшей расы менее всего мы склонны рассуждать о национальном объединении, поскольку история любой нации — это линейная история, которая не обладает перспективой будущего, где топологический принцип требует не столько национального, сколько рационального вклада в дело формирования разумного образа жизни человека. Ведь расовая катастрофа имеет глобальный характер, в который втянуты все народы и нации, от самых технологически развитых до самых примитивных полупервобытных. Мы были свидетелями попытки отождествить одну нацию с основой высшей расы на биологическом уровне, что привело эту нацию к полной катастрофе. Фашизм пытался совместить биологизм и новый дух мировой истории, что в принципе невозможно, потому что существование высшей расы, *homo sapiens*, имеет, во-первых, метафизический, а во-вторых, периодический характер появления и исчезновения. Высшая раса исчезает и появляется в истории, порождаяемая мировой волей в силу «заполнения» человеческой жизни переизбытком полноценной психической энергии, порождающей определенный «огонь» высших ценностей.

...

Есть в современной жизни постсоветского мегаполиса что-то глубоко родственное психологии опустив-

шегося бомжа. Так, здесь никто не думает о будущем, которое неминуемо наступит. Здесь все стремятся с какой-то суетливой торопливостью именно урвать, а не получить этой поганой жизни по максимуму. Это чувство одинаково присуще как банкиру, так и опустившемуся алкоголику, которых сближает отчуждение к той земле, на которой они живут. Деньги стали каким-то зловещим проклятием для грубых душ варваров, частично помутившихся на них рассудком, поскольку в них эта поганая душа находит почти сакральное удовлетворение. Не то что они на них молятся, но точно алчут как дикие звери, как будто причастность к низшей системе ценностей цивилизации даст им возможность почувствовать себя людьми. Он, варвар, своим звериным нюхом чувствует низшую систему ценностей, будучи полностью равнодушен к началам высшей культуры, где присутствует объективный человеческий разум. Деньги — это то, что всегда было доступно варварскому уму на уровне самой примитивной причастности к цивилизации, тогда как разумно деньги варварский ум понять не способен, поскольку он должен на бессознательном уровне содержать в себе опыт реализованного объективного рационального проекта ее развития. Деньги в среде варваров способны выделить некую племенную «элиту», которая заинтересована в этой «тухлой» стабильности вырождения, когда ее «подкармливают» извне тем, что сохраняют ее воровские капиталы западные банки. Чем «тухлее» нравственная атмосфера вырождения, тем «демократичней» и «цивилизованней» она объявляется в средствах массовой информации западных СМИ, то есть информации, направленной на уничтожение разума в человеческой душе. Но проблема в том, что деньги — это последняя, самая примитивная шкала ценностей внутреннего развития цивилизации, также способна действовать ограниченное время, когда наступает коллапс этой низшей системы ценно-

стей, и она разрушится, погребая за собой всю шаткую инфраструктуру массового социума. На этом концептуальном понимании развития мировой истории, как известно, заканчивается модель ближайших мировых событий у Шпенглера.

Понятно, что мы противопоставляем этой варварской среде людей — человеческий разум. Противопоставление разума животным началам души, очевидно, и есть основная движущая сила мировой цивилизации, когда раса *homo sapiens* периодически возникает и исчезает в мировой истории, выполнив свой проект. Другое дело, что характер этого проекта в наше время абсолютно не ясен. Нельзя же эту воровскую «малину» постсоветского политического пространства или бессмысленную жизнь европейского массового социума каким-то образом полагать причастным историческому разуму. Ее фантазмагория, построенная на шаманизме массовых СМИ и на дикости человеческой души, на одном из топологических витков мировой истории показывает возвращение человека к непосредственности образа жизни матриархальной культуры. При этом попытки восстановить какие-то элементарные нравственные нормы возвращением к традиционным религиям обречены здесь на неудачу, поскольку в течение времени всегда присутствует неумолимость действия нового фрактального потока мировой воли, в которой старые моральные нормы отрицаются в силу их матриархальной безвольности. «Право» фактически выступает здесь на уровне первобытного шаманизма, когда почти полярно-противоположная трактовка одного и того же закона дает возможность побеждать более влиятельному воровскому клану, а не разуму и человеческому закону. Собственно, вряд ли есть что-то новое в эпохе нравов Темных Веков, одна из основных характеристик которого — это отсутствие зачатков разумной индивидуальности и животной жадности безнадежно тухлой жизни.

Наша вера в формирование новой цивилизации на территории Российской империи разрушенной варварами, проистекает из веры в человеческий разум, который формируется мировым разумом на основании высшей психической активности души. Основная проблема, таким образом, состоит в выработке структур именно патриархальной, а не традиционной культуры, в которой существует объективный проект исторического разума. И здесь бессмысленно полагать, что новый проект можно рационально «впихнуть» в старую традицию, предполагая, что это может очеловечить полудикую душу варвара. Варварская душа готова животным образом «впихнуться» в любую традицию, православную, исламскую, буддистскую и так далее, оставаясь при этом такой же полудикой, поскольку ничто не активизирует в ней активность высшей психики в символических требованиях матриархальной культуры. Варвар готов финансировать строительство различных храмов — лишь бы тешится иллюзий причастности к какой-то сакральной исторической традиции.

Глава 10

Фракталы объективности

Размышляя над исторической концепцией Шпенглера, мы все больше убеждаемся в ее пророческих идеях. Вот лишь некоторые из них: сворачивание базовых элементов патриархальных (то есть разумных) принципов европейской цивилизации; максимальная активизация варваров на периферии цивилизации и крайних деградантов внутри нее; деньги как единственный механизм эквивалента низшей системы ценностей, которая максимально активизирует влечения на фоне катастрофиче-

ского ослабления воли; полное угасание искусства и науки, которые теряют свои классические основания, начиная примыкать к мистике. Мы указали лишь на наиболее значительные концептуальные моменты, хотя их можно было бы продолжить. Главный итог, который характеризует эти процессы расовой катастрофы — полная победа в политической, нравственной, правовой, моральной, государственной и геополитической жизни матриархальных принципов жизни. Ведь ни разложившаяся неразумная личность, ни, тем более, варвар не могут быть победителями Темных Веков, поскольку они являются смутными тенями мировой истории, существующими за пределами мирового разума. И если американская цивилизация еще демонстрирует какой-то тупиковый проект развития (подобно в свое время византийской цивилизации), то варвары неспособны вообще ничего предложить по существу, встраиваясь в «хвост» распадающейся цивилизации, подражая ее политическим и социальным структурам. Злобно бряцая оружием, варвары питаются смрадным «воздухом» возрождения Темных Веков.

Исторический разум всегда есть та или иная стратегия господства разумного духа над человеческой душой, поскольку действие чисто человеческого рассудка ориентирована на низшую психическую активность души и, как следствие, исключает собственно сверхчеловеческое, вне которого реальность объективного разума не существует. Сверхчеловеческое в человеческой душе есть действие разумного духа мировой истории, который ”стягивает” максимально разрушительные слои бессознательной психики в направленное действие воли. Ведь воля, в отличие от потока бессознательных влечений, протекает в сфере трансцендентных психических реакций, где действие животного начала души настолько мало, что им можно пренебречь. Человеческая масса не имеет воли, но имеет ту или иную энергию интенсивности со-

циальной коммуникации, которая в матриархальном состоянии истерии способна проявлять твердость духа. Такова твердость духа ранних христиан в Римской империи и большевиков в России, которая не имеет никакого отношения ни к героизму, ни к мужеству, этим признакам патриархальной психологии человека, поскольку в этих людях отсутствует разумное индивидуальное начало души, полностью подавленное ее истеричным состоянием. Тот, кто общался с женщиной в состоянии ее крайней истерии, поймет, о чем идет речь, когда все разумные доводы рассудка разбиваются об агрессивное движение интенсивности бессознательных влечений, связанных "огнем" матриархальной веры. Матриархальное начало души также обладает бессознательной потребностью жертвенности, как и патриархальное начало, однако ценности сознания этой жертвенности полярно-противоположны. Можно сказать более определенно: неразумный дух отстаивает свое право на наличие в душе не только волевых импульсов, но и всей полноты импульсов влечений. Например, коммунистическая вера в ее первобытном инстинкте отрицания патриархального сознания сакрально-индивидуального отношения между мужчиной и женщиной, возвращает бессознательные инстинкты человека к сексуальной полигамии животного состояния души.

Вообще, когда мы размышляем над природой бытия, то начинаем осознавать, что оно вложено во время в качестве субстанции мировой воли, то есть потока множества эстетических тензоров разумной реальности, скрытых за неразумностью тотального воздействия эмпирических ассоциаций. Эмпиризм, мы полагаем, является симметрично-противоположной сферой сознания эстетическому созерцанию, которое максимально мобилизует бессознательные влечения в конструктивном взаимодействии с материальной реальностью. Событие в эмпирическом восприятии становится событием материаль-

ной природы, в которых Вселенная — великая мать, породила мир и человека. Процесс ”родов” здесь изучается эмпирической наукой на уровне разного рода компьютерных моделей, то есть научного обоснования безусловной единственности материальных феноменов реальности. Понятно, что подобного рода представления протекают в сфере исключительности события сознания материальной реальности, где патриархальная психология человека отсутствует.

Единственным средством понимания природы мировой воли в сакральном существе события мирового духа является эстетический тензор. Это модель, которая связывает архитектонику духовной реальности в качестве сознания напряжения разумного духа в его трансцендентной основе. Топологически эта модель отображает происхождение человека как духа в онтологическом потоке времени, в которой он присутствует. Другими словами, рациональная психология человека объективно формируется эстетическими тензорами сознания, которые субъективно выражаются энергией высшей психики. При этом следует понимать, что в отличие от низшей психической энергии, протекающей в животной части души естественно, высшая психическая энергия требует определенных усилий воли и, собственно, существует как направленное действие воли. Но это не направленность влечения, которое определено линейной последовательностью причинно-следственной связи событий, а топологическое направление, предполагающее различного рода комплексы в узлах формирования высшей психической энергии. Энергия этих узлов может быть ничтожно малой, когда массовая социальная культура уничтожает механической энергией эмпиризма практически все рациональные движения души, а может, наоборот, обладать наивысшей степенью полноты психического здоровья человека. В результате активности этой высшей психической энергии души и воз-

никает сфера высшей культуры, в которой расовое сознание следует за высшей психической энергией. Производством высшей психической энергии в истории мировой цивилизации всегда занималась патриархальная культура, которая разрушала непосредственность восприятия чувств насильным соприкосновением глубин человеческой психики с разрушительным воздействием бессознательного инстинкта смерти. По крайней мере, вне воздействия этого бессознательного движения психики разумная воля не существует, поскольку разум необходимо проистекает из потока трансцендентных тензоров эстетической реальности, не сводимых к эмпиризму низших ценностей.

Легко заметить, что если культура традиционализма существует у всех народов, то патриархальная культура существует только у тех народов, в которых духовное сознание реальности в соответствии с духом мировой истории является максимальным. При этом мы понимаем, что позиция патриархальной психологии человека предполагает присутствие определенной философской логики понимания происхождения мира и человека. Таким последним опытом существования патриархального пласта философской культуры является понимание разума у Гегеля с такими, например, основаниями мышления как "дух в утробе матери". Здесь, очевидно, дух рассматривается физиологически в том смысле, что работа высшей психики уже в самом зародыше человека предполагает присутствие сакрального существа мировой воли, в которой мировой дух распространяет власть своих эстетических тензоров разумной воли. Другими словами, материя стянута в человеческом зародыше как разумная воля узлов фрактального поля онтологии времени, где топологические поля материи лишь указывают на конечные направления временных контуров фракталов жизни и смерти, то есть периодичности смены человеческих поколений в качестве зависимости мировой материи от мирового духа.

Когда сознание бога перестало быть последней инстанцией высшей нравственной категории патриархальной культуры, то многовековая традиция потеряла свой внутренний рациональный стержень, трансформируясь в психологические декорации разума, когда он, собственно, перестал выражать подлинную меру бытия. Благо, как условие возникновения эстетического тензора сознания реальности, требует понимания бытия в качестве условия напряжения разумной воли, когда тензор стягивает множество влечений в единстве сопричастности человека потоку мировой воли. Это начальное понимание духа получает у Платона форму учения о высшей функции Единого, которая эстетически превышает разум.

В нашем понимании, психология высшей расы проявляется в эпицентре развития мировой цивилизации, где существует присутствие патриархальной психологии человека. Здесь концентрируется основание энергии мировой воли, касающейся земной жизни человечества откровением проникновения мирового духа. По самой своей сути патриархальная психология человека в начале своего формирования проникнута мрачными психологическими настроениями интенсивного действия бессознательного инстинкта смерти, ведущего работу по производству высшей психической энергии. В Темные Века человек как дух практически исчезает, поскольку матриархальные влечения целиком и полностью заполняют его бессознательное состояние души, парализуя действие воли. И наоборот, социальная психология достигает своего максимального расцвета в период расовой катастрофы, поскольку интенсивность непосредственного восприятия здесь абсолютна, исключая активность разума, определяющего разумный смысл человеческой жизни. Многообразие самых ничтожных желаний, целей, влечений, то есть всего многообразия этой земной жизни, обусловленной матриар-

хальной психологией культуры, предполагает, что человеческая жизнь, как у животного, лишена разумной цели. В теории биологической эволюции в эмпирическом сознании от человек происходит обезьяны именно в силу этих мелких забот и влечений, когда эмпирическая наука изучает Великую Мать — вселенную — как определенного рода агрегат производства мировой материи. Разумной воли в этой эмпирической теории мы не обнаруживаем. Впрочем, массовая психология человека вполне удовлетворяет этому механическому представлению о реальности.

...

Мы утверждаем, что феномен расы *homo sapiens* есть циклический феномен онтологической сущности времени. Мировая воля, которая формирует фракталы воздействия высших ценностей на бессознательно-расовые начала человеческой души, отображает трансцендентный характер ее течения, поскольку если бы не существовало трансцендентной сферы реальности, то не существовало бы и духовной реальности. Матриархальное представление о духе существует в массовых инстинктах и массовом сознании как некие скрытые бессознательные психические процессы, описываемые фрейдистской теорией. Мысль в матриархальном сознании не выходит за пределы своей психической относительности субъективного восприятия, всегда и во всем оставляя объекту его первичную чувственную достоверность. Но такова только неразумная мысль, в которой рассудок и инстинкт самосохранения безраздельно слиты в единое целое, формируя собой множество разнообразных влечений. Чтобы в душе появилось влияние разума, эта целостность психического инстинкта самосохранения должна быть «расколота», то есть влечения должны быть пресечены действием воли или бессознательным инстинктом смерти. Так, дух мировой истории вклинивается в монотонное повторение традиционного сознания течения событий в

онтологическом потоке течения мировой воли. Очевидно, что для человека такой перелом психики, в котором начинает действовать что-то сверхчеловеческое, является исключительно болезненным. Именно в силу этой исключительной болезненности состояния психики для подавляющего большинства людей, все мировые религии требовали для человека веры в божественное начало, то есть уравнивали этот момент психического перелома как сопричастность к сверхчеловеческому существу духа в пределах матриархального начала во всех исторических религиях. Исключением, очевидно, были те религиозные представления, где в религиозном сознании присутствовал патриархальный дух культуры. Как правило, эти религиозные представления связывались с духом войны, то есть с тем, что требует постоянной готовности мобилизации воли. Но здесь не следует путать отношение к войне в матриархальной и патриархальной психологии человека. В матриархальной психологии человека воинственность обусловлена определенной истерией сознания, являющегося бессознательной реакцией на неразумный образ жизни, лишенный какой-то причастности к высшим ценностям. Такова была советская культуры, с ее абсолютным господством грубого материализма и жесткой агрессией по отношению к любому проявлению иерархии бытия как признака разумного образа жизни человека. Но современная американская цивилизации, в силу законов развития мировой расовой катастрофы, также движется в этом направлении, поскольку либеральные ценности в основе своего бессознательного основания формируются не волей, а разнообразными влечениями, то есть культивируют матриархальный образ жизни человека. Единственная положительная сторона развития американской цивилизации, за счет которой, собственно, она и доминирует в мире, — это отрицание ценности традиции, то есть возможности «спасения» в известной матриархальной психологии человека, которая существует так или иначе

во всех народах мира. При этом либерализм в данном случае выступает как политический «труп», прикрывающий неразумность массово-социальной организации мирового мегаполиса этого цивилизационного процесса развития. С другой стороны, именно отсутствие исторической взаимосвязи с достаточным влиянием матриархальной традиции, дает определенный динамизм развития американской цивилизации, как в свое время давало динамизм развитию византийской цивилизации. Такого рода мировые цивилизации являются «буферными», то есть цивилизациями, где, с одной стороны, незначительно влияние матриархальной традиции, а с другой, и это главное, отсутствует наличие патриархальной психологии непосредственной жизни человека, отображающей в ней господствующие позиции разумного духа. Впрочем, это не мешает матриархальному сознанию искать новые средства самоутверждения, выходящими за пределы известных традиций, например, в идеях коммунизма и социализма.

...

В понимании существа касты в ее философском смысле мы должны забыть про какие-то известные ассоциации, связывающее ее существование с кастовой системой отношений людей в древней Индии. Под кастой мы должны понимать то, что вкладывал в нее Платон, указывающий на кастовую систему древнеегипетского государства. Здесь речь идет о максимально-жесткой основе существования патриархального духа, который обладает значительной гибкостью за счет взаимосвязи разума и времени в качестве постоянного погружения сознания в его онтологический поток. Именно за счет этого непрерывного погружения в поток множества разнообразных фракталов реальности, которые определяют откровение сакрального существа жизни, формируется политеистическая религиозная древнеегипетская система, лишенная матриархального центра, а значит, возможности вымывания разума животными движениями души. То, что на заре

возникновения цивилизации фракталы мировой воли отображаются во множестве сакральных сил, ассоциируясь с разнообразием фауны и различных природных стихий, утверждает максимальную рассеянность мирового духа как определенного исторического фрактального поля реальности. В отличие от кастовой системы у ариев в др. Индии, которая освящает не сам динамизм исторического духа, а его раз и навсегда определенную границу неравенства, др. египетская кастовая система освящает непосредственный динамизм духа в его онтологическом потоке времени. Как известно, религиозная реформа фараона Эхнатона, пытавшаяся ввести центральную идею единого бога, потонула в жестком сопротивлении старой касты жрецов, стоящих на страже патриархальных традиций. В дальнейшем, как известно, идея монотеизма укоренилась в иудаизме.

Рассуждая о кастовой основе государства, Платон имеет в виду, в первую очередь, возможности и средства патриархального духа утверждать разум в человеческой душе. Ведь разумный образ жизни, в отличие от неразумного, требует насилия воли над свободными влечениями, то есть отрицает ценность свободы перед суровой необходимостью человеческого долга. Долг, как система требований к непосредственному образу жизни человека, утверждает, что человек есть отображение определенной иерархии бытия, слоющейся фрактальными потоками времени, начиная от непосредственных восприятий к духовному началу души и, наоборот, от духовного начала души к непосредственности чувственных ассоциаций. Другими словами, неравенство здесь утверждается не в человеческом существе непосредственных отношений, а в чем-то сверхчеловеческом, то есть в самой онтологической иерархии бытия. Откровение сознания этой иерархии бытия происходит в человеческой душе через очень болезненные процессы, требующие глобальной перестройки его бессознательной психики. Глубина и ин-

тенсивность этой перестройки соответствуют внутренней способности человека к разумному пониманию, действию и ответственности. Фактически, речь идет о кастовой инициации, происходящей естественно на очень высоком уровне нравственного развития человека, когда он, пережив в себе известные предрассудки матриархальной культуры, открывает бытие в качестве множества мира идей. Под идеями, в современном научном смысле этого понимания, мы рассматриваем множество тензоров разумной действительности, в которой мировая воля образует континуум сверхчеловеческих импульсов в глубинах человеческой психики и сознания.

Очевидно, что классическая греческая философия отображает высшее расовое сознание античности, в которой раскрывается бытие и человек как определенный фрактал своей исторической эпохи. Понятно, что это другая раса *homo sapiens*, чем та, к которой принадлежим мы, поскольку периодичность появления и исчезновения этой расы и есть основная движущая сила развития мировой цивилизации. Ее формирование происходит из постепенной активизации в подсознании человека высших психических процессов, которые, в свою очередь, направляют сознание на патриархальные, а не матриархальные ценности. Ведь ценность и есть фрактал напряжения воли, если речь идет о высшей ценности, или влечения, если речь идет о ценности низшей. Понятно, что за пределами философской культуры влечения могут отождествляться с волей, как имеет место, например, в марксистской теории классовой борьбы. Фактически эта теория описывает наступление матриархальной психологии человека на всем протяжении мировой истории в качестве «прогрессивной» производительной силы. И действительно, психологически-бессознательное предназначение матриархальных ценностей всегда строится на культе производства, начиная от непосредственного рождения ребенка и заканчивая промышленным про-

изводством. Только в первом случае субъектом выступает естественно-биологическое существо женщины, а во втором, также естественно массовое существо множества людей, захваченных единым потоком влечений к материальному миру.

Как известно, в платоновском идеальном государстве торговцы, эти инициаторы процесса производства, занимают низшее место в кастовом обществе, поскольку их существо полностью захвачено множеством внешних раздражителей, которые отвлекают от созерцания вечно-го потока времени в симметричном множестве идей. Так, хотя философия времени высшего расового сознания меняется, — не меняется природа человека, где большинство людей озабочены выживанием, и лишь немногие способны концентрировать свое внимание на онтологических тензорах бытия. Патриархальный дух, в отличие от духа матриархального, формируется высшим расовым сознанием в качестве доминанты рациональной психологии. В противном случае он находится в зародышевом состоянии в массовых инстинктах, реагируя только в критические минуты опасности. Потому и существует множество разнообразных человеческих рас, подчиненных своим традициям, имеющих определенные анатомические и физиологические различия. Однако мы, рассуждая о высшем расовом сознании, имеем в виду существование именно расы *homo sapiens* как исторического сосредоточения разумной воли человечества. Мы полагаем, что эта раса периодически возникает и также периодически исчезает в качестве концентрации разумного сознания реальности, и, как следствие, действия разумной воли человека. Это то, что Ницше называл вечным возвращением равного, являющейся последней, наиболее значительной идеей в мировой философии.

Рассуждая о высшем расовом сознании, мы полагаем, что расы не равны по наличию в их психологическом пространстве активности мировой воли, определяющей

собой направление развития мировой истории. Ясно, что речь здесь идет не о матриархальных институтах массового социума, где неразумность торгово-денежных отношений характеризует активность человеческих влечений, а о присутствии разумного духа как стратегии развития мировой цивилизации на ближайшие века. Ведь всем разумным людям очевиден тупиковый принцип низших ценностей американской цивилизации, однако в силу отсутствия взаимосвязи с опытом вековой матриархальной традиции, американская цивилизация обладает внутренней энергией, которую она черпает из эксплуатации массовых низших влечений человека, экономически отображающих эксплуатацию природных ресурсов всего мира. Эксплуатация мировых природных ресурсов есть следствие энергичной эксплуатации низших психических влечений человека, бессознательные истоки которых мы должны искать в английском эмпиризме. Именно исключительная живость поверхностных суждений английского эмпиризма стала причиной его мировой популярности в массовой цивилизации, поскольку матриархальная психология в действительности определяет активность подавляющей массы людей. И так было на протяжении развития всей мировой цивилизации, когда вековые традиции утверждали бессознательный инстинкт самосохранения основой самосознания человеческих масс с зародышевыми элементами расовой культуры.

Когда мы рассуждаем о природе расового бессознательного, то должны рассматривать психические процессы симметрично противоположные процессам массового бессознательного. Высшая психика формируется не инстинктом самосохранения, а бессознательным инстинктом смерти, то есть энергией, которая характеризует, с одной стороны, границу духа с физиологическим существом человека, а с другой, ее трансцендентную природу. Инстинкт смерти в расовом бессознательном характеризует тензоры воли человека, которая в отличие от бес-

сознательных влечений, отображает расовый опыт в качестве того или иного опыта патриархальной культуры. И если у первобытных рас этот опыт определяется достаточно просто, характеризуя их навыки и особенности коллективной охоты и средств ведения войны, то в высоко развитых расах он отображает достижения высшей культуры или хотя бы ее элементы. Именно по достижениям высшей культуры можно рассуждать о пути развития мировой цивилизации, а не по ее экономическому или технологическому развитию. Так, например, экономически и технологически др. римская культура была развита значительно выше, чем у др. греков, однако римляне в своей патриархальной культуре только подражали грекам, тогда как греки создали непосредственный образ жизни высшего расового сознания.

Анализируя отличия между матриархальной психологией традиции и патриархальной психологией ценностей, мы находим, что патриархальная культура определяется той или иной системой сакральных ритуалов, характеризующихся исключительной внутренней замкнутостью и суровой отрешенностью от земных проблем человеческого сознания. Так, если религиозная традиция обращена к массам, в которых сакральное начало «дозировается» по мере возможности минимальной активности разума в душе человека, то кастовый ритуал обращен в первую очередь к расовому существу человеческой души как ее максимально возможной активности разумного начала. Поскольку смерть в патриархальной культуре воспринимается как нечто не только естественное в непосредственной жизни человека, но и как явление, полностью определяющее его сознание, то проистекающая из этого напряжения воля достигает своего максимума. Культ смерти, таким образом, является следствием тотальной ориентации подсознания человека на инстинкт смерти, рассматриваем ли мы египетские жреческие культы или культовые ритуалы японских самураев. Наличие исключитель-

но мужского состава участников этих культов определено не целью дискриминации женщин, а особенностями психосоматической сущности мужского существа «выдерживать» разрушительный процесс инициации причастности природе разумного духа. Ведь в сознании этого духа вопросы семейные и хозяйственные как таковые отсутствуют. Ориентация же психологии женщины на инстинкт смерти есть скорее исключение, чем правило, хотя, в силу топологического единства материального и духовного начала души, мы находим немало достойных женщин, проявляющих исключительную силу духа и волю в мировой истории.

Время является сферой реальности, которая отображает человеческий дух в качестве энергии, локализуемой в подсознании высшей психики человека. Подобная особенность времени определяет онтологический принцип, когда сакральное начало нельзя осмыслить в какой-то известной метафизической философской системе. Мы полагаем, что дух времени концентрируется в трансцендентных пластах психики человека, которые характеризуют высшие психические импульсы. Анализируя природу этого сакрального ощущения, мы должны осознавать, что оно имеет историческую основу, когда человеческий разум осознает его таким, каким оно доступно для понимания. В этом смысле взаимосвязь с сакральным существом бытия является условием процесса становления в глубинах человеческой психики природы воздействия трансцендентного начала бытия на соматическую часть души в качестве скрытой для непосредственного чувственного восприятия энергии. Наиболее близким к соматическим импульсам души в потоке трансцендентной энергии психоаналитически является бессознательный инстинкт смерти человека, который выявляет эту взаимосвязь.

Особенность современного восприятия сакрального начала бытия состоит в том, что не имеет религиозной

психологии, когда фрактальное поле мировой истории «накатывает» в массовом сознании «впустую», выявляя отсутствие, собственно говоря, исторической цели существования человека. Такого рода ощущение исключает исторический дух, а значит, исключает и различие между животным и разумным началом человеческой души. И религиозное и гуманитарное воспринимается как нечто мифологическое, что существует за пределами разума, когда конфликт между гуманистической и религиозной системой ценностей становится таким же бессмысленным, как, собственно, и все современное функционирование массовой цивилизации.

...

Одним из основных вопросов понимания начала бытия является его взаимосвязь с разумом, когда ни вера в бога, ни вера в человеческую свободу неспособны определить нравственный долг человека перед сакральной сущностью разумного бытия. Полнота бытия выражает такую меру присутствия действия мировой воли, в котором расовое существо человека проявляется максимально. Это максимальное проявление действует как непосредственная взаимосвязь сознания человека с объективной сущностью бытия. Подобные отображения полноты бытия проявляются бессознательно из расовой памяти, всплывая как фрактальные поля воспоминаний опыта предшествующих расовых поколений людей.

Существование разумной воли начинает действовать только тогда, когда сознание онтологической реальности времени становится непосредственным образом жизни человека. При этом мы должны понимать, что время, вообще говоря, обладает направлением только по отношению к пространственным объектам, поскольку сознание, лишённое пространственного воображения, воспринимает время как меру определенной полноты бытия. Это полнота бытия есть топологическая структура разума, то есть «натянутасть» материи на тензор време-

ни, когда сознание исторического события должно демонстрировать хотя бы минимум присутствия сакральной сущности бытия.

...

Трансцендентная реальность, как зеркало, отображает сознание в качестве границы, которая выявляет взаимосвязь с сакральной полнотой бытия как реальность могущества духа истории. Психическая энергия, протекающая в бессознательном инстинкте смерти человека, симметрична психической энергии, которая протекает в его животном инстинкте самосохранения. Вследствие этого, волевые импульсы, бессознательно возникающие в глубинах психики на границе животного и духовного начала души получают ту доминанту, в которой в той или иной степени концентрируется основа ценностей сознания. Ценность, следовательно, с точки зрения объективного содержания разума, есть фрактальный метод симметричного отображения бытия в небытие и, наоборот, осуществляемый в качестве тензоров реальности. Подобная взаимосвязь небытия и бытия не является доступной для непосредственного восприятия, поскольку тензор духа времени есть результат усилия действия фрактала разумной воли, которая отсутствует в механически-ассоциативной деятельности интеллекта.

...

Понимание различия между бытием и небытием является основополагающим в истории философии, как понимание онтологических различий между чувством, рассудком и разумом. В первую очередь они определяют наличие или отсутствие разума в мышлении. Бытие, в нашем понимании, является областью реальности, которая симметрично противоположна небытию в историческом отображении времени. Другими словами, мерой полноценности рационального мышления является мера онтологической симметрии, которая выявляется как противоположность небытию в определенную историческую эпоху.

Мы имеем ввиду не математическую симметрию, хотя, очевидно, в некоторой степени она здесь присутствует, а симметрию взаимодействия полноценных и неполноценных психических импульсов в глубинах подсознания. Их возникновение, определяющее взаимосвязь сознания и подсознания, как ту или иную степень активности воли, характеризует симметрию психической энергии человека в ее противоположности массовых и расовых начал души. Для нас, очевидно, что неполноценная психическая энергия человеческой души концентрируется в его массовых инстинктах, которые в свою очередь, формируются ее животными влечениями. Проблема состоит в том, что массовая культура по существу, то есть с точки зрения рациональной составляющей ее ценностей, является культурой матриархата, где разум, как следствие действия полноценной психической энергии души, исключен. В результате мы обнаруживаем в этой бессознательной активности массовой души почти патологический физиологизм сознания, который нашел наиболее полное выражение в средствах массовой рекламы, этого механизма тотального формирования представлений низших ценностей в повседневной жизни человека. Это обусловлено тем, что бессознательное существо женской психики запрограммировано на восприятие мира в первую очередь в максимальной концентрации на чувственном сознании реальности.

...

Все человеческие расы имеют свое происхождение во фракталах времени, то есть формирование их архетипов происходило в качестве концентрации психической энергии, связанной с бессознательным инстинктом смерти, являющегося непосредственным импульсом их активности воли в мировой цивилизации. Так возникла мера понимания различия между животной и разумной частью человеческой души. Но одновременно расы возвращались в состояние массовой непосредственности инстинктов, когда

высшая психическая энергия растрачивалась, то есть исчезало духовное единство людей, отображающих определенный уровень развития разумного духа расы. Когда мы рассуждаем о существовании человеческих рас, но не в качестве примитивных биологических стереотипов представлений о белой, черной или цветной ее разновидности, а как о сакральном присутствии существа человеческого духа, то предполагаем, что расовые архетипы формируются фракталами времени. Фракталы времени, или коммуникационные узлы бессознательной энергии инстинкта смерти как человека, так и расы, обладают способностью ускорять или замедлять ритм времени, что никак не может быть взаимосвязано с процессами низшей психики. Как раз наоборот, чувственные восприятия низшей психики монотонны. Причем, чем интенсивней активность низшей психики, тем более монотонно течет ритм времени в сознании человека. Очевидно, что максимальной монотонности этот ритм достигает в сознании механически текущего времени, когда время воспринимается технически, то есть в качестве измерения единственности существования материальных процессов.

...

Существенным является вопрос: где проходит граница между бессознательным чувством времени и сознанием времени, и существует ли эта граница вообще? Этот вопрос, вероятно, в наибольшей степени предполагает сложную дифференциацию бессознательного, поскольку именно этот вопрос касается происхождения рациональной природы сакрального сознания. Понятно, что если бы человек не обладал сложной природой бессознательного, то он был бы подобен природному механизму, то есть животному, чей бессознательный инстинкт так или иначе обусловлен физиологическими влечениями. Однако кардинальное различие между человеком и животным заключается именно в сложной, а не простой природе бессознательного, которая формирует сознание сакрального.

...

Если мы проанализируем причины, по которым произошло современное катастрофическое разобщение разумных людей на планете, то легко их найдем. Одна из причин — коммуникационная, лежит на поверхности, когда средства массовой информации демонстрируют практически тотальную неразумность массового мегаполиса. Ведь ни современный либерализм, ни рухнувшая идеология коммунизма не дают сознанию человека взаимосвязи с объективной сущностью исторического разума, указывая только на экономические и технологические процессы мировой цивилизации. Воля человека здесь в лучшем случае ассоциируется с механическим повседневным трудом, характеризуя исключительно примитивную психологию *quasi homo*. То, что в этой мировой системе производства хитрость и лицемерие становятся залогом политического и финансового успеха, никак не указывает на наличие какой-то разумности человеческой жизни, поскольку это именно те качества, которые противостоят благородству человеческой души как элементарного наличия рациональной психологии.

Когда мы рассуждаем о сущности исторического события, то мы утверждаем, что оно существует только тогда, когда в этом событии присутствует разум. Разного рода социально-экономические структуры, функционирующие в цивилизации, в нашем понимании активны за пределами объективного разума, поскольку их сфера — не разумная человеческая воля, а многообразие влечений, обусловленных активностью низшей психики человека. Вообще, социально-экономические структуры, функционирующие во всех мировых цивилизациях, демонстрируют достаточную власть над сознанием человека матриархальных принципов жизни на том или ином уровне развития. В этой области по отношению к объективному историческому разуму ничего не происходит, поскольку деятельность социально-экономических структур обу-

словлена выживанием человека, то есть сферой, которая не требует причастности к высшим ценностям. Вообще, социально-экономическая сфера в первую очередь требует полной потери разума человеком, поскольку хитрость и изворотливость натуры, гарантирующие определенный успех в бизнесе, активизируют в человеческой душе психологические свойства прямо-противоположные благородству и чувству чести. Только слабоумные полагают, что эти качества нужны были только в историческом прошлом. Эти качества всегда требуются там, где присутствует разумный дух мировой истории. Если же признать, что «история закончилась», то есть отказаться от объективного разума, то тогда надо признать нечто абсолютно бессмысленное, то есть что доминирующие позиции низших ценностей в мировой цивилизации, игнорирующие разум, будут существовать всегда.

Размышляя над историческим будущим мировой цивилизации, можно строить исторические параллели, как это делал Шпенглер, но не следует забывать, что все они очень условны, поскольку в самом существовании исторического духа присутствует непредсказуемость его сакрального откровения времени. Можно моделировать поведение массового человека, рассматривая его как животное существо, обладающее социальным рассудком, однако это животное в человеке, *quasi homo*, никогда не определяло развитие мировой цивилизации. Оно стабилизировало определенные наиболее примитивные этапы его развития или, наоборот, разрушало дряхлеющие государства, но его существование было подобно теням истории, о которых Платон рассуждал как о тенях идей, но не о самих идеях. Ясно поэтому, почему Платон относил этот тип человека к низшей касте, то есть к существам практически лишенным разума. Эти существа психологически наиболее близко воспринимают феномены материального мира, поэтому для них его многообразие и есть то единственное, что выражает многообразие сознания ре-

альности. Касается это всех сфер культуры, в том числе и науки, поскольку деятели науки в эпоху расовой катастрофы, конечно, проявляют уже минимальные признаки разума, в отличие от ее родоначальников и тех, кто закладывает ее классический фундамент. Чем дальше исторически от власти высших ценностей над сознанием человека — тем меньше разумного во всех сферах культуры. Так сворачивается метафизический «пласт» объективно-рационального того или иного проекта развития мировой цивилизации.

...

Размышляя над кастовым основанием идеального государства у Платона, мы должны перевести представления его иерархического понимания человеческой природы на современные процессы, протекающие в мировой цивилизации. Так, если Ницше перевел эту иерархию человеческой природы в сознание различия низших и высших ценностей, то нашей задачей является понять ее объективно-рациональный смысл. Другими словами, мы должны оперировать эстетическими тензорами сознания реальности как объективными рациональными тензорами в понимании человека и бытия, а не субъективными ценностями, как у Ницше.

Ясно, что власть над государством философов Платон понимает как задачу воли к власти людей, обладающих разумом в полной мере. Понятно, что в эпоху расовых катастроф, когда все признаки разума исчезают и начинают действовать безумные лозунги о том, что государством может управлять любая «кухарка», разумное понимание сущности вещей не просто чуждо неразумной душе, но и является «крамолой» в варварском государстве. Однако время, как сакральное существо бытия, «выедает» эту человеческую заразу. Эта «чума» постепенно оставляет место для возможности действия разума первоначально, конечно, в области зачатков психологии патриархата в Темные Века начала становления новой цивилизации.

Платон полагал, что в душе каждого человека существуют три области познавательных способностей, а значит, три слоя психической активности, воздействующей на сознание в качестве ценностной ориентации. При этом, поскольку сознание во времени есть определенная топологическая точка сферы пересечения этих различных психических потоков, то кастовая организация, по Платону, не может передаваться достаточно жестко по наследству. Здесь мы находим принципиальное, фактически рационально-европейское, отличие понимания кастового начала общества от индийской модели различий каст. Фактически Платон отрицает идею наследственности неравенства, утверждая неравенство как свойство самой человеческой природы, которая требует разграничения по уровню развития рациональных способностей человека, от низших — к высшим.

Размышления по поводу кастового основания государственной жизни являются крайне актуальными в эпоху Темных Веков, когда качество человека с точки зрения разума крайне низкое, сопровождаясь глубоким вырождением населения. Мы сравниваем этот процесс вырождения с аналогичными процессами в Западной Европе, протекающими в период нашествия норманнов и сразу после него. В это время население Европы катастрофически уменьшилось вследствие расовой катастрофы, то есть разложения прарасы на чисто племенные образования, где вожди племен демонстрировали полную беспомощность в государственном сознании. Вообще, племенное образование и есть человеческая масса, на каком бы бытовом уровне она ни была развита. В этом смысле современное африканское племя где-то в глубине Африки нравственно родственно массовому населению Западной Европы.

Утверждая, что российская цивилизация имеет впереди великое будущее, мы указываем на скрытые ресурсы высшей психики, которые существуют у варваров в Тем-

ные Века. Фактически речь идет о ресурсах расовой энергии бессознательного, которые прараса накапливает в течение тысячелетия, находясь под интенсивным влиянием рационального проекта высокоразвитой цивилизации. Можно сказать, что бессознательное существо прарасы становится резервуаром «безвременья», в котором происходит накопление полноценной психической энергии для формирования новой расы *homo sapiens*. Таким образом, циркуляция (вечное возвращение) расы в массу и, наоборот, происходит в метафизическом пространстве коллективного бессознательного инстинкта смерти человечества. Мертвые, а также живые, связанные с мертвыми через этот коллективный бессознательный инстинкт смерти, и являются единым целым, если мы рассматриваем полноценное действие человеческой воли. Влечения же, чья психическая составляющая практически полностью выражает инстинкт самосохранения матриархата, не несут в бессознательной психической энергии взаимосвязи с памятью предков. С другой стороны, поскольку деятельность рассудка индифферентна к психической составляющей, то рассудок способен развиваться в любой интеллектуальной среде. Рассудок способен достигать поразительных высот абстракции, не неся в себе какого-то разумного содержания мысли, например, в современной теоретической физике. Наличия подобной абстракции достаточно, чтобы создать определенный уровень мистического почитания науки в среде неразумных масс, поскольку косвенным подтверждением значительности науки для человека здесь становятся множество стремительно развивающихся новых технологий. Однако этой абстракции никак недостаточно, чтобы доказать разумность современного основания науки, которое практически полностью потеряла идею своего существования, надеясь только на случайность и какие-то новые трудно достижимые данные эксперимента. Чтобы наука восстановила свои разумные основания, она вновь должна

пройти через Темные Века и Средневековье, то есть почерпнуть высшей психической энергии из бессознательных глубин человеческой души. Первый опыт такого погружения в недра нового фрактального поля высшего бессознательного российская цивилизация начинает получать с 17-го года, а именно, в первую очередь, в области военных технологий. Ведь собственно человека как разумного существа, с точки зрения мировой истории, здесь не существует с 17-го года, однако мощная деятельность абстрактного рассудка ведет свою напряженную работу в области ВПК. Аналогичным образом в Темные Века Западной Европы военные разработки, часто копируемые у арабов, были основной нагрузкой для рассудка, чья рациональная культура была ничтожно мала.

О какой демократии можно говорить в наше время в современной России, если первобытные истуканы стоят здесь еще во многих городах и поселках? А еще двадцать лет назад этим варварским истуканам поклонялись как в кочевой орде. Если мы рассматриваем современную российскую государственность только на уровне какого-то современного африканского государства, где все решают племенные инстинкты, то такая ситуация воспринимается «естественно». Однако, поскольку мы такого рода социально-политическую реальность отождествляем с Темными Веками, то нашей задачей является найти историческую перспективу, где брезжат хотя бы минимальные зачатки человеческого разума. Понятно, что свои «выдающиеся» и «великие» люди, свои цели и задачи существуют в варварском сознании в Темные Века, поскольку там, где нет разума, правит безумие и произвол низших человеческих инстинктов. Человек же массы, как это справедливо замечено в теории биологической эволюции, может «пристраивается» везде, не в состоянии осмыслить разумную основу происходящих событий. Он следует своему бессознательному инстинкту самосохранения, который протекает за пределами разума.

Не трудно понять, что в деятельности рассудка великих мыслителей всегда присутствует сакральная полнота времени бытия. Есть эта сакральная полнота времени в классической музыке, классической философии, классической живописи и архитектуры, где в полной мере отображается подлинное благородство человеческой души. Но процесс расовой катастрофы, характеризующийся сворачиванием тысячелетнего рационального проекта развития цивилизации, определяется исчезновением этого необходимого условия существования высших ценностей — благородства человеческой души, которое равносильно наличию или отсутствию разума в данную историческую эпоху. Ведь благородство человеческой души — это благо, которое оправдывает человеческую жизнь с точки зрения ее разумного смысла. Если понимание этого высшего блага отсутствует, то и жизнь человека становится бессмысленной, хотя, конечно, изворотливый рассудок и пытается навязать мышлению бесконечное множество причин, в которых отсутствие разумного смысла жизни подменяется самыми ничтожными целями существования. Привычка, этот один из основных комплексов матриархальной культуры, подменяет разумный смысл человеческого существования, поскольку привычка всегда сглаживает болезненные импульсы высшей психики, когда сознание должно быть готово к любой неожиданности развития событий, как на войне.

Отсутствие идеи высшего блага есть отсутствие бескорыстного мотива познания, когда стремление обязательно искать определенную практическую пользу от напряжения мысли влечет за собой отсутствие разумного движения души. Так, сознание высшего блага, вероятно, и есть существо сознания высшей расы, то есть отображение активности разумных ценностей в человеческой душе. Не случайно поэтому идея высшего блага является одной из центральных в классической философии, что в ней отчет-

ливо проведена граница между бытием и небытием, между разумным и неразумным, между волей и влечением. В неклассической философской мысли можно найти различные развлекательные изыскания скучающего рассудка, который стремится противостоять непосредственному чувственному восприятию где только можно, поскольку это его предназначение в познавательных способностях человека. В этом случае подлинная научная мысль, безусловно, оказывается более полноценной, поскольку никогда не путает существо разума, рассудка и непосредственного чувственного восприятия. Но опять-таки, это касается классической науки, а не науки современной, в которой отсутствует отчетливое рациональное основание. Ведь классическая наука в своих бессознательных устремлениях ориентирована на высшие ценности, ибо в ней доминирует разум, а не поверхностный рассудок.

...

Когда мы противопоставляем существование современной российской цивилизации — цивилизации западноевропейской, то противопоставляем в первую очередь новый проект исторического разума — проекту, который уже «свернулся» в топологии времени. Фактически мы противопоставляем сознание «конца» мировой истории ее «началу», которое еще не произошло, поскольку не находим в современной российской истории отчетливых признаков действия разумной воли человека. Так, перелом от эпохи Темных Веков к эпохе Средневековья происходит тогда, когда за пределами среды племенных вождей, лишенных разума, начинает выделяться кастовое основание нравственной власти, отделяющее жизнь племени от расовой души, имеющее определенные представления о чести и долге. Пока такого кастового основания мы не находим, вследствие чего в России и царит произвол бесправия низших инстинктов.

Крайне опасно в современной России, как, впрочем, и во всех государствах, образовавшихся на постсовет-

ском пространстве, полагать, что культурная и нравственная жизнь человека может возвратиться в них к традиционным ценностям. Проблема состоит в том, что большевистская орда, как чума 20-го века, поразила в них зачатки патриархальной культуры, в которых теплился субъективный разум. Массовая же культура мегаполиса психологически глубоко чужда национальным ценностям, поэтому единственная реальность этих варварских государств, образовавшихся после распада СССР, — это имитация национальной культуры, с одной стороны, и максимальное влияние американских спец. служб, с другой. Мы полагаем, что разрушение национальной культуры в этих варварских государствах идет даже более стремительными темпами, чем в последние десятилетия в СССР. В последние десятилетия существования советской власти, КПСС стала в большей степени выражать некие «декорации» политической реальности, своего рода заклинания шаманов-идеологов, чем какой-то абсолютный тоталитаризм власти, как это было, например, в эпоху активности большевистской орды.

В различной степени любая национальная культура взаимосвязана с линейными представлениями о мировой истории. Максимально, конечно, из идеи линейного исторического развития человечества во взаимосвязи с национальным самосознанием «выжал» в своей идеологии фашизм, который в своем противопоставлении коммунизму и либерализму заложил в сознании разумных людей глубокие сомнения по поводу психического здоровья европейской расы. Однако идею превосходства белой расы в идеологии фашизма мы полагаем ложной, поскольку раса — это явления не биологическое, а в первую очередь психологическое, когда расовый архетип формируется не в инстинкте самосохранения, что свойственно массовому бессознательному, а в полярно-противоположном инстинкте. Только так мы можем объяснить победу России под властью варваров-большевиков над фашисткой Гер-

манией. Мировой дух, как нравственная сила исторического прошлого, оказался на стороне начал новой цивилизации, а на не стороне цивилизации распада. Собственно, наличие минимального психического здоровья населения в России существует после 17-го только во время второй мировой войны, где имеет место хотя бы минимальная адекватность сознания исторической реальности. Это прямо обусловлено отсутствием минимума рациональной культуры, необходимой для существования полноценного государства, тогда как профессионализм есть область, которая индифферентна к высшим ценностям. Профессионализм подавляющего большинства современных профессий любого современного массового мегаполиса требует не разума, а наоборот, его отсутствия. Он требует психического нездоровья, поскольку, в противном случае, разум человека осознает его бессмысленность существования по отношению к духу мировой истории.

...

Невозможность использования современного понимания разума через классические философские системы прошлого прямо проистекает из максимального упрощения представлений о процессах человеческой психики в этих системах. Сама возможность построения системы философии по аналогии с научной системой является непосредственным следствием этого упрощения, когда философия развивалась, с одной стороны, из противопоставления себя религиозному сознанию, а с другой, как единственность своего строгого выражения в научной позиции, которая полностью отрицает все попытки религиозного сознания отстоять возможную альтернативу. В результате, если в понимании начал человеческой психики был допущен относительный механицизм упрощения, в силу низшей природы чувственного знания в онтологической иерархии понимания бытия, то в массовой цивилизации произошло практически полное отождествление

человека и животного именно с позиции их идентичности бессознательного поведения на основе инстинкта самосохранения. Ведь разрушение классического понимания разума неминуемо влечет за собой отождествление человека с животным, или, как альтернативное понимание, предлагает впадать в женственную экзальтацию, как это имело место в раннем христианстве или марксизме, которые, несмотря на полярно-противоположное понимание происхождения бытия и человека, внутренне глубоко родственны в своей доминанте матриархальной психологии. Именно поэтому марксизм был поддержан в основном теми силами, которые демонстрировали либо утрату разумного начала культуры (как это имело место, например, во Франции), либо отсутствие такого начала вообще (как это произошло в России и Китае). Следует сказать, что современное состояние России мы оцениваем позитивно с точки зрения перспективы будущего развития цивилизации, несмотря на варварство нравов и варварство социальной жизни, поскольку исчерпана возможность прочного объединения на основе массовой психологии, тогда как, по-видимому, западноевропейской цивилизации, вследствие прочно установившегося быта массовой жизни мегаполиса, перспективы развития цивилизации крайне негативны.

Глобальный пересмотр представлений о человеческой психике требует кардинального пересмотра психофизиологических представлений позитивизма, в которых взаимосвязь психических феноменов осуществляется подобно механической машине, где можно всегда эмпирически установить ее детали, процессы, то есть схватить весь комплекс явлений целиком. В действительности сознание человека имеет дело не со всей психической жизнью целиком, а только с ее определенными тензорами, которые удается «высвечивать» вследствие упрощения онтологической природы времени. Человеческая психика есть сложное динамическое поле, имеющее такую глубину, в

которую разум не способен проникнуть до конца. Именно в этой глубине и протекают движения мировой воли, отображающие онтологические процессы времени. Они максимально разрушительны, локализуясь в минимальной трансцендентно-антропологической реальности как бессознательный инстинкт смерти. Религиозное мирозерцание практически всех народов накладывало табу на эти бессознательные глубины психики, следуя потребностям матриархальной культуры в выживании человека.

...

Развивая онтологический принцип кастового сознания по Платону, мы приходим к выводу, что чувство, рассудок и разум соответствуют у него различным слоям человеческой психики, которые в свою очередь формируют различные социальные функции поведения человека. Ясно поэтому, почему в классической западноевропейской философии отсутствует отчетливое учение о человеческом неравенстве от природы, которое существует в идеальном иерархическом государстве Платона. Не может существовать неравенства тогда, когда бессознательная психика рассматривается как примитивный процесс, который полностью отождествляется с неразумной природой, не имеющий никакой самостоятельной функции по отношению к полной и безграничной власти рассудка. Вероятно, такая историческая позиция полной власти рассудка над психическими процессами перешла в западноевропейскую цивилизацию от римской цивилизации, где именно рассудок определял собой все волевые начала человека. Ясно, что у греков было по-другому. Поэтому начала шопенгауэровско-ницшеанской философии и сосредоточились над изучением в первую очередь греческой мысли и греческого сакрального начала бытия, а не точных знаний о природе, как их предшественники.

С другой стороны, анализируя отношение классической философии к современной теории Фрейда (с учетом кастового мышления Платона), мы приходим к выводу,

что строение высшей человеческой психики кардинально отличается от строения низшей человеческой психики. Можно сказать, что основа рационального мышления строится симметрично противоположно основе массового сознания, когда массовое сознание проистекает из механизма вытеснения сексуальных влечений, а рациональное мышление — из эстетического созерцания реальности, возникающего под воздействием бессознательного инстинкта смерти человека. Другими словами, в бессознательных влечениях человека существуют два рода различной психической энергии, одна из которых формируется инстинктом самосохранения, где сексуальное влечение является центральным, а другая — разумом, где движение воли обусловлено постоянным преодолением бессознательного инстинкта смерти. При этом развитие человека в массовой и расовой культуре диаметрально противоположно, как диаметрально противоположно действие непосредственного чувственного сознания и разумного понимания. Рассудок, очевидно, занимает центрально-симметричное положение в топологии противоположно-направленных бессознательных движений психики, вследствие чего рассудочные суждения, вообще говоря, в качестве позиции человека в реальности являются нейтральными по отношению к ценностям. Они, следуя старой классификации философских систем, относятся к идентификации «я», которое точно в сфере топологического импульса бессознательной эмоции, содержащей в себе сложную динамику психической жизни субъекта. Таким образом, если человечность, сформированная высшей психикой, является топологической сферой разумных движений души, то неразумно-животное, образованное низшей психикой, отображает ее чисто-биологическое начало. Однако полагать, что человеческое можно отделить от животного каким-то «научным» образом, является глубоким заблуждением, поскольку онтологический принцип вре-

мени не дает «стыковать» эти два начала в положительном единстве.

Возвращаясь к теории кастового государства по Платону, мы должны сказать, что требование доминирования во власти философов равносильно требованию присутствия в политической жизни государства людей, в душе которых достаточно активно действие разума. А для этого, как известно, Платон предлагает «отсев» кандидатов в политическую власть в течение различных периодов жизни: от юношеских лет — до момента зрелости. Ясно, что во многом платоновская концепция кастового строения государства слишком идеалистична и что реально не может быть реализована так прямолинейно. Но, с другой стороны, мировая история показывает, что все великие цивилизации так или иначе опирались на кастовый принцип власти. Здесь кастовый принцип власти нельзя путать с различными политическими группировками, обладающими влиянием в определенный период времени в борьбе за власть. Эти группировки существовали всегда, в том числе и во все Темные Века. Речь в данном случае идет об испытании в первую очередь бессознательных основ человеческой психики, поскольку далеко не всякий человек уже от природы способен мыслить разумно.

...

Таким образом, под кастовой организацией мы понимаем среду людей, где понятие о чести и долге являются основой повседневной жизни, а благородство души — ее основным постоянным состоянием. Конечно, нам могут возразить: о каком благородстве души может идти речь в среде подлых человеческих натур, проникнутых чувством наживы, стремлением к грубым наслаждениям, генетических люмпенов и рабов в третьем-четвертом поколении? Здесь мы должны сказать, что тот, кто не думает о будущем, тот не понимает духа мировой истории. К тому же благородство человеческой души, а значит, и действующий разум, есть всегда, правда, не всегда люди

такого типа объединены какой-то разумной исторической целью.

Размышляя над онтологической сущностью времени, в первую очередь мы осознаем, что эта сущность требует исключительно сложной природы созерцания, которая является у каждого человека различной. Фактически онтологический принцип времени различает людей по их системе ценностей, поскольку подавляющее количество людей довольствуется традиционными представлениями о ценностях своей исторической эпохи, образуя неразумную социальную среду. Таким образом, массовый социум является такой структурой, которая постоянно «вымывает» разумных людей за пределы возможного влияния на разумные начала души тех, в ком разум существует на зачаточном уровне. Ведь любой исторический социум возникает в качестве матриархальной психологии человека, которая существует полностью во власти бессознательного инстинкта самосохранения. Таким образом, чем дальше социальный механизм по времени отстоит от системы высших ценностей, тем жестче воздействие иррациональных основ души на психику человека. При этом мышление становится все более поверхностным, но зато более отчетливым и систематичным, поскольку нет присутствия риска исторического существования разумного духа. Мысль выстраивается из определенного набора всем известных стереотипов представлений, которые, будучи лишены разумного основания, тем не менее образуют тот суррогатный язык общения людей, который исключает вообще какую либо область культуры, в которой разумный человек может быть. Собственно, любой исторический социум направлен на изоляцию разумного человека. Даже древние греки использовали остракизм, то есть изгнание разумных людей из социума, а что тогда говорить о других народах, многие из которых имели и имеют очень смутное представление о разуме. Всегда против разума выступал массовый социум, причем более ин-

тенсивно, чем религия, ибо религия включает в себя как расовые, так и массовые движения души. Формирование массового социума является массовым следствием расовой катастрофы, то есть массовой утраты человеком разума, когда при условии его отсутствия формируются жесткие коммуникации, исключающие его существование. Эти примитивные средства коммуникации формируются в качестве тотальной психологии торговцев (по Платону), то есть людей, для которых единственность достоверности чувственного восприятия не вызывает субъективного протеста. И действительно, разве не существует современная массовая цивилизация под абсолютным социальным влиянием «купцов», то есть людей, весь интеллект которых сосредоточен в требовании обязательной торгово-экономической деятельности?

...

В нашем понимании, начала шопенгауэровско-ницшеанской философии возвращают историю философии к платонизму. Причем, если это возвращение у Шопенгауэра очевидно, когда одной из центральных идей его философии является попытка совместить платонизм с философией Канта, то взаимосвязь платонизма с философией Ницше не лежит на поверхности. Мы находим эту взаимосвязь в первую очередь в культовом понимании сознания духа войны у Ницше, которое отсылает нас ко второй, по иерархии у Платона, кастовой психологии воинов. Как известно, кастовой психологии воинов в идеальном государстве у Платона соответствует позиция рассудка. Таким образом, позицией рассудка всегда является та или иная ценностная ориентация сознания. Но Ницше, различая высшую и низшую систему ценностей, утверждает, что рассудок может быть слабым, и тогда он относится к низшей системе ценностей, а может быть сильным, и тогда его следует отождествлять с высшей системой ценностей. Субъективизм Ницше в наше время крайне актуален, поскольку

наша объективная позиция разума, рассматривающая сознание как систему эстетических тензоров реальности, исходит именно из субъективной ценностной оценки явления во времени. Онтология времени всегда интуитивно присутствует в эстетике Ницше в качестве горизонта исторического события, указывающего на объективный разум в его потенциальной форме.

Мы стремимся показать, что топологическая взаимосвязь: чувства, рассудка и разума существует не столько в лично-субъективной жизни человека, из которой исходила классическая западноевропейская философия, а в онтологическом потоке времени, где присутствует сакральное влияние мировой воли. Личное оказывается здесь на поверхности сферы разумного явления, скользя по нему как нечто указывающее на его сущность в определенной ценностной основе. Чем примитивней личность, тем примитивней ценностная основа. В психологии *quasi homo* она сводится к бессознательному инстинкту выживания, тем самым занимая в вечном возвращении исторического прошлого место эстетического рисунка исключительно земного, что соответствует самой примитивной функции психической жизни субъекта. Это земное и есть социально-экономическая активность мировой цивилизации во всех народах и государствах в мировой истории.

В основе идеи Ницше о вечном возвращении мы видим фундаментальный для бессознательных слоев человеческой психики свойство расовой памяти — возвращать сознание к наивысшим достижениям исторической цивилизации. Причем, речь идет не о «музейном» созерцании достижений прошлого, которое мало влияет на бессознательные движения человеческой воли, а именно о воздействии на непосредственные глубинные мотивы воли. Так, если влечения человека взаимосвязаны с психическими рефлексам, в основном определяющими животную основу души, то воля, наоборот, разрушает непосредственную свободу естественных влечений. Можно

сказать, что в действии воли влечения максимально не-свободны, поскольку их сковывает дух причастности к историческому событию, протекающего в усилении воли. В полной мере можно утверждать, что за сознание человечности, существующее в разумной культуре, человек всегда платит высокую цену, поскольку воля всегда несет в себе состояние войны.

Позиция Ницше в качестве культового понимания чувства долга, чести и достоинства через психологию войны должна соответствовать в иерархии человеческой природы, по Платону, касте воинов, то есть позиции человеческого рассудка. При этом крайняя нетерпимость рассудка к чувственной непосредственности души, обозначенная аморальной моралью Ницше, в частности по отношению к матриархальной психологии христианской религии, снимается, если мы рассмотрим отношение не рассудка к чувству, а разума к чувству. Так, как это справедливо заметил уже Шпенглер, помимо позднего периода разложения христианская религия дает примеры высочайшего мужества и чести, например, в психологии рыцарских орденов. Собственно, средневековый человек принципиально отличается от человека Темных Веков именно наличием зачатков разумного движения души. Именно эти зачатки разумного движения души и начинают отдаленную работу по формированию начал высших ценностей, правда, в качестве насилия над грубой натурой варвара. Медленный процесс одухотворения бессознательных глубин психики является нравственной задачей отделения животного существа души от ее начал человечности. Процесс одухотворения и состоит в подавлении влечений и формировании воли, которая обладает в той или иной степени разумом. Топология разума, таким образом, выражается в подавлении низших влечений процессами высшей психики, то есть протекает естественным образом для человека. Религиозные ритуалы и традиции формируются уже вследствие этого естественного для человека стрем-

ления быть разумным существом. Попытка сводить начало высшей психики к какой-то эмпирической данности сознания, устанавливая некие стереотипы поведения, ничего не дает, поскольку чисто расовое существо психики не может описываться законами, свойственными массовому бессознательному. Разумное индивидуальное начало человека всегда имеет расово-бессознательный характер, в отличие от массового поведения человека, которое полностью строится из определенных стереотипов поведения.

В понимании философии Ницше следует провести историческую аналогию в истории философии с интеллектуальным наследием Плотина. Плотин, как и Ницше, оказался во власти проблем двух, совершенно различных цивилизаций: античной и христианской, поэтому в основе его мысли лежал как максимальный исследовательский интерес к философскому наследию Платона, так и влияние религиозной веры раннего христианства. Мысль Ницше, с одной стороны, безусловно, примыкает к требованию Гегеля искать начала философской позиции в историческом духе эпохи, а с другой стороны, во многом отображает наступающую зловещую атмосферу Темных Веков с ее максимальной разорванностью духа в онтологическом потоке времени. С другой стороны, идея непрерывного возвращения расовой памяти к высшим ценностям прошлого, характеризует обращение Плотина к египетским ценностям сакральных мистерий, а Ницше — к греческим дионисическим мистериям. Фактически оба мыслителя ищут начала философии в архаике уже реализованного в прошлом опыта высших ценностей. Для нас очевидно, что в отличие от низших ценностей, высшие ценности постоянно циркулируют в расовом бессознательном как сакральное существо времени. И если матриархальное начало инстинктивно отождествляет его в различных традициях народов с представлением о божественном, то патриархальное начало оставляет место раз-

умному пониманию происхождения мира и человека. В этом и состоит фрактал мирового духа, что сосредотачивает в себе прошлый опыт высших исторических ценностей, которые формируют тензоры сознания объективности, которое отображает различные подобию сознания памяти высших ценностей мировой истории.

...

Анализируя психологический характер веры в разум, обозначенный в европейском аристократическом духе эпохи Возрождения, мы находим, что впоследствии он раздваивается на то, что развивает его чисто-аристократические прерогативы и то, что углубляется в массовое сознание. К первому мы относим философское наследие Ницше, ко второму — марксистское учение о борьбе рабов за свободу. Подобного рода симметрия патриархальной и матриархальной психологии человека, очевидно, имеет естественное происхождение в глубинах человеческой психики, когда любому человеку свойственно: как утверждать высшие ценности, так и отстаивать свою свободу ценой собственной жизни. Так, вторая мировая война показала это столкновение глубинных инстинктов человеческой души в зловещих схватках на полях сражений. Однако ясно, что речь здесь идет не только о пробуждении почти первобытных инстинктов человеческой души, но и проникновении друг в друга двух проектов развития мировой цивилизации: исчезающей, с одной стороны, и зарождающейся, с другой. Ведь в любом случае, победа оказывается за тем, кто сможет предложить человечеству полноценность человеческой души тогда, когда ее распад становится разрушительным следствием расовой катастрофы.

В формировании становления современной новой цивилизации, очевидно, участвует не один народ и не одна культурная традиция, а происходит переплавка традиций и представлений народов всего мира. Это принципиально отличает процесс ее возникновения, например, от ци-

визации христианской, когда по крайней мере существовало еще два ее самостоятельных мировых религиозных направления: исламское и буддистское, охватывающее оставшуюся часть развитых народов мира. В полном смысле слова, только современная цивилизация может полагаться «мировой», то есть максимально связывающей собой все дальнейшее развитие человечества. С другой стороны, не трудно увидеть в прошлом аналогичный процесс расовой катастрофы, протекающий в человечестве, когда гибли отдельные цивилизации, и на их место приходили варвары, развивая ее последние технологические достижения. Развитие происходило по топологии рационального «круга», который опять заканчивался истощением высших психических ресурсов развитых народов. С другой стороны, и великие религии также не были откровением одного народа, а являлись результатом длительного процесса формирования морального «договора» практически всех народов, оказавшихся в «жерновах» расовой катастрофы. Так, мы находим в христианском вероучении практически полярно-противоположные составляющие, неожиданно ставшие единством ее догматов, а именно греческую философию и иудейское откровение о богочеловеке, спасителе мира. Только вследствие мучительного компромисса различных геополитических сил в Темные Века «сплавились»: патриархальное начало греческой философии и матриархальное — иудаизма.

Анализируя рассудочную позицию Ницше в утверждении господства касты воинов (по Платону), мы находим адекватность современного исторического самосознания, которое характеризует постоянные разговоры о «ценностях» в различных социальных и политических кругах современного массового мегаполиса. Так, субъективность рассудка все-таки присутствует в современной массовой цивилизации, правда, на самом примитивном уровне, который может предоставить активность ее социально-экономической системы. В соответствии с этой минималь-

ной активностью рассудка реализуется и минимальная активность воли, которая практически полностью погружена в бессознательные влечения. Ведь, по существу, «торговцы», то есть низшая каста (по Платону), победили в массовой цивилизации, однако, поскольку чувственная непосредственность души неспособна к господству в проектировании будущего, она постоянно возвращается к вопросу о существовании «ценности». Другими словами, чувствующая душа, рассуждая языком психоанализа, ищет волю рассудка, чтобы подчиниться ее власти. Здесь воля к власти состоит в необходимости нахождения средств и методов отделения бессознательного состояния души от сознания, то есть отделения неразумной части души от хотя бы самых ничтожных проявлений проблесков разума в ней. Так реализуется аморализм морали господ по Ницше, то есть в качестве безусловного господства патриархального существа души над его матриархальной составляющей, а именно в качестве отрицания пустого социально-морального схематизма суждений. По крайней мере философия Ницше утверждает, что морально-аморальный принцип бытия существует в самом основании бытия как требование максимальной ответственности человека перед суровостью непосредственных чувств, проистекающих из сознания высших ценностей. Такого рода эстетическое созерцание, обусловленное высшей психической активностью души, безусловно, отсутствует в инфантилизме массового бессознательного, где детское представление о морали не влияет на непосредственные поступки человека. В массовом сознании мораль есть не более, чем воспоминание детства, навязчивое, мешающее работать и жить в массовом обществе. Поэтому сеть психоаналитиков и трудится для того, чтобы помочь массовому человеку избавиться от влияния этой матриархальной морали, а заодно и причастности к какому-либо разуму вообще. Проблемы морали, рассматриваемые метафизически, полагаются у Платона и Ницше основой философского мышления, получая определен-

ный онтологический статус в качестве отображения духа времени. Психоаналитически речь идет о том, чтобы сохранять в человеческой среде достаточное количество людей, воспитанных патриархальной психологией ценностей, то есть людей, которые ориентированы на высшую культуру. То, что внутренне сближает философию Платона и философию Ницше — это понимание морали как области мышления, выходящей за пределы формальных предписаний рассудка.

Фактически основной предмет философии Ницше — морально-аморальное, то есть одновременно: конец морального авторитета религиозной западноевропейской традиции монотеизма и эстетическое созерцание наступающей зловещей атмосферы Темных Веков. Понятно, что морально-аморальное, в объективно-историческом смысле этого предмета мышления, есть сознание человека в онтологическом потоке времени, когда, с одной стороны, он осознает себя частью многовековой традиции нравственного закона, а с другой стороны, осознает, что этот договор уже недействителен по отношению к разуму. Ведь в моральном договоре всегда присутствует бессознательная активность высшей человеческой психики, иначе моральный договор перестает действовать, становясь формальным договором, то есть договором рекомендательным, а не обязательным. Сам моральный договор, если мы рассматриваем его бессознательную основу возникновения, строится на выработке в душе ее высших психических импульсов, которые естественно регулируют психическую жизнь субъекта так, что бы в нем была активна его индивидуальная разумная воля. Так, моральное чувство закрепляет в сознании то, что субъективно нравится или не нравится человеку, то есть именно нравственное начало выступает здесь как основа познания мира. В таком аспекте проблемы мы должны задать вопрос: а может ли нравиться человеку интенсивное действие в глубинах его бессознательной психи-

ки инстинкта смерти? Первое чувство, которое очевидно возникает при воздействии этого инстинкта на сознание — это, как минимум, недоумение и определенная растерянность социальных чувств, поскольку их целостность и отчетливость разрушается при воздействии этого инстинкта. При воздействии высшей психики на сознание — нет того, что определяет современную социальную мораль, ведущую свое происхождение от Канта, — субъективного «вкуса». Вопрос о субъективном вкусе, как основе эстетического восприятия, не может ставиться там, где подобного «вкуса», собственно, не существует. Это состояние психики вообще не человеческое, хотя способно долгое время удерживать под своей властью человеческую душу. Подобного рода сверхчеловеческое состояние и есть условие, бессознательная предпосылка действия подлинной морали, которая существует века. В этом состоянии души на глубины подсознания начинает действовать расовая память прошлого, которая так или иначе взаимосвязана с бессознательным опытом предков. По-видимому, это и есть основа расового архетипа, то есть условие существования человечности в человеческой душе без всяких формальных договоров и рассудочных усилий. Отметим главное, подлинная человечность проявляется тогда, когда в глубинах бессознательного присутствует нечто сверхчеловеческое, что сознание отображает как наивысшую полноту бытия. Речь здесь не идет о религиозном сознании полноты, которое полно только потому, что исключает в себе рациональное сомнение, а полноту, которая содержит в себе онтологическую загадку времени. Другими словами, время здесь становится прообразом неуничтожимого начала в эстетическом отображении бытия.

...

Феномен мировой воли мы рассматриваем как множество времен, существующих в онтологической природе времени. Так, время течет в сознании человека различ-

ной цивилизации по-разному, поскольку ее онтологический принцип отображает бессознательное действие расового архетипа. И вообще, течение времени, мера его длительности есть отображение не научного измерения времени, которое всегда практически обращено к материальной или психической реальности движения, а определенная плотность памяти-воспоминания, существующего в глубинах бессознательной высшей психики человека. Память-воспоминание духа в высших психических ресурсах души, как известно, является условием неуничтожимого начала множества идей у Платона. И только это может быть единственным условием внутреннего побудительного мотива воли тогда, когда сознание человека проникнуто ощущением конечности жизни, то есть когда рассудок отчетливо осознает конец биологического существования человека. Конечно, сознание обладает «правом» и возможностью игнорировать конечность биологической жизни, особенно сознание, воспитанное и проникнутое психологической атмосферой матриархальной культуры. Ведь в последней, конечность жизни отрицается идеей неуничтожимо-«вечного» рода. Однако в патриархальной культуре высшей ценностью является разумная индивидуальность человека, а значит, эта культура не только не игнорирует биологическую конечность жизни, но и исходит из субъективного напряжения от постоянного присутствия сознания этой конечности.

Необходимо преодолеть предрассудок о существовании патриархальной и матриархальной культуры только в отдаленные исторические времена, когда сформировались первые элементы цивилизации. Его необходимо отбросить так же, как и представление о биологически-эволюционном появлении феномена расы *homo sapiens*. Поскольку мировая история имеет топологически-циклический характер, то патриархальная и матриархальная психология человека постоянно присутствуют в событиях мировой цивилизации, но в различных проявle-

ниях, отображающих специфику своего времени, а феномен высшего расового сознания *homo sapiens* есть феномен в первую очередь психологический, а не биологический. Цикл здесь протекает от одной системы высших ценностей — к другой, которые разделены почти тысячелетним интервалом исторического времени. При этом цикл, по-видимому, характеризуется полным «сгоранием» высшей психической энергии вследствие расовой катастрофы, без которой не действует разумная воля человека. Область существования расы *homo sapiens* — это психологическая атмосфера, в которой может развиваться человеческий разум. Ее существование в эпицентре активности высших ценностей определяет трансцендентальную реальность онтологической природы времени.

Когда мы рассуждаем о циклах существования расы *homo sapiens* в мировой истории, то вспоминаем об идее вечного возвращения у Ницше, поскольку феномены высших ценностей мировой истории отображают отчетливую поверхность «айсберга» присутствия этой расы в исторической реальности. По крайней мере в современном существовании мирового мегаполиса следы присутствия этой расы отсутствуют, ибо тотальная власть низших ценностей в массовом сознании характеризует ее исчезновение. Правда, осталась ее идея, к которой мы и обращаемся, поскольку это единственное, к чему может обратиться разум в момент своего возвращения из ничего, то есть когда практически ничто не указывает на его наличие в реальности человеческой жизни. Здесь мы категорически отвергаем попытку отождествлять феномен расы *homo sapiens* с линейной историей ее биологического существования в мировой истории, начиная от первобытных времен, поскольку биологизм представлений о происхождении человека, победивший вместе с эмпиризмом и поверхностным психологизмом, является тем, что существует за пределами современного исторического разума. Поэтому мы отрицаем мифологическую идею

об арийском происхождении европейской расы. Зачатки разумного духа европейской расы мы находим в формировании ее прарасового прошлого под влиянием расовой культуры египетской цивилизации, поскольку древние египтяне представляли собой расовый архетип homo sapiens в истории древнейших цивилизаций. Таким образом, прарасовое прошлое греческой культуры и, особенно, переход ее в состояние расы homo sapiens, является предметом исследования философии Ницше, в отличие от поверхностного влияния на его учения расовой арийской теории. Этот переход определяется, как известно, в исследовании дионисической мистерии, лежащей в основе др.греческой трагедии, которое характеризует исторический перелом расовой катастрофы: от почти полной зависимости от влияния египетской цивилизации др. греков — до самоопределения собственной судьбы в мировой истории. Фактически здесь следует искать подлинные рациональные предпосылки всего аморально-морального учения Ницше, в котором эстетическая диалектики аморально-морального отображает простейшие элементы формирования новой расы homo sapiens.

...

В первую очередь в вопросе существования высшего расового сознания, формирующего расу homo sapiens, мы выделяем активность бессознательных процессах человека высшей психики. Так формируется психологическое пространство человеческих коммуникаций воли, где господствует разум, а не низшие влечения души. Тензоры сознания здесь «натягиваются» высшей психикой в качестве воли, а не в качестве влечения, что характеризует сознание господства бытия духа, а не материи. Вообще, переплетение матриархальной и патриархальной культуры существовало всегда, начиная от первобытного общества и заканчивая присутствием в современной жизни массового мегаполиса, который мы полагаем доминирующей матриархальной культурой в современной цивилизации.

Здесь определена онтологическая симметрия процессов бытия. Любому человеку свойственно как обладать психической энергией влечений, так и психической энергией воли. Однако нас, в отличие от известных исследований фрейдизма в области бессознательной психики, интересуют не бессознательные влечения человека, а бессознательное действие человеческой воли. Действительно, бессознательные влечения естественны для человека в любой жизненной ситуации, определяя его быт, который складывается из обыденных представлений сознания. Но обыденные представления всегда зависят от глубинного животного инстинкта самосохранения человека, поэтому в них сознание всегда стремится обосновать жизнь с точки зрения естественности его животного существа. Совсем другие представления доминирует в сознании человека, когда в нем действуют бессознательные слои высшей психики, на основе которой формируются тензоры рационального мышления. Фактически течение мысли здесь полярно-противоположно, когда первичный психический импульс патриархальное сознание получает не из чувственного источника восприятия, а из трансцендентных слоев бессознательного, которое лишено непосредственной ассоциативной природы. Основы человечности в глубинах человеческой души не могут иметь животного основания, хотя, конечно, с биологической точки зрения человек есть животное. Разумное начало человеческой души проистекает из основы психики, которая первоначально настолько разорвана в своих первичных ассоциациях, что в своем пределе — трансцендентна. Эта разорванность духа в глубинах высшей психики и есть духовное начало бытия. Иначе развивается матриархальное сознание, которое, безусловно, также осознает некие духовные импульсы. Но эти духовные импульсы, наоборот, выступают как ощущения, длящиеся «по краям» психофизиологических процессов, поэтому ими социальное сознание пренебрегает в топологии бессознательных вле-

чений. Таким образом, если в патриархальном сознании первоначально на границе сознания и бессознательного высвечивается онтология времени как феномен рациональной психологии, то в матриархальном сознании первоначально высвечивается система социальных представлений своей эпохи как глубинная взаимосвязь рассудка и инстинкта самосохранения.

Любая философия своего времени вмещает в себя влияние как матриархальной, так и патриархальной культуры. Примером суждений патриархального морального сознания у Платона является кастовое строение идеального государства, а матриархальных моральных суждений — размышления о бессмертии человеческой души. У Ницше предметом патриархального морального сознания выступает дионисически-разрушительное в глубинах человеческой психики, то есть трагическое восприятие реальности, а предметом матриархального морального сознания — рассуждения от имени персидского пророка Заратустры. Очевидно, что матриархальные моральные философские суждения всегда находят свое массовое распространение. Идея бессмертия души Платона подготавливает, в этом смысле, основы христианской морали, а идеи о сверхчеловеке Ницше становятся базовыми для идеологии фашизма. Отбрасывая матриархальное арийское учение (оставляя его для тех, кто не обладает разумом), мы выводим свое моральное сознание из трагического субъективизма Ницше, который определяет наше собственное объективное историческое существование. Так, единственное устойчивое субъективное ощущение от современной реальности европейской культуры — это трагическое ощущение ее исторической судьбы в мировой истории. И наша задача состоит в том, чтобы этот субъективизм исторического самосознания осмыслить в качестве рациональной действительности проекта развития новой цивилизации.

Фактически с точки зрения психической энергии действия человеческой воли и человеческих влечений, ми-

ровая воля есть отсутствие полного психического равновесия бессознательного, когда постоянно доминирует то матриархальное, то патриархальное начало человеческой души. При этом матриархальные психические процессы бессознательного так или иначе социальны, в какое бы историческое время мы их не рассматривали, а патриархальные психические процессы характеризуют те или иные кастовые структуры государства. Здесь понятие «кастовое» мы рассматриваем в онтологическом смысле понимания человеческой души у Платона, то есть в качестве меры различии существа: чувства, рассудка и разума, которые пронизывают историческое прошлое всех народов, стоящих на различном уровне развития. Так, наличие разумных людей во власти характеризует уровень развития политической культуры определенного государственного устройства. Поэтому «волю к власти» у Ницше мы понимаем в русле платоновского восхождения от непосредственности чувствующей души — к ее разумному началу. Позиция сильного рассудка, по Ницше, останавливается на самой идее симметрии бытия и небытия, рассекая разорванностью духа границу между ценностями старой и новой цивилизации.

...

Наше сравнение философии Плотина с философией Ницше, которое мы полагаем фрактальным в качестве исторически-психологической атмосферы распада одной цивилизации и становления новой, в частности, строится на известных приставках «сверх», которые философы применяют для определения фундаментальных понятий своей философии. Так, известны философские понятия Плотина «сверхбытия» и «сверхсущего» и понятие «сверхчеловека» у Ницше. Для объективного исторического разума крайне важно разобраться с этими приставками, поскольку речь идет о высших достижениях философской мысли, которая разворачивается в момент расовой катастрофы. Понятие «сверхсущего» и «сверхбытия»

у Плотина отображает исчезновение разумного начала бытия в его непосредственном присутствии в человеческой душе. Разум полагается «сверх», поскольку распространяющиеся идеи христианской религии дают возможность душе, потерявшей разум, «зацепиться» за новый проект развития мировой цивилизации, то есть фактически трансформироваться в новый расовый архетип *homo sapiens*. Вероятно, это та «зацепка», которая закладывает внутренний компромисс между исчезающей патриархальной культурой античности и тотальным наступлением матриархальной культуры раннего христианства. Понятно, что исчезающая патриархальная культура античности находится в этот момент в крайнем истощении высших психических ресурсов, поэтому ее трансформирование исторически неизбежно, ибо варвары несут в себе огромные ресурсы неистраченной энергии воли. Можно сказать, что симметрия бытия и небытия постоянно восстанавливается, вероятно, за счет этой онтологической симметрии, в качестве симметрии фрактала исторического события, где действует мировая воля.

Понятие «сверхчеловека» у Ницше в первую очередь ставит ребром вопрос о различии между человеком и животным в совершенно новой, чем предшествующая ему гуманистическая традиция, русле. Он ставит этот вопрос как нахождение этого различия в установлении иерархии бессознательных основ человеческой психики, то есть фактически разрушает ту научную концепцию психофизиологических представлений, которая сложилась в качестве самой возможности полагать психические феномены исключительно чисто-человеческими феноменами. Таким образом, главное, что мы почерпнули в философии Ницше с точки зрения формирования современной рациональной психологии человека, это то, что эта психология существует только частично в чисто-человеческих феноменах сознания. Впрочем, аналогичная точка зрения присутствует и в философии Гегеля, за тем принципиальным

исключением, что Гегель утверждает, что «история закончилась», тогда как Ницше полагает, что в вечном историческом «круговращении» человеческой массы в человеческую расу история не может закончиться никогда, поскольку циркуляция психической энергии бессознательного имеет метафизическую основу своих процессов. В отличие от линейных представлений о мировой истории, где развитие человечества представляется достаточно механистичным, то есть когда полагается, что она совпадает с развитием научно-технического прогресса, топологическое представление о мировой истории исходит из неизбежности катастроф различных цивилизаций, обусловленных, в свою очередь, процессом расовой катастрофы.

В анализе понятия «сверхчеловек» у Ницше мы должны в первую очередь исходить из той исторической эпохи, в которой возникла его мысль, с одной стороны, а с другой стороны, учитывать характер времени исторических событий, проистекших с момента его эпохи. Мы также должны учитывать, что необходимо «срезать» слой матриархальной психологии, присутствующей в любой выдающейся мысли, поскольку только в этом случае мы способны «добраться» до ее изначального рационального начала. Любой социум есть комплекс различных предрассудков своей эпохи, от влияния которого в силу своей открытости не защищена даже выдающаяся философская мысль. Таким образом, мы полагаем наличие влияния арийской теории в философии Ницше, безусловно, навеянным настроениями матриархальной психологии своего времени. Ясно, что именно линейное представление об исторических процессах, а также биологизм в понимании существа человеческой расы, здесь не соответствуют разумному пониманию вообще. На этот момент обращал внимание уже Шпенглер, который и был предан за это анафеме фашистским режимом, поскольку любой социум крайне болезненно реагирует на возможность сомнения в его ценностях.

В появлении понятия «сверхчеловек» выражается невозможность классического различения человека от животного, которое ранее действовало в гуманистической традиции до Ницше. Собственно, основная рациональная нагрузка в понятии «сверхчеловек» состоит в том, чтобы заново переосмыслить различие между человеком и животным, когда это различие в пределах классической западноевропейской философии оказывается недействительным в силу линейных представлений о метафизической природе времени. Так, вся классическая история философии, начиная от Декарта и заканчивая Гегелем, постулирует вопрос о происхождении человека от божественного начала, правда, с различной мерой разработки понимания этого божественного происхождения. Разум классической философии не посягает на этот безусловный постулат, который оставляет место разуму как абсолютному «инструменту», тогда как бессознательное начало этого мышления остается во власти теологической интуиции. Ницше выносит вопрос о происхождении человека за пределы и теологической интуиции в известной формуле «бог умер», и всего известного знания и методов рационализма в представлениях о понимании начала происхождения человека. Насколько это актуально в научном понимании этой проблемы, показало наше время, когда методы клонирования человека доказывают, что происхождение его следует искать в научных методах биоинженерии. Подтверждается, в частности, феномен расовой катастрофы и теорией эволюции жизни на Земле, когда в ее истории насчитывается по крайней мере шесть глобальных катастроф, сопровождающихся тотальным вымиранием одних видов и медленным развитием новых биологических видов. Мысль Ницше учит, что сверхчеловек относится к человеку, как человек относится к обезьяне, то есть существуют настолько фундаментальные различия между «старой» расовой психологией бессознательного и новой, что она должна измеряться по интенсивности пе-

релома тысячами, а может быть, и десятками тысяч лет. Речь, по-видимому, идет об интуитивной оценке нового архетипа *homo sapiens*. Таким образом, понятие «сверхчеловек» ставит здесь заново вопрос о происхождении бытия и человека с точки зрения интуиции времени Темных Веков новой цивилизации.

Вопрос о различии старого и нового расового архетипа *homo sapiens* достаточно сложен. Он сложен потому, что следует очень хорошо понимать различия между бессознательно патриархальными и бессознательно матриархальными основами любой исторической традиции. Ведь традиция как «корабль», плывущий в океане времени, может управляться только разумом, который определяет осмысленный проект развития цивилизации. В момент гибели цивилизации, когда разума уже нет, но «корабль» еще жив, он тонет очень постепенно, поскольку традиция по инерции еще некоторое время способна существовать на основе бессознательных инстинктов матриархата. Это время, характеризующееся исчезновением старых расовых инстинктов и тотальным влиянием матриархальной психологии, характеризуется исчезновением активности воли, при условии максимальной активности влечений. Волю начинает подменять различные механизмы, цель которых — упростить человеческий труд. Здесь, безусловно, матриархальное учение марксизма достаточно отчетливо формулирует эти внутренние проблемы массового социума, в котором патриархальное начало человеческой души почти угасло.

...

Когда мы размышляем над зловещей эпохой Темных Веков, в которой мы родились и существуем, то в первую очередь нас интересует та новая интенсивность меры зла, которая полностью владеет тем, что осталось от человека, то есть матриархальной природой *quasi homo*. Вся полнота низости человеческой души, в которой разума нет, а есть только животные влечения, указывает, что действие

мировой воли отображает здесь животное-неразумное существо человека в «действии». Мировая воля «выворачивает» наизнанку эту животность как основу повседневного образа жизни человека, где зло растворено естественно и, что самое поразительное, является источником всеобщей активности массовых инстинктов. Множество средств массовых коммуникаций «обволакивают» в нечто абсолютно единое эти тени варваров, существующих за пределами истории разумных событий, но крайне активных, крайне болтливых и энергичных в своей бессмысленной суетливой деятельности. Создается впечатление, что они как бы «танцуют» некий первобытный мистический танец смерти, который сквозит в бессознательных движениях этой варварской души. Есть в этом «танце» что-то родственное африканским первобытным танцам, за тем лишь исключением, что в африканских танцах ощущается что-то абсолютно психически-здоровое, тогда как здесь, наоборот, психически-ущербное и в целом ненормальное для полноценной человеческой души. Возможно так психологически воспринимались варвары разумом в Темные Века, когда они блуждали своими ордами и массами по разрушенной Римской империи, цепляя на себя одежды римских сенаторов.

Вообще, когда мы размышляем над судьбой русской нации, то аналогом исторических событий является, например, судьба франков после нашествия норманнов, когда орды норманнов стали постепенно разлагаться в прарасовой среде франков. Аналогично и существование большевистской орды, этого различного рода человеческого сброда крайне низкого качества, который постепенно разложился в матриархальной советской культуре до формирования советского типа человека. Так, расовая катастрофа, по-видимому, характеризуется разложением подражательного расового «ядра», которое в течение длительного влияния впитывает в себя опыт всех исторических цивилизаций. Но современная коллизия россий-

ской цивилизации является самой острой и драматичной в истории существования, что вызвано несколькими геополитическими факторами. Первый фактор состоит в том, что реально, с точки зрения нравственного влияния на непосредственный образ жизни человека разума, западноевропейская культура закончила свое существование, перейдя в состояние медленного инерционного распада во власти матриархальной культуры массового мегаполиса. Второй фактор состоит в том, что российская цивилизация оказалась в эпицентре мировой расовой катастрофы в европейской цивилизации, то есть понесла наибольшие потери с точки зрения наличия в своем генофонде наиболее качественного человеческого материала. Наконец, основной, третий фактор состоит в том, что в истории российской цивилизации разумный человек никогда не имел собственной культуры, то есть среды психологических коммуникаций, определяющих его объективное существование. С точки зрения циклических процессов мировой истории, речь, следовательно, идет о том, что задача реального объединения разумных людей в Темные Века истории является самой сложной цивилизационной задачей на всем протяжении ее существования.

Как бы ни была далека эпоха Темных Веков в известной гегелевской концепции мировой истории, для нас она оказалась непосредственной реальностью повседневного образа жизни, в котором отсутствие коммутиционных связей действия объективного исторического разума характеризует существование варварского государства. Наивно полагать, что люди Темных Веков, живших в древних восточных цивилизациях или в самой ближайшей к нам, в западноевропейской цивилизации, ничего не делали, чтобы заложить фундамент рациональной культуры, в которой они жили. Просто присутствие их сложно заметить в силу того, что их окружало население крайне деморализованное, доведенное до безвольной тупости животного существования, находящееся в состоянии пси-

хопатии и слабоумия. Понятны причины такого массового тяжелого психического состояния людей, как в начале формирования западноевропейской цивилизации, так и в СССР и на постсоветском пространстве. Главная причина состояла в том, что здесь протекал процесс глобальной перестройки бессознательного расового архетипа *homo sapiens*, выдержать который без сильных потрясений способна не всякая человеческая психика. Именно поэтому мы находим в советской культуре море женской истерии в состоянии болезненного душевного подъема, особенно в первые десятилетия доминирования большевистской орды на развалинах Российской империи. Следует заметить, что руины старой патриархальной культуры долго еще тлеют в бессознательном существе человеческой души, но они уже неспособны вырабатывать высшие ресурсы психики, поскольку природа зла оказывается иной, чем она понималась в сознании старой традиции.

...

Сознание зла, которое существует в той или иной моральной традиции истории, если его перевести на психоаналитический язык, есть мера понимания материи в той или иной степени человеческого понимания. Эта сила противостоит духу, то есть противостоит патриархальному сознанию как небытие духа. Первым интуитивно почувствовал эту новую природу зла Шопенгауэр, который противопоставил линейному течению потока времени как религиозной монотеистической традиции, так и веры в научно-технический прогресс, гераклитовскую интуицию времени как онтологического процесса бытия. Злая мировая воля Шопенгауэра есть становление материи в топологических тензорах сознания. Таким образом, кризис современной мировой цивилизации обусловлен другим пониманием материи, чем это было в мифологии монотеизма и в механистическом представлении в началах западноевропейской классической науки. Ведь моральное — это не просто формальный кодекс взаимоотношений

людей и их нравов, а в первую очередь понимание живого и неживого, то есть понимание духа и материи в их субстанциональной основе бытия. Именно так мы должны понимать субъективную оценку Шопенгауэра «злая» мировая воля, то есть как существо материи, которая трансцендентна так же, как и дух. Такого рода трансцендентность материи была хорошо знакома греческим математикам и философам, которые, собственно, и не могли создать механистической физики, поскольку античное представление о материи отрицало возможность существования абсолютного пространства и времени. Однако современная теоретическая физика во многом возвращается к античной интуиции материи в качестве представления о поле, о трансцендентном континууме, который измеряется определенными математическими тензорами. Если рассматривать моральные рассуждения как наивные интуиции представлений о материи в начале формирования морального договора, который обсуждается на заре новой цивилизации, то тогда становятся понятными рассуждения Шопенгауэра о злой мировой воле, то есть интуиции сознания процессов Вселенной, протекающих в качестве не столько механической материи, сколько определенных фрактальных полей этой материи. Другими словами, такого рода представления о материи требуют такого же трансцендентного языка описания, как и духовная реальность. Но главное, конечно же, состоит в том, что эта материя на ранней стадии формирования начал цивилизации, обладает не меньшим, а может быть, и большим могуществом, чем дух, поскольку осознание духа происходит только тогда, когда более или менее осознаны законы Вселенной. В этом, собственно, и состоит сущность всякой метафизики.

«Зло», можно сказать, проистекло как материально-феноменальная сущность времени полностью в мировой цивилизации, то есть механическая картина Вселенной, с ньютоновским богом, стала наивной, и в этом смысле

наивность, или, можно сказать, инфантилизм старой метафизики требует переосмысления из-за возможности опоры человеческой воли на нее. Воля, в отличие от влечения, требует отчетливости и осознанности современной физической картины мира. Не случайно поэтому великая немецкая школа философской мысли заканчивается не на Гегеле, а на Ницше. С другой стороны, инфантилизм старой физической школы мысли вполне становится доступным матриархальному сознанию, когда вождь большевистской орды, Ленин, самоуверенно рассуждает и о философии Гегеля, и о физике Маха именно с позиции эмпирически-механической картины мира. Все эти орды и массы становятся активными в мировой цивилизации именно тогда, когда моральные чувства людей попадают в полную зависимость от инфантильных влечений матриархальной психологии. Но именно тогда история и начинает восприниматься не как история мирового духа, а как история мировой материи, поскольку воля в эти эпохи безвременья начинает отождествляться с движением влечений матриархальной души, а разум — с изворотливостью хитрого, но крайне примитивного человеческого рассудка, господствующего над массовой душой.

Объективно-рациональная сущность европейского нигилизма есть метафизическая равноценность трансцендентного начала одновременно и материи, и духа, то есть онтологически-феноменальное начало времени. Это начало отображает невозможность сильного рассудка оперировать моральной иллюзией традиционных представлений, когда в них реально уже отсутствует патриархальное начало духа. При этом морально-недоразвитые люди вполне довольствуются изучением мировой материи, то есть научным изучением Вселенной тогда, когда объективно разумное начало в этом изучении отсутствует. Вся эта многочисленная армия современных ученых потому и не дает великих имен, что действие мощи и силы человеческого разума в современной науке стремительно ис-

чезает после второй мировой войны. «Великие» же имена находятся всегда и везде, вопрос лишь состоит в том или ином понижении уровня рациональной культуры, или вообще о его объективном отсутствии.

Размышляя над метафизической сущностью исторической морали не в ее массово-матриархальной, а в ее патриархально-расовой основе, мы приходим к выводу, что она отображает в сознании человека уровень понимания в определенную историческую эпоху существа материи и духа. Здесь мы не обсуждаем качество этого понимания, поскольку ясно, что оно кардинально различается, например, в представлениях ранних христиан и представлениях поздней средневековой схоластики. Нас интересует в первую очередь характер исторического времени, отображающийся в этих представлениях о материи и духе.

...

Варварство, как мы полагаем, есть состояние доминанты чувствующей души, в которой рассудок лишен активности влияния высшей психики. Подобного рода рассудок способен достигать выдающихся результатов, например, в науке, но великой научной мысли он не способен произвести, поскольку великая научная мысль требует определенного благородства человеческой души. Именно поэтому в советской научной школе мысли всегда было более чем достаточно ученых среднего и выше среднего уровня, но никогда не было ученых, которые бы обладали великой мыслью. До 17-го года, когда российская цивилизация во многом определялась влиянием религиозного пространства ценностей, небольшие «островки» мысли, касающиеся великой науки, все-таки существовали. Здесь достаточно назвать имя Менделеева. Но после 17-го года эти «островки» исчезают, хотя средний и выше среднего научный уровень, можно сказать, бил все рекорды в силу культового отношения к научному знанию в марксистской идеологии. Так, великая научная мысль форми-

руется в первую очередь рациональным проектом мировой цивилизации, и именно поэтому она концентрируется в 20-ом веке в Германии, как перед приходом фашистов, так при их власти, а после падения фашистского режима почти полностью угасает. С другой стороны, американская наука всегда развивалась эмигрантами, которым здесь создавали все условия, но сама не могла создать ничего. Ее расовое основание является самым рыхлым из всех европейских народов, то есть в наименьшей степени определяется процессами высшей психики, а значит, не может выражать каких-то метафизических моментов, всегда касающихся фундаментальных основ науки. Высокий уровень гражданского общества достигался и достигается здесь за счет исключительных усилий поверхностного рассудка, в которых высшая психика является «законсервированной», то есть направляется на те области деятельности, где ее присутствие должно быть минимальным: экономическая деятельность, новые технологии так далее. Этим «подпитывается» последний «каркас» внутренней взаимосвязи западноевропейской цивилизации, в которой разума нет, но существует исключительная сила инерции ее распада.

Проблема формирования морального пространства в современной российской цивилизации состоит в необходимости определения позиции сильного рассудка, а на его основании — действия разума. В противном случае варварство будет основой повседневной жизни российской цивилизации, поскольку чувствующая душа берет здесь свои начала в психической коллективной энергии большевистской орды. И дело здесь не только в очевидной дикости человеческих лиц, на которых отображается варварство бессознательных движений души, а в бесконечном множестве мелочей, указывающих на это объективное варварство в самой повседневности жизни. То, что этот факт не заметен для массового человека, объясняется мощной индустрией массовой культуры по пода-

влению разума в душе, то есть отсутствием элементарно-критического отношения к исторической реальности. Переход от состояния варварства чувствующей души, которое всегда характеризует Темные Века начала новой цивилизации, к позиции рассудка, безусловно, предполагает, что этот рассудок обладает современной рациональной картиной реальности. Эта картина должна быть эстетически воспринимаема, а для подобного восприятия, в свою очередь, необходима достаточная активность бессознательной высшей психики. Именно здесь существуют большие проблемы в современной российской цивилизации.

О происхождении эстетического созерцания, в сознании человека, насколько нам известно, больше всего сказал Платон. Именно его философия описывает «технику» обнаружения идей в сознании, которую он дает в известной притче о тенях идей в пещере. Так, речь, собственно, идет о психоаналитической трансформации состояний человеческой души, которая, освобождаясь от непосредственности чувственного восприятия, переходит в состояние созерцания чистых идей. Очевидно, что западноевропейская школа мысли, начиная со средневековой философии, искала в философии Платона в первую очередь сверхчувственное как таковое. Однако подобный подход к Платону актуален только для религиозного монотеистического созерцания и для позитивистских представлений философии, для которых основной целью было найти и утвердить наиболее монотонные психические процессы, чтобы обосновать сознание линейного течения времени. В действительности же мысль Платона обладает внутренней топологической структурой нелинейных психических состояний души, на которые указал Шопенгауэр. Суть этих нелинейных психических состояний состоит в понимании и материального и духовного как трансцендентной сферы реальности, когда материя также сверхчувственна, как и дух. Поэтому симметрия этого сверх-

чувственного восприятия не имеет никакого отношения ни к религиозному представлению о духе, ни к позитивистскому представлению о триаде: чувства, рассудка и разума. Подобная сверхчувственность восприятия более всего близка нигилизму Ницше.

Когда мы проводим фрактально-историческую параллель между философией Платона и Ницше, то имеем ввиду, что непосредственное восприятие человека настолько меняет свои основы после работы высшей психики, что не может узнать своего первоначального образа. Другими словами, сверхчеловеческое, открывающееся в сознании после этой психоаналитической работы, «не узнает» человека, от которого, первоначально, был получен психический бессознательный импульс. Есть эта принципиальная техника «получения» рационального знания и у Лейбница, правда, на основе позитивистского языка математического аппарата дифференциального и интегрального исчисления, где экстремальные кривые топологии онтологических свойств бытия аппроксимируются линейными свойствами касательных. Но все-таки взаимосвязь философии Платона с Ницше глубже, поскольку эстетически-объективный тензор «ничто» у Ницше указывает на максимально глобальный метафизический пересмотр именно механической картины мира, когда механические процессы восприятия оказываются недействительными в силу более сложной природы материи. В достаточной мере можно утверждать, что философия Ницше восстанавливает сакральное ощущение топологических свойств материи, а значит, необходимо требует глобального пересмотра традиционных представлений о морали. Доказательством подобного рода сакрального отношения к существу материи в 20-ом веке продемонстрировали коммунизм и фашизм, за тем лишь исключением, что фашизм, в отличие от коммунизма, интенсивно искал новые патриархальные начала человеческого духа. Таким образом, глумление над традиционными моральными

ми ценностями, которые демонстрировала большевистская орда и фашистский режим, отображают «естественное» втягивание человечества в начала новой цивилизации, поскольку патриархальное начало, связанное с линейным представлением о природе времени, оказалось метафизически недействительным.

Размышление Платона о «пещере», в которой находится непосредственно чувствующая человеческая душа, предполагает, что разум человека в состоянии максимальной активности низшей психической энергии влечений практически отсутствует. Такое состояние психики можно полагать «спасительным» состоянием матриархальной культуры, причем не принципиально, в каком виде проявляется эта матриархальная культура: в непосредственно религиозном сознании или в вере в науку.

Ощущение мрака, которое характеризует психическое состояние человеческой души в момент исчезновения внешних ассоциаций чувственного восприятия, о которых рассуждает Платон, является первым моментом заполнения высшей психической энергией подсознания субъективных мотиваций и поступков. Здесь непосредственность влечений исчезает, поскольку материя начинает восприниматься не как «великая мать» природной полноты жизни, а как зловещая пустота духа, лишенная реальности сознания, как тотальная метафизическая сила бессознательного течения времени. Так, собственно, время — в бессознательном ощущении — созерцается как невидимая полнота духа, которая заполняется только при условии наличия какой-то разумной активности души. Именно разум формирует архитеконику бытия онтологического ритма времени, отображающегося в идеях Платона. В этом смысле низшие ценности определяют все то, что существует за границей бытия. Вообще, течение времени в зловещей пустоте отсутствия материи есть мировая воля Шопенгауэра, которую он выводит из платонизма как полноту множества движений то-

пологических фракталов реальности. То, что Шопенгауэр исходит из матриархального, а не патриархального начала души, и характеризует оценку «злая», поскольку Ницше уточняет эту динамику полноты объективных фракталов исторического времени с позиции патриархального духа как субъективную ценность. Ведь мужество мыслящего духа — это, можно сказать, наивысшее достижение философии Ницше, которое возвращает историю философии к ее аристократизму, чей опыт прервался после классической греческой философии. И это мужество, конечно, необходимо отделять от разного рода матриархальных рассуждений-метафор его Заратустры.

Известно, что свет идей, который проявляется через откровение разумной души, у Платона отождествляется с наивысшим благом, когда мрак пещеры исчезает. Не трудно понять, что мрак пещеры — это и есть современное представление о материи, имеющее ту и иную научную основу. Но метафизическое понимания бытия требует испытать не только весь бескрайний ужас первородной материи, его разрушительно-сакральную основу, но и безусловный момент созидания духовного начала бытия. Другое дело, что процесс созидания, протекающий в онтологических феноменах времени, никогда не сводится только к чисто-человеческому разуму, необходимо указывая в существе разума на его сверхчеловеческую основу. Именно в силу онтологического принципа времени, субъект-объектная основа разумной души «размыта» топологическим многообразием метафизических фракталов реальности, то есть трансцендентных структур, где сопрягается и сакральное начало материи и сакральное начало духа. Таким образом, под «добром», очевидно, Платон понимает отнюдь не формальные человеческие заповеди, подобные моральным законам христианской религии, а прямо-противоположное, непрерывный процесс «спасения» человеческой мысли, постоянно теряющей взаимосвязь с разумом в силу воздействия на душу

бессознательного животного существа. Все, что остается здесь от животного начала человеческой души, — это постоянный процесс ее разрушения (эманация), которая отображает эстетическое созерцание множества эманаций объективных фракталов духа, которые суть непрерывное «круговращение» времени из духовного основания бытия в его материальное многообразие, и наоборот. Фрактальное подобие элементов идеи у Платона, можно сказать, указывают на симметрию сакрального начала материи и сакрального начала духа, отображающие сознание в качестве онтологического потока времени в движении мировой воли.

...

Метафизическая основа исторического события отображает наличие в себе патриархального духа, который действует как разумная воля. Ясно, что действие разумной воли человека не имеет никакого отношения к процессам, протекающим в современном массовом мегаполисе, когда разум отчетливо осознает, что, собственно, в массовой цивилизации ничего не происходит, что можно назвать «историческим» событием. Любое историческое событие так или иначе должно указывать на мужество человеческого духа, остающегося наедине с живым опытом мировой истории. Но о каком мужестве духа и какой взаимосвязи с мировой историей может идти речь в социально-экономических процессах современного массового мегаполиса? Современным поверхностным рассудком было много сказано о «конце» мировой истории, то есть фактически об утрате разумного образа жизни человека в массовой цивилизации. При этом матриархальная психология человека не особенно озабочена этой проблемой, поскольку весь образ жизни и все субъективные мотивации массовой души заполнены интенсивной активностью влечений. Семья, профессия, разнообразие самых ничтожных массовых интересов, обусловленных активностью массовой цивилизации, формируют гу-

манитарного идиота, то есть человека практически никак не отличающегося от животного своей бессознательной психической активностью, то есть quasi homo. Там, где действует тотальная активность интенсивности бессознательных влечений, места воле нет, поскольку воля естественно пресекает эти влечения бессознательными движениями высшей психики, подавляя их.

В метафизическом понимании начал воли мы должны осознавать, что воля глубоко бессознательно взаимосвязана с ощущением в человеческой душе исторического времени, из которого проистекают различные мотивации человеческой жизни. Известное суждение Шпенглера о том, что человек как животное не знакомо с историческим чувством времени, вполне объясняет современную психологию quasi homo, которая почти лишена активности высшей психики. Ясно, что проект будущей мировой цивилизации предполагает совершенно новые структуры, способные вырабатывать новый опыт расовой психической энергии бессознательного. Какие это будут структуры, мы не знаем. Мы только можем почти точно сказать, что они не будут никак связаны с современными религиозными институтами, поскольку за полтора-два тысячелетия высшая психическая расовая энергии сжигается разрушительными движениями воли, требуя глобальной перестройки расового архетипа человека.

Григорий Веков

ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕНИ

Дополнительную информацию можно получить
на сайте ООО «Книга по Требованию» по адресу
www.letmeprint.ru или по телефону +7 (495) 639 91 95